

М. Л.
МИХАЙЛОВ

М. Л. МИХАЙЛОВ

17-69
В

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Редакция, биографический очерк
и комментарий Н. С. Ашукина

ЧИТ. ЗАЛ

264/55
1783

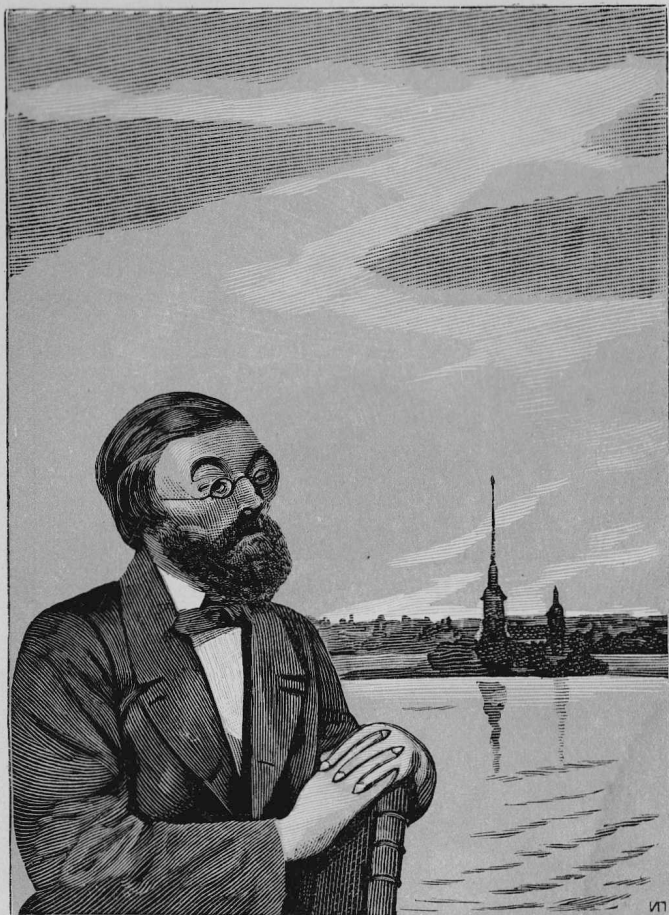

г. Комсомольск н/А
ЦГБ им. Н. Островского
КНИГОХРАНЕНИЕ

Центр. Гор. Библиотека
А. И. ОСТРОВСКОГО
г. Комсомольск

Проверено 195 г.

*Фронтиспис, суперобложка, титульные
листы, заставки – гравюры на дереве И. Н.
Павлова, переплет по его же рисунку*

ОТ РЕДАКТОРА

Михаил Ларионович Михайлов — один из выдающихся русских поэтов — принадлежит к числу несправедливо обиженных историей литературы. В пятидесятых годах он был широко известен как блестящий поэт-переводчик; особенно были известны его переводы из Гейне. Глубокий знаток иностранной поэзии, он первый познакомил русских писателей со стихами Томаса Гуда, Лонгфелло, Морица Гартмана, Тениссона, из которых многие, как, например, «Белое покрывало» Гартмана, «Песня о рубашке» Томаса Гуда и «Гренадеры» Гейне, получили самую широкую популярность. Тем не менее имя поэта Михайлова забыто настолько, что даже наиболее удачные переводы его заминались без имени переводчика, а оригинальное стихотворение «Смело, друзья, не теряйте», ставшее революционной песней, совершенно утратило имя автора и получило ряд наслоений—результат коллективного творчества. Нередко имя М. Л. Михайлова многие смешивали с псевдонимом, под которым писал А. К. Шеллер. И уже совершенно забыт Михайлов как беллетрист и публицист. Причина этого забвения — не равнодушие читателей, а жестокость царского правительства, мстившего Михайлову за революционную прокламацию «К молодому поколению». С момента ссылки Михайлова в Сибирь имя его стало запретным и надолго исчезло из печати. Оно оставалось под запретом и спустя много лет после его смерти в Сибири. Цензура упорно не разрешала издания книг с именем «государственного преступника». Естественно, что с течением времени имя Михайлова забывалось все больше и больше.

Самому Михайлову не пришлось наблюдать за печатанием собрания своих переводов, об издании которых он

мечтал и которое только успел приготовить к печати. Запрещенная цензурой в России, книга вышла в 1862 году в Берлине, когда автор ее уже был в Сибири. Как издание нелегальное, книга эта широкого обращения в России не получила и славе Михайлова могла способствовать слишком мало.

Было запрещено и предано сожжению и другое издание переводов Михайлова, изданное в 1866 году под редакцией Н. В. Гербеля.¹ Только с 1914 года в издании А. Ф. Маркса начало выходить под редакцией П. В. Быкова полное собрание сочинений Михайлова. Издание это осталось незаконченным; полным же называться оно ни в какой мере не может, так как, по плану редактора, в него не должны были войти публицистические статьи Михайлова, не вошло значительное число оригинальных и переводных стихотворений (отчасти по цензурным условиям дореволюционного времени), не вошла бы, вероятно, полностью и художественная проза Михайлова. Тем не менее нужно отдать все должное редактору этого издания, П. В. Быкову, много потрудившемуся над собиранием текстов Михайлова, затерянных в старых журналах и сборниках (им впервые были собраны стихотворения оригинальные), и снабдившему первый том обстоятельным биографическим очерком поэта и обширным библиографическим указателем всего им напечатанного. Можно сказать, что со времени этого издания имя Михайлова было вырвано из забвения. Однако и до сих пор (кроме нескольких статей главным образом биографического характера) в области изучения Михайлова поэта и беллетриста почти ничего не сделано.

¹ П. В. Быков называет это сожженное издание многотомным, содержащим не только стихотворные, но и прозаические произведения Михайлова. Однако в делах цензурного ведомства не сохранилось никаких следов об издании сочинений Михайлова в нескольких томах; сожжено было однотомное издание книгопродавца Звонарева, напечатанное в 1866 году под редакцией Н. В. Гербеля и содержащее только стихотворные переводы. Издания Михайлова 1866 года в нескольких томах не имеется ни в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина ни в Публичной библиотеке СССР им. Ленина.

Смеем надеяться, что настоящее полное собрание стихотворений Михайлова, как переводных, так и оригинальных, подвинет изучение поэтического наследия выдающегося русского поэта-революционера. Известный как поэт-переводчик, Михайлов, в силу многих причин, не успел заявить о себе как об оригинальном поэте. Целый ряд впервые публикуемых нами оригинальных стихотворений Михайлова дает возможность судить о том, по какому руслу пошло бы его поэтическое творчество. Социальная лирика, насыщенная пафосом революционной борьбы, острая политическая сатира — вот те основные жанры, которые только начал разрабатывать Михайлов в последние годы своей жизни. Убитый, по выражению Герцена, самодержавием, Михайлов не смог осуществить в полной мере всех своих поэтических замыслов. Но в том немногом, иногда незавершенном, что дошло до нас, — истоки подлинной революционной поэзии.

Главной целью, которую мы поставили себе, редактируя настоящее издание, было: дать полное собрание всех стихотворных текстов Михайлова, по возможности критически проверенных. Взяв за основу наиболее полное из предшествующих нашему изданию — издание под редакцией Быкова, мы, на основе его библиографических разысканий, отчасти дополненных нами, сверили все тексты с первопечатными, равно как и с позднейшими публикациями, как в периодической печати, так и в отдельных авторитетных для нас изданиях: в «Песнях Гейне» в переводе Михайлова, 1857 года, берлинском 1862 года и под редакцией Гербеля 1866 года (издание 1890 года, являющееся перепечаткой издания под редакцией Гербеля, а также издание 1915 года — приложение к журналу «Пробуждение», являющееся неполной перепечаткой издания под редакцией Быкова, — во внимание приняты не были). Разумеется, что печатные тексты были сверены и со всеми дошедшими до нас доступными нам рукописями — автографами или авторитетными копиями. Таким образом, установив историю текста каждого стихотворения как рукописного, так и печатного, мы решали вопрос о выборе той или иной редакции.

В большинстве случаев мы печатаем последние прижизненные тексты, опубликованные самим поэтом. Михайлов был тем «взыскательным художником», который неустанно стремился усовершенствовать «плоды любимых дум»; он не однажды возвращался к своим уже напечатанным стихам и перерабатывал их иногда до неузнаваемости; особенно это относится к его юношеским переводам, сделанным еще неопытной и нетвердой рукой начинающего поэта и впоследствии, через много лет, коренным образом переработанным. Разумеется, что в тех случаях, когда последний прижизненный текст был искажен вмешательством цензуры, мы восстанавливали, если давал возможность автограф, тот первоначальный текст, который отвечает намерениям автора.

Что касается до полноты нашего издания, то понятие о ней могут дать следующие цифры: в последнее издание Михайлова под редакцией Быкова вошло 456 стихотворений, в наше — 529, т. е. текст увеличился на 73 стихотворения, из которых 36 переводных и 30 оригинальных печатаются впервые, а 7 стихотворений, ранее опубликованных, у Быкова отсутствуют.

Стихотворения, публикуемые по рукописям, хранящимся в Институте русской литературы Академии Наук СССР, приготовлены к печати сотрудником института С. А. Переселенковым.

Все печатаемые нами тексты разделены на два отдела: 1) переводы и подражания и 2) оригинальные стихотворения. В этом мы руководились следующими соображениями: основную и большую часть поэтического наследия Михайлова составляют переводы, оригинальные же стихотворения, по сравнению с переводными, немногочисленны и не составляют основной линии поэтической работы Михайлова, который не успел, хотя имел для этого все данные, в полной мере выявить себя как автор оригинальных стихотворений.

Распределение всего материала на два названных отдела удобно еще и в том отношении, что дало возможность в распределении стихотворений переводных сохранить в основ-

ном ту общую композицию, которую выработал для отдельного издания их сам Михайлов и которую в письме к Шелгуновым из Петропавловской крепости наметил в следующем виде: I. Подражания восточным. II. Из английских поэтов. III. Из немецких поэтов. IV. С венгерского. V. Из славянских поэтов. VI. Народные песни. По этому авторскому плану материал и был распределен в берлинском издании 1862 года. Но, поскольку Михайлов подготавливал издание сборника своих переводов, а не их полное собрание, он не включил в план переводы из древне-греческих и французских поэтов, добавленные впоследствии Гербе-лем, а затем Быковым, который, кроме того, включил раздел переводов из неизвестных авторов. Мы в своем издании принимаем в общем распределение, данное Быковым, переместив лишь некоторые стихотворения, согласно плану Михайлова, в раздел народных песен; сохраняем мы и раздел переводов из неизвестных авторов, так как для того, чтобы установить, кому принадлежат эти стихотворения, потребовались бы специальные и длительные разыскания, осуществить которые мы не имели возможности.

Стихотворения оригинальные мы печатаем в общей хронологической последовательности, отвергая деление Быкова на стихотворения зрелых лет (1856 — 1863) и стихотворения юношеские (1845 — 1849), печатаемые им в приложении, так как единая хронологическая цепь дает картину поэтического и социального роста поэта. Отсутствие автографов для огромного большинства оригинальных стихотворений Михайлова заставляет датировать их временем их первого появления в печати, а отсутствие датировок в сохранившихся автографах вынуждает датировать многие стихотворения, печатаемые впервые, предположительно. Печатаая стихотворения в хронологическом порядке, который совершенно не выдержан Быковым, мы, естественно, располагаем их в иной, нежели у него, последовательности.

Несколько стихотворений, сохранившихся в не вполне обработанном виде, мы сочли возможным, чтобы не создавать нового раздела, напечатать в общей хронологической цепи.

Все тексты печатаются по новой орфографии. В единственном случае (в стихотворении «Н. В. Шелгунову») сохранена старинная форма родительного падежа с окончанием «я» («новые кожи»). Пунктуация в нашем издании — общепринятая, современная, но мы старались, по возможности, сохранить характерное для Михайлова частое употребление точки с запятой, вместо точки, и тире или тире с запятой.

Издание, редактируемое нами, впервые дает комментарий к стихам Михайлова. Предшествующие издания (Гербея и Быкова) дают только библиографические перечни всего напечатанного Михайловым. В нашем комментарии мы даем библиографическую историю каждого стихотворения, приводим все варианты по рукописям и печатным источникам, а также все примечания самого Михайлова, имеющиеся в первоначальных публикациях или в рукописях; в качестве примечаний к переводным стихотворениям приведены извлечения из некоторых статей Михайлова, дающие характеристику переведенных им поэтов. Таким образом комментарий наш — главным образом текстологический. Мы сознательно сузили рамки своего комментария к переводам, так как иначе нам пришлось бы комментировать уже не Михайлова, а Гёте, Шиллера, Гейне и других поэтов, которых он переводил. Только к стихотворениям оригинальным мы даем, помимо текстологического, комментарий историко-литературного и биографического характера, но лишь в тех случаях, когда это необходимо для полного понимания текста. Кроме того, в комментарии даны переводы с иностранных языков отдельных слов и выражений, встречающихся в тексте.

Объяснение имен личных и географических, слов устаревших, вышедших из употребления, терминов и выражений, связанных с религиозными культами и т. п., из общего комментария выделено в особый словарь, приложенный в конце книги.

Необходимо еще отметить, что в литературе о Михайлове было общепринято написание его отчества «Ларионович». Так большей частью писал и он сам; на прижизненном из-

дании «Песни Гейне» обозначено: в переводе М. Л. Михайлова. Лемке, указывая («Политические процессы в России 1860-х годов»), что сокращение «Ларионович» в роде сокращения «Катерина», всюду пишет «Илларионович». Мы снова восстанавливаем традиционное написание «Ларионович»: с этим отчеством Михайлов уже вошел в литературу; буквами М. Л. М. подписаны многие стихотворения Михайлова, напечатанные после его смерти: «Ларионович» называли его и так писали близкие его друзья, как, например, Шелгунов. Правильное же написание «Илларионович» звучит той церковно-славянской торжественностью, которая совершенно чужда и несвойственна всему облику и творчеству поэта-революционера.

В заключение считаем долгом выразить благодарность С. А. Переселенкову, который не только приготовил к печати неизданные тексты Михайлова, о чем было упомянуто выше, но и дал к большинству из них комментариев, а также облегчил нам труд по сверке печатных текстов с рукописями, хранящимися в Институте русской литературы. Считаем также долгом выразить благодарность за некоторые ценные указания и справки Н. Ф. Бельчикову, И. И. Соколову, А. А. Шилову и Е. В. Базилевской, обследовавшей архивы Петербургского цензурного комитета и Главного управления цензуры.

Н. Ашукин

Июль 1933 г.

М. Л. Михайлов
С фотографии

МИХАИЛ ЛАРИОНОВИЧ МИХАЙЛОВ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

I

В «Семейной хронике» С. Т. Аксакова рассказывается о жестоком и буйном помещике Михайле Максимовиче Куролесове. Этот Куролесов — живое лицо; настоящая его фамилия — Куроедов; женат он был на Надежде Ивановне Аксаковой (в «Хронике» — Прасковья Ивановна Багрова). За свое жестокое обращение с крепостными Куроедов был отравлен дворовыми людьми. «Без сомнения, — пишет Аксаков, — скоропостижная смерть Куролесова повела бы за собой уголовное следствие, если б в Парашине (имении Прасковьи Ивановны) не было в конторе очень молодого писца, которого звали также Михайлом Максимовичем... Этот молодой человек, необыкновенно умный и ловкий, уладил все дело... Впоследствии он был поверенным, главным управителем всех имений и пользовался полной доверенностью Прасковьи Ивановны. Под именем Михайлушки он был известен всем и каждому в Симбирской и Оренбургской губерниях. Этот замечательно умный и деловой человек нажил себе большие деньги, долго держался скромного образа жизни, но, отпущенный на волю после кончины Прасковьи Ивановны, потеряв любимую жену, спился и умер в бедности. Кто-то из его детей, как мне помнится, вышел в чиновники и, наконец, в дворяне».

Бытописатель патриархально-помещичьей жизни передал здесь не всё в достаточной мере точно. Михайлушка, который в крепостном состоянии «держался скромного образа жизни», спился после смерти своей жены не потому,

что был отпущен на волю), не от баловства, а потому, что полученная им вольная не была оформлена, и это обстоятельство сделало жизнь его трагической.

После смерти Надежды Ивановны Куроедовой наследники ее, воспользовавшись тем, что вольная не была законным порядком оформлена, снова закрепили Михайлушку в числе других куроедовских крестьян, тоже получивших волю. Михайлушка, хорошо знавший законы, протестовал против своего вторичного закрепощения. За протест его заключили в острог, судили и высекли как бунтовщика, отчего он и умер. Весьма вероятно, что во время судебной волокиты, добиваясь правды и не находя ее, Михайлушка запил, горько обиженный судьбою, но совсем не оттого, — как выходит по объяснению Аксакова, — что избаловался па воле.¹

Сын Михайлушки — Ларион Михайлович — еще при жизни отца «вышел в люди». В 1808 году, шестнадцати лет, он поступил на службу копиистом в Симбирское губернское правление (в официальных документах он был записан происходящим из отпущенников). Унаследовав от отца ум и деловитость, он довольно скоро выделился среди мелкого чиновничества: через семь лет после поступления на службу он уже был столоначальником, а позднее стал получать различные ответственные поручения.² Чувствуя недостаток своего скудного образования, Ларион Михайлович убедил некоторых из своих сослуживцев пригласить учителя местной гимназии М. М. Карниолин-Пинского давать им уроки. Занятия с учителем значительно расширили круг познаний Лариона Михайловича, который всегда «вспоминал о нем с каким-то благоговением. Он приписывал ему пробуждение в себе серьезной мысли, любознательности и здравых понятий о значении образования».³ Через много лет сыну Лариона Михайловича — поэту—

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М. — П. 1923, стр. 94.

² В. Минковский. М. Л. Михайлов. «Голос минувшего» 1915, IX, стр. 8—9.

³ М. Ил. Михайлов. Записки. 1861 — 1862. Редакция и вступительная статья А. А. Шилова. П. 1922, стр. 73.

суждено было встретиться с этим Карниолин-Пинским, дослужившимся до звания сенатора, при совершенно иной обстановке.

Здравый ум, деловитость и честность помогали Лариону Михайловичу довольно быстро подниматься по ступеням служебной лестницы. Он был назначен в город Буинск надзирателем за казенными доходами «по случаю чрезвычайного упадка питейных сборов» вследствие непорядков и злоупотреблений. С этим же поручением он был переведен в Сызрань, а затем в Уфу. С 1826 года Ларион Михайлович уже прочно обосновался в Оренбурге, где сначала служил губернским казначеем, а затем — в канцелярии военного губернатора. Здесь он получил дворянское звание и женился на дочери генерал-лейтенанта кн. Василия Егоровича Уракова — Ольге Васильевне, получив в приданое село Яхонтово с пятьюстами десятинами земли и тридцатью шестью крестьянскими душами.

В Оренбурге 3 января 1829 года у Михайловых родился сын Михаил — будущий писатель. Ребенок был болезненно-хрупкий. Родился он полуслепым, и ему пришлось делать операцию век.

В Оренбурге прошли первые годы его детства.

Ему было шесть лет, когда в 1835 году семья переехала в Илецкую Защиту, где отец получил место старшего советника Соляного управления, а с 1841 года — управляющего соляным промыслом.

Илецкая Защита, находившаяся почти на границе тогдашней России, была в то время местом ссылки. Среди ссыльных Ларион Михайлович нашел хороших учителей для своих детей. У него, кроме первенца Михаила, были еще три сына — Андрей, Николай, Петр — и дочь Софья.¹

Ссылный поляк, немец и француз Шевалье были гувернерами и учителями будущего поэта. Добродушный немец (впоследствии в романе «Адам Адамыч» М. Л. Михайлов

¹ Братья писателя впоследствии были горными инженерами; сестра вышла замуж за офицера Г. П. Забусова; ей Михайлов посвятил свой рассказ «Кормилица» («Голос минувшего» 1905, IX, стр. 10).

зарисовал портрет своего наставника) дал ему отличное знание немецкого языка и привил любовь к литературе. Он заставлял своих учеников переводить русских писателей-классиков на немецкий язык, а корифеев немецкой поэзии — на русский. В переводах поэтических образцов особенно преуспевал Михель, — как называл его гувернер. Он еще в детстве стал писать стихи, начав, вероятно, под влиянием учителя-немца, переводами.

В 1841 году умерла Ольга Васильевна, а в 1815 — умер Ларион Михайлович. Михаилу было шестнадцать лет, самому младшему шел седьмой год. В судьбе осиротевших детей приняли участие родственники матери и переселили детей в Уфу.

Из Уфы юный поэт послал свои стихотворные опыты в редакцию петербургского журнала «Иллюстрация», которые были встречены там очень благосклонно. 16 июня 1845 года в № 11 «Иллюстрации» появились два первые стихотворения М. Михайлова: «Сосна и пальма» — из Гейне и «Ее он безмолвно, но страстно любил», навеянное стихами того же Гейне.

Успех и поощряющие ответы редактора «Иллюстрации» Н. В. Кукольника окрылили начинающего поэта. Вскоре он послал в редакцию перевод какого-то романа Альфонса Карра. Роман не подошел для небольшого журнала по своим размерам, но стихи — из присланной им Кукольнику большой тетради — продолжали появляться в печати. Кроме стихов, в 1846 году в «Иллюстрации» появились и первые прозаические опыты Михайлова: очерки «Вогул» и «Казак Трофим», передающие местные уральские легенды.

Летом 1846 года братья Михаила Ларионовича — Николай и Петр — отправились в Петербург для поступления в Институт горных инженеров. Вероятно, вместе с ними поехал и Михаил Ларионович, которого «заманчивый, магнитный Петербург» взманил «мечтами о широкой деятельности, известности и славе».¹ В Петербурге Михайлов на-

¹ «Голос минувшего», указанная статья, стр. 11. *Н. В. Шелгунов*. Воспоминания. М. - П. 1923, стр. 95.

меревался поступить в университет и всецело посвятить себя литературе.

II

В Петербурге Михайлов поспешил завязать личное знакомство с редактором «Иллюстрации» Н. В. Кукольников, который встретил его очень приветливо. С 1847 года Михайлов стал деятельным сотрудником «Иллюстрации», где поместил множество стихотворений, оригинальных и переводных. Затем стихотворения его появились в «Библиотеке для чтения», «Сыне отечества» и «Литературной газете».

Одновременно с сотрудничеством в журналах, Михайлов стал готовиться к экзамену в университет. Первые литературные успехи слегка вскружили голову молодому поэту; к экзаменам он не подготовился и, несмотря на хорошее домашнее образование, не выдержал их и в университет мог поступить только вольнослушателем.

На первой же лекции Михайлов встретил студента в поношенном форменном сюртуке. Студент с первого же взгляда привлек к себе внимание Михайлова, который, желая начать с ним разговор, спросил:

— Вы, верно, на второй год остались?

— Нет. А это вы насчет сюртука? — ответил вопросом же студент щеголеватому Михайлову.

— Да.

— Так я старенький купил.

Студент этот был Н. Г. Чернышевский. Михайлов не однажды рассказывал своим друзьям об этой первой встрече с Чернышевским, с которым очень скоро сблизился.¹

В дневниках и письмах студента Чернышевского к родным множество раз упоминается имя его нового знакомого — Михайлова, которого он характеризует как человека очень умного и дельного, всецело погруженного в литературную работу. «Из своих товарищей, — писал Чер-

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания, М. — П. 1923, стр. 95.

нышевский в письме 18 октября 1846 года, — был я только еще у одного Михайлова; он сын бывшего управляющего соляными копиями в Илецкой Защите (где-то в Оренбургской губернии). Отец его умер года два. Он очень умная и дельная голова. Несколько статей его в прозе и десятка полтора стихотворений есть в «Иллюстрации» за нынешний год. Теперь он почти перевел Катулла (латинский поэт).¹ Думает теперь, как издать его». В декабре того же года в письме к родителям, упоминая о своем «новом знакомце», Чернышевский добавляет: «Михайлов (вольнослушающий здешнего университета) мне очень нравится: чрезвычайно умная голова. Из него выйдет человек очень замечательный». В следующих письмах Чернышевский упоминает о своих частых встречах с Михайловым, хотя делает оговорку, что «еще не так дружен с ним, чтобы говорить от души о том, что лежит на сердце» (1 января 1847 года). «Редкий день проходил без того,—писал Чернышевский отцу (10 января 1847 года), — чтобы Михайлов не был у нас, или я у него».

Отцу, заинтересовавшемуся новым петербургским знакомым сыном и, вероятно, порадовавшемуся нарождавшейся дружбе, Чернышевский в письме от 7 февраля 1847 года писал следующее: «Мне приятно было, милый папенька, прочитать то, что Вы пишете о Михайлове. Отец его был не вельможа, а просто занимал значительное довольно место, которое дали ему за статью, как говорил на-днях сын его, об илецких соляных копиях (часть ее напечатана в «Горном журнале»), Я не знаю, как Вам хорошенько написать о моих отношениях с ним. Мы очень часто бываем друг у друга. Когда бываем, то очень не церемонимся или, как это сказать, когда говорится, говорим, когда нет, и не стараемся говорить, он со мною откровенен, очень откровенен, но у него уже такой характер, не то, что у меня. Впрочем, и я с ним гораздо более откровенен, нежели с другими. Не любить его нельзя, потому что у него слишком доброе сердце. Но все я еще не столько знаю его, чтобы

¹ Переводы Михайлова из Катулла до нас не дошли.

совершенно сказать, что считаю себя его другом. Сблизились мы очень скоро. Разумеется, чем больше я стал узнавать его, тем более стал любить, хоть и не скажу, чтобы все в нем мне нравилось. Но все же я его более всех других люблю».¹

Михайлов в эпоху, когда с ним дружил юноша Чернышевский, всецело был погружен в литературные интересы. Живой и общительный, он располагал к себе людей юношеской свежестью таланта, остроумным и содержательным разговором. Круг его литературных знакомств быстро расширялся.

Редактор «Литературной газеты» В. Р. Зотов, дружески относившийся к молодому поэту, пишет, что Михайлов с первого же своего появления «в кругу литературной петербургской молодежи приобрел ее любовь и всеобщую симпатию. Добродушный, восторженный, увлекающийся, он всегда был готов жертвовать собою для других, для тех идей, которые он считал гуманными и справедливыми. Он имел большой успех и у женщин, несмотря на свою наружность, напоминавшую его киргизское происхождение. Сильный брюнет, он отличался мертвенною бледностью лица, пробивавшеюся сквозь смуглую кожу, и редко встречающимся физическим недостатком: атрофией мускулов век, не позволявшею ему поднимать глаза вверх. Его вечно опущенные ресницы, как у слепых, производили странное впечатление, усиливавшееся от неприятного, глухого тембра его голоса, но все эти недостатки забывались в его увлекательной, симпатичной беседе».¹²

Литературные успехи, — Михайлов был одним из самых ревностных сотрудников «Литературной газеты», — не могли не отвлекать его от университетских занятий. В университете пробыл он очень недолго. Между тем материальное положение его было не блестяще. Братья, поступившие в Горный институт, воспитывались на казенный счет, ему

¹ Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, II, М.—Л. 1928, стр. 62, 75, 87, 90, 99.

² В. Р. Зотов. Петербург в сороковых годах. «Исторический вестник» 1890, V, стр. 294—295.

же приходилось содержать себя самому. Некоторое время он мог жить на деньги, оставшиеся после отца, но когда они иссякли, перед ним остро встал вопрос о средствах к существованию. Литературный заработок Михайлова, несмотря на успех, был ничтожен. Гонорар, который он получал из редакций тонких журнальчиков, не мог вполне обеспечить его, и ему пришлось подумать о службе. Зависеть от родственников он не хотел, а с их стороны, вероятно, он слышал упреки в том, что вместо службы занимается такой малоодоходной работой, как литературная. В Нижнем Новгороде у него нашелся дядя, советник Соляного управления, который и устроил его туда на службу.¹

III

18 февраля 1848 года «неслужащий молодой дворянин Михаил Илларионов сын Михайлов вследствие своего прошения» был принят нижегородским Соляным правлением «в штат на службу в число писцов 1-го разряда». Дальнейшее движение Михайлова по службе пошло быстро: черед два года он был произведен в коллежские регистраторы, исправлял должность столоначальника, «аттестовался к продолжению службы способным и к повышению чинам достойным». Прослужив около четырех лет, он в 1852 году вышел в отставку с чином губернского секретаря.²

До нас почти не дошло никаких свидетельств о личной жизни Михайлова в Нижнем, кроме, вероятно, сильно приукрашенных сплетнями, слухов о его кутежах. По воспоминаниям П. Д. Боборыкина, среди нижегородцев Михайлов пользовался славой кутилы. Ему приписывали скабрзные куплеты, в которых воспевалась Кунавинская слобода, известная своим разгулом. А про него самого распевали куплеты:

¹ «Голос минувшего» 1915, IX, стр. 15.

² Там же, стр. 16. Текст служебного аттестата Михайлова приведен в книге *М. Лемке*. Политические процессы в России 1860-х годов. М. — П. 1923, стр. 118.

М. Л. Михайлов
С фотографии

Михайлов-пиита
Тянет все клико,
Не терпит лафита,
Ибо — не крепко.¹

«Это была, — пишет биограф Михайлова, — может быть, тина провинциальной жизни Н.-Новгорода с его ярмаркой и разгулом, но она не засосала в себя поэта».²

Провинциальные будни и чиновничья служба не заглушили в Михайлове литературных интересов. Он попрежнему продолжал быть деятельным сотрудником «Иллюстрации», помещая там свои стихотворные переводы, очерки, статьи и заметки.

Даже нижегородцы знали, что племянник советника Соляного управления «пописывает». Изредка он печатался в местных «Губернских ведомостях». Там (в 1851 году) напечатал он стихотворение, посвященное артистке Н. В. Самойловой, приезжавшей на гастроли в Нижний. Театр в нижегородский период жизни Михайлова был одним из его увлечений. Близкое знакомство с бытом провинциальных актеров дало ему обширный запас наблюдений, который он впоследствии использовал для романа «Перелетные птицы».³

Литература как была, так и осталась для Михайлова его главным призванием, жить ее интересами он никогда не переставал. Когда в 1850 году, проездом через Нижний в Петербург, Чернышевский встретился с Михайловым, они говорили, главным образом, о литературе. Спутником Чер-

¹ П. Д. Боборыкин. За полвека. М. 1929, стр. 138. О Кунавинской слободе, «близкой сердцу Михайлова», упоминает А. Дружинин в письме (1855 г.) к Н. А. Некрасову (Тургенев и круг «Современника». М. — Л. 1930, стр. 231).

² «Голос минувшего» 1915, IX, стр. 19.

³ По свидетельству П. Д. Боборыкина, в героях романа можно узнать актеров нижегородского театра конца 40-х — начала 50-х годов; первый актер его — Милославский, впоследствии известный антрепренер на юге; Бушуевы в романе — сестры Стрелковы; одна из них служила потом в московском Малом театре, нося фамилию своего мужа Таланова (Боборыкин. За полвека. М. 1929, стр. 327).

нышевского был А. Н. Пыпин, который, через много лет вспоминая о встрече с Михайловым, писал: «Это был молодой человек небольшого роста, замечательно некрасивый, но производивший приятное впечатление живостью разговора и литературными интересами».¹

Еще слабо разбираясь в литературных направлениях и группировках, Михайлов стал усердным сотрудником погодинского «Москвитянина», находя его «прекрасным» журналом. Возможно, что к сотрудничеству в журнале Погодина Михайлова привлек В. И. Даль, на квартире у которого он жил. В июле 1849 года Михайлов обратился к Погодину со следующим почтительным письмом:²

«Милостивый Государь
Михаил Петрович!

«Посылаю при этом письме несколько моих стихотворений и покорнейше прошу Вас напечатать их в Вашем прекрасном журнале, если они заслуживают эту честь. В числе их находится перевод Гётевой оды «Моя богиня», которую переводили Жуковский и Струйский; но так как переводы обоих скорее можно назвать подражаниями (они вдвое длиннее оригинала), то я думаю, что мой перевод, как сделанный почти слово в слово и размером подлинника, не будет совершенно излишним.

«В № 13 «Москвитянина» прочел я собранные гг. Быстрым и Полторацким материалы для истории нашей словесности;³ так как русская библиография принадлежит к любимым моим занятиям, то я желал бы знать, могут ли найти место в Вашем журнале мои труды по этой части. Я мог бы доставить Вам на первый раз чисто-библиогра-

¹ А. Н. Пыпин. Мои заметки. М. 1913, стр. 70.

² Печатается по подлиннику, хранящемуся в Рукописном отделе Публичной библиотеки СССР им. Ленина. Н. Барсуковым в т. X «Жизни и трудов М. П. Погодина» (стр. 345—346) напечатана часть этого письма.

³ «Словарь русских писателей (Материалы, собираемые И. П. Быстрым и С. Д. Полторацким)». В № 13 (июль, книга 1) «Москвитянина» за 1849 г. были помещены материалы, касающиеся Державина, Жуковского, Крылова, Сумарокова, Тредьяковского и Эмина.

фическую статью о Пушкине, в которой приведены мною: 1) варианты его стихотворений, 2) источники, откуда заимствованы некоторые из них, 3) указание, где помещены они были в первый раз, и наконец 4) пьесы, не вошедшие в полное издание Сочинений Пушкина в 11 томах.

«Если вам, Милостивый Государь, можно уделить несколько минут для извещения меня посредством письма (печатного ответа я не желал бы), то вот мой адрес: Михаилу Илларионовичу Михайлову, в Нижний Новгород.

«С чувством уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашим Милостивый Государь
покорнейшим слугою

Нижний Новгород
16 июля 1849.

Мих. Михайлов»

Библиографическая работа о Пушкине, о которой Михайлов писал Погодину, в «Москвитянине» напечатана не была, как не был напечатан и перевод из Гете. Но с этого времени Михайлов начал печататься в «Москвитянине». В 1849 — 1851 годах там было помещено несколько его стихотворений.

Нижегородская жизнь с ее сонными провинциальными буднями обратила Михайлова к бытовой беллетристике. В Нижнем он написал создавшую ему известность повесть «Адам Адамыч», — простую и трогательную историю жизни своего учителя-немца, — и, кроме того, несколько сатирических бытовых сенок. Погодин через В. И. Даля обратился к Михайлову с просьбой дать одну из сенок для «Москвитянина». Михайлов поспешил послать Погодину сатирические сены «Нянюшка», сообщив в письме к нему от 10 июня 1815 года, что он закончил большую повесть, которую точно так же хотел бы поместить в «Москвитянине» и получить по 25 рублей за печатный лист. «Мне хотелось бы также, — писал в этом же письме Михайлов, — напечатать мой перевод неизвестной у нас до сих пор драмы Лессинга «Miss Sara Sampson»,¹ но не знаю, будет ли ста-

¹ Судьба этого перевода Михайлова неизвестна.

рая вещь годна для современного журнала. Вообще, я с радостью принял бы на себя какой-нибудь переводный труд (с немецкого, французского или английского) для «Москвитянина» — и готов на всякие условия с вашей стороны».

Вероятно, Погодин одобрил полученные сцены, но, еще не читая повести, нашел, что гонорар в 25 рублей за лист велик, потому что в следующем письме (от 28 июня 1851 года) Михайлов писал: «Что касается до других сцен, подобных доставленной мною Вам, я не замедлю переслать к Вам еще две-три; но прежде чем они будут напечатаны, я желал бы поместить в «Москвитянине» повесть «Адам Адамыч», о которой говорил в прошлом письме. Если Вам угодно будет принять ее, заплатив мне по 15 руб. сер. с печатного листа, я ее отправлю тотчас по получении Вашего согласия».¹

В. И. Даль, которому Михайлов читал свою повесть еще в рукописи, дал о ней в письме к Погодину резко отрицательный отзыв. «Дарование его до того грязно или загрязнилось, — писал Даль, — что плюнешь поневоле. Он недавно читал мне «Адама Адамыча» своего — дарованьице есть, но все до того грязно, что с души прет слышая». Но Погодин, несмотря на такой отзыв, напечатал повесть Михайлова в «Москвитянине». В. И. Даль по этому поводу писал к Погодину: «*Стыдно ему пачкать свой журнал такими вещами, как Адам Адамыч*, — подсказывает мне жена. А я говорю: на безрыбьи и рак рыба, а маленькая рыбка подавно лучше большого таракана. По Сеньке шапка, по с....й дочери — колпак».²

В оценке дарования Михайлова как загрязненного, конечно, отразилась не только резкая противоположность литературных направлений, — официальной народности у Даля и гоголевской, натуральной школы у Михайлова, — но и та атмосфера провинциально-обывательских сплетен, которая создалась вокруг Михайлова в Нижнем. Если Михайлов, — последователь «натуральной школы», — изображал «грязные» явления жизни, то самый источник его

¹ Цитирую по подлиннику. Публичная библиотека СССР им. Ленина.

² Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, XI, стр. 406.

творчества не был загрязненным. «В повести «Адам Адамыч», — говорит Шелгунов, — как бы вылилось все, что накопилось в душе Михайлова за время его счастливого и спокойного детства, когда он был окружен лаской и любовью; собственно это не художественный образ немца-гувернер а, привязанного всеми силами души к своему маленькому воспитаннику, а выражение той свежести, искренности, гуманности и любви, которыми был полон сам Михайлов»¹.

Появление «Адама Адамыча» в «Москвитянине» вызвало ряд критических отзывов, быстро создавших автору романа широкую известность. Этот успех привел Михайлова к решению бросить чиновничью службу, снова переехать в Петербург и жить литературным трудом. В феврале 1852 года он навсегда покинул Нижний. Сначала он числился уволенным в отпуск, но в апреле уже подал прошение об отставке, которую и получил в июле 1852 года.

IV

По дороге в Петербург, проездом через Москву, Михайлов счел долгом посетить Погодина, который, со свойственным ему лаконизмом записал 8 февраля в своем дневнике об этом посещении следующее: «Михайлов из Нижнего. Об истории литературы. Имеет хорошие сведения».

Погодин снабдил Михайлова рекомендательными письмами.²

Приехав в Петербург, Михайлов первое время был занят хлопотами по устройству своих дел. 20 карта он писал Погодину: «Много виноват перед Вами, что по приезде в Петербург не удосужился писать к Вам. Все хлопочу об устройстве дел, по окончательного ничего еще не могу сообщить. Меня очень огорчило обстоятельство, что даже и здесь, в Петербурге, мне приходится оставить много пробелов в своих библиографических трудах. Некоторых книг, мне необходимых, вовсе не мог найти ни в одной библиотеке. В скором времени доставлю Вам кое-что для «Моск-

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П. 1923, стр. 95.

² Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, XII стр. 237.

витянина», который, замечу мимоходом, здесь в ходу, т. е. многими читается. Мне кажется, он бы и более расходился здесь, если бы была у Вас здесь контора. Посылаю Вам при сем адрес свой, и надеюсь, что если Вам нужно будет поречить что в Петербурге, то Вы не откажете мне в удовольствии услужить Вам».¹

Характеруы в этом письме чисто библиографические интересы Михайлова. На этой почве он, вскоре по приезде в Петербург, близко сошелся с А. Н. Пыпиным, бывшим тогда на последнем курсе в университете. «В это время, — рассказывает Пыпин, — разыскания в старой литературе занимали целую группу молодых людей (отчасти будущих ученых) в Петербурге и Москве... Их работы в этом новом направлении были вовсе не случайны и не произвольны. Надо вспомнить, во-первых, что это время, конец сороковых и первые пятидесятые годы, было одним из самых тяжелых периодов, какие переживала русская литература... Цензурный гнет, усиленный тогда «негласным комитетом», особой цензурной инквизицией, небезопасной и для писателей и для самих цензоров, доходил иногда до последних пределов; невольно приходилось направлять работу на детальные исследования, которые не рисковали бы цензурным истреблением. Вместе с тем, однако, эти детальные разыскания открывали не мало интересного и исторически важного, а именно: прежняя художественно-историческая критика выделила из старой литературы восемнадцатого века и начала девятнадцатого то небольшое, что с ее точки зрения представляло художественный прогресс, подготовивший впервые настоящую русскую литературу, — основателем ее был Пушкин. Но старые писатели, сплошь и рядом даже не чувствовавшие эстетических требований, вне чистой художественности представляли другой интерес; в их писаниях проходит наглядным образом постепенное воспитание общества восемнадцатого века к восприятию интересов науки, литературы, общественности; изу-

¹ Цитирую по подлиннику. Публичная библиотека СССР им. Ленина. См. также; *Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина*, XII, стр. 237.

чение тогдашней литературы могло дать очень скудную жатву в художественном смысле, но могло дать очень много для истории общественных настроений, нравов».¹

Интерес Михайлова к библиографическим разысканиям в области русской литературы XVIII века отразился в фельетонах, которые он помещал (в 1852 году) в «С.-Петербургских ведомостях». В них среди обычного фельетонного материала, — городские новости, уличные сценки, театр, увеселения, новые книги и тому подобное, — мимоходом, наряду со справками о некоторых западно-европейских писателях, даны беглые экскурсы в область старой русской литературы: о сатирических журналах, о Сумарокове и т. д. Более полно увлечение Михайлова библиографией выразилось в статьях, которые он поместил в «Библиотеке для чтения» в 1854 году, под заглавием: «Старые книги. Путешествие по старой русской библиотеке». В трех статьях Михайлов в живой и занимательной форме знакомил читателя с задачами библиографии, рассказывал о библиоманах и библиофилах на Западе и в России, о начале книгопечатания, о редкой книге Н. И. Новикова «Похождение Ивана Гостиного сына, известного под именем Поликарпия».

Фельетоны Михайлова в «С.-Петербургских ведомостях», которые писал он ради заработка в течение нескольких месяцев, в общем довольно бесцветны, некоторые из них написаны тем торжественно-патриотическим стилем, который характерен для «Москвитянина». Рассказывается, например, что Жуковский «был избран на высокую должность наблюдателя за преподаванием наук е. и. в. цесаревичу наследнику престола» и успешно «выполнил обязанность эту, возложенную на него доверием монарха».

Но от этого церемониального стиля в писаниях Михайлова довольно скоро не осталось и следа. «Москвитянин» скоро уже перестал быть для него «прекрасным журналом», каким он склонен был считать его еще так недавно. С мая 1852 года Михайлов стал постоянным сотрудником «Современника», участвуя в нем как беллетрист, поэт,

¹ А. Н. Пытин. Мои заметки. М. 1910, стр. 71—72.

критик, а впоследствии как корреспондент из-за границы и публицист. Это означало переход Михайлова в лагерь, враждебный погодинскому «Москвитянину», о чем П. И. Мельников не без ехидства и сообщал Погодину: «Михайлов, автор Адам Адамыча, сделался фельетонистом Современника и теперь занят важным сочинением о пасхальных балаганах на Адмиралтейской площади».¹

Погодин не простил Михайлову его ухода из «Москвитянина». Когда в 1852 году в «Отечественных записках» Михайлов поместил «Кумушки. Сцены из простонародного быта», журнал Погодина дал о них резко отрицательный отзыв, как о произведении «натуральной школы», которая низводит искусство «с высоты его истинного назначения» и обращает в «ненужную и скучную копировку жизни и нравов». Сцены же Михайлова, по мнению «Москвитянина», выходят и за пределы натуральной школы реализмом изображения «простонародного быта».²

Однако, прежде чем укрепиться в «Современнике», Михайлову, как уже было сказано, пришлось писать фельетоны в «С.-Петербургских ведомостях». В этот же период (в 1853 году) написал он для А. Г. Рубинштейна либретто комической оперы из крестьянской жизни «Фомка-дурачок». Опера эта, — пишет в своих воспоминаниях Рубинштейн, — была поставлена «до того скверно, да и голоса были до того отвратительны, что я буквально бежал из театра, а на другой день... потребовал возвращения партитуры... Впрочем, как говорили мне потом, публика отнеслась к «Фомке-дурачку» весьма снисходительно».³

Живя исключительно литературным трудом, Михайлов работал, не покладая рук: он писал рассказы и повести, рецензии на книги, статьи об иностранной литературе и очень много переводил из иностранных поэтов. Круг его

¹ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, XII, стр. 237 — 238.

² «Москвитянин» 1852, № 24, стр. 101.

³ «Русская старина» 1889, XI, стр. 547—548. Несмотря на поиски наши в архивах Ленинградской гос. консерватории, в музее оперы в Ленинграде, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина найти либретто оперы нам не удалось.

М. Л. Михайлов
С акварели худ. Кондратьева

литературных знакомств и связей расширился. На почве интересов к западно-европейской поэзии он сблизился с Н. В. Гербелем, тесная дружба связала его с Я. П. Полонским, в приятельских отношениях он был с А. В. Дружининым, А. Н. Майковым, Л. А. Меем, В. С. Курочкиным, Н. Щербиной и др.

Когда в 1854 году он напечатал отдельным изданием свою небольшую повесть «Святки», А. В. Дружинин писал о нем издателю «Библиотеки для чтения» А. Старчевскому следующее.

«Почтеннейший А. В., нельзя ли к январю, в разных известиях, тиснуть такого рода строчки:

«Нас просили уведомить, что вышла в свет книжечка г. М. Михайлова «Святки» и продается у всех книгопродавцев. От души рекомендуем это милое, свежее произведение, проникнутое поэзией молодости, всем любителям литературных новостей!»

«Об этом Михайлове я давно желаю поговорить с Вами. Он необыкновенно трудолюбив и рьян к работе, дружен со всеми литераторами, аккуратен до-нельзя и добросовестен. Через него Вы можете сойтись с Авдеевым и другими лицами. Если вы не отдумали найти человека для управления двумя или тремя отделами в журнале, — вот Вам редкий помощник. Он может писать все, и обо всем пишет с охотой.

«Адрес его: на углу Вознесенского и Офицерской, дом Любомирского. Скажите, что я Вам о нем говорил.

«Я Вам могу сказать, положив руку на сердце, если будут деньги и платеж исправен, Михайлов со своими товарищами поддержит «Библиотеку».¹

Оказалось, однако, что Михайлов, — пишет в своих воспоминаниях Старчевский, — несмотря на обширные связи со многими литераторами, о которых так широко вещал А. В. Дружинин, не мог нигде обосноваться. «Нужно было выручить его, т. е. внести за него 50 рублей серебром за

¹А. Старчевский. А. В. Дружинин. Из воспоминаний старого журналиста, «Наблюдатель» 1855, V, стр. 225—226.

старую квартиру, в доме кн. Любомирской, отыскать новую, поручиться, что он будет аккуратно платить, и дать ему постоянную работу. Все это было сделано: 50 рублей заплачено, взята для него квартира в доме Струка, под самой редакцией «Библиотеки для чтения», дано поручительство домовладелице, что он будет аккуратно платить: но так как у молодого литератора не было ни стола, ни стула, то пришлось дать и мебель для его пустой квартиры. Михайлов поселился, несколько ожил, написал две статьи для «Библиотеки для чтения» — и тем дело кончилось. С окончанием работ кончились и наши отношения, и Михайлов стал странствовать по разным периодическим изданиям».¹

Михайлов действительно вечно нуждался в деньгах, несмотря на то, что его охотно печатали во многих журналах. Беспечный, лишенный расчетливости, он не всегда соразмерял расходы со своим заработком. То он шил платье у лучших французских портных, то оказывался без копейки. В его письмах к Н. В. Гербелю и А. А. Краевскому повторяется постоянно одна тема: денег! Друзья, — вспоминает Шелгунов, — прозвали его «безденежным литератором» и это его всегда задевало.

V

Наиболее тесной дружбой Михайлов был связан с Николаем Васильевичем Шелгуновым, с которым познакомился зимой 1855 года через своего земляка П. П. Пекарского.² «Когда я познакомился с Михайловым, — пишет Шелгунов в своих воспоминаниях, — он хотя и не был начинающим литератором, но его литературная физиономия не выяснилась еще вполне. Сам Михайлов считал себя беллетристом и, кажется, мало ценил себя как переводчика и знатока иностранной литературы. А другого подобного знатока тогда не было. Михайлов был ходячей биб-

¹ А. Старчевский. А. В. Дружинин. Из воспоминаний старого журналиста, «Наблюдатель» 1855, V, стр. 226.

² Петр Петрович Пекарский, впоследствии академик; автор капитальных работ: «Наука и литература при Петре Великом». Спб. 1862 и «История Академии Наук». Спб. 1870—1873.

лиографией иностранной литературы, и не было в английской, немецкой и французской литературах такого беллетриста и поэта, которых бы он не знал. Как переводчик Михайлов, можно сказать, оставил вечное наследие, и любимым его поэтом был Гейне, конечно, потому, что у Михайлова был тот же душевный склад, те же переходы от серьезного настроения к внезапной иронии или шутке и тот же острый и тонкий ум, умевший схватывать оттенки мыслей и чувств... Можно сказать, что без Михайлова Россия не знала бы многих произведений европейских поэтов».¹

Шелгунов, высоко ценивший Михайлова как поэта, сумевший почувствовать весь его душевный склад, дал и один из лучших живых портретов своего друга. «Михайлов, — пишет Шелгунов, — был небольшого роста, тонкий и стройный. Он держался несколько прямо, как все люди небольшого роста. В его изящной фигуре было что-то такое, что сообщало всем его манерам и движениям стройность, грацию, какую-то опрятность. Это природное изящество сообщалось Михайловым всему, что он носил. Галстук, самый обыкновенный на других, на Михайлове смотрел совсем иначе, и это зависело оттого, что Михайлов своими тонкими «умными» пальцами умел завязать его с женской аккуратностью и изяществом. Самый обыкновенный сюртук, сшитый самым обыкновенным портным, принимал на Михайлове стройный, опрятный вид, точно с иголки (в лучшие времена Михайлов шил платье у портных французов). Это происходило просто от чистоплотности и физической порядочности. Михайлов не был красив: маленькие, узкие, вкось, как у киргиза, разрезанные глаза и бледно-смуглый цвет лица имели что-то восточно-степное, оренбургское; а приподнятые и загнутые дугой брови придавали его лицу своеобразную оригинальность. Но именно эта-то оригинальность лица и гармонировала со всей его фигурой; казалось, что фигура его была бы совсем другою, если бы у него было другое лицо. Ему нужно было делать усилие бровями, чтобы открыть глаза; от этого и вся фигура его

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.-П. 1923, стр. 96.

получала какой-то приподнятый вид, точно усилие бровей приподнять веки приподнимало и его самого.

«И это-то некрасивое лицо светилось внутренней красотой, лучило успокаивающей кротостью и мягкостью, чем-то таким симпатичным и женственно-привлекающим, что Михайлова нельзя было не любить. И его все любили. В незлобивой натуре Михайлова было слишком много нервности чисто женской, его было легко огорчить и вызвать на глазах слезы, но огорчения его быстро сменялись веселым настроением, и вообще Михайлов, как все люди живого темперамента, отличался порядочной долей легкомыслия. Я говорю это не в смысле порицания, потому что легкомыслие не есть недостаток: оно красивая принадлежность известных натур, делающая их более привлекательными... С посторонними Михайлов держал себя с приветливостью, не допускавшей особенной близости, и с авторитетом, что происходило частью от сильно развитого в нем чувства литературного достоинства, а частью оттого, что в нем, как во всех художественных натурах, было сильно чувство формы. Свое литературное достоинство Михайлов нес высоко и тщательно оберегал. Михайлов развился на тех старых литературных преданиях, когда талант считался даром неба, а писатель — носителем искры божией. Это чувство известной исключительности не только поднимало человека в его собственных глазах, но и возлагало на него моральное обязательство охранять свое достоинство, создавало чувство литературной чести, литературного благородства, литературной независимости. Писатель с настоящим, живым, деятельным чувством свободы не продавал своей независимости за чечевичную похлебку. Таким именно писателем и был Михайлов, а его внешний, несколько вызывающий и импонирующий вид служил только показателем той внутренней цены, которую он себе придавал».¹

Это живое, одухотворенное изображение Михайлова могло быть сделано только рукою неколебимо верного друга, каким и был по отношению к Михайлову Николай Василье-

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П. 1923, стр. 96—97.

вич Шелгунов. Их исключительная дружба выдержала и одно из тех испытаний, которые обычно заставляют людей или молча расходиться или навсегда быть врагами. Но Михайлов и Шелгунов были теми «новыми людьми», которые появились на арене общественной жизни в эпоху «шестидесятых годов», неся с собой иную, новую психологию, новую мораль, не похожую на мораль людей предшествующей эпохи.

Семейные отношения с точки зрения новой морали должны были быть построены на равенстве и свободе. Семью, первую общественную ячейку, нужно было очистить от всех пережитков прошлого. А так как семья строится на взаимном влечении полов, на любви, то надо, — утверждали основоположники новой морали, — изменить любовь, придать ей иной характер. «По моим понятиям, — писал в дневнике Н. Г. Чернышевский, — женщина занимает недостойное место в семействе. Меня возмущает, кроме того, неравенство. Женщина должна быть равна мужчине. Но когда палка была долго искривлена в одну сторону, чтобы *выпрямить ее, должно много перегнуть на другую сторону*. Так и теперь: женщины ниже мужчин. Каждый порядочный человек обязан по моим понятиям ставить свою жену выше себя — этот временный перевес необходим для будущего равенства». Подобные утверждения не были ни для Чернышевского, ни для новых людей вообще (Чернышевский не являлся исключением) отвлеченными теориями. В эпоху шестидесятых годов эти идеи «проникали в плоть и кровь, становились теми непосредственными стимулами всей жизни, в том числе и строго личной, тем, чем в другие эпохи являются чувства и страсти. Эти люди поступали согласно своим идеям и убеждениям без малейшего насилия над собой, почти инстинктивно, и это в тех даже областях, куда идеи и теории имеют вообще слабый доступ».¹

Теория семьи и брака, которую выработал себе Шелгунов, совершенно совпадала с теорией Чернышевского.

¹ Т. А. Богданович. Любовь людей шестидесятых годов. Л. 1929, стр. 12—13.

«Жизнь супругов, — писал Шелгунов своей невесте, — должна быть основана на товариществе, в котором равенство есть первое условие благоденствия. Понимая, что я муж, я подчиняюсь своей жене, я буду делать только то, что захочет моя жена. Я убежден, что добрая, любящая, нежная жена всегда больше своего мужа».

Предоставляя жене равноправность, точнее говоря, полное ее главенство, Шелгунов предоставлял ей и полную свободу. Он хорошо представлял себе, что может значить лично для него эта свобода, но от идеи, проникнувшей в плоть и кровь его, он не отступал. «Я не стесню вас в ваших действиях, — писал он, — я не хочу быть вашим тяжелым бременем, я люблю вас и потому не хотел бы быть причиной вашего несчастья. Вы можете выбрать себе нового мужа, можете насладиться с ним счастьем возможным на земле, а обо мне можете не думать. Насчет обеспечения жизни вы не будете иметь хлопот, я буду заботиться о вас, и нужда не заглянет в дом, в котором вы будете жить».

Разумеется, когда Шелгунов писал эти строки, он глубоко верил в любовь и верность своей невесты, которая была для него «лучезарное, светлое существо».

«Людинька, — писал он в 1849 году, — мне кажется, я люблю вас более себя, — и это не фраза, не мертвое слово, но живая истина, подсказанная моим сердцем».¹

То, что это действительно не было фразой, доказала вся жизнь Шелгунова. Когда его жена встретила с Михайловым и они полюбили друг друга, Шелгунов не только дал ей всю возможность «насладиться счастьем с другим», но сумел, верный своей идее, сохранить с этим другим самую горячую и трогательную дружбу.

С Людмилой Петровной Шелгуновой Михайлова познакомил все тот же Пекарский, о котором Шелгунов, шутя, но кажется не без скрытой горечи, заметил, что он в его жизни играл роль древнего рока.² Знакомство произошло на маскараде. Молодая, красивая блондинка, веселая и

¹ Т. А. Богданович. Любовь людей шестидесятых годов. Л. 1929, стр. 37 и сл.

² Там же, стр. 29.

кокетливая, всегда окруженная поклонниками, Людмила Петровна охотно начала маскарадную интригу. Оригинальная внешность Михайлова произвела на нее впечатление. «Это был, — рассказывает она в своих воспоминаниях, — небольшого роста господин, страшно худой, бледный и замечательно некрасивый, но элегантный». ¹ «Древний рок», говоря словами Шелгунова, предрешил эту встречу. Маскарадное знакомство Людмилы Петровны и Михайлова скоро перешло в дружбу и сменилось любовью.

Со стороны Михайлова чувство было глубоким и сильным.

На Михайлова принято было в дружеском кругу смотреть, как на человека очень веселого и живого, «который ни о чем другом не думает, как о победах над женщинами». Он уверял, что «никакая добродетельная женщина не устоит против него». Но кажется, как заметила это А. Я. Панаева, Михайлов просто подсмеивался над друзьями, наблюдая, «как быстро тайна, сообщенная одному по секрету, делалась известна всем». ² Впрочем, вместе с Дружининым, Григоровичем, Полонским, Тургеневым и Гербелем, Михайлов был непременным участником холостых пиршеств с «доннами» и веселых походов. ³

Встреча с Шелгуновой преобразила его. Чувством глубокой и сильной любви к ней продиктованы его стихи:

Зарею обновленья
В моей ночи взошла любовь твоя,
В ней стали ясны мне и мир, и жизнь моя,
Их смысл, и сила, и значенье...
О, свет всевоскрешающей любви!..

Но любила ли его так же сильно и глубоко Шелгунова? Кокетливая, ветреная, умевшая нравиться мужчинам, она еще долго — в ответ на его страстную и глубокую любовь —

¹ Л. Шелгунова. Из далекого прошлого. Спб. 1901, стр. 54.

² А. Панаева. Воспоминания. М. 1933, стр. 313.

³ В неизданном дневнике А. В. Дружинина (хранится в Центральном музее художественной литературы, критики и публицистики) имя Михайлова упоминается очень часто в связи с такими веселыми похождениями.

словно продолжала вести с ним маскарадную интригу. Полонский записал 1 декабря 1855 года в своем дневнике следующее: «Недавно Михайлов..., влюбленный в нее всем пылом первой юношеской страсти, с замиранием в сердце признавался мне, что он пользуется взаимностью, что он счастлив, что она собирается сама сказать мне, что она влюблена в него, и просить моего совета. Тому назад недели две я пошел к м-м Шелгуновой с намерением облегчить ее сердце и дать ей высказать все, что она хотела высказать. Каково же было мое удивление и даже невольный внутренний ужас, когда из уст ее слышу намеки на то, что я нравлюсь ей, что я люблю ее. Конечно, я сейчас же подумал, что она хитрит, даже не кокетничает, а просто интригует, хочет узнать меня. Я притворился непонимающим и, когда возвращался домой, все думал, говорить ли мне Михайлову или не говорить. То хотелось мне предостеречь его, но боялся огорчить его, то боялся с ним остаться в дураках. Но Михайлов раньше меня узнал содержание нашего разговора. Есть женщины, которых вся хитрость заключается в том, что они везде так простосердечны, прямы, что им нельзя не верить даже и тогда, когда им вздумается сказать неправду».¹

«Это только искра, — сказала Шелгунова, кокетничая с Полонским, — зависит от вас раздуть ее в пламя». Но добродушный Полонский испугался «такого пламени». Однако, думается, что в его определении Шелгуновой как натуры хитрой, прикрывающей хитрость простосердечием и прямоотой, есть какая-то доля истины. Были свойственны ей и черты хищнической жестокости. Полонский из разговоров с ней сохранил в своем дневнике следующую ее фразу: «Надо из мужчины выжать сок, как из лимона, а потом бросить». Подобные убеждения, заметил Полонский, «достойны кокетки, самой равнодушной и самолюбивой и опытной».²

¹ Из дневника Я. П. Полонского. «Голос минувшего» 1919, I — IV, стр. 103.

² Там же, стр. 117. В мемуарах и в пасквилях на литературные круги того времени Шелгунова часто обвиняется в легкомыслии, переходившем границы, и облик ее по этим данным вырисовы-

Л. П. Шелгунова в молодости
С фотографии

Е. А. Штакеншнейдер, дочь придворного архитектора, в салоне которого собирались писатели и артисты, с женским любопытством и внимательностью следившая за развитием романа Михайлова и Шелгуновой, отметив в своем дневнике, что «Михайлов без памяти влюблен», писала: «Что чувствует к нему Шелгунова — не знаю. Я думаю, что если бы Шелгунова ему сказала броситься в огонь, он бы бросился с радостью; если бы она убила кого-нибудь, он был бы счастлив взять ее грех на себя».¹

Но каково бы ни было чувство Шелгуновой к Михайлову, он любил ее пламенно и глубоко, и для него эта любовь стала «зарею обновления». Узнав свет всевоскрешающей любви к женщине, Михайлов узнал и великую силу любви друга. Жизнь Михайлова, озаренную светом любви и дружбы, крепкие нити связали теперь с жизнью Шелгуновых.

вается в несимпатичном свете («Голос минувшего» 1915, IX, стр. 23). В 1874 г. в журнале «Дело» (№№ 9 и 10) была напечатана повесть «Людоедка» (Очерки из жизни русских, праздновавших за границей), подписанная псевдонимом А. Урбан, принадлежащим Н. И. Утиной, участнице радикальных кружков шестидесятых годов. Героиня этой повести, Вера Гавриловна Жаркова, в которой нетрудно узнать Шелгунову, пользуется уважением в некоторых кругах петербургского общества, ее окружает толпа поклонников, поэты, «не какие-нибудь рифмоплеты, а очень талантливые певцы нашей родины, посвящают ей стихи». Ее муж — агроном (Шелгунов был ученым лесоводом), у нее роман с поэтом Томилиным (Михайловым), который больной умирает в Крыму (по цензурным условиям автор не называет Сибирь, как было в действительности). Жаркова уезжает в Париж, где сходится с Сокольским, который (как в действительности было с Серно-Соловьевичем) сходит с ума. Жаркова издает сборники в пользу Томилина, печатает его стихи под своим именем (а это действительно делала Шелгунова, когда имя Михайлова было под запретом), обирает своих поклонников и т. п.; она — хищница, «людоедка». Повесть, нужно сказать, довольно бледная, конечно — памфлет; облик ее героини — злая карикатура. Однако написана она была «по живым следам», и, вероятно, какая-то доля правды в неприятном облике ее героини есть.

¹ Из дневника Е. А. Штакеншнейдер. «Голос минувшего» 1915, XI, стр. 164.

Характеризуя канун так называемой «эпохи великих реформ», Шелгунов в своих воспоминаниях говорит о том, что тогда в общественной жизни первое место принадлежало литератору. «Никогда, ни раньше, ни после, писатель не занимал у нас в России такого почетного места. Когда на литературных чтениях (они начались тогда впервые) являлся на эстраде писатель, пользующийся симпатиями публики, стон стоял от криков восторга, аплодисментов и стучанья стульями и каблуками. Это был не энтузиазм, а какое-то беснование, но совершенно верно выражавшее то воодушевление, которое вызывал писатель в публике. И действительно, между тем временем, когда можно было рассказывать (и все верили), что Пушкина высекали за какое-то стихотворение, и шестидесятыми годами легла уже целая пропасть; теперь писатель стал сразу на какую-то исключительную высоту. Когда весь успех реформ зависел от общественного развития, нельзя было не ставить высоко тех, кто творил это развитие. Даже специальные издания того времени расширили свои программы и сделали это не из «моды», а потому, что нельзя было иначе. После парижского мира, когда прогрессивные стремления охватили официальную Россию и проникли в правительственные и высшие сферы, правительственные органы взяли на себя тоже воспитательную роль и стали печатать не только беллетристику и этнографию, но даже ввели отделы критики и политики».¹ К числу таких официальных изданий принадлежал «Морской сборник»—орган морского ведомства.

Осенью 1855 года, по инициативе великого князя Константина Николаевича, стоявшего во главе морского ведомства, был поднят вопрос о ряде экспедиций литераторов в различные местности России «для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством». Из этого населения, по мысли морского ведомства, было всего полезнее и натуральнее «брать матросов». В то время

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П. 1923, стр. 98—99.

в морском министерстве вырабатывался новый проект ре-крутирования флота именно теми людьми, которые с детства привычны к жизни и занятиям на воде. Результаты своих изучений на местах литераторы должны были печатать в «Морском сборнике». Первыми к участию в этих литературных экспедициях, — пишет в своих воспоминаниях Максимов, — были приглашены Писемский и Потехин. Привлечение в экспедиции других литераторов было поручено кн. Дм. А. Оболенскому, директору Комиссариатского департамента, который и обратился за рекомендацией к знакомым ему редакторам «Современника» — Некрасову и Панаеву. Панаев рекомендовал Оболенскому М. Л. Михайлова, пользовавшегося тогда известностью как автор многих повестей и романа «Перелетные птицы».

В конце ноября Михайлов отправился на Урал и в Оренбургский край. Уже в январе 1857 года на запрос морского министерства Михайлов из Уральска извещал, что им готовится целый том (около 15 печатных листов), под заглавием «Очерки Башкирии». «Чтобы ближе познакомиться с бытом жителей этой огромной части Оренбургского края, я, — писал Михайлов, — нарочно изучил татарский язык,¹ что дало мне возможность собрать много памятников башкирской народной поэзии: сказок, былин и песен, доньше неизвестных, и близко узнать верования, обычаи, исторические предания и настоящее положение башкир. Вторым труд мой, под названием: «*От Уральска до г. Гурьева*» (такого же, если не более, объема), будет заключать этнографическое и историческое описание уральцев, их быта и промыслов как по Уралу, так и в Каспийском море. Для первого труда у меня собраны и отчасти приведены в порядок все материалы, но кочевая жизнь не позволила еще мне дать им дальнейшую обработку. Из второго же труда в настоящую минуту у меня готовы вчерне несколько больших статей, из которых четыре: 1) *Уральск*, 2) *Багренье царского куса*, 3) *Малое* и 4) *Большое багренье* — будут доставлены в марте месяце. О нескольких мелких статейках,

¹ Отчасти знакомый ему с детства.

которые могут быть со временем извлечены из моих путевых заметок о других местностях края, я не упоминаю. Думаю, что в трудах моих найдется кое-что нового и для публики и для науки».

В другом письме, из Уфы, Михайлов писал: «Если до сих пор не прислал статей, то потому, что все время было посвящено разъездам и собиранию материалов по Белой, Уфе, Дёме и другим рекам. Собранные мною сведения составят довольно стройную этнографическую картину Башкирии, доныне никем обстоятельно не описанной. Будучи лишен некоторых ученых пособий, отлагаю до возможности пользоваться петербургскими библиотеками».

В письме к Шелгунову из Уральска в феврале 1857 года Михайлов писал: «В статьях моих об Оренбургском крае будет, надеюсь, кое-что новое. Надо тебе заметить, что я, между прочим, выучился, сколько успел, по-татарски, что и дало мне возможность заняться совсем нетронутым предметом — башкирскими преданиями, которыми полна Оренбургская губерния. Нет такой реки, нет такой горы, про которую не существовало бы легенды или песни. И таковых собрал я изрядное количество».

Но не глазами бесстрастного этнографа наблюдал Михайлов картины уральской жизни. Он намерен был в своих статьях говорить о российской действительности полным голосом писателя-общественника: «Везде стараюсь, — писал он в том же письме Шелгунову, — по мере возможности, говорить откровенно, без прикрас, о положении края. Гадостей нет числа. Образчик моих рассказов увидишь ты в апреле в «Морском сборнике». Это описание багренья. Боюсь, что половина его застрянет в цензуре».¹

В башкирских преданиях и песнях Михайлова особенно интересовали мотивы революционного движения. По воспоминаниям ориенталиста П. И. Пашино, Михайлову удалось собрать «очень много материалов, касающихся башкирских бунтов». Среди песен на татарском языке была песня о генерале Циолковском, «отъявленном тиране и мучи-

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П. 1923, стр. 100.

теле».¹ Записал Михайлов и несколько песен про пугачевщину.²

Захваченный путевыми впечатлениями, полный замыслов о новых работах, Михайлов с грустью вспоминал о Шелгуновой, которая в это время уехала в Берлин. Твердой веры в то, что она любит его так же глубоко и сильно, как он, вероятно, у него еще не было. В письме из Уфы к Я. П. Полонскому в апреле 1856 года он писал: «Получил от Людмилы письмо из Берлина. Стало еще грустнее. Как ты думаешь, любит ли она меня?»³

Осуществить все те широкие планы, которые наметил Михайлов, ему не удалось. Помешало этому крайне медлительное и дробное получение весьма скромных командировочных денег, на что жаловался он в своих письмах («дробное получение денег крайне затрудняет в разъездах, заставляя оставаться на иных местах долее, чем того требовали бы занятия»), а также недостаточность срока командировки (один год), которая, несмотря на просьбы Михайлова, не была продлена.⁴

В начале августа 1857 года Михайлов, вернувшись из своей поездки, отправился в Лисинское учебное лесничество, где жили Шелгуновы. Там он вскоре захворал тифом в очень тяжелой форме. Во время его болезни ухаживала за ним Шелгунова, и ее внимательный уход значительно помог его выздоровлению. Выздоровливая, он строил планы будущих своих произведений. В одном из писем к Полон-

¹ П. Пашино. Знакомство с М. Л. Михайловым и Н. В. Шелгуновым. «Минута» 1882, стр. 128. Генерал-майор С. Ф. Циолковский в 1824—1825 гг. был начальником отряда, сопровождавшего купеческий караван в Бухару, который подвергся нападению киргизов; Циолковский прославился зверским обращением с солдатами.

² М. Михайлов. Уральские очерки. «Морской сборник» 1859, № 9.

³ Т. А. Богданович. Любовь людей шестидесятых годов. Л. 1929, стр. 317.

⁴ О поездке Михайлова на Урал см. С. Максимов. Литературная экспедиция. «Русская мысль» 1890, II, стр. 17 и сл. См. также А. Н. Пытин. История русской этнографии. Спб. 1891, II, стр. 55 — 61.

скому он сообщал, что, однажды, в бессонницу, сочинил планы десяти романов.¹

Из Лисина Михайлов в самом начале ноября приехал с Шелгуновыми в Петербург и поселился вместе с ними в одной квартире. С этих пор он уже не разлучался с «любовью и дружбой» до своей ссылки.

В Петербурге Михайлов снова усиленно занялся переводами из иностранных поэтов. Н. В. Гербель привлек его к участию в издании переводов Шиллера, в журналах он печатал переводы из Томаса Гуда, Рюккерта и своего любимого поэта — Гейне.

В 1858 году он собрал свои переводы из Гейне и издал их отдельной небольшой книжкой, которая была встречена почти единодушными похвалами критики.²

VII

В мае 1858 года Шелгуновы уехали за границу. Михайлов же, задержавшись по делам в Петербурге, выехал 12 июля (по старому стилю). Переезд от Кронштадта до Штеттина на пароходе «Владимир» не был, — как писал он, — «из числа самых благоприятных».³ На третий день пути поднялась настолько сильная качка, что «только особенно храбрые выбирались из кают на палубу». Ночью на пароходе сломало бугшприт. Среди пассажиров начались вопли и крики... Но качка окончилась. «Пассажиры выползли из

¹ Т. А. Богданович. Любовь людей шестидесятых годов. Л. 1929, стр. 367. Письмо Я. П. Полонского к М. В. Авдееву. «Русская старина» 1902, VIII, стр. 279.

² Переводы Михайлова из Гейне очень ценил А. Блок, находивший, что Михайлов — один из немногих русских поэтов-переводчиков, который сумел передать по-русски облик гейновской лирики (А. Блок. Герцен и Гейне. Сборник «А. И. Герцен. 1870—21 января — 1920». П. 1920, стр. 22). «Выдающиеся по талантливости переводы М. Л. Михайлова» отмечены В. Зоргенфреем во вступительной статье к новому изданию стихотворений Гейне (изд. «Academia», М.—Л. 1931, стр. XXXIII).

³ М. Л. Михайлов. Парижские письма. «Современник» 1858, кн. IX.

кают. Дамы были так нарядны, как будто с ними и не случилось ничего неприятного».

В Шербурге Михайлов пробыл только три часа, раздраженный шумихой празднеств по поводу открытия военной гавани. После утомительного переезда морем он с удовольствием побродил по городу и зеленому парку и поспешил на станцию железной дороги, торопясь в Берлин. В Берлине, куда он приехал поздно вечером, его дожидались письма от Шелгуновой, звавшей его немедленно ехать в Париж. Он решил отправиться на другой же день, с первым экстреном. Осматривать город было уже некогда. Он «успел только наскоро обойти картинную галерею старого музея, взглянуть мельком на королевский дворец», на памятник Фридриху Великому, пообедать и взять билет до Парижа. Не остановило его и представление «Ревизора» Гоголя на немецком языке, о чем было объявлено в афишах. «Экстрен двинулся, и пошли писать по сторонам Потсдам, Бранденбург, Магдебург, Брауншвейг»... Мелькнула огромная масса Кельнского собора, пролетели Аахен, Лютих, Эрклин, — и на другой день после выезда из Берлина Михайлов уже был в Париже, в отеле *Moliere*, в *rue de la Michaudiere*. Вскоре туда приехал и Н. В. Шелгунов.

«Парижские письма» Михайлова¹ и воспоминания Шелгунова ярко рисуют атмосферу их парижской жизни.

Скромный отель носил громкое имя Мольера потому, что владелица его, мадам Максим, в молодости служила на сцене *Theatre Francais*, возникшего из театра, основанного Мольером. От сцены она сохранила манеры классических героинь и театральность в тоне голоса, а от молодости — живой и общительный характер. В отеле жил и ее друг Фовети, литератор и издатель небольшого радикального журнала «*Revue Philosophique et Religieuse*»,² — которого, — замечает Михайлов, — «не следует бояться», так как журнал «гораздо ближе к интересам жизни, чем обещает заглавие». Михайлов и Шелгуновы близко познакомились с хо-

¹ «Современник» 1858, кн. IX—XII; 1859, кн. I, II.

² «Журнал философии и религии».

зьявами отеля; особенно сблизился с ними Михайлов, который «по характеру, живому и склонному к метким юмористическим замечаниям, очень походил на парижан».¹

Мадам Максим и Фовети устраивали иногда для своих друзей вечера, на которые непременно приглашались Михайлов и Шелгуновы. В числе постоянных посетительниц этих вечеров были две писательницы, горячие поборницы женских прав, — Jenny L. и Jenny d'Hericourt; обе они были непримиримыми врагами Прудона за его антифеминистские выпады в только что вышедшей книге «*De la Justice dans la Revolution et dans l'Eglise*».² Эта книга, — по выражению Герцена, — «целый том римско-католической клеветы против женщины».³ Прудон отрицает в ней равенство прав мужчины и женщины, утверждая, что в семье, как и в обществе, мужчина относится к женщине, как три к двум. Книга Прудона, — вспоминает Шелгунов, — произвела в Hotel Moliere «целую бурю». Если бы, — пишет он, — «Наполеон III сделал три государственных переворота в одну неделю, Hotel Moliere волновался бы менее, чем от этого неожиданного оскорбления».⁴ В горячих и страстных спорах о женском равноправии больше всех волновалась Д'Эрикур, неоднократно выступавшая в печати против Прудона. В ее книге «*La femme affranchie*»,⁵ заключающей в себе подробную критику взглядов Прудона, Мишле и Конта на права и назначение женщины, женский вопрос поставлен в плоскость общей революционной борьбы за политическое и социальное равенство. Мысль о тесной связи свободы женщины с осуществлением свободы проходит через всю книгу Д'Эрикур, придавая ей характер пламенного революционного призыва: «В семье женщина, — пишет Д'Эрикур, — рабыня; в вопросе образования она обойдена; в деле труда она унижена; в гражданской жизни она признана несовершеннолетней; как политическая

¹ Л. Шелгунова. Из далекого прошлого. Спб. 1901, стр. 39.

² «О справедливости в революции и в церкви».

³ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. Лемке, т. XIX, стр. 113.

⁴ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П. 1929, стр. 103.

⁵ «Освобожденная женщина».

Н. В. Шелгунов

величина она не существует, и она приравнена к мужчине только тогда, когда ее постигает какое-нибудь наказание или когда на нее ложится обязанность платить подати. Такой порядок существовать не может, он грозит привести нашу пресловутую культуру к одичанию. Женщина должна спасти нас, — она, которая, будучи свободной, превзойдет мужчину во всех проявлениях жизни духовной и телесной и уступит лишь там, где нужна голая физическая сила. Время выступления женщины приближается; пора ей уверовать в ее собственный разум, который до сих пор был лишь дагерротипом разума мужского. Все равны во всем! Так было возведено с высоты нового Синая, во Франции, среди молний и раската грома революции! Святая Революция! Пусть они грозят тебе последней анафемой, — они, слуги умирающего принципа! Ты провозгласила: «Всеобщее освобождение!» Они упорствуют и хотят загородить дорогу прогрессу; но человечество пойдет вперед по их делам, повинаясь своему гению: знайте, *женщина просыпается*, и повязка с ее глаз спадает!»¹

В горячих спорах о женском равноправии Михайлов принимал самое живое участие. Женский вопрос для Михайлова, — пишет Шелгунов, — не был новостью: вместе с жорзандизмом он был наследием сороковых годов. Но разговоры и рассуждения в Hotel Moliere о «De la justice» Прудона были все-таки ближайшей причиной, заставившей Михайлова разработать женский вопрос в серьезной статье. Эту статью Михайлов написал несколько позднее, в Трувиле, но именно здесь, на вечерах в «Мишодьерке» (как называли отель Шелгуновы), созрели мысли, в ней высказанные, четко выкристаллизовавшиеся в беседах с Шелгуновым, который говорит, что «в статье была частица и моего меду, потому

¹Цитирую по книге: *Н. Котляревский. Канун освобождения. 1855—1861. Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени.* П. 1916, стр. 422—423. Книга Д'Эрикур «Освобожденная женщина» вышла в 1860 году, но отдельные ее главы известны были и раньше. О Д'Эрикур см.: *Вл. Стасов. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки.* Спб. 1899, стр. 190 и сл.

что в вопросах преимущественно экономических Михайлов обыкновенно советовался со мною».¹

На шумных и оживленных вечерах в Мишодьерке часто пелись песни политического содержания, при чем ставни на окнах плотно запирались. В числе гостей на вечерах бывал поэт-рабочий, революционер Эжен Потье. Песни его произвели глубокое впечатление на Михайлова, который жалел, что по условиям царской цензуры не мог подробно познакомить с ними читателей своих «Парижских писем». «Содержание их именно таково, — писал он, — каким должно быть содержание французской песни», как охарактеризовал ее Виктор Гюго: «*Le peuple chante, comme le lion rugit*».² Особенное впечатление произвела на Михайлова песня «Жак и Марианна». «Эта песня, — говорит он, — должна бы войти в народ, потому что ее смело можно поставить наряду с лучшими песнями Беранже и Пьера Дюпона. Жак остался один, без своей возлюбленной Марианны; он изнывает в тоске по ней, он болен, он измучен, он ждет ее — не дождется, в нем начинает даже кипеть злоба...

J'en deviens mechant!³

Трудно передать всю тонкую прелесть этого выражения на другой язык, так же как и несравненную простоту этого постоянно повторяющегося припева:

Je l'attends, je l'attends, je l'attends...
L'attendrai-je encore longtemps?⁴

Этот Жак, как вы узнаете из первых его слов, не кто иной, как весь народ Франции. Его возлюбленная — республика».⁶

Страстные споры о женском равноправии, неизбежно переходившие в речи о революции, республиканские песни —

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П. 1923, стр. 104.

² Народ поет, как лев рычит.

³ Я от этого делаюсь злым.

⁴ Я жду ее, я жду ее, я жду ее... Долго ли я еще буду ее ждать?

⁵ Слово «республика» в «Современнике» 1858, кн. IX, стр. 278, заменено по цензурным условиям точками. О творчестве Э. Потье (1816—1887) на русском яз. см. брошюру: Александр Гатов. Пропаганда песен (Революционные шансонье). М. 1931.

все это создавало в отеле Мольер, — по выражению биографа Михайлова, — «раскаленную атмосферу».¹ Все,— вспоминает Шелгунов, — «были наэлектризованы и всегда ждали какой-то перемены. Раз m-me Maxime, несколько опоздавшая, приходит в волнении, точно за ней гналась по пятам революция, и таинственным шопотом говорит:

— S'echauffe, s'echauffe! ²

Но никакого «s'echauffe» не оказалось, и в Париже все было спокойно».³

Париж, как и вся Франция, был крепко зажат в тисках бонапартизма Наполеона III. Над страной тяготел полицейский гнет; министерство полиции повсюду протягивало свою паутину; тайные агенты зорко выслеживали малейшие попытки революционного движения; выборы в парламент были основаны на подкупках; печать безмолвствовала; суды были слепым орудием исполнительной власти; народная школа была отдана под надзор католического духовенства и иезуитов; облик старой, революционной Франции был искажен до неузнаваемости; это была новая Франция крупной буржуазии, чью священную собственность охраняло правительство Наполеона III. Чем громче были «победные крики реакции» (выражение Михайлова), тем острее чувствовалась борьба революционных идей с реакционными. Париж, несмотря ни на что, оставался, — как отмечает биограф Михайлова, — «прекрасной школой для революционирования радикального настроения».⁴

В начале августа Михайлов с Шелгуновыми поехал в Трувиль, курорт на берегу Ла-Манша, в Кальвадосском заливе. Здесь он усердно работал над статьей «Женщины,

¹ В. Минковский. «Голос минувшего» 1915, IX, стр. 28. Раскаленную атмосферу Мишодьерки ярко передает Л. П. Шелгунова, вспоминая о своей поездке в Париж в 1856 году: «Этот месяц, проведенный в Париже, совершенно одурманил меня. Я дошла до того, что бредила эшафотом» (Л. Шелгунова. Из далекого прошлого, стр. 70).

² Разгорается, разгорается!

³ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П. 1923, стр. 103.

⁴ «Голос минувшего» 1915, IX, стр. 28.

их воспитание и значение в семье и обществе».¹ Эта статья, — как пишет Шелгунов, — «давалась Михайлову не совсем легко. Трудности заключались, конечно, не в общей идее статьи, а в мелочах, преимущественно практического характера, в которых было легко переступить границу возможного и дать противникам повод к нежелательным выводам».² Помощи Шелгунова Михайлов был обязан тем, что ему удалось избежать в этой статье (и последующих) тех крайностей, в которые впала Д'Эрикур, утверждавшая превосходство духовной организации женщины. Вопрос об эмансипации женщины Михайлов спокойно и трезво перенес на практическую почву. Он писал о необходимости признания за женщинами прав личных и общественных, требовал изменения программы их образования (начального и среднего), свободного доступа к высшему образованию и ко всем родам деятельности и, разумеется, уравниения женщин с мужчинами в правах гражданских. О политических правах женщины Михайлов говорил только принципиально, так как в ту эпоху политической жизни в России вообще не было. Требуя для женщины всех прав, Михайлов выступил и против ее рыцарей, видевших в женщине слабое, нежное и поэтичное создание. Свободу женщины он, так же как и Милль, ставил в тесную зависимость от свободы народа вообще. «Нас укоряют, — писал он, — в недостатке решительности, в отсутствии твердых характеров. Пока женщина не будет идти наравне с нами, мы все будем отставать от движения и лишать его должной силы. Может

¹ Эта статья, с посвящением Л. П. Шелгуновой, напечатана в «Современнике» 1860, кн. IV, V и VIII. Женскому вопросу посвящены Михайловым еще следующие статьи: Дж. Ст. Милль и воспитание женщин («Современник» 1860, кн. 1), Женщины в университете (там же, кн. IV), Уважение к женщинам (там же, 1866, кн. II—III). Говорит о женском вопросе Михайлов и в «Парижских письмах» («Современник» 1859, кн. 1). Статьи Михайлова по женскому вопросу изданы в сборнике его статей «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе». Изд. П. А. Картавова. Спб. 1903. Об этих статьях см. названную выше книгу: Н. Котляревский. Канун освобождения. П. 1916.

² Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П. 1923, стр. 104.

быть, только в ненормальном положении и воспитании женщин лежит вина тех неурядиц, которые делают наше время переходным и отодвигают нас от цели. Мы верим в способности и в великую будущность русских женщин».

Таковы основные мысли статей Михайлова, возникшие у него в раскаленной атмосфере парижской жизни и оформившиеся в Трувиле, в тесном общении с Н. В. Шелгуновым.

VIII

Статьи Михайлова о женщинах, напечатанные в «Современнике», произвели, — по выражению Шелгунова, — «в русских умах землетрясение», и Михайлов был «провозглашен творцом женского вопроса».

Из Трувиля Михайлов снова поехал в Париж, вероятно, вместе с Л. П. Шелгуновой. Н. В. Шелгунов по служебным делам поехал в Эльзас, а потом в Бельгию. Между друзьями давно была решена поездка в Лондон, к Герцену. В Париже Михайлов усиленно занимался изучением английского языка. «Каждый день, — писал он Полонскому, — по часу толкую с одной весьма почтенной, умной и образованной англичанкой, чтобы не быть дураком по приезде в Англию».¹ Посещение Герцена в те времена для русских подданных было делом далеко небезопасным. Поэтому естественно было желание Михайлова скрыть это от своих знакомых, в том числе и от Н. В. Гербеля, находившегося в Париже, почему он в письме к Шелгунову в Брюссель и писал: «Мне кажется, вовсе не zweckmassig² приглашать с собой в Лондон Гербеля. Ведь ты думаешь быть у Герцена; он, пожалуй, тоже вздумает. Не знаю, как ты; что касается до меня, я вовсе не желал бы представлять его туда. Притом, как бы после не вышло в России каких сплетен». Сам Шелгунов, как он говорит, сплетен не боялся, «и потому из своей поездки в Лондон никакого секрета не делал, но совета Михайлова относительно третьего лица послушался».

¹ Т. А. Богданович. Любовь людей шестидесятых годов. Л. 1929, стр. 337.

² Нецелесообразно.

³ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.— П. 1923, стр. 105.

18 февраля (нов. ст.) 1859 года Михайлов покинул Париж. Через три дня, следом за ним поехали Шелгуновы. Париж уже надоел ему своей постоянной суетой «без внутреннего движения», своим празднично-беззаботным и в то же время «стройно-казарменным» видом, своими прогрессивными и ретроградными журналами, «настроенными одним камертоном», лихорадочными толками о войне и бирже, официальными брошюрами с либеральным оттенком, «который никого не обманывает и тем не менее всех удовлетворяет».¹

Лондон поразил Михайлова туманами и уличной суетой, полной напряженной озабоченности, не похожей на беззаботную, легкую суету парижских улиц. «Надо родиться на этих туманных берегах, — писал Михайлов, — и с детских лет привыкнуть к этому странному движению, чтобы не почувствовать какой-то невольной робости, какого-то еще не испытанного одиночества».

Блеск центральных улиц Лондона, этого мирового рынка, куда «все концы земли прислали свои товары», не скрыл от него нищеты темных и смрадных окраин, — «печальных приютов бедности и разврата». В этих «лохмотных» кварталах, — писал Михайлов, — «невольно приходят на память горькие стихи «поэтов бедности», которых ни одна литература не насчитывает столько, как английская, и мысль невольно останавливается на дорогой цене, которого покупается так называемое «промышленное величие народов».² На многолюдных улицах Сити Михайлов всматривался в бледные лица безработных в черных лохмотьях, целые дни проводивших перед блестящими витринами магазинов. Им «нечего делать, да за то и есть нечего, — писал он. — Голодные и томимые жаждой, они с особенным вниманием читают наклепанные на окна таверн и dining rooms³ исчисления приготовленных в этот день супов и других кушаний и жадно смотрят на разложенные тут съестные

¹ М. Л. Михайлов. Лондонские заметки. «Современник» 1859, кн. VI, стр. 219—220.

² Там же, стр. 237—238.

³ Столовых.

припасы».¹ «Господи! — цитирует он Томаса Гуда, — что это, как дорог хлеб, и как дешево людское тело и кровь!»

Михайлов поселился в одной квартире с Шелгуновыми которую он нашел по рекомендации Герцена в одном Boarding-House.² «Помню, — пишет Шелгунов,—что это Boarding-House помещался в тихой местности (хотя и в центре города), недалеко от какого-то сквера, недалеко от Британского музея, недалеко от гауптвахты с двумя неподвижными, стоявшими в нишах, конными часовыми в красных мундирах; помню еще, что каждое воскресенье за утренним чаем хозяйка говорила нам, что «греческая церковь недалеко», а мы в следующее воскресенье давали ей снова повод повторять то же, и так до самого отъезда. Так греческого богослужения мы в Лондоне и не увидели».³ Но зато очень скоро увидели они Герцена, для знакомства с которым и приехали в Лондон. Михайлов, приехавший раньше Шелгуновых, уже познакомился с Герценом, который пришел в пансион к Шелгуновым и пригласил их к себе обедать.

«Наши сборы, — вспоминает Шелгунова, — походили на сбор мусульман к могиле пророка».⁴ Герцен в то время был в зените славы. «Колокол», начавший выходить с лета 1857 года и получивший широкое распространение в России, создал целое паломничество к Герцену. «Быть в Лондоне и не видеть Герцена?» — говорили многие, переиначив известную поговорку о Риме и папе.⁵ Люди самых разнообразных общественных положений были в числе посетителей Герцена в Лондоне. «Обращение его, — вспоминает Шелгунов, — было самое простое и дружеское, и с ним было легко и свободно. Я думаю, что это происходило оттого, что Герцен все понимал. В разговоре он был такой же, как

¹ «Современник» 1859, кн. VII, стр. 15.

² Меблированные комнаты со столом.

³ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П. 1923, стр. 105—106.

⁴ Л. Шелгунова. Из далекого прошлого. Спб. 1901, стр. 89.

⁵ Жена сотрудника «Современника» А. И. Европеуса так и объяснила свое посещение Герцена на допросе в Третьем отделении (Н. А. Огарева-Тучкова. Воспоминания. М. 1903, стр. 136).

и в статьях, с той же вечно наготове шпилькой и такой же умный. Герцен быстро переходил от одного предмета к другому, электризовал мысль собеседника, не давал ей покоя, поднимал ее, заставлял идти вперед. Разговор его был самый разнообразный, как блестящий калейдоскоп, — и современные вопросы, и освобождение крестьян, и будущие русские реформы, и эпизодически какой-нибудь остроумный анекдот, и Виктор Гюго, и Гете, и философия, и история, и политика».¹

«Шелгунов и особенно Михайлов, — пишет Огарева-Тучкова, — очень понравились Герцену»,² который, в свою очередь, очаровал их своим радушием, любезностью, живой и блестящей беседой. Он показывал им все достопримечательности Лондона, посетил вместе с ними ночлежные дома и митинг воров.³

Для Михайлова и Шелгунова беседы с Герценом имели большое значение. Герцен, с его определенной политической программой, которую он проводил в «Колоколе», в непосредственном общении с ними помог оформиться их несколько расплывчатому радикализму. Основные требования программы Герцена, — уничтожение крепостного права, освобождение податного сословия от телесных наказаний и свобода слова, — в дальнейшем Шелгунов и Михайлов повторяют в своей прокламации, обращенной к «Молодому поколению».

Из Лондона Михайлов вернулся в Россию и снова очутился в водовороте литературной жизни. Еще зимою в Париже он был привлечен Я. П. Полонским к участию в журнале «Русское слово», издание которого предпринял граф А. А. Кушелев-Безбородко, меценат и литератор-дилетант. Полонского, довольно быстро оставившего редакторство, заменил некто Хмельницкий, человек в литературе неизвестный, который, — как пишет Шелгунов, — сам «предложил себя в управляющие «Русским словом». Хмельницкий, как

¹ *Н. В. Шелгунов*. Воспоминания. М.—П. 1923, стр. 109.

² *Н. А. Огарева-Тучкова*. Воспоминания. М. 1903, стр. 166.

³ *Л. Шелгунова*. Из далекого прошлого. Спб. 1901, стр. 91.

про него говорили, именно «управлял» журналом, словно графским домом, «заботясь только о хороших жильцах», т. е. гоняясь за именами: «известность была для него все, что он требовал от писателя. Считая пятиэтажный дом лучше трехэтажного, Хмельницкий старался превратить «Русское слово» в пятиэтажный журнал и доводил книжки до пятидесяти листов». Желчный и грубый, с оттопыренным карманом сюртука, в котором лежал туго набитый бумажник, Хмельницкий был мягок и вкрадчив в обращении с сотрудниками, которыми дорожил. Особенно ухаживал Хмельницкий за Михайловым, постоянно советуясь с ним по редакционным делам. Михайлов, — вспоминает Шелгунова, — «хотя страшно сердился на появление какого-то коновала, как он говорил, в литературе, но тем не менее помогал ему и делом и советом».¹ В течение 1859 — 1860 годов он был одним из деятельных сотрудников «Русского слова» и поместил в нем, помимо многочисленных переводов (в числе их «Северное море» Гейне, драматическая сцена Парри Корнвалля «Лодовико Сфорца», отрывок из трагедии Марло «Смерть Фауста»), роман «Благодетели», комедию «Тетушка» и целый ряд рецензий и критических статей. Кроме того, в отдельном приложении к журналу появилось собрание повестей Михайлова, под заглавием «В провинции», куда вошли: роман «Адам Адамыч», повести и рассказы: «Он», «Кружевница», «Поэт», «Скромная доля», «Сынок и маменька», «Скрипач», «Изгоев».

Сотрудничество в «Русском слове» значительно поправило материальные дела Михайлова, этого вечно «безденежного литератора». Но зависимость от такого редактора, как Хмельницкий, его сильно тяготила, и он мечтал не однажды о своей газете. Возможность для Михайлова редактировать свою газету одно время была близка к осуществлению. В июле 1859 года он поспешил сообщить эту радостную для него весть Шелгунову: «Помнишь ли наши толки об издании журнала «Век». Эти толки теперь осуществляются. Если только позволят, что будет известно на-днях, с будущего же

¹ Л. Шелгунова. Из далекого прошлого. Спб. 1901, стр. 107.

1860 года будет выходить в Петербурге большая политическая и литературная газета, еженедельно два раза. Я соединился с Гербелем, чтобы издавать ее. С его стороны деньги, с моей труд, а барыши, разумеется, пополам. Барыши, конечно, не последнее дело для нашего брата Исаакия; но главное, мне кажется, газета может быть хороша, а стало быть и полезна. По цене (7 руб.) она будет серединой между «Спб. Вед.» и «Сыном Отеч.», стало быть, — доступна для большого круга читателей. В ней не будет того безразличия мнений, каким отличаются «Ведомости» и уж, разумеется, не будет такой пошлости, как в «Сыне». Одним словом, это должна быть серьезная газета с благородным и определенным направлением. Гербель в этом, как и в материальном отношении, товарищ драгоценный. Он не будет стеснять направление газеты, потому что подчинится ему и сам. Я надеюсь на тебя, как на каменную стену (сравнение вышло глупо, ну да извини, уже написалось), что ты тоже станешь помогать нам и словом и делом. Я даже придумал для тебя специальность в газете; но обо всем этом надо говорить слишком много, а потому лучше оставить до свидания...»¹

Нельзя не отметить в этом письме Михайлова его выражение о благородном и определенном направлении проектируемой газеты, которое он, конечно, мыслил как радикальное. Характерна и ориентация на широкий круг читателей, для которых газета была бы полезна, т. е. проводила бы определенные радикальные идеи. От бывшего политического равнодушия Михайлова, с которым он легко мог быть сотрудником реакционного погодинского «Москвитянина», не осталось и следа. Тесное общение с Шелгуновым в атмосфере кануна так называемых «великих реформ» помогло Михайлову окончательно изжить общественный и политический индифферентизм, революционизировало его мысль.

Издание газеты, о которой мечтал Михайлов, не состоялось, и он вынужден был попрежнему вести напряженную журнальную работу. Помимо «Русского слова», он дея-

¹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М. — П. 1923, стр. 102.

тельно сотрудничал в «Современнике», где (в 1859—1861 годах), кроме писем из Парижа и Лондона, напечатал ряд переводов, в том числе из Гейне, «Белое покрывало» Гартмана, «Годину» Тениссона, «Песни о неграх» Лонгфелло. Некрасов пригласил его заведывать в «Современнике» отделом иностранной литературы, и он поместил в нем ряд больших статей об английских и американских писателях — о Лонгфелло, Томасе Гуде и др. Кроме того, он сотрудничал в популярном журнале «Народное чтение», в «Русском вестнике» (ряд переводов из Гейне, Томаса Гуда, Рюккерта, Эйхендорфа), в журнале «Подснежник», поместил в «Морском сборнике» очерк, явившийся результатом его поездки на Урал в 1856—1857 году, и множество статей и мелких заметок в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими литераторами и учеными», к участию в котором привлек его П. Л. Лавров; Михайлов взял на себя редакцию отдела «наук словесных».¹ На ряду с журнальной работой и переводами из иностранных поэтов Михайлов готовил к печати два больших романа.

«Михайлов,—пишет в своих воспоминаниях П. В. Быков, — горячо любил свое дело, свою профессию, свою работу, трудясь, что называется, до самозабвения, порой с утра и до глубокой ночи, уделяя лишь кратчайшее время отдыху. Он растрачивал свои последние силы, невзирая на расшатанное здоровье. Когда он писал повесть или рассказ, он глубоко проникался жизнью выводимых в этом произведении героев, улыбался, расцветал, видя их счастье, искренно мучился, замечая их ошибки или страдания, словно это были живые люди, а не созданные его воображением, его пламенной фантазией».²

Переводы из иностранной поэзии не были для Михайлова работой рядового переводчика-профессионала, переводящего от случая к случаю то, что ему закажет издатель, или редактор. Переводы Михайлова были творческой

¹ Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб. 1861, т. 1, предисловие, стр. IV.

² П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого. М. — Л. 1930, стр. 152.

работой поэта; он переводил только то, что отвечало его внутренней потребности, его общественным интересам. Социальная значимость стихов того или иного поэта играла для него решающую роль. Он не переводил (особенно это относится к последним годам его литературной жизни) произведений, для него безразличных, интересных только со стороны формы, но лишенных общественного значения. Так «Белое покрывало» Морица Гартмана, переведенное Михайловым, разумеется, было для него не только одним из образцов иностранной поэзии; оно давало ему возможность обратиться к русскому читателю, к радикальной и демократической интеллигенции, с призывом стойко держаться своих убеждений и, не дрогнув, идти за них хоть на казнь; поэтический образ матери, облегчившей сыну позорную казнь «святою ложью» о помиловании только для того, чтобы он не дрогнул в последнюю минуту, взойдя на эшафот, призывал к героизму и русскую женщину. «Песня о рубашке» из Томаса Гуда красноречиво говорила русскому читателю не только о тяжелом труде английской швеи, но заставляла его задуматься и над положением трудящейся бедноты в своем отечестве. «Песни о неграх» Лонгфелло, рисуя картины рабского существования негров в Америке, в сознании русского читателя не могли не ассоциироваться с картинами рабской угнетенности крепостных крестьян.¹ Многочисленные переводы из Гейне давали возможность Михайлову осыпать острыми сатирическими стрелами разнообразные проявления мещанства и рутины и тем будить и укреплять революционную мысль.

В близости народной революции Михайлов был уверен. «Голос его, — вспоминает П. В. Быков, — слегка дрожал, когда он говорил, что народ просыпается, прозревает, и скоро нужно ждать дня, когда он поднимется и «растопчет многоглавую гидру» (подлинные слова его)».²

¹ Крепостников-помещиков в ту эпоху в русской журналистике называли плантаторами. В прокламации Шелгунова «К молодому поколению» дворянство определено как «партия плантаторов».

² П. В. Быков. Силуэты далекого прошлого. М. — Л. 1930, стр. 149.

Революционное настроение Михайлова, как у большинства радикальной интеллигенции, в частности у демократической учащейся молодежи, усилилось после опубликования манифеста 19 февраля, вызвавшего глубокое разочарование в проведенной правительством крестьянской реформе. Недавний показной либерализм правительства сменялся репрессиями: крестьянские волнения подавлялись с ужасающей жестокостью, снова усиливался гнет цензуры, университетская жизнь регламентировалась новыми строгими правилами: были отменены свидетельства, освобождавшие беднейшую часть студенчества от платы, сходки запрещались и т. д. Студенчество бурлило и волновалось. Михайлов, благодаря Е. П. Михаэлис, брату Л. П. Шелгуновой, был тесно связан с передовым студенчеством, горячо реагировавшим на события общественно-политической жизни. Наблюдательный Боборыкин рассказывает в своих воспоминаниях о посещении им студенческого кружка в квартире, где жил Михаэлис. Там он застал и Михайлова. «Они только что читали вслух текст манифеста и потом все начали его разбирать по косточкам. Никого он не удовлетворял. Все находили его фразеологию напыщенной в уродливой - весь его семинарский «штиль» митрополита Филарета. Ждали совсем не того, не только по форме, но и по существу. Сильнее и ядовитее всех говорил Михайлов. Он прямо называл все это ловушкой и обманом и не предвидел для крестьян ничего, кроме новой формы закрепощения. Тут — в первый раз — тон и содержание его протестов показали, что этот человек уже сжег свои корабли; но и раньше я догадывался, что его считают прикосновенным к революционной организации после его поездки за границу, в Лондон».¹

Однако догадку Боборыкина о принадлежности Михайлова к определенной революционной организации нельзя подтвердить бесспорными доказательствами. Та революционность, которую заметил в Михайлове Боборыкин, окрепла в нем после поездки его за границу, усилилась, — как и у

¹ П. Д. Боборыкин. За полвека. М. 1929, стр. 173.

многих радикалов; — после манифеста 19 февраля. Революционных центров в то время еще не было; квалифицированные формы революционная борьба приняла позднее. Поэтому Михайлов и Шелгунов и выступили вскоре как партизаны, захваченные «первой волной общественного гнева». Но их «партизанство» (выражение Шелгунова) было подлинным революционным делом, как они его понимали. Позднее на допросах в Третьем отделении Михайлов объяснил, что выйти из сферы обычной для него литературной деятельности, т. е. вступить на путь революционера, его заставили «горькая боль сердца при вести о печальных случаях усмирения крестьян военной силой и опасения, что эти случаи могут долго еще повторяться в будущем».¹

IX

Весной 1861 года Шелгунов написал при участии Михайлова прокламацию «К молодому поколению». Прокламация эта — явный отзвук герценовского «Колокола». Самое обращение к «молодому поколению» напоминает призыв Герцена к «юному поколению», которому он в первом же выпуске «Колокола» «передавал свой труд, свое свободное слово». Политическая программа, данная в прокламации, в основном повторяет программу статей «Колокола», являясь дальнейшим ее развитием. Прокламация начинается характеристикой манифеста 19 февраля: «Государь обманул ожидание народа — дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и какая ему нужна...» Царь дал «народу волю как милость, как бросают сердящемуся псу сухую кость, чтобы его успокоить на время и спасти свои икры». Между тем «освобождение крестьян есть первый шаг или к великому будущему России, или к ее несчастью; к благосостоянию политическому и экономическому или к экономическому и политическому пролетариату. От нас самих зависит избрать путь к тому или к другому». Подвергая резкой критике действия царского правительства («сиятель-

¹ М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов. М. - П. 1923, стр. 106.

ная тупость и казнокрады)), которое не знает и не хочет знать действительных нужд русского народа, прокламация требует республики, — власти «выборной и ограниченной», свободы печати, гласного суда, уничтожения тайной полиции и прежде всего «полного уничтожения следов крепостного права», уничтожения «неравенства в землевладении», уничтожения сословий. Одно из коренных требований аграрной программы прокламации — земледельческая община: «Мы хотим, чтобы земля принадлежала не лицу, а стране; чтобы у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало; чтобы землю нельзя было продавать, как продают картофель и капусту: чтобы каждый гражданин, кто бы он ни был, мог сделаться членом земледельческой общины, т. е. или приписаться к общине существующей, или несколько граждан могли бы составить новую общину. Мы хотим сохранения общинного владения землей с переделами через большие сроки».

Для осуществления поставленных целей прокламация выдвигает («если нельзя иначе») мысль о необходимости политического переворота, который должен произвести народ, подготовленный к нему пропагандой. «Если для осуществления наших стремлений, для раздела земли между народом, пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно», — возглашает прокламация, указывая, что Крымская война стоила 300 000 жизней трудящихся, а дворянская партия — «враг народа, а жалеть врага нечего, как не жалеют вредные растения при расчистке огорода». Пусть молодое поколение перейдет, наконец, от слов к делу и с помощью пропаганды начнет крепко сплачивать народные силы. «Готовьтесь сами к той роли, какую вам придется играть; зрейте в этой мысли, составляйте кружки единомыслящих людей, увеличивайте число прозелитов, число кружков, ищите вожаков, способных и готовых на все, и да ведут вас на великое дело, а если нужно и на славную смерть за спасение отчизны тени мучеников 14 декабря! Ведь в комнате или на войне, право, умирать не легче». Этим заканчивается прокламация «К молодому поколению».

Таким образом, если в части положительной программы прокламация повторяет мысли Герцена, то в призыве к политическому перевороту авторы ее сближаются с кругом «Современника», с Чернышевским. «О необходимости не политического, а социального переворота (о чем будут говорить «Молодая Россия», Чернышевский, каракозовцы, народники) Шелгунов — Михайлов не говорят, и их прокламация может быть названа наиболее ярким выражением радикальной, но не социалистической интеллигенции начала шестидесятых годов».¹

Михайлову, как он показал это впоследствии, принадлежит почти половина текста прокламации. Однако сам Шелгунов единственным автором прокламации называет себя. Вероятнее всего, что та часть, которую Михайлов признал на допросах как свою, написана была Шелгуновым же, а Михайловым отредактирована. Вероятно, Михайлову, поэту, принадлежит мысль поставить эпиграфом к прокламации стихотворение Рылеева «Гражданин». Но какова бы ни была доля непосредственного участия Михайлова в составлении текста прокламации, он вполне был солидарен со всеми ее положениями и взял на себя организацию по напечатанию ее и по распространению. Прокламацию решено было напечатать в вольной русской типографии в Лондоне.

Летом Л. П. Шелгунова заболела и должна была ехать для лечения в Германию. Вместе с нею поехали Михайлов и Шелгунов. Шелгуновы остались в Наугейме, а Михайлов — через Голландию — с рукописью прокламации поехал в Лондон.

Герцен не одобрил прокламации. Но Михайлов, вопреки уговорам Герцена, сдал ее в печать. К приезду Шелгунова

¹ А. А. Шилов, указанная вступительная статья к запискам Михайлова, стр. 8. Оценку прокламации «К молодому поколению» см. также: М. Балабанов. История революционного движения в России. Харьков 1925, стр. 129—131; В. Невский. Очерки по истории Российской коммунистической партии, т. 1. Изд. 2-е. Л. 1925, стр. 72—73. Полностью прокламация приведена в книге М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов. М.—П. 1923, стр. 62 и сл., и в приложении к Воспоминаниям Н. В. Шелгунова, под ред. А. А. Шилова. М. — П. 1923.

в Лондон прокламация уже была отпечатана в количестве шестисот экземпляров. Чтобы провезти прокламацию в Россию, Шелгунов искусно заклеил все шестьсот экземпляров в дно чемодана, который Михайлов и повез в Петербург. Шелгунова дела задержали за границей и он, хотя секрет чемодана и казался непроницаемым, с нетерпением ждал письма от Михайлова. «Наконец, письмо пришло, Михайлов доехал благополучно».

В Петербурге Михайлов показал отпечатанную прокламацию Всеволоду Костомарову, поэту-переводчику, с которым год назад познакомился. Костомаров (племянник историка), уланский корнет, рекомендованный Михайлову поэтом А. Н. Плещеевым, произвел и на него и на Шелгунова впечатление человека сильного и решительного. Особенно поразил он их, сказав, «что у него дома, в Москве, есть шрифт и все, что нужно, для печатания». Он показал им отпечатанное на отдельных листах резкое политическое стихотворение за полной своей подписью. «Это было, — вспоминает Шелгунов, — тогда настолько ново и настолько смело, что не могло не казаться чем-то выдающимся». Вполне естественно, что Михайлов не счел нужным скрывать от Костомарова о привезенной им прокламации, может быть, предполагая даже привлечь его к ее распространению.

Вскоре Костомаров был арестован. Михайлов и Шелгунов не сомневались, что у него нашли прокламацию «К молодому поколению». Михайлова арест Костомарова «колынул в сердце», но и он и Шелгунов решили распространить прокламацию как можно скорее.

И прокламация была распространена «с большим шумом и замечательной смелостью», как это было возможно в то «прокламационное» время, и имела шумный успех, особенно среди «молодого поколения», к которому и была обращена.

На другой день после распространения прокламации, 1 сентября 1861 года, у Михайлова был произведен, по распоряжению Третьего отделения, обыск, но жандармы не нашли у него ничего компрометирующего. Тем временем

арестованный Костомаров успел сообщить Третьему отделению о том, что прокламация была привезена из-за границы Михайловым, который и предлагал ему, Костомарову, заняться ее распространением. 14 сентября у Михайлова был произведен вторичный, более тщательный обыск; бумаги его были забраны в Третье отделение, а он сам арестован.

Арест Михайлова в атмосфере, насыщенной, по выражению Шелгунова, «политическим электричеством», произвел сильнейшее впечатление, особенно в студенческих и литературных кругах. Это было полной неожиданностью для всех, знавших Михайлова только как литератора, поэта, автора статей по женскому вопросу. Даже Н. А. Добролюбов, тесно связанный с революционными кружками, был изумлен арестом Михайлова, ничего не зная о его прикосновенности к прокламации, распространение которой, действительно, было партизанским действием. В перлюстрированном письме к Некрасову от 9 сентября, когда об аресте Михайлова носились еще только слухи, Добролюбов писал: «Здесь, в Петербурге, возникает, не знаю надолго ли, какое-то подземное действие, по городу бегают и рассылают листочки, напечатанные тайно и объясняющиеся без всяких церемоний. Вследствие этого, конечно, розыски, полицейские строгости, чудовищные слухи. Только и слышишь, что того обыскали, того взяли; большая часть, разумеется, оказывается вздором. У Михайлова был жандармский обыск с неделю тому назад: с тех пор я каждый день встречаю людей, уверяющих, что он арестован. Третьего дня вечером я видел Михайлова еще на свободе, а вчера опять уверяли меня, что он взят. Оно бы и немудрено — в течение ночи все может случиться; да ведь взять-то не за что — вот беда... Михайлова взять — ведь это курам на смех».¹

Арест Михайлова был первым арестом по политическому делу в Петербурге. Естественно, что по поводу ареста в городе закружились толки, слухи, пересуды и всевозмож-

¹ «Русское прошлое», вып. 2, П.—М. 1913, стр. 146—147.

ные предположения. Агенты Третьего отделения сообщали в своих докладах эти толки и сплетни, подслушанные на народных гуляньях, в трактирах, клубах, гостиных и т. п. В шепотливых обывательских разговорах Михайлов рисуется мрачным заговорщиком бульварных романов с ядом, пистолетом, в кольчуге. Передавали, что при аресте «он выстрелил в первого вошедшего к нему жандармского полковника, у которого пуля прошла между левым боком и рукой, пробила деревянную перегородку и в другой части комнаты ударилась в стоявший на комод самовар». Говорили, что в сапоге Михайлова была найдена склянка с ядом, а под верхней одеждой была на нем кольчуга. Фантастические подробности об аресте Михайлова нарастали как снежный ком. «Сначала Михайлов притворился глухонемым. На него донес родной его брат — гимназист, со злости за оспариваемые от него сим братом законные по наследству деньги. При обыске в квартире Михайлова решительно нигде не найдено ни малейшего доказательства его улики, так что уже считали донос брата ложным, но тот указал на бюст императора Николая, в котором и нашли корректурные листы его прокламаций».

Слухи росли и множились все время, пока производилось следствие по делу Михайлова.¹

Х

На допросе в Третьем отделении Михайлову было предъявлено обвинение в привозе из-за границы прокламации «К молодому поколению» и в ее распространении. Сначала Михайлов объяснил на допросе, что прокламация «К молодому поколению» была им получена от Герцена в количестве десяти экземпляров, но что он уничтожил их, не распространяя, и Костомарову показал только один экземпляр. Но в руках Третьего отделения было письмо Костомарова к некоему Ростовцеву. В письме Костомаров, якобы ожи-

¹ «Русское прошлое», вып. 2, П. — М. 1913, стр. 147 и сл.

дая ареста, просил сообщить об этом Михайлову и просить его как можно скорее уничтожить все экземпляры прокламаций.¹ Кроме того, Костомаров успел уже сообщить Третьему отделению все, что узнал о прокламации от Михайлова. Михайлову были предъявлены две другие прокламации, будто бы найденные у Костомарова: «К барским крестьянам» (написанная Н. Г. Чернышевским) и «Русским солдатам» (написанная Н. В. Шелгуновым). Михайлов смутился и, боясь новых подробностей, которые могли бы скомпрометировать его еще больше, признался, что одну из рукописных прокламаций («Русским солдатам») Костомаров получил от него лично. На дальнейших допросах, когда Михайлову была предъявлена печатка Шелгуновой, которою были запечатаны конверты с прокламацией «К молодому поколению», и сделаны явные намеки на возможность ареста Шелгуновой, он, боясь впутать в дело «любовь и дружбу», не только признался в том, что привез прокламацию из Лондона и распространил ее, но принял целиком на одного себя и ее составление.

Обрадованное признанием Михайлова, Третье отделение перестало допытываться о прикосновенности его к другим прокламациям и прекратило допросы. Но, чтобы Михайлов не вздумал на суде изменить свои показания или отказаться от них, Третье отделение обманным путем принудило его написать прошение на высочайшее имя о помиловании, — лишний документ, в котором он еще раз подтвердил бы свою виновность. Для того чтобы Михайлов согласился написать такое прошение, Третье отделение убедило его, что оно необходимо, если только Михайлов хочет, в своих же интересах, чтобы дело его было решено в административном, а не в судебном порядке, так как суд может окончиться для него плохо. «Как ни возмущалось все во мне против это-

¹ Письмо было написано Костомаровым с явно провокационной целью. О деле Михайлова см. *М. Лемке*. Политические процессы в России 1860-х годов. М.—П. 1923; Политические процессы 60-х годов, под ред. Б. П. Козьмина. М.—П. 1923; *М. И. Михайлов*. Записки. 1861—1862. Редакция и вступительная статья А. А. Шилова. П. 1922.

го, — вспоминал позднее Михайлов, — но суд страшил меня тем, что к нему будет призван и Костомаров, и его ответы запутают дело и бросят тень подозрения на кого-нибудь, кроме меня». Но как только прошение было написано,¹ жандармы цинично объявили ему, что, в то время как они отослали прошение, пришло высочайшее повеление о предании его суду. «Тут только, — писал Михайлов, — я слишком поздно догадался, что вся эта махинация была подведена, чтобы я не мог отказаться перед судом от моего показания».

После объявления о предании Михайлова суду, он был переведен 14 октября из Третьего отделения в Петропавловскую крепость. Потянулись длинные тюремные дни и ночи, сливаясь в один однообразный и унылый ряд. Томительная тишина тюремных ночей нарушалась боем крепостных курантов, вызванивавших «Коль славен» и «Боже, царя храни». Тягостные раздумья томили Михайлова. Душевное состояние его было тревожно: он не мог не беспокоиться за свою участь. Первый выпавший снег, который он увидел, отворив крохотную форточку камеры, заставил его с грустью подумать о печальной и дальней дороге в ссылку, в снега холодной Сибири. Томила его и разлука с близкими ему людьми, особенно с Шелгуновыми. Но безрадостную тюремную жизнь грело и озаряло то сочувствие, те слова приветя и знаки внимательности, которые доходили к заключенному с воли. «Свидания с ним, — пишет в своих воспоминаниях Шелгунов, — конечно, никому не разрешались, но дозволялось посылать ему книги, съестное, папиросы. Так как большинство этих предметов проходило через мои руки и доставлялось женщинами, то не думаю, чтобы было преувеличением, если я скажу, что Михайлов, конечно, во всю жизнь не ел столько рябчиков и всяких родов варенья, сколько ему теперь посылалось».

Студенческая молодежь, заключенная после университетских волнений в крепость, узнав, что сюда привезен и Михайлов, прислала ему горячий привет в стихах.² При-

¹ Прощение приведено М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов. М.—П. 1923, стр. 109—110.

² См. Приложение.

ветствие от «Молодого поколения» глубоко растрогало Михайлова, и он тотчас же ответил студентам стихотворением «Крепко, дружно вас в объятья», быстро получившим широкую известность.

Как ни тягостна была для Михайлова тюрьма и мысль о Сибири, он не переставал думать о литературе, о своих книгах, продолжал писать стихи. «Жаль мне моих книг, — писал он в одном из писем к Шелгуновым. — Да неужто их отнимут? Бумаги-то нельзя ли хоть спасти? По слабости человеческой, я, и при полной невозможности, все строю разные литературные планы. И тем бы занялся, и этим, а придется, вместо пера и бумаги, вооружиться, может быть, лопатой и тачкой. Мне бы доставило большое удовольствие, если б стихи мои, как вы писали, собрали и напечатали... Хотелось бы хоть что-нибудь оставить на память о себе; а стихи мои едва ли не лучше из всего, что мною написано». В другом письме Михайлов сообщал подробный план издания своих стихотворений и просил, чтобы выбор стихов, — «что стоит напечатать, а что надо выкинуть», — взяли на себя Некрасов, Полонский и Майков; редактором издания он намечал Гербеля. В этом же письме — скрытая тревога за судьбу Шелгунова, у которого в связи с арестом Михайлова возникли неприятности по службе в Лесном департаменте, и мечты о совместной жизни с друзьями в ссылке. «Перемена с Н. В. [Шелгуновым], признаюсь, не огорчает меня. Мне почему-то кажется, что это к лучшему, — хотя бы даже в отставку. Только сначала будет трудненько; но он не такой человек, чтобы пропасть. Я хоть и спокоен, но стараюсь всячески гнать от себя светлые надежды, чтобы не разочароваться потом горько. Слава богу, что Вы, моя милая и добрая, здорова и что Миша¹ тоже здоров. Если будем вместе, то Шлоссера непременно следует взять; если я буду на поселении, и я бы стал

¹ Миша — сын Михайлова и Шелгуновой — Михаил Николаевич Шелгунов, родился в 1860 г.; поэт и переводчик; сотрудничал в «Деле», «Труде», «Всемирной иллюстрации», «Живописном обозрении» и других изданиях; умер в 1897 году.

переводить. Н. В—чу [Шелгунову] во всяком случае, куда бы и как бы он ни поехал, следует набрать с собой книг для работы: его статьи прекрасны, и я убежден, что их везде будут с руками у него брать. Только бы вы, моя родная, были здоровы. Вот это заботит меня больше всего. Хоть доктора нигде такого, как Китер, не будет, но зато ведь и климата петербургского другого нет. Вы не поверите, как у меня сжимается сердце за бедного — — — — бова.¹ Неужто его не спасут? Вот будет потеря-то страшная. Ведь как он молод! Крепко целую вас, крепко.

«Какая это отрада, что хоть письмами можно перекинуться, милая Л. П., как бы хотел увидеть Вас и хоть словечко сказать...

«Ал. Ал. [Серно-Соловьевича] целую накрепчайшим образом.

«Р. S. Только рукопись и уничтоженные для печати стихотворения, пожалуйста, сохраните».²

Шли дни. Решение участи Михайлова приближалось. Дело его рассматривалось в сенате. В числе его судей-сенаторов находился М. М. Карниолин-Пинский, некогда бывший учителем его отца; — он пристально всматривался в сына своего ученика, «не отводя ни на минуту своих прищуренных злобных глаз».³ На суде Михайлов ни в чем не изменил своих показаний, данных на следствии, попрежнему принимая всю вину на одного себя. Ожидание Сибири не поколебало его стойкости. Душевное состояние его — тревога и страстная любовь и дружба — ярко выразилось в следующем письме из крепости к Шелгуновым, написанном в ноябре 1861 года:

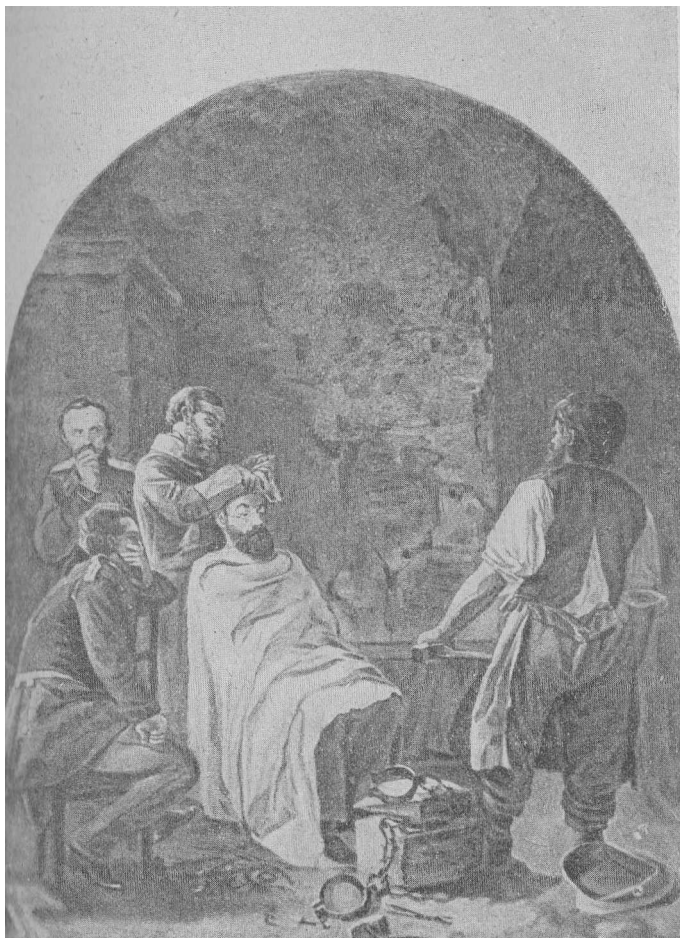
«Сегодня именинник милый Мишутка. Здоров ли? Ходит ли, кричит ли? А дядю своего, конечно, забыл. Но вы его не забыли, милая, дорогая Людмила Петровна, и ты,

¹ Т. е. Добролюбова, опасно в то время больного и приговоренного врачами к смерти. Михайловым в крепости было написано стихотворение «Памяти Добролюбова».

² П. В. Быков. Из переписки М. Л. Михайлова. «Современник» 1912, кн. IX, стр. 205—206.

³ М. Л. Михайлов. Записки, стр. 77.

дорогой друг, Николай Васильевич. Написал я вам давно уже длинное письмо и лежит оно у меня до сих пор, потому что на комендантской бумаге какого-то особенного качества; а через него не хочется передавать. Пишу вам теперь на обертке «Атенеума», чтобы отдать в день, как прочтут мне в сенате приговор. Сегодня слышал, что порешили в сенате 12-ю годами каторги. Верно, смягчат, но все-таки перспектива темная. У меня на уме все сегодня из стихов Шевченко: «Тяжко, важко!» Даже всплакнул, да и теперь плачу. Разорено наше гнездо, и совьем ли мы его когда попрежнему? Вряд ли. Не скоро-то сломится эта тупая и злобная сила. Тут же, около меня, сидят под сводами сотни юношей, ведь это все лучшие надежды, и целое поколение. И его сомнут и разнесут на все четыре стороны. Злости и желчи накапливает много, да какой от нее теперь прок? Стены толстые — их и лбом не прошибешь; окна за решетками. А сегодня радость была великая: крестили кого-то, и пушки здесь целое утро рывкали. Хотел было я описать Вам все свое дело, да тяжело... На словах лучше скажу. И без того половина моих мыслей вертится, вертится все около поганных подробностей этого дела. Почти никогда снов не вижу, а тут и снится-то все эта мерзость — допросы и шпионские физиономии. Когда я приехал сюда, мне вздохнулось свободнее и легче. И как подумаешь, что за насмешка судьбы! Выдаст тебя человек из желания спастись. А потом уж и сам не понимает, что делает. Впрочем, вовсе не судьба виновата, а наше тупоумие, да старая позорная трусость. Мамка в детстве запугала. Голубушка Людмила Петровна, мне и отрадно слышать, что вы не покинете меня в ссылке и горько за вас. А больше всего боюсь я, чтобы вы не вздумали ехать зимой. Я ведь все не верю, чтобы вы были здоровы. Да и при здоровье, как Вы Мишу повезете? Ведь не оставите же вы его. Если б еще я мог как-нибудь остаться здесь до весны; тогда другое бы дело. Ради бога, берегите себя и Мишу. Я постараюсь быть покорным судьбе и ждать вас терпеливо. Ваше здоровье и здоровье Миши дороже моего спокойствия. Мне пришло как-то в голову, что хорошо бы, если бы меня выслали вон из России; да

М. Л. Михайлова заковывают в кандалы
С современной литографии

это несбыточная мечта. Вместо какого-нибудь Мюнхена очутишься в Тобольске. Мне часто больно вспомнить, как спокойно уезжал я из дому, точно в гости, точно надеялся воротиться через несколько часов. Миша плакал и просился на руки, а я чуть поцеловал его в темячко и со всеми простился не так тепло и хорошо, как бы следовало; с улицы даже на окна не взглянул, а вы верно смотрели. Кланяйтесь, пожалуйста, от меня всем домашним; скажите им, если кто был мною когда недоволен, чтобы простили меня. Может, уж никогда не придется и увидаться. То же, разумеется, и всем друзьям и знакомым скажите, когда увидите, и всем самое сердечное спасибо за участие ко мне. В этакое положение, как мое, отрадно вспомнить каждый добрый взгляд, каждое ласковое слово. В прежнем письме я написал было, что мне нужно в случае ссылки; да что заранее толковать: может и ничего не понадобится. Будьте же здоровы, да тотчас после решения приезжайте. Я, как вернусь из сената, зайду к коменданту и буду просить свидания с вами. Целую вас крепко, крепко».¹

XI

Постановлением сената Михайлов «за распространение злоумышленного сочинения, в составлении коего он принимал участие и которое имело целью возбудить бунт против верховной власти», был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках на двенадцать лет и шесть месяцев, «а по прекращении сих работ, за истечением срока или по другим причинам, поселить в Сибири навсегда». На сенатском определении царь положил резолюцию: «Срок каторжной работы ограничиваю шестью годами, а в прочем быть по сему».²

¹ П. В. Быков. Из переписки М. Л. Михайлова. «Современник» 1912, IX, стр. 206—208.

² Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. М.—Л. 1923, стр. 130—131.

Суровый приговор вызвал всеобщее сочувствие к Михайлову. «Сибирь и каторжная работа, — пишет Шелгунов, — предстоявшие Михайлову, леденили кровь даже при одном упоминании о них. Михайлов же был очень слабого сложения и страдал болезнью сердца. Понятно, насколько близкие к нему люди старались принять заблаговременно меры, чтобы, по возможности, облегчить ему хотя бы только путешествие по Сибири. Но для этого требовались средства, а их у Михайлова не было. И вот в разных кружках пошла подписка, в энергии и успешности которой мужчины соперничали даже с женщинами. Женщины, однако, я думаю, были все-таки энергичнее. Они, например, собрали сто рублей серебряными пятаками, чтобы Михайлов не нуждался в дороге в мелких деньгах».¹

Горячее участие в сборе денег в пользу Михайлова принимал Н. Г. Чернышевский, собравший среди близких и друзей 81 рубль.²

Публичное объявление приговора Михайлову на площади перед Сытным рынком было назначено на 14 декабря 1861 года (в годовщину восстания декабристов). Опасаясь демонстрации со стороны студенчества, правительство опубликовало о дне гражданской «казни» в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции» только 14 декабря, в расчете на то, что, когда газета выйдет, «казнь», назначенная на восемь часов утра, будет уже окончена.

Рано утром 14 декабря Михайлова обрили по-арестантски и заковали в кандалы.³ Затем посадили на особую «по-

¹ *Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—П. 1923, стр. 138.*

² Подлинник подписного листа хранится в Институте русской литературы Всесоюзной Академии Наук. См. *Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, III, М. 1930, стр. 650.*

³ Сцена заковки и стрижки Михайлова изображена на литографии неизвестного художника, быстро получившей широкое распространение. Офицер, сидящий слева — плац-адъютант, штабс-капитан И. Ф. Пинкорнели, способствовавший переписке заключенных между собою и с «волей»; Михайлов называл его «добрым и милым»; стоит — подпоручик Ф. Ф. Руссов (*М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов. М.—П. 1923, стр. 133*). По сообщению П. В. Анненкова, в Петербурге была

зорную» колесницу, спиною к кучеру, в серой арестантской шинели, и повезли на Сытную площадь.

На площади, на специально построенном эшафоте, царским правосудием была разыграна позорная комедия. При барабанном бое Михайлов был поставлен на колени. Чиновник прочитал приговор, и палач переломил над головой Михайлова заранее подпиленную шпагу.

О процедуре объявления приговора агент Третьего отделения писал следующее:

«Объявление приговора кончено благополучно. Народу было очень мало — человек до 200, не более, и все простой народ. Читали не очень громко, так что большинство даже не знает, как фамилия преступника. Студентов—положительно никого. Человека три-четыре чиновников. До приезда Михайлова в толпе говорили, что казнят какого-то генерала, но за что, неизвестно. После прочтения же некоторые, не понявшие указа, болтали, что он хотел *сменить* государя и всех министров — настоящего же почти никто не слышал. Он [т. е. Михайлов] был очень покоен, но бледен и во все время не произнес ни слова. Его провезли в наемной карете под прикрытием трех взводов казаков; таким же образом увезли обратно в крепость рысью. Палач, ломая шпагу, не коснулся нисколько его головы. Арестантскую куртку ему одели на его пальто. По окончании толпа тотчас разошлась; часть побежала за ним, но далеко от всего кортежа отстала. Ни Шелгунова, ни других лиц, нами подозреваемых и мною виденных на похоронах Добролюбова, положительно не было. Были при этом оберполицеймейстер и комендант. Это происходило на Сытной площади, окруженной жильем торговцев и, большею частью, рабочих, которые и собрались; до остальных же жителей Петербургской стороны весть об этом дойдет позже;

широко распространена и другая фотография (вернее — литография) Михайлова «в костюме и в шубе ссыльного, в оковах, посреди зимнего пейзажа, между тем как кругом его порхали ласточки — эмблемы весны и свободы» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. III, Спб. 1912, стр. 486).

с городской стороны тоже не видать было, чтобы кто-нибудь туда приехал».¹

Герцен и Огарев, когда дошла до них весть о приговоре над Михайловым, напутствовали его в «Колоколе». Огарев поместил большое стихотворение,² а Герцен в статье «Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге» писал: «Утром четырнадцатого (26) декабря прочли перед Сытным рынком приговор Михайлову: он осужден в *рудники* на 6 лет, и государь утвердил *каторжную* работу за несколько независимых слов... Сенатор Бутурлин хотел еще полнее отпраздновать годовщину: он предлагал Михайлова повесить.

«Шесть лет каторжной работы за то, что из груди, переполненной любви в негодования, вырвалась страстная речь... а, впрочем, — лишь бы физические силы выдержали.

«Иди же с упованием, молодой страдалец, в могилу рудников; в подземной ночи их, между ударами молота и скрипами тачки, ты еще ближе услышишь стон народа русского, а иной раз долетят до тебя и голоса твоих друзей — их благословенье, их слезы, их любовь, их гордость тобою. А там... мало ли что может быть в шесть лет!»³

После публичного объявления приговора Михайлов был снова отвезен в крепость, где ему было дано свидание с Шелгуновыми, Я. П. Полонским, А. Н. Пыпиным, П. П. Пекарским, Н. А. Некрасовым, Н. Г. Чернышевским, А. А. Серно-Соловьевичем и Н. В. Гербелем. Вечером в тот же день он был отправлен в Шлиссельбург, а оттуда — ночью — на Москву, Ярославль, Кострому, Вятку и т. д. — в сибирскую каторгу. Хотя дворяне по закону от кандалов освобождались, но власти, уверенные в том, что на

¹ «Русское прошлое», вып. 2, П.—М. 1913, стр. 152.

² См. Приложение.

³ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. Лемке, т. XV, стр. 117. В том же прибавлении к № 119—120 «Колокола», 1862 года, где напечатана статья Герцена, помещено, кроме стихотворения Огарева, стихотворение «Узнику», присланное от студентов из крепости, и «Ответ» Михайлова.

первой же станции Михайлова отобьют у жандармов студенты, отправили его закованным в кандалы, в крытых саниах, под усиленным конвоем, и только за Шлиссельбургом повезли его в возке, «обычным порядком с жандармами». Деньги, собранные друзьями и вырученные от продажи части его библиотеки, облегчили ему трудности пути.

Далекий путь, который казался Михайлову бесконечным, он описал в своих записках, обращенных к Шелгуновой, полных тонкой наблюдательности, мягкого грустного юмора и местами проникнутых волнующим лиризмом. Эти «Записки» вообще представляют выдающийся памятник мемуарной литературы.

«Я был сильно истомлен дорогою, — писал он, — потому что нигде не отдыхали; но мне хотелось сделать хоть половину пути, который казался мне бесконечным... В голове была какая-то путаница от неизвестности того, что меня ожидает; на сердце горько и одиноко; сны виделись все о свободе да о бегстве, да о вас, а иногда и такие, что я просыпался от испуга. С самого отъезда из Петербурга и до Тобольска — я вообще был словно растерянный какой и не мог ничего сообразить хорошенько, и все как будто что-то щемило мне сердце. Спать приходилось мне сидя, и что еще более утомляло меня. Протянуть ноги, значило только подвергнуть их холоду. И так они у меня беспрестанно зябли, несмотря на толстые и теплые сапоги. Как ни старался я укрывать свои кандалы, они быстро холодели; холодели и кольца, которые, как когти, охватывали мне ноги, и ноги начинали ныть и тосковать».¹

Письма друзей из Петербурга и письмо петербургского генерал-губернатора А. А. Суворова к генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову сильно облегчили арестантский путь Михайлова. «Во все время моего пребывания в Тобольске, — говорит он в своих записках, — я пользовался самым дружеским, почти родственным вниманием многих. Мне не давали ни скучать, ни чувствовать какое-нибудь лишение. Я был буквально засыпаем жур-

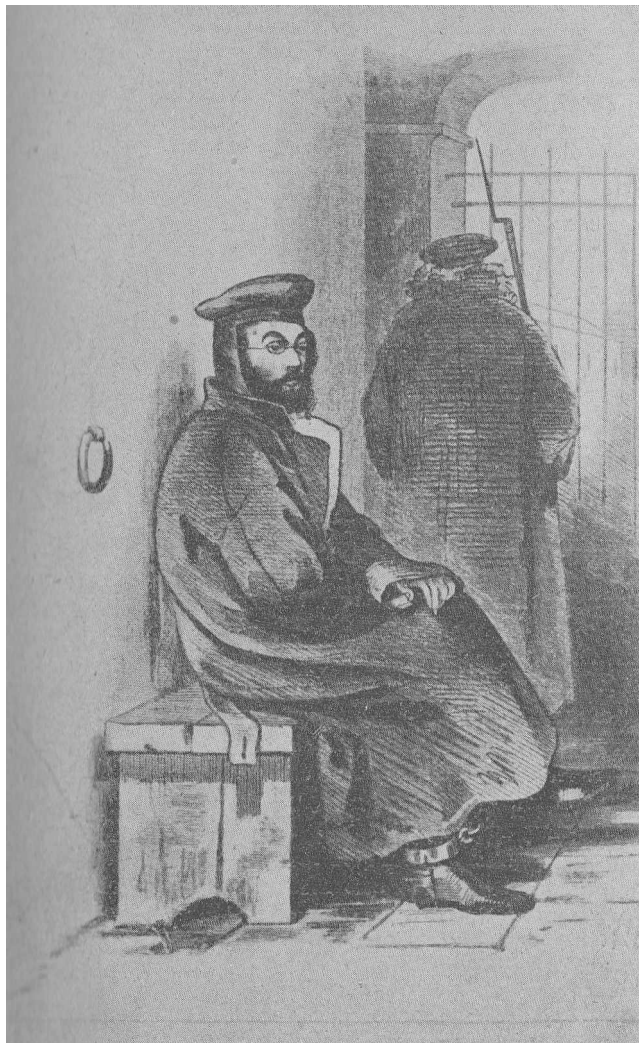
¹ М. Ил. Михайлов. Записки, стр. 89.

налами, книгами; мне присылали со всех сторон всевозможные газеты в самый день получения почты; справлялись о моем деле и в приказе, и у губернатора, и во врачебной управе; предлагали мне отправлять письма. Каждое утро к чаю являлись превосходные сливки, разное печенье, к обеду — жареные рябчики, всякие сласти, масло, наливки и т. п. Обо мне не забывали ни на один день. Я решительно не мог отказываться от этих «подаваний», потому что в большей части случаев не знал, кого и благодарить».¹

За время своего пребывания в Тобольске Михайлов начал писать роман² и перевел последнюю сцену трагедии Эсхила «Скованный Прометей». Но как ни облегчалась его участь знаками внимания и содействием новых тобольских знакомых, его томила тоска, горечь разлуки с другом и любимой женщиной, к которой были устремлены все его думы и мысли. Когда одна из тобольских дам в новый год привезла ему в тюрьму букет сибирских цветов — «гвоз-

¹ М. Ил. Михайлов. Записки, стр. 109. По доносу местного жандарма в Третье отделение, в апреле 1862 года возникло дело о послаблении, оказанном тобольскими властями государственному преступнику Михайлову. По приказанию царя было произведено строгое расследование, в результате которого виновные в послаблении были отданы под суд (в 1866 г.) и понесли наказание. См. об этом: М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов. М.—П. 1923, стр. 142—149; Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений, под ред. В. Бази-левского (В. Богучарского), т. 1, Спб. 1906, стр. 130—134; Материалы для будущей истории Сибири и ссылки Михайлова. Лейп-циг, изд. Каспровича, 1881, перепеч. в журнале «Всемирный вестник» 1907, VII; *Ставрогин*. О пребывании Михайлова в Тобольске. «Сибирские вопросы» 1908, №№ 3, 4, 8. А. И. Герцен по поводу этого дела писал в 1866 году в «Колоколе»: «что за мелкое, гадко-злое, ничтожное правительство, которое идет через годы ко-паться около могилы страдальца, замученного им, и отыскивать виновных в сострадании... Как это у них нет никакого такта, воспитания, коли нет сердца, настолько, чтобы понять, что роль сытой гиены, шляющейся около ею же обглоданных костей, мерзка, глупа...» (*Герцен*. Полн. собр. соч., под ред. М. Лемке, т. XIII, стр. 368).

² Вероятно это оставшийся неоконченным роман «Вместе», напечатанный в журнале «Дело» 1870, № 1.

М. Л. Михайлов в сибирской тюрьме
С современной литографии

дики, герани, мирты и несколько полуразвернувшихся китайских роз», — он особенно остро почувствовал мучительную разлуку с той, с которой крепкими нитями была связана его жизнь. «Цветы нашли меня в тюрьме, — отметил он в своих записках, — неужто любовь и дружба не найдут меня в ссылке»...

Встречи с Шелгуновыми — с «любовью и дружбой» он ждал с мучительной и страстной тоскою.

Около месяца пробыв в тобольской тюрьме, Михайлов отправился далее и через Иркутск и Красноярск в марте 1862 года прибыл в Казаковский золотой прииск Нерчинского округа, назначенный ему для отбывания каторги. Официально, в качестве каторжника, он был зачислен на один из рудников, но фактически жил у своего брата Петра Ларионовича, горного инженера, служившего на Казаковском прииске, от работ был освобожден, занимался литературой и обучением детей в основанной им школе. Но душевного спокойствия у него не было. Разлука с любимой женщиной с каждым днем становилась мучительнее, невыносимей.

«Легко сказать, — писал Михайлов в своих записках-дневнике в начале марта 1862 года, — ведь уж полгода как я простился с тобой, и три с небольшим месяца, как я на месте ссылки. С томительным нетерпением ждал я весны, следил каждый день за этими горами, за этим лугом, которые начинали зеленеть так туго, напрасно поджидая дождя. Наконец-то тучи над ними сжалились и стали поливать их. Теперь так хорошо все кругом моего жилища; зеленая падь полна цветов, горы тоже позеленели и стоят уже не сплошной темной грудой; ближайшие гряды их отделяются от дальнейших, которые, чем дальше, тем голубее. Хорошо кругом, а грустно. Я по целым часам простаиваю иногда на деревянной террасе дома, глядя и направо и налево, и меня не покидает такое точно чувство, какое внушило прекрасную немецкую песню: «Wenn ich ein Voglein war».¹ Из-за этих гор идут несколько дорог к самому

¹ Если бы был я птичкой.

почти дому: но как редко, какими урывками приходят по этим дорогам дорогие вести! Кукушка не перестает кричать надрывающим голосом, и я теперь очень хорошо понимаю, почему ссыльные ждут весной ее зова, чтобы уйти, куда глаза глядят».

«Дни мои скучны и однообразны. От пера к книге, от книги к перу. Но вместо книг (и какие это книги, русские журналы, доходящие ко мне урывками, где мысль напрасно напрягается найти выражение), вместо книг хочется живого слова; вместо пера хочется живого дела, живых забот. Я основал здесь школу, и каждое утро часа по два провожу здесь с мальчиками,— и это лучшее мое развлечение. Как ходил я из угла в угол в своих тюрьмах, так брожу я часто и здесь по саду и по террасе, и с такими же почти мыслями. Не думаю, чтобы мне было тяжелее, если бы я возился с лопатой или погонял лошадей на так называемом разрезе, то есть на настоящей каторге, откуда до дому нашего доносится грохот бочки, промывающей золото, и журчанье запруженной речки.

«С грустным чувством дописываю я свой рассказ. Я как будто прерываю беседу с тобой. Когда же сменится она живою беседою?»¹

XII

Дни «живой беседы» еще ожидали Михайлова. Н. В. Шелгунов, чувствуя долю своей вины в каторге друга, особенно тяжело переживал разлуку с ним. Шелгуновы твердо решили следовать за Михайловым в Сибирь, чтобы там организовать совместный побег за границу. Намерение Шелгуновых ехать в Сибирь горячо поддерживал Н. Г. Чернышевский.²

В начале лета 1862 года Шелгуновы выехали из Петербурга. Ехали они два месяца и в августе прибыли на Ка-

¹ М. Ил. Михайлов. Записки, стр. 155.

² Примеч. Лемке в XV т. Полн. собр. соч. Герцена. П. 1920, стр. 119; Л. Шелгунова. Из далекого прошлого, Спб. 1901, стр. 116.

ковский прииск, где с нетерпением их ожидал Михайлов. Он был счастлив снова встретить «любовь и дружбу» — Людмилу Петровну и Николая Васильевича и своего милого Мишутку.

Шелгуновы поместились в том же доме, где жил Михайлов, у его брата инженера. «В доме, очень небольшом, — пишет в своих воспоминаниях Шелгунова, — все мы и поместились, конечно, стеснили хозяина, но на это он не жаловался, потому что мы внесли большое разнообразие в жизнь молодого офицера, жившего на уединенном прииске».¹

Живая, общительная и веселая Шелгунова «ухитрилась пересоздать в изящное гнездышко пустую, скучную квартиру инженера Михайлова, напоминавшую до тех пор глухой станционный двор, — вспоминает О. Н. Дубровина, жившая в то время на Казаковском прииске. — В комнате, носившей название «зала», появился рояль, — Шелгунова была хорошая музыкантша. Вся горная молодежь, жившая по соседним приискам, бросила вино и карты, и как по руслу, стекалась... в Казаково».² Начинались горячие споры, увлекательные беседы, заканчивавшиеся после ужина музыкой Шопена или Бетховена.

Бликие люди, жаркие споры, молодежь, музыка — все это оживило тусклую ссыльную жизнь Михайлова, который, как и всегда, сначала слегка пугая своей странной внешностью, располагал к себе всех, кто узнавал его ближе. В воспоминаниях Дубровиной хорошо зарисован облик Михайлова; это — последний словесный портрет ссыльного поэта, сохранившийся в немногочисленных воспоминаниях о его жизни в Сибири. «Лицо его, — пишет Дубровина, — густо обросшее черными волосами, худое, скуластое, в рамке длинных черных волос, с бородою и усами, с первого взгляда казалось прямо уродливым; особенно неприятное впечатление производили его глаза; ему как

¹ Л. Шелгунова. Из далекого прошлого, стр. 118.

² О. Н. Дубровина. Памяти Михайлова. «Беседа» 1905, XII стр. 20—25.

будто прорезали кожу и втиснули в узкие прорезы два черных жучка, беспокойных, пытливых, как-то напряженно в вас вглядывавшихся. Веки над ними вспухли и так тяжело подымались, что хотелось просить его опустить их. Широкие, высоко поднятые брови придавали лицу гостя удивленное выражение. На бескровной белой коже алел яркий, крупный рот, с какой-то болезненной улыбкой открывавший оба ряда белых, ровных зубов. Впоследствии я не понимала, как это лицо могло казаться некрасивым, но вначале — оно навело на меня страх и отвращение».¹

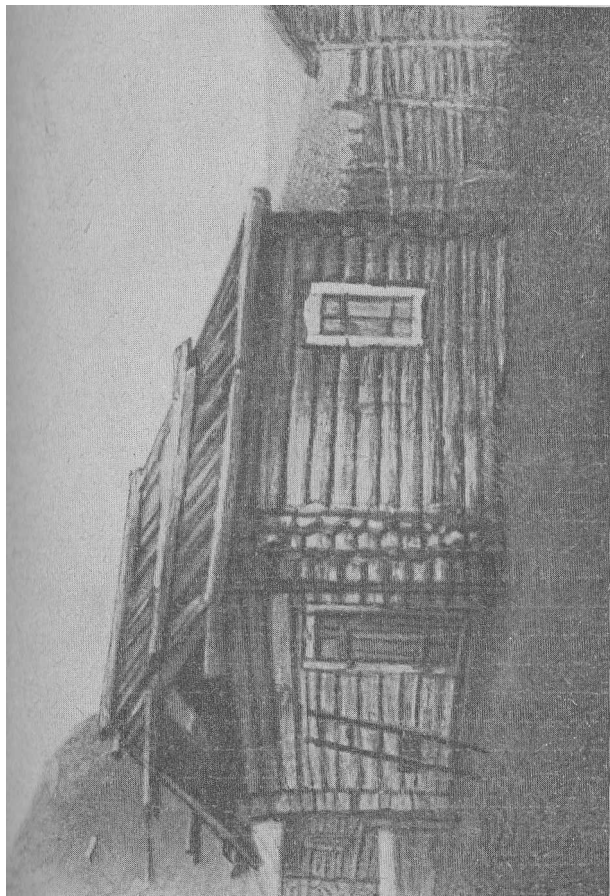
Те проблески счастья, которые теперь сверкнули в жизни Михайлова, скоро померкли. Спокойная жизнь на Казаковском прииске продолжалась недолго. По перлюстрированному в Третьем отделении письму Шелгунова к писателю М. В. Авдееву Шелгунов был заподозрен в намерении способствовать побегу Михайлова из Сибири. На докладе следственной комиссии по этому поводу Александр II наложил резолюцию: «Его следует арестовать и по осмотре его бумаг и снятия допроса решить его участь».

В Сибирь для ареста Шелгунова был послан жандармский полковник Дувинг, который приехал на Казаковский прииск 28 сентября. Л. П. Шелгунова была так потрясена обыском, что ее постиг апоплексический удар, от которого у нее отнялись ноги. Шелгуновых оставили, — впредь до распоряжений из Петербурга, — под присмотром жандармов, в соседней Ундинской слободе, в шести верстах от Казаковского прииска. Михайлов почти все время жил у них. Но в январе 1863 года пришло приказание перевести Шелгуновых в Иркутск и до дальнейших распоряжений держать их там под домашним арестом. Шелгуновы простились с Михайловым навсегда; свидеться им больше не пришлось.

Для Михайлова наступили черные дни. Он был переведен в Кадай, глухое селение близ китайской границы. Он еще

¹ О. Н. Дубровина. Памяти Михайлова. «Беседа» 1905, XII, стр. 15.

² А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. М. Лемке, т. XV, стр. 119—120.

Дом в Кадае, в котором жил М. Л. Михайлов
С фотографии 90-х годов

лелеял мысль о побеге, но собранные с трудом на побег семьсот рублей у него выманил какой-то авантюрист. Надежды на близкое освобождение рухнули.¹ Шелгунов из Иркутска был отправлен в Петербург и заключен в Петропавловской крепости. Шелгунова уехала за границу. Брат Михайлова — Петр Ларионович и нерчинский горный начальник О. А. Дейхман за послабления, «оказанные государственному преступнику», были смещены со своих мест.² Михайлов остался один со своими тоскливыми и безнадежными думами. Недавняя встреча с «любовью и дружбой», острые споры и звуки рояля — все казалось теперь мгновенно пролетевшим сном... Он поселился в крохотном домике, состоявшем из одной только комнаты. Здесь, среди голых бревенчатых стен, в одиночестве, с книгами или с пером в руке, провел он свои последние томительно-однообразные дни.

Вокруг на сотни верст расстилалось целое море безлесных сопок, конусообразных возвышений, придававших пейзажу скорбную монотонность. Ни деревца, ни светлого озера, — все глухо и безжизненно. Только кровавый цвет багульника широкой волной разливался по сопкам да весной по холмам рассыпались незабудки. Где-то далеко куковала кукушка, нарушая мертвую тишину монотонной природы.³

В лад этой монотонности дни проходили бесплодно, в горьких, надрывающих сердце думах. Дружья, любовь, сын — все навсегда было оторвано, просвета не виделось; в темные глухие ночи думалось о близкой смерти:

Вечерний ветер встал и по ущельям стонет;
По скалам голых гор ложится гуще тень;
Глухая ночь идет... придет и похоронит
Еще один пустой, бесплодный день.

¹ В. Я. Шаганов. Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке. Спб. 1907, стр. 4.

² «Голос минувшего» 1915, IX, стр. 36.

³ Л. Мельшин. На могиле М. И. Михайлова. «Степной край» 1896, № 54.

Ты просишь радости, любви, борьбы, свободы?
Утомонись, засни и не гляди вперед!..

Сколько же должен был выстрадать Михайлов, всегда жизнерадостный, полный энергии, веры в лучшее будущее, чтобы из его пламенного, но в тоске перегоревшего сердца вырвались эти прерывистые, безнадежные стоны!..

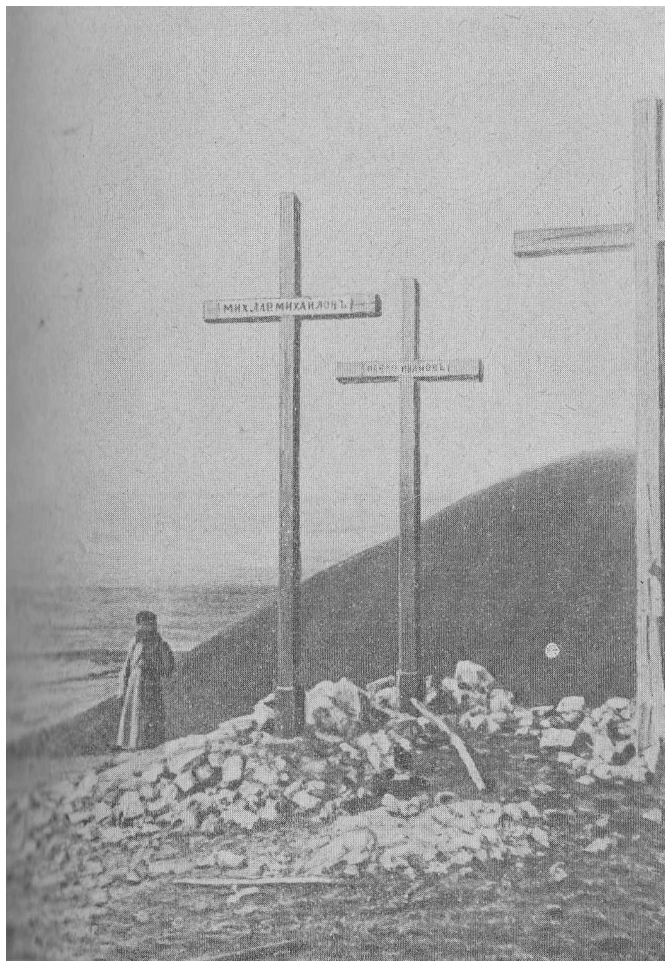
Хрупкое здоровье Михайлова день ото дня слабело. Обострившаяся в июне 1865 года Брайтова болезнь (органическое перерождение почек) приковала его к постели. Приехавший к нему в июле брат, Петр Ларионович, «за-стал его уже малоспособным к свободным движениям, так как в ногах его образовался отек от быстро развившейся водянки». Для докторов (кроме заводских, его лечили два доктора из ссыльных поляков) было ясно, что неизбежный конец близок. Неожиданный приезд брата обрадовал Михаила Ларионовича. Болезнь на некоторое время затихла, но затем вспыхнула с новой силой. Вместо подкрепляющего сна больной впадал в кратковременную дремоту. Жизнь от него отлетала. Доктора уже были бессильны и только могли облегчить ему страдания. Накануне смерти он сказал брату, что все — и его книги и рукописи — принадлежит сыну, Мише. Затем он впал в беспамятство. Брат, следя за быстрым приближением к нему смерти, заплакал навзрыд и припал к его руке. Сознание на мгновение в нем пробудилось: «Об чем ты плачешь? — спросил он брата. — Ведь я не умираю еще, правда, ведь, я не умру?» С этими словами он попросил приподнять его на подушках. «Ох, тяжело умирать!» — проговорил он и через несколько минут начал испускать предсмертные вздохи.

Умер он в два часа ночи 2 августа. 1865 года.

Так окончилась грустная повесть о жизни и страданиях поэта Михайлова.¹

Похоронен он был не на общем кладбище, а близ Кадая на одном из одиноких, обрывистых утесов. Рядом с его могилой — могилы польских повстанцев.

¹ Смерть М. Л. Михайлова. «Голос минувшего» 1915, IX, стр. 225—227.

Могила М. Л. Михайлова в Кадае
С фотографии 90-х годов

Два-три кратких некролога в газетах и в журналах — вот и все, чем откликнулась печать на смерть Михайлова.¹ Виной этому были едва ли только цензурные условия, не позволявшие писать о смерти политического преступника: Михайлов к этому времени был уже забыт. Только Герцен в своем свободном «Колоколе» отметил смерть Михайлова траурной рамкой на первой странице и озаглавил краткую заметку одним выразительным и верным словом «Убили».²

Н. Ашукин.

¹ «Иллюстрированная газета» 1865, № 2; газета «Весть» 1865, № 5, где смерти Михайлова посвящено несколько строк среди фельетона о петербургском лете, купаньях в Крыму, об убытках содержателя увеселительного сада Излера и т. д.

² *А. И. Герцен. Полн. собр. соч., под ред. Лемке, т. XVIII, стр. 228.*

М. Л. МИХАЙЛОВ

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНИЯ

ПОДРАЖАНИЯ ВОСТОЧНОМУ

ДЖЕЛАЛЬ-ЭДДИН РУМИ

1

Я — дикий виноград; мне явором ты будь,
Чтоб мог своей лозой я стан твой обогнуть.

Я — плющ; мне кедром будь, под бурями созрелым,
Чтоб слабой зеленью ко праху мне не льнуть!

5 Я — птица робкая; ты мне крылом будь смелым,
Чтоб мог я в синеве твоих небес тонуть!

Я — утомленный конь; будь шпорой мне колючей,
Да быстро к цели мчусь, куда твой ляжет путь!

Я — черная гряда; в ней розой будь пахучей,
10 Чтоб корни диких трав ей не сушили грудь!

Я — сумрачный восток; взойди над темной бездной
Ты солнцем пламенным — туманы распахнуть!

Я — ночь безлунная; о, будь ей ризой звездной,
Чтобы, отринув страх, я мог вольней вздохнуть!

СААДИ

2

Капля дождевая пала с тучи в море,
Где буграми волны ходят на просторе.

«Что же я-то в этой страшной бездне значу?—
Капля горевала. — Здесь и жизнь утрачу!»

5 Но от темной боли в лоне вод суровом
Раковина каплю осенила кровом...

Сберегла от смерти, от беды и страха,
И теперь та капля — лучший перл у шаха.

3

Крепко ударил я заступом в рыхлую землю.
Вдруг из таинственной тьмы ее вящему голосу внимлю:
«Помни, врываясь в глубокие недра мои:
Их удобрили своими костями собратья твои!»

БГАРТРИГАРИ

4

Слеза упоенья
Увлажила глаз,
И тотчас погас
Огонь вожделенья.

5

Пусть горит лампада,
Пусть очаг пылает,
Пусть сияет в небе
Месяц в сонме звездном,
5 Пусть и солнце блещет:

Если мне не светят
Ненаглядной очи,
Мир передо мною
Мглой ночной окутан.

6

Как не вижу — только б увидаться;
Увидал, охота целоваться;
Поцелую — сросся бы с тобой,
Светлоокая, и телом и душой!

7

Лесом шла она; смотрел я,
Притаившись за кустами,
Да смотрел и месяц с неба
Сладострастными глазами,
5 Устыдась, с груди покровом
Все лицо она закрыла
И как будто ненарочно
Волны персей обнажила.

8

Груди волнуются; кудри трубчатые
Бьются, дрожа, за спиной;
Почки лилеи, глаза ее сжатые
Брызнули страстной росой;
5 Блещут как жемчугом щеки пушистые
Влагой любовной борьбы;
Медом поят меня губы душистые...
Я ль не избранник судьбы?

9

Как тень поутру,
Со злыми дружба —
Что час, то меньше;
А дружба добрых —

5 Как тень под вечер,
Растет, покуда
Не закатишься
Ты, солнце жизни.

10

Пусть твои благие
Мысли и дела
Погадить, унижить
Тщится сила зла, —
5 Будь как яркий факел,
Обращенный вниз:
Пусть твой дух, как пламень,
Все стремится ввысь!

ИЗ ШИ-КИНГ

11

Мой хороший, мой пригожий
Носит смушковый кафтан;
Опоясан стройный стан
Барсовою кожей.
5 Игры скучны без него;
В битву ль понесется —
Не страшится ничего:
«Много их таких найдется!»
Да, найдется!
10 Только мне не надо никого!
Мой хороший, мой пригожий
Носит смушковый кафтан;
Опоясан стройный стан
Барсовою кожей.

- 15 Все мечты об нем одном —
Денные, ночные...
Кротость в нем, отвага в нем...
«Есть такие и другие!»
Есть другие!
- 20 Только мне не думать о другом!

ФЕРИДЕДДИН АТТАР

12

Что от врагов ты хочешь скрыть,
Друзьям не должен говорить.

МЕВЛАНА ДЖАМИ

13

Кедр, твоей вершины стройной
Не достать моим рукам.
О, хотя бы в полдень знойный
Тенью лечь к твоим ногам!

ИЗ КОРАНА

14

- Из рода в род твой глас идет:
Жестокосердные, внимлите!
Кормясь от трапезы сирот,
Вы пламень огненный ядите!
- 5 Но, не спалив себе гортань,
Они не ведают боязни...
Восстань, о господи, и грянь
По ним бичами правой казни!

Да в день, как нищий с богачом
10 И раб с владыкой рядом станут,
Завет твой злобный помянут,
Палимы внутренним огнем!

ИЗ ТАЛМУДА

15

Где сверкает меч,
Не цвести искусству;
Где цветет искусство,
Не сверкать мечу.

16

«Что мое — мое,
Что твое — твое!» —
Общий глас людской.

«И мое — мое,
5 И твое — мое!» —
Так вещает злой!

«И твое — твое,
И мое — твое!» —
Говорит благой.

С ПЕРСИДСКОГО

17

Что не могу в моих стихах,
Я сам незримо притаиться,
Чтоб с ними вместе появиться —
И поцелуями упиться
5 На молодых твоих устах!

ИЗ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ПОЭТОВ

ЭСХИЛ

18. Скованный Прометей

ПОСЛЕДНЯЯ СЦЕНА ТРАГЕДИИ

Прометей (прикованный к скале) и Хор океанид.

Прометей.

- И Зевс — как гордо ни упорствуй — будет
В урочный час унижен глубоко.
Он сеть себе сплетет, вступивши в брак:
Тот брак и власть отнимет у него
- 5 И трон отнимет. Вочью совершится
Проклятие, которым Крон-отец
Клял сына, в прах летя со своего
Предвечного престола... И никто
Из всех богов, опричь меня, не может
- 10 Ему сказать, как отвратить погибель.
Лишь я единый слово тайны знаю, —
Пусть царствует покуда, тешась властью,
Своим воздушным громом величаясь!
- Пусть ярко прыщут из его руки
- 15 Губящих молний огненные стрелы!
Ничто уж не спасет его; ничто
От страшного позора не удержит
И горького паденья. Он снарядит
И сам вооружит себе врага, —
- 20 И явится противник с дивной мощью:
Найдет он пламя жгучей молний Зевса

И голосом заставит онеметь
Могучий гром и сокрушит державный
Трезубец Посейдона, все моря
25 И земли потрясающий. Тогда-то —
Постигнут грозным роком — Зевс узнает
Различие меж властью и паденьем!

Хор океанид.

Давно грозишь желанным заключеньем
Ты Зевсу.

Прометей.

Сбудется, чего желаю!

Хор океанид.

30 Кто смеет думать Зевса одолеть?

Прометей.

Страшней и горче гибель он узнает.

Хор океанид.

И произнестъ ты это не страшишься?

Прометей.

Страшиться? мне? Я не причастен смерти.

Хор океанид.

Тебя страшной пытке он подвергнет.

Прометей.

35 Пускай! Я вижу все — и жду всего
Бестрепетно.

Хор океанид.

Пред правотой небесной
Склоняется, немея, ум премудрых.

Как храм бог мертв и бог годов
Дума упрямо мраморна,
Над нею время мраморна
Скоропостижно обрывает годов.

Купишь ищущие во храм,
Почае бесконечной дилеммы...
Но близость мнѣ — и, во вступлении
Много бога кресту храму!

М. Мухомов

Молитва.

Душа моя головкой юной
Подъ огнемъ освещенъ мучей,
Ты же молотъ благоволивъ,
Идеши между нами могой

И лишь только выливаетъ
Въ него дробная муна,
Дня голову поднимаетъ,
Пробуждаетъ отъ сна.

На иудахъ душистыхъ божествъ
Судьбы есть его рога,
И любовь его тучищетъ,
Зримо гряди въ неба..

М. Мухомов

Св. 1893

Страница из альбома Н. В. Гербея с автографами
стихотворений М. Л. Михайлова

Публичная библиотека в Ленинграде им. Салтыкова-
Щедрина

Прометей.

Молись, немей, склоняйся пред властями!

А я... Да что мне этот Зевс? Что в нем?

40 Пусть царствует, как знает! Срок короток —

И быть ему царем богов не долго.

Но вот летит сюда гонец крылатый:

Шлет новый царь мне нового посла.

Уж верно с важной новостью!

Гермес несется по воздуху, с жезлом и в крылатых
сандалиях.

Гермес.

Тебе,

45 Вреднейший, нетерпимый бунтовщик.

Восставший мятежом против богов

Из-за людского блага, дерзкий хищник

Священного огня, тебе сказать

Я прилетел, по повеленью Зевса:

50 Сейчас же объясни свои намеки

На брак какой-то, хвастовство свое,

Что кто-то Зевса свергнет с трона. Все

Без всяких изворотов и загадок

Определенно рассказывай! Смотри,

55 Чтоб плохо не было, как мне придется

В другой раз прилететь к тебе. Ты знаешь,

Пощады не бывать тогда от Зевса.

Прометей.

Надменно, важно, с горделивым видом,

Словами сыплешь ты, как подобает

60 Холопу Зевса. И давно ль попали

Вы, новички, на царство? А туда же —

Уверены, что можно беспечально

Вам в золотом чертоге пировать!

Я видел сам, как с этой вышки двое

65 Владык свалилось, *— и еще увижу,

* Уран, дед Зевса, и Крон, отец его. [*Примеч. Михайлова*].

Как третий — господин твой — полетит...
Быстрее всех, позорней всех... Иль ты
Вообразил, что я затрепещу
И преклонюсь пред новыми богами?
70 Нет, многого до этого не хватит —
Всего! Так знай: ты можешь отправляться
Обратно той же самою дорогой,
Какой сюда явился. Ничего
На все свои допросы от меня
75 Ты не узнаешь.

Г е р м е с .

Не такое ль точно
Упорство привело тебя сюда
И горькой муке предало?

П р о м е т е й .

Своей
Плачевной доли — знай ты это! — я
Отнюдь не променяю на твое
80 Служенье Зевсу. Нет! Милей мне этой
Скале служить, чем быть, как ты, усердным
И преданным рассыльным Зевса. Так-то
Должны мы вам, противникам всего,
Противиться!

Г е р м е с .

Тебе, как видно, любо
85 Быть в этом положении?

П р о м е т е й .

Любо? Очень
Желал бы я, чтоб так же было любо
И всем моим врагам! Ты в их числе.

Г е р м е с .

По-твоему, я тоже виноват
В твоём страдании?

Прометей.

Что тут толковать?

90 Всех вас, богов, я ненавижу — всех
И каждого — неправых и спокойных
В своем злодействе надо мной.

Гермес.

Я вижу,
Ты сильно болен умственным расстройством.

Прометей.

Да, болен, если только ненавиждь
95 Своих врагов — болезнь.

Гермес.

Коль ты здоров.
Нигде терпим ты быть не можешь.

Прометей.

Ах!

Гермес.

Такого звука прежде от тебя
Мы не слышали.

Прометей.

Время старит нас
И учит многому.

Гермес.

Тебя однако ж
100 Не научило быть благоразумней.

Прометей.

Конечно; ведь иначе ты, холоп,
Ни слова от меня не услышал бы.

Гермес.

Так ты не скажешь ничего о том,
Что знать желает Зевс?

Прометей .

Не должником ли

105 Меня считает он? Не ждет ли платы
За всю любовь свою ко мне?

Гермес .

Оставь

Свои издевки: я ведь не ребенок.

Прометей .

Ты не ребенок, а глупей ребенка,
Коль думаешь услышать от меня
110 Хоть что-нибудь! Такой нет пытки, нет
Таких уловок, чтоб меня заставить
Сказать, что знаю: можете в позорных
Цепях меня держать хоть до свершенья
Предвестья моего! Итак, пусть Зевс
115 Огонь своих зубчатых молний шлет!
Пусть белокрылым снежным ураганом
И грохотом подземным пошатнет
И опрокинет все кругом в бесчинный
Хаос! Меня не склонит он ничем
120 Открыть ему, кто некогда с престола
Его столкнет.

Гермес .

Подумай, что себе

Готовишь ты!

Прометей .

Давно обдумал все;

Давно решил я твердо!

Гермес .

Так узнай же,

Узнай, несчастный, все обилие зол,
125 Которым обречен!

Прометей.

Ты надоел

Мне пустозвонным словом. И не думай,
Чтоб перед Зевсом в страхе я, как баба,
Метаться стал и вздохи воссылать
К нему, всененавистному, с мольбою,
130 Чтоб он меня от этих уз избавил!
Нет, этому вовеки не бывать!

Гермес.

Напрасно я слова с тобою трачу.
Нет, просьбами своими мне тебя
Не укротить, не тронуть: ты, как конь,
135 Впервые взнузданный, рвешь удила
И бешено в ярме тяжелом бьешься.
Но ослеплен ты гордостью бессилья:
Одним упорством без разумной меры
Нельзя победы в споре одержать,
140 Подумай, коль слова мои ты презришь,
Какая неминуемая ударит
В тебя гроза, что за пучина мук
Тебя поглотит! Знай: нещадным громом
И булавами молний гневный Зевс
145 В утесы этого ущелья грянет,
Дробя их в прах, а твой состав телесный
Остюда сбросит в каменные недра
Дремучей пропасти. Потом, когда
Свершится круг годов неисчислимых,
150 Ты свет дневной увидишь; но к тебе
Начнет слетать могучий, бурнокрылый
Орел от Зевса: дик и алчен, станет
Терзать тебе измученное тело
Незванный гость по целым дням, — клевать
155 Остатки черной печени твоей.
И уж не жди себе от этой муки
Спасенья: разве бог какой тебя
Захочет искупить собой — и снидет,

- В потемки ада, в мрачные, как гроб,
160 Пределы тартара. Размысли это!
Не выдумка мои угрозы; нет!
В них слишком много правды. Никогда
В устах священных Зевса не бывало
Ни слова лжи: что скажет, то исполнит.
165 Так рассуди ж, подумай хорошенько!
Благоразумья не гони упрямством!

Х о р о к е а н и д .

- А право, Гермес не дурной совет
Тебе дает. Вонми благоразумью,
Упрямство брось, послушайся его:
170 Неправо поступать — позор для мудрых.

П р о м е т е й .

- Давно я прежде знал все то, что мне
Ты наказал. От злейшего врага
Принять такую муку — не позорно.
Пусть в меня двойным ударит жалом
175 Губительная молния! Пусть воздух
Всколеблется от грохота громов,
От судорог и взрывов урагана!
Пусть буря глубь земную расшатает
И с основанья сдвинет землю! Пусть
180 Смешаются, бичуемые гневом,
В бореньи диком — воющее море
И молчаливая стезя светил!
Пусть в вечный сумрак тартара свирепо
Низринет роковой круговорот
185 Мое грозой раздробленное тело!—
Все ж умертвить меня не может Зевс.

Г е р м е с .

- Как слово извращается, когда
Смешает мысли заблуждение — в нем
Живой пример! Он близок уж к безумью;
190 А от безумья перейти легко

И к бешенству. Но вы — о нем скорбеть
И над его ужасной долей плакать
Пришедшие, идите прочь, о девы,
Из этих мест! Бегите дальше, дальше!
195 Иль, оглушив, лишат сознания вас
Раскаты нескончаемые грома.

Хор о к е а н и д.

Найди совет получше, чтоб могли
Мы внять ему; твои ж слова глубоко
Противны нам: не совратишь нас ими!
200 Тебя мы не слушаем; себя
Не обречем позору. Нет, мы с ним
Погибель примем! Ненавистны нам
Отступники, — и нет на свете яда
Гнуснее и презреннее измены!

Г е р м е с.

205 Так ладно ж! Помните мои слова:
Коль вас сразят громовые удары,
Не жалуйтесь на участь вы свою;
Не смейте говорить, что в вас неожиданно,
Негаданно грозой ударил Зевс!
210 Вы знали все вперед: ни тайных козней
Тут не было, ни хитрого обмана.
Вы сами в бесконечной мреже рока
Запутались в безумном ослеплении.

Гермес исчезает. Страшный грохот в воздухе. Землетрясение.

П р о м е т е й .

Слова его сбываются: грозил
215 Недаром он. Земля заколебалась;
За молнией молния — шипят и выются
И всюду мечут огненные стрелы;
Столбами вихри поднимают пыль;
Везде шумит, как в буйном хмеле, буря;
220 С мятежнической яростью и с воим

В отчаянном схватились бое море
И небеса... И эту кару Зевс
Мне шлет, чтоб испугался я!.. Рази,
Хлещи, гроза! — О, мать святая!
225 О ты, эфир, священная стезя
Зиждительного света! Посмотрите,
Какую я терплю несправедливость!

АНАКРЕОН

19

Увидал Эрот, что время
Мне покрыло снегом темя,
Крылья быстрые расправил,
Одного меня оставил.

20

Ты розою роскошной расцветашь...
А я... да, я старик!.. Зачем же убегаешь
Моих кудрей сребристой белизны?..
Смотри: как в том венке согласно сплетены
5 С прекрасной розою, столь молодой и нежной,
Широкие листы лилеи белоснежной!

21

На пиру, за полной чашей,
Мне несносен гость бесчинный:
Охмеленный, затевает
Он и спор и бой кровавый.
5 Мил мне скромный собеседник,
Кто, дары царицы Гнида
С даром муз соединяя,
На пиру беспечно весел.

22

Молодая кобылица,
Знойной Фракии дитя!
Полно бешено коситься,
Полно рваться, полно биться,
5 Полно бегать от меня,
Захочу: узда крутая
Кровью рот твой обагрит, —
Кобылица удалая,
Робко голову склоняя,
10 Мерным шагом побежит,
Не скакать тогда ретивой
На раздолье луговом,
Не махать густою гривой,
Выступая терпеливо
15 Под искусным седоком.

САФО

23

Закатилася луна,
Закатилися плеяды,
Ночь идет... А я, тоскуя,
Все лежу без сна, одна,
5 И душе все нет отрады,
И устам нет поцелуя!

24

Горесть и слезы жить не должны в жилище поэта...
Сыну Феба печаль может ли хмурить чело?

25. Надгробие рыбаку

Бедный отец рыбака Пелагона — Мениск схоронил здесь
Милого сына и холм его смертный просто украсил...
Верша с веслом означают могилу пловца молодого:
Памятник грустный жизни его, и печальной и трудной!..

- Чем эта женщина могла тебя пленить,
 Твой ум и сердце так себе поработить? —
 Своею грубою, неловкою рукою
 И локона она не может мило взбить!
- 5 Ни груди молодой ей ризой дорогою
 С искусством не сумеет — закрыв, полуоткрыть.

Принял под мирный свой кров Геродот сестер олимпийских —
 И в награду ему каждая книгу дала.

М О С Х

- Если зефиры легко пробегают лазурное море,
 Робкий мой дух увлекается далью безбрежной; тогда мне
 Грустною кажется суша,—спокойные воды милее.
 Если ж пучина седая завоюет, и белою пеной
- 5 Берег высокий кропится, и злые валы, подымаясь,
 Ходят шумливо, — я взор обращаю на землю, на рощи
 В пышной, зеленой одежде, и дальше от моря бегу я...
 Более верным приютом земля мне кажется. Чащи
 Злачных лесов меня манят широкою тенью: там ветер
- 10 Тихо главами сосен высоковершинных качает...
 Тяжкою кажется мне тогда жизнь рыбака: его хата,
 Судно ломкое, труд его — в море сердитом, а рыба —
 Часто добыча неверная... Лучше, спокойней живу я;
 Сплю ли — над сонным кудрявый явор махнет ветвями;
- 15 Серебропенный ручей мой слух, не ругая, лелеет
 Неясным и сладким журчаньем, — и тихие думы наводит...

ИЗ АНТОЛОГИИ

ЛУКИАН

29. Боги

Делая зло, от людей еще можешь укрыться: но боги
Видят не только дела, самые мысли твои.

ПАЛАД

30. Удел человека

Наг на землю пришел я — и в землю наг возвращуся.
Стоит ли стольких забот этот печальный удел?

31. Время

Утром раскрыла листки благовонная роза... Другое
Утро прошло... Посмотри: розы прекрасной уж нет!

АЛКЕИ

32. Гезиод

Нимфы, найдя бездушный труп Гезиода в локрийских
Рощах тенистых, омыли его в своих чистых фонтанах—
И этот холм над могилой певца вознесли. Пастухи же
Белорунных овец могилу его окропили
5 Смешанным с медом млеком. — Как сладостно песни звучали
Этого старца, вспоенного светлой кастальской струею!

СИМОНИД

33. Могила Сафо

Имя и пепел певицы под этою насыпью скрыты:
Нежная песня ее вечною жизнью живет.

34. Статуя Ниобеи

В камень живую меня превратили всеильные боги;
Мертвый камень опять к жизни воззвал Пракситель.

35. Надгробие спартанцам в Фермопилах

О, прохожий! Скажи, как придешь в Лакедемон, что все мы,
Верны законам его, здесь костями легли.

НЕИЗВЕСТНЫЕ

36. Молитва

Зевс! Дай добра мне, хотя б я его не просил у бессмертных;
Зло отврати от меня, если б молил я об нем!

37. Могила Ахиллеса

Греки воздвигли здесь холм над смертной постелью Пелида...
Вечная Трои гроза, здесь он в могиле лежит...
Берег — ложе его... Тут великому сыну Фетиды
Волны морские поют славы немолчную песнь.

38. Угроза Эроту

Зевес Эроту грозил: «Поплатишься мне ты стрелами!»
Зевесу крылатый сказал: «Лебедем будешь, Зевес!»

ИЗ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ

СПЕНСЕР

39. Раздумье

Когда по небесам, луной неосвещенным,
Ночь простирает свой покров;
Когда слетает сон на ложе к утомленным
И в мраке бродит сонм духов;
5 Когда над всеми мир крылами тихо веет,
Когда лишь мертвые не спят —
Ко мне сонм призраков приблизиться не смеет
И не встречает теней взгляда...
Но в тишине ночей мое воображенье
10 Во мраке видит пред собой
Другие более печальные виденья —
Виденья радости былой.

МАРЛО

40. Из Фауста

ДЕЙСТВИЕ V, СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ .

Часы бьют одиннадцать.

Фауст (один).

О, Фауст!

Один лишь час тебе осталось жить,
И обречен ты муке бесконечной,
Остановись, клубящаясь бездна

- 5 Небесных сфер! Пусть оборвется время,
И полночь не наступит никогда!
Ты, око светозарное природы,
Взойди опять! о, солнце, принеси
Мне вечный день! Иль этот час продлится
- 10 Пускай хоть год, хоть месяц, хоть неделю,
Хоть даже день, чтоб покаяньем душу
Себе спасти от муки я успел!
О, *lente, lente currite, noctis equi!*
Но звезды все вращаются, и время
- 15 Бежит, бежит. Пробьют часы, и дьявол
Придет за мной — и я погиб навеки.
О! я рванусь — и буду в небе! Кто же
Все тянет вниз меня? По темной тверди,
Я вижу, кровь Христова разлилась,
- 20 Лишь каплю мне одну — и я спасен!
О, мой Христос! Не истяжи мне сердца,
Что я своим Христом его зову!
Я звать его не перестану. Пощади,
О, Люцифер! Но где же все? Исчезло!
- 25 Передо мной грозящая рука
И лик грозящий. О, холмы! о, горы!
Обруштесь на несчастного! сокройте
Меня от тяжелой кары неба! — Нет?
Так в землю я ударюсь головой,
- 30 Земля, раскройся! И земля не хочет
Меня укрыть... О, звезды! вы светили,
Когда родился я; влияние ваше
Определяет смерть и ад... Снимите
Вы Фауста, как дымный пар, с земли,
- 35 И туча пусть в своем тревожном чреве
Меня сожжет, чтобы потом извергнуть
Лишь тело из дымящейся гортани,
Душе же дать на небо вознестись!

Часы бьют раз.

- Уж полчаса — и скоро час! О, если
- 40 Душа должна несть кару за грехи,

- Все ж пусть конец скорбям бессонным будет!
Пусть проживу в аду тысячелетье.
Сто тысяч лет — и все ж потом спасусь;
Но мукам душ проклятых нет конца,
45 О, для чего я одарен душой?
Иль для чего моя душа бессмертна?
О, Пифагор! Зачем твое ученье
Несбыточно? Душа, со мной расставшись,
Вселиться в зверя дикого могла бы.
50 Зверь счастлив: умер — и душа его
В стихиях тонет. А моя душа
Все жить должна, чтоб нить от адской пытки.
Будь прокляты родившие меня!
Нет, будь я проклят сам! Будь проклят бес,
55 Меня лишивший радостей небесных!

Часы бьют полночь.

Бьет полночь! полночь! Распадись ты, тело,
Чтоб дьявол не унес тебя в геенну!
Душа, рассыпясь брызгами над морем
И в нем неуследимо пропади!

Гром. Входят бесы.

- 60 О, сжался,небо! Не рази угрозой!
Ехидны! Змеи! Дайте мне вздохнуть!
Не разевай ужасной пасти, ад!
Не приближайся, Люцифер! Сожгу
Все книги я свои... О, Мефистофель!

БОРНС

41. Джону Андерсону

Джон Андерсон, сердечный друг!
Как мы сошлись с тобой,
Был гладок лоб твой и, как смоль,
Был черен волос твой.

5 Теперь морщины по лицу
И снег житейских вьюг
В твоих кудрях; но — бог храни
Тебя, сердечный друг!

Джон Андерсон, сердечный друг!
10 Мы вместе в гору шли,
И сколько мы счастливых дней
Друг с другом провели!
Теперь нам под гору плестись;
Но мы, рука с рукой,
15 Пойдем — и вместе под горой
Заснем, сердечный мой!

42. К полевой мыши, разоренной моим плугом

(В ноябре 1785)

Трусливый серенький зверек!
Велик же твой испуг: ты ног
Не слышишь, бедный, под собой.
Поменьше трись!
5 Ведь я не зол — и за тобой
Не погонюсь.

Увы! с природой наша связь
Давно навек разорвалась...
Беги, зверек! Хотя я, как ты,
10 Жилец земли
Убогий: сам терплю беды,
Умру в пыли.

Воришка ты; но как же быть?
Чем стал бы ты, бедняжка, жить?
15 Неужто колоса не взять
Тебе в запас,
Когда такая благодать
В полях у нас?

Твой бедный домик разорен;
20 Почти с землей сравнялся он...
И не найдешь ты в поле мхов
На новый дом;
А ветер — грозен и суров —
Шумит кругом.

25 Ты видел — блекнули поля
И зимних дней ждала земля;
Ты думал: «будет мне тепло,
Привольно тут!»
И что же? — плуг мой нанесло
30 На твой приют.

А скольких стоило хлопот
Сложить из дерна этот свод!
Пропало все — и труд и кров;
Нигде вокруг
35 Приюта нет от холодов
От белых вьюг.

Но не с тобой одним, зверек,
Такие шутки шутит рок!
Неверен здесь ничей расчет;
40 Спокойно ждем
Мы счастья, а судьба несет
Невзгоду в дом.

И доля горестней моя:
Вся в настоящем жизнь твоя,
45 А мне и в прошлом вспоминать
Ряд темных лет
И с содроганьем ожидать
Грядущих бед.

43. К срезанной плугом маргаритке

(В апреле 1786)

Цветок смиренный, полевой!
Не в добрый час ты встречен мной:
Как вел я плуг, твой стебелек
 Был на пути.

5 Краса долины! я не мог
 Тебя спасти.

Не будешь пташки ты живой,
Своей соседки молодой,
Поутру, только дрогнет тень,
10 В росе качать,
Когда она румяный день
 Летит встречать.

Был ветер северный жесток,
Когда впервые твой росток
15 Родную почву пробивал;
 В налете гроз
Ты почку раннюю склонял,
 Под бурей взрос.

От непогод цветам садов
20 Защитой стены, тень дерев.
Случайной кочкой был храним
 Твой стебелек;
В нагих полях ты цвел незрим
 И одинок.

25 Ты скромно в зелени мелькал
Головкой снежною; ты ждал
Привета солнышка — и вдруг,
 Во цвете сил,
Тебя настиг мой острый плуг —
30 И погубил.

Таков удел цветка села —
Невинной девушки: светла
Душой доверчивой, живет,
 Не чуя бед;
35 Но злоба срежет и сомнет
 Прекрасный цвет.

Таков удел певца полей;
Среди обманчивых зыбей
По морю жизни он ведет,
40 Свой хрупкий чолн,
Пока под бурей не падет
 Добычей волн.

Таков удел в борьбе с нуждой
Всех добрых: гордостью людской
45 И злом на смерть осуждены,
 Они несут —
Одних небес не лишены —
 Кровавый труд.

Над маргариткой плачу я...
50 Но это доля и моя!
Плуг смерти надо мной пройдет
 И в цвете лет
Меня подрежет — и замрет
 Мой слабый след.

44. Пахарь

Вешнее солнце взошло над землей,
Пахарь-красавец идет за сохой.

Тихо идет он и громко поет:
«Кто-то весною, как пахарь, живет?»

5 Резвая пташка летит в небеса;
Рано проснулась: на крыльях роса.

С пахарем пташка по утру поет;
К ночи подруга в гнезде ее ждет.

45. Джон Ячменное зерно

Когда-то сильных три царя
Царили заодно —
И порешили: «Сгинь ты, Джон
Ячменное зерно!»

5 Могилу вырыли сохой —
И был засыпан он
Сырой землею, и цари
Решили: «Сгинул Джон!»

10 Пришла весна, тепла, ясна,
Снега с полей сошли...
Вдруг Джон Ячменное зерно
Выходит из земли.

И стал он полон, бодр и свеж
С приходом летних дней;
15 Вся в острых иглах голова
И тронуть не посмей!

Но осень темная идет...
И начал Джон хиреть,
И головой поник — совсем
20 Собрался умереть.

Слабей, желтее с каждым днем,
Все ниже гнется он...
И поднялись его враги:
«Теперь-то наш ты, Джон!»

25 Они пришли к нему с косою —
Снесли беднягу с ног
И привязали на возу,
Чтоб двинуться не мог.

На землю бросивши потом,
30 Жестоко стали бить;
Взметнули кверху высоко —
Хотели закружить.

Тут в яму он попал с водой
И угодил на дно...
35 «Попробуй, выплыви-ка, Джон
Ячменное зерно!»

Нет, мало! Взяли из воды
И, на пол положи,
Возили так, что в нем едва
40 Держалася душа.

В жестоком пламени сожгли
И мозг его костей;
А сердце мельник раздавил
Меж двух своих камней.

45 Кровь сердца Джонова враги,
Пируя, стали пить,
И с кружки начало в сердцах
Ключом веселье бить.

Ах, Джон Ячменное зерно!
50 Ты чудо-молодец!
Погиб ты сам, но кровь твоя
Услада для сердец.

Как раз заснет змея-печаль,
Все будет трын-трава...
55 Отрет слезу свою бедняк,
Пойдет плясать вдова.

Гласите ж хором: «Пусть вовек
Не сохнет в кружках дно,
И век поит нас кровью Джон
60 Ячменное зерно!»

46. Злая судьба

Под знойным вихрем злой, судьбы
Мой свежий лист опал;

Под знойным вихрем злой судьбы
Мой свежий лист опал!

5 Мой стан был прям, побег могуч,
Мой цвет благоухал;

В росе ночей, в блистаньи дня
Я бодро возрастал.

10 Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвет мой оборвал;

Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвет мой оборвал!

ТОМАС МУР

47. Мир нам!

Мир вам, почившие братья!
Честно на поле сраженья легли вы;
Саваном был вам ваш бранный наряд.
Тихо несясь на кровавые нивы,
5 Вас только тучи слезами кропят.
Мир вам, почившие братья!

Смерть приняла вас в объятия.
Дуб, опаленный грозой, опустится
Новою зеленью с новой весной;
10 Вас же, сердца, переставшие биться,
Кто возвратит стороне вам родной?
Смерть приняла вас в объятия.

На победившем проклятье!
Вечная месть нам завещана вами,
15 Прежде чем робко изменим мы ей,
Ляжем холодными трупами сами
Здесь же, средь этих кровавых полей.
На победившем проклятье!

БАЙРОН

Из поэмы «Чайльд-Гарольд»

48. Прости

Прости, прости, мой край родной!
Ты тонешь в лоне вод.
Ревет под ветром вал морской,
Свой крик мне чайка шлет.
5 На запад, солнцу по пути,
Плыву во тьме ночной.
Да будет тих твой сон! Прости,
Прости, мой край родной!

По долго ждать: гоня туман,
10 Взойдет и день опять.
Увижу небо, океан.
Отчизны — не видать.
Заглохнет замок мой родной;
Травою зарастет
15 Широкий двор, поднимет вой
Собака у ворот.

- Малютка, паж мой! Ты в слезах,
Скажи мне, что с тобой?
Иль на тебя наводит страх
20 Шум волн и ветра вой?
Корабль мой нов — не плачь, мой паж!
Он цел и невредим.
В полете быстрый сокол наш
Едва ль поспорит с ним.
- 25 «Пусть воет ветер, плещет вал!
Не все ли мне равно?
Не страх, сэр Чайльд, мне сердце сжал:
Оно тоской полно.
Ведь я отца оставил там,
30 Оставил мать в слезах,
Одно прибежище мне — к вам
Да к богу в небесах.
- Отец, как стал благословлять,
Был тверд в прощальный час,
35 Но долго будет плакать мать,
Не осушая глаз».
Горюй, горюй, малютка мой!
Понятна грусть твоя...
И будь я чист, как ты, душой,
40 Заплакал бы и я!
- А ты, мой йомен, что притих?
Что так поник челом?
Боишься непогод морских
Иль встречи со врагом?
45 «Сер Чайльд, ни смерть мне не страшна,
Ни шторм, ни враг, ни даль;
Но дома у меня жена:
Ее, детей мне жаль!
- Хоть и в родимой стороне,
50 А все ж она — одна:
Как спросят дети обо мне,
Что скажет им она?»

- Довольно, друг! Ты прав, ты прав!
Понятная печаль!
- 55 А я? — суров и дик мой прав:
Смеясь, я еду в даль.
- Слезам лукавых женских глаз
Давно не верю я:
Я знаю, их другой как раз
- 60 Осушит без меня!
В грядущем — нечего искать,
В прошедшем все — мертво.
Вольней всего, что покидать
Не жаль мне ничего.
- 65 И вот среди пучин морских
Один остался я...
И что жалеть мне о других?
Чужда им жизнь моя.
Собака разве... да и та
- 70 Повоеет день-другой,
А там — была бы лишь сыта,
Так я и ей чужой.
- Корабль мой, — пусть тяжел мой путь
В сырой и бурной мгле, —
- 75 Неси меня куда-нибудь,
Лишь не к родной земле!
Привет вам, темные валы!
И вам, в конце пути,
Привет, пустыни и скалы!
- 80 Родной мой край, прости!

49. Подражание португальскому

В час упоительный блаженства и любви,
Когда люблюсь я тобою, друг прекрасный,
О, жизнь моя! — уста прелестные твои
Мне шепчут сладостно с улыбкой неги страстной.

- 5 Хоть милые слова гармонией живой,
Звуча, в моей душе отрадно отдаются...
Однако вспомни, друг, что жизнь—как сон пустой,
И в жизни дни, как сон, мгновенно пронесутся...
Что смерть, не пощада прекрасных юных лет,
10 Неумолимо все сразит своей рукою —
И в мире человек исчезнет, — будто след,
Забытый на песке и вымытый волною...
- И лишь душа одна за гробом не умрет...
Моя ж любовь к тебе срослась с душой моею,
15 Она, как и душа, века переживет, —
Так лучше называй меня *душой* своею...

ФЕЛИЦИЯ ГИМЕНС

50. Песня

- Убаюкай, родная, больную меня,
Как баюкала, в люльке качая!
Мне изнывшее сердце, родная,
Убаюкай, крестом осени!
- 5 Головой утомленно склонилась бы я:
Засыпает цветок ночью темной;
Отдыхает и странник бездомный...
Убаюкай, родная, меня!
- Непогодой запугана птичка твоя...
10 Тяжела ты мне, жизнь молодая!
И зачем я любила, родная?..
Ах, баюкай, баюкай меня!

51

Все, что вольно, снится мне;
Голубой степной поток
И по яркой быстрине
Убегающий челнок;

5 Скок оленя в тьме лесов —
Глаз в огне, рога к спине;
Звон от тысячи ручьев...
Все, что вольно, снится мне!

Над зубцами ясных гор
10 Снится мне полет орла,
Виден солнечный простор,
Слышен шумный взмах крыла.
Я иду — кусты к реке
Никнут, будто в мирном сне...
15 Хоть бы парус вдалеке!..
Все, что вольно, снится мне!

Снится мне дитя в цветах
Средь сияющих полян;
Синей ночью при звездах
20 Стан кочующих цыган;
Шум на людных площадях;
Рощи в праздничном огне...
Сердце сдавлено в цепях
И что вольно, снится мне!

БАРРИ КОРНВАЛЬ

52. Жена каторжного

У тебя клеймо на лбу
И позорно и черно;
Всем видна твоя вина,
И не смоемся оно.
5 У тебя клеймо на лбу;
Но везде пойду с тобой.
Кто тебя полюбит там,
Если будешь брошен мной?
Целый мир тебя отверг,
10 И грешна душа твоя.

Целый мир тебя отверг;
Но не я, не я, не я.
Если насмерть ранен тигр,
Рядом с ним лежит, любя,
15 И тигрица... Милый мой,
Я тигрица у тебя!

53. Лодовико Сфорца

СЦЕНА 1

Улица

Герцог Миланский. Лодовико Сфорца. Герцог.

Г е р ц о г.

А так ли гордая была чиста,
Как и прекрасна?

С ф о р ц а.

О, чиста, как пламя,
Горевшее на алтаре Дианы,
Мила, как вешний день. Она сияла,
5 Как светлый образ греческого мифа,
Как из стихий рожденная богиня,
Влекущая в свои объятия смертных.
Прекраснее виденья не являлось
Поэту в грезах; из арабских сказок
10 Такая гурия в заветный рай
Обетом счастья не манила. Голос
Чарующею музыкой звучал,
Как издали уловленные тоны
Певучей флейты, что разносит резвый
13 Июньский ветерок по цветникам
И по садам, в вечерней неге спящим.

Г е р ц о г.

И умерла?

Изабелла показывается у окна.

С ф о р ц а.

Да, умерла!.. О, боже!
Кого я вижу? Кто это?

Г е р ц о г.

Взгляните

И полюбуйтесь ею!

С ф о р ц а.

Вижу! Вижу!

20 Иль мертвые выходят из могил?..
Она сама... иль тень ее? Возможно ль?
Все тот же блеск в глазах, хотя их смерть
Своей плевою темной затянула.
Смотрите!

Г е р ц о г.

Государь!

Изабелла отходит от окна.

С ф о р ц а.

Она исчезла.

Г е р ц о г.

25 Моя невеста это — Изабелла.

С ф о р ц а.

Невеста ваша?.. Да! она прекрасна!..
Ее лицо знакомо мне... в мечтах я
Его видал... иль где-то... где — не знаю...
Теперь мечтать не стану — стану думать...

30 А, может-быть — и действовать.

Входит Изабелла со свитой, Пиетро де-Медичи и другие.

Г е р ц о г.

Прошла ли,

Мой друг, твоя усталость? Отдохнула ль
Ты после переезда? Да? Тревожить

Тебя и утомленье пожалело:
Твой взор горит, ища побед в Милане.

И з а б е л л а .

35 Мой долг велит искать мне лишь одной
Победы здесь.

Г е р ц о г.

А сердце?

И з а б е л л а .

Сердце — тоже.

Г е р ц о г.

Послушай, милая!.. два слова...

Говорят про себя.

М е д и ч и.

Принц!

С ф о р ц а.

А! Медичи! здорово!

М е д и ч и.

Милый Сфорца,

Что с вами? Вы в каких-то думах. Даже
40 Друзей не замечаете.

С ф о р ц а.

Ах, нет!

Вот разве мой племянник в сладких грезах
О дяде позабыл...

Г е р ц о г.

Простите, друг мой!

Простите! Изабелла, это дядя

И опекун мой. Мне отцом он был

45 Люби его!

С ф о р ц а.

Я — Лодовико Сфорца
И рыцарь ваш, принцесса, если только
Такой вам жалкий рыцарь пригодится.

И з а б е л л а .

Благодарю вас, Сфорца.

Г е р ц о г.

Вот и Альпы!

Взгляни-ка, милая!

С ф о р ц а.

Сюда, принцесса,
50 Взгляните! Снежные вершины блещут,
Как будто солнце увидали.

Г е р ц о г.

Горы —

И те встречают радостным приветом
Мою любовь. Все счастливо и ясно.
А сколько счастья тут — вот в этом сердце!

И з а б е л л а .

55 Меня ты избалуешь!

С ф о р ц а.

Этот день —
Торжественный для всей природы праздник,
И вы — его царица.

И з а б е л л а .

Перестаньте!

Довольно!

Г е р ц о г.

Так идем! Здесь стало жарко;
Поищем тени.

С ф о р ц а.

Я сейчас за вами.

Они уходят.

- 60 Она ушла — и будто ночь настала.
Как! Мне безумствовать — в мои года?
Мне быть игрушкой этого мальчишки?
Ему теперь *поцарствовать* охота...
Нет! Это уж моей заботой будет!
- 65 Что за глаза у ней! По ним не скажешь,
Что жизнь ее спокойно потечет;
Иное у нее во взгляде. Будет
Она всем править здесь. А я? О, будь я
Тот Сфорца, что тому лет двадцать был
- 70 Увенчан во Флоренции, быть может,
Она и полюбить меня могла бы.
Любовь!.. Ее ль стараться победить,
Иль честолюбье?.. Но и жажда власти
И страсть меня влекут непобедимо.
- 75 Мой путь намечен. Но куда? То скрыто
Во мгле грядущего. — Подумать надо. (*Уходит.*)

СЦЕНА II

Комната с пышно-накрытым для ужина столом
Год спустя.

И з а б е л л а .

- Как медлит время! Словно позабыло
Свою обязанность. А были дни,
Когда оно летело. О, как сладки
- 80 Те дни казались! как тогда досадна
Была мне быстрота его! А ныне
Его крыло слезами я мочу.
Так тяжело подвигаются минуты!
Уж не боится ль он притти? О, нет!
- 85 Чу! звонкий шаг, по зале. Это *он*,
Убийца, Сфорца. — Сердце! собери

Всю мощь свою и бодро соверши
Долг правосудной мести! Вот он!

Входит Сфорца.

С ф о р ц а.

Радость,

Любовь моя и божество! Я вас
90 Пришел благодарить за вашу милость.
Не опоздал ли?

И з а б е л л а .

Нет, как раз — минута

В минуту.

С ф о р ц а.

Но вы грустны, Изабелла!
Уж не лишило ль что меня надежды
На ваше обещанье?

И з а б е л л а .

О, ничто!

95 Не сомневайтесь, не ропщите, герцог!
Вы знаете, что мне порою сердце
Вдруг схватывает боль. Но я сегодня
Достоинно угостить вас постараюсь.

С ф о р ц а.

Надеюсь лучше, милая, чем стою?

И з а б е л л а .

100 Вам стоит пожелать — и нет желанья
Неисполнимого. Хоть я вдова,
Хоть и не все я выплакала горе,
Но улыбаться стану вам сквозь слезы,
Как солнышко апрельское сквозь дождь,
105 Ведь надо ж положить предел любовным
Победам вашим: загордились вы!
Я постараюсь вас сдержать немножко.

С ф о р ц а.

О милая!..

И з а б е л л а .

Вы будете моим,
Моим, пока — не разлучит нас смерть,
110 Мне было столько горя! Так изныло
Все сердце!.. Вы утешите меня.

С ф о р ц а.

Чем милая?

И з а б е л л а .

Придумаем. Ах, нет!
Уж это слишком вольно, государь!
Нет; покорить меня словами надо.
115 (Хоть и пустыми) нежною улыбкой
И взглядом нежным, клятвами (хотя бы
Притворными) и тонкой лестью. Что ж?
Что ж? начинайте! говорите, герцог!
Я жду! я жду!

С ф о р ц а.

Да что ж тебе скажу я?
120 Пред прелестью твоей бессильно слово;
Поэтом воспеваемых красавиц
Считают люди вымыслом, не то же ль
И про тебя сказали б?

И з а б е л л а .

У меня

Поэта нет, чтоб лгать в гремучих рифмах,
125 И я останусь невоспетой.

С ф о р ц а.

Нет,

Нет, я хочу, чтоб в сладостных стихах
Твое звучало имя, чтобы славой

Скульптору и его искусству было
Твой образ изваять, чтоб живописцы
130 В изящном вымысле изображали
Нас вместе, милая, рука с рукою.

И з а б е л л а .

Мысль недурна.

С ф о р ц а .

Ты — царственная Гера,
А я — Зевес... в те чудные минуты,
Когда в ее очах тонул он взглядом.

И з а б е л л а .

135 Владычица Олимпа, государь,
Была сварлива, помнится, а я...

С ф о р ц а .

Так будь ты девой чудных древних басен,
Той девою, что весело сбирала
Цветы в полях Сицилии — и трон
140 С Плутоном разделила... Не была ли
Она прелестным и тебе предвестьем?
Пусть станут горы вокруг тебя, и лягут,
Дремотно нежась, пышные долины,
И потекут, сверкая, голубые
145 Ручьи Сицилии, и станет тихо
Под западным склоняться дуновеньем
Зеленый лес в мерцаньи предрассветном,
Благоговейно ожидая светлой
Улыбки Аполлона на востоке.
150 Еще бы что?.. Да! Преклонив колени,
Ты будешь рвать цветы и чутким слухом
Чего-то ждать; а я — влюбленный бог —
Уже несусь на быстрой колеснице
К моей прелестной Прозерпине...

И з а б е л л а .

Этим

155 Я недовольна.

С ф о р ц а .

Отчего, мой ангел?

И з а б е л л а .

Ведь, значит, вы возьмете в *ад* меня?

Простите!.. Я расстроена — больна...

Не станемте об этом говорить...

Хотите сесть за мой непышный ужин?

С ф о р ц а .

160 Конечно, милая.

И з а б е л л а .

Одни мы будем.

С ф о р ц а .

Сядься за стол.

Тем лучше.

Я не голоден, но выпью,

Моя царица, за твое здоровье!

И з а б е л л а .

Вот, государь, и редкое вино:

Оно, как драгоценные те капли,

165 Которых ищут мудрецы, вам даст
Бессмертие.

С ф о р ц а .

Так дай его сюда!

Желаю никогда тебе не знать

Минуты грустной!

И з а б е л л а .

Ах! остановитесь!

Не пейте!

С ф о р ц а.

Что такое?

И з а б е л л а .

Вы хотите

170 Пить без меня? Не стыдно ли! Видали
Вы этот плод? Один моряк почтенный,
Объехавший кругом весь мир, привез мне
Его с индийских островов: туземцы
Там молятся, я слышала, ему,
Как божеству.

С ф о р ц а.

175 Он вкусом сладок. Помню —
Его любил покойник Галеаццо.

И з а б е л л а *(про себя)*.

Благодарю вас, духи мести! *(Громко)*. Что ж?
Теперь и за бессмертное вино
Приняться можно. Пейте, государь,
180 В честь Купидона!

С ф о р ц а.

Пью. О! это был
Коварный бог: он людям помрачал
Глаза, как мило повествует басня,
Но у меня (а как влюблен я) светел
Взгляд, как у стойка... Ой!

И з а б е л л а .

Что такое?

185 Что с вами?

С ф о р ц а.

Ах, как холодно вино!

И з а б е л л а .

Сейчас теплей покажется: оно,
Мне говорили, согревает сердце.

Послушайте! Вчера случилось мне
Прочесть про старца одного, поэта,
190 Что был когда-то в Греции. Всю жизнь
Он посвящал вину — и что же? умер
От виноградинки. Ведь справедлива
Такая смерть!

С ф о р ц а.

О, да! Твое вино...

И з а б е л л а .

И множество рассказов я слыхала,
195 Как люди жизнь постыдную кончали
Постыдной смертью: как бывал убийца
И сам убит, как жертвою измены
Изменник падал, как сирот губивший
Сам по миру с сумой потом скитался.
200 Таков закон господень Правосудный!
Как часто злодеянье обращалось
На самого злодея, казнь отмщеньем
Была за казнь — и яд за яд отплатой!

С ф о р ц а.

Ой, сердце!

И з а б е л л а .

Что? Все холодно вино?

С ф о р ц а.

205 Я весь горю. Скорей воды!

И з а б е л л а .

Вы бледны.

Я позову на помощь. Эй! сюда!

Входят слуги.

И з а б е л л а .

Связать его!

С ф о р ц а.

Предательница!

И з а б е л л а .

Ладно.

Оставьте нас одних!

Слуги уходят.

Теперь не стану

Тебя обманывать: на этом свете

210 Ты пить уже не будешь больше.

С ф о р ц а.

Ох!

Ох! Сердце! Вероломная! Нет сил...

И з а б е л л а .

Хотела б я, чтоб правое возмездье

Свершилось над тобой не столь сурово;

Но можно ль было? Чувствовала я,

215 Что должен умереть ты — за меня,

За сына моего, за государя...

Ведь ты убил супруга моего.

Что смотришь? Это горестная правда!

Ты в герцогстве на первом месте

220 И все права малютки моего

Развеял прахом. Что на это скажешь?

Иль вздумаешь опровергать меня?

Что ж? Отвечай, пока есть время!

Он умирает.

Молчишь? Итак, ты осужден навеки!

225 Мне жаль почти, что взгляд твой помертвел,

Глаза темны, недвижны. Как похож он

Становится на эти изваянья,

Что в каменной, холодной белизне

На насыпях кладбища восседают —

230 На память о жильцах его холодных...

Да говори ж! Иль ты окаменел?

- Что можешь ты сказать себе в защиту?
Ах, отвернись и не гляди. Как смеешь
Так устремлять глаза ты на меня?
235 Теперь уже не влюбишься. Не лучше ль
Его поднять? Как плети, у него
Повисли руки... Отвернись же! Страшно
Мне прикоснуться до него... а надо!
А! умер!.. умер!.. от меня... О, боже!
240 Прости ты мне! Я горькая вдова
И мать... Ведь ради своего дитяти
Я это сделала. Он так жестоко
Нас притеснял, убийца! Он хотел
Из рук моих отнять мое дитя...
245 А у меня — один он, бедный птенчик!
Что было делать? Как его спасти?
Другого средства не сыскала я?

54. Хуан

Сад при испанском замке

Хуан и мальчик.

Х у а н.

- Ночь все темней, черней; сгущенный воздух
В моей груди такие чувства будит,
Которым лучше б спать. — Повеял ветер...
Как евнух, над царицею Дианой
5 Небесную задернул он завесу...
Она теперь с любовником.

М а л ь ч и к.

Вы звали,

Синьор?

Х у а н.

- Ее он погрузил в спокойный,
Отрадный сон... А ей не надо б спать.
Другие могут не дремать и имя
10 Ее чернить коварною молвой.

Горячий воздух голову мне жжет...
Сорви мне ветку с померанца, Лоцез!
Ах, как свежо! отрадно!.. хоть с нее
Весь аромат слетел... Другую дай!
15 Спасибо! приложу ее к вискам:
Они горят. Который час?

М а л ь ч и к.

Уж полночь.

Х у а н.

Давно ли?

М а л ь ч и к.

Нет; сейчас колокола
Замолкли.

Х у а н.

Как они звучали странно —
Уныло! Спой мне песню! Может-быть,
20 Она мне мысли черные разгонит.

М а л ь ч и к.

Какую спеть? Нежней, иль веселей?

Х у а н.

Чтоб вся была полна любви — кипела
Любовью... Но ни капли милосердия!..
Одна лишь страсть палящая, одно
25 Безумство бесконечное — огонь,
Что жизнь палит и знойно сушит сердце —
Неистовая ревность — ярость зверя —
Сомнения — и темное унынье...
Пой мне, что та, кого любил ты, стала
30 Изменницей, а ты — сошел с ума,
Убийцей стал! Пой что-нибудь! Скорей!

М а л ь ч и к.

Синьор!

Х у а н .

Потом скажи, что хороша
Она была, как грех; что у нее,
Как утро, ясные сияли очи;
35 Что руки у нее так были нежны,
Объятия — так сладки; что лицом
Она была соперницей Дианы...
Потом скажи, как белая у ней
Вздымалася и опускалась грудь,
40 Когда еще в ней сердце страстью билось...
Нет, нет! я песни не хочу. — Душа
Моя беззвучна. В ней одна стихия
Вражда. Моя жена... Куда ушла
Жена?

М а л ь ч и к .

Синьор!

Х у а н .

Я спрашиваю, где
Твоя синьора?

М а л ь ч и к .

45 Кажется, молиться
Она пошла.

Х у а н .

Прекрасно, превосходно!
Хорош наш век, хорош он должен быть!
Распутницы в нем молятся. Душа
Во мне кипит, как море в бурю. Как
50 *Могла* она мне изменить? Ведь я
Любил ее, как небо, как надежду...
Нет, больше! Глядя ей в лицо, я думал,
Что звездный лик небес пред ним — ничто.
Ступай! пошли сюда свою синьору!

М а л ь ч и к .

55 Синьор, она в молельне.

Х у а н.

Да, забыл...

Но — все равно!.. Оставь меня, бездельник!

А лампу тут поставь; прикрой ее

Кругом ветвями. Ну же!.. Уходи!

Мальчик уходит.

Вот я один. Нет звука, чтобы мысли

60 Мне прояснить. Мой черный замысл прочен.

Душа темпа, как ночь в тюрьме, как гроб...

Но в ней решимость мести притаилась.

Убью... хоть звезды все растай в слезах!

Убью... хоть гром ворчи мне о пощаде!

65 Всему конец! Что мыслью решено,

То сделано. Кровавый замысл — все;

И дело — дело вздор! Она погибнет:

Я грех ее в ее крови омою.

Но, ведь убив ее, я сам умру...

70 Умру? Да разве я уже не умер?

Отчаянье и ревность и любовь

Безумная меня уж отравили.

О ты, вдова, что все родное в мире

Утратила! Что все твои страданья

75 Перед моими? Чу! шаги... шаги...

Она идет... но не одна. В кусты! *(Прячется.)*

Входят Олимпия и Бианка.

О л и м п и я.

Верь сказкам я, подумать можно б было,

Что мне грозит беда. Средь бурной ночи

Ни звездочки не промелькнуло в небе

80 Нам посветить в дороге. Кто там, Бианка?

Мне показалось, кто-то пробежал...

Б и а н к а.

Я ничего не слышала.

О л и м п и я.

Я тоже;

Но духи ведь неслышными шагами
По свету ходят... Я теперь готова
85 Поверить всем приметам старой няни —
И разум от себя прогнать...

Б и а н к а.

* Синьора,

Не станемте об этом говорить.

О л и м п и я.

Не бойся! Отчего тебе бояться?
Бедя тебе и горе не грозили;
90 Невинной жизни духи зла не смеют
Тревожить. Посмотри! Светляк затеплил
В кустах свою зеленую лампаду;
Как серебро, сверкает дождь фонтана.
Какая музыка! Какая свежесть!
95 Иди ты в замок, Бьянка. Я побуду
Немного здесь.

Бианка уходит.

Какой тут чудный воздух!

Такого нет, я думаю, цветка
Или куста душистого, чтоб в нашем
Саду не рос, не цвел. Вот — вдруг как сильно
100 Запахло розами! А вот теперь
Лимоном. Ветер словно простонал
В кустах... Но что за нежный аромат
От померанцев вдруг понесся!
Меня ко сну как будто клонит! (*Прислоняется.*)

Входит Хуан.

Х у а н .

Спит.

105 Нет, не хочу я убивать во сне
Бессильное создание. Что ж я медлил?

- Боялся я — и отчего? — ее
Открытых глаз... Но ведь ее убить
Велит мне справедливость. О, какая
110 Пожива смерти чудная! Недаром
Придумали, что женщина мужчину
В погибель увлекла... Чу! гром рокошет...
И молния... Покойтесь, духи бури!
Я ваше дело сделаю. Молчи
115 Ты, сердце! Встань, Олимпия!.. Как крепко
Она заснула! Вот пошевелилась...
Вставай, Олимпия! Тебе не мало
Есть дела в эту ночь. Судьба вписала
Твой приговор в свой медный свиток. Я
120 Пришел его исполнить.

О л и м п и я.

Что такое

Ты говоришь?

Х у а н.

За дело! Я спокоен.

Ты гнусно поступила против мужа.

Грех невелик! Но вместе с тем такое

Ты совершила дело, пред которым

- 125 Померкло небо. Посмотри!

О л и м п и я.

Хуан!

Мой милый! Что такое?

Х у а н.

Из меня

Ты сделала злодея. Это я

Простил. Но ты и честный дом наш, гордый

Своею славой, запятнала. Слышишь?

- 130 Те голоса, что раздаются в тучах —
Пойми их! — говорят тебе: «Покайся
В своем грехе!» Я жду.

О л и м п и я.

Напрасным страхом
Встревожен ты. Пойдем домой, мой милый!
Поговорим об этом завтра.

Х у а н.

Завтра?

- 135 Нет. Верь кипящей страсти, жажде мщенья,
Меня палящей! в эту ночь простишься,
Олимпия, с землею ты и с жизнью.
Но прежде чем умрешь ты, я скажу
Тебе, как страстно я тебя любил,
140 Как стал преступником из-за тебя...
Преступником — ты слышишь это?

О л и м п и я.

Слышу —

И вся дрожу.

Х у а н.

- Тебя еще до свадьбы
Твоей любил я, это знаешь ты.
Я бедный был жених — и твой отец
145 Меня отверг... и ты — хоть говорила
Мне про любовь — забыла обо мне.
Я стал пытаться средь войн свою судьбу:
За старого Рамиреса ты вышла.

О л и м п и я.

Меня принудили.

Х у а н.

- Мой дядя умер; —
150 Я стал богат — и поскакал домой...
А ты была уж замужем.

О л и м п и я.

Да, точно.

Х у а н.

Я впал в отчаянье. Клеймо безумья
Легло на мозг мой — годы жгло его...
Ты все еще была женой другого...
155 Но вновь ко мне моя вернулась сила.
Хвастун-старик смеялся наглым смехом
Над жертвою своею — надо *мною*.
Проклятие ему!

О л и м п и я.

Молчи! довольно!

Х у а н.

А! так его все любишь ты?

О л и м п и я.

Синьор!

160 Я не люблю его, но мне противен
Безумный, что клеветает на него.

Х у а н.

Безумный? Я безумный? — Ты умрешь!
Умрешь ты, — слышишь? От руки того,
Кто все еще тебя, как прежде, любит...
165 Да, от моей руки! — Безумный? Точно,
Я *был* безумным, как тебя утратил,
Три раза изменившая! Теперь
Я исцелен — и кровная забота
Есть у меня: я видеть не хочу,
170 Чтоб — как меня — излишняя любовь
Еще кого-нибудь свела с ума.
Безумный? *Ты* же надо мной смеешься...
И глупый стыд не бьет тебе в лицо!

О л и м п и я.

Наклеветал на честное ты имя.

Х у а н.

175 Что имя? *Самого* его убил я,
Развратница! Насквозь его ножом
Я пронизал. Глупа ж ты, что могла
Поверить, будто вор его зарезал,
Когда покражи не было.

О л и м п и я.

О, боже!

180 Не грежу ль я?

Х у а н.

Да, то был я. Ну, смейся!
Но смех твой обольет мне сердце скорбью;
Ты надо мной смеяться не должна бы:
Все для *тебя* я сделал. Ты ж — любовь,
Такой ценою купленную мной,
185 Взяла назад и продала другому.

О л и м п и я.

Все это ложь, синьор! А вы — презренный
Обманщик! Вы мне мерзки, дон-Хуан!
Но — слушайте! Я вас любила... Скоро
Вы вспомните, как я любила вас...
190 Но то была ошибка. Знай я только,
Что вами нанесен удар кровавый,
Я вас отвергла бы, как отвергаю
Теперь — навеки!

Х у а н.

Повтори!

О л и м п и я.

Навеки!

Х у а н.

Не ждете ль вы любовника сюда?
195 Он верно весь изныл от нетерпенья;
Не мучьте же его.

О л и м п и я *(в сторону)*.

О, боже правый!

Он в самом деле обезумел. Надо
Скорей уйти.

Х у а н.

Остановись! Ни шагу!

Ни слез, ни просьб! Кому тебе молиться?
200 Глухому ль змею? Дикому ли морю?
Взгляни: суров стою я пред тобой,
Но справедлив; тверда моя решимость,
Неколебима. Я — судья, ты — жертва.

О л и м п и я.

Пусти меня!

Х у а н.

Скорее на колени!

205 Пред богом отвечай мне: ты любила?..
Всю правду говори: ведь это будет
Последние слова твои... Любила
Ты чужестранца этого? Скорей!

О л и м п и я.

Да, я люблю его. *(Хуан вскрикивает)*. Но он...

Х у а н.

Молчи,

210 Изменница! Развратница! *(Ударяет ее кинжалом)*.

Один

Конец тебе и всем моим скорбям!

О л и м п и я.

Стой! стой, Хуан! Ах, нет... Теперь уж все
Покончено... Ты сделал злое дело.

Х у а н.

Олимпия! Тебя не ранил я?

215 Ты не убита? Говори!

О л и м п и я.

Спасайся,
Мой милый! Этот юноша...

Х у а н.

Да... да...

О л и м п и я.

Мой брат.

Х у а н.

Проклятие!

О л и м п и я.

За ним следит
Повсюду инквизиция. Спаси
Его!

Х у а н.

Спасу.

О л и м п и я.

Молю тебя... (*Умирает*).

Х у а н.

Проклятый!

- 220 Что сделал я! Олимпия! Взгляни!
Взгляни же! Это я — Хуан, твой муж!
Убийца — вот мне имя! Дорогая!
Голубка! ненаглядная моя!..
Она мертва... (*Молчит*). Что ж значит это все?
- 225 Где я? Олимпия! Она была
Мне неверна... И уж не дышит... Боже!
Какой злой дух затеял этот ужас?
Уж золотые волосы ее
Роса смочила; кроткий взгляд в очах
- 230 Погас. Любовь и жизнь исчезли разом —
Ушли в могилу. Я ли это был?
Да, я ножом ударил в это сердце
И залил молодую грудь!
Кровинки нет в устах, еще недавно

Х у а н.

Молчи! Ее здесь нет уж. В темный путь
Она ушла... Увы!

С л у г а .

255 Синьор, вы руку
Себе обрезали.

Х у а н.

Себе я сердце
Разрезал. Уходите! Ты, Диего,
Один останься.

Слуги уходят.

Добрый мой старик,
Ты верно моему отцу служил —
260 И всем нам, и тебя мы все ценили.
Теперь твоя кончается мне служба,
Диего, в эту ночь — еще задолго
До солнца — буду я...

Д и е г о .

Синьор!

Х у а н.

Спокоен

Я буду. Ни безумные волненья,
265 Ни бурная любовь, ни злая ревность,
Ни идолопоклонство жгучей страсти,
Ни лютая вражда не потревожат
Меня в моем покое одиноком.
Я буду мертв... Последний в славном роде...
270 Но ты ведь не допустишь, чтоб нам имя
Чернила злорадная?

Д и е г о .

Синьор!

Х у а н.

Отец мечтал когда-то, что прославлю
Я наше имя... Это все прошло.

Моя звезда уж близится к закату,
275 Мной кончится наш знаменитый род,
Не раз в венце своих выдавший членов,
В дали веков зачавшийся. — Что случилось
С мечтой отца? С надеждами моими?
Следа их нет.

Д и е г о .

О, господи!

Х у а н.

Еще

280 Два слова и потом — потом прощай!
Кого убил я! О, когда бы черный
Небесный свод мог рухнуть надо мной!..
О, несравненная!.. Моя царица!..
Моя жена! моя любовь! Вся жизнь
285 Моя была ошибкой. Сброшу бремя
Несносное с усталых плеч и лягу
Заснуть.

Д и е г о .

Пойдемте в замок, ради бога.

Х у а н.

Все кончено! Тот драгоценный сок,
Что юностью вливался в члены старцев,
290 И зажигал в их скудных жилах кровь,
Теперь уж бесполезное лекарство!

Д и е г о .

О, господин мой! Раз позвольте мне
Забыть, что я слуга, и приказать
Вам успокоиться.

Х у а н.

Тсс! полно! полно!

295 Какой я господин! Я просто раб.
Я уловил однажды взгляд небесный;
Но краткий свет, что вел меня, погас —

- И я стою заблудшийся, в потемках,
Над ямою могильной. Вкруг меня
300 Теснятся гневно мстительные тени,
И безнадежный страх мне давит грудь.
Я должен умереть! Но перед смертью
Распорядиться надо мне, — оставить
Другим урок. Ведь я... язык не хочет
305 Повиноваться... я убил... Гляди
Ты в сторону — не на меня... Убил я
Нежнейшее, чистейшее создание!
Коварный мой кинжал вонзился в сердце,
Где я царем был, но того не знал.
310 Диего, плачь! Ты можешь плакать, бедный
Старик. А я... мои иссякли слезы,
Скорбь выжгла их источник. Но — довольно!
Дай руку, мой последний верный друг!
Я не забыл, как в ясные года
315 Младенчества, бывало, ты меня,
Усталого от игр, носил домой.
Снеси меня в последний раз теперь
И уложи на мраморной постели —
И не зови на голову мою
320 Проклятия!.. Всею конец!.. Прощай!..
Олимпия, раскрой свои объятия! (*Закалывается*).

55. Разбитое сердце

СЦЕНА I

Комната.

Иеронимо. Его мать.

М а т ь .

Не правда ль, сам обманывал себя
Ты этим чувством? Подойди ко мне,
Да не гляди так странно!.. Что ж молчит
В тебе досада? Выскажи мне все,
Мой милый!

И е р о н и м о.

5

Ты устроила все это?

М а т ь .

Да, я. Тебе ж хотела я добра.

И е р о н и м о.

О, мать моя! Какое сердце ты
Разбила! Нет в Италии другого
Нежней его, страстней. Ты мне хотела
10 Добра? Добро ль, что я умру? Добро ль,
Что буду изнывать, томиться, вянуть
Без света, без отрады? Нет, мне будет
Отрадою — по целым грустным дням
Бродить в слезах вокруг того гнезда,
15 Где белую мою голубку держат.

М а т ь .

Иеронимо!

И е р о н и м о.

Да, бродить и плакать,
Покуда не умру — как умирают
От молнии — мгновенно.

М а т ь .

Жить ты будешь,
Любить...

И е р о н и м о.

Носить на помертвелом лбу
20 Венок из роз и над судьбой смеяться,
Как та невеста, что на утро брака
Насильного внезапно пала мертвой...
О! будто неверна она?.. Пойдем
Со мной! Ты говоришь, что неверна?
25 Сильвестра неверна? Моя Сильвестра?

М а т ь .

Не поминай мне имени ее!
Она — виной всей нашей горькой скорби.
Не думай ты о ней!

И е р о н и м о .

О ней не думать?

М а т ь .

30 Она ведь замужем.

И е р о н и м о .

Послушай, мать,
Не будь же зла и не шути жестоко!
Серьезно говори!

М а т ь .

Я говорила
Тебе серьезно. Замужем она.
Да, замужем. Иль все тебе не ясно?

И е р о н и м о .

35 О! слишком, слишком ясно, если правда!
Я, видишь, вынес эту весть. Взгляни!
Я... Сердце все разбито у меня!

М а т ь .

О, боже мой! Не слишком ли далеко
Зашла я? (*В сторону*). Как он бледен
и как слаб. (*Громко*).

40 Иеронимо! О, дитя мое!

И е р о н и м о .

Единственное.

М а т ь .

Полно! так жестоко
Не говори! подумай обо мне —
О матери твоей!

И е р о н и м о.

За то, конечно,
Что без меня подумала сама
45 Ты обо мне? Я благодарный сын:
Я передам тебе в наследство все
Отцовские владенья, бриллианты,
И золото, и корабли. Все, все
Пойдет к тебе! Я не желаю жить,
50 Чтобы потом вдову или детей
Оставить — и такую мать ограбить!

М а т ь .

Молчи! молчи! не разрывай мне сердца!

И е р о н и м о.

Клянусь, что все исполню! Темной Паркой,
Что перережет жизненную нить,
55 И богом злата Плутусом, и адским
Судьей Миносом, и коварным богом
Любви клянусь! своей разбитой жизнью!
Убитыми надеждами своими!

М а т ь .

О, перестань! О, пощади меня
60 Хоть ради твоего отца!

И е р о н и м о.

Отца?

Он умер.

М а т ь .

Но когда был жив, так кроток
И добр он был! Вскипает в сердце
Порою злоба (для иных в ней гибель):
Божественною мудростью должны
65 Мы утолять ее...

И е р о н и м о .

Напиток славный!
В чужих краях у нас в огромных чашах
Вино кипело, воспаляя мозг...
Темно, и сладко, и полно греха...
И пил я, пил — и пил по целым дням
70 И по ночам, а пищей был мне горький
Поэтами воспетый лавр, вспоенный
Бессмертными кастальскими струями...

М а т ь .

О, боже мой!

И е р о н и м о .

Вот это мне приятно!

М а т ь .

Что, сын мой?

И е р о н и м о .

То, что плачешь ты теперь.
75 Хотя твой муж давно уже в могиле.

М а т ь .

Да не о нем я плачу.

И е р о н и м о .

Не о нем?

Так пусть же стыд сомкнет твои уста!
Иль не был он хорош и добр? О, нет
Он был таков. А ты не плачешь! Или

80 Ты плачешь о глухом и скучном вдовьем
Своем житье? Еще ты можешь мужа
Себе купить.

М а т ь .

Я не хочу замужества.
Утраченного мне не заменить.

И е р о н и м о .

Не заменить! (Вот раз сказала правду!)

85 Не заменить — хоть выгляди глаза
От сумерек до той поры, как утро
Начнет всходить по огненным ступеням
Востока, хоть с утра до ночи будь
На поиске сердец! Незаменим

90 Он меж людьми. Он был так добр, так верен!
Всем существом он ненавидел ложь.
Так милосерд и кроток был! — и умер!
О, добрый мой отец! Как он любил
Больного сына своего (ты помнишь?)

95 Как он боялся, чтобы род его
Не кончился с ним вместе; как желал он...
Напрасное желание! Не будет
Дитяти у меня — и наше имя
Еще честней, еще славней не станет!

100 Да, я последний! Я последний отпрыск
На этом дереве. Ты, мать,
Его срубила — и на нем все ветви
Иссушены тобой. Прощай! (*Идет*).

М а т ь .

Прощай!

Нет, подожди! Прости меня!

И е р о н и м о .

Прощаю!

103 А если мать свою благословлять
Возможно сыну — и благословляю!
Будь счастлива, спокойна сердцем будь —
И более не думай обо мне!

СЦЕНА II

Комната Сильвестры

Иеронимо. Сильвестра.

И е р о н и м о.

- Все стихло! Здесь лежит она... *она*,
110 Что быть *должна б* моею! Тсс! Сильвестра!
Она уж спит. Раскрытые уста
Благоуханьем дышат, как цветок,
Апрельским утром пробужденный. Вот
Ее рука! О, милая рука!
115 Белее мрамора! Она недвижна...
Что, если умерла она? О, как
Она прекрасна. Что пред нею эти
Создания блистательные греков,
Богини их холодного Олимпа?
120 Что перед ней царица та, что взглядом
Гнала во мрак сияющие рати
Юпитера и яростные волны
Морей смиряла? Боже! Перед этой
Священною и чистой красотой
125 Смиряется бунтующая кровь,
Благоговев, молкнут страсти. Чу!
Она во сне пролепетала что-то...
Как сладостно! — Сильвестра!

С и л ь в е с т р а .

Ах! кто здесь?

И е р о н и м о.

Я.

С и л ь в е с т р а .

Кто такой?

И е р о н и м о.

Иль говорить мне надо

- 130 И называть по имени себя?
Сильвестра! Ты меня не узнаёшь?

Не узнаёшь?.. О, горе!.. Иль печаль
Так изменила голос мой, что *ты*
Не узнаёшь меня?

С и л ь в е с т р а.

Иди отсюда!

135 Лишь сделай шаг — я мужа разбужу.

И е р о н и м о.

Иеронимо я.

С и л ь в е с т р а.

Ах, раз еще

Скажи! еще! Нет, нет! не говори!

И е р о н и м о.

Закрой глаза, закрой свои глаза!

Ты женщина замужняя. Зачем
140 Тебе смотреть на гибель человека,
Который так любил тебя?

С и л ь в е с т р а.

Любил?

О, нет!

И е р о н и м о.

Любил тебя, как жизнь, как рай,
Как счастье! Любил — и в верном сердце
Лелеял и хранил твой милый образ —
145 (Зловещий талисман!) до самой смерти.

С и л ь в е с т р а.

О, боже!

И е р о н и м о.

Я пришел теперь к тебе,
Чтоб возвратить к невинным дням твою
Заблудшуюся мысль. Ведь ты слыхала,
Что духи бледные порой из темных
150 Могил приходят к грешникам — их сердце

Склонять к добру? Могильный горький смех,
Случалось, оглашал постель разврата —
И в грешном теле застывала жизнь.

С и л ь в е с т р а.

Не с злою ль мыслью ты пришел ко мне?

И е р о н и м о.

155 А почему ж не с злою? Нет, бедняжка!
Нет, я твоих не трону нежных членов,
Не надругаюсь ими... Слишком сильно
Тебя любил я — слишком долго — весь
Наш краткий век!

С и л ь в е с т р а.

Наш горький, краткий век!

И е р о н и м о.

160 Давно ль, Сильвестра, мы с тобою были
Детьми? Давно ль друг друга детски-нежно
Любили?.. Я был старше. Ты была
Милей всех девочек, которых кудри
Родное наше солнце золотило.
165 Я помню — многие тебя любили,
Но ты меня предпочитала...

С и л ь в е с т р а.

Да!

И е р о н и м о.

Я думал — ты меня любила. Я же...
Как я любил тебя, мне говорит
Доныне трепет сердца. Я хотел бы,
170 С тобой прощаясь, знать, что ты спокойна
И счастлива. Скажи же! Срок короток;
Меня уже коснулась смерть.

С и л ь в е с т р а.

Ты шутишь.

И е р о н и м о.

О, милая, я умираю... да!
Я умираю. В этот миг вся кровь
175 Во мне холодеет, пульс мой бьется реже...
И утреннее солнце не успеет
Сквозь вьющиеся лозы заглянуть
К тебе в окно — я буду уж лежать
Здесь в спальне у тебя — холодный, мертвый.

С и л ь в е с т р а.

180 О, не пугай меня!

И е р о н и м о.

Я не хотел
Тебя пугать, Сильвестра. Лишь с одним
Пришел к тебе: сказать, что ты жестока
Была ко мне... сказать — и умереть.
Не бойся же меня! Своим предсмертным
185 Прикосновеньем я не остужу
Твоей прекрасной груди, по которой
Так нежно выются голубые жилки.
Твоя щека — цветущая щека —
Не побледнеет в страхе предо мною,
190 Потерянным, несчастным. Посмотри
Ты на меня: меня шатает ветер.
Иду — и дети надо мной смеются,
И ветви, летним вечером — качаясь
И шелестя — насмешливо зеленым
195 Листом дрожат, как будто говорят:
«Мы долговечнее его на свете».

С и л ь в е с т р а.

Не убивай меня!

И е р о н и м о.

Всего восемнадцать
Я прожил лет; но и в короткий срок
Вместиться может много. Дней моих

- 200 Не озаряло счастье. Рано смерть
Внесла в наш мирный дом опустошенье.
Недуг гасил в лице моем румянец.
Мной овладели грезы... Диким блеском
Они горели, словно метеоры,
205 Передо мной. Одну из них ты знаешь.
Она-то (что об этом говорить!)
Свела меня с пути — и обрекла
Погибели. И я имел надежды;
Но их не уберег... Они исчезли!

С и л ь в е с т р а.

- 210 А я... о, сердце бедное мое!
Я думала... (Потише говори:
Муж спит) я думала — когда ты был
В чужих краях, и жил так долго там,
И никогда не присылал ни вести
215 Ко мне, ни спроса обо мне — что ты
Совсем забыл Италию.

И е р о н и м о.

Скажи

Еще раз это! Так ли было?

С и л ь в е с т р а.

Так.

И е р о н и м о.

- Я вижу все... О, женское коварство
И гордость матери!.. Да что ж я сделал
220 Судьбе: За что она меня так гонит!
Но—все равно! Не унывай, Сильвестра!
Враги нас могут лишь убить — не больше!
Но в этом счастье, милая!.. Уйдем
Мы от своих гонителей — и будем
225 Спокойны!.. Путь не долог... сладко спится
Под свежеею весеннею землей...
Не пошатнуть грозе наш безопасный
Приют — и нам в нем нечего бояться...

Пусть клевета что хочет говорит
230 О нашей жизни!.. Наши имена
Пускай чернит злоречье!

С и л ь в е с т р а.
Боже! Боже!

И е р о н и м о.
О, милая! В стране, где быть нам вместе,
Нас ждут цветы и солнце. Не горюй,
Мое дитя! Там счастье; там горю
235 И злу конец... Средь ангелов мы будем...
Венцы на наших чёлах; наша речь
Гармония... Там слез иных не будет,
Как слезы радости; иного вздоха,
Как вздох любви... Взгляни ж светло, спокойно!
240 Мы можем там любить без опасений;
Ни матерей, ни золота там нет,
Ни зла людского, ни вражды коварной...
Да, милая! Обоих нас сгубили!
Как поздно я узнал, моя голубка,
245 Твою святую, верную любовь!
Ты думала — я изменился? Нет!
К тебе писал я часто. Много длинных
И нежных писем посылал к тебе;
Их все кропил своими я слезами.
250 Писал — а ты молчала. Наконец
В меня закралось горькое сомненье.
Я возвратился — и тебя нашел
Уж замужем.

С и л ь в е с т р а.

О, горе!

И е р о н и м о.
Я уныл
И изнемог. Порою мозг, казалось,
255 Во мне сгорит, но умереть, Сильвестра,
С тобою не простившись, я не мог.

С и л ь в е с т р а.

- Не сокрушай ты мне, Иеронимо,
Души такую речью! Я была
Обманута. Они мне говорили,
260 Что девушку нашел ты лучше, краше
Своей Сильвестры, что — с изменой чувства
Над бедной нашей детскою любовью
Смеяться стал. Мне с клятвою твердили,
Что сердцем ты страдаешь — оттого,
265 Что на свободу просится оно.
Тогда... О, не гляди ты на меня!..
Тогда они меня и обвенчали.

И е р о н и м о.

О!

С и л ь в е с т р а.

Что с тобой? Скажи!

И е р о н и м о.

- Унылый ветер,
Бегущий дня и стонущий в ночи,
270 Поет мне похоронный гимн теперь.
О, милая! Позволь мне раз один
Прилечь на грудь твою. Ведь я холодной
Своей щекой не простужу ее.
Не замочу слезою. Грудь твоя
275 Гробницей будь моей любви невинной!
На ней, моя родная, пусть замрёт
Зарезанное счастье! Лишь раз!
Один лишь раз, Сильвестра!

С и л ь в е с т р а.

Жаль тебе

Меня, мой милый?

И е р о н и м о.

О, как жизни жаль!

С и л ь в е с т р а.

280 Не говори ты так! Хоть ты и шутишь,
Я вся дрожу от страха.

И е р о н и м о.

Я шучу?

Взгляни в мои глаза! На их прозрачной
Поверхности легла уж *смерть*, Сильвестра!

Взгляни! Ведь то последнее усилие

285 Природы — поддержать огонь в зеницах,
Где светится душа при нашей жизни
И радостью, и мыслью, и печалью —
Где всю свою она являет силу,
Проводников вернее их не зная.

С и л ь в е с т р а.

290 Сюда! Ну, вот теперь ты весел?

И е р о н и м о.

И умереть готов бы тут.

С и л ь в е с т р а.

Как сладко!

Я улыбаюсь, милый!

И е р о н и м о.

Улыбайся!

Я стану тоже улыбаться... вот...

Но только... Ах! слова лежат так тяжело

295 На языке... Хочу сказать — уста

Не повинуются... Мне трудно... трудно

Сказать... А я хочу... Прощай! Дай руку!

Не вижу...

С и л ь в е с т р а.

Ах! ты весь холодный, милый!

И е р о н и м о.

- Я стыну — да... Но ты не оттолкнешь
300 Меня, моя забитая голубка?
Они жестоко с нами поступили...
Жестоко... Но прости ты им! Одна —
Ведь мать... она очуствуется после,
Когда узнает, что я умер... Ах!
305 Дышать мне нечем... Воздуха!.. скорей!..
Побольше... где ты? где?.. Я слеп... не вижу...
Рука не поднимается... Я зябну...
Какая ночь холодная!.. Вот так —
Прикрой меня!.. (*Умирает*).

ТОМАС ГУД

56. Стансы

I

- Жизнь прощай! Мутится ум;
Мир стал мертвенно угрюм;
Меркнет свет, и тьма растет;
Словно ночь, грозясь, идет;
5 Холодней и холодней
Серый пар ползет с полей,
И дыханье роз сменил
Запах тленья и могил

II

- Здравствуй, жизнь! Теплеет кровь;
10 Ожила надежда вновь;
Черный страх бежит, как тень,
От лучей, несущих день;
Быстро гонят тьму и хлад
Свет, тепло и аромат...
15 Запах тленья все слабей,
Запах розы все слышней.

57. У смертного одра

Всю ночь стерегли мы дыханье у ней...
Недвижно лежала она;
В груди колебалась слабей и слабей
Последняя жизни волна.

5 Старались чуть внятно мы все говорить,
Едва шевелились вокруг,
Как будто часть жизни своей уделить
Хотели, чтоб ожил наш друг.

То страхом надежда убита была,
10 То страх был надеждой убит:
Уснула — и кажется нам, умерла;
Скончалась — мы думаем, спит.

Туманное утро настало для нас.
Сырая чуть дрогнула тень;
15 И очи усопшего друга, смежась,
Сияющий видели день.

58. Изгнание

Из-за моря ласточка
Весной полетит,
И ветер, мне веющий,
Твой сад навестит.
5 С тем ветром кораблик наш
Вернется домой.
А я? — не видать уж мне
Сторонки родной!

Не мало там льется слез —
10 И слезы твои
О том, что от слез твоих
Далёки мои.
И чем мы разрознены,

Родная, с тобой?
15 Одним только морем ли,
Иль смертью самой?

Белеет ли облачко
Вдали на волнах,
Мне грезится домик наш
20 На белых скалах.
Но облачко легкое
Вспорхнет к небесам.
Знать, заживо, милая,
Не свидеться нам!

59. Песня о рубашке

Затекшие пальцы болят,
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком отрепье сидит
С шитьем и иглой в руках.
5 Шьет — шьет — шьет,
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет —
Поет о рубашке она.

«Работай! работай! работай,
10 Едва петухи прокричат!
Работай! работай! работай,
Хоть звезды сквозь кровлю глядят!
Ах, лучше бы мне пропадать
В неволе у злых басурман!
15 Там нечего женщине душу спасать,
Как надо у нас, христиан.

«Работай! работай! работай,
Пока не сожмет головы как в тисках,
Работай! работай! работай,
20 Пока не померкнет в глазах!
Строчку — ластовку — ворот—

Ворот — ластовку — строчку...
Повалит ли сон над шитьем — и во сне
Строчишь все да рубишь сорочку.

25 «О, братья любимых сестер!
Опора любимых супруг, матерей!
Не холст на рубашках вы носите, нет!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!..

30 В грязи, в нищете, голодна,
Рубашку и саван одною иглой
Я шью из того ж полотна.

«Но что мне до смерти? Ее не боюсь,
И сердце не дрогнет мое,

35 Хоть тотчас костлявая гостья приди...
Я стала похожа сама на нее;
Похожа от голода я на нее;
Здоровье не явится вновь.
О, боже! Зачем это дорог так хлеб,

40 Так дешевы тело и кровь?

«Работай! работай! работай!
Мой труд бесконечный жесток.
А плата? Отрепье, солома в углу,
Да черствого хлеба кусок.

45 Скамейка да стол — голый пол
Убогая кровля сквозится...
И то любо мне, как на серой стене
Порой моя тень отразится.

«Работай! работай! работай

50 От боя до боя часов!
Работай! работай, работай!
Как каторжник в тьме рудников!
Строчка — ластовка — ворот —
Ворот — строчка — рубец...

55 Застелет глаза, онемееет рука,
И сердце замрет под конец.

- «Работай! работай! работай,
Когда леденеет в окошке стекло!
Работай! работай! работай,
60 Когда и светло и тепло —
И ласточки, к выступам кровли лепясь,
Щебечут в сиянии дня,
И кажут мне яркие спинки свои,
И дразнят весною меня.
- 65 «О! только бы раз подышать
Дыханьем лугов, полевыми цветами!
Вверху только небо одно,
Трава и цветы под ногами.
О! только бы час лишь пожить
70 Блаженством младенческих лет,
Когда я не знала, что буду ценить
Дороже прогулки обед!
- «О! только бы час лишь один!
Лишь миг!.. чтоб душа ожила...
75 Любовь и надежда! и мига вам нет;
Все время печаль отняла.
Поплакать бы — легче бы сердцу от слез...
Нет, слезы мои! не теките!
Иголке моей не мешайте вы шить!
80 Шитья моего не мочите!»

- Затекшие пальцы болят,
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком отрепье сидит
С шитьем и иголкой в руках.
85 Шьет — шьет — шьет,
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет...
Иль песня та к вам, богачи, не дойдет?..
Поет о рубашке она.

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО
ПЕСНИ О НЕВОЛЬНИЧЕСТВЕ

60. Вилльяму Чаннингу

Когда из книги мне звучал
Твой голос величаво, строго,
Я сердцем трепетным взывал:
«Хвала тебе, служитель бога!»

5 Хвала! Твоя святая речь
Немолчно пусть звучит народу!
Твои слова — разящий меч
В священной битве за свободу.

Не прерывай свой грозный клич,
10 Покуда Ложь — законом века,
Пока здесь цепь, клеймо и бич
Позорят званье человека.

В глубине твоей души
Господень голос непрестанно
15 Зовет тебя: «Пророк! пиши!» —
Как на Патмосе Иоанна.

Пиши кровавые дела
И возвести день скорби слезной,
День гнева над пучиной зла,
20 Апокалипсис этот грозный!»

61. Сон невольника

Истомленный, на рисовой ниве он спал.
Грудь открытую жег ему зной,
Серп остался в руке — и в горячем песке
Он курчавой тонул головой.
5 Под туманом и тенью глубокого сна
Снова видел он край свой родной,

Тихо царственный Нигер катился пред ним,
Уходя в безграничный простор.
Он царем был опять, и на пальмах родных
10 Отдыхал средь полей его взор.
И, звеня и гремя, опускалися в дол
Караваны с сияющих гор.

И опять черноокой царице своей
С нежной лаской глядел он в глаза,
15 И детей обнимал — и опять услышал
И родных и друзей голоса.
Тихо дрогнули сонные веки его,
И с лица покатила слеза.

И на борзом коне вдоль реки он скакал
20 По знакомым, родным берегам...
В серебре повода, золотая узда...
Громкий топот звучал по полям
Средь глухой тишины, и стучали ножны
Длинной сабли коню по бокам.

25 Впереди, словно красный кровавый платок
Ярко-крылый фламинго летел.
Вслед за ним он до ночи скакал по лугам,
Где кругом тамаринд зеленел.
Показались хижины кафров — и вот
30 Океан перед ним засинел.

Ночью слышал он рев и рыкание льва,
И гиены пронзительный вой;
Слышал он, как в пустынной реке бегемот
Мял тростник своей тяжелой стопой...
35 И над сонным пронесся торжественный гул,
Словно радостный клик боевой.

Мириадой немолчных своих языков
О свободе гласили леса;
Кличем воли в дыханьи пустыни неслись

40 И земли и небес голоса...
И улыбка и трепет пошли по лицу,
И смежились крепче глаза.

Он не чувствовал зноя; не слышал, как бич
Провизжал у него над спиной...
45 Царство сна озарила сиянием смерть,
И на ниве остался — немой
И безжизненный труп: перетертая цепь,
Сокрушенная вольной душой.

62. Благая часть, яже не отыметя

Она живет у вод Кенгавы,
В среде чужих детей.
Ей школа — все; надежды, славы
Другой не нужно ей.

5 Как кроет все одеждой ясной
Цветущая весна,
Так святостью души прекрасной
Объемлет всех она.

Сама с детьми в полях играет,
10 Все с лаской жмутся к ней,
И кроткий взгляд ее смиряет
Упрямых дикарей.

Под вечер слушать все готовы
О том, кто в мир грехов
15 Пришел снять с узника оковы,
Освободить рабов.

Придет пора — все будут вольны!
По всей земле — по всей —
Как звон раздастся колокольный
20 Звук порванных цепей!

Так, следуя Христа ученью,
Смиренна и бедна
Себя лишь ближним на служенье
Всю обрекла она.

25 И у нее богатство было;
Но, помня божий страх,
Она рабов освободила
И в доме и в полях.

30 Все за морем они, на воле,
В краю своем родном,
Она живет в смиренной доле
Дневным своим трудом...

Горячей силой их молитвы
От бед охранена,
35 Как ангел, средь житейской битвы,
Спокойна и ясна!

63. Невольник в Проклятом болоте

В Проклятом болоте, в тущобе лесной,
Бежавший невольник лежал.
Он видел — костер зажигали ночной;
Он слышал собак, за ним рыскавших, вой,
5 И топот коней различал.

Где светятся искры блудящих огней
В болотной траве, по кустам,
Где лепится мох у древесных корней
И лозы — все в пятнах, как кожа у змей —
10 Ползут по кедровым стволам;

Куда человек заглянуть бы не смел,
Где в зыбкой трясине кругом

Увлажненный дерн под ногами скрипел,
В колючей и вязкой траве он засел,
15 Как зверь в логовище своем.

Несчастный старик, истомленный, больной,
Лицо все в глубоких рубцах,
Как в клеймах позорных. Одеждой худой
Не мог он прикрыть и позор свой другой —
20 Следы от бича на плечах.

Светло и прекрасно на свете всему,
Свобода и радость есть всем!
Вот векша скакнула, вот в сонную тьму
Песнь вольная птиц донеслася к нему —
25 А он неподвижен и нем!

Рассвета не видел он в жизненной мгле,
В неволе, в цепях, под бичом...
Как Каин, проклятье он нес на челе,
Безвыходным рабством придавлен к земле,
30 Как колос тяжелым цепом!

64. Пение невольника в полночь

Гимн Давида вдохновенный —
Раб и негр — он громко пел;
Пел Сион освобожденный,
Гром побед и славных дел.

5 Ночь была тиха, спокойна,
Все объято было сном,
И звучал полно и стройно
Голос в воздухе ночном.

Не такой ли гимн свободный
10 Слышал черный фараон,
Как грозой пучины водной
Был с войсками окружен?

В глубь души мне мощно, страстно
Голос негра проникал;
15 То торжественно и ясно,
То стенаньем он звучал.

Павел с Силой в заточеньи
Песнью славили Христа,
И в ту ночь землетрясеньем
20 Дверь была им отперта.

Ангел вестником спасенья
К негру явится ль в тюрьму?
Дверь тюрьмы землетрясенье
Распахнет ли и ему?

65. Свидетели

В пучинах глубокого моря,
Схоронены в зыбких песках,
Лежат позабытые всеми
Людские скелеты в цепях.

5 В глуби, где под вечным волненьем
Недвижимо воды легли,
Со всем своим людом и грузом
Недвижно стоят корабли.

Над морем шумящие бури
10 Не хлещут из черных боков,
И в тех кораблях — все скелеты,
В тяжелых запястьях оков.

То бедных невольников кости!
Белея средь пагубной тьмы,
15 Из темных валов они громко
Взывают: «Свидетели мы!»

Есть рынки на нашей просторной
Земле, где людей продают;
Ярмо им вдевают на шею
20 И ноги им в цепи куют.

Без гроба валяются трупы
В пустыне, на снесь коршунам;
Убийства мерещатся детям,
Мешая им спать по ночам.

25 Корусть ненасытная, похоть,
Кичливый, бесстыдный порок,
Кровавые мысли, злодейство,
Мутящие жизни поток!

Несется вам клик обвиненья
30 Из этой неведомой тьмы.
Из тайных могил своих кости
Взывают: «Свидетели мы!»

66. Кватронка

Повесив праздно паруса,
Корабль в заливе ждал,
Чтоб месяц вышел в небеса,
И вздулся темный вал.

5 Причалив к берегу в челне,
Рабочий люд следил,
Как аллигатор полз на дне
Улечься в мягкий ил.

А воздух вокруг благоухал
10 От трав и от цветов,
Как будто рай порой дышал
На этот мир грехов.

Плантатор в шалаше своем
Задумчиво курил;
15 Купец, прибывший с кораблем,
Окончить торг спешил.

Он молвил; «Не гостить привел
Я свой корабль в залив,
Я жду, чтоб месяц лишь взошел,
20 Да начался прилив».

В лице с предчувствием немым,
Робка и хороша,
Кватронка-девушка пред ним
Стояла, чуть дыша.

25 Большие искрились глаза;
По груди молодой
Спускалась черная коса
До юбочки цветной.

Улыбки свет в лице у ней
30 Мерцал, так свят и тих,
Как свет лампад в углу церквей
На лике у святых.

Плантатор думал; «Стар мой дом,
И проку нет в земле!»
35 Взглянул на девушку — потом
На деньги на столе.

В душе смущенной верх брала
То жадность, то любовь.
Он знал, чья страсть ей жизнь дала,
40 И чья текла в ней кровь.

Но глубь души была черна!
Он не осилил зла —
И деньги взял. Тут вся она
Застыла, замерла.

45 И жертву новую свою
Купец повел с собой,
Чтоб быть ему в чужом краю
Наложницей, рабой.

67. Предостережение

Припомните еврейское сказанье
О муже том, что растерзал рукой,
Как агнца, льва, как — жалкий и слепой —
Не видя света божья, истязанья
5 Он от врагов терпел, лишенный сил,
И жернов целый день в тюрьме кружил;
Как наконец на пир из заточенья
Был приведен — сносить врагов глумленья.

В отчаяньи, средь пира, обнял он
10 Столпы громадной храмины руками —
Шатнулся свод над пирными столами,
И стены рухнули со всех сторон.
При грохоте разрушенного зданья
Сменились страшным воплем ликования.
15 Погиб и раб, несчастный и слепой,
Но тысячи похоронил с собой.

Самсон поработанный, ослепленный
Есть и у нас в стране. Он сил лишен,
И цепь на нем. Но — горе! если он
20 Поднимет руки в скорби иступленной
И пошатнет, кляня свой жалкий плен,
Столпы и основания наших стен, —
И безобразной грудой рухнут своды
Над горделивой храминой свободы!

68. Excelsior

Уж Альпы крыла ночь туманом.
Селом, схороненным в снегах,
Шел юный путник и в руках
Нес знамя с начертаньем странным:
5 Excelsior!
Чело задумчиво и строго;
Но взгляд, как обнаженный меч,
Порой сверкал; звучала речь,
Как звон серебряного рога:
10 Excelsior!
Вокруг сверкали так приветно
В домах огни, а с высоты
Как призраки, грозили льды;
Но он шептал свой клич заветный:
15 Excelsior!

ЧАРЛЬЗ ЛЕМБ

69. Былые знакомые лица

Ах, где вы, товарищи, спутники жизни,
В дни детства, в веселое школьное время?..
Все, все унеслись былые знакомые лица...

Бывало, смеялся, — бывало, мечтал я;
5 Пил поздно и поздно сидел я с гостями:
Все, все унеслись былые знакомые лица...

Любил я, она же была так прекрасна!
Но дверь к ней закрыта; ее не видать мне!
Все, все унеслись былые знакомые лица!..

10 Был друг у меня; у кого он был лучше?
Его я покинул, недобрый — покинул...
И только осталось помнить знакомые лица.

Как призрак, прошел я все юности поле;
Свет, мнилось, — пустыня; бреди да ищи лишь,
15 Куда унеслись былые знакомые лица.

Мой друг, лучший брата! Ты если б родился,
В дому у отца моего мы могли бы
С тобой говорить про былые знакомые лица

Как умер один, как другой сам покинул,
20 Как тот удален был другими, — исчезли
Все, — все унеслись былые знакомые лица.

ЭБЕНЗЕР ЭЛЛИОТ

70. Надгробие поэта

Ваш общий брат схоронен здесь,
Певец скорбей людских.
Поля и реки — небо — лес, —
Он книг не знал иных.

5 Его скорбеть учило зло —
Тиранство — стон раба —
Столица — фабрика — село —
Острог — дворцы — гроба.

Повсюду он порок встречал...
10 Как быть! Он чистоты
От тины жизни и не ждал,
В страстях, в скорбях нужды.

Не тронул он червя в пыли
Презреньем, словом злым, —
15 И нищий с сильными земли
Был равен перед ним.

Он славил тех, кто беднякам
Служил своим добром,
И слал проклятье богачам,
20 Живущим грабежом.

Все человечество любил,
И, честным сердцем смел,
Врагов народа он клеймил
И громко Правду пел.

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

71. Годива

- Я поджидал поезда в Ковентри
И на мосту стоял с толпой народа,
На три высоких, древних башни глядя —
И старое преданье городское
Мне вспомнилось.
- 5 Не мы одни — позднейший
Посев времен, новейшей эры люди,
Что мчимся вдаль, пути не замечая,
И прошлое хулим, и громко спорим
О лжи и правде, о добре и зле —
- 10 Не мы одни любить народ умели
И скорбь его душою понимать.
Не так, как мы (тому теперь десятый
Минует век), не так, как мы, народу
Не словом — делом помогла Годива,
- 15 Супруга графа грозного, что правил
Всевластно в Ковентри. Когда свой город
Он податью тяжелой обложил
И матери сошлись толпами к замку,
Неся детей, и плакались: «Коль подать
- 20 Заплатим — все мы с голоду помрем!»
Она пошла к супругу. Он один
Шагал по зале средь собачьей, стаи;
На пядь вперед торчала борода,
И на локоть торчали сзади космы.
- 25 Про общий плач Годива рассказала
И мужа умоляла: «Если подать

- Они заплатят — с голоду умрут!»
Он странно на нее глаза уставил
И молвил: «Полноте! Вы не дадите
30 Мизинца уколоть за эту сволочь!»
— «Я умереть готова!» — возразила
Ему Годива. Он захохотал;
Петром и Павлом клялся, что не верит;
Потом по бриллиантовой сережке,
35 Ей щелкнул — и сказал: «Слова! слова!»
— «Скажите, чем, — промолвила она: —
Мне доказать? Потребуйте любого!»
И сердцем жестким, как рука Исава,
Граф испытанье выдумал. «Ступайте
40 На лошади по городу нагая —
И отменю?» Насмешливо кивнул
Он головой — и ровными шагами
Пошел, с собой собачью стаю клича.

- Когда одна осталася Годива,
45 В ней мысли, словно бешеные вихри,
Кружились и боролись друг с другом,
Пока не победило состраданье.
Она отправила герольда в город,
Чтоб с трубным звуком всем он возвестил,
50 Что граф назначил тяжкое условие;
Но что она спасти народ решилась.
«Они меня все любят, — говорила: —
Так пусть до полдня ни одна нога
Не ступит, ни один не взглянет глаз
55 На улицу, когда я ехать буду;
Пусть посидят покамест дома все,
Затворят двери и закроют окна».

- Потом пошла она в свою светлицу
И пряжку пояса с двумя орлами,
60 Подарок злого лорда своего
Там растянула. Но у ней стеснилось

Дыханье — и замедлила она,
Как медлит в белой тучке летний месяц.
Опомнившись, тряхнула головой —
65 И до колен рассыпались волнами
Ее густые волосы. Поспешно
Она одежду сбросила и стала
Украдкой по лестнице спускаться.
Как луч дневной между колонн скользит,
70 Так и Годива кралась от колонны
К колонне — и в воротах очутилась.
Тут конь ее стоял уж наготове,
Весь в пурпуре и в золотых гербах.

И на коне поехала Годива,
75 Одета целомудрием. Казалось,
Вокруг нее весь воздух притаился,
И ветерок едва дышал от страха,
И щурились исподтишка лукаво
На жолобах с широкой пастью рожи.
80 Дворняжка где-то тявкнула — и щеки
Годивы вспыхнули. Шаги коня
Ее кидали и в озноб и в трепет.
Казалось ей, что все в щелях коварных
Глухие стены, что затем теснятся
85 Над головой у ней шпили домов,
Чтоб на нее взглянуть из любопытства.
Но ехала, и ехала Годива,
Пока пред ней в готические арки
Градской стены не показалось поле,
90 Сияя белым цветом бузины.

Тогда она поехала назад,
Одета целомудрием. В то время
Один несчастный, никогда не знавший
Биенья благодарности в груди
95 И бранному присловью давший имя,
Дыру в закрытом ставне пробуравил

И, весь дрожа, лицом к нему припал,
Но не успел желанья утолить,
Как у него глаза оделись мраком —
100 И вытекли. Так сила дел благих
Сражает злые чувства. Ничего
Не ведая, проехала Годива —
И с сотни башен разом сотней медных
Звонящих языков бесстыдный полдень
105 Весь город огласил. Она поспешно
Вошла в свою светлицу и надела
Там мантию и графскую корону,
И к мужу вышла, и с народа подать
Сняла, и в памяти людской навеки
110 Оставила свое святое имя.

ИЗ НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ

ШУБАРТ

72. Вечный жид

- Из темного ущелия Кармила
На солнце выполз Агасфер. Другое
Тысячелетье шло к концу с тех пор,
Как он бродил, бичуемый тревогой,
5 По всем странам... Когда, идя на казнь,
Христос под крестной ношею склонился
И отдохнуть у двери Агасфера
На миг остановился, — Агасфер
Его сурово оттолкнул, — и дальше
10 Пошел Христос и пал под тяжелой ношей
Без слова, без стенанья. Тут предстал
Пред Агасфера грозный ангел Смерти
И с гневным взглядом молвил: «Отдохнуть
Ты сыну человеческому не дал;
15 Не знай же сам ты отдыха отныне,
Бесчеловечный, до его второго
Пришествия!»
- И черный адский демон
Гнал Агасфера из страны в страну, —
И не было гонимому ни сладкой
20 Надежды умереть, ни утешенья
Найти успокоение в могиле.

Из темного ущелия Кармила
На солнце вышел Агасфер. С лица

- И с бороды стряхнул он пыль; из груди
25 Костей, нагроможденных тут , взял череп
И по горе метнул его с размаха.
Запрыгал череп, зазвенел о камни —
И разлетелся вдребезги. «То был
Отец мой!» — Агасфер проскрежетал.
30 Еще схватил он череп — и еще...
Семь черепов, кружась, покатались
С утеса на утес. «А это — это... —
Он воскликнул, с налившимися кровью
Безумными глазами.—«Это были
35 Мои все жены!» Черепа катились...
Еще... Еще... «А это — это были
Мои все дети! — скрежетал несчастный: —
И умерли! Они могли!.. А я,
Отверженный, я не могу! Нет смерти!
40 Грознейший суд с мучительнейшей карой
Навеки надо мной отяготел.

- И пал Иерусалим. Я с лютой злобой
Смотрел, как мрут другие, — и кидался
В объятья пламени,— и ярой бранью
45 Дразнил меч римлян. Грозное проклятье
Меня, как брань, хранило: я не умер!

- И рухнул Рим, всесветный исполин.
Я голову и грудь свою подставил.
Он рухнул и меня не раздавил...
50 Передо мною нации рождались
И умирали: я же оставался,
Не умирал!.. С вершин, одетых в тучи,
Кидался я в пучину; но прилив
Меня волною выносил на сушу,
55 И жгучий яд существования снова
Меня палил... К запекшемуся зеву
Вулкана я взобрался. Я скатился
В его утробу. Там стонал и выл
Я десять месяцев в чаду и мраке,

- 60 Ногтями рыл курящееся устье...
И огненная матка разродилась
Потоком лавы и меня опять
Из пламенного выкинула зева,
И в пепле шевельнулся я — живой!
- 65 В горящий лес я бросился. Я бегал,
Беснуясь, средь пылающих деревьев;
С волос своих они меня кропили
Огнем, — и пухло тело у меня,
И ныла кость. Но не горел я! жив!
- 70 И ринулся я в дикий пыл войны.
В грозе кровавых битв с врагом сходилась
Лицом к лицу. Ругательством поносным
Я разжигал и галла, и германца,
Но от меня отскакивали стрелы;
- 75 Обламывались копья об меня;
Об череп мой в осколки разлетались
Кривые сабли сарацинов. Пули
В меня летели градом — как горох
В железный панцырь. Молнии сраженья,
- 80 Смеясь, мне опоясывали тело,
И — как утес, зубчатою вершиной
Поднявшийся за тучи — оставался
Я невредим. Напрасно слон меня
Топтал, напрасно конь своим железным
- 85 Копытом бил, дыбясь средь яркой сечи!..
Пороховой подземный взрыв меня
Высоко взбросил; оглушенный, тяжело
Упал на землю я — и очутился
Средь измозженных трупов, весь обрызган
- 90 Их кровью, мозгом — жив и невредим!

На мне ломались молот и топор;
У палачей мертвели руки; зубы
У тигров притуплялись. В цирке лев
Голодный растерзать меня не мог.

95 Я подползал к норе гремучих змей,
Кровавый гребень щекотал дракону.
И жало змей меня не заражало;
Терзал и грыз дракон, не умерщвляя.

И я пошел плевать хулой и бранью
100 В лицо тиранам. Говорил Нерону:
«Ты пес! Ты кровопийца!» Христиерну
Я говорил: «Ты пес! Ты кровопийца!»
Мулею Измаилу говорил:
«Ты пес! Ты кровопийца!» И тираны
105 Мне злейшие придумывали пытки
И казни... Но меня не умертвили.

О, ужас! Умереть не мочь! Покоя
Не мочь найти, томясь и изнывая!
И все влачить иссохшее, как труп,
110 И тлением пропахнувшее тело!
Столетия и тысячелетия — видеть
Перед собой зияющую пасть
Чудовища *Одно и то же!* Видеть
Как время, в ненасытном любодействе
115 И в вечном голоде, детей рождает,
Иль пожирает! Умереть не мочь!
О, беспощадный Мститель! Есть ли казнь
Грознейшая в твоей всевластной воле?
Казни меня, казни меня ты ею!..
120 О, если б пасть от одного удара
И с этой выси покатиться вниз,
И у подошвы горной растянуться,
И, вздрогнув — прохрипеть и умереть!»

И Агасфер шатнулся: смутный гул
125 Ему наполнил уши; тьма покрыла
Горящие зеницы... Светлый ангел
Взял на руки его и снес в ущелье
И там сложил и молвил: «Агасфер!
Спи мирным сном! Не вечен божий гнев».

73. Новая любовь — новая жизнь

Сердце, сердце, что с тобою?
 Что смутило глубь твою?
 Жизнью ты живешь иною...
 Я тебя не узнаю!

5 Мимо все, что ты любило,
 Мимо, что тебя томило —
 И забота, и покой.
 Что же случилось с тобой?

Или этот образ милый
 10 Оковал мечты твои?
 Иль в тебе не стало силы
 Презреть этот взор любви?
 Захочу ли ободриться,
 Отвернуться, удалиться —
 15 Мне и шагу не шагнуть,
 Снова к ней лежит мой путь.

Нить волшебную напрасно
 Я стараюсь оборвать;
 Против воли все к прекрасной
 20 Возвращаюсь опять —
 И, вступая в круг суровый,
 Покоряюсь жизни новой,
 Как я слаб и молод вновь!
 Отпусти меня, любовь!

74. Первая потеря

Кто возвратит мне прекрасные дни,
 Дни моей первой любви?
 Кто возвратит мне хоть час лишь один
 Этой поры золотой?

5 Грусть моей ране зажить не дает:
Сердце назад свое счастье зовет
С новой и новой тоской.

Кто возвратит мне прекрасные дни,
Дни той поры золотой?

75. Близость милого

С тобою мысль моя — горят ли волны моря
В огне лучей,
Луна ли кроткая, с туманом ночи споря,
Сребрит ручей.

5 Я вижу образ твой, когда далеко в поле
Клубится прах,
И в ночь, как странника, объемят поневоле
Тоска и страх.

10 Я слышу голос твой, когда начнет с роптаньем
Волна вставать;
Иду в долину я, объятую молчаньем,
Тебе внимать.

О, я везде с тобой, хоть далека от взора!
С тобой везде!
15 Уж солнце за горой; взойдут и звезды скоро...
О, где ты? где?

76. Ночная песня странника

Ты, небесный, ты, святой,
Все печали утешающий,
Изнуренному борьбой
Облегченье посылающий!

5 Утомителен мой путь,
Край далек обетованный...
Мир желанный,
Снизойди в больную грудь!

77. Обман

Шелохнулась занавеска
У соседки на окне:
Видно, вздумалось плутовке
На окно взглянуть ко мне.

5 Видно, хочется провести,
Все ли так же я сердит,
Или ропот мой ревнивый
Приутих, и гнев забыт.

Ах! плутовка спит спокойно
10 И не грезит обо мне:
То шалун играет ветер
Занавеской на окне.

78. Вечерняя песня охотника

Я крадусь полем, тих и дик;
Взведен курок ружья.
Опять твой светлый, милый лик
Мечтами вижу я!

5 Тиха, спокойна в этот миг
Гуляешь ты в лугах.
Мой промелькнувший бледный лик
Не встал в твоих мечтах.

Тоска и зло сдавили грудь...
10 Я исходил весь свет:

К востоку путь, на запад путь,
К тебе дороги нет!

Но о тебе и мысль одна
Мне луч во мгле ночной!
15 Покоем вновь душа полна:
Не знаю, что со мной!

79. Близость

Часто мы друг другу чужды,
Далеки в толпе людской.
Свет иль шум тому виной —
Право, знать нам мало нужды:
5 На безлюдье, в тишине
Близость нашу мы почуем —
И знакомым поцелуем
Тотчас скажешься ты мне.

80. Блаженство грусти

Не высыхайте, не высыхайте
Слезы вечной любви!
Ах! и едва осушенному оку
Мертв и пустынен кажется мир.
5 Не высыхайте, не высыхайте
Слезы несчастной любви!

81. Песня Клары

Радостных
И тягостных
Дум так много;
Томишься —
5 И боишься;
И счастье, и тревога!

Небесно ликуешь —
И смертно тоскуешь...
Жизнь лишь тогда хороша,
10 Как полюбит душа!

82. Миньона

Ты знаешь ли край, где лимонные рощи цветут,
Где в темной листве померанец горит золотистый,
Где с неба лазурного негою веет душистой,
Где скромно так мирты, где гордо так лавры растут?
5 Ты край этот знаешь?
Туда б я, туда
С тобою, мой милый, ушла навсегда!
Ты знаешь ли дом? Его кровля на стройных столбах,
И зала сияет, и мрамор блестит на стенах,
И статуи рядом стоят и глядят, вопрошая:
10 «Ах, что с тобой, бедная? Что с тобой случилось, родная?»
Ты дом этот знаешь?
Туда бы, туда
С тобою, родной мой, ушла навсегда!

Ты знаешь ли гору? Тропинка за тучи ползет,
И мул среди туманов там, тяжело ступая, идет,
15 И старые гнезда драконов в ущелье таятся,
И рушатся скалы, и с ревом потоки клубятся.
Ты гору ту знаешь?
Туда бы, туда
Путем тем, отец мой, уйти навсегда!

83. Перед судом

От кого я беременна — вам не скажу:
То заветная тайна моя.
Потаскушкой меня называете вы:
Лжете, честная женщина я!

5 С кем слюбилась я, этого вам не узнать.
Он хорош и пригож, милый мой,
В чем бы он ни ходил, в золотой ли цепи,
Иль в соломенной шляпе простой.

Если надо насмешки сносить и позор,
10 Их снесу я одна на плечах.
Знает милый меня, знаю милого я —
И про все знает бог в небесах.

Перестаньте же, честные судьи мои,
Перестаньте меня вы томить!
15 Ведь дитя это было и будет моим
И не вам его надо кормить.

84. Пряха

В тихой горенке своей
Я пряла спокойно,
К прялке парень подошел
Молодой и стройный.

5 Стал хвалить меня, сказал,
Что пряду я чисто,
И что косы у меня —
Лен же золотистой.

Да не смирно он стоял —
10 Не дал мне покою,
Нитка вдруг оборвалась
Между ним и мною.

Хоть на пряже мне пришлось
Много заработку,
15 Но не стать хвалиться им
Мне по околотку.

Шла я с пряжею к ткачу,
А сама горела;
Точно сердце у меня
20 Выскочить хотело.

Надо мыть, белить тканье,
У пруда трудиться;
А к воде едва-едва
Сможешь наклониться.

25 То, что в горенке тайком
От людей прядется,
Рано ль, поздно ль напоказ
Выносить придется.

85. Границы человечества

Когда предвечный,
Святой отец
Спокойной рукою
Из клубящихся туч
5 Благодатные молнии
Сыплет на землю,
Я лобызаю
Края одежд его
С младенческим трепетом
10 В верной груди.
И где ж человеку
Тягаться с богами!
Поднимется ль ввысь,
Досягнет ли
15 До звезд головой,
Негде ему опереться
Стопою неверной —
И им играют

Ветры и тучи.
20 Стоит ли твердой,
Сильной ногою
На крепкозданной,
Прочной земле,
Ему не подняться,
25 Даже чтоб с дубом
Иль с лозой виноградной
Сравняться.
Что отличает
Богов от людей?
30 Без счета волны
Бегут пред ними
Вечным потоком;
А нас одна
Волна поднимет,
35 Одна потопит.
В малом звене
Жизнь наша замкнута;
Много поколений
Примыкают прочно
40 К бесконечной цепи
Их бытия.

86. Осеннее чувство

Тучней зеленейте,
Виноградные лозы,
Взбираясь к окну моему!
Полней наливайтесь,
5 Густые гроздья, и зрейте
Быстрее, пышнее!
Вас греет,
Как лоно матери,
Прощальный взор солнца;
10 Вас обвеваает

Дух плодотворный
Благого неба;
Вас освежает
Чудной прохладой
15 Дружественный месяц;
Вас орошают
Из этих глаз
Вечно живящей любви
Крупные слезы.

87. Морская тишь

Тишь глубокая над морем,
Неподвижно лоно вод —
И на гладь морскую смотрит,
Озабочен, мореход.
5 Хоть одно бы дуновенье
Среди мертвой тишины!
Хоть бы где в дали безбрежной
Показался всплеск волны!

88. Счастливое плавание

Туманы редуют,
Прояснилось небо;
Эол разрешает
Докучную цепь.
5 Вот ветром пахнуло;
Пловец встрепнулся.
Живее! Живее!
Волна расступается,
Далекое близится.
10 Смотрите — земля!

89. Свиданье и разлука

Коня! Я долго дожидался —
И конь почуял иглы шпор.
В долине вечер расстился,
Сползала ночь с далеких гор.

5 Гигантом грозным восставая,
В туман завертывался вяз,
Где сквозь кустарник тьма ночная
Глядела сотней черных глаз.

Луна мерцала над полями,
10 Бледнея в дыме облаков;
Чуть вея тихими крылами,
Шушукал ветер. Рой духов

Под тусклым возникал светилом;
Но ясен мне казался путь,
15 Какой огонь бежал по жилам!
Каким огнем сгорала грудь!

И я с тобой. Ты кротким взглядом
Дарила радость и покой.
Два наши сердца бились рядом,
20 Дыханьем каждым был я твой.

Весенним розовым мерцаньем
Был милый образ твой одет.
А эта нежность упованьем
Шептала мне, что в счастье свет.

25 Но солнце уж встает с ночлега,
И сердце сжал разлуки страх.
В твоих устах какая нега!
Какая грусть в твоих очах!

Со мною здесь, тоской томимым,
30 Ты дни хотела проводить!
О, что за счастье быть любимым!
О, что за счастье любить!

90

- Порою мнится мне: на голове моей
Сверкает светлый луч бессмертия и славы,
С груди больной скатился груз скорбей,
И нет в очах горячих слез отравы.
- 5 Весь мир передо мной любовью обновлен:
В объятья братские певца он принимает —
И всем священ любви и истины закон,
И правда, как звезда, во всей красе сверкает.
- Но этот миг прошел — и голову мою
- 10 Опять, как прежде, жмет певца венец колючий,
И токи горьких слез попрежнему я лью
И скорби давят грудь, как пасмурные тучи,
И люди старою дорогою веков,
Не отряхая прах страстей своих отцов,
- 15 Как прежде лживые, идут передо мною,
Любви и истины чуждаяся душою...
И голос мой молчит — болезненно молчит!

91. Могила Анакреона

- Где роза юная в тиши благоухает,
Где горделивый лавр и цепкий виноград
Сплелися дружески, где горлица вздыхает,
И слышен в зелени приятный крик цикад,
- 5 Кого из смертных здесь могила приютила?
Кому надгробный холм так пышно расцветила
Рука богов? Тут спит Анакреон-певец!
Счастливец — и весну он видел молодую,
И лето жаркое, и осень золотую,
- 10 И от седой зимы здесь скрылся наконец!

92. Китаец в Риме

- В Риме китайца я видел. Все здания вечного града
Древних и новых времен ему тяжелы показались.
«Ах!» — говорит он: — «бедняжки, им непонятно, как могут
Столбика три деревянных поддерживать целую кровлю.
5 Нет! резная работа, с своей пестротой, позолотой,
Лишь образованный глаз, утонченное чувство чарует».
Мне показался китаец похожим на многих мейнгеров,
Тех, что свою паутину воздушную с вечною тканью
Вечной природы равняют, больными зовут всех здоровых,
10 Чтобы одних только их — недужных — здоровыми звали.

93

- Жизнью украсил язычник свои саркофаги и урны.
Пестрою вязью сплетясь, фавны, вакханки вокруг
Пляшут. Щеки надул козлоногий сатир и трудится:
Рог дребезжащий его хрипло и дико звучит.
5 Мнится, из мрамора слышны и стройный кимвал и тимпаны.
Вот наливные плоды резвые птицы клюют...
Шум не пугает их; он не спугнет и подавно Амура:
То-то раздолье ему с факелом бегать в толпе!
Так изобилию жизни и самая смерть покорилась:
10 В тихом вместилище сем словно и пепел живет!
Свиток мой, урну с пеплом певца окружи ты собою!
Жизнью обильной тебя щедро украсил певец!

91. Избранный утес

- Здесь в одинокой тиши о милой думал любовник.
Радостно молвил он мне: «Будь мне свидетель, утес!
Но не гордись чересчур: у тебя соучастников много.
Каждому камню полей, в счастье питавших меня,
5 Каждому дереву леса, где, светел душою, блуждаю,
Весело я говорю: «Памятью счастья будь!
Голос же только тебе я даю. Так муза средь многих
Выберет вдруг одного и поцелует в уста».

95. Мидас

Мидас, горька твоя участь была: в деснице дрожащей
В золото, старец голодный, твоя превращалась пища.
Часто случается вот что со мною — но это отрадней:
Все у меня под рукой превращается в легкую песню.

5 Нежные музы, я вам не противлюсь; но только, смотрите,
Милую в жарких объятьях моих вы не сделайте сказкой!

96

Эта гондола моя кажется тихо-качаемой люлькой,
Ящик же этот в ней — словно вместительный гроб.
Так-то меж люлькой и гробом качают и носят нас волны,
И беззаботно мы вдаль по морю жизни плывем.

97. Сознанное счастье

Что между многих всегда природа расчетливо делит,
Тем; она щедрой рукой всем наделила одну —
И одаренная щедро, любимая многими жарко,
Мне, счастливцу, дала полную долю любви.

98. Сон и Дремота

Сон и Дремоту, двух братьев, служенью богов обреченных,
С неба низвел Прометей роду людскому служить.
Что было в пору богам, человеку пришлось не по силам:
Стала Дремота их Сном, Смертию стал нам их Сон.

99. Напоминание

Долго ль вдаль тебе стремиться?
Ведь добро перед тобой.
Лишь умей ты ухватиться,
Счастье вечно под рукой!

100. Земледельцу

Тонким слоем земля покрывает зерно золотое;
Глубже в ней будут лежать мирные кости твои.
Бодро паши ты и сей! Здесь вырастет пища живая;
А надежда живет даже у самых могил.

101. Сладкие заботы

Прочь от меня, вы, заботы! Но, смертных, нас покидают
Наши заботы тогда, как покидает и жизнь,
Если ж иначе нельзя, заботы любви, приходите
И, все иные изгнав, сердце займите мое!

102. Филомела

Видно, Амуром вскормлена, всхолена, ты, о, певица!
Бог шаловливый тебя, видно, кормил со стрелы.
Ядом пропитанным горлом поешь ты беспечные песни
И заражаешь сердца жгучею силой любви.

103. Благодать

Небо разверзлось, и дождь зашумел, и щедрою влагой
Злак и утес орошен, стены домов и древа;
Солнце взойдет: как пар, благодать отлетает от камня;
Только живое хранит небо благие дары.

104. Неравный брак

Равенства нет и в небесных союзах. Психея с годами
Стала умна; но Амур тот же ребенок, что был.

105. Новый Амур

Амур — не дитя, а юноша, нежной Психеи прельститель,
Привыкший к победам — Олимп озирает дерзким взором.
Богиню

Узрел он — красавицу, лучшую всех обитательниц неба:
Была то Венера Урания. К ней запылал он любовью,
5 Богиня сама не могла воспротивиться жарким молениям,
И дерзкий в руках своих долго держал се в сладком
забвеньи...

Плодом этих ласк был новый Амур, прелестный ребенок.
Отцу он подобен разумом; матери нравом. Он вечный
Сопутник игривого общества муз, — и своею стрелою
10 Рождает в сердцах пораженных любовь к святому
искусству.

106. Афоризмы

I

Сядь на коня, на корабль—и Забота с тобою засядет;
Но неотвязней еще, если пристанет Амур.

II

Вижу ли я богомольца — от слез не могу удержаться:
Счастье находим свое в ложном понятии мы!

III

Тщетно ты веешь, Морфей, надо мной усыпительным маком:
Глаз не закрою, пока их не смежит мне Амур.

IV

Ты не знаешь, кому тебе верить? Верь жизни: научит
Лучше всех мудрецов, лучше всех книг тебя жизнь.

V

Пусть сумасброд, как морского песку, набирает адептов:
Мне жемчужина ты, мой рассудительный друг!

VI

Пышные кудри свои заплела ты в косы, Фракея:
Иль хотела сердцам новые сети сплести?

VII

Жить мы должны и любить. И жизнь и любовь
прекратятся.
Разом, о Парка, ты режь нити и той и другой!

VIII

Факел возьми Прометеев: людей оживи ты им, муза!
Факел Амура возьми! мучь и счастливь им людей!

107. Прометей

Драматический отрывок

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

I

Прометей и Меркурий.

Пр о м е т е й .

Скажи им: не хочу —
Да, не хочу и только!
Их воля противу моей:
Одно противу одного,
5 Мне кажется, равны.

М е р к у р и й .

И это передам я твоему
Отцу, Зевесу? Матери твоей?

Прометей .

- Что мать! отец!
Как знать, откуда мы?
10 Я стал стоять, как в первый раз заметил,
Что ноги у меня стоят,
И эти руки протянул, когда
Почувствовал, что тянутся они,
И видел я, как читали
15 Мои шаги *они*, которых ты
Зовешь отцом и матерью.

Меркурий .

И подавали помощь,
Необходимую тебе, ребенку.

Прометей .

- Зато и был покорен им ребенок,
20 И бедного птенца они могли
Воспитывать и так и этак,
По ветру прихотей своих.

Меркурий .

Они ж тебя и охраняли!

Прометей .

- Да от чего?
25 От тех опасностей, которых
Страшились сами?
Они ли сберегли мне сердце
От змей, его язвивших втайне?
Они ли закалили эту грудь
30 Противиться титанам?
Иль мужа из меня сковало
Не время всемогущее, владыка
И *мой* и *ваш*?

М е р к у р и й .

Несчастный!

35 И *это* передать твоим богам,
Им, бесконечным?

П р о м е т е й .

Богам? Я и не бог,
А все себя считаю я не меньше
Любого между них.

40 Вы бесконечны? всемогущи?
Да что же можете-то вы?
Иль можете простор великий
Земли и неба в руки мне вместить?
Иль можете меня вы разлучить
45 Со мной самим?
Иль можете меня расширить,
Распространить на целый мир?

М е р к у р и й .

Судьба!

П р о м е т е й .

Так власть ее ты признаешь?
50 Я — тоже.
Ступай — я не служу вассалам!
Меркурий уходит.

II

Прометей возвращается к своим статуям, стоящим по долине

Незаменимое мгновенье!
Из круга вашего меня
Безумец оторвал,
55 О, дети вы мои!
Что б ни внесло движенье в вашу грудь
(Подходит к девушке)
Грудь эта мне навстречу
Должна бы рваться.

Глаза уж говорят!
60 Промолвите ж, скажите слово мне,
Вы, милые уста!
О, если б мог я вас заставить
Почувствовать, что вы такое!

III

Входит Эпиметей.

Э п и м е т е й .

Меркурий жаловался горько.

П р о м е т е й .

65 Не слушай жалоб ты его:
Он и без жалоб возвратился б.

Э п и м е т е й .

Будь справедлив, мой брат!
На этот раз
Немногого хотели боги.
70 Они хотят отдать тебе вершину
Олимпа, чтобы там ты жил
И управлял землею.

П р о м е т е й .

Приказчиком их был
И защищал их небо?
75 Я требовал гораздо меньше:
Они хотят со мною поделиться,
А я им говорю, что мне
Делиться с ними нечем.
Что у меня и есть, того похитить
80 Они не могут;
Что есть у *них*, пусть сами берегут.
Вот тут мое, а вот твое —
И весь раздел покончен.

Э п и м е т е й .

Да многое ль твоё?

П р о м е т е й .

85 Тот круг, который наполняю
Я действием своим —
Ни больше и ни меньше!
Какое право надо мною
Имеют эти звезды в высоте,
90 Что на меня глазеют?

Э п и м е т е й .

Ты одинок стоишь!
Не понимаешь ты, упрямец,
Что б это было за блаженство,
Когда бы боги, ты,
95 И все твои, и небо, и весь мир
Себя единым целым ощутили.

П р о м е т е й .

Я это знаю!
Прошу тебя, любезный брат,
Как знаешь, делай,
100 Меня ж оставь!

Эпиметей уходит.

IV

П р о м е т е й (один).

Вот здесь мой мир, вселенная моя!
Здесь сознаю себя,
Здесь все мои желанья
В телесных образах,
105 Здесь дух мой, разделенный
Тысячекратно
И целостный в моих
Любезных детях.

V

Входит Минерва.

Прометей.

И ты решилась,
110 Моя богиня?
 Решилась низойти к врагу отца?

Минерва.

Я чту отца, тебя ж люблю,
О, Прометей!

Прометей.

И ты ведь духу моему
115 То ж, что он сам себе.
 Мне с самого начала
 Твои слова небесным светом были.
 Всегда, как будто бы моя душа
 С самой собою говорила:
120 Она вся раскрывалась —
 И сродные гармонии звучали
 Из ней самой,
 И божество вещало,
 Когда, я думал, говорю я сам,
125 Когда же думал — божество вещает,
 То сам я говорил.
 Так я с тобою
 Соединен: так глубока,
 Вечна моя любовь к тебе!

Минерва.

130 И я присутствую с тобою вечно!

Прометей.

Как сладостно мерцающий тот свет
Склонившегося солнца
Там стелется по высям
Угрюмого Кавказа

- 135 И душу сладким миром мне объемлет
Всегда, и в самом
Отсутствии, присутствуя со мной,
Так силы развивались мои
С дыханьем каждым
140 Из воздуха твоих небес.
Какое ж право
Хотят иметь над силами моими
Олимпа гордые жилыцы?
Они *мои* — и их употребленьё
145 Мое. Ни шага больше я
Не уступлю и вышему из них.

М и н е р в а .

Так мыслит мощь.

П р о м е т е й .

- Я мыслю тоже, о богиня,
И тож могуч.
150 Да что! Иль не видала часто ты,
Как в самопроизвольном рабстве
Я бремя нес, которое они
С торжественною важностью валили
На плечи мне?
155 Иль я не исполнял работы
И каждого подённого труда,
По их веленью, ибо верил,
Что прошлое, и будущее им,
Как в книге, видно в настоящем,
160 Что руководство их, их повеленье
Есть довременная, святая
И нерасчетливая мудрость?

М и н е р в а .

Ты им служил, чтоб стать достойным
Свободы!

Прометей.

- 165 Ни за какие блага не хотел бы
Чредою с птицей грома поменяться
И с гордостью держать
В холопских лапах молнии
Владыки моего.
170 Что я? и что они?

Минерва.

Несправедлива ненависть твоя!
Богам на долю выпало бессмертье
И мощь, и мудрость, и любовь.

Прометей.

- Но это все
175 Не им одним досталось:
И я бессмертен, как они.
Мы вечны все!
Начала своего не помню я
И, кончиться не чувствуя стремленья,
180 Конца не вижу.
Я вечен, потому что существую!
А мудрость...

Минерва обходит статуи.

- Взгляни на этот лоб!
Не мой ли перст
185 Его отметил?
А сила этой груди рвется
В борьбу с опасностью, всему грозящей.
Останавливается перед женскою статуей.

- А ты, Пандора,
Святая чаша всех даров,
190 Какие лишь дают отраду
Под бесконечным небом
На бесконечной
Земле, все, что когда-либо меня

Одушевляло чувством неги,
195 Что в свежей тени
Мне проливало утоление,
Что солнцем
Любви, весенней негой,
И теплою волною моря
200 Ласкалось с нежностью к моей груди,
Чем наслаждался я, как блеском неба,
Как миром духа, — это все —
Все ты, — моя Пандора!

М и н е р в а .

Юпитер позволяет
205 Тебе их жизнью наделить,
Коль ты свой слух
К его совету склонишь.

П р о м е т е й .

Вот это лишь меня и колебало.
Но — мне холопом быть?
210 Мне — как и всем —
Признать там над собою
Власть громовержца? Нет!
Пусть будут связаны они
Своей безжизненностью здесь,
215 Они свободны:
Я чувствую свободу их!

М и н е р в а .

И жить должны они!
Судьба — не боги —
Дарит и отнимает жизнь.
220 Иди! я поведу тебя
К истоку всякой жизни,
Которого Юпитер
От нас не замыкает.
Пускай живут они —
225 И чрез тебя!

Прометей.

Через тебя, моя богиня,
Пусть живут и чувствуют себя
Свободными — живут!
Их радость будет для тебя отрадой.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

I

На Олимпе

Юпитер и Меркурий.

Меркурий.

- 230 Ужасная верховная измена,
Отец Юпитер!
Минерва, дочь твоя,
С мятежным заодно:
Она источник жизни
235 Ему открыла и его
Скудельный мир и самого его
Одушевила.
Подобно нам, все движутся они,
Снуют, ликуют вокруг него,
240 Как мы вокруг тебя.
Где гром твой, Зевс?

Юпитер.

- Они живут и будут жить —
И жить должны!
Над всем, что есть
245 Под необъятным небом,
На бесконечной
Земле — владыка я.
Род червяков умножит
Число моих рабов.
250 Им будет благо, если моему

Последуют отеческому слову;
Но горе, если станут
Моей деснице царственной перечить!

М е р к у р и й.

Всеблагостный отец всего живого,
255 Прощаешь ты преступных злодеянье!
Да будет же тебе любовь и слава
От всей земли и неба!
О, ниспошли меня — да возвещу
Я бедному, из праха
260 Рожденному народу,
Тебя, отец, и доброту твою
И силу!

Ю п и т е р .

Еще не время!
В новорожденном юношеском счастье
265 Душа их мнит быть равной божеству;
Они тебя не станут слушать,
Пока ты не понадобишься им.
Их надо предоставить жизни.

М е р к у р и й.

Так мудр и благ!

II

Долина у подошвы Олимпа.

П р о м е т е й .

270 Взгляни сюда, Юпитер,
На мир мой: он живет!
По своему я образу их создал,
Род, равный мне,
Чтобы страдать и плакать,
275 И ликовать, и наслаждаться,
И на тебя не обращать вниманья,
Как я!

По всей долине рассеяно племя людей. Они взобрались на деревья и собирают плоды, купаются в реке, гоняются взапуски на лугу; девушки рвут цветы и плетут себе венки. К Прометею подходит человек с срубленными молодыми деревьями.

Человек .

Вот дерева,
Каких хотел ты!

Прометей .

280 Как с почвы снял ты их?

Человек .

Вот этим острым камнем я
Их подрубил под самый корень.

Прометей .

Сначала сучья прочь!
Теперь вот это вбей
285 Здесь в землю прямо,
А это здесь — насупротив того
И сверху их свяжи;
Потом таких же два вбей сзади
И сверху положи одно.
290 Теперь спусти все сучья сверху
Вплоть до земли,
Свяжи их и сплети;
Вокруг положишь дёрну
И сверху более ветвей,
295 Так, чтоб ни солнце,
Ни дождь, ни ветер не могли проникнуть.
Вот, милый сын, тебе защита
И хижина!

Человек .

Спасибо, дорогой отец,
300 Тысячекратное спасибо,
Скажи мне: могут ли все братья
Жить в хижине моей?

Прометей.

Нет — ты ее себе построил:
Она твоя.

305 Ты можешь разделить ее
С кем хочешь.
Кто хочет жить — построй себе и хату.
(Уходит).

Подходят два человека.

Первый.

Ты ни одной не можешь взять
Из коз моих: они мои.

Второй.

310 Откуда?

Первый.

Вчера я день и ночь
Карабкался в горах,
Старался с горьким потом
Их изловить живых,
315 А эту ночь их сторожил
И запер
Каменьями и сучьями вот тут.

Второй.

Ну, дай одну мне!
Вчера я тоже полонил одну
320 И приготовил на огне
И с братьями моими съел.
Тебе одной довольно на сегодня:
Мы завтра вновь изловим.

Первый.

Отстань ты
325 От коз моих!

В т о р о й.

Однако...

Первый хочет его отогнать, но второй дает ему такой толчок,
что тот падает; берет одну козу и уходит.

П е р в ы й.

Насилье! ой!

Входит Прометей.

П р о м е т е й .

Что случилось?

Ч е л о в е к .

Он отнял козу у меня!

330 Из головы моей струится кровь:

Он повалил меня

На этот камень!

П р о м е т е й .

Сорви вон с дерева ту губку

И положи ее на рану.

Ч е л о в е к .

335 Ах, дорогой отец,

Она нейдет уж!

П р о м е т е й .

Ступай и вымой

Себе лицо.

Ч е л о в е к .

А как же будет

340 С моей козой?

П р о м е т е й .

Оставь его!

Коль против каждого он будет

Своей рукой, то каждого рука

Против него направится за это. (*Человек уходит*).

345 Еще не выродились вы,
Мои созданья!
Вы и прилежны, и ленивы,
Жестоки, кротки, щедры, скупы,
Равны своим вы братьям по судьбе,
350 Равняетесь с зверями и богами.

Входит Пандора.

Прометей.

Что, дочь моя, с тобой?
Как ты тревожна.

Пандора.

Отец мой!
О, что я видела, отец,
355 Что чувствовала я!

Прометей.

Что? Что?

Пандора.

О, Мира бедная моя!

Прометей.

Что с ней?

Пандора.

О, чувство без названья!

360 Я видела, как шла она
К опушке леса, где мы часто
Цветы собирали с нею на венки.

Я шла за нею —

И как сошла с холма

365 Я увидела — ах! —

Ее на мураве простертой.

Но, к счастью, близко был

В лесу Арбар.

Ее в руках он крепко удержал

370 И не дал ей упасть;

Но — ах! — упал с ней сам.
Ее прекрасная головка
Поникла; он же
Без счету целовал ее
375 И весь прильнул к ее губам,
Чтобы в нее свой дух вдохнуть;
Мне стало страшно,
Я подбежала к ним и закричала.
Мой крик привел ее в себя.
380 Арбар ее оставил;
Она вскочила
И — ах! — с полупотухшими глазами
Упала мне на грудь.
Грудь у нее так билась,
385 Как будто разрывалась;
Пылали щеки,
И сохли губы,
И слезы, как ручей, катились.
Я чувствовала — снова
390 Дрожат у ней колени
И все ее поддерживала, милый
Отец, и жар ее
И поцелуи
Такое новое неведомое чувство
395 Мне влили в жилы,
Что я, встревожена и смущена,
Оставила, рыдая,
Ее, и лес, и поле.
К тебе, отец! Скажи,
400 Что это все, что потрясло
Ее, меня?

Прометей.

То — смерть!

Пандора.

А это что такое?

Прометей.

О, дочь моя, ты много
405 Узнала радостей?

Пандора.

О, тысячи! за все тебе спасибо.

Прометей.

Пандора, грудь твоя
При восходе солнца трепетала,
При всплыве месяца, и в поцелуях
410 Твоих подруг
Чистейшим ты блаженством наслаждалась?

Пандора.

Невыразимо!

Прометей.

Что в пляске поднимало так легко
Твой стан с земли?

Пандора.

415 Что? Радость!
Мой каждый член, игрой и пеньем тронут,
Дрожал и шевелился,
И вся я таяла в тех звуках.

Прометей.

И под конец все разрешилось сном,
420 И радость, и страданье.
Ты чувствовала пламень солнца,
Томленье жажды,
Усталость ног твоих,
Ты плакала и о твоей
425 Потерянной овечке,
И как стонала, как дрожала,
Когда в лесу подошвой наступила
На острый терн,
Пока тебя не исцелил я!

П а н д о р а.

430 Отец, у жизни разные веселья
И горести.

П р о м е т е й .

Ты сердцем чуешь,
Что радостей еще есть много
И много есть страданий,
435 Незнаемых тобой.

П а н д о р а.

Да, сердце часто рвется у меня
И никуда как будто
И всюду.

П р о м е т е й .

То миг, который исполняет все,
440 Все, что стремил нас тоской,
Что снилось нам, что ожидалось нами,
Чего страшились,
Пандора — это смерть!

П а н д о р а.

Смерть?

П р о м е т е й .

445 Когда из сокровенной глубины
Ты чувствуешь себя
Во всем существовании потрясенной,
Все, что когда-либо в тебя вливалось
И радость и страданье,
450 И сердце, полно бурей,
Слезам облегчиться хочет,
И пыл свой умножает,
И все в тебе звучит и все трепещет,
И чувства тьмятся,
455 И кажется тебе — исходишь ты
И никнешь,
И все вокруг тебя в ночи
Крушится.

И ты, все в более незнанном чувстве,
460 Объемлешь целый мир:
Тогда-то умирает человек.

П а н д о р а (*обнимая его*).

Умрем, отец мой!

П р о м е т е й .

Еще не время.

П а н д о р а.

А после смерти?

П р о м е т е й .

465 Когда же все — желанье, радость, скорбь —
В мятежном наслажденьи разрешатся,
Потом на отдых опочиют в неге,
Тогда ты оживешь еще юнее,
Чтобы опять страшиться,
470 Надеяться, желать.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Мастерская Прометея

П р о м е т е й .

Закрой, о Зевс,
Ты небеса свои
Парами туч
И тешься, как мальчишка,
475 Что обивает у волчца головки,
Круши дубы и выси гор!
Мою ты землю
Не пошатнешь
И хижину мою:
480 Не ты ее построил,
И мой очаг, которого огонь

Тебе завиден.
Я ничего не знаю
Под солнцем жалче вас, о боги!

485 Питаете вы скудно
Дарами жертв
Да воздухом молитв
Свое величье,
И были б вы без пищи,

490 Не будь на свете
Доверчивых глупцов, детей и нищих.
Когда я был ребенком
И ничего не знал толково,
Заблудшие глаза я к солнцу обращал,

495 Как будто у него есть уши
Внимать моим словам
И сердце, как мое,
Над утесненным пожалеть.
Кто мне помог

500 С титанами бороться?
Кто спас меня от смерти,
От рабства?
Не все ль само ты совершило,
Святое, пламенное сердце?

505 Не пламенело ль молодо и благо,
Обмануто, признательностью ты
Тому, что в небе спит?
Мне чтить тебя? За что?
Бывало ль, чтобы скорбь ты утолил

510 Обремененного?
Когда ты слезы осушал
У угнетенного?
Иль мужа из меня сковали
Не время всемогущее,

515 Не вечная судьба.
Мои владыки и твои!
Иль думал ты,
Что я возненавижу жизнь,
Бегу в пустыни, потому

520 Что сны цветущие не все
Созрели в яви?
Я здесь сижу, творю людей
По образу и лику моему,
Мне равное по духу племя,
525 Страдать и плакать,
И ликовать, и наслаждаться,
И на тебя не обращать вниманья,
Как я...

108. Фауст

Собор

(Служба; орган и пение)

Гретхен (в народе). Злой дух (за нею).

З л о й д у х .

То ли, Гретхен, бывало с тобою,
Когда ты, чиста и невинна,
Сюда к алтарю приходила?
По книжке старинной
5 Молитвы шептала ты,
И бог в сердце.
Гретхен!
Где голова твоя?
В сердце твоём
10 Что за преступленье?
Не за душу ль матери молишься ты?
Она от тебя же уснула на долгие, долгие муки.
Чья кровь на пороге твоём?
А под сердцем у тебя
15 Не движется ль что, не растёт ли,
Тебя не пугает ли
Скорым рожденьем?

Г р е т х е н .

Горе! Горе!

Что за мысли в уме?

20 В голове они бродят
Против воли моей.

Х о р .

Dies irae dies illa
Solvat secum in favilla.

Звук органа.

З л о й д у х .

Унынье объемлет тебя,
25 Гремит труба,
Гробы трясутся,
И сердце твое,
От сна в прахе
На муки ада
30 Вставая,
Трепещет!

Г р е т х е н .

Скорее б отсюда!
Орган меня
Лишает дыханья,
35 А сердце от пенья
Рвется на части.

Х о р .

Index ergo dum sedebit,
Quidquid latet adparebit,
Nil inultum remanebit.

Г р е т х е н .

40 Тесно мне!
Колонны стен
Меня гнетут.
Тоска
Меня давит. Душно!

З л о й д у х .

45 Сокройся! Стыда и греха
Нигде не укроешь.
Душно! Темно!
Горе тебе!

Х о р .

Quid cum miser tunc dicturus?
50 Quem patronum rogaturus.
Cum vix iustus sit securus?

З л о й д у х .

Лицо отвращают
Святые от тебя.
Руку подать тебе
55 Страшно пречистым!
Горе!

Х о р .

Quid cum miser tunc dicturus?

Г р е т х е н .

Соседка, нет ли спирту? *(Падает в обморок).*

ШИЛЛЕР

109. Беспредельность

Над бездной возникших из мрака миров
Несется челнок мой на крыльях ветров.
Проплывши пучину,
Свой якорь закину,
5 Где жизни дыхание спит,
Где грань мироздания стоит.

Я видел; звезда за звездою встает —
Свершать вековечный, размеренный ход.

10 Вот к цели, играя,
 Несутся... Блуждая,
 Окрест обращается взор,
 И видит — беззвездный простор!

 И вихря и света быстрее мой полет.
 Отважнее! в область хаоса! вперед!
15 Но тучей туманной,
 По тверди пространной,
 Ладье дерзновенной вослед
 Клубятся системы планет.

 И вижу — пловец мне навстречу спешит.
20 «О, странник! Куда и зачем ты?» кричит.
 — Проплывши пучину,
 Свой якорь закину,
 Где жизни дыхание спит,
 Где грань мирозданья стоит!

25 «Вотще! беспредельны пути пред тобой!»
 — Межи не оставил и я за собой!..
 Напрасны усилья,
 Орлиные крылья,
 Пытливая мысль, опускай
30 И якорь, смиряясь, бросай!

110. Миг

Шумен, радостен и тесен,
Вновь сомкнулся наш кружок.
Заплетемте ж свежих песен
Зеленеющий венок!

5 Но кого между богами
Песня первая почит?
Он воспет да будет нами, —
Он, что радость нам дарит!

- Хоть Церера с нивы нашей
10 Хлеб несет нам на алтарь,
И вливает Бахус в чаши
Гроздий пурпур и янтарь,
Но коль с неба огонь священный
Алтаря не опалит,
15 Не зажжется дух наш пленный,
В сердце радость не вскипит!
- Свыше к нам нисходит счастье
От божественных владык;
Но из них всех выше властью —
20 Из владык владыка — Миг!
- С той поры, как произволу
Смутных сил назначен строй,
Все божественное долу —
Свет лишь мысли огневой.
- 25 Тихо в мерном Ор движеньи
Дело жизни совершай;
Миг же краткий вдохновенья
Быстро сердцем уловляй!
- Феб с безоблачной лазури
30 Стелет в миг покров цветной,
В миг по небу после бури
Строит Мост Ирида свой.
- Так и каждый дар прекрасный,
Словно молнии струя,
35 Промелькнет — и гаснет, ясный,
В черной тьме небытия!

111. Дифирамб

Порознь бессмертные к смертным не сходят
С горних высот:
Следом за Вакхом веселым, на праздник
Мчится Эрот, прихотливый проказник,

Феб лучезарный идет.
5 Сходятся гости небесного края;
Светлых приемлет обитель земная.

Что в угощение сын праха предложит
Вечным богам?
Вы, олимпийцы, меня одарите
10 Вашею жизнью бессмертной! Возьмите
В небо лазурное, к вам!
Родина радости — Зевса чертоги...
Вашего нектара дайте мне, боги!

15 «Светлым напитком налей ему, Геба,
Полный фиал!
Влагой небесной омой ему око,
Чтоб ненавистного Стиксова тока
Он, как и мы, не видал!»
20 Нектар Олимпа, лиясь, пламенеет,
Сердцу просторнее, око светлеет.

112. Прощание Гектора

А н д р о м а х а .

О, Гектор, супруг мой, ужели меня ты покинешь?
Пойдешь ли туда, где Ахилл беспощадной рукою
Приносит кровавые жертвы Патроклу? Кто будет
Малютку учить твоего покоряться бессмертным
5 И дротик метать? О, мой Гектор, что станется с нами,
Когда ты потонешь в пучине туманного Орка?

Г е к т о р .

Не плачь, дорогая супруга! Отри свои слезы!
Пылает в груди моей мщенье врагам за отчизну...
Рука моя будет защитой родного Пергама;
10 И если паду я — паду за пенатов отцовских!
И к Стиксу сойду, как защитник твердынь илионских!

А н д р о м а х а .

- Увы! не внимать мне бряцанию доспехов супруга!
Твой меч сиротеющий ржавчина съест, и с тобою
Погибнет навеки могучее племя Приама!
- 15 Сойдешь ты туда, где и дня не бывало от века,
Где волны Коцита рыдают и стонут в пустыне...
О, Гектор, супруг мой, любовь твоя в Лете потонет!

Г е к т о р .

- Потонут в ней все мои страсти, порывы и думы —
Любовь не погибнет в холодной пучине забвенья.
- 20 Но слышишь?.. Уж варвар промчался к стенам Илиона!
Мечом опояшь меня!.. Плачь свой оставь ты и веруй:
Любовь моя вечная в Лете погибнуть не может!

113. Надовесская похоронная песня

Посмотрите! Вот — посажен
На плетеный одр —
Как живой, сидит он, важен,
Величав и бодр.

- 5 Но уж тело недвижимо,
Бездыханна грудь...
В трубке жертвенного дыма
Ей уж не раздуть.

- Очи, где ваш взор орлиный?
10 Не взгляните вы
По долине в след звериный
На росе травы.

- Ты не встанешь, легконогий!
Не направишь бег,
15 Как олень ветвисторогий,
Через горный снег.

Не согнешь, как прежде, смело
Свой упругий лук...
Посмотрите! Отлетела
20 Жизнь из сильных рук.

Мир душе его свободной!
Там, где нет снегов,
Там, где маис самородный
Зреет средь лугов...

25 Где в кустах щебечут птицы,
Полон дичи бор,
Где гуляют вереницы
Рыб по дну озер.

Уходя на пир с духами,
30 Нас оставил он,
Чтобы здесь, воспетый нами,
Был похоронен.

Труп над вырытой могилой
Плачем огласим!
35 Все, что было другу мило,
Мы положим с ним.

В головах — облитый свежей
Кровью томагок;
Сбоку окорок медвежий:
40 Путь его далек!

С ним и нож. Над вражьем трупом
Он не раз сверкал,
Как бывало, кожу с чубом
С черепа сдирал.

45 Алой краски в руки вложим,
Чтоб, натершись ей,
Он явился краснокожим
И в страну теней.

114. Истукан Изиды

I

- Жрецами Саиса, в Египте, взят в ученье
Был пылкий юноша, алкавший просвещения.
Могучей мыслию он быстро обнял круг
Хранимых мудростью таинственных наук;
5 Но смелый дух его рвался к Познаниям новым.
Наставник-жрец вотще старался кротким словом
В душе ученика смирять мятежный пыл.
«Скажи мне, *что* мое?» пришелец говорил:
«Когда не *все* мое? Где знанью грань положим?»
10 Иль самой Истиной, как наслаждением, можем
Лишь в разных степенях и порознь обладать?
Ее ль, единую, дробить и разделять?
Один лишь звук убавь в гармонии чудесной!
Один лишь цвет возьми из радуги небесной!
15 Что значит звук один, и что единый цвет?
Но нет гармонии — и радуги уж нет!»

II

- Однажды, говоря о таинствах вселенной,
Наставник с юношей к ротонде отдаленной
Пришли, где полотном закрытый истукан
20 До свода высился, как грозный великан.
Дивяся, юноша подходит к изваянью.
«Чей образ кроется под этой плотной тканью?»
Спросил он. — «Истины под ней таится лик»,
Ответил спутник. — «Как!» воскликнул ученик:
25 «Лишь Истину ищу, по ней одной тоскую,
А от меня ее сокрыли вы, святую!»
«То воля божества!» промолвил жрец в ответ:
«Завесы не коснись (таков его завет),
Пока с себя сама ее не совлеку я!»
30 Кто ж, сокровенное преступно испытую,
Поднимет мой покров, тому присуждено...»
«Что?» — «Истину узреть». — «Значенье слов темно;

- В них смысл таинственный. Запретного покрова
Не поднимал ты?» — «Нет! и искушенья злого
35 Не ведал ум». — «Дивлюсь! О, если б, точно, я
 Был им лишь отделен от цели бытия —
 От Истины!..» — «Мой сын!» прервал его сурово
 Наставник: «Преступить божественное слово
 Не трудно. Долго ли завесу приподнять?
40 Но каково душе себя преступной знать?»

III

- Из храма юноша печальный и угрюмый
Пришел домой. Душа одной тревожной думой
Была полна, и сон от глаз его бежал.
В жару метался он на ложе и стenal.
45 Уж было за полночь, как шаткими стопами
Пошел ко храму он. Цеплялся руками
За камни, на окно вскарабкался; с окна
Спустился в темный храм, и вот — пред ним она:
 Ротонда дивная, где цель его исканья.
50 Повсюду мертвое, могильное молчанье;
 Порой лишь смутный гул из склепов отвечал
 На робкие шаги. Повсюду мрак лежал,
 И только бледное серебристое мерцанье
 Лила из купола луна на изваянье,
55 В покров одетое... И, словно бог живой,
 Казалось, истукан качает головой,
 Казалось, движутся края одежды белой.
 И к богу юношу приблизил шаг несмелый,
 И косная рука уж поднята была,
60 Но кровь пылала в нем, и капал пот с чела,
 И вспять его влекла незримая десница.
 «Безумец! Что творишь? куда твой дух стремится?
 Тебе ли, бrenному, бессмертное пытаться?»
 Взывал глас совести. «Ты хочешь приподнять
65 Завесу, а забыл завещанное слово:
 До срока не коснись запретного покрова!»
 Но для чего ж завет божественный гласит:
 Кто приподнимет ткань, тот Истину узрит?

О, что бы ни было, я вскрою покрывало!
70 Увижу!» вскрикнул он. — «Увижу!» прокричало
И эхо громкое из сумрачных углов...
И дерзкою рукой он приподнял покров.

IV

Что ж увидал он там?.. У ног Изида в храме,
Поутру, недвижим, он поднят был жрецами.
75 И что он увидал? и что постигнул он?
Вопросы слышались ему со всех сторон.
Угрюмый юноша на них ответа не дал...
Но в жизни счастья он и радости не ведал.
В могилу раннюю тоска его свела,
80 И к людям речь его прощальная была:
«Кто к Истине идет стезею преступленья,
Тому и в Истине не ведать наслажденья».

115. Колумб

Далее, смелый пловец! И пусть невежды смеются,
Пусть, утомившись, руль выпустит кормчий из рук —
Далее, далее к западу! Должен там берег явиться:
Ясно видится он мысли твоей вдалеке.
Веруй вожатаю-разуму! Бодро плыви океаном!
Если земли там и нет — выйдет она из пучин.
В тесном союзе и были и будут природа и гений:
Что обещает нам он — верно исполнит она!

116. Одиссей

Все моря переплыл Одиссей, возвращаясь в отчизну:
Слышал и Сциллы он лай, зрел и Харибды грозу;
Моря враждебного злобу и горе на суше изведаль,
Даже и в темный аид, долго блуждая, попал;
5 Сонного волны его принесли ко побережью Итаки:
Скорбный, от сна пробудясь, родины он не узнал.

117. Нения

Смерть суждена и прекрасному—богу людей и бессмертных!
Зевса стигийского грудь, меди подобно, тверда.
Раз лишь достигла любовь до властителя сумрачных
теней.

Но при пороге еще строго он отнял свой дар.
5 Не усладить Афродите прекрасного юноши рану:
Вепрь беспощадно красу тела его растерзал.
И бессмертная мать не спасла великого сына:
Пал он у скейских ворот волей державных судеб...
Но она вышла из моря в сонме дочерей Нерея:
10 В жалобах ожил опять славный делами герой.
Видишь: боги рыдают, и плачут богини Олимпа,
Что совершенному — смерть, смерть красоте суждена.
Даже и песнью печали славно в устах быть любимых;
Только ничтожное в Орк сходит без звуков любви...

118. Илиада

Рвите Гомеров венки и считайте отцов совершенной,
Вечной поэмы его! Матерь одна у нее:
Ясно и стройно на ней родные черты отразились —
Вечной природы черты в их неизменной красе.

119. Сеятель

Полон надежды, земле ты вверяешь зерно золотое —
И ожидаешь весной радостно восхода его.
Что же боишься на поле времен свои сеять деянья?
Мудрости смелой посев тихо цветет для веков.

120. Согласие

Истины оба мы ищем: ее ты ищешь в природе,
В сердце ишу я, и — верь! — оба ее обретем.
Здоровое око увидит творца в чудесах мирозданья;
Здоровое сердце в себе мир и творца отразит.

121. Архимед и ученик

Юноша, жаждущий знаний, однажды пришел к Архимеду.
«О! посвяти меня в тайну науки божественной!» молвил:
«Той, что отчизне столь дивные службы служила —
И охранила от вражьей самбуки родные твердыни!»

- 5 -Ты называешь науку божественной! мудрый ответил,
- Да, не служа государству, была таковою наука.
Хочешь плодов от нее? Но плодов и от смертной добудешь?
Хочешь богиню святую в ней видеть — жены не ищи в ней.

122. Ожидание и исполнение

С тысячью гордых судов пускается юноша в море;
Чуть уцелевший челнок к пристани правит старик.

123. Данаиды

Веки черпаем ситом, и камень у сердца мы греем:
Холоден камень, как был; в сите ни капли воды.

124. Друг и враг

Дорог мне друг, но полезен и враг; наблюдения друга
Силу оценят мою; враг мне укажет мой долг.

125. Ребенок в колыбели

Счастлив младенец! Ему в колыбели простор бесконечный.
Тесен будет потом мир бесконечный ему.

126. Triebfedern

Страх пусть прутом железным своим раба побуждает.
Розовой вязью своей ты меня, радость, веди.

127. Лжеученые

Сколько у истины новых врагов!.. Душа замирает.
К свету теснится — увы! — стоя незрячая сов.

128. Ученый работник

Ты дерево взростил, но не вкусил плода:
Изящный вкус сорвет плод знания и труда.

129. Общая участь

Ненависть, распри меж нами; и мненья и чувства нас делят.
Время идет, серебра кудри и мне и тебе.

130. К музе

Что бы я был без тебя — не знаю; но страшно, как
Что без тебя этот рой сотен и тысяч людей. ^{взглянешь,}

131. Ключ

Хочешь себя изучить — посмотри на людей и дела их;
Хочешь людей изучить — в сердце к себе загляни!

132. Наше поколение

Ты непонятно мне, племя! Иль было и прежде, как ныне?
Молоды старцы теперь, юноши стары у нас!

133. Благо и величие

Две только есть добродетели. Быть им вечно в союзе:
Вечно великим добру, вечно величью благим.

134. Великий миг

Век породил нам эпоху великую. Боже! Как горько
В этот великий момент видеть ничтожных людей!

135. Натуралисты и трансцендентальные философы

Будьте враждебны друг другу: союз заключать вам
не время.
Только отдельно ища, истину сыщете вы.

136. Долг каждого

К целому вечно стремись, и если не можешь стать целым
Сам — подчиненным звеном к целому скромно примкни.

137. Милость муз

Вместе с невеждой умрет его слава; небесная муза
В сень Мнемозины вселит верных любимцев своих.

138. Печать с изображением головы Гомера

Старец Гомер! Тебе доверяю нежную тайну:
Счастье любовников знай ты лишь, единый певец!

УЛАНД

139. Блаженная Смерть

Я умер от неги
Любви и счастья:
Мне были могилой
Объятия милой;
5 Меня воскресили
Ее лобзанья;
Я небо увидел
В очах прекрасных.

140. Пастушья песня

Зима, зима лихая!
Как мал и тесен свет!
Ни в хатах ни в долинах —
Нигде простору нет!

5 Иду ли мимо дома
Где милая живет,
Ее не видно: окна
Покрыл узорный лед.

Прижму ли к сердцу руки
10 И перейду порог —
Она сидит, не взглянет:
Отец суров и строг.

О лето золотое!
Широк с тобою свет!
15 На верх ли гор взберешься —
Ограды взору нет.

Когда с зеленой выси
Мне милая видна,
Зову — и зов мой слышит
20 Вдали она одна.

Когда сидим, целуясь,
Мы на горах вдвоем,
Мы никому не видны —
И видим все кругом!

141. Развалины

Странник! Не бойся средь этих развалин забыться
дремотой:
Может, твой сон воссоздаст их в первобытной красе.

142. Король на башне

Объяты дремучею мглой, предо мной
Долины и горы лежат в тишине.
Все спит; ветерок не приносит ночной
Ни звука страданья ко мне.

Заботой о счастии всех удручен,
5 Я в думах сидел и за кубком вина.
Луной озарен голубой небосклон...
Душе моей воля нужна.

Торжественной жизни полны небеса
10 В мерцании звездных таинственных рун.
Мне слышатся дивные там голоса
При тихом бряцании струн.

Мой глаз отуманен, и волос мой сед;
Оружие праздно висит на стене;
15 Дела мои правы, и прав мой совет;
Пора успокоиться мне!

О, что же ты медлишь, желанный покой?
Возьми меня, вечная ночь, и умчи
Туда, где слышнее хор песни святой,
20 Где звездные ярче лучи!

143. Мать и дитя

«У тебя есть братец в небе!
Он меня не огорчал
Никогда — и божий ангел
В небеса малютку взял».
5—Научи меня, родная,
Как тебя мне огорчить,
Чтоб не мог меня с тобою
Божий ангел разлучить!

144. Серенада

«Что за песня, о родная,
Разбудила вдруг меня?..
Посмотри: пора ночная!
Кто же, кто пришел сюда?»
5 —Никого, дитя, не видно,
Ничего здесь не слышать...
Кто тебя, дитя больное,
Станет песнью утешать?
«Это песня неземная...
10 Нет! то ангелы поют.
Мать! прости!.. Меня отсюда
Звуки чудные влекут».

145. Весенний покой

Ах! не кладите в могилу меня
В ясное утро весеннего дня!
Если меня схоронить захотите,
Лучше в густую траву положите.
5 Любо в траве и в цветах мне лежать,
Издали будет свирель мне звучать,
А в вышине будут плыть надо мною
Майские тучки прозрачной грядю.

146. Прощанье

Так прощай, моя радость, прощай!
Дождались мы с тобой расставанья.
Поцелуй же меня, приласкай!
Уж другого не будет свиданья.
5 На прощанье нарви мне цветов!
Все на яблоне ветки белеют.
Не увижу на ней я плодов;
Без меня они летом созреют.

147. Ночью

На дом умолкший я гляжу:
Средь темноты ночной
Там спит она — и очи ей
Сомкнул давно покой.
5 Я к небу обращаю взор:
Оно покрыто мглой,—
Но за туманами горит
Там месяц золотой.

148. Горный пастух

Я на горах пасу стада,
Внизу чуть видны города.
Здесь раньше солнышко встает,
И позже вечер настает.
5 Я сын свободных гор!

Здесь чистый ключ скалу пробил,
Меня он первого поил.
Рекой он мчится там, в лугах,
А я вмещал его в руках,
10 Я сын свободных гор!

Мне горы — родина и дом.
Гроза ль кругом, гремит ли гром,
Шипит ли молния змеей,
Не заглушить им голос мой.
15 Я сын свободных гор!

В грозу под солнцем я стою;
Она ревет, а я пою.
А разозлится, крикну ей:
«Не тронь ты горных шалашей!»
20 Я сын свободных гор!

Когда ж ударят вдруг в набат
И вспыхнет где одна из хат.

Я вмиг туда! Топор в руках,
И та же песня все в устах:
25 Я сын свободных гор!

149. Добрый товарищ

Был у меня товарищ,
Товарищ дорогой.
Бил барабан тревогу;
Он шел со мною в ногу,
5 Шаг в шаг, рука с рукой.

Тут вдруг шальная пуля.
Не мне ли? Нету; с ног
Его рядком свалило,
Как словно отхватило
10 От тела мне кусок.

Он протянул мне руку;
А мне — вбивать заряд.
«Ну, не взыщи, сердечный!
Дай мира в жизни вечной
15 Тебе господь, камрад!»

АВГУСТ КОПИШ

150. Серенада близ Везувия

О беспокойная, ты шлешь меня к покою!..
Устал я; но мне нет ни отдыха ни сна.
Куда в грозу пловец приляжет головою?
О боже, боже мой! Как эта ночь длинна!

5 Я — камень пламенный, жерлом горы суровой
Высоко взброшенный с клокочущего дна.
Он падает назад, но вдруг извержен снова.
О боже, боже мой! Как эта ночь длинна!

Я — муравьиный рой, прохожим разоренный!
10 Все, все во мне, вся жизнь — разбита, смущена...
Средь неба ход светил — мне хаос беззаконный.
О боже, боже мой! Как эта ночь длинна!

Я — бедный перепел над бурным океаном!
Он бьется, он кричит: кругом — лишь тьма одна,
15 Под ним — могилы глубь, одетая туманом...
О боже, боже мой! Как эта ночь длинна!

151. История о Ное

Как вылез Ной из сундука
Явился бог ему, слегка
Понюхал жертву — и сказал:
«Тебя всегда я отличал
5 За смирный нрав твой. Честь тебе!
Проси же милости себе!»

«— Вот, — Ной сказал, — моя беда:
Противна стала мне вода
С тех самых пор, как в ней гниют
10 И грешный скот, и грешный люд, —
И мне хотелось бы, господь,
Иным питьем потешить плоть!»

Пошел господь в свой рай — и вот
Пук виноградных лоз несет...
15 И говорит: «Возьми, старик!
Смотри, за ним уход велик.
Вот так и так». Все рассказал
И скрылся. Ной наш ликовал.

Он созвал всех — детей, жену...
20 Все сбились в кучу тут одну.
К работе! Садят по холмам —
И рассадили все, — а там
И погреб строят, жмут вино, —
И в бочки розливо оно.

25 Ной был муж кроткий и святой...
Сначала к бочке, там к другой...
И в честь господню пил да пил —
И вечно здрав и весел был.
30 Он жил лет триста пятьдесят.

Отсюда истина видна,
Что нет греха в питье вина.
Коль христианин ты прямой,
Вина не смешивай с водой:
35 Еще с потопа в ней гниют
И грешный скот и грешный люд.

РЮККЕРТ

152. Похороны

Как ее любили!
Как похоронили!

Ветерок над гробом
Проносился стоном;
5 Майский колокольчик
Вторил грустным звоном.

С яркими свечами
Светляки летели,
И на них ревниво
10 Звездочки глядели.

В черном одеяньи
Ночь, поникши взором,
Тихо шла с тенями
Молчаливым хором.

15 Много слез уронит
Утро молодое;
Осветит могилу
Солнце золотое.

Как ее любили!
20 Как похоронили!

153. У дверей

У двери Богатства я долго стучал:
К ногам моим грош из окошка упал.

У дома Любви не пробился к дверям,
Так много народу толпилось там.

5 Стучался я в замок, где Слава живет;
Сказали: «Ты пеш — не отворим ворот!»

Мне слышались стоны под кровлей Труда —
И страшно войти показалось туда.

Побрел я по свету дом Счастья искать:
10 Никто мне дороги не мог указать.

Один остается мне домик теперь:
Туда постучаться попробую в дверь —

И верно, хоть много в Могиле гостей,
Найдется местечко мне, бедному, в ней.

154. Хидгер

Неумирающий и вечно юный
Хидгер рассказывал: Я проезжал
Однажды шумным городом. В саду
Я увидал там человека
5 С корзиною, — и у него спросил,

Давно ль стоит тут город? Продолжая
Сбирать плоды, он отвечал мне: «Вечно
Стоял он тут и вечно простоит».

- Через пять столетий тою же дорогой
10 Я проезжал. От города того
Ни одного следа не оставалось;
Где он стоял — была пустыня. Тут
Сидел пастух и одиноко песню
Наигрывал на дудке; вокруг него
15 Паслося стадо на зеленом луге.
И я его спросил, давно ль не стало
Тут города? Он продолжал играть
В свою свирель и мне одно промолвил:
«Одно растет, другое увядает.
20 Я вечно здесь пасу свои стада!»

- Опять чрез пять столетий тою ж самой
Дорогой проезжал я. Пред собою
Я увидал тут море: волны
Катились и шумели. В челноке,
25 У берега привязанном, рыбак
Сидел, свои закидывая сети.
Я у него спросил, давно ль тут море?
И, моему вопросу засмеявшись,
Он мне сказал: «Как эти волны вечно
30 Гуляют и клубятся на просторе,
Так вечно здесь закидывают сети».

- Через пять столетий тою же дорогой
Я снова ехал и нашел тут лес,
И в чаще леса встретил дровосека.
35 Под корень он рубил могучий дуб,
И я спросил его, давно ль явился
Тут лес? Он отвечал мне: «Лес
Стоит здесь вечно, вечно в нем растут
Деревья, и дрова мы вечно рубим».

- 40 Еще через пять столетий той дорогой
Поехал я, и вновь передо мною
Там очутился город. Громкий гул,
Народный говор, стук колес повсюду
На улицах и площадях. У встречных
45 Я спрашивал, давно ль построен город?
Куда девались темный лес и море,
И пастбище? Но слов моих никто
И слушать не хотел, и все кричали:
«Так вечно шло на этом месте, вечно —
50 И вечно так пойдет». Через пять столетий
Поеду снова этою дорогой.

ЭЙХЕНДОРФ

155. Тоска по родине

На наших дубах и березах
Старинные чары лежат,
И часто, в полуночных грезах,
Вдруг петь начинает весь сад.

- 5 Порою родное то пенье
Я слышу всю ночь до утра —
И сердце в тоске и томленьи
Зовет тебя, друг и сестра!

- Другие мне чужды душою —
10 И страшно мне в чуждом краю.
Итти бы нам вместе с тобою;
Дай верную руку свою!

- Итти — и не ведать разлуки,
И вместе, окончивши путь,
15 Под эти волшебные звуки
На отчей могиле заснуть!

КАРЛ ТАННЕР

156. Говор волн

Одна волна другой журчит:
«Ах, как мы быстро гибнем в море!»
Другая третьей говорит:
«Короче жизнь — короче горе!»

ШАМИССО

157. На мельнице

Ребенком принял мельник
Меня к себе в семью;
Здесь вырос я, здесь прожил
И молодость свою.

5 Как ласкова со мною
Дочь мельника была!
Как ясны были очи,
И как душа светла!

Порой, как с братом, сядет
10 Со мною вечером,
И нет конца беседе —
Толкуем обо всем.
И радости и горе —
Все поверял я ей;

15 Ни слова не примолвил
Лишь о любви своей.

Люби сама — без слова
Узнала бы она:
Чтоб высказаться сердцу,
20 Людская речь бедна.
Я сердцу молвил: «Сердце!
Терпи, молчи, любя!
О счастье полно думать!
Оно не для тебя».

25 Бывало, чуть приметит
В лице печали след:
«Ах, что с тобой? Грустишь ты!
В щеках кровинки нет!
Да полно же крушиться!
30 Да будь же весел вновь!»
И из любви гасил я
В душе своей любовь.

Однажды шел я в роще —
Меня вдруг догнала,
35 Так весело взглянула
И за руку взяла.
«Порадуйся со мною:
Теперь невеста я!
А без тебя и радость
40 Нерадостна моя!»

Я целовал ей руки,
Лицо стараясь скрыть:
Катились градом слезы;
Не мог я говорить.
45 Казалось, все надежды,
Все, чем душа жила,
Передо мной могила
Навеки погребла.

В тот вечер обручали
50 Невесту с женихом;
Сидел почетным гостем
Я с ними за столом.
Вокруг вино и песни,
Веселый говор, смех;
55 Пришлось и мне смеяться
Не плакать же при всех!

На утро после пира
Ходил я сам не свой:
Мне было тошно, больно
60 Средь радости чужой.
О чем же я крушился?
Чего хотел от них?
Ведь все меня любили —
Она, ее жених.

65 Они меня ласкали,
А я болел душой.
Мне тяжело было видеть
Их ласки меж собой.
Задумал я — далеко
70 Навек от них уйти:
Все уложил в котомку
И все припас к пути.

Прошу их: «Отпустите
На белый свет взглянуть!»
75 Сам думаю: «Кручину
Размычу где-нибудь».
Она так кротко смотрит:
«Куда ты? Бог с тобой!
Тебя мы все так любим!»
80 Ведь ты нам свой, родной!»

Катились градом слезы —
И не скрывал я их:
Все плачут, покидая
Знакомых и родных.
85 Они со мной простились
И провожать пошли...
И замертво больного
С дороги принесли.

На мельнице все ходят
90 За мной, как за родным:
Она приходит с милым
Сидеть со мной, больным.

В июле будет свадьба,
Они меня зовут,
95 Чтоб ехал жить я с ними,
Что я стоскуюсь тут.

Шумят в воде колеса —
И все б их слушал я!..
Все думаю: «Нашла бы
100 Здесь мир душа моя.
Тут все мое бы горе
Все скорби утопил!
Они же ведь желают,
Чтоб я доволен был!

158. Зима

В молодые годы
Весело живалось;
На мою ль отвагу
Солнце любовалось.

5 Жизнь цвела любовью,
Как поля цветами;
Было ретивое
Так полно мечтами.

Словно сон мгновенный,
10 Дни те пролетели...
Вот зима настала —
Кудри поседали.

В даль не смотрят очи,
Как то в старь бывало.
15 То-то жизнь, как вихорь,
Быстро пробежала!

159. У гробовщика

— Горькое дело! ужасное дело!
Ляжет в досках этих мертвое тело!

«Вот еще выдумал горе какое!
Нам что за дело? Не наше — чужое!»

5 — Полно бранить: разве я виноват?
Первый ведь гроб я работаю, брат!

«Первый, последний ли — что за забота?
Пой: веселее под песни работа.

Доски распилишь — отмерь же, смотри!
10 Выстругай глаже и стружки сberi!

Доску к доске пригони поплотнее:
Тесно лежать, так, чтоб было теплее.

Выкрасить, дно и бока уложить
Стружками надо, а сверху обить.

15 Стружки приличней, чем пух или перья:
Это старинное наше поверье.

Гроб ты снесешь, а как мертвый уж в нем.
Крышку захлопнул — и дело с концом!»

— Все это знаю я! Доски исправно
20 Я распилил и их выстругал славно...

Только все дрожь не проходит в руках,
Только все слезы стоят на глазах.

Струг ли, пилу ли рука моя водит,
Сердце все мрет, словно кровью исходит.

25 Горькое дело! ужасное дело!
Ляжет в досках этих мертвое тело.

ИЗ «КНИГИ ПЕСЕН»

160. Пролог

Снова я в сказочном старом лесу:
 Липы осыпаны цветом;
 Месяц, чаруя мне душу, глядит
 С неба таинственным светом.

5 Лесом иду я. Из чащи ветвей
 Слышатся чудные звуки:
 Это поет соловей про любовь
 И про любовные муки.

Муки любовной та песня полна,
 10 Слышны и смех в ней и слезы,
 Темная радость и светлая грусть...
 Встали забытые грезы.

Дальше иду я. Поляна в лесу;
 Замок стоит на поляне,
 15 Старые, круглые башни его
 Спят в серебристом тумане.

Заперты окна; унынье и мрак;
 И гробовое молчанье...
 Словно безмолвная смерть обошла
 20 Это заглухшее зданье.

Сфинкс, и роскошен и страшен, лежал
 В месте, где вымерли люди;
 Львиные лапы, спина, а лицо
 Женское, женские груди.

25 Дивная женщина! В белых очах
 Дико светилось желанье;
 Страстной улыбкой немые уста
 Страстное звали лобзанье.

- Сладостно пел и рыдал соловей...
30 И, вожденьем волнуем,
Весь задрожал я — и к белым устам
Жарким прильнул поцелуем.
- Камень холодный вдруг начал дышать...
Груди со стоном вздымались;
35 Жадно огнем поцелуев моих
Губы, дрожа, упивались.
- Душу мне выпить хотела она,
В неге и млея и тая...
Вот замерла — и меня обняла,
40 Когти мне в тело вонзая.
- Сладкая мука! блаженная боль!
Нега и скорбь без предела!
Райским блаженством поит поцелуй;
Когти терзают мне тело.
- 45 «Эту загадку, о Сфинкс! о Любовь! —
Пел соловей: — разреши ты...
Как в тебе счастье и смертная скорбь,
Горе и радости слиты?»
- «Сфинкс! над разгадкою тайны твоей
50 Мучусь я многие лета.
Или загадкою будет она
И до скончания света?»

161—163. ГРЕЗЫ

161

Мне снились страстные восторги и страдания,
И мирт, и резеда в кудрях прекрасной девы,
И речи горькие, и сладкие лобзанья,
И песен сумрачных унылые напевы.

5 Давно поблекнули и разлетелись грезы:
Исчезло даже ты, любимое виденье!
Осталась песня мне; той песне на хранение
Вверял я некогда и радости и слезы.

Осиротелая! Умчись и ты скорее!
10 Лети, о песнь моя, вослед моих видений!
Найди мой лучший сон, по свету птицей рея,
И мой воздушный вздох отдай воздушной тени!

162

Зловещий грезился мне сон...
И люб и страшен был мне он;
И долго образами сна
Душа, смутясь, была полна.

5 В цветущем — снилось мне — саду
Аллеей пышной я иду.
Головки нежные клоня,
Цветы приветствуют меня.

Веселых пташек голоса
10 Поют любовь, а небеса
Горят и льют румяный свет
На каждый лист, на каждый цвет.

Из трав курится аромат;
Теплом и негой дышит сад...
15 И все сияет, все цветет,
Все светлой радостью живет.

В цветах и зелени кругом,
В саду был светлый водоем.
Склонялась девушка над ним
20 И что-то мыла. Неземным

В ней было все: и стан, и взгляд,
И рост, и поступь, и наряд...
Мне показалась она
И незнакома и родна.

25 Она и моет и поет —
И песнью за сердце берет:
«Ты плечи, волна, плечи!
Холст мой белый полощи!»

К ней подошел и молвил я:
30 «Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И здесь зачем, и моешь что?»

Она в ответ мне: «Будь готов!
Я мою в гроб тебе покров»,
35 И только молвила, как дым,
Исчезло все. — Я недвижим

Стою в лесу. Дремучий лес
Касался, кажется, небес
Верхами темными дубов:
40 Он был и мрачен и суров.

Смущался слух, томился взор...
Но—чу! вдали стучит топор.
Бегу заросшею тропой —
И вот поляна предо мной.

45 Могучий дуб на ней стоит —
И та же девушка под ним;
В руках топор... И дуб трещит,
Прощаясь с корнем вековым.

Она и рубит и поет —
50 И песнью за сердце берет:
«Ты руби, мой топорок!
Наруби ты мне досок!»

К ней подошел и молвил я:
«Скажи, красавица моя,
55 Скажи, откуда ты и кто,
И рубишь дерево на что?»

Она в ответ мне: «Близок срок!
Тебе на гроб рублю досок».
И только молвила — как дым,
60 Исчезло все. — Тоской томим,

Гляжу — чернеет степь кругом,
Как опаленная огнем,
Мертва, бесплодна... Я не знал,
Что ждет меня; но весь дрожал.

65 Иду... Как облачный туман,
Мелькнул вдали мне чей-то стан
Я подбежал... Опять она!
Стоит, печальна и бледна,

С тяжелым заступом в руках —
70 И роет им. Могильный страх
Меня объял. О, как она
Была прекрасна и страшна!

Она и роет и поет —
И скорбной песнью сердце рвет:
75 «Заступ, заступ! Глубже рой:
Надо в сажень глубиной!»

К ней подошел и молвил я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
80 И здесь зачем, и роешь, что?»

Она в ответ мне: «Для тебя
Могилу рою». — Ныла грудь,
И содрогаясь и скорбя,
Но мне хотелось заглянуть

85 В свою могилу. — Я взглянул...
В ушах раздался страшный гул,
В очах померкло... Я скатился
В могильный мрак — и пробудился.

163

Ночь могилы тяготела
На устах и на челе,
Замер мозг, застыло сердце,
Я лежал в сырой земле.

5 Много ль, мало ли — не знаю —
Длился сон мой гробовой;
Пробудился я — и слышу
Стук и голос над собой...

«Встань, мой Генрих, из могилы!
10 Светит миру вечный день —
И над мертвыми разверзлась
Гроба сумрачная сень».

— Милый друг мой, как я встану?
Все темны мои глаза:
15 Много плакал я — и выжгла
Их горячая слеза.

«Генрих, встань! Я поцелуем
Слепоту сниму с очей!
Узришь ангелов ты в небе
20 В ризе света и лучей».

— Милый друг мой, как я встану?
Сердце все еще в крови,
Глубоко его язвила
Ты словами без любви.

25 «Я к больному сердцу, Генрих,
Нежно руку приложу;
Язвы старые закрою,
Токи крови удержу».

— Милый друг мой, как я встану?
30 Кровь и кровь на лбу моем:
Я не мог снести разлуки,
Я пробил его свинцом!

«Я косой своею, Генрих,
Обвяжу тебе чело:
35 Кровь уймется, боль уймется;
Снова взглянешь ты светло».

Так был сладок, так был нежен
Тихий звук молящих слов,
Что я встать хотел из гроба —
40 И итти на милый зов.

Но опять раскрылись раны,
Кровь, обильна и черна,
Снова хлынула ручьями,
И — очнулся я от сна.

164 - 165. песни и думы

164

Дай ручку мне! К сердцу прижми ее, друг,
Чу! слышишь ли, что там за стук?
Там злой гробовщик в уголочке сидит
И гроб для меня мастерит.

- 5 Стучит без умолку и день он и ночь...
Уснул бы — при стуке не смочь.
Эй, мастер! Уж время работу кончать!
Пора мне, усталому, спать!

165

- С толпой безумною не стану
Я пляску дикую плясать
И золоченому болвану,
Поддавшись гнусному обману,
5 Не стану ладан воскурять.
Я не поверю рукожатым
Мне яму роющих друзей;
Я не отдам себя объятьям
Надменных наглостью своей
10 Прелестниц... Шумной вереницей
Пусть за победной колесницей
Своих богов бежит народ!
- Мне чуждо идолослуженье;
Толпа в слепом своем стремленье
15 Меня с собой не увлечет!
Я знаю, рухнет дуб могучий;
А над послушным камышом
Безвредно пронесутся тучи
И прогудит сердитый гром...
20 Но лучше пасть, как дуб в ненастье,
Чем камышом остаться жить,
Чтобы потом считать за счастье
Для франта тросточкой служить.

166-168. РОМАНСЫ

166. Гренадеры

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до Немецкой Земли.

5 Придется им — слышать — увидеть
В позоре родную страну...
И храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
10 Один из них вымолвил: «Брат,
Болит мое скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ,
И мне умереть бы пора;
15 Но дома жена, малолетки:
У них ни кола, ни двора.

«Да что мне? Просить Христа ради
Пушу и детей и жену.
Иная на сердце забота:
20 В плену император! в плену!

«Исполни завет мой: коль здесь я
Окончу солдатские дни,
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию! Там схорони!

25 «Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье.

«И смирно и чутко я буду
30 Лежать, как на страже, в гробу.
Заслышу я конское ржанье
И пушечный гром и трубу.

«То Он над могилою едет!
Знамена победно шумят...
25 Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!»

167. Гонец

Вставай, слуга! Коня седлай!
Чрез рощи и поля
Скачи скорее ко дворцу
Дункана-короля!

5 Зайди в конюшню там, и жди!
И если кто войдет,
Спроси: которую Дункан
Дочь замуж отдает.

Коль чернобровую — лети
10 Во весь опор назад!
Коль ту, что с русою косой —
Спешить не надо, брат.

Тогда ступай на рынок ты:
Купи веревку там!
15 Вернися шагом — и молчи:
Я угадаю сам.

168. Валтасар

Уж час полночный наступал.
Весь Вавилон молчал и спал.

Лишь окна царского дворца
Сияют: пир там без конца.

5 В блестящей зале стол накрыт;
Царь Валтасар за ним сидит.

С царем пирует много слуг;
Не молкнет чаш веселый стук.

Все шумно: раб за чашей смел.
10 Строптивый царь повеселел.

В лице румянец запылал:
С вином он бешенство впивал.

Слепым безумством увлечен,
Поносит дерзко бога он.

15 Нахально-дик его язык,
И рабских хвал неистов клик.

Сверкая взором, пьяный царь
Рабов ограбить шлет алтарь.

И вот несут, склоня главы,
20 Всю утварь храма Еговы.

И царь коснеющей рукой,
Наполнив, взял сосуд святой.

Его он разом осушил —
И с пеной у рта возгласил:

25 «Я плюю, бог, на твой алтарь!
И Вавилона сильный царь!»

Еще не смолк безумный крик,
Как трепет в грудь царя проник.

Угас мгновенно буйный смех, —
30 И страшный холод обнял всех.

И вдруг — о ужас! — на стене
Рука явилась в огне —

И пишет. Буквы под перстом
Переливаются огнем.

35 Недвижим царь и взором дик;
Дрожат колени, бледен лик.

Рабов сковал могильный страх,
И слово замерло в устах.

И ии единый маг не смог
40 Истолковать небесных строк.

В ту ночь, как теплилась заря,
Рабы зарезали царя.

169-226. ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

169

Из слез моих много, малютка,
Родилось душистых цветов;
А вздохи мои превратились
В немолкнувший хор соловьев.

5 Уж только б меня полюбила —
Тебе и цветы я отдам,
И песнями станут баюкать
Тебя соловьи по ночам.

170

Когда гляжу тебе в глаза,
Стихает на сердце гроза;
Когда в уста тебя целую,
Душою верю в жизнь иную.

5 Когда склонюсь на грудь твою,
Не на земле я, а в раю...
Скажи «люблю» — и сам не знаю,
О чем я горько зарыдаю.

171

Щекою к щеке ты моей приложишь;
Пускай наши слезы сольются!
И сердцем ты к сердцу мне крепче прижмись:
Пусть пламенем общим зажгутся!

5 Когда же в то пламя польются рекой
Кипящие слезы разлики,
Я, крепко твой стан охвативши рукой,
Умру от блаженства и муки.

172

Стоят от века звезды
Недвижно над землей
И смотрят друг на друга
С любовью и тоской.

5 Их языка (богат он
И как хорош!) не мог
Постигнуть ни единый
Ученый филолог.

Но я его изгибы
10 Все изучил вполне...
Ведь глазки милой были
Грамматикою мне.

173

Тебя умчит далеко
На крыльях песнь моя:
В долине Ганга знаю
Приют блаженный я.

5 Там сад цветет и рдеет
Под тихою луной,
И лилии ждут в гости
Сестры своей родной.

Фиалки смотрят в небо
10 И шепчутся, смеясь;
Лепечут розы сказки,
Друг к другу наклонясь.

Глядит умно и кротко
Газель исподтишка;
15 Вдали шумит волнами
Священная река.

Там сладко приютиться
Под пальмой в тишине,
Вкушать любовь и негу,
20 Тонуть в волшебном сне.

174

Опустясь головкой сонной
Под огнем дневных лучей,
Тихо лотос благовонный
Ждет мерцающих ночей.

5 И лишь только выплывает
В небо кроткая луна,
Он головку поднимает,
Пробуждаясь ото сна.

На листьях душистых блещет
10 Чистых слез его роса,
И любовью он трепещет,
Грустно глядя в небеса.

175

Я глазки у милой моей
В прелестных воспел канцонетах;
Румяные губки у ней
В октавах хвалил, в триолетах;

5 Что личико розы свежей,
Твердил в благозвучных терцетах.
Как жаль, что сердечка в ней нет
А чудный бы вышел сонет!

176

Дитя мое, свет глуп и слеп;
Во всех сужденьях ложь.
Он говорит, что у тебя
Характер нехорош.

5 Дитя мое, свет глуп и слеп;
Тебя ль он оценит?
Не знает он, каким огнем
Твой поцелуй горит.

177

Как из пены волн рожденная.
И прекрасна и пышна,
За другого обрученная,
Дышит прелестью она.

5 Сердце многотерпеливое!
Не ропщи и, не грусти,
И безумство торопливое
Бедной женщине прости.

178

Я не ропщу, хоть в сердце стынет кровь,
Моя навек погибшая любовь!
Алмазы, что в кудрях твоих горят,
Ночь сердца твоего не озарят.

5 Я это знал. Все это снилось мне:
И ночь в твоей сердечной глубине,
И грудь твою грызущая змея,
И как несчастна ты, любовь моя!

Несчастлива ты, — и ропот мой молчит.
 Любовь моя, несчастны оба мы!
 Пока нам смерть сердец не сокрушит,
 Любовь моя, несчастны оба мы!

5 Как ни играй насмешка на устах,
 Как гордо ни вздымайся грудь твоя,
 Как ни гори упорный блеск в глазах,
 Несчастлива ты,—несчастлива, как и я.

Незримо скорбь уста твои мертвит;
 10 Глаза пылают, горечь слез тая,
 От скрытой язвы грудь твоя болит;
 Несчастливы оба мы, любовь моя!

180

Свадебной радости полны
 Скрипки и флейты поют.
 Вот мою милую волны
 Быстрого танца несут.

5 Трубы грохочут; несется
 Гул, и гуденье, и звон;
 Тихо меж них раздается
 Плачущих ангелов стон.

181

Когда бы цветы то узнали,
 Как ранено сердце мое,
 Со мной они плакать бы стали,
 Шепча утешенье свое.

5 Узнай соловьи, как мне трудно,
 Каким я недугом томим, —
 О, как утешали бы чудно
 Они меня пеньем своим!

Узнай мое злое несчастье
10 И звезды в небесной дали,
Они со слезами участья
Ко мне бы радушно сошли.

Узнать мое горе им трудно,
И узнает его лишь одна:
15 Ведь сердце мне так безрассудно
Сама ж и разбила она.

182

Отчего это, милая, розы в цвету
Побледнели? Скажи, отчего?
Отчего голубые фиалки в саду
Облетели? Скажи, отчего?

5 Отчего это птицы так тихо поют?
Отчего их напев так уныл?
На лугу, где душистые травы растут,
Отчего слышен запах могил?

Отчего это, прячась среди облаков,
10 Солнце злобно глядит на поля,
Отчего это в серый оделась покров,
И глуха и пустынна земля?

Отчего это, милая, болен так я,
И тоска меня злая томит?
15 О, скажи, отчего, дорогая моя,
Я покинут тобой и забыт?

183

Когда-то друг друга любили мы страстно...
Любили хоть страстно, а жили согласно.

Женой ее звал я, она меня мужем;
День целый, бывало, играем, не тужим.

- 5 И боже спаси, чтоб затеяли ссору!
Нет, все б целоваться — во всякую пору!
- Играть наконец мы задумали в прятки.
И в чаще лесной разошлись без оглядки.
- Да так-то сумели запрятаться оба,
10 Что верно друг друга не сыщем до гроба.

184

- И розы на щечках у милой моей,
И глазки ее незабудки,
И белые лилии, ручки-малютки,
Цветут все свежей и пышней...
- 5 Одно лишь сердечко засохло у ней!

185

- На северном голом утесе
Стоит одинокая ель.
Ей дремлется. Сонную снежным
Покровом одела метель.
- 5 И ели мерещется пальма,
Что в дальней восточной земле
Одна молчаливо горюет
На зном сожженной скале.

186

- Как пришлось с тобой расстаться,
Разучился я смеяться...
Был в насмешках я жесток,
А смеяться все не мог.
- 5 Как с тобою разлучился,
Я и плакать разучился...
Много сердцу горьких бед,
А слезы все нет, как нет.

Порою картины бывшего
 Встают из забытых могил
 И кажут мне, как я когда-то
 Вблизи тебя, милая, жил.

- 5 По улицам днем я скитался,
 Затерянный в грезах больных.
 Бывало, все встречные смотрят:
 Так был я печален и тих.

- Не так было жутко мне ночью:
 10 Все пусто и тихо кругом;
 Не сплю только я с своей тенью,
 И бродим мы с нею вдвоем.

- Как мостом иду я — далеко
 Мой шаг раздастся, звеня;
 15 Из облака выглянет месяц
 И грустно глядит на меня.

- Вот дом твой. К нему подхожу я,
 Смотрю на окно в вышине,
 Окно твоей спальни девичьей —
 20 И сердце рыдает во мне.

Я знаю, ты часто с постели
 Вставала — взглянуть из окна.
 Как, словно статую, сияньем
 Меня обливает луна.

Только до слуха коснется
 Песня, что милая пела,
 Сердце заново, забьется,
 Вырваться хочет из тела.

5 К лесу тоска меня гонит;
Спрятался б в чашах дремучих.
Хочется слез мне горючих:
В них мое горе потонет!

189

Сердце мне терзали,
Гнали мой покой, —
Те — своей любовью,
Те — своей враждой.

5 Клали в хлеб отраву.
Яд — в напиток мой, —
Те — своей любовью,
Те — своей враждой.

Та же, что терзала
10 Всех больней и злей —
Ни любви ни злобы
Не видал я в ней.

190

Лето жаркое алеет
На лице твоём,
Но зима морозом веет
В сердце молодом.

5 Переменится все это —
Посмотри сама:
Скоро в сердце будет лето,
На лице зима.

191

Как расстаются двое,
Друг другу руки жмут,
И нет конца прощанью:
Вздыхают, слезы льют.

5 Без вздохов и без плача
Пошли мы в розный путь...
А вот и слезы льются,
И вздохи давят грудь.

192

Полны мои песни
И желчи и зла...
Не ты ли отравы
Мне в жизнь налила?

5 Полны мои песни
И желчи и зла...
Не ты ли мне сердце
Змеей обвила?

193

Во сне неутешно я плакал:
Мне снилось — ты умерла.
Проснулся, — а все по ланитам
Слеза за слезою текла.

5 Во сне неутешно я плакал:
Мне снилось — забыт я тобой.
Проснулся, — но долго катились
Горючие слезы рекой.

Во сне неутешно я плакал:
10 Мне снилось — мы вместе опять.
Проснулся, — а слезы все льются,
И я не могу их унять.

194

Падает звездочка с неба,
С яркой своей высоты...
Долго ли, звездочка счастья,
В небе мне теплилась ты?

5 С яблони цвет облетает,
Падает лист за листом;
Буйно их ветер осенний
По полю носит кругом.

Лебедь запел свою песню...
10 Тихо прудом он плывет.
Песня все глуше и глуше...
С песней и сам он умрет.

Грустно, темно!.. Ни листочка
Нет уж на ветках нагих...
15 Вот и звезда золотая
Гаснет... и лебедь затих.

195

Полночь немая была холодна:
Громко в лесу мои вопли звучали.
Темные сосны очнулись от сна —
И с состраданьем главами качали.

196

Самоубийц хоронят
Меж четырех дорог;
Растет цветок там синий,
Проклятых душ цветок.

5 Я плакал мертвой ночью
Меж четырех дорог;
В лучах луны кивал мне
Проклятых душ цветок.

ОПЯТЬ НА РОДИНЕ

197

Как-то раз в потемках жизни
Засиял передо мной
Светлый образ, но погас он —
И я вновь окутан тьмой.

5 Дети малые в потемках,
Чтобы страх преодолеть
И унять тревогу сердца,
Начинают громко петь.

Вот и я — ребенок глупый —
10 Точно так пою впотьмах...
Пусть утехи в песне мало,
Да зато прошел мой страх!

198

Непонятной тоской
Мое сердце полно, —
Сказку старую все
Повторяет оно...

5 Вечер светел и свеж,
Рейн спокойно бежит,
На вершинах холмов
Луч вечерний горит.

Лорелея вдали,
10 Над утесом крутым,
Чешет злато кудрей
Гребешком золотым, —

Чешет кудри свои
С чудной песнью она:
15 Негой знойной любви
Эта песня полна...

И пловец в челноке
Пораженный сидит, —
Он не смотрит на путь,
20 Все на деву глядит.

Разобьется у скал
И потонет ладья, —
И пловец проклянет,
Лорелея, тебя!

199

Не радуется вешнее солнце
Смущенную душу мою:
У старых развалин, под липой,
Один я печален стою.

5 Как ярко блестит под горою
Лазоревой гладью река!
Плывет по ней лодка; далеко
Разносится песнь рыбака.

А там, за рекою, пестреют
10 Под ясной улыбкой небес
Сады и беседки и дачи,
И люди, и стадо, и лес.

Вон девушки берегом идут
К зыбучему плоту с бельем;
15 Вон мельница шумно трудится —
И сыплет алмазным дождем.

Вон древняя, ветхая башня
И будка у старых ворот;
Солдатик в нарядном мундире
20 Там ходит и взад и вперед.

Играет ружьем он — и ярко
Сверкает на солнце ружье...
«На пле-чо! на кра-ул!» Солдатык,
Прицелься ты в сердце мое!

200

Печален по роще брожу,
А дрозд мне с кудрявой березы
Щебечет: «О чем твои слезы?»
Да что тебе, птица, скажу?

5 Ведь, верно, печаль мою знают
Касатки, сестрицы твои,
Что умные гнезда свои
Над окнами милой свивают.

201

Случайно со мной повстречалась
В пути моей милой семья.
И мать, и отец, и сестричка —
Все тотчас узнали меня.

5 Расспрашивать стали, здоров ли?
И мне говорили: «Ей-ей!
Такой же вы все, как и прежде;
Лишь стали немножко бледней!»

Я тоже спросил их — о тетках,
10 О братцах, о прочей родне;
Спросил о щеночке, что лаял,
Так нежно ласкаясь ко мне.

Да кстати спросил и о милой:
Я с свадьбы ее не видал...

15 И дружески мне отвечали:
«На-днях ей сыночка бог дал!»

И дружески я их поздравил
И молвил, как мог лишь нежней:
«Ах, будьте добры, передайте
20 Сердечный поклон мой и ей!»

Сестричка меж тем мне кричала:
«Щеночка уж нет моего!
Был смирный, а вырос — взбесился,
И бросили в речку его!»

25 Как с милою схожа малютка!
Улыбка — две капли — ее;
И глазки такие же точно,
Что счастье сгубили мое.

202

Привяжи, душа-рыбачка,
Ты у берега челнок!
Подойди, — рука с рукою
Сядем вместе на песок.

5 Без боязни припади ты
Мне на сердце головой:
Ведь без страха синю морю
Ты челнок вверяешь свой.

Это сердце — то же море:
10 Так же часты бури в нем,
Так же, бурное, богато
Многоценным жемчугом.

203

Вихорь смерчи водяные
Вздел, как белые штаны,
И бежит, бичуя волны;
Волны гневны и черны.

5 Тьма на небе; ливень хлещет;
Пуще злится ураган.
Мнится, с ночью довременной
Слился старый океан.

К нашей мачте чайка жметя,
10 Бурей смята на лету,
И пророчит хриплым криком
Неминучую беду.

204

Буря поет плясовую
Свищет во всю свою мочь...
Пляшет наш белый кораблик...
Что за разгульная ночь!

5 По морю буйной ватагой
С грохотом волны бегут,
Черные пасти зияют,
Белые горы встают.

Слышны в каютах проклятья,
10 Рвота, молитвы и вой.
Крепко держусь я за мачту,
Думаю: буду ль домой?

205

Заря золотая погасла,
Над морем клубится туман...
И шепчут таинственно волны,
И плещет седой океан.

5 Вот фея выходит из моря,
Садится на берег со мной...
Трепещут высокие перси,
Покров они рвут золотой.

И к пуху грудей белоснежных
10 Она прижимает меня...
«Задушишь меня ты в объятьях,
Прекрасная фея моя!»

— Тебя я к груди прижимаю,
Тебя обвиваю рукой;
15 Хочу я в объятьях согреться...
Так холоден ветер морской!

«Нам месяц сияет бледнее:
Закрыли его облака...
Зачем твои очи так мрачны,
20 И слезы в них, фея моя?»

— Всегда мои очи так мрачны,
Но в них не сверкает слеза.
Как шла я из синего моря,
Мне капля попала в глаза.

25 «Кричат где-то жалобно чайки,
Шумит и дробится струя...
Что грудь твою бьет так страстно,
Прекрасная фея моя?»

— Давно моя грудь так трепещет,
30 И горе давно я терплю...
Зачем я, безумная фея,
Тебя, человек, так люблю!

206

Безбрежное море кругом
Лежало в вечернем мерцанья.
Вдвоем на утесе крутом
Сидели мы в грустном молчаньи.

5 В туман облекались струи,
И чайка над нами порхала,
Ты бледные руки свои
Слезами любви орошала.

Безмолвно колени склоня,
10 К рукам твоим тихо устами
Припал я, и с них ты меня
Поила своими слезами.

С того безотрадного дня
Я высох и сердце изныло...
15 Слезами своими меня,
Несчастливая, ты отравила!

207

На дальнем небосклоне
Туманною грядой
Встает старинный город,
Одет вечерней мглой.

5 Кудрявит влажный ветер
Равнину синих вод;
Гребец мой однозвучно
Веслом по влаге бьет.

Заря, чуть теплясь, кажется
10 Места, где я любил,
Где все, что мило сердцу,
Навек похоронил.

208

В роще я прилег под те березы,
Где она мне в верности клялась...
Где тогда ее струились слезы,
Куча змей шипела и вилась.

Объятый туманными снами,
 Глядел я на милой портрет,
 И мне показалось: я вижу
 В нем жизни таинственный след...

- 5 Как будто печальной улыбкой
 Раскрылись немые уста,
 И жемчугом слез оросилась
 Любимых очей красота.

- И сам я невольно заплакал —
 10 Заплакал, грустя и любя...
 Ах, страшно поверить!.. Неужто
 Я точно утратил тебя?

210

О, я несчастный Атлас! Целый мир,
 Да, целый мир скорбей нести я должен.
 Я это бремя не снесу, — и сердце
 Готово сокрушиться!

- 5 Ты ж, сердце гордое, того хотело!
 Ты жаждало иль счастья без конца,
 Или хоть бесконечного несчастья.
 Ну, вот ты и несчастно!

211

Идет за племенем племя,
 Идет за годом год,
 А все любовь былая
 Из сердца вон нейдет.

- 5 Лишь раз тебя б увидеть
 И пасть к твоим ногам,
 И молвить, умирая:
 «Я вас люблю, madame!»

Сквозь облака месяц осенний
Прорезался бледным серпом.
Стоит одинок у кладбища
Пастора-покойника дом.

- 5 Старуха над Библией дремлет;
Сын тупо на свечку глядит;
Дочь старшая сонно зевает,
А младшая дочь говорит:

«Ах, господи! Дни-то здесь, дни-то:

- 10 Сидишь — не дождешься конца.
Одно развлечение, как в церковь
Отпеть принесут мертвеца!»

Старуха, очнувшись, ей молвит:

«Не ври: схоронили всего

- 15 Троих с той поры, как зарыли
В могилу отца твоего!»

«Здесь с голоду ноги протянешь!»

Промолвила старшая дочь.

«Давно меня граф подзывает...

- 20 Пойду к нему: стало невмочь!»

«Троих я молодчиков знаю!»

Смеясь, перебил ее брат:

«Пойду с ними денежки делать...

В лесу им, что кустик, то клад!»

- 25 В худое лицо ему книгу

Швырнула, вся бледная, мать:

«Так будь же ты проклят, разбойник,

Коль стал грабежи замышлять!»

Вдруг стукнуло что-то в окошко,

- 30 И кто-то рукой им грозит...

Глядят: в облачении черном

Покойник-отец там стоит.

Снежная изморозь, ветер,
 Слякоть — как-быть октябрю...
 Сел я от скуки к окошку,
 В темень ночную смотрю.

5 Тусклый вдали огонечек
 Виден во мраке сыром,—
 Это старушка из лавки
 Тихо бредет с фонарем.

Верно мучицы купила,
 10 Масла, яичек пяток:
 Хочет большой своей дочке
 Сдобный испечь пирожок.

Дочка же дома — уселась
 В кресло, и дремлет ей...
 15 Милое личико скрыли
 Русые волны кудрей.

Я беса звал, — и он ко мне сейчас явился.
 Увидевши его, я очень изумился:
 Он вовсе не урод, притом совсем не хром,
 Так ловок, мил, — почти «bel homme»,
 5 Он средних лет, учтив — и свет прекрасно знает,
 Искусный дипломат — и метко рассуждает
 О разных случаях, делах.
 Лишь бледен несколько... Не странно! Все в трудах:
 Язык санскритский он усердно изучает
 10 И Гегеля всегда внимательно читает.
 Любимый у него поэт, как встарь, Фуке...
 (Давно бы уж пора забыть о старике!)

Но критику теперь совсем уж он оставил,
Гекате, бабушке дражайшей, предоставил;
15 К юриспруденции мою любовь хвалил
Он сам юристом прежде был!
Он говорил, что небольшую службу
Ему я оказал моим знакомством, дружбой,
И, кланяясь, спросил: не видел ли его
20 Я где-нибудь случайно, хоть в гостинной?..
И точно, рассмотрев черты лица его,
Узнал я, что он мне — знакомец, и старинный!

215

Как сквозь облачного дыма
Виден млечный лунный свет,
Так во тьме бывшего зрима
Ты, картина светлых лет!

5 Дружным кругом мы сидели...
Гордо Рейном плыл наш челн
Под вечерним солнцем рдели
Берега лазурных волн.

Перед женщиной любимой
10 Я задумчиво сидел...
Блеском вечера палимый,
Бледный лик ее алел.

Все живее, веселее
Раздавалась песнь гребца;
15 Небо стало голубее,
И просторнее сердца.

Чудным сном мелькали мимо
Замок, роща, горный склон...
Очи женщины любимой
20 Отражали этот сон.

Полно, сердце, что с тобою?
 Покорись своей судьбе!
 Все, что отнято зимою,
 Возвратит весна тебе.

5 Да и все ли изменило?
 Ведь широк господень свет!
 Все, что любо, все, что мило,
 Все люби — запрету нет!

217

Ты, как цветок весенний,
 Чиста, нежна, хороша.
 Гляжу на тебя, и печалью
 Во мне смутилась душа.

5 С молитвой тебе на головку
 Я б руки возложил,
 Чтоб бог тебя вечно прекрасной,
 Нежной и чистой хранил.

218

Лежу ли бессонною ночью
 В постели, один, без огня:
 Лицо твое с кроткою лаской
 Из мрака глядит на меня.

5 Закрою ль усталые веки
 И тихо забудусь во сне —
 Твой нежный и ласковый образ
 Прокрадется в грезы ко мне.

И утро его не уносит,
 10 Летучие грезы гоня:
 Весь день, неразлучно со мною,
 Живет он в душе у меня.

- Пусть на землю снег валится,
 Вьюга бешеная злится
 И стучится у окна!
 Сердца бури не пугают:
 5 В нем живут и расцветают
 Образ милой и весна.

220

На бледном лице ты моем
 Читаешь страданья любви,
 Но нищенских слов и признаний
 Из уст моих гордых не жди.

- 5 Уста мои горды безмерно; они
 Одно лишь умеют: шутить, целовать,
 И часто смеются и дерзко и и зло,
 Когда я от горя готов умирать.

221

Я к белому плечу милой
 Прижался щекою плотней:
 Хотелось бы очень подслушать,
 Что кроется в сердце у ней.

- 5 Трубят голубые гусары
 И в город въезжают толпой...
 Я знаю, придется, голубка,
 Нам завтра расстаться с тобой.

- Пожалуй, покинь меня завтра!
 10 Зато ты сегодня моя,
 Зато в этих милых объятьях
 Сегодня блаженствую я.

Трубят голубые гусары
 И едут из города вон...
 Опять я с тобою, голубка,
 И розу принес на поклон.

- 5 Какая была передряга!
 Гусары — народец лихой:
 Пришлось и твое мне сердечко
 Гостям уступать под постой.

- Я при первой нашей встрече
 По глазам твоим, по речи
 Угадал любовь твою.
 Если б мать тут не стояла,
 5 Ты б на грудь ко мне упала
 И сказала мне: люблю!

- Завтра снова мне дорога:
 Впереди осталось много
 Безотрадного пути.
 10 Щелкнет бич у почтальона,
 Грустно глянешь ты с балкона,
 Грустно молвлю я: прости!

Ночной туман скрывает путь далекий;
 Я изнемог, душа моя больна...
 Но вот — среди пустыни одинокой,
 Как благодать, блеснула ты, луна.

5 Твой кроткий свет прогнал туман полночи —
Рассеял мрак печальный и немой...
Слезой мои подернулись очи,
На душу лег торжественный покой.

225

Смерть — прохладной ночи тень,
Жизнь — палящий летний день,
Близок вечер; клонит сон:
Днем я знойным утомлен.

5 А над ложем дуб растет,
Соловей над ним поет...
Про любовь поет, и мне
Песни слышатся во сне.

226

В лодке я легкой катался
Быстрой рекой,
В лодке малютка сидела
Рядом со мной.

5 Струйки ласкали с игривой
Пеной корму,
Темным рулем шевелили,
Жались к нему.

Месяца луч отражался
10 В мрачной реке.
Теплая ручка лежала
В моей руке.

Тихо, в молчанииплыли
Мы по волнам,
15 Более слов говорили
Очи очам...

В волнах тревожному сердцу
Отзыв гудел,
И по реке чолн наш легкий
20 Быстро летел...

227. Сумерки богов

- Явился Май, принес и мягкий воздух,
И золотой свой свет, и аромат,
И дружелюбно белыми цветами
Всех манит, и из тысячи фиалок
5 С улыбкой смотрит синими очами
И расстилает свой ковер зеленый,
Весь пышно затканый лучами солнца
И утренней росой, и созывает
К себе любезных смертных. Глупый люд
10 На первый зов покорно поспешает.
Мужчины вышли в нанковых штанах
И в праздничных кафтанах с золотыми,
Сияющими пуговками; в цвет
Невинности все женщины оделись;
15 Крутит свой ус весенний молодежь;
У девушек высоко дышат груди;
Поэты городские запаслись
Карандашом, бумагой и лорнетом...
И все, ликуя, за город бегут,
20 Садятся на муравчатых полянах,
Любуются на быстрый рост деревьев,
На нежные и пестрые цветочки,
Внимают пенью беззаботных пташек
И шлют привет свой ясным небесам.
- 25 И у меня был Май с визитом. Трижды
В затворенную дверь он постучал,
И кликнул мне: «Я Май! Не прячься, бледный
Мечтатель! Выдь! Тебя я поцелую!»
Но двери я не отпер и сказал:
30 «Недобрый гость, зовешь меня напрасно!

- Тебя насквозь прозрел я — и насквозь
Узнал строенье мира; слишком много
И слишком глубоко узнал — и прахом
Рассеялись все радости мои,
- 35 И в сердце скорби вечные вселились.
Сквозь каменную, жесткую кору
Мне ясно видно все в людских домах,
В людских сердцах; и здесь, и там я вижу
Обман, да ложь, да жалостное горе,
- 40 На лицах я читаю злые мысли;
В стыдливом девственном румянце виден
Мне тайный трепет похоти; над гордым
И вдохновенным юноши челом —
Колпак дурацкий. Всюду на земле
- 45 Лишь тени прокаженные я вижу
Да рожи глупые, и сам не знаю,
В больнице я, иль в доме сумасшедших.
Насквозь, как в чистое стекло, я вижу
И всю земную глубь, и весь тот ужас,
- 50 Что Май напрасно хочет утаить
Под пышной муравой своей. Я вижу,
Как мертвецы лежат в гробах там тесных;
Глаза закрыты, руки скрещены,
Лицо как полотно, и бел их саван;
- 55 И черви между желтых губ клубятся.
Я вижу — сын, с любовницей шутя,
Садится на отцовскую могилу...
Вокруг с насмешкой свищут соловьи,
И нежные цветочки полевые
- 60 Лукаво издеваются, и мертвый
Отец в своей могиле шевелится,
И вздрагивает скорбно мать-земля».

- О бедная земля! Твои терзанья
Я знаю. Вижу я, как грудь твою
- 65 Снедает пламя, как исходят кровью
Бесчисленные жилы, как широко
Твоя раскрылась рана, и потоком

- Вдруг хлынули огонь, и кровь, и дым.
Я вижу — из земной разверстой пасти
- 70 Выходят исполинские сыны
Предвечной ночи, машут над собой
Багровыми светильниками, ставят
Свои литые лестницы и грозно
Бегут по ним на штурм твердыни неба.
- 75 За ними лезут карлики, и с треском
Там золотые лопаются звезды.
Руками дерзновенных пришлецов
Раздернута завеса золотая
У божьего шатра, и с воем ниц
- 80 Святые сонмы ангелов упали.
Весь побледнев, сидит на троне бог,
Рвет волосы и топчет свой венец.
Горит все царство вечности. Повсюду
Пожар кровавый мечут исполины;
- 85 А карлы бьют горящими бичами
По спинам ангелов, и в смертных корчах
Их за волосы тащут и кидают.
И мой хранитель ангел там, с цветущим,
Прелестным ликом, с русыми кудрями,
- 90 С блаженством в голубых глазах и вечной
Любовью на устах... И гадкий, черный
Урод его схватил и повалил...
Со скрежетом он смотрит на его
Божественные члены... Сладострастно
- 95 Насилует его в своих объятьях...
И ярый крик несется по вселенной...
Шатнулись основы мировые —
И рухнули и небо и земля —
И воцарилась тьма предвечной ночи.

228. Ратклиф

Бог сна меня унес в далекий край,
Где ивы так приветно мне кивали
Зелеными и длинными руками, —

- Где на меня цветы смотрели нежно
5 И ласково, как любящие сестры, —
Где родственно звучал мне голос птиц, —
Где даже самый лай собак казался
Давно знакомым, — где все голоса,
Все образы здоровались со мной,
10 Как с другом старым; но где все при этом
Являлось мне так чуждо—странно-чуждо.
Перед красивой деревенской дачей
Стоял я. Грудь как будто содрогалась,
Но в голове моей спокойно было.
15 И я спокойно отряхнул с дорожной
Одежды пыль, — и за звонок взялся.
Он зазвенел, и двери отворились.
- Тут было много женщин и мужчин,
Все лиц знакомых. Тихая печаль
20 И робко затаенный страх лежали
На них на всех. Как будто смущены,
Они смотрели на меня так странно,
С каким-то состраданьем, — и по сердцу
Вдруг быстрый трепет у меня прошел
25 Предвестием неведомого горя.
Я тотчас же старуху Маргариту
Узнал и на нее взглянул пытливо.
Она не говорила. «Где Мария?»
Спросил я, — и она, не отвечая,
30 Взяла мне руку и пошла со мной
По множеству блестящих, длинных комнат,
Где царствовали роскошь, свет и всюду
Безмолвие могилы. Наконец
Мы очутились в сумрачном покое,
35 И, отвернувшись от меня лицом,
Она мне показала на софу.
«Мария, вы ли это?» я спросил,
И твердости вопроса своего
Сам подивился. Каменно и глухо
40 Послышался мне голос: «Да, меня

- Так называют люди». Острой болью
По мне слова те пробежали. Этот
Тупой, холодный звук был все ж когда-то
Прекрасным, нежным голосом Марии.
- 45 И эта женщина, в своем поблекшем
Лиловом платье, кое-как надетом,
С отвисшими грудями, с неподвижно
Стоящими стеклянными зрачками,
И с бледной, вялой кожей на щеках, —
- 50 Да, эта женщина была когда-то
Цветущей, нежной, милою Марией.
«Вы долго путешествовали, друг»,
Она сказала с пошлой и холодной
Развязностью. — «Теперь не так вы хилы;
- 55 Поздоровели, пополнили вы;
Живот и икры очень округлились». —
И сладкая улыбка пробежала
У ней по желтым, высохшим губам.
В смущении, машинально я сказал:
- 60 «Вы замуж вышли, говорили мне». —
«Ах, да!» она сказала равнодушно
И с громким смехом: «у меня теперь
Полено есть, обтянутое кожей,
И мужем называется. Конечно,
- 65 Полено — все полено». И беззвучно,
Противно засмеялась она.
Холодный страх стеснил мне грудь, — и я
Подумал: «Это ль чистые уста —
Как розы, чистые уста Марии?»
- 70 Она тут поднялась, взяла со стула
Поспешно шаль, накинула ее,
И, опираясь на руку мою,
Меня с собою быстро повлекла
В отворенную дверь, — и дальше — дальше -
- 75 Лугами, полем и опушкой леса.
Как огненный венец, катилось солнце
К закату, в пурпуре его горели
Цветы, деревья и река, вдали

- Струившаяся строго-величаво.
- 80 «Как блещет это пламенное око
В лазури вод!» воскликнула Мария.
«Молчи, несчастная!» сказал я ей.
И предо мною в заревом мерцаньи
Свершалось будто сказочное что-то.
- 85 В полях туманные вставали лики,
И обнимались белыми руками
И исчезали. С нежностью любви
Фиалки любовались друг на друга;
Один к другому припадали страстно
- 90 Венцы лилей; порывисто дышали,
В горячей неге замирали розы;
Огнем вилось дыхание гвоздик, —
И все цветы в благоуханьи млели,
Все обливались страстными слезами,
- 95 Шептали все: «любовь! любовь! любовь!»
Порхали мотыльки; жучки, как искры,
Мелькали, напевая песню эльфов.
Вечерний ветер чуть дышал, и тихо
Шептались листья дуба. Соловей
- 100 Как будто таял в звуках чудной песни.
Под этот шопот, шелест, звон и пенье
Мне женщина увядшая болтала,
Склоняясь к моему плечу, несносным,
Холодным, будто оловяннным тоном:
- 105 «Я знаю, в ночь вы бродите по замку.
Высокий призрак — малый не дурной;
На все сквозь пальцы смотрит он; а тот,
Что в голубом, — небесный ангел. Только
Вот этот красный очень вас не любит».
- 110 И много диких слов, еще пестрее,
Она твердила мне без перерыва,
Пока не утомилась и не села
Со мною рядом на скамье под дубом.
Сидели мы уныло и безмолвно,
- 115 Порою взглядывали друг на друга,
И все грустнее становились оба,

Казалось, вздох предсмертный проходил
По листьям дуба; соловей на нем
Пел песнь неисцелимой вечной скорби.
120 Но сквозь листья прокрался алый свет
И лег на белое лицо Марии,
И вызвал блеск в ее глазах, — и прежним,
Мне милым голосом, она сказала:
«Как ты узнал, что так несчастна я?»
125 Прочла я все в твоих безумных песнях».
Мороз пошел по телу у меня;
Я ужаснулся своего безумья,
Прозревшего в грядущее; мой мозг
Как будто вдруг погас, — и я проснулся.

229. Альманзор

I

Исполинские колонны,
Счетом тысяча и триста,
Подпирают тяжкий купол
Кордуанского собора.

5 Купол, стены и колонны
Сверху донизу покрыты
Изречениями корана
В завитках и арабесках.

Храм воздвигли в честь Аллаха
10 Мавританские калифы;
Но поток времен туманный
Изменил на свете много.

На высоком минарете,
Где звучал призыв к молитве,
15 Раздается христианский
Гулкий колокол, не голос.

На ступенях, где читалось
Слово мудрое пророка,
Служат жалкую обедню
20 Бестолковые монахи.

Перед куклами своими
И кадят и распевают
Дым, козлиное бляенье
И мерцанье глупых свечек.

25 Альманзор, воитель славный,
Молчалив стоит в соборе,
На колонны мрачно смотрит
И слова такие шепчет:

«О могучие колонны!
30 В честь Аллы вас украшали,
А теперь служить должны вы
Ненавистным христианам!

Покорилися вы року —
И несете ваше бремя
35 Терпеливо; как же слабый
Человек не присмирее?»

И с веселою улыбкой
Альманзор чело склоняет
К изукрашенному полу
40 Кордуанского собора.

II

Быстро вышел он из храма;
На лихом коне помчался;
Раздувались по ветру
Кудри влажные и перья.

45 По дороге к Алколее
Вдоль реки Гвадалквивира,
Где цветут миндаль душистый
И лимоны золотые —

Там веселый мчится рыцарь,
50 Распевает и смеется —
И ему и птицы вторят
И реки журчащей воды.

Донья Клара ди-Альварес
Обитает в Алколее:
55 Без отца (с врагом он бьется)
Ей житье привольней в замке.

Издалека Альманзору
Слышны трубы и литавры,
И сквозь тень деревьев струится
60 Яркий свет из окон замка.

В замке весело танцуют:
Там двенадцать дам-красавиц
И двенадцать кавалеров;
Альманзор — владыка бала.

65 Легок, весел он порхает
По паркету светлой залы,
Ловко всем прекрасным дамам
Рассыпает комплименты.

Вот он возле Изабеллы —
70 Страстно руки ей целует;
Вот он около Эльвиры —
И глядит ей страстно в очи,

Вот смеется с Леонорой:
«Что, хорош ли я сегодня?»
75 И показывает даме
Крест, нашитый на плаще.

Всех красавиц уверяет
Он в любви и постоянстве —
И Христом божится в вечер
80 Тридцать раз по крайней мере.

III

Танцы, музыка и говор
Смолкли в замке Алколейском.
Нет ни дам ни кавалеров;
Всюду свечи догорели.

85 Лишь вдвоем остались в зале
Альманзор и донья Клара.
Их мерцаньем обливает
Догорающая лампа.

В мягких креслах донья Клара,
90 На скамейке дремлет рыцарь,
Головой припав усталой
На любимые колени.

Дама розовое масло
Льет с любовью из флакона
95 На его густые кудри —
И глубоко он вздыхает.

Тихо нежными устами
Шевеля, целует донья
Кудри рыцаря густые,
100 И чело его темнеет.

Из очей ее прекрасных
Льются слезы на густые
Кудри рыцаря — и рыцарь
Злобно стискивает зубы.

105 Снится: он опять в соборе
С наклоненной головою,
Молчалив стоит и слышит
И глухой и мрачный говор.

Слышит — ропшут, негодуя,
110 Исполинские колонны:
 Не хотят терпеть позора
 И колеблются со стоном.

Покачнулись — треск и грохот;
Люди в ужасе бледнеют;
115 Купол падает в осколках...
 Воют боги христиан.

230. Богомольцы в Кевларе

I

Старушка у окошка,
В постели сын больной,
«Идет народ с крестами:
Не встанешь ли, родной?»

5 —Ах, болен я, родная!
В глазах туман и мгла.
Все сердце изболело,
Как Гретхен умерла.

«Пойдем в Кевлар! Недаром
10 Туда народ бежит:
Твое больное сердце
Мать божья исцелит».

Хоругви тихо веют,
Церковный хор поет,
15 И вьется вдоль по Рейну
 Из Кельна крестный ход.

В толпе бредет старушка,
И с нею сын больной.
«Хвала тебе, Мария!»
20 Поют они с толпой.

Мать божия в Кевларе
 Вся в лентах и цветах,
 И идут к ней больные
 С молитвой на устах.

25 И, вместо дара, члены
 Из воску ей несут —
 Тот руку, этот ногу,
 И исцеленья ждут.

Принес из воска руку —
 30 И заживет рука;
 Принес из воска ногу
 И заживет нога.

На клюшках ковылявший
 Плясать и прыгать стал;
 35 Руками невладевший
 На скрипке заиграл.

И мать слепила сердце
 Из свечки восковой...
 «Снеси к пречистой! Снимет
 40 Недуг твой, как рукой».

Взял сын, вздыхая, сердце;
 Пред ликом девы пал...
 Из глаз струились слезы,
 Он плакал и шептал:

45 «Пречистая! Святая!
 Слезам моим вонми!
 Небесная царица!
 Печаль мою прими!

Я жил на Рейне, в Кельне,
 50 С родимою моей,
 В том Кельне, где так много
 Часовен и церквей.

Там Гретхен... Ах, не встать ей
Из-под сырой земли!..
55 О, дева пресвятая!
Мне сердце исцели!

Сними недуг ты с сердца,
И чистою душой
Век воспевать я буду
60 Хвалу тебе, святой!»

III

В каморке тесной спали
И мать и сын больной,
Вошла к ним мать божья
Неслышною стопой.

65 К больному наклонилась,
С улыбкой провела
Ему рукой по сердцу —
И, светлая, ушла.

А мать во сне все видит...
70 Проснулась на заре,
Встает, и слышит — лают
Собаки на дворе.

Сын нем и неподвижен —
Следа в нем жизни нет;
75 На бледные ланиты
Ложится утра свет.

И мать скрестила руки.
Покорна и ясна.
«Хвала тебе, Мария!»
80 Молилася она.

231 - 235. НА ГАРЦЕ

231. Пролог

Фраки, белые жилеты,
Тальи, стянутые мило,
Комплименты, поцелуи...
Если б в вас да сердце было!

5 И любви хотя немножко
Было б в сердце... Тошны, право,
Ваши вопли и стенанья:
Разве жизнь вам не забава?

Ухожу от вас я в горы,
10 Где живут простые люди,
Где свободный веет воздух,
И дышать просторно груди...

В горы, где темнеют ели —
Шумны, зелены, могучи,
15 Воды плещут, птицы свищут,
И по воле мчатся тучи.

Полированные залы...
Полированные гости...

В горы, в горы! Я оттуда
20 Улыбнуса вам без злости.

232. Горная идиллия

I

На горе, в избушке скромной,
Рудокоп живет старик,
Шумны темные там ели;
Кротко-светел лунный лик.

5 Средь избушки стул высокий,
Весь резной, у ног скамья;
И сидит на нем счастливец,
И счастливец этот — я.

На скамье сидит малютка —
10 Оперлась на локоток:
Глазки — звезды голубые,
Губки — розовый цветок.

Мне сияют эти звезды,
Чистой радостью блестя;
15 К алым губкам приложила
Белый пальчик свой дитя.

Ни отец ни мать не слышат;
Не до нас им: мать прядет,
А отец, бренча на лютне,
20 Песню старую поет.

И малютка шепчет тихо,
Речь ее едва слышна;
Важных тайн своих не мало
Мне поведала она:

25 «Вот как тетушка скончалась,
И сиди тут круглый год:
С ней пойдешь, бывало, в город,
Хоть посмотришь на народ.

Здесь и пусто так и глухо,
30 И так холодно в горах;
А зима придет лихая —
Все схоронимся в снегах.

Я ж трусливая такая:
Как дитя, меня страшат
35 Злые духи гор, что бродят
Темной ночью и шалят».

Вдруг малютка умолкает,
Будто слов боясь своих,
И руками закрывает
40 Звезды глазок голубых.

И шумнее шелест елей,
Громче гул веретена,
И ясней со звоном лютни
Песня старая слышна:

45 «Не страшись, моя малютка,
Навожденья силы злой!
Божьи ангелы на страже
Днем и ночью над тобой».

II

К нам в окно стучит тихонько
50 Ель зеленою рукой,
И сквозь ветви с любопытством
Смотрит месяц золотой.

Крепко в горенке соседней
Спят давно отец и мать;
55 Мы не можем нашептаться,
И не хочется нам спать.

«Нет, не верю я, чтоб часто
Ты молился: шопот твой
Чем-то кажется мне странным —
60 Не молитвою святой.

Этот злой, холодный шопот
Уж не раз меня пугал;
Только кротким, светлым взглядом
Ты испуг мой отгонял.

65 Да и веришь ли ты полно,
Что есть в небе, над тобой
Бог-отец, бог-сын, распятый
На кресте, и дух святой?»

— Ах, дитя! Еще малюткой
70 Верил я, что в небесах
Бог-отец живет над нами,
Что велик он, свят и благ,

Создал землю, человеку
Бытие и душу дал.
75 Солнцу, месяцу и звездам
Путь им вечный указал.

Стал я старше и умнее,
Стал побольше понимать —
И узнал я светлой веры
80 В бога-сына благодать.

Он принес нам, воплотившись,
Откровение любви;
Но народ безумный руки
Обагрил в его крови.

85 Возмужал я, много видел,
Много странствовал, читал —
И теперь в святого духа
Жарким сердцем верить стал.

Чудеса его исчислить
90 Недостанет наших слов!
Он сломил твердыни злобы
И оковы снял с рабов.

Нашим язвам он целенье,
В нем и право и закон;
95 Перед ним с богатым нищий,
Раб с владыкой уравнен.

Гонит он туман тяжелый,
Что окутывал нам тьмой
Ум и сердце, и пред нами
100 Шел, как призрак гробовой.

Много рыцарей отважных
Обрекли себя ему
И по свету разъезжают —
Носят свет и гонят тьму.

105 Тихо веют их знамена,
И доспех горит на них.
Что, хотела б ты, малютка,
Видеть рыцарей таких?

Так скорей любуйся мною,
110 Ненаглядная моя,
И целуй меня крепче:
Ведь такой же рыцарь я.

III

За ветвями темной ели
Прячет месяц светлый лик,
115 В нашей горенке чуть светит
Догорающий ночник.

Но в звездах моих лазурных
Свет мне радостный горит;
Пышут розы уст румяных —
120 И малютка говорит:

«Домовые наши — злые:
Хлеб воруют по ночам;
В ящик с вечера положишь —
Поутру уж пусто там.

125 С молока съедят все сливки,
Не покроют и горшка;
Кошка вылизет остатки —
И сиди без молока!

А ведь кошка наша — ведьма:
130 Ночью буря на дворе,
А она идет тихонько
К старой башне на горе.

Там стоял когда-то замок;
Весь сиял он по ночам;
135 В ярких залах танцовало
Много рыцарей и дам.

Но волшебницей лихою
Проклят замок и народ;
И остались лишь обломки,
140 И сова гнездо там вьет.

Помню, тетка говорила:
Лишь такое слово знать,
И его в таком лишь месте
И в такой лишь час сказать —

145 Снова в замок превратятся
Все обломки эти там —
И заплещет в ярких залах
Много рыцарей и дам.

Будет тот, кто молвит слово,
150 Обладателем всего;
Станут трубы и литавры
Славить молодость его!»

Так живут и дышат сказки
У малютки на устах;
155 Вера теплится живая
В голубых ее глазах,

- Локон шелковый на пальцы
Навивает мне она,
И целует, и смеется,
160 И дает им имена,
- И глядит все так приветно
В тихой горенке кругом:
Стол и шкаф — как будто с ними
Я с младенчества знаком.
- 165 Тихо маятник лепечет,
Тихо лютня на стене
Прозвучит порой струнами —
И сижу я как во сне.
- Не такое ль надо место,
170 Не такой ли надо миг,
Чтоб от слова замок снова
В блеске царственном возник?
- Да, дитя! Смотри: светлеет
Ночи темная пора,
175 Чу! шумней ручьи и ели;
Пробуждается гора.
- Песня гномов с струнным звоном
Меж утесами слышна;
По камням ковры цветные
180 Стелет ранняя весна.
- А цветы — пестры и чудны,
В благовонных завитках,
И трепещут слезы страсти
На широких их листах.
- 185 Вожаденно пышут розы.
Разгораясь все красней;
На стеблях стоят хрустальных
Чаши снежные лилей.

Звезды с неба, словно солнца,
190 Смотрят страстно-горячи,
И лилеям в чаши льются
Их влюбленные лучи.

Да и мы с тобой, малютка,
Мы как будто уж не те...
195 Посмотри: огни зажглись,
Шелк и золото везде!

И избушка стала замком,
И принцессой стала ты;
Вкруг все рыцари и дамы...
200 Сколько пышной суеты!

Все мое — и ты, и замок;
Пир венчальный я даю...
Трубы, флейты и литавры
Славят молодость мою.

233. Пастух

Ты — король, пастух-красавец!
Этот холм — не трон ли твой?
Это солнце над тобою —
Не венец ли золотой?

5 Льстиво овцы в алых лентах
Улеглись пред королем;
Камергерами телята.
Важно шествуют кругом.

Из козлят придворной труппы
10 Каждый — чудо, не актер;
Колокольчики коровок,
Флейты птиц — придворный хор.

- Чудный звон, игра и пенье!
И порой им вторит гуд
15 Темных елей, водопада —
И король, глядишь, заснул.
- Той порой бразды правленья
Принимает верный пес:
Всем известен нрав министра,
20 Громкий лай и чуткий нос.
- А король во сне лепечет:
«Тяжело быть королем!
Отдохнуть хотел бы дома
С королевой вдвоем!
- 25 Головой бы лег державной
На груди я у нее.
Ведь в глазах ее прекрасных
Все и царство-то мое!»

234. На Брокене

- Солнце близко; на востоке
Небо ярко и румяно.
Вправо, влево тонут горы
В море белого тумана.
- 5 Сапоги бы скороходы!
Я бы в них с волшебной силой
Зашагал чрез эти горы —
И примчался к дому милой.
- Спит: я тихо распахнул бы
10 Белый полог над кроватью;
Целовать бы стал ей тихо
Глазки, щечки, ротик сладкий...
- И еще бы тише молвил
На ушко: «Не верь обману!
15 Я с тобой, с тобой, как прежде,
И любить не перестану!»

235. Ильза

Зовусь я принцессою Ильзой,
Живу в Ильзенштейне своем.
Зайди ты в хрустальный мой замок:
Блаженно мы в нем заживем.

5 Своею прозрачной волною
Я вымою кудри твои;
Со мною, угрюмый страдалец,
Забудешь ты скорби свои.

На белой груди моей ляжешь,
10 Уснешь в моих белых руках,
И страстной душою потонешь
В чарующих сказочных снах.

Ласкать, целовать тебя стану
Без усталы. В неге такой
15 Не таял и царственный Генрих,
Покойный возлюбленный мой.

Пусть мертвые тлеют в могиле,
Живому дай жизни вполне!
А я и свежа и прекрасна,
20 И сердце играет во мне.

Зайди же, прохожий, в мой замок!
В мой замок хрустальный зайди!
Там рыцари пляшут и дамы...
На пышный мой пир погляди.

25 Шумят там парчевые платья,
Железные шпоры звенят,
И карлы на скрипках играют,
Бьют в бубны и в трубы трубят.

Как некогда Генриха, крепко
30 Тебя ко груди я прижму,
Бывало, труба зарокочет —
Я уши закрою ему.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

236. Коронование

- Песни, вы, добрые песни мои!
Вставайте, наденьте доспехи,
Трубите в трубы
И на щите поднимите
- 5 Мою красавицу!
Отныне всевластной царицей
В сердце моем она будет
Царить и править.
- Слава тебе, молодая царица!
- 10 От солнца далекого я оторву
Клочок лучезарного
Багряного золота
И сотку из него
Венец на чело твое царское;
- 15 От тонкой, лазурной
Шелковой ткани небесного полога,
Осыпанной яркими
Алмазами ночи,
Отрежу кусок драгоценный
- 20 И им, как царской порфирой,
Одену твой царственный стан.
Я дам тебе свиту
Из щепетильно-нарядных сонетов,
Терцин горделивых и вежливых стансов;
- 25 У тебя скороходами будут
Мои остроты,
Придворным шутлом —
Моя фантазия,
Герольдом, с смеющейся слезкой в щите -
- 30 Мой юмор;
А сам я, царица,

Сам я колени склоню пред тобой
И, присягая тебе, поднесу
На бархатной алой подушке
35 Ту малую долю рассудка,
Что мне из жалости
Оставила прежняя
Царица моя.

237. Сумерки

На бледном морском берегу
Сидел одинок я и грустно-задумчив.
Все глубже спускалось солнце, бросая
Багровый свой свет полосами
5 По водной равнине,
И беглые дальние волны,
Приливом гонимые,
Шумно и пенясь бежали
К берегу ближе и ближе.
10 В чудном их шуме
Слышался шопот и свист,
Смех и роптанье,
Вздохи и радостный гул, и порой
Тихо-заветное,
15 Будто над детскою люлькою, пенье...
И мне казалось.
Слышу я голос забытых преданий,
Слышу старинные чудные сказки —
То, что когда-то ребенком
20 Слышал от соседних детей,
Как все мы, бывало,
Вечером летним теснимся
Послушать тихих рассказов
На ступеньках крыльца,
25 И чутко в нас бьется
Детское сердце,
И с любопытством глядят
Умные детские глазки;

А взрослые девушки
30 Из-за душистых цветочных кустов
Глядят через улицу в окна.
На розовых лицах улыбка —
И месяц их облил сияньем.

238. Закат солнца

Огненно-красное Солнце уходит
В далеко волнами шумящее,
Серебром окаймленное море;
Воздушные тучки — прозрачны и алы —
5 Несутся за ним; а напротив,
Из хмурых осенних облачных груд
Грустным и мертвенно-бледным лицом
Смотрит Луна; а за нею,
Словно мелкие искры,
10 В дали туманной
Мерцают звезды.

Некогда в небе сияли,
В брачном союзе,
Луна-богиня и Солнце-бог;
15 А вокруг их роились звезды,
Невинные дети-малютки.

Но злым языком клевета зашипела —
И разделилась враждебно
В небе чета лучезарная.
20 И нынче днем в одиноком величии
Ходит по небу Солнце,
За гордый свой блеск
Много молимое, много воспетое
Гордыми, счастьем богатыми смертными.
25 А ночью
По небу бродит Луна,
Бедная мать,
Со своими сиротками-звездами,

- Нема и печальна.
- 30 И девушки любящим сердцем
И кроткой душою поэты
Ее встречают
И ей посвящают
Слезы и песни.
- 35 Женским незлобивым сердцем
Все еще любит Луна
Красавца-мужа
И под-вечер часто,
Дрожащая, бледная,
- 40 Глядит потихоньку из тучек прозрачных
И скорбным взглядом своим провожает
Уходящее Солнце
И, кажется, хочет
Крикнуть ему: «Погоди!
- 45 Дети зовут тебя!»
Но упрямое Солнце,
При виде богини,
Вспыхнет багровым румянцем
Скорби и гнева
- 50 И беспощадно уйдет на свое одинокое,
Влажно-холодное ложе.
- Так-то шипящая злоба
Скорбь и погибель вселила
Даже средь вечных богов,
- 55 И бедные боги
Грустно проходят по небу
Свой путь безутешный
И бесконечный,
И смерти им нет, и влачат они вечно
- 60 Свое лучезарное горе.
- Так мне ль — человеку,
Низко поставленному,
Смертью одаренному —
Мне ли роптать на судьбу?

239. Ночь на берегу

- Ночь холодна и беззвездна;
Море кипит, и над морем,
На брюхе лежа,
Неуклюжий северный ветер
- 5 Таинственным,
Прерывисто-хриплым
Голосом с морем болтает,
Словно брюзгливый старик,
Вдруг разгулявшийся в тесной беседе...
- 10 Много у ветра рассказов —
Много безумных историй,
Сказок богатырских, смешных до уморы,
Норвежских саг стародавних...
Порой средь рассказа,
- 15 Далеко мрак оглашая,
Он вдруг захохочет,
Или начнет завывать
Заклятья из Эдды и руны
Темно-упорные, чаро-могучие...
- 20 И моря белые чада тогда
Высоко скачут из волн и ликуют,
Хмельны разгулом.
- Меж тем по волной омоченным пескам
Плоского берега
- 25 Проходит путник,
И сердце кипит в нем мятежней
И волн и ветра.
Куда он ни ступит,
Сыплются искры, трещат
- 30 Пестрых раковин кучки...
И серым плащом своим кутаясь,
Идет он быстро
Средь грозной ночи.
Издали манит его огонек,
- 35 Кротко, приветно мерцая
В одинокой хате рыбачьей.

На море брат и отец,
И одна-одинешенька в хате
Осталась дочь рыбака —
40 Чудно-прекрасная дочь рыбака.
Сидит перед печью она и внимает
Сладостно-вещему,
Заветному пенью
В котле кипящей воды,
45 И в пламя бросает
Трескучий хворост,
И дует на пламя...
И в трепетно-красном сияньи
Волшебно-прекрасны
50 Цветущее личико
И нежное белое плечико,
Так робко глядящее
Из-под грубой серой сорочки,
И хлопотливая ручка-малютка...
55 Ручкой она поправляет
Пеструю юбочку
На стройных бедрах.

Но вдруг распахнулась дверь,
И в хижину входит
60 Ночной скиталец.
С любовью он смотрит
На белую, стройную девушку,
И девушка трепетно-робко
Стоит перед ним, как лилея,
65 От ветра дрожащая.
Он наземь бросает свой плащ,
А сам смеется
И говорит:
«Видишь, дитя, как я слово держу!»
70 Вот и пришел, и со мною пришло
Старое время, как боги небесные
Сходили к дочерям людским,
И дочерей людских обнимали,

- И с ними рождали
75 Скипетроносных царей и героев,
Землю дививших.
Впрочем, дитя, моему божеству
Не изумляйся ты много!
Сделай-ка лучше мне чаю — да с ромом!
80 Ночь холодна; а в такую погоду
Зябнем и мы,
Вечные боги — и ходим потом
С наибожественным насморком
И с кашлем бессмертным!»

240. Поссейдон

- Солнце играло лучами
Над вечно-зыблемым морем;
Вдали на рейде
Блестел корабль, на котором
5 Домой я ехать собрался,
Да не было ветра попутного —
И я еще мирно сидел
На белой отмели
Пустынного берега
10 И песнь Одиссея читал —
Старую, вечно-юную песнь...
И со страниц ее, морем шумящих,
Радостно веяло мне
Дыханьем богов,
15 И светозарной весной человека,
И небом Эллады цветущим.

- Благородное сердце мое
Всюду верно следило
За сыном Лаэрта в скорбях и скитаньях:
20 Садилось печальное с ним
За радушный очаг,
Где царицы пурпур прядут;
И лгать и бежать ему помогало

- Из объятий нимф, из пещер исполинов;
25 И в киммерийскую ночь
Его провожало;
Было с ним в бурю — в крушение, —
И несказанное
Терпело горе.
- 30 Я вздохнул и сказал:
«Злой Поссейдон!
Гнев твой ужасен,
И сам я боюсь не вернуться на родину».
Лишь только я молвил,
- 35 Запенилось море,
И из белых волн поднялась
Осокою венчанная
Глава владыки морей,
И он воскликнул с насмешкой:
- 40 «Не бойся, поэтик!
Поверь, я не трону твой бедный кораблик
И жизнь твою драгоценную
Не стану смущать опасною качкой.
Ведь ты, поэтик,
- 45 Меня никогда не гневил; ни единой
Башенки ты не разрушил в священном
Граде Приама;
Ни волоска не спалил ты в реснице
Моего Полифема,
- 45 И никогда не давала
Мудрых советов тебе
Богиня ума, Паллада-Афина».
- Молвил — и снова
В море нырнул Поссейдон...
- 55 И над грубой шуткой
Моряка под водой засмеялись
Амфитрита, нелепая женщина-рыба,
И глупые дочки Нерея.

241. Признание

- Тихо с сумраком вечер подкрался:
Грозней бушевало море...
А я сидел на побережье, глядя
На белую пляску валов,
5 И сердце мне страстной тоской охватило —
Глубокой тоской по тебе,
Прекрасный образ,
Всюду мне предстающий,
Всюду зовущий меня,
10 Всюду — всюду —
В шуме ветра и в рокоте моря
И в собственных вздохах моих.

- Легкою тростью я написал на песке:
«Агнеса!»
15 Я люблю тебя!»
Но злые волны плеснули
На нежное слово любви —
И слово то стерли и смыли.
- Ломкий тростник,
20 Зыбкий песок и текучие волны,
Вам я больше не верю!
Темнеет небо — и сердце мятежней во мне...
Мощной рукою в норвежских лесах
С корнем я вырву
25 Самую гордую ель и ее обмакну
В раскаленное Этны жерло.
И этим, огнем напоенным,
Исполинским пером, напишу
На темном своде небесном:
30 «Агнеса!
Я люблю тебя!»
И каждую ночь будут в небе
Неугасимо гореть письма золотые,

И все поколения внуков и правнуков
35 Будут, ликуя, читать
Слова небесные:
«Агнеса!
Я люблю тебя!»

242. Ночью в каюте

Свои у моря перлы,
Свои у неба звезды.
Сердце, сердце мое!
Своя любовь у тебя.

5 Велики море и небо;
Но сердце мое необъятней...
И краше перлов и звезд
Сияет и светит любовь моя.

Прекрасное дитя!
10 Прийди ко мне на сердце!
И море, и небо, и сердце мое
Томятся жаждой любви.

К голубой небесной ткани,
Где так чудно блещут звезды,
15 Я прижался бы устами
Крепко, страстно — бурно плача.

Очи милой — эти звезды,
Переливно там играя,
Шлют они привет мне нежный
20 С голубой небесной ткани.

К голубой небесной ткани,
К вам, родные очи милой,
Простираю страстно руки
И прошу и умоляю:

25 Звезды-очи! Кротким миром
Осените вы мне душу!
Пусть умру — и буду в небе,
В вашем небе, вместе с вами!

Из очей небесных льются
30 В сумрак трепетные искры,
И душа моя все дальше,
Дальше рвется в страстной скорби.

Очи неба! Ваши слезы
Лейте мне в больную душу!
35 Пусть душа моя, слезами
Переполясь, захлебнется!

Убаюканный волнами,
Будто в думах, будто в грезах,
Тихо я лежу в каюте,
40 В уголке на темной койке.

В люк мне видны небо, звезды...
Звезды ясны и прекрасны...
Это — радостные очи,
Дорогой, родной и милой.

45 Эти радостные очи,
Не дремля, следят за мною
Кротким светом и приветом
С голубой, небесной выси.

И гляжу я ненаглядно,
50 Страстно в небо голубое...
Только б вас, родные очи,
Не подернуло туманом!

В дощатую стену,
Куда я лежу головой,

- 55 Грезами полной,
Стучатся волны — буйные волны;
Они шумят и бормочат
Мне под самое ухо: «Безумный!
Рука у тебя коротка,
60 А небо далеко,
И звезды там крепко
Золотыми гвоздями прибиты.
Напрасно тоскуешь, напрасно вздыхаешь...
Уснул бы... Право, умней!»
- 65 Мне снился тихий дол в краю безлюдном;
Как саван, белый снег на нем лежал.
Под белым снегом я в могиле спал
Сном одиноким, мертвым, беспробудным.
- Но теплились, средь ночи голубой,
70 Родные звезды над моей могилой.
Их взор горел победоносной силой,
Любовью безмятежной и святой.

243. Буря

- Ярится буря,
И хлещут волны, —
И волны, в пене и гневной тревоге,
Громоздятся высоко,
5 Словно зыбкие, белые горы,
И кораблик на них
Взбирается с тяжким трудом
И вдруг свергается
В черный, широко разинутый зев
10 Водной пучины.
- О море!
Мать красоты, из пены рожденной!
Праматерь любви! Пощади меня!
Уж чует труп и порхает над нами

- 15 Белым призраком чайка
И точит о мачту свой клюв
И, жадная, алчет сердца,
Что звучит хвалою
Дщери твоей,
20 Что взято в игрушки плутишкою внуком твоим.

Мои моления напрасны!
Глохнет мой голос в грохоте бури,
В диком шуме ветров.
Что за гам и за свист! Что за рев и за вой!

- 25 Словно все море —
Дом сумасшедших звуков.
Но меж звуками теми
Мне слышится внятно
Чудное арфы бряцанье,
30 Страстное, душу влекущее пенье —
Душу влекущее, душу зовущее...
И узнаю я тот голос.

- Далеко, на темных утесах
Шотландского берега,
35 Где лепится серым гнездом
Замок над гневно-бьющимся морем —
Там, под стрельчатым окном,
Стоит прекрасная
Больная женщина,
40 Нежно-прозрачная, мраморно-бледная,
И поет и на арфе играет,
А ветер взвевает ей длинные кудри
И томную песню ее
Несет по широкому, бурному морю.

244. Морская тишь

Тишь и солнце! Свет горячий
Обнял водные равнины,
И корабль златую влагу
Режет следом изумрудным.

5 У руля лежит на брюхе
И храпит усталый боцман;
Парус штопая, у мачты
Приютился грязный юнга.

Щеки пышут из-под грязи;
10 Рот широкий, как от боли,
Стиснут; кажется, слезами
Брызнут вдруг глаза большие.

Капитан его ругает,
Страшно топая ногами...
15 «Как ты смел — скажи, каналья!
Как ты смел стянуть селедку?»

Тишь и гладь! Со дна всплывает
Рыбка-умница; на солнце
Греет яркую головку
20 И играет резвым плесом.

Но стрелой из поднебесья
Чайка падает на рыбку —
И с добычей в жадном клюве
Снова в небе исчезает.

245. Морской призрак

А я лежал на краю корабля и смотрел
Дремотным оком
В зеркально-прозрачную воду,
Все глубже и глубже
5 Взглядом в нее проникая...
И вот в глубине, на самом дне моря,
Сначала как будто в тумане,
Потом все ясней и ясней,
Показались церковные главы и башни,
10 И наконец, — весь в сиянии солнца,

- Целый город,
Старобытно-фламандский,
С живою толпою народной.
Важные граждане в черных плащах,
15 В белых фрезах, в почетных цепях,
С длинными шпагами, с длинными лицами,
Проходят по рыночной площади,
Народом кипящей,
К ратуше
20 С высоким крыльцом,
Где каменной стражей
Стоят императоров статуи
С мечами и скиптрами.
Неподалеку вдоль длинного ряда домов,
25 Где окна так ярко блестят,
Где пирамидами липы подстрижены,
Гуляют, шелком платьев шумя,
Стройные девушки,
И их цветущие лица
30 Скромно глядят из-под шапочек черных
И из-под золота пышных волос.
Мимо гордо проходят,
Им головою кивая,
Пестрые франты в испанском наряде.
35 Старые женщины в желтых
Полинявших платьях
Со святцами, с четками,
Мелкими идут шажками к собору...
Уж с башен благовест льется,
40 А в церкви орган загудел.

- И меня самого эти дальние звуки
Охватили таинственным трепетом...
Бесконечная, страстная грусть
И глубокая скорбь
45 Тихо крадутся в сердце ко мне —
Едва исцеленное сердце...
И кажется, будто сердечные раны мои

Уста любимые
Лобзаньями вновь открывают,
50 И снова кровь из них льется
Горячими красными каплями,
И капли те падают тихо,
Тихо, одна за другой,
На старый дом, в том глубоком,
55 Подводном городе,
На старый, с высокою кровлею дом
Унылый, пустой и безлюдный...
Только внизу, под окном,
Сидит, пригорюнясь, там девушка,
60 Словно бедный, забытый ребенок.
И я знаю тебя, мое бедное
Дитя позабытое.

Так вот куда,
В какую глубокую глубь
65 От меня ты скрылась
Из детской прихоти —
И выйти уж больше на свет не могла,
И сидела одна, как чужая,
Средь чуждых людей,
70 Меж тем, как скорбный душою,
По целой земле я искал тебя,
Все только искал тебя,
Вечно любимая,
Давно-утраченная,
75 Наконец-обретенная!
Да; я нашел тебя — и опять
Вижу прекрасное
Лицо твоё, вижу глаза
Умные, преданно-добрые,
80 Милую вижу улыбку.
И уж теперь не расстанусь с тобой
И к тебе низойду,
И, раскрывши объятья,
Припаду на сердце к тебе!

85 Но во-время тут капитан
Схватил меня за ногу
И дальше от края меня оттащил
И молвил, сердито смеясь:
«В уме ли вы, доктор!»

246. Очищение

Останься в морской глубине ты,
Безумная греза,
Ты, некогда много ночей
Мне сердце лживым счастьем терзавшая,
5 А ныне, призраком в лоне морском,
Мне и средь белого дня угрожающая!
Останься ты в бездне на вечные веки!
И я заодно к тебе сброшу
Все мои скорби и все прегрешения.
10 И шапку безумства, звеневшую
Так долго над жалкой моей головой,
И гладко-холодную
Змеиную кожу лицемерия,
Что долго так душу мою обвивала —
15 Душу больную,
Бога отвергшую, небо отвергшую,
Окаянную душу!
Ой-гой! Ветер крепнет!
Вверх паруса!.. Заплескали они и надулись.
20 Вдоль по погибельно-тихой равнине
Несется корабль —
И ликует душа на свободе!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

247. Утренний привет

Фалатта! Фалатта!
Привет тебе, вечное море!
Привет тебе десять тысяч раз
От ликующего сердца —

5 Такой, как некогда слышало ты
От десяти тысяч
Сердец греческих,
С бедами боровшихся,
По отчизне томившихся,
10 Всемирно-славных сердец!

Вставали волны —
Вставали, шумели,
И солнце их обливало
Игривым румяным светом.
15 Стаи вспугнутых чаек
Прочь отлетали с громкими криками;
Били копытами кони; гремели щиты —
И разносилось далече кличем победным:
Фалатта! Фалатта!

20 Привет тебе, вечное море!
Родным языком мне шумят твои воды,
Грезы детства встают предо мной
Над твоим зыбучим простором,
И сизнова мне повторяет

25 Старая память былые рассказы
О всех дорогих и милых игрушках,
О святочных пышных подарках,
О красных деревьях коралловых,
О злато-чешуйчатых рыбках,

30 О жемчуге желтом, о горах
Раковин пестрых,
Что ты бережливо таишь
В своем прозрачном,
Хрустальном доме.

35 О! как я в чужбине томился!
Словно увядший цветок
В жестянке ботаника,
Лежало в груди моей сердце.
Мне кажется,

40 Будто я целую долгую зиму, больной,

- Был заперт в темном больничном покое
И вдруг неожиданно его покинул —
И мне ослепительно блещет навстречу
Весна изумрудная,
45 Солнцем пробужденная,
И молодые цветы
Глядят на меня
Душистыми, пестрыми глазками,
И все благовонием дышит,
50 И все гудит и живет, и смеется,
И в небе лазурном
Распевают птицы...
Фалатта! Фалатта!
- О храброе — и в отступлении храброе сердце!
55 Как часто, как горестно часто
Тебя теснили
Варварки севера;
Сыпали жгучие стрелы в тебя
Из больших победительных глаз;
60 Грозили мне грудь раскроить
Кривыми мечами слов;
Гвоздеобразными письмами
Бедный мой оглушенный
Мозг разбивали...
65 Напрасно я крылся щитом;
Стрелы свистали, и падал удар за ударом...
И вот оттеснили меня
Варварки севера к самому морю,
И, полною грудью дыша,
70 Я море приветствую —
Спасительно-чудное море...
Фалатта! Фалатта!

248. Гроза

Тяжко нависла над морем, гроза,
И черную стену туч
Зубчатым лучом прорезает

- Молния, быстро светя и быстро
5 Исчезая, как беглая мысль
На челе Крониона.
Далече по бурно-пустынным водам
Грохочет гром,
И скачут белые кони-валы,
10 Самим Бореем рожденные
От чудных кобылиц Эрихтона,
И в жалком испуге порхает
Морская птица,
Как тень у вод Стикса,
15 Хароном оттолкнутая
От барки его полуночной.
- Бедный, резвый кораблик!
Пришлось пуститься ему
В опасную пляску!
- 20 Эол ему выслал
Самых искусных своих музыкантов:
Пусть поиграют погромче, а он веселее попляшет!
Один громче свищет, другой трубит,
А третий водит по струнам
25 Глухого баса.
- И корабельщик
Едва стоит на ногах у руля
И смотрит, глаз не сводя, на компас, —
Дрожащую душу кораблика, —
30 И руки с мольбой к небесам простирает:
«Спаси нас, Кастор, воинственный всадник,
И ты, кулачный боец Полидевк!»

249. Крушение

- Любовь и надежда! Все погибло,
И сам я, как труп, —
Выброшен морем сердитым, —
Лежу на пустынном,
5 Унылом берегу
Предо мной водяная пустыня колышется;

- За мною лишь горе и бедствие;
А надо мною плывут облака,
Безлично-серые дочери воздуха,
10 Что черпают воду из моря
Туманными ведрами,
И тащат и тащат ее через силу,
И снова в море ее проливают...
Труд печальный и скучный —
15 И бесполезный, как жизнь моя.
- Волны рокочут; чайки кричат...
Воспоминанья старинные веют мне на душу.
Забытые грезы, потухшие образы,
Мучительно-сладкие, вновь возникают.
- 20 Живет на севере женщина,
Прекрасная, царственно-пышная...
Стан ее, стройный, как пальма,
Страстно охвачен белой одеждой;
Темные пышные кудри,
25 Словно блаженная ночь,
С увенчанной косами
Головы, разливаясь, волшебю змеятся
Вкруг чудного, бледного лика;
И величаво-могучи, горят ее очи,
30 Словно два черные солнца.
- О, черные солнца! Как часто,
Как часто восторженно я упивался из вас
Диким огнем вдохновения,
И стоял, цепenea,
35 Полон пламенным хмелем...
И тогда голубино-кроткой улыбкой
Вдруг оживлялись гордые губы,
И с гордых губ сливалось слово
Нежнее лунного света,
40 Отраднее запаха розы,
И душа ликовала во мне —
И к небу орлом взлетала.

Молчите вы, волны и чайки!
Все миновало! Любовь и надежда, —
45 Надежда и счастье! Лежу я на берегу,
Одиноким, морем ограбленный,
И к сырому песку
Горячим лицом припадаю.

250. На закате

Прекрасное солнце
Спокойно склонилось в море;
Зыбкие волны окрасила
Темная ночь,
5 И только заря осыпает их
Золотыми лучами;
И шумная сила прилива
Белые волны теснит к берегам,
И волны скажут в поспешном веселье,
10 Как стадо белорунных овец,
Что вечером к дому
Гонит пастух, распевая.

— Как солнце прекрасно!
Сказал мне по долгом молчаньи мой друг,
15 Со мною у моря бродивший...
И полугрустно, полужутливо
Он стал уверять меня,
Будто солнце — прекрасная женщина,
Которой пришлось поневоле
20 Выйти замуж за старого бога морей...
И днем она радостно по небу ходит
В пурпурной одежде,
Блистая алмазами,
И все ее любят, и все ей дивятся —
25 Все земные создания,
И всех созданий земных утешает
Свет и тепло ее взгляда;
А вечером грустно-невольюно

- Она возвращается
30 Во влажный дворец, на холодную грудь
Седого мужа.
- Поверь мне! прибавил мой друг,
А сам смеялся,
Потом вздыхал — и снова смеялся...
- 35 —Это одно из нежнейших супружеств!
Они или спят, иль бранятся —
Так бранятся, что море высоко вскипает,
И в шуме волн мореходы
Слышат, как старый жену осыпает
40 Страшною бранью...
«Круглая ты потаскушка вселенной!
Лучеблудница!
Целый ты день горяча для других,
А ночью,
45 Для меня — холодна ты, устала!»
После таких увещаний постельных, конечно,
Ударяется в слезы
Гордое солнце — и рок свой клянет...
Клянет так долго и горько,
50 Что бог морской
С отчаянья прочь из постели кидается
И поскорее наверх выплывает —
Воздухом свежимдохнуть, освежиться.
- Я сам его видел прошедшею ночью:
55 По пояс вынырнул он из воды
В байковой желтой фуфайке,
В белом, как снег, ночном колпаке,
Нависшем над старым
Истощенным лицом.

251. Песнь Океанид

Меркнет вечернее море,
И одинок, со своей одинокой душой,
Сидит человек на пустом берегу

- И смотрит холодным,
5 Мертвенным взором
Ввысь, на далекое,
Холодное, мертвое небо -
И на широкое море,
Волнами шумящее.
- 10 И по широкому,
Волнами шумящему, морю,
Вдаль, как пловцы воздушные,
Несутся вздохи его —
И к нему возвращаются грустны
- 15 Закрытым нашли они сердце,
Куда пристать хотели...
И громко он стонет, так громко,
Что белые чайки
С песчаных гнезд поднимаются
- 20 И носятся с криком над ним...
И он говорит им, смеясь:
«Черноногие птицы,
На белых крыльях над морем вы носитесь,
Кривым своим клювом
- 25 Пьете воду морскую,
Жрете ворвань и мясо тюленье...
Горька ваша жизнь, как и пища!
А я, счастливец, вкушаю лишь сласти:
Питаюсь сладостным запахом розы,
- 30 Соловиной невесты,
Вскормленной месячным светом;
Питаюсь еще сладчайшими
Пирожками с битыми сливками;
Вкушаю и то, что слаще всего —
- 35 Сладкое счастье любви
И сладкое счастье взаимности!
Она любит меня! Она любит меня,
Прекрасная дева!
Теперь она дома, в светлице своей у окна,
- 40 И смотрит в вечерний сумрак —
Вдаль, на большую дорогу,

И ждет и тоскует по мне — ей-богу!
Но тщетно и ждет и вздыхает...
Вздыхая, идет она в сад,
45 Гуляет по саду
Среди ароматов, в сиянии луны,
С цветами ведет разговор,
И им говорит про меня:
Как я — ее милый — хорош,
50 Как мил и любезен — ей-богу!
Потом и в постели, во сне перед нею,
Даря ее счастьем, мелькает
Мой милый образ;
И даже утром, за кофе, она
55 На бутерброде блестящем
Видит мой лик дорогой —
И страстно съедает его — ей-богу!»

Так он хвастает долго,
И порой раздается над ним,
60 Словно насмешливый хохот,
Крик порхающих чаек.
Вот наплывают ночные туманы,
Месяц — желтый, как осенью лист,
Грустно сквозь сизое облако смотрит...
65 Волны морские встают и шумят...
И из пучины шумящего моря,
Грустно, как ветра осеннего стон,
Слышится пенье.
Океаниды поют,
70 Милосердые, чудные девы морские...
И слышнее других голосов
Ласковый голос
Сереброногой супруги Пелея...
Океаниды уныло поют:

75 «Безумец, безумец! Хвастливый безумец!
Скорбью истерзанный!

Убиты надежды твои,
Игривые дети души.
И сердце твое, словно сердце Ниобы,
80 Окаменело от горя.
Сгущается мрак у тебя в голове,
И выются средь этого мрака,
Как молнии, мысли безумные!
И хвастаешь ты от страданья.
85 Безумец, безумец! Хвастливый безумец!
Упрям ты, как древний твой предок,
Высокий титан, что похитил
Небесный огонь у богов
И людям принес его,
90 И, коршуном мучимый,
К утесу прикованный,
Олимпу грозил, и стонал, и ругался,
Так, что мы слышали голос его
В лоне глубокого моря,
95 И с утешительной песнью
Вышли из моря к нему.
Безумец! безумец! Хвастливый безумец!
Ты ведь бессильней его,
И было б умней для тебя
100 Влачить терпеливо
Тяжелое бремя скорбей —
Влачить его долго, так долго,
Пока и Атлас не утратит терпенья
И тяжкого мира не сбросит с плеча
105 В ночь без рассвета!»

Долго так пели в пучине
Милосердые чудные девы морские.
Но зашумели грозные валы,
Пение их заглушая;
110 В тучах спрятался месяц; раскрыла
Черную пасть свою ночь...
Долго сидел я во мраке и плакал.

252. Боги Греции

- Полный месяц! В твоём сияньи,
Словно текучее золото,
Блещет море.
Кажется, будто волшебным сияньем
5 Дня с полуночною мглою одета
Равнина песчаного берега.
А по ясно-лазурному,
Беззвездному небу
Белой грядою плывут облака,
10 Словно богов колоссальные лики
Из блестящего мрамора.
- Не облака это! Нет!
Это сами они —
Боги Эллады,
15 Некогда радостно миром владевшие,
А ныне в изгнаньи! и смертном томленьи.
Как призраки, грустно бродящие
По небу полночному.
Благоговейно, как будто объятый
20 Странными чарами, я созерцаю
Средь пантеона небесного
Безмолвно торжественный,
Тихий ход исполинов воздушных.
Вот Кронион, надзвездный владыка!
25 Белы, как снег, его кудри,
Олимп потрясавшие, чудные кудри;
В деснице он держит погасший перун;
Скорбь и невзгода
Видны в лице у него,
30 Но не исчезла и старая гордость.
Лучше было то время, о Зевс,
Когда небесно тебя услаждали
Нимфы и гекатомбы!
Но не вечно и боги царят:
35 Старых теснят молодые и гонят,

- Как некогда сам ты гнал и теснил
Седого отца и титанов,
Дядей своих, Юпитер-Паррицида.
Узнаю и тебя,
- 40 Гордая Юнона!
Не спаслась ты ревнивой тревогой
И скипетр достался другой.
И ты не царица уж в небе;
И неподвижны твои
- 45 Большие очи,
И немощны руки лилейные,
И месть бессильна твоя
К богооплодотворенной деве
И к чудотворцу божью сыну.
- 50 Узнаю и тебя, Паллада-Афина!
Эгидой своей и премудростью
Спасти не могла ты
Богов от гибели.
И тебя, и тебя узнаю, Афродита,
- 55 Древле золотая, ныне серебряная!
Правда, все так же твой пояс
Прелестью дивной тебя облекает;
Но втайне страшусь я твоей красоты,
И если б меня осчастливить ты вздумала
- 60 Лаской своей благодатной,
Как прежде счастливила
Иных героев — я б умер от страха!
Богинею мертвых мне кажешься ты,
Венера-Либитина!
- 65 Не смотрит уж с прежней любовью
Грозный Арей на тебя.
Печально глядит
Юноша Феб-Аполлон.
Молчит его лира,
- 70 Весельем звеневшая
За ясной трапезой богов.
Еще печальнее смотрит
Гефест хромоногий —

И, точно уж век не сменять ему Гебы,
75 Не разливать хлопотливо
Сладостный нектар в собраньи небесном.
Давно умолк
Немолчный смех олимпийский.

Я никогда не любил вас, боги!
80 Противны мне греки,
И даже римляне мне ненавистны;
Но состраданье святое и горькая жалости
В сердце ко мне проникают,
Когда вас в небе я вижу,
85 Забытые боги,
Мертвые, ночью бродящие тени,
Туманные, ветром гонимые —
И только помыслию, как дрянны
Боги, вас победившие,
90 Новые, властные, скучные боги,
То берет меня мрачная злоба...

Старые боги! Всегда вы, бывало,
В битвах людских принимали
95 Великодушнее вас человек —
И в битвах богов я беру
Сторону вашу,
Побежденные боги!

100 Так говорил я,
И покраснели заметно
Бледные облачные лики
И на меня посмотрели
Умирающим взором,
105 Преображенные скорбью —
И вдруг исчезли.
Месяц скрылся
За темной, темною тучей,

Задвигалось море,
110 И просияли победно на небе
Вечные звезды.

253. Вопросы

- У моря, пустынного моря полночного
Юноша грустный стоит,
В груди тревога, сомнением полна голова,
И мрачно волнам говорит он:
- 5 «О, разрешите мне, волны,
Загадку жизни —
Древнюю, полную муки загадку!
Уж много мудрило над нею голов —
Голов в колпаках с иероглифами,
10 Голов в чалмах и черных, с перьями, шапках,
Голов в париках и тысячи тысяч других
Голов человеческих, жалких, бессильных...
Скажите мне, волны, что есть человек?
Откуда пришел он? Куда пойдет?
15 И кто там над нами на звездах живет?»

Волны журчат своим вечным журчаньем;
Веет ветер; бегут облака;
Блещут звезды безучастно-холодные...
И ждет безумец ответа!

254. Феникс

- Летит с запада птица —
Летит к востоку,
К восточной отчизне садов,
Где пряные травы душисто растут,
5 И пальмы шумят,
И свежестью веют ручьи...
Чудная птица летит и поет:

- «Она любит его, она любит его!
Образ его у ней в сердце живет —
- 10 В маленьком сердце,
В тайной, заветной его глубине,
Самой ей неведомо.
Но во сне он стоит перед нею...
И молит она, и плачет,
- 15 И руки целует ему,
И имя его произносит,
И с именем тем на устах
В испуге вдруг пробуждается,
И протирает себе в изумленье
- 20 Прекрасные очи...
Она любит его, она любит его!»
- На палубе, к мачте спиной прислонясь,
Стоял я и слушал пение птицы.
Как черно-зеленые кони с серебряной гривой,
- 25 Скакали бело-кудрявые волны;
Как лебединые стаи,
Мимо плыли,
Парусами блестя, суда гелголандцев,
Смелых номадов полночного моря.
- 30 Надо мною, в вечной лазури,
Порхали белые тучки,
И вечное солнце горело,
Роза небесная, пламенно-цветная,
Радостно в море собою любуюсь...
- 35 И небо, и море, и сердце мое
Согласно звучали:
«Она любит его, она любит его!»

255. У пристани

Счастлив, кто мирно в пристань вступил,
И за собою оставил
Море и бури,

И тепло и спокойно
5 В уютном сидит погребке
В городе Бремене.

Как приятно и ясно
В рюмке зеленой весь мир отражается!
Как отратно,
10 Солнечно грея, вливается
Микрокосм струистый
В жаждой томимое сердце!
Все в своей рюмке я вижу.
Историю древних и новых народов,
15 Турок и греков, Ганса и Гегеля,
Лимонные рощи и вахт парады,
Берлин и Шильду, Тунис и Гамбург...
А главное — образ милой моей...
Херувимское личико
20 В золотистом сияньи рейнвейна.

О, милая! Как ты прекрасна!
Как ты прекрасна! Ты — роза...
Только не роза ширазская,
Гафизом воспетая,
25 Соловью обрученная...
Не роза шаронская,
Священно-пурпурная,
Пророками славимая...
Не роза ты погребка
30 В городе Бремене...*
О! эта роза из роз!
Чем старше она, тем пышнее цветет,
И я упоен
Ее ароматом небесным,
35 Упоен — вдохновлен — охмелен...
И не схвати меня
За вихор погребщик,

* Роза — одно из названий рейнвейна.

Я, наверно, под стол бы свалился!
Славный малый! Мы вместе сидели
40 И пили, как братья.
Мы говорили о важных, тайных предметах,
Вздыхали и крепко друг друга
Сжимали в объятьях,
И он обратил меня
45 На истинный путь... Я с ним пил
За здоровье злейших врагов
И всем плохим поэтам простил,
Как и мне простится со временем...
Я в умилении плакал, и вот наконец
50 Передо мною отверзлись
Врата спасенья.

Слава, слава! Как сладостно веют
55 Вокруг меня пальмы вефильские,
Как благовонно дышат
Мирты хевронские!
Как шумит священный поток
И кружится от радости!
60 И сам я кружусь... и меня
Выводит скорее на воздух,
На белый свет — освежиться
Мой друг погребщик, гражданин
Города Бремена.
65 Ах, мой друг погребщик! Погляди!
На кровлях домов все стоят
Малютки крылатые...
Пьяны они — и поют!
А там — это яркое солнце —
70 Не красный ли спьяна то нос
Властителя мира, Зевеса,
И около этого красного носа
Не спьяна ли мир весь кружится?

256. Эпилог

Как на ниве колосья,
Растут и волнуются помыслы
В душе человека; но нежные
Любовные помыслы ярко
5 Цветут между ними, как между колосьями
Цветы голубые и алые.

Цветы голубые и алые!
Жнец ворчливый на вас и не взглянет,
Как на траву бесполезную;
10 Нагло вас цеп деревянный раздавит...
Даже прохожий бездомный,
Вами любясь и тешась,
Головой покачает и даст вам
Название плевел прекрасных.
15 Но молодая крестьянка,
Венок завивая,
Ласково вас соберет и украсит
Вами прекрасные кудри,
И в этом венке побежит к хороводу,
20 Где так отратно поют
Флейты и скрипки,
Или в укронную рощу,
Где милого голос звучит отрадней
И флейт и скрипок!

257 — 264. НОВАЯ ВЕСНА

257

Липа вся под снежным пухом,
Ветер ходит по полянам,
Облака немые в небе
Облекаются туманом.

5 Лес безжизнен, дол пустынен,
Все кругом темно, уныло.
Стужа в поле, стужа в сердце:
Сердце сжалось и застыло.

Вдруг качнулись ветви липы,
10 С них пушинки полетели...
Весь обсыпан грустно молвишь:
«Дождался опять мятели!»

Но взглядишь — и сердце вздрогнет:
То не снег, не иней льдистый,
15 То цветов весенних белых
Рой пушистый, рой душистый.

Чары чудные свершились!
Дышит маем зимний холод,
Снег стал вешними цветами,
20 И опять ты сердцем молод!

258

Снова роща зеленеет,
Неги девственной полна;
Солнце весело смеется...
Здравствуй, юная весна!

5 Соловей, и твой унылый,
Страстный голос слышен вновь;
Звуки плачут и рыдают,
И вся песнь твоя — любовь!

259

Дождался я светлого мая;
Цветы и деревья цветут,
И по небу синему, тая,
Румяные тучки плывут.

5 Запели веселые пташки
В играющей листве лесов,
И белые скачут барашки
На зелени мягких лугов.

Ни петь ни скакать не могу я...
10 Больной, я улегся в траве.
Как будто и сплю и не сплю я...
И грезы, и звон в голове.

260

Глазки весны голубые
Кротко глядят из травы.
Любы вы милой, фиалки:
С полем расстанетесь вы.

5 Рву я цветы и мечтаю...
В роще поют соловьи...
Боже мой, кто рассказал им
Думы и грезы мои?

Громко они разглашают
10 Все, что я в сердце таю...
Целая роща узнала
Нежную тайну мою.

261

Как трепещет, отражаясь
В море плещущем, луна,
А сама идет по небу
И спокойна и ясна:
5 Так и ты идешь, спокойна
И ясна, своим путем:
Но дрожит твой светлый образ
В сердце трепетном моем.

262

Священный союз заключили
Горячие наши сердца —
И тесно друг с другом сомкнулись,
Чтоб биться вдвоем до конца.

- 5 Была на груди твоей роза
Посредницей наших сердец...
Мы очень теснили бедняжку —
И смяли совсем наконец.

263

- Скажи мне, кто вздумал часы изобрести:
В минуты, в секунды все время расчесть?
— Холодный и мрачный то был нелюдим:
Он, в зимние ночи хандрою томим,
5 Все слушал, как мышка скребется в подпечек,
Да в щелке кует запоздалый кузнечик.

- А кто изобрел поцелуй, и когда?
— Пылавшие счастьем и негой уста:
Без счету, без дум целовались они.
10 То было в прекрасные майские дни...
И солнце играло, и птицы запели,
И ярко цветами луга запестрели.

264

- Тот же сон, что снился прежде!
Прежним счастьем вновь живу я...
В той же вешней мир одежде,
Та же нега поцелуя.
5 Тот же месяц все двурогий
Светит нам; беседка та же;
Те же мраморные боги
У дверей стоят на страже.

Сладкий сон — увы! — минует,
10 И сердечные обманы
Осень холодом обдует,
Как весенние поляны...

Да! цвести недолго счастью;
И поблекнет, и сомнется...
15 И покинутое страстью
Сердце к сердцу не прижмется.

265 — 270. РАЗНЫЕ

265

Тень — любовь твоя и ласки:
Жизнь и счастье наше — тень;
Ах! не верь вчерашней сказке:
Новой былью дышит день.

5 Мимолетно наслажденье,
Миг любви — неверен он...
В сердце крадется забвенье,
И глаза смыкает сон.

266

Корабль мой на черных плывет парусах
По дикой пустыне морей...
Ты знаешь, как больно мне горе мое:
Зачем его делать больней?

5 Как ветер, изменчиво сердце твое,
Волны оно вольной беглей!..
Корабль мой на черных плывет парусах
По дикой пустыне морей.

Все море, братья, в час заката
 Горит кругом, как золотое...
 Когда умру, на дно морское
 Усопшего вы бросьте брата!

- 5 Мы были долго с морем дружны;
 Волною ласковой, бывало,
 Так часто скорби утоляло
 Оно в груди моей недужной.

268. На чужбине

Из края в край твой путь лежит;
 Идешь ты — рад не рад.
 По ветру нежный зов звучит —
 И ты взглянул назад.

- 5 Твоя любовь в стране родной;
 Манит, зовет она:
 Вернись домой! Побудь со мной!
 Ты радость мне одна».

- Но путь ведет все в даль и тьму,
 10 И остановки нет...
 Что так любил — навек к тому
 Запал возвратный след.

269

И я когда-то знал край родимый...
 Как светел он!
 Там рощи шумны, фиалки сини...
 То был лишь сон!

- 5 Я слышал звуки родного слова
 Со всех сторон...
 Уста родные «люблю» шептали...
 То был лишь сон!

270. Трагедия

I

«Беги со мной! Будь мне женой!
На сердце отдохни моем!
Оно тебе в стране чужой —
Родимый край, родимый дом.

Иль лягу я в земле сырой,
И будешь в мире ты одна,
И будет дом родимый твой
Тебе чужая сторона!»

II

На поляну иней пал
10 Середь вешней ночи;
Познобил он, погубил
Алые цветочки.

Темной ночью с молодцом
Девушка бежала,
15 Ни родимой, ни отцу
Слова не сказала.

В чужедальной стороне
Горе да несчастье,
И повянули они,
20 Как цветы в ненастье.

III

Лица их могилу тенью покрывают;
Меж кудрявых веток пташка распевает.
На траве зеленой сели у могилы
Парень деревенский со своею милой.

- 25 Тихо и печально ветерок лепечет,
Сладко и уныло пташечка щебечет.
Приумолкли парень и его зазноба...
Отчего—не знают, только плачут оба.

271-274. РОМАНСЫ И БАЛЛАДЫ

271. Женщина

- Любовь их была глубока и сильна:
Мошенник был он, потаскушка она.
Когда молодцу сплутовать удавалось,
Кидалась она на кровать и смеялась.
- 5 И шумно и буйно летели их дни:
По темным ночам целовались они.
В тюрьму угодил он. Она не прощалась;
Глядела, как взяли дружка, и смеялась.
- Послал он сказать ей: «Зашла бы ко мне!
10 С ума ты нейдешь наяву и во сне:
Душа у меня по тебе стосковалась!»
Качала она головой и смеялась.
- Чем свет его вешать на площадь вели,
А в семь его сняли — в могилу снесли...
15 А в восемь она, как ни в чем не бывало,
Вино попивая с другим, хохотала.

272. Рыцарь Олаф

I

Кто те двое у собора,
Оба в красном одеянии?
То король, что хмурит брови,
С ним палач его покорный.

5 Палачу он молвит: «Слышу
По словам церковных песен,
Что обряд венчанья кончен...
Свой топор держи поближе!»

И трезвон и гул органа...
10 Пестрый люд идет из церкви.
Вот выводят новобрачных
В пышном праздничном уборе.

Бледны щеки, плачут очи
У прекрасной королевны;
15 Но Олаф и бодр и весел,
И уста цветут улыбкой,

И с улыбкой уст румяных
Королю он молвит: «Здравствуй,
Тесть возлюбленный! Сегодня
20 Я расстанусь с головою.

Но одну исполни просьбу:
Дай отсрочку до полночи,
Чтоб отпраздновать мне свадьбу
Светлым пиром, шумной пляской.

25 Дай пожить мне! дай пожить мне!
Осушить последний кубок,
Пронестись в последней пляске!
Дай пожить мне до полночи!»

И король угрюмый молвит
30 Палачу: «Даруем зятю
Право жизни до полночи...
Но топор держи поближе!»

II

Сидит новобрачный за брачным столом;
Он кубок последний наполнил вином.
35 К плечу его бледным лицом припадая,
Вздыхает жена молодая...
Палач стоит у дверей!

«Готовятся к пляске, прекрасный мой друг!»
И рыцарь с женою становятся в круг,
40 Зажегся в их лицах горячий румянец —
И бешен последний их танец...
Палач стоит у дверей!

Как весело ходят по струнам смычки,
А в пении флейты как много тоски!
45 У всех, перед кем эта пара мелькает,
От страха душа замирает...
Палач стоит у дверей!

А пляска все вьется, и зала дрожит,
К супруге склоняясь, Олаф говорит:
50 «Не зная тебе, как мое сердце любило;
Готова сырая могила!»
Палач стоит у дверей!

III

Рыцарь! полночь било... Кровью
Уплати проступок свой!
55 Наслаждался ты любовью
Королевны молодой.

Уж сошлись во двор монахи —
За псалмом поют псалом...
И палач у черной плахи
60 Встал с широким топором.

Озарен весь двор огнями...
На крыльце Олаф стоит —
И, румяными устами
Улыбаясь, говорит:

65 «Слава в небе звездам чистым!
Слава солнцу и луне!
Слава птицам голосистым
В поднебесной вышине!

И морским водам безбрежным!
70 И земле в дарах весны!
И фиалкам в поле — нежным,
Как глаза моей жены!

Надо с жизнью расстаться
Из-за этих синих глаз...
75 Слава роще, где видаться
Мы любили в поздний час!»

273. Оставь меня!

День в темную ночь влюблен,
В зиму весна влюблена,
Жизнь в смерть...
А ты!.. Ты в меня?

5 Ты любишь меня... Уж тебя
Объемлет страшная тень.
Ты вянешь, мой нежный цветок,
И кровью исходит душа твоя...

Оставь меня и люби
10 Бабочек резвых, веселых,
Играющих в солнечном блеске...
Оставь несчастье при мне!

274. Гаральд Гарфагар

Король Гаральд на дне морском
Сидит под синим сводом
С прекрасной феею своей...
А год идет за годом.

5 Не разорвать могучих чар:
Ни смерти нет, ни жизни!
Минуло двести зим и лет
Его последней тризне.

На грудь красавицы склонясь,
10 Король глядит ей в очи,
Дремотной негою объят,
Глядит и дни и ночи.

Златые кудри короля
Исеклись, побелели,
15 В морщинах желтое лицо,
Нет сил в поблекшем теле.

Порой тревожит страстный сон
Какой-то грохот дальный;
То буря на море шумит —
20 Дрожит дворец хрустальный.

Порою слышит Гарфагар
Нормандский клик родимый:
Поднимет руки — и опять
Поникнет, недвижимый.

25 Порой до слуха долетит
И песнь пловца над морем,
Что про Гаральда сложена:
Стеснится сердце горем.

Король застонет, и глаза
30 Наполнятся слезами...
А фея льнет к его устам
Веселыми устами.

СЛУЧАЙНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

275. Ночные мысли

Как вспомню к ночи край родной,
Покоя нет душе больной;
И сном забыться нету мочи,
И горько-горько плачут очи.

5 Проходят годы чередую...
С тех пор, как матери родной
Я не видал, прошло их много!
И все растет во мне тревога...

И грусть растет день ото дня.
10 Околдовала мать меня:
Все б думал о старушке милой, —
Господь храни ее и милуй!

Как любо ей ее дитя!
Пришлет письмо — и вижу я:
15 Рука дрожала, как писала,
А сердце ныло и страдало.

Забыть родную силы нет!
Прошло двенадцать долгих лет —
Двенадцать лет уж миновало,
20 Как мать меня не обнимала.

Крепка родная сторона:
Вовек не сломится она;
И будут в ней, как в оны годы
Шуметь леса, катиться воды.

25 По ней не стал бы тосковать,
Но там живет старушка-мать;
Меня не родина тревожит,
А то, что мать скончаться может.

Как из родной ушел земли,
30 В могилу многие легли,
Кого любил... Считать их стану
И бережу за раной рану.

Когда начну усопшим счет,
Ко мне на грудь, как тяжкий гнет,
35 За трупом мертвый труп ложится...
Болит душа, и ум мутится.

Но слава богу! Сквозь окна
Зарделся свет. Моя жена,
Ясна, как день, глядит мне в очи —
40 И гонит прочь тревоги ночи.

276—278. РОМАНЦЕРО

276. Гастингское поле

Глубоко вздыхает вальтамский аббат;
Дошли к нему горькие вести:
Проигран при Гастингсе бой — и король
Убитый остался на месте.

5 Зовет он монахов и им говорит:
«Ты, Асгод, ты, Эльрик — вы двое —
Идите, сыщите вы труп короля
Гарольда меж жертвами боя!»

В печали монахи на поиск пошли;
10 Вернулись к аббату в печали.
«Не радостна, отче, господня земля:
Ей дни испытаний настали!

О горе нам! Пал благороднейший муж,
И воля ничтожных над нами:
15 Грабители делят родную страну —
И делают вольных рабами.

Паршивый нормандский оборвыш — увы! —
Британским становится лордом;
Везде щеголяют в щите золотом,
20 Кого колотили по мордам!

Несчастье тому, кто саксонцем рожден!
Нет участи горше и гаже:
Враги наши будут безбожно хулить
Саксонских святителей даже!

25 Узнали мы, что нам большая звезда
Кровавым огнем предвещала,
Когда на горящей метле в небесах
Средь темной полночи скакала.

Сбылося предвестье, грозившее нам
30 И нашей отчизне бедами!
Мы были на Гастингском поле, отец!
Завалено поле телами.

Бродили мы долго, искали везде,
Надеждой и страхом томимы...
35 Увы! королевского тела нигде
Меж трупами там не нашли мы!»

Так молвили Асгод и Эльрик. Аббат,
Сраженный их вестью жестокой,
Поник головою и молвил потом
40 Монахам с тоскою глубокой:

«Живет в Гриндельфильдском дремучем лесу,
Сношений с людьми не имея,
Одна в беззащитной избушке своей,
Эдифь Лебединая-Шея.

45 Была как у лебедя шея у ней,
Была и стройна и прекрасна,
И в бозе почивший король наш Гарольд
Когда-то любил ее страстно.

Любил он ее, целовал и ласкал,
50 Потом разлюбил и покинул.
За днями шли дни, за годами года:
Шестнадцатый год тому минул.

Идите вы, братие, в хижину к ней...
Туда вы поспеете к ночи,
55 Возьмите с собою на поиск Эдифь:
У женщины зоркие очи.

Вы труп короля принесите сюда;
Над нашим почившим героем
По чину мы долг христианский свершим
60 И с почестью тело зароем».

Уж в полночь монахи к избушке лесной
Пришли и стучатся: «Скорее
С постели вставай и за нами иди,
Эдифь Лебединая-Шея!

65 Нас герцог нормандский в бою победил,
И много легло нас со славой;
Но пал под мечом и король наш Гарольд
На гастингской ниве кровавой.

Пришли тебя звать мы искать, где лежит
70 Меж мертвыми наш повелитель:
Найдя, понесем мы его хоронить
В священную нашу обитель».

Ни слова не молвя, вскочила Эдифь
И вышла к монахам босая.
75 Ей ветер полночный трепал волоса,
Седые их космы вздувая.

Пошли. По оврагам, по топям и пням
Вела их лесная жилища...
И вот показался утес меловой,
80 Как в небе зажглася денница,

Белея, как саван, взвивался туман
Над полем сраженья; взлетали
С кровавыми клювами стаи ворон —
И дико и мерзко кричали.

85 Ограблены, голы, без членов, черны,
Валялися трупы повсюду:
Там люди лежали, тут лошадь гнила,
Давя безобразную грудю.

Бродила Эдифь по равнине, где меч
90 Разил и губил без пощады;
Из глаз неподвижных метала она,
Как стрелы, пытливые взгляды.

В крови по колени ходила Эдифь,
Порой рукавами рубахи
95 От мертвых гнала она стаи ворон;
За нею плелися монахи.

Весь день проискала она короля.
Закат был, как зарево, красен...
Вдруг бедная с криком поникла к земле,
100 Пронзительный крик был ужасен!

Нашла Лебединая-Шея, нашла
Кого так усердно искала!
Не молвила слова и слез не лила
И к бледному лику припала...

105 Лобзала его и в чело и в уста,
И жалась лицом к его стану;
Лобзала на мертвой груди короля
Кровавую черную рану.

Потом увидала на правом плече
110 (И к ним приложились устами)
Три рубчика: в чудно-блаженную ночь
Она нанесла их зубами.

Монахи две жерди меж тем принесли
И доску к жердям привязали,
115 И на доску подняли труп короля
В глубокой, безмолвной печали.

В обитель святую его понесли —
Отпеть и предать погребенью;
За трупом любви своей тихо Эдифь
120 Пошла похоронную тенью.

И пела надгробные песни она
Так жалобно-детски!.. Звучали
Напевы их скорбно в ночной тишине...
Монахи молитву шептали.

277. Король Ричард

Всадник несется на борзом коне
Свежею пущей лесной:
То запоем он, то в рог затрубит,
Весел и волен душой.

5 Крепки литые доспехи его,
Дух не сломился от бед,
Он это — Львиное Сердце Ричард,
Божьего воинства цвет.

«Здравствуй на родине!» слышен ему
10 Радостный лепет ветвей:
«Слава, король наш, что вырвался ты
Цел из австрийских когтей!»

Полною грудью он пьет благодать
Вольного божьего дня;
15 Вспомнил о сраде австрийской тюрьмы —
Гонит и шпорит коня.

278. Асра

Каждый день порой вечерней
Дочь султана молодая
Тихо по саду проходит
Близ журчащего фонтана.

- 5 Каждый день порой вечерней
У журчащего фонтана
Молодой стоит невольник,
С каждым днем он все бледнеет.

- Раз к нему подходит быстро
10 С быстрой речью дочь султана:
«Знать хочу твое я имя,
Кто ты родом и откуда?»

- Отвечает ей невольник:
«Магомет я, из Емена,
15 Родом Асра; все мы в роде
Умираем, как любим!»

279—280. НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

279. Радость и горе

Радость — резвая гризетка
Посидит на месте редко,
Раз-другой поцеловала
И, гляди, уж убежала!

- 5 А старуха-Горе дружно
Приласкает, приголубит:
Торопиться ей не нужно,
Посидеть с работой любит.

280. Порядок вещей

У кого есть много, тот
Еще более возьмет;
А как мало, у того
И последнее уйдет.

- 5 Если ж нету ничего,
В гроб ложись, — единый путь!
Право жить дано лишь тем,
У кого есть что-нибудь.

281—291. КНИГА ЛАЗАРЯ

281. Оглядка на прошлое

- Благоуханий кухни дольной
Понюхал вволю я, друзья!
Земная жизнь была привольной,
Блаженной жизнью для меня.
- 5 Я кофе пил и ел пастеты,
Прекрасной куколкой играл,
Носил атласные жилеты,
В тончайшем фраке щеголял;
В кармане брякали червонцы...
- 10 А что за конь! А что за дом!
Я жил беспечным богачом...
Под золотою лаской солнца
В Долине Счастья я лежал.
Венок лавровый обвивал
- 15 Мое чело; благоухая,
Он погружал в отрадный сон,
И в область роз, в отчизну мая
Тем сном я был переселен.
Все чувства сладостно дремали,
- 20 Блажен, без дум и без забот,
Я млел, — и сами мне влетали
Бекасы жареные в рот.
Порой какой-то чудный гений

- Уста шампанским мне кропил,
25 То были грезы, рой видений!
Они исчезли. Стар и хил,
Лежу теперь в траве росистой.
Как я озяб! Как воздух мгlistый
Мне давит грудь! Не встану я:
30 Недуг убил во мне все силы,
И, чуя близкий зов могилы,
Устыжена душа моя...
За радости — за миг их каждый —
Досадой горькой я платил;
35 Томясь и голодом и жаждой,
Я ел полынь и уксус пил.
Мой день заботы отравляли
Пустой и мелкой суетой,
И комары всю ночь жужжали
40 Над горемычной головой.
Мне поневоле приходилось
И лгать и деньги занимать,
И чуть ли даже не случилось
С сумою по миру собирать.
45 Теперь устал я от тревоги,
Устал от бед и от скорбей,
И, протянув в могиле ноги,
Желал бы выспаться скорей...
Прощайте! Там, за гробом, братья
50 Я вас прошу в свои объятья!

282. Умирующие

- Солнца, счастья шел искать...
Наг и плох вернулся вспять.
И белье и упованья
Истаскал в своем скитанье.
5 Скуден силой, худ лицом...
Но — утешься! Близко дом:
Как у матери любимой
Сладко спать в земле родимой!

А иной в пути стал хром,
10 Не вернется в отчий дом.
Плачет в горе безутешном...
Боже! смилуйся над грешным!

283. Оборванцы

Богатых можно приобрести
Лишь плоской лестью нам с тобой:
Ведь деньги плоски, милый мой,
И плоская нужна им лесть.

5 Усердней ладаном кури
Пред каждым золотым тельцом,
Лежи в пыли, в навозе лбом,
Лишь в меру не хвали смотри!

Хлеб дорог: все неурожай;
10 Слова ж не стоят ничего.
Пой мецената, пса его,
И с богом брюхо наживай.

284. Воспоминание

Тем — жемчуг, тем — щепень в волнах океана.
О Вильгельм Визецкий, ты умер так рано!
Зато котенок спасен.

Доска подломилась, куда ты взмогился;
5 В глубокую воду с доски ты свалился.
Зато котенок спасен.

Гроб милого мальчика мы проводили;
Средь ландышей вешних его схоронили.
Зато котенок спасен.

10 Ты умница был, — удалился ты рано
К пристанищу мира, — не ждал урагана.
Зато котенок спасен.

Ты умница был, — ты ушел от волненья;
Ты прежде болезни нашел исцеленье.
15 Зато котенок спасен.

Как часто над ранней твоею кончиной
Я думаю с завистью, с горькой кручиной.
Зато котенок спасен.

285. Несовершенство

Ни в чем нет совершенства в этом мире:
В колючках даже пышной розы цвет;
Я думаю, без недостатков нет
И ангела в заоблачном эфире.
5 Тюльпан не пахнет, как ни мил для глаз;
И честность, говорят, иным не к роже;
Не заколись Лукреция — как раз,
Пожалуй, забеременела б тоже.

На гнусных лапах движется павлин;
10 Милейшая из женщин может сплин
И скуку нам нагнать, как *Генриада*
Вольтерова, иль даже *Мессиада*.

Нет по-испански знающих коров;
Не знает Массман двух латинских слов.
15 Зад мраморной Венеры слишком гладок;
Нос Массмана уж слишком мал и гадок.

В душистом соте — жала берегись!
Как часто плохи рифмы в песне сладкой!
И Ахиллес был с уязвимой пяткой,
20 И Александр Дюма (отец) — метис!

Звезде небес — как ярко б ни сияла —
Порой упасть бывает суждено;
Нередко пахнет бочкою вино;
И в самом солнце пятен есть не мало!

25 И ты, мой свет, так сладко не гляди!
И ты от недостатков не изъята.
Чего же нет —ты спросишь — у тебя-то?
Да груди нет, и нет души в груди!

286. Благочестивое предостережение

Осторожней, душа ты бессмертная, будь,
Чтобы беды не случилось с тобою,
Как расстанешься с жизнью земною.
Среди смерти и ночи лежит тебе путь.

5 Пред столицею света, у врат золотых,
На часах стоят божьи солдаты.
Спросят только про то, как жила ты;
А про имя и званье нет спроса у них.

Оставляет у входа пришелец земной
10 Обувь пыльную, жавшую ноги.
Проходи! тут найдешь ты с дороги
Хоры музыки — мягкие туфли — покой.

287. Умные звезды

Не всякий цветок
Спасется от ног, —
И редкий останется целым;
Все ходят полями
5 И мнут сапогами
Головки и робким и смелым.

Хоть жемчуг целей
В пучине морей,
Но мы его добываем;
10 Сверлим ему зерна
И после позорно
На шелковый шнур их вздеваем.

Как звезды умны!
Мы им не страшны:
15 Чуждаясь земного предела,
Они, средь эфира,
Как светочи мира
Стоят невредимо и живо.

288

Брось свои иносказанья
И гипотезы святые!
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!

5 Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, влачится правый?
Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?

Кто виной? иль воле бога
10 На земле не все доступно?
Или он играет нами?
Это подло и преступно!

Так мы спрашиваем жадно
Целый век, пока безмолвно
15 Не забудут нам рта землею...
Да ответ ли это, полно?

289. Остывший

Когда умрешь, в земле лежать
Придется долго без движенья.
Боюсь, придется долго ждать
Мне дня из мертвых воскресенья.

5 Пока свет жизни не погас,
Не перестало сердце биться,
Еще хотелось бы мне раз
Любовью женской насладиться.

Блондинку бы! Чтоб кроткий взгляд
10 Сиял, как свет луны спокойной:
Пред смертью был плохой бы лад
С брюнеткою, как солнце знойной.

Кто молод, полон свежих сил,
Тот хочет страстных бурь, волнений...
15 И клятвы, и ревнивый пыл...
Что шуму, гаму! Что мучений!

Мне лет и сил не воротить —
И о страстях чужда мне дума.
Хотел бы тихо я любить,
20 Хотел бы счастлив быть без шума.

290

Заставь горячими клещами
Меня щипать, лицо мне рвать,
Сечь розгами, хлестать плетями, —
Не заставляй лишь долго ждать!

5 Заставь мне пыткой ужасной
Все кости вывихнуть, сломать, —
Не заставляй лишь ждать напрасно:
Страшнее муки нет, как ждать!

Вчера прождал я в этой муке
10 Тебя с полудня до шести.
Ты не пришла. Кусая руки,
Я был готов с ума сойти!

Меня душило нетерпенье,
Как змей. У двери зазвонят, —
15 Вскочу... Не ты! В изнеможеньи,
Как труп, я падаю назад.

Ты не пришла. Я рвусь и ною;
А в уши шепчет сатана:
«Безумец старый! Над тобою
20 Не потешается ль она!»

291. Морфины

Какое сходство у сестры и брата
В прекрасных юных лицах! Но лицо
Сестры гораздо строже и бледнее,
Как будто горделивей, чем у брата,
5 Который дружелюбно заключал
Меня в объятия. Как была , кротка
Тогда его улыбка и как кроток
Был тихий взгляд! Его венок из мака,
Касаясь мне чела, благоуханьем
10 Все скорби утолял в моей душе.
Но это утоление было кратко.
Вполне мне исцелиться лишь тогда,
Как бледная сестра его опустит
Свой факел. — Сон хорош; но лучше смерть.
15 Всего же лучше — вовсе не родиться.

292—297. ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

292

Снилась мне девушка: кудри как шелк;
Кроткие ясные очи...
С нею под липой просиживал я
Синие летние ночи.
5 Слово любви прерывала порой
Сладкая речь поцелуя...
Звезды вздыхали средь темных небес,
Словно ревниво тоскуя.

Я пробудился... Со мной никого...
10 Страшно мне в сумраке ночи.
Холодно, немо глядят на меня
Тусклые звездные очи.

293. В мае

- Кого я любил, и кого целовал,
От тех я и худшее зло испытал.
Разбито сердце! А небо блещет;
Все вешнею негой горит и трепещет.
- 5 Цветет весна. Опушились леса;
В них весело птичьи звенят голоса,
И запах цветов раздражительно-сладок.
О мир прекрасный! Как ты мне гадок!
- Милей бы мне Орка подземная мгла:
10 Там резких контрастов душа б не нашла.
Сносней для сердец, неусыпно болящих,
У темных вод Стикса, немолчно журчащих!
- Их вечный ропот меж черных плит,
И мерзостный крик стимфалид,
15 И фурий пронзительно-дикое пенье,
И Цербера лай в отдаленье —
- Все кстати пришлась бы там скорбь моя
В унылой юдоли среди царства теней.
В проклятых владеньях твоих, Персефона,
20 Все создано только для вопля и стона.
- А здесь — что за ужас! Здесь все: небеса,
И солнце, и розы язвят мне глаза,
И май надо мной насмехается ясный.
О, как ты мне гадок, о мир прекрасный!

294. Скорбь вавилонская

- Смерть меня кличет, моя дорогая!
О! для чего, умирая,
О! для чего, умирая любя,
Я не в лесу покидаю тебя,
- 5 В темпом лесу, где погибель таится,
Неотразимо-грозна,
Волк завывает, коршун гнездится,
С бешеным хрюканьем бродит веприца,
Бурого вепря жена?
- 10 Смерть меня кличет. О горе!
Лучше бы в утлом челне
Бросил средь бурного моря
Я существо, драгоценное мне!..
Яростно воеет и волны вздымает
- 15 Там ураган!
Будит на дне и наверх высылает
Страшных чудовищ своих океан;
Все там грозит неминучей напастью:
Мчится акула с разинутой пастью,
- 20 Вынырнул жадный кайман.
- Верь мне, о друг мой прекрасный,
Как ни опасно
В море сердитом, во мраке лесном,
Вдвое опаснее — где мы живем.
- 25 Верь мне: ужаснее волка, веприцы,
Злее акул и всех чудищ морских
Звери Парижа, всемирной столицы,
В играх и песнях, и плясках своих.
Замерло сердце, и разум мутится:
- 30 Вкруг сироты моей, дурью объят.
Этот блестящий Париж суетится,
Дьяволам — рай, ангелам — ад!

- Что так жужжит вокруг постели?
Черные мухи — озлобленный рой.
35 Боже! Откуда они налетели?
Свет застывая, кишат предо мной,
На нос и на лоб садятся, кусают;
Точно людские глаза у иных!
Эта вон с хоботом... Страшно мне их!
40 Прочь! Отвяжитесь! Еще налетают...
Словно свинцом придавило мне грудь...
Жить уж немного:
Стук в голове и возня, и тревога...
Знать, мой рассудок собирается в путь.

295. Афронтенбург

- Проклятый замок! Образ твой
Еще мелькает пред очами —
С своими мрачными стенами,
С своей запуганной толпой.
- 5 Над кровлей в воздухе чернея,
Вертелся флюгер и скрипел,
И кто лишь рот раскрыть хотел,
На флюгер взглядывал, бледнея.
- Не начинал никто речей,
10 Не справясь с ветром: всяк страшился,
Чтоб не зафыркал, не озлился
Старик придиричивый Борей.
- Кто был умней, не молвил слова:
Он знал, что эхо в замке том
15 Переиначить все готово
Своим фальшивым языком.
- В саду, средь зелени убогой,
Темнел гранитный водоем:
Он вечно был с засохшим дном,
20 Хоть слез в него катилось много.

Проклятый сад! В нем нет угла,
Где б сердца злость не отравляла,
И где бы слез моих не пало,
Которым не было числа.

25 Не счесть и тяжких оскорблений!
Во всех углах я был язвим
То речью, полной ухищрений,
То словом грубо-площадным.

Подслушать мой позор обидный
30 И жаба черная ползла...
И злую речь потом вела
С своею тетушкой-ехидной.

И — вся их грязная родня —
Лягушки, крысы узнавали,
35 Как беспощадно оскорбляли
И как позорили меня.

Алели розы, расцветая,
Но рано связала их весна —
И, чем-то вдруг отравлена,
40 Поблекла жизнь их молодая.

С тех пор зачах и соловей,
Чья песнь лилась над сонным садом.
Лаская розы в тьме ночей:
И он отравлен тем же ядом!

45 Проклятый сад! проклятый! да!
Повсюду клеймы отверженья:
И в ясный день там иногда
Меня пугали привиденья.

Порой мелькал мне чей-то лик —
50 Зеленый, злобой искаженный...
И слышал вопли я и стоны,
Последний хрип, предсмертный крик.

- Террасой к морю сад кончался:
Там о пяты крутой скалы
35 Хлестали буйные валы —
И вал за валом сокрушался.
- Скорбя, что воля хороша,
Стоял я часто там. Синела
Морская даль. Во мне душа
60 Рвалась и билась и кипела...
- Кипела, билась и рвалась
Она, как этот вал мятежный,
Что мчится горд к скале прибрежной —
И вспять отходит, раздробясь.
- 65 О! сколько я судов крылатых
Вдали сквозь слезы различал!
Меня из стен своих проклятых
Проклятый замок не пускал.

296. *Enfant perdu*

- Забытый часовой в войне свободы,
Я тридцать лет свой пост не покидал:
Победы я не ждал, сражаясь годы;
Что не вернусь, не уцелею — знал.
- 5 Я день и ночь стоял, не засыпая,
Пока в палатках храбрые друзья
Все спали, громким храпом не давая
Забиться мне, хоть и вздремнул бы я.
- А ночью — скука, да и страх порою...
10 (Дурак лишь не боится ничего).
Я бойким свистом или песнью злою
Их отгонял от сердца моего.
- Ружье в руках, всегда на страже ухо;
Чуть тварь какую близко разгляжу —
15 Уж не уйдет: как раз дрянное брюхо
Насквозь горячей пулей просажу.

Случалось и такая тварь, бывало,
Прицелится и метко попадет.
Не утаю — теперь в том проку мало —
20 Я весь изранен; кровь моя течет.

Где ж смена? Кровь течет; слабеет тело.
Один упал — другие подходи!
Но я не побежден: оружие цело,
Лишь сердце порвалось в моей груди.

297. Юдоль плача

Как свищет ветер в эту ночь!
На чердаке не спится
В углу двум бедным существам.
У них так бледны лица!

5 Она лепечет: «Обними,
Обвей меня руками,—
И я согреюсь. Дай прижмусь
К твоим губам губами».

Он говорит: «Когда гляжу
10 В твои родные очи,
Забыты холод, голод, — все,
Чего забыть нет мочи».

Они целуются в слезах, —
Жмут руки и вздыхают, —
15 Смеются, — даже петь хотят...
Вот смолкли — засыпают.

Квартальному и с ним врачу
Поутру было дело:
Пришлось свидетельствовать им
20 Два свежих мертвых тела.

Осенний ветер, — врач решил —
При пустоте в желудке,
Простуду произвел —и смерть.
Ведь с ним плохие шутки!

25 «При наступленьи холодов, —
Сказал, — всего умнее —
Под теплым одеялом спать
И кушать поплотнее».

298. Вицли-Пуцли

П р е л ю д и я

Вот она, она — Америка!
Вот он, вот он, Новый Свет!
Не теперешний, что начал
Увядать в европеизме.

5 Вот он, Новый Свет, в том виде,
Как он только-что Колумбом
Извлечен из океана!
Влажной свежестью он дышит;

Весь осыпан и обрызган,
10 Словно жемчугом, и ярко
Разгорается под солнцем.
Сколько в нем здоровья, силы!

Не кладбище романтизма
Этот свет, не кучахлама,
15 Крытых плесенью символов,
Париков окаменелых.

На его здоровой почве
Все здоровые деревья:
Ни в одном нет байронизма,
20 Ни в одном — спинной сухотки.

На ветвях сидят, качаясь,
Птицы в ярких, пестрых перьях.
Как в очках, глаза их блещут
В круглых черных ободочках,

25 Важно длинный клюв насупив,
На меня все молча смотрят;
Но, всмотревшись, начинают
Тараторить, как торговки.

Что кричат, не понимаю,
30 Хоть не хуже Соломона,
Мужа тысячи красавиц,
Я языки птичьи знаю.

Соломон же, как известно,
Знал все птичьи диалекты,
35 И не только все живые,
Но и вымершие даже.

Здесь, на новой почве, новы
И цветы и ароматы.
Ароматы эти страстно
40 Раздражают обонянье,

Нежат, тешат и щекотят —
И мой нос в недоумении
Трудным мучится вопросом:
Где духи такие нюхал?

45 Может быть, на Реджент-Стрите,
На груди у знойно-желтой,
Гибкой, стройной той яванки,
Что всегда цветы жевала?

Или, может, в Роттердаме,
50 Близко статуи Эразма,
В белой вафельной лавчонке,
За таинственной гардиной?

Но пока в таком смущении
Новый Свет я созерцаю,
55 Сам я, кажется, внушаю
Вдвое большее смущенье.

Увидав мою фигуру,
В куст шмыгнула обезьяна,
И кричит она в испуге:
60 «Призрак, призрак старосветский!»

Обезьяна, не пугайся!
Я не призрак, не виденье;
Жизнь в моих струится жилах,
Верь, я сын вернейший жизни!

65 Но я долго был в сношениях
С мертвецами и усвоил
От покойников манеры
И их тайные причуды.

Годы юности цветущей
70 Проводил я в Венусберге
Да в Кифгейзере и в разных
Катакомбах романтизма.

Не пугайся, обезьяна!
Я люблю тебя... я вижу
75 На твоей блестящей, голой,
Гладкой заднице три цвета:

Черный, красный, золотистый!
Эти три любезных цвета
Мне родные, и я с грустью
80 Вспомнил знамя Барбароссы.

П е с н ь I

Он ходил в венке лавровом,
В золотых блестящих шпорах,
А героем все же не был,
Да плохой он был и рыцарь.

85 Был разбойничьей он шайки
Атаманом, — в книгу славы
Кулаком вписал он наглым
Имя наглое Кортеса.

Он под именем Колумба
90 Подписался в ней, — и каждый
Школьник нынче вместе учит
Наизусть два эти имя:

За Колумбом Христофором
И Кортеса Фердинанда
95 Он зовет великим мужем
В новосветном пантеоне.

О, игра судьбы лукавой!
Вместе с именем героя
Слито имя прощальги
100 У людей в воспоминанья.

Уж не лучше ли безвестно
Кануть в вечное забвенье,
Чем влачить с собой в соседстве
В даль веков такое имя?

105 Христофор Колумб родился
Быть героем. Он, как солнце,
Светел был великим духом,
Да и щедр он был, как солнце.

Были люди, что и прежде
110 Нам давали много; он же
Подарил нас целым светом,
Что Америкой назван.

Он не мог людей избавить
Из глухой земной темницы;
115 Но темницу им раздвинул
И длиннее цепь им сделал.

И его чтут свято люди,
Изнывавшие от скуки
И в Европе, и в пределах
120 Африканских и азийских.

Лишь один из всех героев
Подарил нам нечто больше:
Чем Колумб, и нечто лучше:
Это тот, что дал нам бога.

125 Мать его Иохабетой,
А отца Амрамом звали,
Самого же — Моисеем,
Он-то мой герой любимый!

Но Пегас мой слишком долго
130 Застоялся пред Колумбом;
А сегодня я в герои
Взял себе как раз Кортеса.

Поднимайся, конь летучий!
И меня на пестрых крыльях
135 В Новый Свет неси, — в тот чудный
Край, что Мексикой зовется!

В тот дворец меня неси ты,
Где державный Монтезума
Дал гостям своим испанцам,
140 Так радушно помещенье!

И не только кров и пищу
В самом щедром изобилии,
Но и множество подарков
Получили проходимцы.

145 Кучи редкостных изделий
Золотых, массивных, ценных
В ярком свете выставляли
Благодушие монарха.

Он, слепой язычник, чуждый
150 Просвещения Европы,
Еще верил в честность, в верность,
В святость прав гостеприимства.

Сниззошел он и на просьбу
Удостоить посещеньем
155 Пир, что в честь ему испанцы
Дать в дворце своем хотели.

Простодушен и доверчив,
Царь с, придворной свитой прибыл
На испанскую квартиру, —
160 И концертом встречен трубным.

Как торжественная пьеса
Называлась, я не знаю...
Может, «Верностью испанской»! —
Но Кортес был автор пьесы,

165 Дал сигнал он, — и мгновенно
Монтезуму окружили
И, связавши, удержали
У себя, как аманата.

Тут и умер он. Тогда-то
170 Прорвались все заплоты,
Что от гнева мексиканцев
Дерзких выходцев спасали.

Страшно буря разразилась!
Словно бешеное море,
175 Лезли, с воем, ближе, ближе
Волны гневного народа.

Храбро гости отбивали
Каждый штурм. Но с каждым утром
Начинался новый приступ, —
180 И испанцы утомились.

Как не стало Монтезумы,
Истожились и припасы;
Сократились закуски,
И повытянулись лица.

185 Отощавшие испанцы
Друг на друга лишь смотрели
Да, вздыхая, вспоминали
Христианскую отчизну.

Где их сердцу все родное:
190 И гуденье колоколен
И шипенье на жаровне
Смачной оллеа-потриды.

Под распаренным горошком
Все наложены колбаски
195 С чесноком и соблазняют
Аппетитно-сладким паром.

Вождь созвал совет военный —
И решили отступление:
Завтра, самым ранним утром,
200 Выйдет из городу войско.

Без труда оно вступило
В город, хитростью Кортеса;
Но в обратный путь грозили
Роковые затрудненья.

205 Город Мексико построен
Весь на острове — и гордо,
Среди озера большого,
Поднимается, как крепость,

Сообщаясь с берегами
210 На плотках лишь да на лодках,
Иль по гатям, да мостами
На громадных, черных сваях.

Еще солнце не всходило,
Как пустились в путь испанцы;
215 Барабан не бил тревоги,
Не трубил трубач похода.

Сладкий сон своих хозяев
На рассвете потревожить
Не хотелось им. (Сто тысяч
220 Было в Мексико индейцев).

Но испанцы собралися
Уходить, не расплатившись,
И гораздо раньше встали
В это утро мексиканцы.

225 На мостах, плотах и гатях
Собрались они и ждали,
Чтоб гостям на расставаньи
Поднести прощальный кубок.

На мостах, плотах и гатях
230 Завязалась пирушка!
Кровь лилась рекой багровой,
И борьба на смерть кипела.

С грудью грудь они боролись, —
И оттискивались ясно
235 На груди индейцев голой
Арабески лат испанских.

То-то было рубки, давки!
И отчаянная свалка
Страшно-медленно клубилась
240 Вдоль мостов, плотов и гатей.

Мексиканцы дико пели
И визжали, а испанцы
Бились молча, покупая
Каждый шаг свой свежей кровью.

245 В тесноте и давке мало
Было проку от военных
Европейских ухищрений:
От коней, от лат и пушек,

Да к тому ж иной испанец
250 Много золота нагабил
И трудненько подвигался
Со своей греховной ношей.

Из-за адского металла
Очень многим приходилось
255 Погубить не только душу,
Но и тело вместе с нею.

Той порою челноками
Сплошь все озеро покрылось;
С челноков летели стрелы
260 На мосты, плоты и гати.

Попадали в суматохе
И в своих они, конечно;
Но не мало положили
И изящнейших гидальго.

265 На одном мосту свалился
Дон Гастон, державший знамя
Со святым изображеньем
Богородицы Марии.

Даже в этот образ стрелы
270 Попадали мексиканцев.
Шесть блестящих стрел воткнулись
Прямо в сердце — и остались,

Как мечи те золотые,
Что в Великий пост пронзают
275 Грудь у Mater Dolorosa
На процессиях церковных.

Дон Гастон, прощаясь с жизнью,
Знамя передал Гонзальву;
Но и тот, стрелой сраженный,
280 Мертвый наземь покатился.

Сам Кортес, сам полководец,
Знамя взял — и нес высоко
Над конем весь день, до ночи,
До конца упорной битвы.

285 В битве слишком полтора ста
В этот день легло испанцев;
Слишком восемьдесят взяли
В плен живыми мексиканцы.

Много раненых смертельно
290 После умерло. Средь боя
Лошадей двенадцать было
Иль убито, или взято.

Только к ночи рать Кортеса
Добралась до твердой почвы,
295 Где лишь несколько плакучих
Ив росло, к воде склоняясь.

П е с н ь II

За кровавым днем сраженья
Наступила ночь триумфа.
Сотни тысяч ярких плошек
300 Всюду в Мексике пылают.

В свете сотен тысяч плошек
И в огне костров смолистых,
Как в дневном стоят сияньи
Все дома, дворцы и храмы —

305 И кумирня Вицли-Пуцли,
Что своей кирпично-красной
Массой так напоминает
Колоссальные строенья

Ассириян, вавилонян
310 И египтян, как их видим
Мы в изящнейших рисунках
Генри Мартина, британца.

Те ж громадные террасы,
По которым кверху, книзу,
315 Вдоль и вширь свободно ходит
Много тысяч мексиканцев.

На ступенях всюду группы
Диких воинов пируют,
В опьянении от победы
320 И от пальмового сока.

К кровле храма эти всходы
Поднимаются зигзагом
К окруженной баллюстрадой
И громаднейшей платформе.

325 Там на жертвеннике-троне
Восседает сам великий
Вицли-Пуцли, кровожадный
Бог войны. Он страшно-зlobен;

Но наружность так затейна
330 И так вычурно-забавна,
Что при тайном содроганьи
Смех невольно возбуждает.

Замечаешь в нем, взглядевшись,
Будто родственное что-то
335 С бледной базельскою смертью
И с брюссельским Манкен-Писсом.

Справа все стоят миряне,
Все попы стоят налево.
В ризы из узорных перьев
340 Облачилось духовенство.

А на мраморных ступеньках
Алтаря сидит столетний,
Безволосый, безбородый
Человечек в красной куртке,

345 Это жрец главнейший. Точит
Он ножи свои; с усмешкой
Точит их — и все порою
Смотрит искоса на бога.

И, как будто понимая
350 Эти взгляды, Вицли-Пуцли
И ресницами моргает
И сжимает даже губы.

Тут же жмутся на ступеньках
Храмовые музыканты
355 С барабанами, с рогами.
Треск и стон стоит ужасный!

Треск и стон стоит ужасный!
Вот и певчие запели
Мексиканское «Те Деум»:
360 Ну, точь-в-точь мяучат кошки!

Да, точь-в-точь мяучат кошки,
Но из крупной той породы,
Что людей хватают, вместо
Крыс, и тиграми зовутся.

365 И лишь только эти звуки
Донесет на берег ветер,
У испанцев, там приставших,
Заскребут на сердце кошки.

Там, под ивами, уныло
370 Все стоят они и смотрят —
Смотрят пристально на город,
Отражающий на темной

Влаге озера, как будто
Им на зло, огни триумфа;
375 Все стоят, как бы в партере
Колоссального театра.

Кровля ж храма Вицли-Пуцли
Вся сияет, словно сцена.

Там играют в честь победы
380 Нынче пьесу под заглавьем:

«Человеческая жертва».
Содержанье очень древне —
И не так ужасно в нашей
Христианской обработке,

385 Где вкушали вместо крови
Мы вино, а вместо тела
Лишь безвредную лепешку
Из муки обыкновенной.

Но не то у этих диких!
390 Шутка их грозна, серьезна:
Телом будет — точно тело,
Кровью будет — кровь людская.

И на этот раз обилье
Христианской чистой крови,
395 Не мешавшейся издавна
С кровью мавров иль евреев.

Веселися, Вицли-Пуцли,
Вдоволь есть испанской крови!
Теплым паром этой крови
400 Ты потешишь обонянье.

Нынче восемьдесят слишком
Пред тобой врагов заколят;
Будет славное жаркое
У жрецов твоих на ужин.

405 Ведь жрецы такие ж люди
И должны, как все, питаться,
И конечно, жить не могут
Только запахом, как боги.

Чу! Вот в смертные литавры
410 Бьют! Вот громко рог рокошет!
Это знак, что уж восходят
К кровле жертвы на закланье.

Да, позорно-обнаженных,
Пленных тащат и волочат
415 По ступеням, закрутивши
За спиной им крепко руки,—

Перед ликом Вицли-Пуцли
Силой ставят на колени
И к потешной пляске нудят
420 Их кровавым истязаньем.

От ужасных мук испанцы
Так кричат и стонут громко,
Что за воплями их глохнет
Каннибальский гам и грохот.

425 Жутко публике! Кортесу
И его дружине слышны
Эти вопли. Все в тех воплях
Голоса друзей узнали.

И на ярко-освещенной
430 Сцене все им ясно видно —
И фигуры и движенья,
Видно нож и кровь им видно.

Тут испанцы сняли шлемы,
Опустились на колени,
435 Стали петь псалом надгробный,
Стали петь и «De profundis».

Среди тех, что умирали,
Был Раймондо де-Мендоза,
Сын прекрасной аббатиссы,
440 Молодой любви Кортеса.

Как у юноши на шее
Медальон с ее портретом
Увидал Кортес, — слезами
У него глаза затмило.

445 Но он вытер эти слезы
Жесткой кожаной перчаткой,
Глубоко вздохнул — и начал
Петь с другими: «Miserere!»

Песнь III

Все бледней мерцают звезды,
450 И над озером туманы
Поднялись, как привиденья,
Волоча свой белый саван.

Пир погас, огни потухли;
И попы и прихожане
455 Разлеглись на кровле храма
И храпят на лужах крови.

Нету сна лишь красной куртке.
При огне последней лампы
С сладострастно-злым визгом
460 Жрец лепечет истукану:

«Вицли-Пуцли! Пуцли-Вицли!
Мой божочек, Вицли-Пуцли!
Позабавился ты нынче
И понюхал ароматов.

465 Не дурна ведь кровь испанцев?
Как дымилась аппетитно!
А твой лакомый носишка
Так и лоснился довольством!

Завтра мы коней заколем,
470 Благородно-ржущих чудищ.
Духи ветра их родили,
Любодействуя с моржами.

Будь умен,— и я зарежу
Для тебя обоих внуков,
475 Мальчуганов с сладкой кровью,
Услаждающих мне старость.

Только будь умен — и больше,
Больше дай побед нам новых!
Дай побед нам, мой божочек,
480 Пуцли-Вицли, Вицли-Пуцли!

Истреби врагов ты наших
Этих выходцев, приплывших
К нам из дальних и доныне
Не открытых стран заморских!

485 Что им дома не жилось?
Голод гнал, иль преступленье?
Правду молвит поговорка:
От добра добра не ищут!

Что им нужно? Набивают
490 Нашим золотом карманы
И хотят, чтоб нам блаженство
Где-то на небе досталось.

Нам сперва казалось — это
Существа породы высшей,
495 Дети солнца; им, бессмертным,
Гром и молния подвластны.

Но они такие ж люди,
Также смертны! нынче ночью
Я ножом своим изведаль
500 Человечность их и смертность.

Те же люди! и не лучше
Нашей братьи. А иные
Есть и гаже обезьяны:
Обросла вся рожа шерстью.

505 Говорят, в штанах запрятан
У иных и хвост такой же.
Если ты не обезьяна —
И штанов тебе не нужно!

Да и нравственно-то гадки!
510 Ничего им нет святого:
Слышал я, что пожирают
И своих богов-то даже.

Истреби ты этих гнусных
Нечестивцев, богоедов!
515 Дай побед нам, Вицли-Пуцли!
Вицли-Пуцли! Пуцли-Вицли !

И в ответ жрецу раздался
Голос бога — грустный, хриплый
И глухой, как ветер ночи,
520 Речь ведущий с камышами:

«Жрец ты мой! мясник кровавый!
Резал ты народу много.
Наточи теперь свой ножик,
Распори себе ты брюхо!

525 Из распоротого брюха
Упрыгнет душа, поскачет
По камням, пням и кочкам
На лягушечью трясину.

Там сидит царица Жаба,
530 Тетка мне. Она промолвит:
— Здравствуй, душенька. Здоров ли
Мой племянничек любезный?

Как-то он в сияньи солнца
Вицли-пуцельствует нынче?
535 Все ль отмахивает счастье
От него и мух и думы?

Иль в железных, черных лапах,
Омоченных в яд ехидны,
Он сидит у Кацлагары,
540 Злой богини бед и горя?

Отвечай, душа без тела:
Шлет поклон свой Вицли Пуцли
И от всей души желает,
Чтоб тебе, проклятой, лопнуть!

545 Ты войну ему внушила,
И совет твой стал бедою.
Наступает исполнение
Горьких древних предсказаний.

Что погибель будет царству
550 От пришельцев с бородами;
Что с Востока принесут их
Деревянные к нам птицы...

Есть и старое присловье:
Бабья воля — божья воля!
555 Божья воля крепче вдвое,
Если баба — мать божья.

А она мне и враждебна,
Гордая царица неба,
Непорочная девица,
560 Чудотворна, чародейка.

Под ее щитом испанцы
Победят нас — и погибну
Я, из всех богов жалчайший,
С бедной Мексикою вместе.

565 Как исполнишь порученье,
Пусть душа твоя в трясину
Заползет — и спит спокойно,
Чтоб моих не видеть бедствий.

Этот храм падет; а сам я
570 Погребусь в огне и дыме
И в развалинах, — и больше
Никому меня не видеть.

Но я буду жив: мы, боги,
Долголетней попугаев;
573 Как они же, мы линиям
И меняем только перья.

В край врагов моих, известный
Под названием Европы,
Я уйду. Мне там открыта
580 Будет новая карьера.

Превращусь из бога в чорта,
Адским пугалом там стану
И, как злейший враг, с врагами
Поступать начну жестоко.

585 Стану их терзать и мучить
И пугать толпой видений;
Предвкушение ада, серу,
Всюду нос их будет чувствовать.

Мудрецов их, дураков их
590 Соблазнять начну я, стану
Щекотать их добродетель,
Чтоб она, как б.... смеялась.

Да, я буду чортом, чортом!
И сведу теснее дружбу
595 С Астаротом, Вельзевулом,
Сатаной и Велиалом.

И с тобой сойдусь я, Лили,
Мать греха, змея-ползунья!
Ты изящному искусству
600 Лжи и зла меня научишь.

Милой Мексики не в силах
Я спасти от разрушенья;
Но отмщу ужасной мезтью
Я за Мексику родную!»

ГОФМАН ИЗ ФАЛЛЕРСЛЕБЕНА

299. Из Овидиевых Превращений

Заштопать для царя мундир
Один портной взялся.
Сел шить; но над одной из дыр
Вдруг дух в нем занялся.
5 «О чудо! о чудо! Да что ж это? что ж?
Ведь вошь это, вошь это! царская вошь!»

Вскочил от радости портной;
В душе и в теле дрожь.
Глядит на вошь он сам не свой,
10 И вдруг — хватает нож.
О чудо! о чудо! Да нож-то на что ж?
Ах, режет он, режет он царскую вошь.

«Мне половину! много всей:
Ведь вон как налилась!
15 Довольно царской крови в ней,
Чтоб целый вышел князь».
О чудо! о чудо! лишь в рот ее взял,
И князем он, князем потомственным стал!

Кричат закройщики: «А нам?
20 Что ж позабыл об нас?» —
«Другую половину вам:
Тут на троих как-раз».
О чудо! пол-вши только стоило съесть —
Три графа, три графа сиятельных есть!

25 И ученик с вопросом тож:
«Все кровью царской вши
Все причастились; я-то что ж?» —
«На! ножик оближи!
Почище, почище! с обеих сторон!
30 И выйдешь—хоть плохонький — выйдешь барон».

ЛЕНАУ

300. Трое цыган

Степью песчаной наш грузный рыдван
Еле тащился. Под ивой,
Рядом с дорогою, трое цыган
Расположились лениво.

- 5 В огненных красках заката лежал
Старший с лубочною скрипкой:
Буйную песню он дико играл
С ясной, беспечной улыбкой.
- Трубкой дымил над собою другой,
10 Дым провожая глазами,
Счастлив — как будто нет доли иной,
Лучше, богаче дарами.
- Третий, раскинувшись, сладко заснул;
Над головою висела
- 15 Лютя на иве. По струнам шел гул,
По сердцу греза летела.
- Пусть из-за пестрых заплат, из прорех
Голое тело сквозится:
Все на лице у них гордость и смех,
- 20 Сколько судьба ни грозит.
- Вот от кого довелось мне узнать,
Как тебя, доля лихая,
Дымом развеять, проспять, проиграть,
Мир и людей презирая.
- 25 Глаз я не мог отвести от бродяг.
Долго мне будут все сниться
Головы в черных, косматых кудрях,
Темные, смуглые лица.

301. Совет и желание

- «Не живи так быстро, так мятежно!
Посмотри — еще весна кругом.
К сердцу радость ластится так нежно;
Ты ж бледнеешь, вянешь с каждым днем.
- 5 Не надолго розы увядают:
Лишь пахнет весной — цветут опять;
Соловьи в леса к нам прилетают
И поют... иль их не хочешь ждать?»

—Не хочу. Пусть жизнь скорей промчится
10 Вольно, бурно, страстью и огнем!
Пусть угасну я, как та зарница,
Что, сверкнув, исчезла за холмом!

302. Тяжелый вечер

Покрыт был облаками
Свод неба голубой...
Мы по саду ходили
В тоске, мой друг, с тобой.

5 И ночь была беззвездна,
Безмолвна и темна...
И с нашею любовью
Была она сходна!

Прощался я с тобою...
10 Так горько было мне,
Что смерти нам обоим
Желал я в тишине.

МОРИЦ ГАРТМАН

303. Белое покрывало

I

Позорной казни обреченный,
Лежит в цепях венгерский граф.
Своей отчизне угнетенной
Хотел помочь он: гордый нрав
5 В нем возмущался; меж рабами
Себя он чувствовал рабом —
И взят в борьбе с могучим злом
И к петле присужден врагами.

- Едва двадцатая весна
10 Настала для него — и надо
Покинуть мир! Не смерть страшна:
Больному сердцу в ней отрада!
Ужасно в петле роковой
Средь людной площади качаться!
- 15 Вороны жадные слетятся
И над опальной головой
Голодный рой их станет драться.
Но граф в тюрьме, в углу сыром,
Заснул спокойным, детским сном.
- 20 Поутру, грустно мать лаская,
Он говорил: «Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно,
А мне так скоро суждено
Расстаться с жизнью молодою!
- 25 Погибнет без следа со мною
И имя честное мое.
Ах, пожалей дитя свое!
Я в вихре битв не знал боязни,
Я не дрожал в дыму, в огне;
- 30 Но завтра, при позорной казни,
Дрожать как лист придется мне».

- Мать говорила, утешая:
«Не бойся, не дрожи, родной,
Я во дворец пойду, рыдая:
- 35 Слезами, воплем и мольбой
Я сердце разбужу на троне...
И поутру, как поведут
Тебя на площадь, стану тут,
У места казни, на балконе.
- 40 Коль в черном платье буду я,
Знай — неизбежна смерть твоя...

Не правда ль, сын мой, шагом смелым
Пойдешь навстречу ты судьбе?

Ведь кровь венгерская в тебе!
45 Но если в покрывале белом
Меня увидишь над толпой,
Знай — вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схвачен палачами —
50 Не бойся, не дрожи, родной!»

И графу тихо, мирно спится,
И до утра он будет спать...
Ему все на балконе мать
Под белым покрывалом снится...

II

55 Гудит набат; бежит народ —
И тихо улицей идет,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь граф приговоренный.
Все окна настезь. Сколько глаз
60 Его слезами провожает,
И сколько женских рук бросает
Ему цветы в последний раз!
Граф ничего не замечает:
Вперед, на площадь он глядит,
65 Там на балконе мать стоит —
Спокойна, в покрывале белом.
И заиграло сердце в нем —
И к месту казни шагом смелым
Пошел он... с радостным лицом...
70 Вступил на помост с палачом —
И ясен к петле поднимался
И в самой петле — улыбался!

Зачем же в белом мать была?
О, ложь святая! Так могла
75 Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтоб сын не дрогнул перед казнью.

304. Два корабля

Два корабля, как два гроба глухих,
Встретились молча во мраке ночном.
Далее каждый плывет; а на них —
Сын на одном, мать на другом.

- 5 Сын после долгих скитаний и бед
Едет на родину, где его мать.
Мать стосковалась; вести все нет —
И поплыла она сына искать.

- Что с ней такое, не знает она:
10 Капают слезы, одна за одной.
Дума у сына легка и ясна,
Словно он слушает голос родной.

- А корабли, как два гроба глухих,
Дальше несутся во мраке ночном.
15 Нет человека, чтоб знал, что на них
Сын на одном, мать на другом.

ЮСТИН КЕРНЕР

305

В долине мрачной я
Лежал, тоской томимый,
И вновь увидел я
Луч родины любимой.

- 5 Мой отчий дом стоял
В равнине светозарной...
Как свод небес сиял!
Как луч горел янтарный!

Как родина моя
10 Была светла, богата!..
Но пробудился я...
В душе свежа утрата.

И я пошел с тоской
Печальной дорогой,
15 Ищу страны родной
С слезами и тревогой.

306. Расставанье

Я иду по улицам уснувшим...
Словно вымер город — все молчит,
Лишь вдали река шумит сонливо...
Бледный месяц на небе горит.

5 Вот я здесь, у маленького дома,
Где дитя любимое живет...
Спит она, — не знает, что далеко
Друг ее из города идет.

Грустно я протягиваю руки
10 Пред давно погаснувшим окном —
И твержу: «Прости, родимый город!
Ты прости, спокойный, тихий дом!

Уголок, прости и ты, заветный,
Куда так рвалась душа моя, —
15 И окно, где милою головкой
Любовался часто, часто я».

Подошел я к городским воротам,
Вот взглянул назад с немой тоской,
Часовой за мной ворота запер...
20 Сердце там осталось — за стеной!

ОСКАР РЕДВИЦ

307. Юноша

Ясно надо мною
Голубое небо;
Стану ли я думать
О туманных тучах?
5 Весело мне юность
Завивает кудри;
Стану ль я клониться
Головой кудрявой?

Думают ли розы,
10 Пышно расцветая,
Что они увянут
Завтра от мороза?
Думают ли звезды,
Загораясь ночью,
15 Что заря поутру
Их погасит в небе?

БОДЕНШТЕДТ

ПЕСНИ МИРЗЫ-ШАФФИ

308

Мирза-Шаффи! пчелой прилежной
Ты долго по свету летал;
Тебя поили влагой нежной
Фиал лилеи белоснежной
5 И розы пурпурный фиал.

Пора из рощи благосклонной,
Мирза-Шаффи, тебе домой;
С своею ношей благовонной,
На крыльях песни легкозвонной,
10 Лети к подруге молодой!

Распахни покрывало! не прячь ты себя!
 Ведь не прячутся розы в саду у тебя...
 Красота тебе богом, как розе, дана;
 Ты, как роза, на радость очей создана —

- 5 Создана ты под солнцем цвести и сиять,
 Перестань же чадрую лицо закрывать!

Распахни покрывало! увидит весь свет,
 Что пышней и желанней красавицы нет.
 Пусть огнем по сердцам пробегает твой взгляд,

- 10 А уста многоценным рубином горят,
 И одна только ночь самотканной чадрой
 Облекает твой лик и твой стан молодой!

Покажись! пред лицом твоим бледен и нем
 У султана в Стамбуле смутится гарем.

- 15 Да и где же, когда же, какой падишах
 Перед взглядом таким не упал бы во прах?
 Не тумань же чадрой лучезарных очей,
 Торжества красоты и блаженства людей!

АРНОЛЬД РУГЕ

310. Свобода слова

Раз предложили Бюффону вопрос: отчего обезьяна
 Не говорит? «Да сказать нечего ей!» был ответ.

311. Свобода печати

Пурпуром Кодр вас одень, и главою поставь вам Перикла,
 Вы же останьтесь чем есть—все будет рабской печать!

312. Старики и молодые

«Ты молод, и твой долг — молчанье.
Ты молод; слушай стариков.
Горячей крови волнованье
Пусть поутишит ряд годов!

5 Ты молод, испытал ты мало,
Цель жизни для тебя темна.
Ты молод; пусть тебя сначала
Украсит наша седина.

Умей отказываться, милый;
10 Дай пылу юности простыть;
Сковать дай молодые силы:
Тогда и годен можешь быть!»

— Вы рады, умники, любого
С собою на цепь посадить.
15 Скажите ж, сторожа бывшего,
Кому Грядущее творить?

Где, кроме сил могучих наших,
Себе опору вам сыскать?
Кто дочерей полюбит ваших?
20 Кто будет дом ваш охранять?

По вас и в речи нашей страстной
И в русых кудрях проку нет?
Но — серебро седин прекрасно,
А золоту покорен свет!

25 Не вам хулить нас! Юность наша
Шумна, конечно, и громка;
А сколько добродетель ваша
Творила зла исподтишка!

ИЗ НОВОГРЕЧЕСКИХ ПОЭТОВ

АДАМАНТИЙ КОРАИС

313. Военный гимн

- Что ж, братья паликары,
До коих будем пор
Мы, словно львы, гнездиться
По кручам диких гор?
- 5 В лесах да по ущельям,
Вдали от городов,
И от людей таиться,
Чтоб не носить оков?
Бежать всего, что сердцу
- 10 Дороже и милей:
Семьи, друзей и кровных —
И родины своей?
- Дохнуть и час свободой
Отрадней, чем в тюрьме
- 15 Прожить хоть полстолетья
В невольничьем ярме.
Что проку в долгой жизни,
Коль цепь на нас гремит,
Коль произвол нам смертью
- 20 И день и ночь грозит?
Визирь ли ты, паша ли,
Носи в душе боязнь,
Что и тебя, быть-может,
Неправая ждет казнь!
- 25 Как ни служи тирану,

Как ни клонись главой,
Твоей он жаждет крови, —
И час ударит твой!
Вспомянем лучших греков,
30 Красу Фанара! В том,
Что было с ними, ясно
Мы свой удел прочтем.
Князей отважных, граждан,
Священников, мирян,
35 Больших и малых резал,
Как одурев, султан.
А что ромейцев! турок!
Все жертвы счесть нет сил...
Кто стал безвинно нищим,
40 Кто голову сложил.

Пора! Пусть вспыхнет сердце
У всех святым огнем!
Сюда! Обет священный
Дадим перед крестом.
45 Совет из верных, честных
Сынов земли родной
Пусть все ведет и рядит
Разумною рукой;
А им да правит свято
50 Во всем закон один!
Из их среды пусть выйдет
И вождь родных дружин!
Как рабство, беспорядке
Нам пагубно теперь,
55 Где люди рвут друг друга,
Как зверя дикий зверь.
Поднимем руки к небу!
Душой и языком
Торжественную клятву
60 Пред богом принесем!
«Твоею вечной правдой,
О, господи, клянусь!

Пред волею тиранов
Челом я не склонюсь.
65 Моей не склонят воли
Ни зло их, ни приязнь,
Ни золото, ни голод,
Ни почести, ни казнь.
Пока дышу, мной править
70 Святая будет месть:
В фаланги турок буду
Я меч и пламя несть.
Как верный сын отчизны,
На шаг не отступлю
75 Пред грозной силой, — жизни
Позором не куплю!
И если слово клятвы
На миг забуду я,
Да грянет гром твой, боже,
80 И разразит меня!»

Восток и Запад — Север
И Юг — куда ни глянь,
Все за родную землю
В святую рвется брань.
85 Болгары! Арваниты!
Ромейцы! Сербы! В бой!
Кто с островов, кто с твердой
Земли—все в дружный строй!
Все в битву за свободу
90 Из горькой рабства тьмы!
Пусть видит мир, что стоим
Отцовской славы мы!
И вы, что на чужбине,
На гибель злым врагам,
95 Владеть мечом учились,
Скорее, братья, к нам!
Скорей сюда! Эллада
В объятья вас зовет.
Здесь ждет вас дом, ждет дружба,

100 Ждет слава, счастье ждет!
Скорей домой! Довольно
Служил ваш меч чужим.
Скорей домой! Победа
Нужна теперь своим,
105 Какая слава выше,
Какой святей почет,
Чем смерть на ратном поле
За волю, за народ!

Майноты! Сулиоты!
110 Не даром славны вы.
Вставайте! По берлогам
Дремать довольно, львы!
И вы, львы Мавровуни!
Орлы Олимпа! В бой!
115 Вы, соколы Аграфы!
В один смыкайтесь строй!
Вы, христиане с Савы,
С Дунайских берегов!
Идите к братьям! Вместе
120 Ударим на врагов!
Пусть дрогнет правой злобой
В вас сердце! Стар и млад,
Клянитесь — мстить злодеям,
Пока в руке булат!
125 Вставайте, Македонцы!
Как тигры вы в бою.
Запейте вражьей кровью
Святую месть свою!
Вы, с островов драконы,
130 Дельфины с вод морских,
Врагов разите наших!
Как молнья, гряньте в них!
Неситесь, чайки Гидры!
Вы, Псариоты! Миг
135 Настал: святой отчизны
Призывный громок клик.

За меч, сыны Эллады!
Сряжайте корабли!
Огнем твердыни вражьи
140 Снесем с лица земли!
Одна да будет воля,
Один в нас дух! Вперед!
Пока наш меч тиранству
Корней не подсечет,
145 Зальем все земли Турок
Пожаром — от полей
Боснийских до бесплодных
Аравии степей!
Пусть на знаменах наших
150 Священный крест горит!
И враг наш, как перуном
Сраженный, побежит.
Не думайте, что с силой
Своей он тверд теперь.
155 Нет! он дрожит от страха,
Как всполошённый зверь.
От трех сот Кирсалидов
Узнал уж он, как слаб
И с пушками пред храбрым
160 Тот, кто душою раб.

Что ж медлите? Проснитесь!
Без споров, без вражды
Друг друга выручайте
От общей всем беды!
165 Как древле предки наши,
Орлы и львы душой,
Вставали за свободу,
Кидались в ярый бой, —
Так мы восстанем, братья!
170 За ружья! За мечи!
Дружнее в бой! И дрогнут
Пред нами палачи.
Как стаю кровожадных

Волков разгоним их;
175 Не унести из боя
Им рабских душ своих!
Над морем и над сушей
Да светит крест святой!
Да рухнет сила вражья
180 И ложь пред правотой!
Да сгинет бич тиранства!
И с битвы мы придем
Свободны — жить в свободном
Отечестве своем!

АЛЕКСАНДР ИПСИЛАНТИ

314. Птичка-изгнанница

Грустная птичка, залетная странница,
Где твое гнездышко? Путь твой куда?
«Я из родимого края изгнанница:
Цели мне нету, да нет и гнезда!
5 Все мне равно, куда путь мой направится,
Сердце от горьких тревог не избавится,
Счастья ему не найти никогда...
Раем была ты мне, родина милая!
Сладко жилось мне под миртами там:
10 Весело песню свою заводила я,
И по росистым утрам
И по румяным вечерним зарям
Пелось отрадно! С подругой любимой
С детства душой я сжилась...
15 Вдруг с своей жадностью ненасытимой
Коршун нагрянул на нас...
Все, что мне было и свято и дорого,
Пухом по ветру пустил.
Мало и этого было для врага:
20 Он и гнездо разорил.
И понесла я в края чужедальные

Крылья усталые, песни печальные.
Родины нет! Милой нет!
Темен мне весь белый свет.

25 Пусть меня носит, куда ему хочется,
Ветер изменчивый! Буря пусть бьет!
Рано ли, — поздно ль, туда ж занесет,
Где все навеки покончится,
Где не найдет меня грозный налет

30 Коршуна жадного,
Где неповинная птичка заснет
После пути своего безотрадного».

ИЗ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЭТОВ

ЛАМАРТИН

315. Бабочки

С весною родиться и с розой весны умереть,
Носиться на крыльях зефира,
На первенцах поля, качаясь и нежась, сидеть
И пить благовонье эфира,
5 Потом, отряхнув с своих крыльев лазуревых прах,
В далеких тонуть небесах...
Вот бабочки доля!.. Как бабочка поля живая,
Желанье в нас также не спит;
Всем здесь недовольно оно и, земное бросая,
10 За радостью в небо летит.

КАЗИМИР ДЕЛАВИНЬ

316. Наина

«Волны плещут и воют — и небо черно...
Ах, зачем в этот вечер ты едешь, Пьетро?»
Так ему мать говорила:
«В прошлом годе поток так же бурно ревел,
5 И твой брат меня слушать, как ты, не хотел, —
И его я в волнах схоронила».
Но Пьетро уж в ладье —
И ей машет платком —
И средь бури во мгле,

- 10 Говорит он тайком:
 «Нанна любит меня!
 Нанна кличет меня!..
 Откажу ли я ей,
 Милой Нанне моей?»
- 15 И над парусом белая чайка летит,
И печально пловцу эта чайка кричит:
 «О рыбак! не плыви: в бурю страшно!
На скале я гнездо себе долго вила,
Но его эта буря с собой унесла,
- 20 В волны сдул его ветер ужасный».
 Но Пьетро не дрожит,
 Он веслом волны бьет!
 Ветер в парус свистит,
 Путник тихо поет:
- 25 «Нанна любит меня!
 Нанна кличет меня!..
 Откажу ли я ей,
 Милой Нанне моей?»
- И поток свирепел, и поток рокотал,
- 30 И из волн тихий топот к пловцу долетал:
 «О Пьетро! О мой брат незабвенный!
Не пробил пока час твой последний, скорей
Помолись о душе ты погибшей моей;
 Помолись, Пьетро мой бесценный!...»
- 35 Но Пьетро не слышал;
 Он все так же гребет;
 Шопот волн замолчал.
 Путник тихо поет:
 «Нанна любит меня!
- 40 Нанна кличет меня..
 Откажу ли я ей,
 Милой Нанне моей?»
- Вот Пьетро уж и к берегу тихо пристал, —
 А на башне прибрежной печально звучал
- 45 Погребальный звон, в храм созывая.
 «О ком молитесь вы?» — так Пьетро спросил.
 «Ах, об ней!» — ему тихо рыбак говорил,

Горькие слезы глотая...
И Пьетро побледнел,
50 И без чувств он упал,
И безумно глядел,
И до смерти шептал:
«Нанна любит меня!
Нанна кличет меня!..
55 Откажу ли я ей
Милой Нанне моей?»

МИЛЬВУА

317. Возвращение

На кровлях сельских луч дневной давно погас,
Давно лелеет нас вечерний сладкий час!..
Пойдем из тайного жилища наслаждений,
Где нам часы любви текли быстрее мгновений!..
5 Из грота темного ты унесешь в мечтах
Воспоминание о сладостных часах,
В очах пленительных огонь прелестно-томный,
И в русых волосах один листок нескромный!

АНДРЕ ШЕНЬЕ

318

Близ Верекинфа раз Сатир нашел, гуляя,
Резную флейту: к ней, Гиагнис, прилагая
Свои уста, пленял, воспалял порой
Великой матери богов поезд живой...
5 Сатир созвал тотчас из вод Меандра топких,
Чтобы внимать его игре, стыдливо-робких
Азийских нимф, — и им надменно говорил,
Что свой Гиагнис дар в той флейте заключил,
И что Сатир на ней сыграет им не хуже,
10 Что пальцы у него претонкие к тому же...
Все сели. Вот Сатир трудится, градом пот...
Он дует, пальцами перебирает, рот

Кривит уродливо; вот губы надувает
И щеки жирные... Вдруг флейта выпускает
15 Ужасный, дикий звук... Лес огласился им, —
И все кругом встают — и с хохотом живым,
С насмешкой явною Сатира выхваляют...
И слезы на глазах у бедного сверкают, —
И он бежит скорей под сень своих дубов,
20 При лае бешеном пастушских умных псов.

319

Мой стих умеет все так живо рисовать...
Приди, мой друг! Приди скорей ему внимать...
Мой голос нравится; звучит он нежно, стройно
Все отражается в элегии спокойной...
5 Леса зеленые, ручьи и соловей,
И музы и весна живут согласно с ней.
В моих стихах и вздох и поцелуй палящий;
Ручей серебряный, так сладостно журчащий,
В них катит легкие и чистые струи,—
10 И часто синевой небес полны они.
Дыханье сладкое, живящее дубровы,
В строфах моих живет и дышит негой новой!
Благоухают в них роскошные цветы:
И те, которыми весна дарит кусты, —
15 И те, что у тебя над щечкой молодою
Так пышно расцвели с шестнадцатой весною.

БЕРАНЖЕ

320. Король Ивето

Жил-был король; он не попал
В историю: ложился
Спать рано, поздно днем вставал,
По лаврам не томился,—
5 И коронован не венцом,

- А от Жанеты колпаком
С хохлом.
Ой люй! ой люи!
Где такие короли?
- 10 Люи!
- Изба была ему дворцом;
Покушав сытно, жирно,
Он ехал на осле верхом
Взглянуть на край свой мирный.
- 15 Добряк не ждал народных гроз:
При нем за стражу службу нес
Барбос.
Ой люи! ой люи!
Где такие короли?
- 20 Люи!
- Не знал затей он дорогих;
Любил лишь выпить вволю.
Счастливя подданных своих,
Себе ли портить долю?
- 25 Один налог шел для двора:
Он брал стакан иль полтора
С ведра.
Ой люи! ой люи!
Где такие короли?
- 30 Люи!
- Красавицы его тайком
Охотно целовали:
Не даром в царстве все отцом
Его именовали.
- 35 Не собирал он ратных сил;
Но в цель стрельбу, коль весел бы,
Любил.
Ой люи! ой люи!
Где такие короли?
- 40 Люи!

Не думал у соседей он
Оттягивать владенья;
Пример монархов, он в закон
Поставил наслажденье.
45 Тогда лишь, как он век скончал,
Народ, который слез не знал,
Рыдал.
Ой люли! ой люли!
Где такие короли?
50 Люли!

В портрете верном сохранен
Нам лик его державный,
И служит вывескою он
Харчевни, всюду славной.
55 По праздникам, как подопьет,
Пред этой вывеской народ
Поет:
«Ой люли! ой люли!
Где такие короли?
60 Люли!»

321. Сенатор

Да, сокровище прямое
Я нашел в своей жене:
Ведь знакомство-то какое
Чрез нее досталось мне!
5 В тот же день, как я женился,
Вдруг сенатор к нам явился.
Что за честь!
Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!
10 О, с особою такою
Не сравниться никому!
У министра бал; с собою
Взял жену мою к нему.

Где меня ни повстречает,
15 Тотчас руку пожимает.
 Что за честь!
 Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!

Он с женою мил, — ни слова;
20 Но чтоб куры строил, — нет,
 А случится, нездоровая,
 Я играю с ним в пикет.
 В именины, в день рожденья
 Шлет поклон и поздравленья.
25 Что за честь!
 Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!

В дождик вечером случится
Дома мне сидеть с женой...
30 «Не хотите ль прокатиться?»
 Говорит он: «Вы со мной
 Без чинов, без этикета!
 У крыльца моя карета». Что за честь!
35 Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!

Раз на дачу снаряжился, —
Пригласил и нас с собой.
Ужин, — вина. Я спьянился
40 Так, что спать не мог с женой;
 Но в накладе был едва ли:
 Спальню лучшую мне дали. Что за честь!
 Что за честь!
45 К высшей знати в дружбу влезть!

Сын родился; я конечно
В приемники *его*.
Как ласкал добросердечно

Он малютку моего!
50 Дал тогда ж и обещанье:
«Не забуду в завещанье».
Что за честь!
Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!

55 За обедом посмеяться
Любит он, — и я острою.
Раз случилось мне завратиться...
«Я уверен, — говорю, —
Все толкуют, что с женою
60 Вы смеетесь надо мною!»
Что за честь!
Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!

322. Веселая голова

Как образец удачный
Для страждущих хандрой,
Родился в век наш мрачный
Веселый мой герой.

5 Жить смирно, без вниманья
К судьбе, к речам молвы...
Вот в чем и все призванье
Веселой головы.

В отцовской шляпе чинно
10 По праздникам гулять;
Фасон ее старинный
Цветами обновлять...
Плащ — тоже не для чванства:
Все побелели швы...
15 Вот в чем и все убранство
Веселой головы.

- Под кровлей стульев пара,
Кровать, стол кривой,
Колода карт, гитара,
20 Стакан, сундук пустой.
Портрет (воспоминанье
Хорошенькой вдовы)...
Вот все и достоянье
Веселой головы.
- 25 Пропеть куплет нескромный;
Учить детей играть;
Большим рассказ скромный
Забавно передать.
Плясать неугомонно,
30 Когда б ни звали вы...
Вот весь запас ученый
Веселой головы.

- Коль есть вино плохое,
Хорошего не ждать;
35 Оставля дам в покое,
У швей любви искать;
Не знать припадков сплина
И мрачности совы...
Вот мудрая доктрина
40 Веселой головы.

- «Всего себя вверяю,
Творец, любви твоей,
Ты не осудишь, знаю,
Веселости моей,
45 И в смертное мгновенье
Не дашь сказать: «увы!» —
Вот скромное моленье
Веселой головы.

- Ты, ропщущий невольно,
50 Бедняк, и ты, богач,
Всем вечно недовольный,

От ваших неудач
Утешьтесь, не тушите,
Что б ни терпели вы;
55 Благой пример берите
С веселой головы.

323. Бабушка

С рюмки бабушка спьянилась
Раз на празднике у нас,
И шутя разговорилась:
«Что творила я проказ!
5 Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

— Значит, бабушка, ты тоже...—
10 «А еще б! В пятнадцать лет
Знала я, что я пригожа.
Ночью сна, бывало, нет.
Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,
15 Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

—А потом? Потом влюблялась? —
«Как же! милого нашла.
И не долго дожидалась,
20 И не долго ждать дала.
Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

25 — Долго ты его любила? —
«Да с полгода — одного;
А потом — еще был милый.

Не бросала и того.

Жаль и нынче, внушки,
30 Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

— Двое, бабушка? и разом? —

«Так не долго я жила:

35 Оба прочь! — Взялась за разум:
Дед ваш сватал, — я пошла.
Жаль и нынче, внушки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
40 И пропащих дней».

— Ну, и что же муж-то, муж-то? -

«От другого бы не скрыть,

Но влюбленному неужто

В эти мелочи входить?

45 Жаль и нынче, внушки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

— Ну, а мужу изменяла? —

50 «Вы умны, как посмотрю!

И на исповеди мало

Я об этом говорю.

Жаль и нынче, внушки,
Мне красы своей,
55 Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

— Ты ведь поздно овдовела? —

«Но не хмурилась вдова...

Церковь так же не пустела,

60 Хоть была и не нова.

Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

- 65 — Ну, а нам как жить, родная? —
«Не собьетесь с пути.
Ведь по бабушке пошла я:
Что ж и вам по мне нейти?
Жаль и нынче, внучки,
70 Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней»

324. Слепая мать

- Лиза, выслушай совет...
Что-то лен твой не прядется.
Видно сердце очень бьется:
Свел с ума тебя сосед.
5 Ах, не верь ты негодяю!
Хоть слепа, а все я знаю,
Все я слышу, все смекаю:
Ты нет-нет да и вздохнешь.
Сколько эта страсть губила!..
10 Для чего окно открыла?
Лиза, что ты не прядешь?

- Душно в горнице?.. Не ври...
Не с соседом ли в окошко
Полюбезничать немножко?..
15 Знаю, что ни говори.
Ты твердишь, что я ворчлива.
Ах, и я была красива,
Молода, — и мне не диво
Знать, что все на свете ложь,

- 20 И не верить лицемерью...
Кто такой там стукнул дверью?
Лиза, что ты не прядешь?
- Это ветер стукнул?.. Что ж
Я его не замечала?
- 25 И собака заворчала...
Ну, за что ее ты бьешь?
Верь, — не лгать мне пред могилой,—
Верь, тебя обманет милый.
Будешь плакать ты; но силой
- 30 Снова друга не вернешь...
Это что? могло ли случиться!
С кем изволишь целоваться?
Лиза, что ты не прядешь?
- Это птичку ты свою
- 35 Приласкать вдруг захотела?..
Брось ее, садись за дело;
Не буди ты злость мою.
Ах, мы ветренностью сами
Губим век свой, — и над нами
- 40 Все смеются: меж людьми
Сострадания не найдешь...
И какой конец печальный!..
Что понадобилось в спальней?
Лиза, что ты не прядешь?
- 45 Спать пошла ты?.. Ах, творец!
Так-то тешишься ты мною!
Твой любовник там с тобою.
Вон сейчас, — иль под венец!
Вон сейчас его, нахала!
- 50 Чтобы я вам не мешала,
Мужем станет пусть сначала!
А до тех пор не уйдешь
Ни на шаг ты прочь от дела:
Возле этого пострела,
- 55 Лиза, горя напрядешь.

325. Славный малый

Есть славный малый здесь,
Он сразу виден весь:
Живой, румяный,
Бровей не хмурит никогда,
5 Хоть у него всегда
Пусты карманы.
На все он весело глядит.
«Мне, право...» говорит,
«Мне, право...» говорит,
10 «Мне, право, горя в этом мало».
Ах, славный, славный малый!

На швей и на вино
Истратил уж давно
Он все, что было.
15 Рвут за долги со всех сторон,
Грозят тюрьмой; а он
С улыбкой милой
На все и всем свое твердит...
«Мне, право...» говорит,
20 «Мне, право...» говорит,
«Мне, право, горя в этом мало».
Ах, славный, славный малый!

Домой он спать придет, —
Сквозь кровлю дождик льет;
25 Ложись без свечки.
Зимой дуй в оба кулака:
Дров нету ни куска,
Да нет и печки.
И в холоде он крепко спит.
30 «Мне, право...» говорит,
«Мне, право...» говорит,
«Мне, право, горя в этом мало».
Ах, славный, славный малый!

- Красавица жена
35 Живет не с ним, одна.
Свои наряды
Берет она не знаю где;
Встречает он везде
Косые взгляды.
40 Но он на них и не глядит.
«Мне, право...» говорит,
«Мне, право...» говорит,
«Мне, право, горя в этом мало».
Ах, славный, славный малый!
- 45 Подагра доняла,
И слег он: смерть пришла.
Попа призвали.
Тот рассуждать конечно рад
Про чорта и про ад...
50 «Вы досказали?»
Пред смертью наш больной хрипит.
«Мне, право...» говорит,
«Мне, право...» говорит,
«Мне, право, горя в этом мало».
55 Ах, славный, славный малый!

326. Бедняки

Весело живет
Нищим голякам:
Любится, — поется.
Слава беднякам!

- 5 Где мы столько добрых сыщем,
Сколько их меж бедных есть?
Воздадим же честным нищим
Подобающую честь!

10 Весело живет
 Нищим голякам:
 Любится, — поется.
 Слава беднякам!

 Счастью легче уживаться
 С нищетою. Могу, что прав,
15 На евангелие сослаться
 И на свой веселый нрав.

 Весело живет
 Бедным голякам:
 Любится, — поется.
20 Слава беднякам!

 На Парнасе долго жило
 Все в союзе с нищетою.
 Что и у Гомера было,
 Кроме посоха с сумой?

25 Весело живет
 Нищим голякам.
 Любится, — поется.
 Слава беднякам!

 Вы, кого нужда тревожит,
30 Верьте мне: иной герой,
 Коль сапог не впору, может
 О лаптях вздыхать порой.

 Весело живет
 Нищим голякам:
35 Любится,—поется.
 Слава беднякам!

 Кто спасся из сильных мира
 От падений, от измен?
 «Вздор — их царская порфира!»
40 Думал в бочке Диоген.

Весело живется
Нищим голякам:
Любится, — поется.
Слава беднякам!

45 Что за роскошь в царском доме!
А жильцов томит тоска.
Можно спать и на соломе,
Можно есть и из горшка!

50 Весело живется
Нищим голякам:
Любится, — поется.
Слава беднякам!

Как солома превратилась
В ложе пышное цветов?
55 Это к бедности явилась
Гостья милая Любовь.

Весело живется
Нищим голякам:
Любится, — поется,
60 Слава беднякам!

Дружба, всюду холод чуя,
Улетела, говорят.
Нет, она сидит, пируя,
В кабачке меж двух солдат.

65 Весело живется
Нищим голякам:
Любится, — поется.
Слава беднякам!

327. Может быть последняя моя песня

Я не могу быть равнодушен
Ко славе родины моей.
Теперь покой ее нарушен,
Враги хозяйничают в ней.
5 Я их клянуп; но предаваться

Унынью — не поможет нам.
Еще мы можем петь, смеяться...
Хоть этим взять, на зло врагам!
Пускай иной храбрец трепещет, —
10 Я не дрожу, хотя и трус.
Вино пред нами в чашах блещет;
Я богу гроздий отдаюсь.
Друзья! наш пир одушевляя,
Он силу робким даст сердцам.
15 Давайте пить, не унывая!
Хоть этим взять, на зло врагам!

Заимодавцы! Беспокоить
Меня старались вы всегда;
Уж я хотел дела устроить, —
20 Случилась новая беда.
Вы за казну свою дрожите;
Вполне сочувствую я вам.
Скорей мне в долг еще ссудите!
Хоть этим взять, на зло врагам!

25 Не безопасна и Лизета;
Беды бы не случилось с ней.
Но чуть ли ветренница эта
Не встретит с радостью гостей.
В ней верно страха не найдется,
30 Хоть грубость их известна нам.
Но эта ночь мне остается...
Хоть этим взять, на зло врагам!

Коль неизбежна гибель злая,
Друзья, сомкнемтесь —клятву дать,
35 Что для врагов родного края
Не будет наша песнь звучать!
Последней песнью лебединой
Пусть будет эта песня нам.
Друзья, составим хор единый!
40 Хоть этим взять, на зло врагам.

328. День поминок

Звон церковный — грустный, томный —
Укоряет громко нас,
Что за трапезой нескромной
Застает нас в этот час.

- 5 «Души многих в тьме блуждают»,
Скажет вам монах любой.
Нынче мертвых поминают;
Вечный им покой!

- Пусть поэзия цветами
10 В этот день гроба дарит.
Пусть слезами перед нами
Лицемерье их кропит.
Вспять судьбы нас увлекают;
Но поет им голос мой:
15 «Нынче мертвых поминают;
Вечный им покой!»

- Злым — огонь пучин бездонных;
Сень невянущих садов
Примет женщин благосклонных
20 И простых друзей пиров.
В рай ключи Петра впускают
Всех незлобивых душой.
Нынче мертвых поминают;
Вечный им покой!

- 25 Чем в уныние вдаваться
У могил отцов своих,
Поучиться б нам смеяться
Над судьбой своей у них.
Вина искрами сверкают;
30 Лица дышат добротой.
Нынче мертвых поминают;
Вечный им покой!

Смерть от слез чужих не краше;
Но хотел бы в смертный час
35 Видеть я, что дети наши
Веселей, живее нас.
Пусть беспечно распевают
Возле ямы роковой:
«Нынче мертвых поминают;
40 Вечный им покой!»

329. Цензура

Мы у издателей под игом;
Но пусть его усилят нам,
И отдадут нас цензорам;
Пусть этих крыс допустят к книгам.
5 Не станем унывать:
Чтоб посмеяться
И все сказать,
Не нужно, право, дожидаться,
Чтоб приложил король печать.

10 Пускай предвидит час последний
Себе от прессы туз иной;
Пусть речь свободную хулой
Зовут в палате и в передней...
Не станем унывать:
15 Чтоб посмеяться
И все сказать,
Не нужно, право, дожидаться,
Чтоб приложил король печать.

Пусть эта мудрая палата,
20 На волю пустит крестный ход,
А мысли всякой ход запрет...
Она холопством так богата!..
Не станем унывать:
Чтоб посмеяться
25 И все сказать,

Не нужно, право, дожидаться,
Чтоб приложил король печать.

Пусть будет цензор назначаться
Уму тюремщиком, — и с ним,
30 С несчастным узником своим,
Не будет вовсе сообщаться...

Не станем унывать:
Чтоб посмеяться

И все сказать,

35 Не нужно, право, дожидаться,
Чтоб приложил король печать.

И так уж нас в потемках душат;
Но пусть (как новый щедрый дар),
Желая будто снять нагар,
40 Последний свет у нас потушат...

Не станем унывать:
Чтоб посмеяться

И все сказать,

Не нужно, право, дожидаться,
45 Чтоб приложил король печать.

Пускай министр, что запрещает
Таланты исчислять свои,
Куплеты новые мои
Хоть в списке про себя читает...

50 Не станем унывать:

Чтоб посмеяться

И все сказать,

Не нужно, право, дожидаться,
Чтоб приложил король печать.

330. Новый Диоген

Доволен

И волен,

Ношу я мантию твою,

О Диоген! Смеюсь и пью...

5 Доволен
 И волен,
 Смеюсь и пью, когда хочу,
 И бочку весело качу.
 В воде ты почерпал презренье к миру;
10 Воды не пью, — и нрав мой веселей.
 Я пил вино из бочки, чтоб квартиру
 Очистить для премудрости своей.

 Доволен
 И волен,
15 Ношу я мантию твою,
 О Диоген! Смеюсь и пью...
 Доволен
 И волен,
 Смеюсь и пью, когда хочу,
20 И бочку весело качу.

 Где ладно мне, я рад остановиться;
 Но постоянства нет между людей.
 Как время и как счастье, кружиться
 Приходится мне с бочкою моей.

25 Доволен
 И волен,
 Ношу я мантию твою,
 О Диоген! Смеюсь и пью...

 Доволен
30 И волен,
 Смеюсь и пью, когда хочу,
 И бочку весело качу.

 Смеялся я над партиями много,
 И скажут все: «он бесполезен нам».
35 Пред бочкой у меня не спросят строго:
 «Все для тебя ничто; да что ты сам?»

 Доволен
 И волен,
 Ношу я мантию твою,
40 О Диоген! Смеюсь и пью...

Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

45 Люблю над старым хламом посмеяться,
Цвета ль кокарды, лента ль то звезды;
В цветы полей привыкла убираться
Моя свобода, чуждая вражды.

Доволен
50 И волен,
Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью...

Доволен
И волен,
55 Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

Пусть на конгрессе друг и неприятель
Начнут делить весь мир, — у королей
Не побегу справляться я, не кстати ль
60 Заняться им и бочкою моей.

Доволен
И волен,
Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью...

65 Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

Известно мне, куда ведет сатира;
70 От пышности дворов я сторонюсь.
Засмейся я поближе к сильным мира,
Они заслонят солнце мне, боюсь.

Доволен
И волен,
75 Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью...

Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
80 И бочку весело качу.

В Афинах новых можно бы, я знаю,
Искать и человека днем с огнем;
Но я лишь в ночь фонарь свой зажигаю
Светильник свой любовь находит в нем.

85 Доволен
И волен,
Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью...
Доволен
90 И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

Хоть от рекрутства я — признаться надо -
И ускользнул; но родину люблю:
95 Случись нужда при сборе винограда,
Без ропота я бочку уступлю.

Доволен
И волен,
Ношу я мантию твою,
100 О Диоген! Смеюсь и пью...
Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

331. Школьный учитель

Ах, повеса, озорник!
Ну, на что это похоже?
Я заснул всего на, миг,
А уж он и прочь от книг...

- 5 Ах, совсем мне с ним беда...
А какие строит рожи!
Ах, совсем мне с ним беда!
Поскорее хлыст сюда!
Мало ль он меня бесил!
- 10 Я вина принес недавно,
Да поставить в шкаф забыл, —
Он бутылку утащил...
Ах, совсем мне с ним беда...
Да и выпил всю исправно.
- 15 Ах, совсем мне с ним беда!
Поскорее хлыст сюда!
- Поутру жена начнет
В спальне мыться, одеваться;
Он из класса ускользнет,
- 20 К щелке двери припадет...
Ах, совсем мне с ним беда...
И изволит любоваться.
Ах, совсем мне с ним беда!
Поскорее хлыст схода!
- 25 Раз и с дочерью застал:
Вижу, с нею он приятель.
Знать, уроки ей, нахал,
Он и прежде уж давал...
Ах, совсем мне с ним беда...
- 30 Вот хорош преподаватель!
Ах, совсем мне с ним беда!
Поскорее хлыст сюда!
- Не уйдешь теперь ты так:
Вспомнишь ты расправу эту.
- 35 Что ворчишь ты?.. Я... колпак?..
Что?.. жена... намедни... Как!..
Ах, совсем мне с ним беда!
И детей уж в мире нету!
Ах, совсем мне с ним беда!
- 40 Поскорее хлыст схода!

332. Кошка

Ну, кто же громко так мяучит!
Совсем ты прогнала мой сон.
Чего тебе? Иль голод мучит,
Что ночью просишься ты вон?

- 5 Немышь ли где скребется близко?
Моя каморка заперта.
Мяу! Чего ты хочешь, киска?
Мяу-мяу! кота.

- Как было мне не догадаться!
10 Ведь мне самой пятнадцать лет.
Ах, перестань ко мне ласкаться!
Чем помогу, коль средства нет?
Одна и я, хоть милый близко;
Я как в тюрьме тут заперта.
15 Мяу! Чего ты хочешь, киска?
Мяу-мяу! кота.

Ах, не тебе одной досада:
И я — я тоже как в огне.
Тут есть сосед; и я бы рада
20 Его позвать, да стыдно мне.
Чердак его отсюда близко...
Нет, что за глупая мечта!
Мяу! Чего ты хочешь, киска?
Мяу-мяу! кота.

- 25 Все это ты ж меня смутила:
Мне не хотелось ничего.
Коль так, уж лучше б разбудила
Ты мне соседа моего.
Вчера он сел ко мне так близко
30 И руки жал мне не спроста.
Мяу! Чего ты хочешь, киска?
Мяу-мяу! кота.

Но что я вижу! он как кошка
По кровле крадется сюда.
35 Скорей открыть ему окошко!
Кисурка, уходи туда!
Ах, хорошо ли?... Он уж близко...
А все моя же доброта!
Мяу! И ты отыщешь, киска,—
40 Мяу-мяу! кота.

333. Наш священник

Священник наш живет умно:
Водой не портит он вино,
И, славя милость бога,
Твердит племяннице (ей нет
5 Еще семнадцати): «Мой свет!
Что хлопотать нам много,
Грешно иль нет в селе живут?
Оставим чорту этот труд!
Э! поцелуй меня,
10 Красавица моя!
Судить не будем строго!»
«Овцам служу я пастухом,
И не хочу, чтоб им мой дом
Был страшен как берлога.
15 Твержу я стаду своему:
Кто мирно здесь живет, тому
В рай не нужна дорога. —
На проповедь зову приход
Тогда лишь я, как дождь идет.
20 Э! поцелуй меня,
Красавица моя!
Судить не будем строго!
«Запрета в праздник я не дам
Повеселиться беднякам:
25 Им радостей немного.
У кабачка их смех и гам
Порою слушаю я сам

С церковного порога.
 А надо, — побегу сказать,
 30 Что меньше можно бы кричать.
 Э! поцелуй меня,
 Красавица моя!
 Судить не будем строго!

«Мне дела нет, что у иной
 35 Плутовки фартучек цветной
 Раздуется немного...
 Полгодом свадьба запоздай,
 До свадьбы бог младенца дай, —
 Не велика тревога:

40 Венчаю и крещу я всех.
 Не подымать же шум и смех!
 Э! поцелуй меня,
 Красавица моя!
 Судить не будем строго!

45 «Наш мэр философом глядит,
 И про обедню говорит,
 Что толку в ней немного.
 Зато еще без ничего
 Ни разу нищий от его

50 Не отходил порога.
 Над ним господня благодать:
 Кто сеет, будет пожинать.
 Э! поцелуй меня,
 Красавица моя!

55 Судить не будем строго!

 «На каждый пир меня зовут;
 Вином снабжают, — и несут
 Цветов на праздник много.
 Толкуй епископ, злой старик,

60 Что я чуть-чуть не еретик...
 Чтобы на лоно бога
 Я в рай попал, и увидал
 Там всех, кого благословлял,

Целуй, целуй меня,
65 Красавица моя!
Судить не будем строго!»

334. Тракта́т о политике для руководства Лизе

О Лиза, милостию бога,
Перед которым все равны,
Ты царствуешь, — и все мы строго
Твоей красой покорены.
5 В любовниках и обсчитаться
Тебе легко: так много их.
Собьешься ль в чем, позволь смеяться
Для блага подданных твоих.

Как часто, теща самовластье,
10 Красавицы и короли
Вели любовников в несчастье,
Народ к отчаянью вели.
Не тронь мятежные стихии;
Храни свой будуар от них.
15 Не ведай, Лиза, тирании
Для блага подданных твоих.

Кокетством женщина похожа
На честолюбца, что идет —
В родном краю лишь горе множа —
20 Далекий покорять народ.
Что зол от одного каприза!
Примеров не забудь таких.
Побед не делай больше, Лиза,
Для блага подданных твоих.

25 К монархам доступ затрудняет
Толпа придворных, — и подчас
Он легче к женщине бывает
Под стражей двух ревнивых глаз.
Твой трон — постель, где неподкупна

- 30 Для лести воля нег ночных.
О Лиза, будь на нем доступна
Для блага подданных твоих.
- Пусть хвалятся цари пред нами,
Что власть им небом вручена, —
- 35 Тебе господство над сердцами
Дала природа ли одна?
Да, скипетр в руки взять могла ты:
Но, хоть и создан он для них,
От нас принять его должна ты
- 40 Для блага подданных твоих.
- Чтоб было все тебе послушно,
Ты в эти истины вникай;
Над нами царствуй благодушно,
И наших прав не нарушай.
- 45 Венец из роз, любовью свитый,
Так свеж в кудрях твоих густых!
О, много лет его носи ты
Для блага подданных твоих!

335. Мнение этих девиц

- Опять враги к нам на постой!
Так это правда? — Лишь нагрянут,
Вверх дном все ставить станут.
- Пале-Рояль, наш край родной,
- 5 Так оживится.
- Да и для нас расчет прямой.
Все наши говорят девицы:
«Как рады мы своим друзьям,
Своим друзьям врагам!»
- 10 С французов наших что и взять!
Где ж им сравниться с пруссаками?
Тем больше с казаками.
- Им деньги стыдно и считать...
На всех нас стала
- 15 Цена вдруг быстро возрастать;

Блох некогда искать, бывало.
Как рады мы своим друзьям,
Своим друзьям врагам!

Так станем ждать их. Боже мой!
20 Опять увижу Чичагова,
Бюлова и Плятова.
И Сакен с нежною душой
Опять прибудет,
И этот Блюхер, душка мой...
25 Что наберут, все наше будет.
Как рады мы своим друзьям,
Своим друзьям врагам!

Когда завижу перья их,
Под такт трубам и барабану
30 Платком махать им стану.
Я из любовников своих
В лицо узнаю
Наверно сотни три меж них.
Окно к их встрече нанимаю.
35 Как рада я своим друзьям,
Своим друзьям врагам!

Как мы, не мало честных дам,
Когда те в первый раз явились,
От них же поживились.
40 В гостиных к пылким казакам
Теснились с лестью,
Хоть наносить убытки нам
Не Сен-Жерменскому б предместью.
Как рады мы своим друзьям,
45 Своим друзьям врагам!

Отлично все дела пойдут, —
Аббат кутила уверяет;
А он конечно знает...
Сожгут ли что, или убьют

50 Кого в народе, —
Еще беды немного тут;
А нас насилуй на свободе!
Как рады мы своим друзьям,
Своим друзьям врагам!

336. Придворный кафтан

Все наши принципы — химера!
Двор и меня уже пленил.
Обноски после камергера
В лоскутной лавке я купил.
5 Его высочество заняться
Изволил мной — намеком мне дан.
Как я доволен!
Я во дворец иду являться,
В придворный облачась кафтан.

10 От честолюбья нет покоя;
Мне грезится мой славный путь.
Шитье на платье золотое
Внушает — ниже спину гнуть.
Вот в зал меня с почетом вводят,
15 Стараясь угадать мой сан...
Как я доволен!
Его высочество выходят...
На мне придворный мой кафтан.

Я не завел еще кареты, —
20 Иду пешком. Вдруг предо мной
Толпа гуляк, друзей Лизетты,
И тащат завтрак с собой.
— «Не пропустить бы лишь парада!»
Твержу, попавшись к ним в капкан.
25 «Как я доволен!
К его высочеству мне надо.
Придворный, видите, кафтан?»

- Лишь кончен завтрак, в путь я снова.
Навстречу старый, добрый друг.
- 30 — «Ты быть на свадьбе дал нам слово.
И я попал в знакомый круг.
Поют, смеются, веселятся,
Шампанским пенится стакан.
Как я доволен!
- 35 Но во дворец я шел являться;
На мне придворный мой кафтан.
- Как мне ни весело с друзьями,
Спесь подзывает во дворец.
Иду нетвердыми шагами
- 40 И дотащился наконец.
В толпе неужто Роза это?
Ее походка, стройный стан.
Как я доволен!
- Ей, стоящей всех сильных света,
- 45 Не нужен вышитый кафтан.
- От двери, где ее смешило
Холопство глупой суетой,
Она меня сейчас сманила
В свой скромный уголок с собой.
- 50 У Розы мой кафтан расшитый
Мне давит грудь — в глазах туман.
Как я доволен!
- Его высочество забыто,
И в угол брошен мой кафтан.
- 55 Простился я со спесью жалкой
И прочитал себе урок.
Вооружась дурацкой палкой,
Пойду петь песни в кабачок.
Подчас там можно и забыться:
- 60 На совести не будет ран.
Как я доволен!
- Кто жаждет во дворец явиться,
Возьми придворный мой кафтан.

337. Конец политике

Не брани меня ты строго,
Ненаглядная моя,
Что любви своей так много
Отдаю отчизне я.
5 Ты всегда скучать готова
От политики моей.
Успокойся; ни полслова
Не скажу теперь о ней.

Близ тебя еще недавно
10 Об искусствах речь я вел,
Детям вольности державной.
Но погас наш ореол,—
И, чтоб здесь расцвести им снова,
Надо ждать времен других.
15 Успокойся; ни полслова
Не скажу теперь о них.

Несмотря на робость нрава
После битв любви я смел
Петь тебе о битвах славы:
20 Наших воинов я пел.
Как их доблести суровой
Трусил сонм владык земных!
Успокойся; ни полслова
Не скажу теперь о них.

25 Цепь твоюнося охотно,
Я свободу призывал,
И в твой лепет беззаботный
Рим и Грецию вплетал.
Хоть мне Титам нашим новым
30 Что-то верится с трудом, —
Успокойся; ни полсловом
Не промолвлюсь я о том.

Кто мог с Францией сравниться?
Все завидовали ей!
35 Ты могла ее страшиться,
Как соперницы своей.
Но — увы! — судьба сурово
Гасит свет надежд моих.
Успокойся; ни полслова
40 Не скажу теперь о них.

Да, мой друг, ты судишь здраво:
В мрак неизвестности уйдем,
Позабудем голос славы,
И на ложе нег уснем:
45 Для французов цепь готова
От своих и от чужих.
Успокойся; ни полслова
Не скажу теперь о них.

338. Мое призвание

Хилой и некрасивый
Я в этот мир попал.
Затерт в толпе шумливой,
Затем, что ростом мал.
5 Я полон был тревогой
И плакал над собой.
Вдруг слышу голос бога:
«Пой, бедный, пой!»

Грязь в пешого кидают
10 Кареты, мчась вскачь;
Путь нагло заступают
Мне сильный и богач.
Нам заперта дорога
Везде их спесью злой.
15 Я слышу голос бога:
«Пой, бедный, пой!»

Вверить судьбе заботу
О каждом дне страшась,
Не по душе работу
20 Несу, как цепь, смирясь.
Стремленья к воле много;
Но — аппетит большой.
Я слышу голос бога:
«Пой, бедный, пой!»

25 В любви была отрада
Больной душе моей;
Но мне проститься надо,
Как с молодостью, с ней.
Все чаще смотрят строго
30 На страстный трепет мой.
Я слышу голос бога:
«Пой, бедный, пой!»

Да, нет, — теперь я знаю, —
Вот доля здесь моя!
35 Кого я утешаю,
Не все ли мне друзья?
Когда приязни много
За чашей круговой,
Я слышу голос бога:
40 «Пой, бедный, пой!»

339. Простолюдин

В моей частичке *de* знак чванства,
Я слышу, видят; вот беда!
«Так вы из древнего дворянства?»
Я? нет... куда мне, господа!
5 Я старых грамот не имею,
Как каждый истый дворянин;
Лишь родину любить умею.
Простолюдин я, — да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

10 Мне надо бы без *de* родиться:
В крови я чувствую своей,
Что против власти возмутиться
Не раз пришлось родне моей.
Та власть, как жернов, все дробила,
15 И пал, наверно, не один
Мой предок перед буйной силой.
Простолюдин я, — да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

Мои прапрадеды не жали
20 Последний сок из мужиков,
С ножом дворянским не езжали
Проезжих грабить среди лесов;
Потом, натешась в буйстве диком,
Не лезли в камергерский чин
25 При... ну, хоть Карле бы Великом,
Простолюдин я, — да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

Они усобицы гражданской
Не разжигали никогда;
30 Не ими «леопард британский»
Введен был в наши города.
В крамолы церкви не вдавался
Из них никто, и ни один
Под лигою не подписался.
35 Простолюдин я, — да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

Оставьте ж мне мое прозвание,
Герои ленточки цветной,
Готовые на пресмыканье
40 Пред каждой новою звездой!
Кадите, льстите перед властью!

Всем общей расы скромный сын,
Я льстил лишь одному несчастью.
Простолюдин я, — да, простолюдин,
45 Совсем простолюдин.

340. Старый скрипач

- Мудрецом слыву в селенье,
Я старик, скрипач простой,
Потому что от рожденья
Не пивал вина с водой.
- 5 Любо скрипкой на поляне
Молодежь мне созывать.
Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!
- Встарь под этот дуб сходились
10 За советом, за судом.
Сколько раз враги мирились
Под густым его шатром!
Не слышал он слова брани,
Видел только тишь да гладь.
- 15 Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!
- О владельце знатном вашем
Пожалейте: в замке там,
Как завидует он нашим
20 Незатейливым пирам.
Дружный смех тут на поляне;
Он один изволь скучать.
Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!
- 25 Не хулите тех, что с вами
Чтить священства не хотят,
А желайте, чтоб плодами
Был богат их луг и сад.

Вместе надо, христиане,
30 Не молиться, так гулять!
Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!

Если ниву родовую
Ты обнес вокруг плетнем,
35 Не топчи же и чужую
И не тронь своим серном.
Будешь знать тогда заране,
Что в наследье детям дать.
Собирайтесь, поселяне,
40 Здесь под дубом поплясать!

После горя прожитого
Мир опять наш край живет:
Не гоните ж прочь слепого,
Что с дороги бурей сбит.
45 Скольким в этом урагане
Дом и кров пришлось терять!
Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!

Вот мое вам наставленье:
50 Здесь, в тени густых ветвей,
Дети, всем привет, прощенье!
Обнимитесь дружной!
На моей родной поляне
Должен вечно мир сиять.
55 Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!

341. Птицы

Зима несет опустошенье
Под наши кровли и поля;
Знакомых птиц не слышно пенья:
Умчались в чуждые края.

5 Но пусть там ярче свет денницы, —
Они на родине душой.
Зимою изгнанные птицы
Опять воротятся с весной.

Судьба в изгнание их послала.
10 Печально им, — печальней нам:
Их песни эхо повторяло
По бедным избам и дворцам.
Пусть их певучие станицы
Собой счастливят край иной, —
15 Зимою изгнанные птицы
Опять воротятся с весной.

А нас застигли здесь морозы, —
И нам завидна доля их:
Холодный ветер шлет угрозы,
20 Идет все больше туч седых.
Счастлив, кто мог, как из темницы,
Отсюда упорхнуть живой!
Зимою изгнанные птицы
Опять воротятся с весной.

25 Как туч не будет на лазури,
Любовь их снова приманит, —
И дуб, не раз выдавший бури,
Опять их дружно приютит.
Чтоб возвестить восход денницы
30 И новый день стране родной,
Зимою изгнанные птицы
Опять воротятся с весной.

342. Две сестры милосердия

Любите! это воля бога,
Его святой закон.
Кто любит горячо и много,
Тот и спасен.

- 5 Скончавшись строгою черницей,
Святая дева, у дверей
Пред раем, встретилась с певицей,
Звездой меж театральных фей.
Их жизнь прошла невозмутимо,
10 И обе вознеслись с земли —
Одна на крыльях серафима,
Другая на руках любви.

- Любите! это воля бога,
Его святой закон.
15 Кто любит горячо и много,
Тот и спасен.

- На страже Петр стоял пред раем...
С черницей *Аве* прочитал;
Потом актрисе: «мы впускаем
20 Без исповеди», он сказал. —
Она ему: «Я не отпета
Священником, — зарыли так.
Но бог прости его за это:
Он в жизни не любил, бедняк!»

- 25 Любите! это воля бога,
Его святой закон.
Кто любит горячо и много,
Тот и спасен.

- «Везде», монахиня сказала,
30 «По хижинам и по дворцам
Страдальцам я готовляла
Сердца врачующий бальзам». —
«Служили мне все боги наши»,
Актриса молвила, «но я
35 И бедняку из царской чаши
Давала сладкого питья».

Любите! это воля бога,
Его святой закон.
Кто любит горячо и много,
40 Тот и спасен.

«Да, часто»,— дева говорила,
«Сменив священника собой,
На ложе смерти низводила
Я упованьe и покой». —
45 «О, скольким было в обольщенье»,
Сказала нимфа, — «легче жить!
Замена счастьем—наслажденье.
Я заставляла жизнь ценить».

Любите! это воля бога,
50 Его святой закон.
Кто любит горячо и много,
Тот и спасен.

«Сердца ко благу направляя»,
Сказала дева, — «к беднякам
55 Даянье богачей несла я,
Благословляемое там». —
«А скольких честных», говорила
Актриса, — «падавших в бою,
В ряды бойцов я возвратила,
60 Давая ласку им свою!»

Любите! это воля бога,
Его святой закон.
Кто любит горячо и много,
Тот и спасен.

65 «Войдите, добрые, войдите!»
Сказал им часовой небес.
«Любовью обе вы горите;
А большего не нужно здесь.

Бог всем открыл свои владенья,
70 Кто осушал потоки слез,
Под жестким ли венцом мученья,
Иль под венками пышных роз».

Любите! это воля бога,
Его святой закон.
75 Кто любит горячо и много,
Тот и спасен.

343. Это не Лизета

В шелку и в кружевах,
Как фея разодела,
С алмазами в ушах, —
Лизета, ты ли это?
5 Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

В атласных башмаках
10 Тебе нужна карета;
Румянец на щеках.
Искусственного цвета.
Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
15 Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

Дом роскошью блестит:
Нет скромного предмета;
Лионский шелк хранит
20 Постель твою от света.
Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

25 Улыбка лишена
Открытого привета;
Ты стала так умна:
Все утверждают это.
Ах, нет, нет, нет!
30 Ты больше не Лизета.
Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

Как роза ты цвела,
Когда вдали от света
35 Простой швеей была, —
Скромна, бедно одета.
Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
Ах, нет, нет, нет!
40 Забудем имя это.

Любовью ли была
Твоя постель согрета,
К тебе и дружба шла
Без спроса, без запрета.
45 Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

Ты тешишь не любя
50 Отжившего скелета;
Он золотит тебя.
Да разве счастье это?
Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
55 Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

Жилье любви — чердак;
Ей скользок лоск паркета.

Вы стали важны так!
60 Ее пугает это.
Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

344. Зима

Вновь зима идет сюда,
Гонит птиц, сердито воем
И покровом снежным кроет
И поля и города.
Все окно разрисовала
Мне цветами из кристалла.
Дверь на петлях завизжала;
Кот мой съежился клубком.
Ждать уж нечего: отныне
10 Надо жечь дрова в камине;
Надо греться пред огнем.

Не пускайся, странник, в путь;
А пошел, —вернись скорее!
Мой камин горит шумнее:
15 Ветер начал крепче дуть.
Не страшна мне здесь угроза
Ветра, снега и мороза:
Вот явилась в шубке Роза;
Греет, кутает меня.
20 Но ты рук не отогрела:
На мои б колени села,
Роза, греться у огня!

Смерклось; ночь густую тень
Над снегами расстилает.
25 Нас любовь благословляет:
Ради нас уходит день.
Но к нам в гости, распевая,

Входит пара молодая:
Друг, красавица живая...
30 Славно вечер проведем!
Стужи нечего страшиться:
Станем греться пред огнем.

Вот нескромный лампы свет
Наши ласки прекращает,
35 Роза скатерть расстилает;
На столе вино, паштет.
Друг пустился в изложение
Им прочтенного творенья
Про воров и привиденья;
40 Смех не молкнет за столом.
Кончен ужин; пунш пылает.
Но пока он поспевает,
Станем греться пред огнем.

Пусть как в саван облачит
45 В снег и лед зима природу,
Шлет к нам вихри, непогоду -
Наших песен не смутит.
Здесь весна любви над нами
Веет тихими крылами,
50 Незнакомая с грозами,
Неразлучная с добром.
От морозов мы запремся
И, пока цветов дождемся,
Станем греться пред огнем.

345. Маркиз Караба

О, с какой грозой
Прибыл наш маркиз домой!
(А на кляче он
Из чужих плелся сторон).
5 Всем грозя кругом
Девственным мечом,

Шествует герой
В старый замок свой.
Шапки все долой со лба!
10 Честь маркизу Караба!

«Эй, собирайтесь вмиг,
Кастелан, вассал, мужик!
Я» — гласит он, — «я,
Я восставил короля.
15 Власти лишь моей

Трогать он не смей:
Счет тогда со мной,
Чорт возьми! иной».
Шапки все долой со лба!
20 Честь маркизу Караба!

«Кто-то слух пустил,
Что мой предок — мельник был.
Вздор! главою нам
Был Пипин Короткий сам.
25 По гербу судя,
Думаю, что я
Родом поважней
Наших королей».
Шапки все долой со лба!
30 Честь маркизу Караба!

«Кто другой здесь есть,
Чтобы смел при троне сесть?
Метит сын меньшей
Быть епископом; другой,
35 Старший сын, барон,
Хоть не воин он,
Будет в орденах
И в больших чинах».
Шапки все долой со лба!
40 Честь маркизу Караба!

«Станем мирно жить...
Что?.. Я — подати платить?

Иль я мещанин?
Иль мужик? Я дворянин.
45 Есть вокруг замка вал,
Есть в нем арсенал...
Где префект ваш? С ним
Мы поговорим!»
Шапки все долой со лба!
50 Честь маркизу Караба!

«Мы за церковь мстим:
Сбор церковный разделим
Пополам. Народ
Все снесет, как вьючный скот.
55 Дичь — для нас в лесах;
Девки в деревнях...
Их мы брать не прочь
В первую их ночь».
Шапки все долой со лба!
60 Честь маркизу Караба!

«Поп, встречать иди!
Мне, как следует, кади!
Эй, пажы, псари!
Мужиков травы, пори!
65 Все из прав святых
Прадедов моих
Перешло вполне
По наследству мне».
Шапки все долой со лба!
70 Честь маркизу Караба!

346. Моя республика

Люблю республику, — не скрою —
Взглянув на стольких королей.
Хоть для себя ее устрою,
И сочиню законы ей.

5 Лишь пить считается в ней делом;
Один в ней суд — веселый смех;
Мой стол накрытый — ей пределом;
Ее девиз — свобода всех.

Друзья, придвиньтесь ближе к чашам!

10 Сенат наш будет заседать...
И первым же указом нашим
Нам скуку следует изгнать.
Изгнать? Нет, здесь произноситься
И слово это не должно.

15 Как может скука к нам явиться?
С свободой радость заодно.

Здесь роскоши не будет тени:
У ней ладов с весельем нет.

Для мысли — никаких стеснений,
20 Как Бахус дельный дал совет.
Пусть каждый верует, как знает,
И молится, как хочет сам;
Хоть у обедни пусть бывает...
Так говорит свобода нам.

25 Дворянство к власти все стремится:
О предках умолчим своих.
Здесь титулов нет, хоть отличится
Иной, и выпьет за троих.
А если злостная затея

30 Кому придет — стать королем,
Споимте Цезаря скорее;
Свободу этим мы споим.

Так чокнемтесь! Пусть год от году
Цветет республика у нас!

35 Но чуть ли мирному народу
Уж не ударил грозный час:
Лизета вновь нас призывает
Под иго страсти; как нейти!
Она здесь царствовать желает...

40 Свободе говори прости!

347. Паяц

- Паяцом быть родился я.
Отец, чтоб дать мне ходу,
Пинком спровадил в мир меня...
«Ломайся всем в угодую!
- 5 Хоть отрастил брюшко,
Но скачешь ты легко
И мастер кувыркаться.
Для всех, паяц, скачи!
- Разузнавать не хлопочи,
10 Пред кем пришлось ломаться!»
- Мать, снаряжая в путь сына,
Собственноручно сшила
Одежду мне из тюфяка.
«Он долго, — говорила, —
- 15 Служил мне. Делай в нем,
Что делала на нем
И я, чтоб пропитаться.
Для всех, паяц, скачи!
- Разузнавать не хлопочи,
20 Пред кем пришлось ломаться!»
- Мне скоро встретиться бог дал
С особой августейшей, —
И во дворце я место взял
Собачки околевшей.
- 25 Как начал я скакать, —
С собакой ли сравнять?..
Завистники косятся.
Для всех, паяц, скачи!
- Разузнавать не хлопочи,
30 Пред кем пришлось ломаться!
- Я сладко ел... Вдруг слух идет,
Что из дурного теста
Мой господин, и что займет
Законный это место.

- 35 Что ж! Тот меня кормил...
 И этот будет мил,
 Лишь надо постараться.
 Для всех, паяц, скачи!
 Разузнавать не хлопочи,
40 Пред кем пришлось ломаться!
- Лишь стал пред новым я скакать,
 Вдруг прежний воротился.
 Поестъ люблю я, — и опять
 Пред ним скакать пустился.
- 45 Но снова выгнан он,
 И новый сел на трон.
 С судьбою где ж тягаться!
 Для всех, паяц, скачи!
 Разузнавать не хлопочи,
50 Пред кем пришлось ломаться!
- Кто ни приди, мне все равно:
 Скакать для всех сумею.
 Зато пью славное вино,
 Ем сытно — и толстею.
- 55 Повсюду скакуны
 (Не все лишь так умны)
 У нас в краю плодятся.
 Для всех, паяц, скачи!
 Разузнавать не хлопочи,
60 Пред кем пришлось ломаться!

348. Моя душа

- Порой бокал свой осушая
 В веселом дружеском пиру,
 Грядущим дням не доверяя,
 Люблю я думать, как умру.
- 5 Мне грезятся предсмертные мгновенья,
 Хотя вокруг живые голоса...
 Душа моя! лети без сожаленья;
 С улыбкой вознесись на небеса.

10 Ты примешь образ серафима,
В сияньи станешь утопать,
И радостью невозмутимой
Там будет песнь твоя звучать.
Там встретишь мир: его благословенья
С земли спугнула наших войн гроза.
15 Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Пал под ударами невзгоды
Наш Илион, дививший свет.
Зачем свой жертвенник свободы
20 Он превратил в алтарь побед?
К нам нес Терсит обиды, оскорбленья
И наглость отвязавшегося пса.
Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

25 Найдешь ты в сферах над громами
Своих, умерших в добрый час:
Там сохранилось их знамя
От грязи, падавшей на нас.
С полубогами вступишь ты в общенье;
30 Тебе подвластна будет там гроза.
Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Свобода прочно основала
Свое господство в небесах.
35 Одна любовь лишь помогала
Мне в этом мире жить в цепях;
Но я боюсь ее исчезновенья:
У узника белеют волосы...
Душа моя! лети без сожаленья;
40 С улыбкой вознесись на небеса.

- Покинь мир горя и проклятий;
Луч света, в мир лучей лети!
Из женских сладостных объятий
На лоно бога перейди.
- 45 Отходной будет круговое пенье;
Рука друзей закроет мне глаза.
Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

349. Варварийский священный союз

- Провозглашен союз священный:
По воле неба неременной
Взаимный заключили мир
Тунис, Марокко и Алжир.
- 5 Царям их, доблестным корсарам,
Сулит он выгоды не даром.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!
- Цари, вступив в союз священный,
10 Решили с тонкостью отменной
Не делать порознь ничего:
«Будь двадцать против одного!»
К ним, несмотря на разность кожи,
Примкнет Христоф, как слышно, тоже.
- 15 Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!
- Нам всем велит союз священный
Его законы чтить смиренно:
Читать Бональда, Алкоран,
- 20 И, то что пишет граф Ферран.
Вольтер же — нет сомненья в этом —
У варварийцев под запретом.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

- 25 Французы! в их союз священный
Пошлемте, как залог бесценный,
Всех старых, новых цензоров,
Судей, чиновников, попов.
С такими верными слугами
- 30 Пойдет там лучше торг рабами.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!
- Коль усмотрел союз священный,
Что где-нибудь король почтенный
- 35 Свалился с трона, — вмиг на трон
Посажен будет снова он;
Но пусть заплатит все расходы
На сено, провиант, походы.
Цвети, тройной союз и мир!
- 40 Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

- При этом наш союз священный
Иметь желает непременно
Гребцов галерных, да немых:
Царям пиратам как без них?
- 45 Но для полнейшего их лада,
Народы, евнухов им надо.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

350. Мой уголок

- Мириться с светом — труд напрасный;
В свой уголок уйду мечтать.
Друзья, успел один несчастный
Из вашей каторги бежать.
- 5 В просторе, где мечтой блуждая,
Как бедуин свободен я.
Друзья, оставьте, умоляю,
Вы в уголке моем меня.

- Здесь цепи и права народа
10 Я смело на весы кладу;
Лью слезы по тебе, свобода, —
И предаю царей суду;
В грядущем всем предвозвещаю
Восход негаснущего дня.
15 Друзья, оставьте, умоляю,
Вы в уголке моем меня.

- Свой жезл мне здесь вручают феи
Творить добро, лечить печаль.
Готовя чудные трофеи,
20 Дворцы переношу я вдаль.
Кого на трон я помещаю,
Тому народ его — семья.
Друзья, оставьте, умоляю,
Вы в уголке моем меня.

- 25 Здесь мысль взлетает в мир надзвездный
Крылатым ангелом с земли...
Под нею в пламя адской бездны
Валяются наши короли.
Как верный сын родному краю,
30 Изъят один лишь из огня.
Друзья, оставьте, умоляю,
Вы в уголке моем меня.

- Здесь слышит бог мои желанья
Добра стране моей родной.
35 Уважьте же мои мечтанья;
Я свету вашему чужой.
Здесь музы берегут, я знаю,
Покой ночей моих и дня.
Друзья, оставьте, умоляю,
40 Вы в уголке моем меня.

351. Независимый

- Рабы тщеславия и моды,
Не вам кичиться предо мной:
Я независим; дар свободы
Мне бедность принесла собой.
- 5 Одной лишь ею вдохновляться
 Давно привыкла песнь моя.
Лизета только вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я, —
 Да, независим я.
- 10 Всем вашим рабским чужд наукам,
 Брожу я в свете дикарем.
 С веселостью и метким луком
 Ничьим не буду я рабом:
 Довольно стрел, чтоб защищаться,
- 15 Кует сатира для меня.
Одна Лизета вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я, —
 Да, независим я.
- 20 Для всех смешно, что в Лувре можем
 Мы услышать холопский хор
 Пред каждым царственным прохожим
 Чрез постоянный этот двор;
 А есть глупцы, что лирой тщатся
 Добыть подачку для себя.
- 25 Одна Лизета вправе улыбаться,
 Когда скажу, что независим я, —
 Да, независим я.
- 30 Не каждая ли власть есть бремя?
 Несносна доля королей:
 Держи чужую цепь все время.
 Их пленным, право, веселей. —
 Могу ль я властью увлекаться,
 Любовь ответит за меня.

Одна Лизета вправе улыбаться,
35 Когда скажу, что независим я, —
Да, независим я.

В ладу с судьбою, данной небом,
Иду, куда мне путь лежит;
Пою, богат насущным хлебом,
40 В надежде быть и завтра сыт.
День кончен: нечем сокрушаться,
Когда постель манит меня.

Одна Лизета вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я, —
45 Да, независим я.

Но Лиза, вижу я, готова,
Во всеоружьи красоты,
Надеть мне брачные оковы,
Рассеять гордые мечты.
50 Нет, нет! я не могу поддаться;
Мне воля дорога моя.
Будь Лиза вечно вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я, —
Да, независим я.

352. Добрая старушка

Увянешь ты, подруга дорогая, —
Состаришься; в могиле буду я:
Вдвойне мне дни погибшие считая,
Уходит жизнь. Переживи меня;
5 Не ведая ни скорби ни недуга,
Останься верным сердцем мне близка,
И доброю старушкой песни друга,
Как прежде, напевай у камелька.

Когда, найдя под старыми чертами
10 Следы воспетой мною красоты,
Тебя обступят юноши с словами:
«Кто этот друг, по ком горюешь ты?»

- Рассказывай им в тихий час досуга,
Как я любил, как жизнь была ярка,
15 И доброю старушкой песни друга,
Как прежде, напевай у камелька.
- Коль спросят: «Что тебе в нем было мило?»
«Его любила я», ты дашь ответ.
«И никогда в нем зла не находила?»
20 Ты с гордостью на это скажешь: «Нет!»
Припомни час среди родного круга:
Касалась нежно струн моя рука,
И доброю старушкой песни друга,
Как прежде, напевай у камелька.
- 25 Над Францией со мной лила ты слезы, —
И новым поколениям передай,
Что славы и надежд святые грезы
Я пел, чтоб утешать родной наш край.
Напоминай им, как жестоко вьюга
30 Губила лавры нашего венка,
И доброю старушкой песни друга,
Как прежде, напевай у камелька.
- Когда тебя обрадует порою
Молва о славе друга давних лет, —
35 Когда весной ты слабою рукою
Сорвешь цветок — украсить мой портрет,
Взор обращай в тот мир, моя подруга,
Где нас с тобой соединят века,
И доброю старушкой песни друга,
40 Как прежде, напевай у камелька.

353. Маркидантка

Я маркидантка полковая;
Я продаю, даю и пью
Вино и водку, утешая
Солдатскую семью.

5 Всегда проворная, живая...
Звени ты, чарочка моя!
Всегда проворная, живая, —
Солдаты, вот вам я!

Меня герои наши знали.
10 Ах, скольких гроб так рано взял!
Меня любовью осыпали
Солдат и генерал;
Добычей, славой наделяли...
Звени ты, чарочка моя!
15 Добычей, славой наделяли.
Солдаты, вот вам я!

Все ваши подвиги я с вами
Делила, поднося вам пить.
Победу — знаете вы сами —
20 Могла я освежить:
В бой снова шли вы молодцами...
Звени ты, чарочка моя!
В бой снова шли вы молодцами.
Солдаты, вот вам я!

25 Я с самых Альпов вам служила.
Мне шел пятнадцатый лишь год,
Как я вам водку подносила
В египетский поход.
Потом и в Вене я гостила...
30 Звени ты, чарочка моя!
Потом и в Вене я гостила.
Солдаты, вот вам я!

Была пора то золотая
Торговли и любви моей.
35 Жаль, мало в Риме пробыла я, —
Всего лишь восемь дней, —
У папы служек развращая...
Звени ты, чарочка моя!
У папы служек развращая.
40 Солдаты, вот вам я!

Я больше пользы оказала,
Чем пэр любой, родной земле:
Хоть дорогонько продавала
В Мадриде — и в Кремле;
45 Но дома даром я давала...
Звени ты, чарочка моя!
Но дома даром я давала.
Солдаты, вот вам я!

Когда была нам участь брани
50 Числом лишь вражьи́м решена,
Я вспомнила о славной Жанне:
Будь тем я, чем она,
Как побежали б англичане!
Звени ты, чарочка моя!
55 Как побежали б англичане.
Солдаты, вот вам я!

Коль старых воинов встречаю,
Которым довелось страдать
За службу их родному краю,
60 И выпить негде взять, —
Я цвет лица им оживляю...
Звени ты, чарочка моя!
Я цвет лица им оживляю.
Солдаты, вот вам я!

65 Награбив золота чужого,
Враги еще заплатят нам.
Наступит день победы снова, —
И ждать не долго вам!
Я прозвонить вам сбор готова...
70 Звени ты, чарочка моя!
Я прозвонить вам сбор готова,
Солдаты, вот вам я!

354. Изгнанник

- В кругу подруг веселых
Из девушек одна
Сказала: «В наших селах
Всем радостна весна.
- 5 Но между нами бродит
Пришелец, нам чужой,
И грустно песнь заводит
О стороне родной.
Как брата, примем, странника,
- 10 С любовью приютим,
Пусть будет для изгнанника
Наш край родным.
- Над быстрою рекою,
Что к Франции бежит, —
- 15 Поникнув головою,
Сидит он и грустит.
Он знает, эти воды
Туда спешат скорей,
Где зеленеют всходы
- 20 Его родных полей.
Как брата, примем странника,
С любовью приютим,
Пусть будет для изгнанника
Наш край родным.
- 25 Оплакивая сына,
Быть может, мать его
В ногах у властелина
Там молит за него;
А он, судьбой неправой
- 30 Покинут в грозный миг,
Бежит с своею славой
От зла земных владык.
Как брата, примем странника,
С любовью приютим,
- 35 Пусть будет для изгнанника
Наш край родным.

Он без приюта бродит
Среди чужих полей;
Но не везде ль находит
40 След доблести своей?
Как вся страна объята
Была у нас войной,
Здесь кровь его когда-то
Лилась за край родной.
45 Как брата, примем странника,
С любовью приютим,
Пусть будет для изгнанника
Наш край родным.

Когда от бурь военных
50 Наш бедный край страдал,
Он, слышно, наших пленных,
Как братьев, принимал.
Напомним время славы
Ему в печальный час;
55 Пусть он найдет забавы,
Найдет любовь у нас.
Как брата, примем странника,
С любовью приютим,
Пусть будет для изгнанника
60 Наш край родным.

Когда привет наш примет
И к нам он в дом войдет,
Свою котомку снимет,
Приляжет и заснет, —
65 Пусть свой напев любимый
Услышит он сквозь сон:
Наверно, край родимый
Во сне увидит он.
Как брата, примем странника,
70 С любовью приютим,
Пусть будет для изгнанника
Наш край родным.

355. Природа

- Богата негой жизнь природы,
Но с негой скорби в ней живут.
На землю черные невзгоды,
Потоки слез и крови льют.
- 5 Но разве все погибло, что прекрасно?
Шлют виноград нам горы и поля.
Течет вино, улыбки женщин ясны, —
И вновь утешена земля.
- 10 Везде потопа бушевали.
Есть страны, где и в наши дни
Людей свирепо волны гнали...
В ковчеге лишь спаслись они.
Но радуга сменила день ненастный,
И голубь с веткой ищет корабля.
- 15 Течет вино, улыбки женщин ясны, —
И вновь утешена земля.
- Готовя смерти пир кровавый,
Раскрыла Этна жадный зев.
Все зашаталось; реки лавы
- 20 Несут кругом палящий гнев.
Но, утомясь, сомкнулся зев ужасный;
Вулкан притих, и не дрожат поля.
Течет вино, улыбки женщин ясны, —
И вновь утешена земля.
- 25 Иль мало бедствий нас давило?
Чума несется из степей;
Как коршун, крылья распустила,
И дышит смертью на людей.
Но меньше жертв, — вольней вздохнул несчастный;
- 30 Идет любовь к стенам госпиталя.
Течет вино, улыбки женщин ясны, —
И вновь утешена земля.

Война! Затеян спор ревнивый
Меж королей, — и бой готов.
35 Кровь сыновей поит те нивы,
Где не застыла кровь отцов.
Но пусть мы к разрушению пристрастны,
Меч устает; мир сходит на поля.
Течет вино, улыбки женщин ясны, —
40 И вновь утешена земля.

Природу ли винить за грозы?
Идет весна, ее поем.
Благоухающие розы
В любовь и радость мы вплетем.
45 Как рабство после воли ни ужасно,
Но будем ждать, надежды всех дела.
Течет вино, улыбки женщин ясны, —
И вновь утешена земля.

356. Гроза

Резвитесь, дети, и играйте!
Ваш возраст — светлая весна;
Гроза вам не страшна.
Играйте, дети, — слез не знайте!
5 Надеждой даль ясна.

Вам любо отдыхать, малютки,
От скучной школы средь полей.
Как беззаботны ваши шутки!
Как рады воле вы своей!
10 Пусть бедный мир наш снова
Ждет бедствий и тревог,
Пусть гром ворчит сурово,
Плетите ваш венок.

Резвитесь, дети, и играйте!
15 Ваш возраст — светлая весна;

Гроза вам не страшна.
Играйте, дети, — слез не знайте!
Надеждой даль ясна.

По туче молния змеится;
20 Она ваш взгляд не привлекла.
Таясь в кустах, примолкла птица,
А ваша песня весела.
Что дню недолго тмиться,
Я верю, видя вас;
25 Свет скоро отразится
В лазури ваших глаз.

Резвитесь, дети, и играйте!
Ваш возраст — светлая весна;
Гроза вам не страшна.
30 Играйте, дети, — слез не знайте!
Надеждой даль ясна.

Отцы ли ваши не страдали!
Они, в виду измены злой,
Одной рукой оковы рвали,
35 Другой дрались за край родной.
Их честь не запятналась
Паденьем роковым.
Вам слава их осталась;
В ней было счастье им.

40 Резвитесь, дети, и играйте!
Ваш возраст — светлая весна;
Гроза вам не страшна.
Играйте, дети, — слез не знайте!
Надеждой даль ясна.

45 При трубных похоронных звуках
Родиться присудил вам рок;
Вам возвестил о наших муках
Сам враг, трубя в свой медный рог.

Еще гревели сшибки
50 С врагом. Он плен к нам нес,—
И ваших уст улыбки
Мы видели сквозь слез.

Резвитесь, дети, и играйте!
Ваш возраст — светлая весна;
55 Гроза вам не страшна.
Играйте, дети, — слез не знайте!
Надеждой даль ясна.

Вы совладеете с грозами,
В которых истожились мы:
60 Блеск молний, вившихся над нами,
Нас озарил среди нашей тьмы.
Пусть тучи тяготеют,
И прежний страх в нас жив, —
Для вас в грядущем зреют.
65 Посевы наших нив.

Резвитесь, дети, и играйте!
Ваш возраст — светлая весна;
Гроза вам не страшна.
Играйте, дети, — слез не знайте!
70 Надеждой даль ясна.

Гроза, о дети, недалеко:
За молнией снова грянул гром.
Вас не страшат угрозы рока;
Но я — я стал уж стариком.
75 Быть может, под громами
Я песнь не допою...
Украсите ль цветами
Могилу вы мою?

Резвитесь, дети, и играйте
80 Ваш возраст — светлая весна;
Гроза вам не страшна.
Играйте, дети, — слез не знайте!
Надеждой даль ясна.

357. Навуходоносор

Библейские сюжеты в моде.
Попробую воспеть я в оде
Царя, что стал быком (тогда
Довольно новая черта).

- 5 Все при дворе в восторге были;
Торговцы лестью возгласили,
Слиясь в один хвалебный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

- Царь замычал. «Ах, как прекрасно!
10 О государь, взгляните ясно!»
Ему твердят, клоня главы:
«В Египте богом были б вы.
Как без рогов, так и с рогами
Вам можно чернь топтать ногами».
15 Гласи же громче, верный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

- Царю пришлось по нраву стойло;
И корм понравился, и пойло.
«Чем», — думал, — «я не божество?»
20 Глупцы острили за него, —
И есть в одной из дедикаций,
Что им проглочен весь Гораций.
На арфах грянь, согласный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

- 25 «Совет министров собирался;
Царь вместе с ними занимался —
И не дремал, хотя зевал»,
Халдейский извещал журнал.
А царедворцы со слезами:
30 «Не царь, отец нам дан судьбами!»
На арфах грянь, согласный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Когда он вынюхал весь ладан,
Ему урок был тяжкий задан:
35 Поповский и дворянский род,
Чтоб лучше жать и мять народ,
Царя — коль верить старой были —
К себе в оглобли заложили.
На арфах грянь, согласный хор:
40 «Ура, Навуходоносор!»

Не снес народ, — царя сгоняет;
Другому (хуже?) власть вручает.
А двор, не долго говоря,
На вертел падшего царя.
45 Да и попы (прости им, боже!)
Весь пост им лакомились тоже.
На арфах грянь, согласный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Певцы, за деньги нанятые,
50 Творцы трагедий покупные!
Возьмитесь-ка за мой сюжет:
В цензуре вам препятствий нет.
Чтоб возле трона подслужиться,
Подчас и библия годится.
55 На арфах грянь, согласный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

358. Прощанье с полями

Как кротко-ласково осеннее светило!
Как блеклый лес шумит и в глубь свою зовет!
Уже надежды нет, чтоб ненависть простила
Мои напевы мне и смелый их полет.
5 Здесь навещал меня мечтаний рой прекрасный,
Здесь слава мне порой шептала свой обет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

- Зачем не пел я так, как птица меж ветвями?
10 Как был бы волен здесь я с песнею своей!
Но родина моя — унижена врагами —
Клонила голову под иго злых людей:
Стихами колкими я мстил за край несчастный
Лишь для стихов любви преследований нет.
15 О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

- Их ярость скудных средств меня уже лишила;
Теперь грозят судом веселости моей.
Святою маскою их злость лицо покрыва:
20 Заставлю ль их краснеть я прямою своей?
Пред божествами лжи преступник я опасный;
Пред богом истины вины за мною нет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

- 25 Величье наше пел я над его могилой,
О славе вспоминал в надгробной песне я;
Но — неподкупная — перед победной силой
Убийства государств хвалила ль песнь моя?
Когда давал ты, лес, мне свой приют прекрасный,
30 Империю ль я пел? Ее ли солнце? Нет!
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

- Надеясь мне нанести позор и унижение,
Пусть цепи для меня вымеривает суд!
35 В цепях и Франция. Оковы, заточенье
В ее глазах венец моим стихам дадут.
Пусть за окном тюрьмы мерцает день ненастный:
Мне слава принесет свой радующий свет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
40 Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

Не наведишь ли ты мой угол, Филомела?
Когда-то от царя терпела горе ты...
Пора: тюремщик ждет; ему так много дела!
Прощайте, нивы, лес, долины и цветы!
45 Готовы цепи мне; но я душою страстной
Свободе гимн пою, храня ее завет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

359. Свобода

Лишь тронул цепь рукою,
Погасла страсть моя:
Свободу всей душою
Возненавидел я.
5 Что за свобода!
К чему свобода!

Давнишней верен роли.
Наш мудрый Трибунал
Мне рабства и неволи
10 Законность доказал.
Что за свобода!
К чему свобода!

Ей не дожидаться ярых
Моих стихов, — о, нет!
15 Она в пеленках старых
Доныне держит свет.
Что за свобода!
К чему свобода!

От дерева цивилизма
20 Осталась нам одна
Дубина деспотизма, —
И не легка она.
Что за свобода!
К чему свобода!

25 Нигде ей нету хода:
Сам Тибр не разберет
Пот вольного народа
От папских нечистот.
Что за свобода!
30 К чему свобода!

Кто смысл имеет ясный
И хочет рассуждать,
Тот каторжник несчастный,
Посмевающий бунтовать.
35 Что за свобода!
К чему свобода!

Как милы мне оковы
И сторожа мои.
Пусть этот клич мой новый
40 Снесут и в Лувр они:
Что за свобода!
К чему свобода!

360. Тень Анакреона

«Мы победили!» молвил юный грек
Кладя венки на свежие могилы.
«Покиньте Стикс! Мы повторим ваш век,
О полубоги, древних дней светилы!»
5 И пред собой в лучах утра
Он видит призрак, слышит пенье:
«Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!
10 «Мне жизнь была, о греки, сладкий сон
При ваших предках, гнавших прочь печали.
Когда на их пирах Анакреон
Им пел любовь, они цепей не знали.

15 Душе, не жаждущей добра,
Чужда любовь и вдохновенье.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

«Все так же к небесам летит орел;
20 Песнь соловья полна все так же чувства...
А где же ваш, о греки, ореол:
Законы, слава, боги и искусства?
Природа так же все щедрa;
А пир ваш глух и нем без пенья.
25 Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

«Иди же, грек, сражаться, побеждать!
Рви цепь свою! Проснулся страх в тиранах,
30 Недолго будет варвар сладко спать
На ложе роз твоих благоуханных.
Недолго с данью серебра
Ему брать дев на унижение.
Пора на родину, пора,
35 Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

«Довольно, греки, потуплять глаза,
Довольно вам краснеть пред древней славой!
Помогут правой мести небеса,
40 Вернется слава... Мчитесь в бой кровавой!
И почва будет вновь щедрa:
Ей кровь тиранов — удобренье.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
45 Пора!

«Берите у соседей только меч;
Их рук не нужно, скованных цепями.
Гром Зевса будет с вами в вихре сеч!
Звезда Киприды всходит над полями;

- 50 Вин искрометная игра
 Ждет победивших из сраженья.
 Пора на родину, пора,
 Дитя Свободы, Наслаждение!
 Пора!»
- 55 Исчезла тень певца. Свой тяжкий плен
 Клянут грозней, с мечом в руках, эллины.
 Дрожат надеждой камни ваших стен,
 Коринф и Фивы, Спарта и Афины!
 Тьму ночи гонит свет утра, —
- 60 И ваших дев нам слышно пенье:
 «Пора на родину, пора,
 Дитя Свободы, Наслаждение!
 Пора!»

361. Богиня

К женщине, олицетворявшей свободу на одном
из празднеств Революции

- Тебя ль я видел в блеске красоты,
Когда толпа твой поезд окружала,
Когда бессмертною казалась ты,
Как та, чье знамя ты в руке держала?
- 5 Ты прелестью и славою цвела;
Народ кричал: «Хвала из рода в роды!»
Твой взор горел: богиней ты была,
 Богиней Свободы.
- Обломки старины топтала ты,
10 Окружена защитниками края;
И пели девы, — сыпались цветы, —
Порой звучала песня боевая.
Еще дитя, узнал я с первых дней
Сиротский жребий и его невзгоды, —
- 15 И звал тебя: «Будь матерью моей,
 Богиня Свободы».

Что темного в эпохе было той,
 Не понимал я детскою душою,
 Боясь лишь одного, чтоб край родной
 20 Не пал под иноземною рукою.
 Как все рвалось к оружию тогда!
 Как жаждало военной непогоды!
 О, возврати мне детские года,
 Богиня Свободы!

25 Чрез двадцать лет опять уснул народ,—
Вулкан, потухший после изверженья;
Пришелец на весы свои кладет
И золото его и униженье.
Когда — в пылу надежд, для красоты
30 Мы воздвигали жертвенные своды,
Лишь грезой счастья нам явилась ты,
Богиня Свободы!

Ты ль это, божество тех светлых дней?
 Где твой румянец? Гордый взгляд орлицы?
 35 Увы! не стало красоты твоей.
 Но где же и венки и колесницы?
 Где слава, доблесть, гордые мечты.
 Величие, дивившее народы?
 Погибло все — и не богиня ты,
 40 Богиня Свободы!

362. Ласточки

В плену у племени чужого,
Гляжу с тоской в окно тюрьмы.
Явились, ласточки, вы снова
Из дальних стран, боясь зимы.
5 Не прилетела ль ваша стая
Сюда к теплу, сюда к весне
Из моего родного края?
Ах, не о родине ль щебечете вы мне?

Три года я молю в неволе
10 Вас побывать в долине той,
Где мирно жил я в тихой доле,
Надеждой тешась молодой.
У речки, где листвою темной
Сирени клонятся к волне,
15 Вы не видали ль домик скромный?
Не о долине ль той щебечете вы мне?

Быть-может, родилась иная
Из вас под кровлей, мне родной.
Что мать моя? Лежит больная,
20 И все-то сына ждет домой,
Все не дождется... «Кто-то скачет!
Не он ли это на коне?»
Послушает, — потом поплачет.
Не о любви ль ее щебечете вы мне?

25 Что, не при вас ли выдавали
В замужство младшую сестру?
Вы громких песен не слыхали
У ней на свадебном пиру?
Что сверстники мои, со мною
30 Служившие в святой войне?
Вернулся ль кто из них из бою?
Не о друзьях ли весть щебечете вы мне?

По теплым трупам их, быть-может,
В долину нашу враг идет;
35 Покой сестры моей тревожит,
Свой произвол в наш дом несет.
В могиле спит моя родная, —
И всюду цепи на земле.
О, ласточки родного края!
40 Не о его ль скорбях щебечете вы мне?

363. Узник

«Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!»

5 Так узник пел из-за решетки
Тюремной башни над водой:
Он видел, — каждый день на лодке
Являлась дева под стеной.

«Царица волн, ты будишь чудным пеньем
10 Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

«Я молод; тяжки эти своды.
В тьме заточенья своего,
15 Что день, страстнее — как свободы —
Я жду явления твоего.

«Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
20 Горит залив. Плыви, царица волн!

«Твой милый образ отражает
С любовью зеркало волны.
О, что твой парус направляет?
Любовь? Иль только дух весны?

25 «Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

30 «Надеждой веет надо мною...
Меня рука твоя спасет!
Освобожденного тобою
Везде с тобою счастье ждет.

«Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
35 В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

«Ты легкий челн свой замедляешь, —
И слезы у тебя в глазах...
Но, как надежда, ускользаешь
40 Ты вновь, — и я умру в цепях.

«Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

45 «Меня схоронят эти своды...
Но нет, —ты машешь мне рукой.
Светило жизни и свободы
Заблещет завтра надо мной!

«Царица волн, ты будишь чудным пеньем
50 Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!»

364. Смерть Сатаны

Чтоб просветить моих собратий,
Я чудо расскажу для них:
Его свершил святой Игнатий,
Патрон всех остальных святых.

5 Он шутой, ловкой для святого,
(В другом была б она гнусна),
Устроил смерть для духа злого, —
И умер, умер Сатана!

Святой обедал. Бес явился:

10 «Пьем вместе, или тотчас в ад!»
Тот очень рад; но изловчился
Влить в рюмку освященный яд.
Бес выпил. В пот его кидает;
Упал он; жжет его с вина.

15 Как еретик, он издыхает...
Да, умер, умер Сатана!

Монахи взвыли в сокрушение:

«Он умер! пал свечной доход.

Он умер! за поминовенье

20 Никто гроша не принесет».
В конклаве все в унынье впали...
«Погибла власть! прощай казна!
Отца, отца мы потеряли...
Ах, умер, умер Сатана!

25 «Лишь страх вселенной управляет:

Он сыпал нам свои дары.

Уж нетерпимость угасает;

Кто вновь зажжет ее костры?

Все ускользнут из нашей лапы,

30 Всем будет Истина ясна,
Бог станет снова выше папы...
Ах, умер, умер Сатана!»

Пришел Игнатий: «Я решился

Его права и место взять.

35 Его никто уж не страшился;

Я всех заставлю трепетать.

Откроют нам карман народный

Убийство, воровство, война.

А богу то, что нам негодно, —

40 Хоть умер, умер Сатана!»

И все кричат: «В беде суровой
Спасенье нам в его руках!»
Своею рясой орден новый
Внушает даже небу страх.
45 Там ангелы поют в смущеньи;
«Как участь смертного темна!
Ад у Игнатя во владеньи...
Ах, умер, умер Сатана!»

365. Негры и куклы

В продажу негров через море
Вез португальский капитан.
Они, как мухи гибли с горя.
Ах, чорт возьми! какой изъян!
5 «Что» — говорит он им, — «грустите?
Не стыдно ль? Полно хмурить лбы!
Идите, кукол посмотрите;
Рассейтесь, милые рабы».

Чтоб черный люд не так крушился,
10 Театр воздвигли подвижной, —
И вмиг Полишинель явился.
Для негров этот нов герой;
В нем все им странно показалось.
Но — точно — меньше хмурят лбы;
15 К слезам улыбка примешалась.
Рассейтесь, милые рабы.

Пока Полишинель храбрился,
Явился страж городской
Тот палкой хватъ — и страж свалился.
20 Пример расправы не дурной!
Смех вырвался из каждой груди;
Забыты цепи, гнет судьбы:
Своим бедам неверны люди.
Рассейтесь, милые рабы.

25 Тут чорт на сцену выступает,
Всем мил своею чернотой.
Буяна в лапы он хватает...
К веселью повод им другой!
Да, *черным* кончена расправа;
30 Он стал решителем борьбы.
В оковах бедным снится слава.
Рассейтесь, милые рабы.

Весь путь в Америку, где ждали
Их бедствия еще грозней,
35 На кукол глядя, забывали
Рабы об участи своей. —
И нам, когда цари боятся,
Чтоб мы не прокляли судьбы,
Давать игрушек не скупятся:
40 Рассейтесь, милые рабы.

366. Камин в тюрьме

Мне взаперти так много утешений
Дает камин! Лишь вечер настает,
Здесь греется со мною добрый гений,
Беседует и песни мне поет.
5 В минуту он рисует мир мне целый,
Леса, моря, в углях среди огня.
И скуки нет: вся с дымом улетела.
О добрый гений, утешай меня!

Он в юности дарил меня мечтами;
10 Мне, старику, поет о юных днях.
Он кажет мне перстом между дровами
Большой корабль на вспененных волнах.
Вдали пловцам уж виден берег новый
В сиянии тропического дня.
15 Меня же крепко держат здесь оковы.
О добрый гений, утешай меня!

А это что? Орел ли ввысь несется
Измеривать путь солнечных лучей?
Нет, это шар воздушный... Вымпел вьется;
20 Я вижу лодку, — человека в ней.
Как должен он жалеть, взносясь над нами,
Дыша всей грудью вольным светом дня,
О людях, обгороженных стенами.
О добрый гений, утешай меня!

25 А вот Швейцария... ее природа...
Озера, ледники, луга, стада...
Я мог бежать: я знал — близка невзгода;
Меня свобода кликала туда,
Где эти горы гордо громоздятся
30 В венцах снегов. Но был не в силах я
От Франции душою оторваться.
О добрый гений, утешай меня!

Вот и опять переменялась сцена...
Лесистый холм, знакомый небосклон...
35 Напрасно шепчут мне: «Согни колена, —
И мы тюрьму otvorим; будь умен».
На зло тюремщикам, на зло оковам,
Ты здесь, — и вновь с тобою молод я...
Я тешусь каждый миг виденьем новым...
40 О добрый гений, утешай меня!

367. Четырнадцатое июля

Как память детских дней отрадна в заточеньи!
Я помню этот клич, во всех устах один:
«В Бастилью, граждане! к оружию! отмщенье!»
Все бросилось — купец, рабочий, мещанин.
5 То барабан бил сбор, то пушка грохотала...
По лицам матерей и жен мелькала тень.
Но победил народ; пред ним твердыня пала.
Как солнце радостно сияло в этот день,
В великий этот день!

10 Все обнимались, все — и нищий и богатый;
Рассказ чудесных дел средь женщин не смолкал.
Вот криком радостным все встретили солдата:
Герой осады он, — народу помогал.
С любовью Ла-Файетт, я слышал, поминался;
15 Король же... вокруг него черней сгущалась тень.
Свободна Франция!.. Мой разум пробуждался..
Как солнце радостно сияло в этот день,
В великий этот день!

Назавтра был я там: уж замок с места срыли.
20 Среди развалин мне сказал седой старик:
«Мой сын, здесь произвол и деспотизм душили
Народный каждый вопль, народный каждый крик.
Для незащищенных жертв им мест не доставало..
Изрыли землю всю: то яма, то ступень.
25 При первом натиске, шатаясь, крепость пала.
Как солнце радостно сияло в этот день,
В великий этот день!

«Свобода, древняя, святая бунтовщица,
Вооруженная обломками желез,
30 Зовет — торжественно над нами воцариться —
Святое Равенство, сестру свою, с небес.
Они своих борцов уж выслали насилью:
Для громов Мирабо, двор — хрупкая мишень.
Народу он кричит: — Еще, еще Бастилью! —
35 Как солнце радостно сияло в этот день,
В великий этот день!

«Где мы посеяли, народы пожинают.
Десятки королей, заслышав наш погром,
Дрожа свои венцы плотнее нажимают;
40 Их подданные нас приветствуют тайком.
Отныне светлый век — век прав людских — начнется,
Всю землю обоймет его святая сень.
Здесь новый мир в пыли развалин создается.
Как солнце радостно сияло в этот день,
45 В великий этот день!»

Уроки старика я живо вспоминаю;
И сам он как живой встает в уме моем.
Но через сорок лет я этот день встречаю —
Июльский славный день — в темнице за замком.
50 Свобода! голос мой, и преданный опале,
Звучит хвалой тебе. — В окне редет тень...
И вот лучи зари в решетках засверкали...
Как солнце радостно выходит в этот день,
В великий этот день!

368. Рыжая Жанна

- Двухлетний сын ей обвил шею
Из-за спины; в руках другой;
А третий, старший, рядом с нею
Бежит, изыбший и босой.
- 5 Отца застигли так неожиданно!
Он за решеткой, за замком.
Что будет с бедной рыжей Жанной?
Взят браконьер в лесу с ружьем.
- Я знал ее довольной, ясной,
10 Видал за чтением, за иглой.
В селе казалась всем прекрасной
Она своею добротой.
Я руку ей с отрадой страстной
Жал часто в танце круговом.
- 15 Что будет с бедной рыжей Жанной?
Взят браконьер в лесу с ружьем.
- К ней фермер сватался, мы знали.
Богатый, с нею лет одних.
Но Жанну рыжей называли,
20 Смеялись, — и отстал жених.
Не он один... От бесприданной
Шли прочь жених за женихом.
Что будет с бедной рыжей Жанной?
Взят браконьер в лесу с ружьем.

25 «Будь мне женой», — сказал бездомный;
«Ты мне и рыжая мила.
С ружьем не страшен лес нам темный,
Хоть рыщет стража без числа,
Постель в траве лесной поляны
30 Благословить — попа найдем».
Что будет с бедной рыжей Жанной?
Взят браконьер в лесу с ружьем.

Любить, быть матерью — все звало
Ее давно. Пошла она
35 И в горькой радости рожала
Три раза, в тьме лесной одна.
Малютки бодры и румяны,
Как почки на цветке лесном.
Что будет с бедной рыжей Жанной?
40 Взят браконьер в лесу с ружьем.

Что за любовь у ней святая
В улыбке доброго лица!
Она твердит, детей лаская:
«Черноволосы, — все в отца».
45 Ее улыбкою неожиданной
Мрак озарится пред отцом.
Что будет с бедной рыжей Жанной?
Взят браконьер в лесу с ружьем.

369. Старик-бродяга

Я стар и хил; здесь у дороги
Во рву придется умереть.
Пусть скажут: «Пьян, — не держат ноги».
Тем лучше, что меня жалеть?
5 Один мне в шапку грош кидает;
Другой, и не взглянув, идет.
Спешите! Пир вас ожидает.
Старик-бродяга и без вас умрет.

- От старости я умираю!
10 Не умер с голоду. Я ждал —
Хоть при смерти покой узнаю.
Да нет, — в больницу не попал.
Давно везде народ набился;
Все нет ему счастливых дней!
- 15 Я здесь, на улице родился,
Старик-бродяга, и умру на ней.
Я смолоду хотел трудиться,
Но слышал в каждой мастерской;
«Не можем сами прокормиться;
20 Работы нет. Иди с сумой!»
У вас, твердивших мне о лени,
Сбирал я кости по дворам
И часто спал на вашем сене.
Старик-бродяга благодарен вам.
- 25 Приняться мог за воровство я;
Нет, лучше по миру собирать.
Дорогой яблоко чужое
Едва решался я сорвать.
Но двадцать раз меня сажают
30 В острог, благодаря судьбе;
Одно, что было, отнимают:
Старик-бродяга, солнца нет тебе!
- Отечества не знает бедный!
Что в ваших тучных мне полях?
35 Что в вашей славе мне победной,
В торговле, в риторских борьбах?
Когда врагу ваш город сдался,
Поил-кормил гостей чужих,
С чего слезами обливался
- 40 Старик-бродяга над подачкой их?
Что, люди, вы не раздавили
Меня, как вредного червя?..
Нет лучше б во-время учили,
Чтоб мог полезен стать и я.

- 15 Я был бы не червем, пчелою...
Но от невзгод никто не спас.
Я мог любить вас всей душою;
Старик-бродяга проклиняет вас!

370. Оранг-утанги

- Оранг-утанги (так в Езопе
Читал я) славились в Европе
Речами, — и от них идет
Всех адвокатов наших род.
- 5 Их предок раз в ученом пренье
Сказал: «В науке твердо мнение,
Что люди всех веков и стран
Лишь обезьянят обезьян.
- «Не нам ли следуя вначале,
10 Они копить запасы стали?
Не нам ли довелось учить
Их, с палкой выпрямись, ходить?
Не действуют ли в нашем вкусе
Они и с небом, сильно труся?
- 15 Да, люди всех веков и стран
Лишь обезьянят обезьян.
- «Любовь их — наши же интрижки...
Но нам всегда верны мартышки.
Им было более под стать
- 20 Бесстыдство наше перенять.
От нас их Диоген великий
Усвоил образ жизни дикий.
Да, люди всех веков и стран
Лишь обезьянят обезьян.
- 25 «Не нам ли люди подражали,
Когда и войско создавали?
Какой не знал оранг-утанг,
Что правый фланг, что левый фланг?

- У нас и до паденья Трои
30 Считались сотнями герои.
Да, люди всех веков и стран
Лишь обезьянят обезьян.
- «Копье ль, дубину ль, шпагу ль в руки,
Лишь бей!.. Прекрасней нет науки, —
35 И мы ее преподаем.
А человек вдруг стал царем!
Где ж, боги, правосудье ваше?
Ведь образ ваш — подобье наше.
Да, боги, человек всех стран
40 Лишь обезьянит обезьян».

- Досадно слушать Зевсу стало.
«Вся тварь мне уши прокричала,
Что человек мой очень туп
И неискусен. Да, он глуп, —
45 Зато мне лесть всегда готова.
А вы?.. Отнять у них дар слова!
А люди всех веков и стран
Пусть обезьянят обезьян!»

371. Безумцы

- Мы, как солдаты для парада,
По струнке чинно в ряд стоим;
А выйдет человек из ряда,
«Безумец» — хором закричим.
5 Его тиранят, убивают;
Потом, подумав век, другой,
Ему статую воздвигают,
И им гордится род людской.

- Как бесприданная невеста,
10 Идея долго мужа ждет.
Глупец кричит: «ты не у места!»
А умник: «не кажись в народ».

Но, с верой в будущность, находит
Ее безумец, и с собой
15 На свет из сумрака выводит,
Чтоб осчастливить род людской.

Я знал пророка Сен-Симона.
Он был богат, и нищим стал;
Но слово нового закона
20 Провозглашать не уставал.
Чтоб дать ему осуществленье,
Старик был рад итти с сумой;
Он верил, что его ученье
От зла избавит род людской.

25 Фурье нас звал: «Свою дремоту
Покинь, обманутый парод!
Сомкнись в фаланги; за работу!
Тебя в ней наслажденье ждет.
Конец бедам! Земля вступила
30 В союз небес; разумный строй,
Согласно движущий светила,
Миротворит и род людской».

Цепь с женщин Анфантен снимает,
И к нашим их зовет правам.
35 «Безумцы!» всякий восклицает,
«Они смешны все трое нам».
Но кто же к счастью нас направит?
А счастья молим мы с тоской.
Хвала безумцу, коль заставит
40 О нем погрезить род людской.

Кто новый свет нам открывает?
Безумец, возбуждавший смех.
Толпа безумца распинает;
Распятый богом стал для всех.

45 Да, если б над землей смущенной
Не встало утро чередой,
Безумец факел бы зажженный
Тебе принес, о род людской!

372. Конец стихам

Конец стихам, как ни кипит желанье!
Старинной силы в рифмах нет моих.
Теперь мне школьник страшен в состязанье,
По пальцам составляющий свой стих.
5 Когда, как встарь, мой голос починает
Беседу с сердцем в глубине лесов,
Родной их шум мне прозой отвечает...
Меня покинул светлый дар стихов.

Конец стихам! Как осенью глухою
10 Поселянин в увядший сад идет
И смотрит: под последнею листвою
Не притаился ль где забытый плод?
Так я хожу, ищу. Но все увяло;

На дереве ни листьев, ни плодов;
15 Корзины не наполнить, как бывало...
Меня покинул светлый дар стихов.

Конец стихам! Но я душой внимаю
Зов бога к вам, поникшие сердца:
«Воспрянь, народ! Тебя провозглашаю
20 Отныне я наследником венца!»
И радостен и полон веры ясной,
Тебе, народ-дофин, я петь готов
О милости и кротости... Напрасно!
Меня покинул светлый дар стихов.

373. Муравьи

Муравейник весь в движении;
Все шумит, кричит, снует.
Войско в сборе к выступленью;
Царь ведет его в поход.

5 Полководец горячится,
Возглашая храбрецам:
«Целый мир нам покорится!
Слава, слава муравьям!»

Войско в марше достигает
10 До владений гордой тли,
Где былинка вырастает
Из-за камня, вся в пыли.
Царь командует: «Смелее!
С нами бог — и смерть врагам!»
15 Молодцы, ударь дружнее!
Слава, слава муравьям!»

Есть у тли свои герои
Для свершенья славных дел:
Все помчалось в вихорь боя.
20 Сколько крови, мертвых тел!
Наконец — хоть храбро билась —
Тля бежит по всем углам.
Участь варваров свершилась!
Слава, слава муравьям!

25 Двое старших адъютантов
Сочинили бюллетень,
Днем сражения гигантов
В нем был назван этот день.
Край разграбить покоренный
30 Остается молодцам.
Что трухи тут запасенной!
Слава, слава муравьям!

Вот — под аркой из соломы,
Триумфальный вьется ход,
35 Чернь, работавшая дома,
Натошак «ура» ревет.

Местный Пиндар в громкой оде
Всем другим грозит врагам
(Оды были очень в моде):
40 Слава, слава муравьям!

Он еще не кончил слова
Пред восторженной толпой,
Как нечаянно корова
Залила их всех мочой.
45 Лишь какой-то Ной остался...
«Океан на гибель нам, —
Говорит он, — разливался!»
Слава, слава муравьям!

В пиитическом паренье
50 Бард гласит: «Сквозь тьму времен
Вижу мира обновление;
Муравьи, ваш данник он!
И когда земного шара
Все края сдадутся нам,
55 Ты, о небо, жди удара!
Слава, слава муравьям!»

374. Апостол

«Куда ты, Павел?» — В мир несу спасенье.
Нам богом дан закон любви.
«Апостол, отдохни мгновенье!
Устал ты, — ноги все в крови».
5 — Нет, нет; я в мир несу спасенье.
Нам богом дан закон любви. (2 раза)

«Куда ты, Павел?» — Проповедать людям
Весть мира, братства, правоты.
«Останься с нами; вместе будем
10 Жить для наук и красоты».
— Нет; я иду поведать людям
Весть мира, братства, правоты. (2 раза)

«Куда ты, Павел?» — Со стези неправой
Направить души в путь прямой.
15 «Светлей всего дорога славы.
Коль хочешь славы, с нами пой!»
—Нет; я иду с тропы неправой
Направить души в путь прямой. (2 раза)

«Куда ты, Павел?» — Благовестие бога
20 В селенья скудные несу.
«Страшись! Трудна туда дорога:
В горах злодеи, зверь в лесу».
—Нет; я благословенье бога
В селенья скудные несу. (2 раза)

25 «Куда ты, Павел?» — В города, пороки
Искоренить во всех сердцах.
«Страшись. Насмешки там жестоки,
И много зла кипит в страстях».
—Нет; я иду туда — пороки
30 Искоренить во всех сердцах. (2 раза)

«Куда ты, Павел?» — К бедным и несчастным;
Сказать им: бог один велик!
«Ты бич вручишь врагам всевластным,
И сгубит бедных твой язык».
35 —Нет; я иду сказать несчастным
И бедным: бог один велик! (2 раза)

«Куда ты, Павел?» — На побережья моря,
Дрожащих ободрять друзей.
«Как! ни года, ни труд, ни горе
40 Не потрясли души твоей?»
—Нет; я иду к побережьям моря,
Дрожащих ободрять друзей. (2 раза)

«Куда ты, Павел?» — Высказать все прямо
Гнетущим свой народ царям.
45 «Страшись! За горстку фимиама

Ты будешь выдан их жрецам». —Нет, выскажу я правду прямо
Гнетущим свой народ царям. (2 раза)

50 «Куда ты, Павел?» — В суд; свое ученье
Перед судьями возгласить.
«Смягчи уступкой обвиненье,
Хитрей старайся говорить».
—Нет; я иду свое ученье
Перед судом провозгласить. (2 раза)

55 «Куда ты, Павел?» — Я несу на плаху
Седую голову свою.
«Лишь слово дай промолвить страху —
И старость озлатят твою».
—Нет, нет, я понесу на плаху
60 Седую голову свою. (2 раза)

«Куда ты, Павел?» — В тихой сени рая
По трудном отдохнуть пути.
«И жизнь и смерть твоя святая
Примером будет нам. Прости!»
65 — В небесной, тихой сени рая
По трудном отдохну пути. (2 раза)

375. Прощание

Прости, прости, о Франция родная!
Мой смертный час, я чувствую, пробил;
Но я пою тебя и умирая;
Кто так любил, как я тебя любил?
5 Я пел тебя ребенком, до науки;
Вот смерть меня готова унести,
Чуть дышит грудь, но в ней все те же звуки,—
За всю любовь пролей слезу. Прости!

- Когда врагов гнели тебя союзы,
10 И грудь твою разили десять стран,
Не я ль щипал на корпию их узы
И лил бальзам для язв твоих и ран?
Из праха ты восстала в полном цвете,
Чтоб с торжеством из века в век расти:
15 Ты, мысль свою посеяв в целом свете,
Пожнешь и плод: он в равенстве. Прости!
- И мнится мне, что я среди могилы.
О призри тех, кто мил душе моей!
Ведь это — долг: твой голубь легкокрылый
20 Не брал зерна с отеческих полей.
Но бог зовет! Чтоб сердца стон и пламень
Твоим сынам до сердца довести,
Я поддержал на миг могильный камень;
Увы, нет сил! Он падает... Прости!

376. Залоги

Арабская сказка

- Ах, что за добрая душа
Был Бен-Исса в Бассоре!
Но раз встает он, — ни гроша, —
Друзей любил, — вот горе!
5 Бен завтра по-миру пойдет
Винить судьбу-злодейку;
Сегодня ж нищему дает
Последнюю копейку.
- Тому лет триста это был
10 Век духов и видений,
Иссу же Мок тогда любил, —
Зеленоглазый гений.
Но Мок хитер: все, дескать, дам,
Чтоб Бен стал равен Крезу,
15 Пусть только все дает друзьям,
Придись хоть до зарезу.

- Что Бену Моковы дары?
Спасет друзей услуга;
Но пуст кошель, — прошли пиры,—
20 И нет у Бена друга.
Один Малек приходит вновь:
«Ах, Бен, я должен кади
Червонцев десять кошельков...
Достань их, бога ради!..
- 25 Быть-может, Мок на этот раз
Окажет нам услугу!»
И Бен кричит: «Зеленый глаз,
Явись на помощь другу!»
«Я из жидов! — воскликнул Мок: —
30 Дам денег, но, ей-богу,
Возьму хоть ухо, глаз в залог,
Зуб, руку или ногу.
Я все беру без ран и мук;
За нужную же ссуду
- 35 Твоих зубов дай восемь штук —
И я доволен буду!»
«Как? восемь? — Стало, все, что есть!
Кто ж всех зубов лишится?»
«Эх, Бен! Ведь ты любил поесть,
40 Теперь пора поститься...
Присядь-же!..» Крак!—и зубы вдруг
Все выпали без муки.
«Эй! — Бен кричит: — Малек, мой друг,
Достал, — держи-ка руки!»
- 45 Пошла молва, — друзья бегом
К Иссе: ведь для промена
Кто ж был бы сам себе врагом
И не добыл бы Бена?
- Суда Муссы раз на утес
50 Попали в ночь — и сели:
Бен только глаз в залог отнес —
И друг стянулся с мели.

Гассан давно бы выдал дочь,
Хватило бы кармана;
55 Но Бен в приданое не прочь
Дать руку для Гассана.

Цена Гуссейну дорога
Купить детей из плена, —
И вот в залог идет нога:
60 Друзья поддержат Бена.
Распродадут тебя, о Бен,
Все эти людоморы:
Они за свой за каждый член
Вскричали б: «Режут! Воры!»

65 И ведь друзья же говорят,
Завидев Бена, дружно:
«Какой урод! Ну, просто, гад!
А поклониться нужно!»
—«Постойте, — раз вскричал Малек:—
70 Я с ним сыграю штуку,
И завтра этот человек
Уж нам протянет руку!..»

«Исса, мой друг! Исса, отец! —
Кричит Малек, рыдает: —
75 Моей жене пришел конец,
Ничто не помогает.
Хоть средство есть, и сам султан
Спасен настойкой тою:
Но где же перлов взять тюрбан
80 На золотом настое?»

Бен к Моку уши было снес,
Чтоб выручить собрата:
«Нет, — Мок сказал: — велик запрос,
Залогу ж маловато!»

85 Друг просит глаз отдать другой.
«Не дам! — кричит безногий: —
Мне нужен глаз, с одной ногой
Не сбиться чтоб с дороги!»

«Спаси жену! — ревет Малек: —
90 Дай глаз и верь Малеку,
Что он с тобой проходит век
И сводит даже в Мекку...»
Глаз отдан... Что ж Малеку ждать?
Взяв деньги, дал он тягу
95 И бросил Бен-Иссу блуждать
Все ощупью, беднягу.

— Эй, берегись! — раздался крик: —
Держись, Иль канешь в море!..
Ах, это — Бен!.. Какой старик!
100 И слеп — какое горе!..
Я — Али, друг твой с детских дней:
Пойдем вдвоем до гроба,
По ремеслу я лицедей,
Так будем сыты оба.

105 Бен обнял друга... Вот так раз!
Вот чудо! Целы стали
Рука, нога и пара глаз, —
И Бен увидел Али,
И злых друзей увидел он, —
110 Но был один безногий,
А тот иль глаз, или рук лишен —
Все старые залогои...

И Мок сказал: «Я очень рад
Судьбе друзей коварных...
115 Возьми ж и деньги все назад
От них, неблагодарных.

Пусть Али делит серебро
С тобой и крохи хлеба:
Достойным делай ты добро —
120 Получишь вдвое с неба!»

И Мок исчез. Дружья скорей
Уходят от печали
И от предателей-друзей...
Но шепчет Бен: «Дай, Али,
125 Им рису, меду, их одень!
Исправь их, — воля рока!
Рубином можешь и кремень
Ты сделать — длань Пророка!»

ВИКТОР ГЮГО

I

377

О, подойди ко мне! Поговори со мной!..
Очарование летает за тобой.
Не ангел ли ты Данта песнопений?
Ты не богиня ли Вергилия творений?..
5 Высокое чело и нега уст твоих,
И ножка легкая — напоминают их.
Ты с гордостью б могла, в кирасе из эфира,
Быть амазонкой греческого мира!

Сераль и гинекей, жилища красоты,
10 Кораллом уст—верь! — помрачила б ты...
И если б знал тебя Челлини, на чудесной
Он вазе греческой твой лик прелестный,
Конечно бы, резцом волшебным начертил;
В цветке бы долотом тебя изобразил,
15 Иль полу-лилией, пол-женщиной прекрасной
Он изваял тебя на чаше голубой,
Иль в чудном лотосе, его созданны ясном, -
Которому цветок завидует живой.

II

- Приди, красавица с небесными очами!..
20 То золотой был день, как я узнал тебя.
Воспоминанье светлыми лучами
Живет ли у тебя в душе, как у меня?
Ты улыбаешься... Дай руку мне, пойдем!..
Весна встречает нас улыбкою живою...
25 Легла на путь нам тень, и в воздухе ночном
Так много теплоты... А там, за той горою,
Прохладный лес, и в нем, у ног больших дубов.
Ковры роскошные густых, зеленых мхов.

378

- Могила розе говорит:
«Из слез, «которыми кропит
Тебя небесная заря,
Что ты творишь, царица дня?»
5 Могиле роза говорит:
— А что, скажи, твой мрак творит
Из душ, которые бегут
В гостеприимный твой приют,
Могила мрачная? Из них, —
10 Цветок в ответ: — из слез златых,
Среди полуночных прохлад,
Творю я сладкий аромат.
«Вот, роза, нежный, добрый цвет, —
Могила шепчет: — мой ответ:
15 Из душ, сошедших в глубь мою,
Я небу ангелов даю».

379

Как в водах глубоких, уснувших под сенью деревьев
Часто в душе у людей видим мы две стороны:
Небо, — которое в чуть журчащие волны глядится

- Всеми стрелами лучей, каждую тучкой своей...
- 5 И ужасное дно, — бессветное, мутное ложе,
Где в заснувшей зыби черные гады живут.

380. Вакханка

- Под свежим пологом зеленого платана,
Где слышится вблизи жемчужный звон фонтана,
Где сочная трава рососою смочена, —
На коже тигровой покоится она...
- 5 Из виноградных лоз на ней венок широкий,
Одежда сброшена с груди ее высокой...
Румянцем неги Вакх ланиты ей покрыл,
И чудные красы ее воспламенил.
Глаза ее полны слезою упоенья,
- 10 И персей резкое прерывисто движенье...

Шуми, шуми, струя холодного фонтана!
Покрой все тайною, широкий кров платана!

381. Паж

- «Что ты бледен, паж-ребенок,
Паж-красавец мой!
В песнях голос твой не звонок...
Взор блестит слезой.
- 5 Весел, шумен — как бывало —
Светлый замок наш...
Что ж тебе в нем скучно стало,
Мой прекрасный паж?
- Не из свиты ль многолюдной
- 10 Оскорбил тебя
Гордый рыцарь?.. С безрассудным
Рассчитаюсь я.
- Иль устал ты шлейф мой длинный
На руке носить!..
- 15 Расскажи, мой паж невинный,
Что тебя крушит?»

—Мне ль устать служить прекрасной
Госпоже моей!..
Я порой встречаю ясный
20 Взор твоих очей.
В твоём замке кто посмеет
Оскорбить меня?..
Но лицо мое бледнеет,
Нет в глазах огня!
25 Нет! Гостит здесь рыцарь бледный
В золотых кудрях...
На цепи он носит медный
Меч в больших ножнах.
Если ты ему порою
30 Шлешь привет живой,
Ноет сердце молодое...
И я сам не свой.
Если руку он целует
Госпожи моей,
35 Вдруг щека моя бледнеет —
Словно снег полей.
Если ваши разговоры
Слышу бедный я —
У меня, туманя взоры,
40 Слез бежит струя!

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

382. Бегство

К а д и д ж а

В небе гаснет месяц ясный,
Ни звезды в тумане нет,
Ночь безмолвна... Миг прекрасный!
Убежим, Ахмед!

А х м е д

- 5 Дышат злобой твои братья...
Не страшит их гнев тебя? —
Нам отец пошлет проклятья,
Белой бровью шевеля...

К а д и д ж а

- Что проклятья, что их злоба!
10 Дорог ты душе моей...
Для тебя — хоть в двери гроба!
Убежим скорей!

А х м е д

- И ночного покрывала
Не подымет утра свет,
15 Как от острого кинжала
Их рукой падет Ахмед.

К а д и д ж а

- Дочь пустыни, кобылица
С нами — всех ветров быстрее —
В страны дальние умчится...
20 Убежим скорей!

А х м е д

- Там пески непроходимы...
Нет шатра, чтоб бросить тень;
Солнце жжет неумолимо,
Где прилечь в палящий день?

К а д и д ж а

- 25 Тень тебе — мои ресницы...
Под шатром моих кудрей
Ночь подремлешь до денницы!
Убежим скорей!

А х м е д

Путь неведом, — обаянье
30 Степи сильно... Там, вдвоем
Без воды, без пропитанья,
Завтра ж вместе мы умрем!

К а д и д ж а

Сердце бьется жаждой счастья!
Пусть там вод прозрачных нет —
35 Будут слезы сладострастья!..
Убежим, Ахмед!

ИЗ ВЕНГЕРСКИХ ПОЭТОВ

ПЕТЕФИ

383

Проснувшись, плачет дитя больное.
Над люлькой мать
Запела песню — и смолк младенец
И спит опять.

- 5 Проснется ль с плачем в душе кручина,
Дитя невзгод,
Я запеваю за песней песню —
Авось заснет.

384. В кабаке

Наш кабак одной стеною
Покосился над рекою,
Весь он виден был бы в ней,
Будь немножко ночь светлей.

- 5 Ночь же больше все темнеет;
Над рекой туман густеет;
Весла убраны с челна;
По деревне тишина.

- В кабаке лишь крик и грохот,
10 Бубен, скрипка, пляска, хохот.
Спор кипит, поют, шумят;
Только окна дребезжат.

«Ну, красавица-хозяйка!
Подходи-ка, наливай-ка!
15 Хорошо твоё вино,
Жаль, что есть у чарки дно.

Эй, цыган! Притих ты что-то;
А вот мне плясать охота.
Разутешь-ка плясовой!
20 Деньги есть ведь за душой!»

Вдруг в окошко постучались:
«Что вы так разбушевались?
Барин вам велел сказать:
Разошлись бы, — лег он спать!»

25 «Взяли б вас обоих черти!
Пить и петь хочу до смерти.
С плеч рубашку заложу,
А уж вам не угожу!»

Но опять стучат в окошко.
30 «Пели б тише вы немножко!
Очень матушка больна;
Хоть заснула бы она».

И цыгану все кивают,
Чарки молча допивают,
35 Все за шапку—и домой...
Все притихло над рекой.

СЛАВЯНСКИЕ ПОЭТЫ

ШЕВЧЕНКО

385. Иван Подкова

I

- Было время — по Украине
Пушки грохотали.
Было время — запорожцы
Жили-пировали.
5 Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло — остались
Лишь могилы в поле;
Те высокие могилы,
10 Где лежит зарыто
Тело белое казацье,
Саваном повито.
И чернеют те могилы,
Словно горы в поле,
15 И лишь с ветром перелетным
Шепчутся про волю.
Славу дедовскую ветер
По полю разносит...
Внук услышит — песню сложит
20 И с той песней косит.
- Было время — на Украине
В пляску шло и горе:
Как вина да меду вдоволь —
По колено море!

25 Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомняешь —
Как-то легче станет сердцу,
Веселее взглянешь.

II

Встала туча над Лиманом,
30 Солнце заслоняет:
Лютым зверем сине море
Стонет, завывает.
Днепр надулся. «Что ж, ребята,
Время мы теряем?»
35 В лодки! Море расходилось...
То-то погуляем!»
Высыпают запорожцы,
Вот Лиман покрыли
Их ладьи. Играй же, море!
40 Волны заходили...
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноет; казаки же
Веселее стали.
45 Плещут весла, песня льется,
Чайка вокруг порхает...
Атаман в передней лодке —
Путь-дорогу знает.
Сам все ходит вдоль по лодке,
50 Трубку сжал зубами;
Взглянет вправо, взглянет влево —
Где б сойтись с врагами.
Закрутил он ус свой черный,
Вскинул чуб косматый,
55 Поднял шапку — лодки стали...
«Сгинь ты, враг проклятый!
Поплывемте не к Синопу,
Братцы-атаманы,
А в Царьград поедем — в гости
60 К самому султану!»

—Ладно, батько! — загремело.
«Ну, спасибо, братцы!»
И накрылся.

Вновь горами
Волны громоздятся...
65 И опять он вдоль по лодке
Ходит, не садится;
Только молча, исподлобья,
На волну косится.

386. К Основьяненке

На Днепре шумят пороги;
Всходит, как бывало,
В небе месяц... Только Сечи —
Сечи уж не стало!
5 Камыши, к воде склоняясь,
Синий Днепр пытаются:
«Где же, где же наши дети?
Где они гуляют?»
С жалким стоном вьется чайка,
10 Словно деток ищет;
По казачьей вольной степи
Буйный ветер рыщет.
А вдоль степи за могилой
Высится могила,
15 С буйным ветром те могилы
Шепчутся уныло;
«Где же наши? Где вы, братья?
Где запиrowались?
Воротитесь! Поглядите...
20 Мы одни остались, —
Где паслись ваши кони,
Где трава шумела,
Где татарской, ляшской кровью
Степь кругом алела...

25 Воротитесь!»

— Не вернутся! —

Глухо простонали
Волны в море. — Не вернутся!
Все навек пропали...

Правда, правда, сине море:
30 Такова их доля,
Не вернутся удалые,
Не вернется воля,
Не вернется век казачий,
Не придут гетманы,
35 Не покроют всей Украйны
Красные жупаны.
Над Днепром она горюет
Жалкой сиротою
И ничьей души не тронет
40 Горькою бедою.
Только враг один смеется:
Лишь ему забава!
Смейся! Все пускай погибнет —
Не погибнет слава;
45 Не погибнет, а расскажет,
Что творилось в свете,
Чья неправда и чья правда,
Скажет, чьи мы дети.
Нашей думы, нашей песни
50 Ворог наш не сгубит —
И родную нашу славу
Песня та протрубит.
Нет в ней злата, камней ценных —
Степи да оковы,
55 А громка, свята, правдива,
Как господне слово.
Так ли, так ли, мой сердечный?
Правду ль говорю я?
Эх, и рад бы молвить больше,
60 Да молчишь, горя,

А кругом земля чужая
Да чужие люди.
Может, скажешь: «Пой, не бойся!»
Что ж в том проку будет?
65 Осмеют псалом мой горький,
Вылитый слезами;
Осмеют его... Ах, тяжело,
Тяжко жить с врагами!
Может, я и поборолся б,
70 Если б стало силы,
И запел бы — только голос
Стужей захватило.
Таково-то мое горе,
Милый мой, родимый!..
75 Затянул средь зимней выюги
Свой напев любимый —
Голос рвется. Ты ж, сердечный —
Все тебя там знают,
И тебя за голос громкий
80 Люди уважают!
Пой про Сечь им, голубь сизый,
Пой им про могилы;
Кто насыпал их, кого в них
Мать-земля укрыла.
85 Пой про старь, про то, что было.
И чего уж нету...
Пой, чтоб голос твой далеко
Разнесся по свету;
Пой, что делалось в Украине.
90 Как она терзалась,
Отчего казачья слава
С края в край промчалась!
Пой, орел мой! Я с тобою
Сердцем погорюю,
95 Хоть во сне ее увижу —
Родину святую;
Пусть хоть раз еще услышу,
Море как играет,

Как под вербою девица
100 «Гриця» запекает;
Пусть хоть раз я на чужбине
Встрепенусь душою —
А уж там засыплют очи
Мне чужой землею.

387. Завещание

Как умру, похороните,
Братья, вы мой труп остылый
Средь родной широкой степи,
На моей Украине милой!

5 Чтоб вокруг поля родные
Расстиались, колосились,
Чтоб с Днепра раскаты бури
До могилы доносились.

И как Днепр помчится к морю,
10 Кровью вражеской окрашен,
Я покину степь родную,
Днепр и ширь полей и пашен.

Понесусь душою вольной
В небо, к богу; стану много
15 Там молиться... а дотол
Что мне бог? Мне нету бога.

Хороните да вставайте,
Разрывайте, братья, цепи,
Окропляйте вражьей кровью
20 Нашу волю, наши степи!

И меня в семье великой,
В вашем круге вольном, новом,
Не забудьте — помяните,
Братья, теплым братским словом.

КРАСИНСКИЙ

388. Жизнь

Ah, metne kzwia i Isami pedza zycia fale.

- От слез и крови мутны и черны,
Клубятся волны жизни, вечным стоном
И скрежетом зубов оглашены.
В тумане похоронном
- 5 Бесплодный берег прошлого исчез;
А впереди далекий край небес
Кровавым заревом пылает.
Вокруг плывущих мрак сырой,
Знобит их стужа — и с тоской
- 10 И воплем каждый повторяет,
Плывя во тьме: «Проклятье надо мной!»

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

389. Анакреон

- Он любил плющом ползучим
Кудри белые венчать
И при звоне чаш глубоких
В час полночный пировать...
- 5 Наполняя светлый кубок,
Пел он негу и вино,
И, при звуках флейты звонкой,
Осушалось в чашах дно.
Незакрытая амфора
- 10 Аромат вокруг лила,
И вакханка к ложу неги
Старца юного влекла...
Как ее пылали щеки,
Кровью жертв несмочены!
- 15 Как уста полуоткрыты
Были трепета полны!
И когда вокруг шеи старца
Ручка нежная вилась,
Громко струны трепетали,
- 20 Песня чудная лилась...
Нам оставил он кифару
С этой песнею живой...
Над далекою могилой
Долго вился плющ густой;
- 25 Долго Грации на камень
Приносили по венку,—

Девы, юноши ходили
На могилу к старику.
И теперь, когда порою
30 Веселится тесный круг —
В песне старой, вечно юной,
Песнопевца веет дух...

390. Фатализм

Не борись с судьбой напрасно!
Перед нею все ничтожно!
Та борьба страшна, опасна, —
А победа невозможна.

5 Покорися воле рока,
Не ропщи, горя сомненьем,
И ни жалоб ни упрека
Ты не шли его веленьям.

Без сознания и без мыслей
10 Ты за ним, как жертва, следуй, —
Приведет ли в бездну, в высь ли,
Что велит он — проповедуй,

Что он даст — неси смиренно,
Что отнимет — брось с презреньем,
15 Все в природе неизменно.

Если на-сердце глубоко
Чувство истинное встанет, —
Пусть оно по воле рока
Расцветет или завянет.

20 Подавлять его опасно,
Вспыхнет снова с большим жаром,
Возбуждать его — напрасно!
Пропадут усилия даром.

Пусть весь мир грустит и плачет,
25 Ты один будь в нем героем...
Что слеза вселенной значит
Перед космоса покоем?

И когда по воле рока
Смерть тебе закроет вежды, —
30 Ты умри.....

391. Троя

Снится мне твой берег дальний,
Древний, славный Илион!
Вижу я твой дол печальный,
Слышу моря вещей стон.
5 Вьется в прахе повилика
По руинам гробовым —
И не слышно битвы клика...
Все объято сном немым.
Не шумят уже ветрила
10 У пологих берегов,
И безмолвен, как могила,
Спит Скамандр среди лугов.
Лишь один бежит с роптаньем
Шумноводный Симоис,
15 И с глухим его журчаньем
Плески волн морских слились.
Зеленеет холм священный,
С другом где Ахилл зарыт;
А вдали, как отчужденный.
20 Гектор спит под грудой плит.
Над грядой холмов печальных
Плющ и терны разраслись,
И под кровом погребальным
Все герои улеглись.

- 25 Увенчанная грозою,
Ида мрачная стоит,
И, как серою чалмою,
Гаргар тучами повит.
Не идут переговоры
30 На вершинах их крутых,
И богов не слышны споры
О боях сынов земных.
Над пустынными берегами
Веют сон и тишина,
35 И одна, слиясь с волнами,
Песня древности слышна.

392. Зов

- Мягко ложе трав душистых,
И прохладна сень плюща;
Плески волн залива чистых
Слышны здесь издавека...
5 В изголовье, друг бесценный
Много роз положено;
Вакха дар серебропенный
В чаше искрится давно,—
Жду тебя!.. Покровом тонким
10 Формы млечные одень,
Шагом легким и незвонким
Приходи под эту сень!

393. Зимний вечер

- Полно беситься, Эол!
Полно в окошки стучать!..
Что ты так сделался зол?
Что ты так вздумал визжать?
5 В теплой каморке моей
Не испугаешь меня!..
С книгою старой в руке
Мне хорошо у огня.

Ярко пылают дрова,
10 Сыплются искры ко мне:
Старую — новую песнь
Слышу я в тихой душе.

Образ знакомый, живой
Вижу в покойных мечтах
15 И утопаю душой
Я в упоительных снах.

Где меж крутых берегов
Рейн тихоструйный бежит,
Там, на угрюмой скале,
20 Замок угрюмый стоит.

Окна огнями горят:
В замке том свадебный пир.
Трубы, литавры гремят;
Тихо звучат струны лир.

25 Рейна златое вино
В кубки янтарные льют;
Графы, бароны, князья
Золото рейнское пьют.

Фрейлины, паж молодой —
30 Шутят, смеются в тиши,
Втайне мешают с вином
И поцелуи свои.

Вот и жених молодой,
Вот и невеста его...
35 Он с ней не сводит очей,
Смотрит она на него.

Этот счастливый жених,
Кто он? Жених этот — я...
Кто же невеста его?
40 Это — малютка моя.

И в голубые глаза
К ней я с любовью гляжу
И с золотистых кудрей
Взоров моих не свожу.

45 Полные кубки звучат,
Музыка в залах гремит...
Рейн у окошек дворца
Речью зловещей шумит.

И в упоеньи любви
50 Очи я крепко закрыл...
Замок, невесту, весь мир,
Все я тогда позабыл...

Но злая буря в окно
Вдруг застучала ко мне,
55 И я проснулся... Дрова
В слабом мерцают огне...

Книга упала из рук, —
Сердце тревогой полно...
Еле дымится камин...
60 Вьюга стучится в окно.

394. Художнику

Вырежь на кубке моем золотом густой виноградник,
В тени его — упоенную влагою Вакха Менаду;
Сына Киприды, малютку: пускай он играет с златыми
Девы кудрями и грудь ее нежно целует; а дальше, —
5 Бочку пустую, и около — шумное фавнов собрание,
И на осле хромоногом Силена с чашей и тирсом.

395. Дриада

Под явором лежал я. Ветерок листьями
Играл шумливыми, — и нежными словами
Казался шелест мне встревоженных листов...
Он много нашептал мне сладких, чудных снов.

- 5 Мне снилось: дерева вершина превратилась
В головку белую, по ней коса струилась
Зеленою волной, — а из ветвей живых
Две руки белые искали рук моих.
Тут предался вполне я сна очарованью
10 И нимфы долго пил горячие лобзанья!

396

Змеенок матери сказал:
«Зачем Юпитер-бог два языка нам дал?»
— Затем, мой друг, — мать отвечала: —
Что одного для умных мало.

397. Кудри

Черные кудри на белой, как мрамор, груди у Неэры
Вьются, и белая грудь юношей пылких манит...
Юноша! Прочь отойди, не лобзай этой груди высокой:
Черные змеи ее в сердце ужалят тебя!

398

В косы зачем заплетала ты кудри густые, Дорида?
Или хотела сердцам новые сети сплести?

399. Мольба

Что бы просил ты у Зевса, великого бога вселенной,
Если б из урны судеб жребий выбрать ты мог?
Дар сладких песен просил бы и сильно разящее слово:
Словом порок поражать, песнью сердца умилять.

400. Изгнанник

Как сладко мне воспоминанье
О милой родине моей!..
Сестра! Не знали мы страданья,

Как жили в ней.
5 О, будь всегда с моей душой,
Мой край родной.

Наш бедный кров и мать в печали
Ты помнишь ли, сестра моя?..
Как мы родную обнимали —
10 И ты и я!
Как целовали мы у ней
Волну кудрей!

Ты помнишь ли тот замок дальний,
Струями Доры орошен?
15 С высокой башни, столь печальный,
Вечерний звон?
И тихий рокот волн живых?..
Ты помнишь их?

А тихий пруд, где — пролетая —
20 Купала ласточка крыло...
Как ветерок рябил играя,
Его стекло!
Как солнца был хорош восход
В пучине вод!

25 Сестра! Ты помнишь ли подругу
Души растерзанной моей?
Когда искали мы друг другу
Цветы полей,
Она склонилась в тишине
30 На грудь ко мне.

Кто мне мои родные горы,
Кто мне подругу возвратит?
И берега шумящей Доры,
Их милый вид?..
35 Нет! Не забуду я душой
Мой край родной.

401. Узник

Гляжу я в окошко
Темницы моей,
И будто немножко
В душе поясней...

5 Там синее море
Приветно шумит,
Печальные взоры
Там лодка манит,

Вдали, над струями,
10 Как снег, паруса, —
И с морем краями
Слились небеса;

И луг зеленеет
Под самым окном,
15 И ласточка реет
Над пестрым кустом;

Приветно главою
Кивает сосна...
С моею душою
20 Опять тишина!

Но сердце не долго
Так сладостно спит...
Чу! Шаг часового
За дверью звучит.

402. Могила

Из бездны далекого моря
Глядит одинокий гранит,
И стонут вокруг бурные волны,
И море печально шумит.

5 На острове том есть долина:
Две ивы там мирно растут,
И редко залетные птицы
В долине безмолвной поют.

Полночную тихой порою,
10 Когда загорится луна,
На ивах тех искрятся слезы,
И жалобно шепчет одна:

«Давно ли под нашею тенью
Здесь витязь могучий лежал,
15 И камень плитою тяжелой
Могилу его покрывал?

Пред ним вся земля трепетала,—
И где ж лег в могилу герой?..
Изгнанник из края родного
20 Схоронен под чуждой землей.

И странники часто бывали
На здешних крутых берегах;
Звала их немая могила
И витязя страшного прах.

25 Но помню... вдруг с шумной толпою
Сюда принеслись корабли,
И люди разрыли могилу
И витязя прочь унесли;

В родимой земле схоронили
30 Его успокоенный прах;
Но мы без него сиротеем,
И грустно на наших скалах».

Тут ива, склонясь, замолчала...
Вдали забелел уж восток...
35 А с листьев катилися слезы
На желтый, холодный песок.

403. Вассал

Что не сокол я лихой!
Не орел я молодой!
Что мне крыльев не дано!
Славно б зажил я давно.

5 Гарц меня бы приютил:
Там себе б гнездо я свил —
И в ущелье диких скал
Госпожу мою умчал.

Как добра и хороша,
10 Молодая госпожа!
Как суров седой барон!
Как жену не любит он!

Ночь осенняя темна...
Плачет бедная жена,
15 Тошно бедной с стариком, —
Ясный день ей незнаком!

Что не сокол я лихой!
Не орел я молодой!
Я б в ущелья диких скал
20 Госпожу мою умчал.

Стал бы нежить и ласкать,
В очи долго целовать,
И расчесывать у ней
Пряди шелковых кудрей.

25 А тебе б я не спустил,
Злой барон — и отомстил...
О! Как сладко было б мне
Очи выклевывать тебе!

404. Подражание английскому

- О! ежели порой, в заветный час свиданья,—
Когда наедине с тобою я сижу
И, гордый счастьем тобою обладанья,
Безмолвный, на тебя восторженно гляжу, —
- 5 Заметишь ты, мой друг, что облако печали
Нахмурит мне чело, из груди невзначай
Вздых тяжкий вырвется, туманней взоры стали...
О, милый друг, молю, меня не упрекай:
Верь, то давнишнее, пережитое горе,
- 10 Внезапно всплывшее из глубины души;
Что в нем, оставь его, — оно опять, как море,
Туда опустится, чтоб замереть в тиши!..

405. Сон

С польского

Chociaz zmuszona bedziesz mnie porzucic.

- Пускай велит судьба с тобою мне расстаться...
Но если сердцем ты еще верна любви,
Не мучь меня, когда придет пора прощаться,
И о разлуке мне, прощаясь, не тверди.
- 5 Пред грустным этим днем, последнее мгновенье
Средь безмятежных ласк незримо пусть пройдет...
Когда ж почувешь ты разлуки приближенье,
Пускай рука твоя мне яду поднесет...
- И я прижму уста к устам твоим, а очи
- 10 Смежит тогда мне разве смерть одна...
Роскошно я усну — во мраке долгой ночи,
Целуя образ твой, глядясь в твои глаза.

- И много дней пройдет, и много лет крылатых...
И должен буду гроб покинуть снова я...
15 Тогда припомнишь ты о друге, сном объятom,
И с неба ты сойдешь, чтоб разбудить меня.

20

406. Аррия

- ... Перед ним лежал
Уже наточенный кинжал,
И молвил он, вздохнув невольно:
«А расставаться с жизнью больно».
- 5 Горда, прекрасна и бледна,
Стояла перед ним жена.
Вдруг ярче, радостней, смелее,
Зажегся взор у ней. Она
Одной рукой у белой шеи
- 10 Застежку платья сорвала, —
На мужа, на кинжал взглянула
И верх туники распахнула:
Свежа, полна, как снег бела,
Раскрылась грудь... Еще мгновенье, —
- 15 И перед мужем со стола
Она без страха, без волненья,
Другой рукой кинжал взяла.
Как луч, блеснул удар кинжала...
Кровь брызнула и струйкой алой
- 20 По белой груди потекла.
На ложе Аррия склонилась;
Последней судорогой билось
В ней сердце; взор оделся мглой...
Жизнь уходила молодая.
- 25 Но, холодеющей рукой
Кинжал из раны вынимая,
Она сказала, умирая:
«Не больно вовсе, милый мой!»

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ШОТЛАНДСКИЕ БАЛЛАДЫ

407. Два ворона

- На дубе два ворона страшных сидят;
Их крылья, как черные угли, блестят.
Товарищу ворон один говорит:
«Кто нынче обедом нас, брат, угостит?»
- 5 У синего ль моря, средь мягких песков,
У темного ль леса обед нам готов?..
- «У взморья на вязком песке я гулял...
Красивый корабль к берегам приставал.
Я клюв приготовил, — ударил крылом...»
- 10 Погиб он, — проклятия слышались в нем...
На берегу много там мертвых пловцов...
У синего моря обед мне готов...»
- В глубокой долине, у чащи лесной,
Убитый лежит удалец молодой...
- 15 Под свежую кровью поблекла трава...
С ним ножик широкий, большая стрела.
О смерти красавца не знает никто:
Лишь пес, да сокол, да хозяйка его.
- С охотником пес на охоту пошел,
20 Им дичь выгоняет из леса сокол...
Хозяйка другого красавца нашла

И с милым далеко отсюда ушла;
В обеде никто нам не будет мешать...
Летим лучше в лес мы добычу клевать!

- 25 Обед твой на белой груди у него;
Я ж выключу синие очи его.
Ты русые кудри его оборви,—
Гнездо свое ими теплей уложи;
Пушок молодой с его русых усов
30 Возьму для своих я малюток-птенцов.

- Постель молодца и жестка и холодна...
С ним вьюга лесная играет одна...
Подушка из дерна, и камень в ногах:
Он спит; не сидит над ним дева в слезах.
35 Над трупом порой лишь орел пролетит,
Да взвояет лисица, — олень пробежит...

408. Вилли и Маргарита

Вилли в конюшне у стойла стоит,
Гладит коня своего.
На руку белую вдруг полилась
Из носу кровь у него.

- 5 «Матушка, корму коню положи!
Ужинать конюху дай!
Еду сейчас к Маргарите: поспеть
Засветло надо. Прощай!»

- Вилли, останься. Не ездь, родной!
10 Ветер студеный шумит;
Смеркнется скоро, а ночи темны...
Путь через речку лежит.

«Пусть не бывало темнее ночей,
Ветра сильней, холодней —
15 Еду сейчас к Маргарите: поспеть
Засветло надо мне к ней».

— Вилли, не ездь! Поедешь—добра
Ты и не жди! Прокляну!
Клейд и широк и глубок — и пойдешь
20 Ты словно камень ко дну.

Он оседлал вороного коня,
Сел на него—и погнал.
Клейд еще был далеко, а в полях
Ветер и выл и стонал.

25 Вилли в долину съезжает с холма:
Вся потемнела река;
Зверем ревет она, бешено бьет
Темной волной в берега.

Сердцем он пылок, отважен душой:
30 Клейду ль его испугать?
Только звучит все в ушах у него,
Словно клянет его мать.

Вплавь на коне переправился он,
Как ни бурлила река;
35 К милой поспел он уж в темной ночи...
Спят все; нигде огонька.

Долго вкруг дома ходил он, стучал
Долго у двери кольцом...
Дверь на замке, и все окна темны —
40 Словно как вымер весь дом.

«Ах, отвори, Маргарита моя!
Ах, отвори поскорей!
Мерзнет вода у меня в сапогах,
Весь я продрог до костей».

45 — Как тебе, Вилли, я дверь отворю?
Матушка спать улеглась;
Петли скрипят, половицы скрипят.
Встану — проснется как раз.

«Если к себе ты непустишь меня,
50 С Вилли не будет добра,
Ты мне хоть угол какой укажи,
Где б отдохнуть до утра».

— Вилли, нельзя тебе здесь ночевать;
Поздно приехал ко мне.
55 Были три горницы в доме пустых;
Заняты нынче оне:

Хлебом одна, и соломой одна;
В третьей приезжие спят —
Три молодца разудалых: они
60 Завтра весь день прогостят.

«Бог же с тобой, Маргарита! Прощай!
Вижу, ты хочешь мне зла.
Видно недаром, как ехал к тебе,
Мать меня грозно кляла».

65 Сел он, погнал вороного коня;
Сердце в нем ныло тоской.
По полю ветер и выл и стонал;
Небо темнело грозой.

Вилли в долину съезжает с холма:
70 Вся почернела река;
Зверем ревет она, бешено бьет
Черной волной в берега.

С берега в воду спустил он коня,
Сам же дрожит весь, как лист.
75 Ветер, кидаясь по бурным волнам,
Вырвал из рук его хлыст.

Вилли поймать его хочет; к воде
Он наклонился с седла.
Буря, кидаясь по темным волнам,
80 Шляпу с него сорвала.

Вилли поймать ее хочет; к воде
Он наклонился с седла.
Буря, кидаясь по черным волнам,
Вилли с коня сорвала.

85 С берега брат ему старший кричит:
«Очень же, малый, ты прост!
Плавать не можешь, так знал бы держал
Крепче коня хоть за хвост!»

—Плавай, не плавай — беды не избыть!
90 Что мне держаться коня?
Мать, провожая, на смерть обрекла
Грозным проклятьем меня! —

Молвил и камнем он в воду пошел,
И не поднялся со дна.
95 Временем тем Маргарита его
Вдруг пробудилась от сна.

«Матушка, встань! Разгадай мне мой сон!
Снилась мне бурная ночь...
Снилось мне: милый стучал у дверей;
100 Ты прогнала его прочь».

—Спи, Маргарита, родное дитя!
Спи, не страшись ничего!
Милый твой был, и тебя он будил;
Я не впустила его.

105 Тихо с постели тут дочь поднялась;
К двери идет и дрожит...
Из дому вышла — кричит и зовет...
Ветер все пуще шумит.

К клейдским волнам прибежала она;
110 В воду ступила ногой...
«Господи боже мой. Грозен ты, Клейд:
Видно, не быть мне живой!»

Дальше ступила, по белую грудь
В бурные волны ушла.
115 «Глубже пойду я, грозы не боюсь,
Только бы Вилли нашла!»

Глубже ступила... Уж ветер волной
Ей через плечи плескал;
Вдруг обо что-то запнулась она:
120 Тут ее Вилли лежал.

«Вилли, мой друг! Недобра к тебе мать;
Мать и ко мне недобра...
Вместе мы ляжем и вместе уснем,
Словно как брат и сестра!»

ИСПАНСКАЯ ПЕСНЯ

409. Si dormis doncella

Спишь ли ты, моя девица?..
Отворяй скорее дверь!..
Час настал давно желанный:
Можно нам бежать теперь.

5 Если ножку не обула
Ты в атласный башмачок, —
То не нужно... Ведь дорога
Нам идет через поток!

Чрез струи Гвадалквивира
10 Мы пойдем, друг милый мой!
Час настал давно желанный:
Ты моя теперь, я — твой.

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ

410. Молодой монах

Молодой монах из кельи,
Притаясь, в окно глядит:
Под окном, внизу, девица,
Зарумянившись, стоит.

5 По кусочку белый сахар
Он кидает из окна
Ей за пазуху; а сверху
Грудь лебяжья вся видна.

«Эй, сиди, монашек, смирно!

10 Не застали бы тут нас,
Не проведал бы игумен:
Расстригут тебя как раз».

—Расстригут, — клобук свой сброшу,
Алый фес надену я;

15 Мигом свадьбку сыграем,
Ненаглядная моя!

411

Как в ночи мы целовались,
От людей мы схоронились;
А от звездочек небесных
Наших ласк и не таили.

5 С неба звездочка упала
И про нас сказала морю:
Море веслам проболталось;
Рыбаку сказали весла.

Как в ночи мы целовались,
15 Рассказал рыбак невесте —
И про нас теперь повсюду
Девки песни распевают.

412

Как в лес меня послали
 По ягоду чернику,
 Я в лес не заходила
 И ягод не сбирала:
 5 Пошла я на кладбище,
 К родимой на могилу;
 Над нею залилася
 Горючими слезами.

«Кто плачет над могилой?
 10 Меня в могиле будит?»

— Я, матушка родная,
 Пришла к тебе поплакать
 Сиротскими слезами.
 Кто косы мне расчешет?
 15 Кто личико умоет?
 Кто лаской приголубит?

«Иди домой ты, дочка!
 Там мать тебе другая
 И волосы расчешет
 20 И личико умоет,
 А суженый молодчик
 И лаской приголубит».

413. Ворон

Пролетает черный ворон,
 Руку белую несет он,
 С золотым на пальце перстнем.
 Ты скажи, скажи мне, птица,
 5 Ты ответь мне, черный ворон:
 Где взял белую ты руку
 С золотым на пальце перстнем?

Отвечает ворон вещий:
«Я войну большую видел,
10 На великом был сраженьи.
Там плетни плели из сабель,
Рыли ружьями могилы,
Разливалась кровь ручьями.
Не один там сын зарублен,
15 Не одна там мать рыдает».
Этим перстнем обручилась
Я с моим сердечным другом.
Лейтесь, слезы мои, лейтесь!
Не воротится он к милой.

414. Пирушка

Собрался отец на охоту в лесок.
Недаром ходил он; был важный стрелок.
Присел за кусток да навел из ружья —
И сразу убил наповал воробья.
5 В телегу коня сыновья запрягли
И с песнями птицу домой привезли.
«Ну, сестры! огонь разводите скорей!
А мы созывать разойдемся гостей!»
Дичину в сметане обжарила мать.
10 «Идите-ка, дочки, на стол накрывать!»
Сестрицы жаркое на стол подают;
И только поставили, — гости уж тут.
Раскланялись, чинно уселись за стол,
И есть да похваливать каждый пошел.
15 А есть, так и выпить обычай у нас...
И выпили пива две бочки как раз.

415

У меня был коник —
Малый да удалый;
Возил меня коник,
Возил меня верно:

5 На гору шел рысью,
Под гору шел скачю,
Через ямы прыгал,
Через речки плавал.
Встретил я девицу,

10 Горе-мастерицу:
Ни спрясти потоньше,
Ни соткать покрепче.
У меня ли плетка
Связана тоненько,

15 Сплетена крепонько;
Научила плетка
Прясть и ткать девицу:
Ниточки не рвутся,
Тканье не дерется.

СЕРБСКИЕ ПЕСНИ

416

Девушка у моря сидела,
Говорила она, вопрошала:
—Господи сильный и правый,
Что шире синего моря?

5 Что просторнее чистого поля?
Что коня лихого быстрее?
Что меду сотового слаще?
Что милее брата родного?
Молвила ей рыбка морская:

10 — Девушка, зелен твой разум...
Шире синего моря — небо,
А просторнее чиста поля — море,
Взор — быстрее коня лихого,
Слаще меду сотового — сахар,
15 Милый друг—милей брата родного.

Будь у меня, Лазо,
 Царская казна,
 Знала бы я, Лазо,
 Что себе купить;
 5 Я купила б, Лазо,
 Садик над рекой;
 Знала бы я, Лазо,
 Что в нем посадить:
 Посадила б много
 10 Розанов, гвоздик.

Будь у меня, Лазо,
 Царская казна,
 Знала бы я, Лазо,
 Что себе купить;
 15 Я б себе купила,
 Лазо-молодца:
 Будь садовник, Лазо,
 У меня в саду!

418. Арапская царевна

Мать пытала кралеви́ча Марка:
 «Ты скажи мне, милый сын мой Марко,
 Что ты строишь столько храмов божьих?
 Или тяжко богу согрешил ты?
 5 Иль добра ты много добыл даром?»

Отвечает ей кралеви́ч Марко:
 — Вот тебе, как перед богом, правда!
 Был, родная, я в земле Арапской
 И пошел поутру к водопою —
 10 Своего напоить хотел Шарца.
 Как пришел с конем я к водопою,
 Там двенадцать стояло арапов;
 Не хотел я череда дожидаться,
 Подошел к водопою я с Шарцем.

- 15 Не пустили меня арапы,
И затеяли мы ссору, родная.
Как взмахнул я тяжкой булавою,
Положил я одного на месте;
Положил одного, а в отместку
- 20 На меня одиннадцать напало.
Я двоих убил — напало десять;
Я троих убил — напало девять;
Четверых убил — напало восемь;
Пятерых — тут семеро напало;
- 25 Шестерых — тут шестеро напало.
Шестеро меня одолели,
За спиной руки мне связали,
К своему царю потащили;
Засадил меня царь в темницу.
- 30 Семь годов просидел я в темнице;
Не знал, когда лето наступало,
Не знал, когда зима приходила.
Лишь одна была мне примета:
Как снежками девушки кидались,
- 35 Попадал мне снег в окно, родная,
Вот и знал я — зима наступила!
Как цветы мне в окно залетали,
Вот и знал я, что лето, родная!
Как пришел восьмой год заточенью,
- 40 Не темница уж меня сокрушала,
Сокрушала девушка-арапка,
Арапского царя дочь родная.
Утром рано и вечером поздно
Подходила к темничному окошку,
- 45 Кликала мне: «Бедный ты мой Марко!
Чахнешь ты и вянешь ты в темнице;
Поручись мне верным своим словом,
Что возьмешь меня себе женою —
И тебя я выпущу на волю;
- 50 Выведу и Шарца из подполья;
Золотых возьму с собой дукатов,

Сколько твоей душеньке угодно!»
«Умудрился я в беде, родная:
Снял шапку, положил на колени,
55 И стал своей шапке божиться:
«Видит бог! с тобой не расстанусь;
Видит бог! не увидишь измены.
И солнышко клятве изменило:
Зимой не по-летнему греет;
60 Я же слова вовек не нарушу!»

Поверила обману царевна:
Думала, я ей побожился.
Как начало вечером смеркаться,
Отперла она в темницу двери,
65 Вывела меня из заточенья,
Привела мне удалого Шарца,
Для себя ж коня удалее Шарца;
На обоих по мешку дукатов.
Наконец мы сели с царевной,
70 В ночь проехали Арапскую землю.

Только стало утро заниматься,
Я сошел с коня на малый отдых;
Сел, и села со мною арапка,
Обняла меня черными руками.
75 Как взглянул я на нее, родная:
Сама черная, белые зубы —
Обуял меня страх и ужас,
Выхватил я острую саблю
И всадил ей в шелковый пояс:
80 Насквозь ее сабля пронизала.

На коня вскочил я без оглядки.
Провещала тут голова арапки:
«Брат ты мой о господе, Марко!
Что меня, несчастный, покидаешь?»
85 Вот как согрешил я перед богом,
Вот свое добро откуда я добыл,
Вот зачем я храмы божьи строю!

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1845

419

- Ее он безмолвно, но страстно любил
И редко и холодно с ней говорил;
А в сердце его все была лишь она,
И ум занимала об ней мысль одна...
- 5 Но детской и резвой своею душой
Любви не постигла она той святой...
Он вечно был мрачен, в печаль погружен,
А взор ее ясный к другим обращен, —
Но вот уж расстались они, — и далеко
- 10 Живет он, но любит ее, одинокий.
А те, что встречали взор девы живой,
Об ней позабыли холодной душой.

420. Дорога

- Черными ветвями
Машет мне сосна,
Тусклыми лучами
Светит мне луна.
- 5 И, как вихрь, несется
Тройка через лес,
Сердце тихо бьется...
Мрачен свод небес, —

557

Вторит оклик дальний
10 Песню ямщика, —
Будто вздох печальный,
Мне звучит она.
Колокол унылый!
Сон напел ты мне,
15 И край сердцу милый
Вижу я во сне.
Вижу дом знакомый!
Вижу круг родной,
Вижу будто дома
20 Отдан мне покой.
И в саду заветном
Я опять брожу,
Вновь в речах приветных
Радость нахожу...
25 Но недолго тешил
Меня чудный сон;
Скоро все умчалось, —
И я пробужден...
Темная дорога
30 По лесу бежит,
Под дугой уныло
Колокол звенит, —
Мрачно ель кивает
Мне издалека...
35 Сердце замирает,
Душу рвет тоска.

1846

421. Желание

Когда пройдет зима и мертвый сон природы
Дни светлые весны роскошно оживят;
Деревья зеленью оденутся, — и воды,
Очнувшись от оков, поверхность заструят.

- 5 Когда, таясь в кустах, соловушек пугливый
Засвищет гимн любви, пленительный и милый, —
Тогда, о милый друг, ты вспомни обо мне!..
Ты вспомни все часы любви — очарованья:
Печальный разговор, прогулки при луне,
10 Сомнение и тоску и долгое молчанье...
Припомни радости, как сон, мелькнувших дней,
Привета взор задумчивый, печальный,
И безотрадное *прости* любви моей...
Разлуки поцелуй последний и прощальный!
С, Грачевка, 1846 г. декабря 7-го

1847

422. Муза

Рано в тенистой дубраве являлась мне чудная дева,
Рано учила ребенка играть на свирели. Сломивши
Гибкий тростник у потока, в стволе я отверстия делал
И, приложивши к устам, играл нестройные песни;
Муза, довольная мною, меня целовала в награду, —
И с младенчества я полюбил ее поцелуи.
Часто я играю с тех пор на звонкой свирели,
Часто на жарких устах моих веет дыханье богини.

423. Эллада

Как часто я тоскующей душою
Безумно рвусь в твой чудный, древний мир,
Святая Греция! Как часто я мечтаю,
Молюсь тебе, низвергнутый кумир!..

5 Ты снишься мне с свободою святою;
Я вижу твой роскошно-вольный пир,
Твоих богов и женщин светлооких,
С смолой кудрей на их грудях высоких...

Твоих певцов я слышу песнопенья:
10 Звучит, как гром, свободная их речь.
Мне видятся твоих сынов сраженья,

Я зрю в мечтах их все разящий меч,
Виденьями сменяются виденья...
Передо мной, средь мира и средь сеч,
15 Несется жизнь пирующей Эллады.

424. Дума

- Где б ни был я — в тиши ль уединенья,
В собраньи шумном ли — меня гнетет одна
Всегда присущая мне дума. Песнопенья
Не могут разогнать тяжелой; тишина
- 5 Моих священных лар ее живей лелеет,
И дума черная моим челом владеет.
Но ведь бывают дни: чело мое ясно,
И этой думою не сдавлено оно...
И память этих дней блестящею звездой
- 10 Горит над сумрачным путем, пройденным мною...
Когда на лоне я природы нахожусь
И жадною душой в молчании дивлюсь
Святой гармонии и ясному покою —
Та дума черная прощается со мною.
- 15 Под говор тростников, под шум родных дубров,
Под плески волн морских, под пенье соловьев
На бледное чело нисходит вдохновенье,
И шепчут внятное уста мои моленья...

425. Вдохновение

- Ко мне слетает чудный гений
Ночною тихою порой
И жаром светлых вдохновений
С моею делится душой...
- 5 Его не вижу грешным взором,
Но сердце чувствует: близок он, —
Его безмолвным разговором
Мой дух мятежный упоен.

И вдруг с души моей слетает
10 Все бремя горестей и бед, —
И сердце ясно расцветает,
Сомнений, слез — в помине нет!..
И долго помню миг блаженный,
Когда беседую я с ним,
15 Уста наполнит гимн священный,
И льется песнь ручьем живым.

426

Бывают дни, — и дней таких немало, —
Когда душа печальна, холодна;
Клянет и жизнь, и все, чем сердце трепетало, -
И будущность так кажется темна.

5 Бывают дни,—но дней таких немного,—
Когда в душе и ясно и тепло,
Когда за жизнь свою благодаришь ты бога,
И в будущем так кажется светло.

427. Призыв

Убран свежими цветами
Одинокий грот, —
Перед ним, шумя ветвями,
Толстый дуб растет;
5 Наклонилися над входом
Вереска кусты,
И сплелися тесным сводом
Там плюща листы;
Под ногой неосторожной
10 Не шумит трава...
Жду тебя в тоске тревожной,
Милая моя!..
Приходи!.. Под свежей тенью
Соловей поет...
15 Приходи!.. Тебя в томленьи
Друг сюда зовет!

Был я младенцем невинным, не знал ни заботы ни горя...

В ясное утро один бежал я в свежем саду.

Детские игры меня утомили, и лег я под ивой...

Шорох ветвей и ручья скоро меня усыпил.

5 Чудный я сон тогда видел, и помню его я донине:

В сердце детское мне он запал глубоко.

Видел я, будто весь сад тот цветущий, в котором уснул я,

Каждою травкой своей, каждым листочком своим

Мне говорит: «Посмотри, как прекрасно создание бога!»

10 Будто и светлый ручей песню про бога журчит...

И червячок, и жучок, и бабочка — вторили пенью,—

И соловей повторял песню ручья и цветов.

Радостно я пробудился и после того сновиденья

Жарко природу люблю, в ней обожая его.

429. К стихам А. Шенье

Шенье! Твоих стихов мелодия живая

Влечет мои мечты в чудесный древний мир, —

Мир красоты и воли... Забывая

Наш грустный век, я строю древних лир

5 В твоих строфах пластических внимаю.

Как наша жизнь бедна в сравнении с той,

Которую тогда в мечтах переживаю:

Как дышит эта жизнь нездешней красотой!

430

Помню я рощу зеленую,

Помню я пруд голубой,

Помню я речи свободные —

Речи вечерней порой;

5 Помню я взгляды любимые,

Щечку с румянцем живым,

Помню уста твои влажные

С их поцелуем немым;

Помню я трепет руки твоей —
10 Детской, прекрасной руки...
Помню... но сердцу не жалко их —
Дней этой глупой тоски!

431

Часто вас видя и часто вас слушая,
Я не могу наглядеться, наслушаться.
Взгляд ли встречаю ваш—взгляд простодушия,—
Все мои мысли, теории рушатся.

5 Все забываю я! Планы высокие,
К свету презрение, жажду познания,
Темной науки идеи далекие,
Светлой поэзии мир обаяния.

Хочется слушать вновь речи опасные,
10 Хочется снова страдать и безумствовать,
Хочется в глазки смотреться прекрасные,
Хочется верить и хочется чувствовать!..

432. Есть слова

Есть слова! Они глубоко
Камнем в сердце западают,
И безжалостно слова те
В жизни счастье отравляют.

5 И они так просты, ясны,
Говорит их мир открыто;
Но глубокое значенье
В них до времени сокрыто.

И пока без тайной цели
10 Мир слова те произносит,
Их никто не замечает,
Их никто в груди не носит.

Но когда одним лишь звуком
Надо счастье уничтожить,
15 Отравить надежду, радость,
Жизнь спокойную встревожить, —

В это слово мир коварный
Весь свой яд переливает
И его с насмешкой едкой
20 Бедной жертве посылает.

И отравленной стрелою
В жертву слово то вопьется,
И она от тяжелой язвы
В муках стонет, в муках бьется!

25 И на жертву с удивленьем
Смотрит мир, не понимая,
Как могло пустое слово
Столько зла и горя сделать?..

433

Художник выставил Венеру на показ.
«Ну можно ль написать ее таким уродом?»—
Кричал народ, не в шутку рассердись.
Но тут один остряк пред всем народом
5 Сказал: «Я угадал как раз,
Зачем написана в таком тяжелом тоне
Богиня, так стара, дурна, что колет глаз —
Художник, господа, хотел польстить — Юноне».

434. Надя

По улице шел я... Мерцали
В тумане кой-где фонари...
Пуста была улица; встретил
Я пары четыре иль три

5 Прохожих. Но вдруг я увидел,
Навстречу мне девушка шла;
На ней была белая шляпка,
И плечи ей шаль облегла.

- Когда я был близко к ней, ярко
10 Фонарь подле нас засверкал,
Знакомый я образ увидел, —
И за руку бедную взял...
И с тайною грустью взглянул я
На вянущий этот цветок.
- 15 Она крепко руку мне сжала,
Сронив с своей шеи платок...
Хоть много сказать мне хотелось,
Молчали упорно уста;
Она мне твердила: «Что, разве
20 Я хуже теперь, чем была?»
И взором печальным я долго
С тоскою глядел на нее.
«Нет, Надя! Тебя не узнал я:
Лицо изменилось твое,
25 В глазах твоих черных нет блеска,
И бледность видна на щеках;
Искусствен их яркий румянец,
Притворна улыбка в устах!»
Печально она улыбнулась...
- 30 Я много во взоре прочел, —
И проповедь бросил — и с нею
Вдоль улицы молча пошел.
Ее до квартиры довел я
И молча ей руку пожал...
- 35 Она мне сказала: «Зайдите!»
Но я отвечал: «Я устал!»
И грустно своею дорогой
Побрел я... Туман все густел, —
И крупными каплями дождик
40 По темным плитам зашумел...

Весною пред пышною розой
 Я тихо с малюткой стоял:
 Так весело на сердце было,
 Я сладко ее целовал.

- 5 Один на то место пустое
 Я осенью поздней пришел...
 И что же? — Ни розы ни друга
 Я более там не нашел.

436. Охотник

- Когда-то и я в Петербурге живал,
 Писателей всех у себя принимал —
 И с гордой улыбкой являлся на балах...
 Стихи мои очень хвалили в журналах:
 5 Я в них и свободу и истину пел,
 Но многих представить в цензуре не смел.

Эй, Ванька! Скорее собак собирай!
 Эй, Сенька! Живее мне лошадь седлай!

- Политикой также заняться любил, —
 10 В кондитерских все я журналы следил...
 Читал и философов... Сам рассужденье
 Писал о народном у нас просвещеньи...
 Потом за границей я долго блуждал,
 Палаты, Жорж Занда, Гизо посещал.

- 15 Эй, Ванька! Скорее собак собирай!
 Эй, Сенька! Живее мне лошадь седлай!

- В чужбине о родине я сожалел, —
 Скорей воротиться домой все хотел —
 И начал трактат (не окончил его я)
 20 О том, как нам дорого вчуже родное,

Два года я рыскал по странам чужим:
Все видел — Париж, Вену, Лондон и Рим.

Эй, Ванька! Скорее собак собирай!
Эй, Сенька! Живее мне лошадь седлай!

- 25 Приехавши в Питер, соскучился я...
Казна истощилась порядком моя.
Поехал в деревню поправить делишки,
Да все разорились мои мужичишки!..
Сначала в деревне я очень скучал —
30 И все перебраться в столицу желал.

Эй, Ванька! Скорее собак собирай!
Эй, Сенька! Живее мне лошадь седлай!

- А нынче так, право, меня калачом
Туда не заманишь. И славный здесь дом,
35 И повар обед мне готовит прекрасный;
Дуняшке наделал я платьев атласных.
Пойдешь погулять—вкруг мальчишки бегут...
(Пострелы — они меня тятей зовут).

- Эй, Ванька! Скорее собак собирай!
40 Эй, Сенька! Живее мне лошадь седлай!

- С соседями езжу я зайцев травить,
Сойдемся ль — за карты, а после попить...
Прекрасные люди мои все соседи, —
Хоть прежде твердил я с презреньем «медведи!»
45 Политику бросил,— и только «Пчелу»
Читаю от скуки всегда поутру.

Эй, Ванька! Скорее собак собирай!
Эй, Сенька! Живее мне лошадь седлай!

- Однажды я как-то письмо получил,
50 Писал мне приятель мой славянофил,
Чтоб ехал скорее к нему я в столицу —
Тащить меня вздумал опять за границу...

Но я отвечал ему: «Милый мой друг!
В себе воскресил я разгульный свой дух!»

55 Эй, Ванька! Скорее собак собирай!
Эй, Сенька! Живее мне лошадь седлай!

«Мне ладно в деревне: здесь сладко я сплю,
Гоняться с собаками в поле люблю.
С житьем ни за что не расстанусь раздольным,
60 Дышу теперь вдоволь я духом привольным!
Ко мне, братец, лучше сюда приезжай:
Изделя в деревне моей изучай!»

Эй, Ванька! Скорее собак собирай!
Эй, Сенька! Живее мне лошадь седлай!

С тех пор мой приятель ко мне не писал...
И слышал я, нынче известен он стал
Своими трудами. Знакомцы другие —
Все люди теперь тоже очень большие...

70
Что ж, Ванька — каналья! Чего же ты ждешь?
Да скоро ль ты, Сенька, гнедка приведешь?

437

Если б я вас снова встретил,
Что бы было между нами? —
Я бы вам одно заметил:
Что умнеем мы с годами;
5 Что во мгле туманно-бледный
Лик луны и листьев шопот,
И ландшафт полночный бледный,
И пруда немолчный ропот, —
Много детской нашей страстью
10 Управляли в стары годы;
Что любовь теперь, к несчастью,
Не зависит от погоды, —

Ни от бледного мерцанья
Звезд небесных, молчаливых,
15 Ни от глупого мечтанья
И стишков пустых, слезливых...
Я сказал бы вам при встрече,
Если вы умнее стали:
«Переменим эти речи,
20 Чтобы нас не осмеяли!»

438

Еще в школе он был,
А стишки уже кроил, —
И частенько
Книги в сторону клал, —
5 Хоть уроков не знал
Хорошенько...

Запирали его
И секли его...
Мало прока!..
10 Страсть была велика:
Не касалась рука
До урока.

Школу бросив потом,
Он сердитым пером
15 Размахался...
Не признал его свет, —
И великий поэт
Стушевался.

Нынче в мирной тиши,
20 Он в уездной глуши
Процветает:
Служит, — все о делах
Да про восемь в червях
Рассуждает...

25 Завелся он женой,
Есть пяточек другой
И ребяток...
Средь семейных отрад
Счастлив он и *богат*...
30 (Не от взяток).

439

Много звезд блестящих
На небе зажглось...
Много снов прекрасных
В сердце пронеслось.

5 Но бежит по небу
Тучки полоса, —
И покрылись мраком
Звезды, небеса...

В сердце воскресают
10 Сумрачные дни, —
И, как тучи небо,
Тмят чело они.

440

Словно смеется гладь моря, солнца лучами играя;
Мутно черное дно, — страшно в него заглянуть...
Так на устах моих бледных ты видишь часто улыбку...
В сердце б взглянула ко мне!.. Как испугалась бы ты!

441. Статуя

Где вьется гибкий плющ с ветвями повилики
У грота свежего — в тени есть камень дикий.
На камне древняя статуя старика, —
Стоит с косою; — костлявая рука

- 5 Песочные часы тихонько поправляет;
Улыбка страшная в устах его сверкает...
Взглянув ему в лицо, я далеко бегу;
Улыбку старика я видеть не могу.

442. Груня

- Снег засыпает окошко, —
С треском лучина горит...
Дремлет старик на полатах, —
С пряжей старуха сидит.
- 5 Вяло жужжит у старухи
Веретено под рукой...
В теплой печурке свернувшись,
Кот распевает седой.
- А у окна молодлица,
10 Тихо сгорюнясь, сидит, —
В белую вьюгу все смотрит.
Слезка глаза ей мутит.
- Воле послушна отцовской
Груня, бедняжка, была —
15 И за немилого замуж,
Не прекословя, пошла...
- С Ваней ее разлучили:
Ваню любила она...
Вот и теперь все об этом
20 Плачет она у окна.
- Жалко ей Ваню... Бедняжка,
Как повезли под венец
Грунюшку, больно крушился —
Да и ушел наконец...
- 25 С этой поры в их деревне
Нету вестей от него...
— «Воля родимых, сгубила
Милого ты моего»...

443. Няня

- Засыпай же поскорее,
Не шуми, мое дитя...
Завтра встанешь веселее,
Вскроешь глазки ты шутя.
- 5 Пред иконой ты молился,
Целовал ты крестик свой...
Спи, дружок, чтоб спустился
С неба ангел твой святой.
Ты уснешь — тебе покажет
- 10 Ангел божьи чудеса
И тебе во сне расскажет
Про родные небеса:
Как там солнышко играет,
Как там месяц золотой
- 15 Очи часто умывает
Поздней свежею росой;
Как там звездочки ночные,
Словно искорки, горят, —
Божьи ангелы святые
- 20 Как молитвы там творят.
И когда ты смирно будешь
«Богородицу» читать,
На постели не забудешь
Крестик свой поцеловать, —
- 25 Все тебе тогда расскажет
Ангел божий в сладком сне, —
Твою звездочку покажет
Там в небесной стороне.

444. Хорошая партия

Она пред налоем стояла,
Бледна и поникнув головкой, —
Вдоль щек у ней слезка сбегала,
И билася грудь под шнуровкой.

5 Жених старичок был почтенный;
Увешана грудь орденами...
И с важностью неизменной
Вокруг поводил он глазами.

И вот обвенчалася пара...

10 У них беспрестанно пируют,
Средь бального часто разгара
Жена и бледна и тоскует.
За картами мужу не время
Заметить, как чахнет супруга;
15 Уж в грудь ей заброшено семя
Ужасного злого недуга.

И скоро болезнь и ненастье
Цветок этот нежный сломили...
«Как мало жила она в счастье!» —

20 Так в свете об ней говорили.
Супруг же попрежнему любит
Сытнее в обед нагрузиться, —
Здоровья страстями не губит...
И чаще за карты садится.

445. Соседка

Тому давно... Я был почти ребенок;
Она была прекрасна, молода;
Ее волнистый волос был так тонок,
А голосок так серебрист и звонок...
5 Прошли давно те ясные года.

В большом саду плющёвую беседку
Как будто вижу я перед собой...
Раздвинувши ветвей густую сетку,
Бывало, жду красавицу-соседку
10 И рву листок дрожащею рукой.
Придет она... Глаза горят так ярко,
И пышут щеки нежные огнем...

И с ней вдвоем (Лаура и Петрарка!)
Мы говорим так долго и так жарко...
15 О чем... Да так! Бог ведает о чем!
Рука моя так радостно сжимала
Ее ручонку детскую. Меня
Она порой тихонько целовала
И наклонясь, мне на ухо шептала...
20 А что?.. Все это позабыл уж я.
И уж давно я с нею не видался...
Я слышал, замужем теперь она...
А я с тех пор все по-свету скитался,—
И чувством что-то очень издержался,
25 И стала мне смешна та старина.
А все иной порою, и не редко
Случается, придет на память мне:
Цела ли та плющевая беседка?
Меня забыла ль милая соседка?
30 Иль так, как я, смеется старине?

446. Малютка

Перед образом спаса лампада
Светом матовым тускло горит,
У стены, под парчей Царяграда,
В колыбели малютка лежит;
5 Колыбель эту, тихо качая,
Прислоняся к руке головой,
Няня дряхлая, сон разгоняя,
Песнь поет на старинный покрой.
В этой песне, бессмысленно-дикой,
10 Обещает ребенку она,
Что он будет красавец великий,
Что судьба его будет красна,
Что он горя вовек не узнает,
Что все люди полюбят его,
15 И что слава его ожидает,
Как едва ли другого кого!..

- Полно, старая, полно, как можно
Над ребенком бесстыдно так лгать?
В память мягкую можно ль безбожно
20 Небылые надежды вливать?
Не тебя ль твой питомец прекрасный,
Как испробует силы свои,
Проклянет за обман твой ужасный,
За нелепые сказки твои?

447

- Люблю я на тебе мои покоить взоры,
Когда в тени лесной, оставив все уборы,
Все украшения искусства — ты сидишь
На берегу ручья и ножкою мутишь
5 Потока резвого сверкающие воды...
Все так полно тогда чарующей природы —
Тут, на песке лежат, разбросаны тобой,
Одежды жаркие... и вольною волной
Сбегают на плечи кудрей твоих извивы;
10 А ветви длинные прибрежной гибкой ивы
На зыбь твоей груди бросают полутень,
Трепещет над тобой ветвей сплетенных сень...
Твой взор следит цветов роскошные узоры,
И внемлет чуткий слух, как в листьях сикоморы
15 Поет певец ночей — волшебный соловей...

448

- Акация цветы душистые роняет,
И роза аромат мне с листьев посылает...
По тихим берегам хожу в раздумье я;
В водах спит лебедей пугливая семья, —
5 И тихо все кругом... Лишь редко пронесется
Зефир по тростникам, и нежно раздается
В них песня дивная, — и лебедь, пробудясь,
Взмахнет крылом и вновь уснет, в волну глядясь...

449. Путник

Ночной туман покрыл мой путь...
Пора мне дома отдохнуть!..
Меня он ждет, мой кров родной,
Там будет путнику покой.

- 5 Приятно страннику заснуть,
Когда он кончил длинный путь...
Мне виден дуб в дали немой:
Под ним приют родимый мой.

450. Эпиграмма

Мне твой стих надоедает,
Ты писал его с трудом...
Сальной свечкой он воняет,
Сильно пахнет табаком.

451. Кольцов

Он с юных лет был угнетен судьбою,
Своей семьей он не был оценен...
Несытый ум томился, но борьбою
С холодной жизнью не был сокрушен.

- 5 Его душа, полна больной страною,
Любила все, чем был он окружен...
И песнь его нам кажется родною:
Весь мир души в ней завещал нам он.

- Степной разгул, крутую силу воли,
10 Упорную борьбу с лихой судьбой,
И эту долю, сумрачную долю,
В которой жизнь он проклинал порой,
И грусть свою, порою плач неволи —
Все высказал он в песне огневой.

452. Зима

I

Что нам весна с соловьями, с цветущею рощей! На что нам
 Пышный венок из цветов и горячее солнце полудня?
 Если со мной ты, дитя, и зима мне милее весенней
 5 Теплой поры. Разложивши огонь, сижу я с тобой
 Так же, как в солнечный день. Твоя резвая песня мне тот же
 Звонкий напев соловья. А цветущая роща... Зачем мне
 Рощу!.. И здесь, в мягком кресле, как в чаще дубовой,
 Счастлив я на душистой траве... Вместо ярких долины
цветов
 Есть незабудки в глазах у тебя, на щеках твоих розы;
 10 Шея и грудь твоя—те же лилеи; а светлые волны
 Русых кудрей благовонней, чем воздух расцветшего сада.

II

Сивка по полю бежит,
 Снег под санками скрипит;
 Солнце светит высоко...
 Так отрадно и легко!
 5 Щечки свежие в мороз
 Расцвели алее роз...
 Не озябла ль ты, дитя?
 Дома сядем у огня.
 Сивка по полю бежит,
 10 Снег под санками скрипит...
 Поседели в злой мороз
 Кудри шелковых волос!
 Вьется дым невдалеке...
 В нашем теплом уголке
 15 Печка весело горит,
 Кресло мягкое стоит

Там согреешься шутя,
Мое доброе дитя...
Будут греть уста мои
20 Ручки мерзлые твои.

Солнце ярко в небесах,
Поле все горит в звездах...
Сивка, ну!.. лети стрелой...
Стой! приехали домой!

III

Ярко и с треском огонь разгорелся... Уж поздно!
Надо ли свечи зажечь?.. Для чего? В полумраке
Будем сидеть и болтать... да о чем же? — О всем мы
Переболтали с тобою вечерней порой.
5 Что говорить... Поцелуй меня лучше, малютка!
Лучше всех толков моих поцелуй твой один.

IV

Вечером поздно уляжешься ты на кушетке. Сижу я,
Лампа горит на столе, быстро вожу я пером.
Только задумаюсь, только перо отведу от бумаги,
Тотчас ты мне говоришь: «Рифмы не можешь найти?»
5 Что за слово? Скажи!.. Я найду тебе тотчас созвучье...
Разве не знаешь, что я рифмы люблю прибирать?»
Знаю, дитя, что ты прекрасный поэт, и уста твои звучно
К каждой ласке моей в рифму целуют меня!

453. В пути

Предо мной лежит
Степь печальная.
Все мне слышится
Речь прощальная.
5 Все мне видятся
Взоры милые,
Все твержу *прости*
Через силу я.

И все та ж в ответ
10 Речь прощальная...
Но молчит кругом
Степь печальная.

454

У двери скрипучей
Красуется елка...
За дверью той речи
Не знают умолка.

5 Тяжелое ль горе
На сердце заляжет,
Аль лапушка слово
Немилое скажет, —

К той елке зеленой
10 Своротит детина...
Как выпита чарка,
Пропала кручина!

Да если и счастлив,
Кипит ретивое,

15 И с Машей шептался
Всю ночь за рекою;

20

Под елкой зеленой
Лей чарку полнее!..
Там горькое горе
Пройдет поскорее.

25 Под елкой зеленой
Лей чарку полнее...
Коль весело,— будет
Еще веселее!..

455. Современный гидальго

Юноша поджарый,
Кудри по плечам...
Сюртучишко старый
Расползся по швам...

5 Рыжая шляпёнка,
Стеклышко в глазу,
Завит очень тонко,
Угорь на носу.

Сморщен лоб широкий,
10 Ямы вместо щек,
И в глазах глубокий
Светится упрек...

Скверная сигара
У него в зубах...
15 Говорит он с жаром,
Прогрессивно страх.

Весь в дугу согнулся,
Словно пуд несет...
Слушайте! Надулся,
20 Речь он поведет:

«Манекены — люди,
Вам ли *нас* понять?
Камень — ваши груди...
Вам ли мысль приять?

25 Избраны веками
Для чреды иной,
Высимся над вами
Целой *мы* главой.

—Суета мирская
30 Занимает вас,
Ноша мировая
На плечах у *нас!*»

Юноша умолкнул,
Грозно брови сжал,
35 Языком прищелкнул
И сигару взял.

40

456. Встреча

- Давно тебя знал я: ребенок
Была ты веселый, живой;
Был голос твой детский так звонок,
Так ярок твой глаз голубой.
- 5 Мы часто с тобою играли...
(Я сам был ребенком тогда!)
Мы вместе резвились. Умчали
И детство и юность года.
И встретил тебя я печально.
- 10 Мне горько тебя узнавать...
Я вспомнил и угол мой дальний,
Отца и покойницу-мать;
Я вспомнил про игры с тобою,
Я вспомнил о давних годах,
- 15 Все ожило вдруг предо мною
В роскошных и светлых мечтах.
Да! Многого вовсе не стало,
Другое же стало не тем,
Чего мое сердце желало,
- 20 Во что уповало... Зачем
Тебя еще раз я встречаю
На жизненном темном пути?
Мне было легко, уповая,
По грустной дороге итти...
- 25 Неужто и всем упованиям
Такая ж судьба суждена?
Убитая тяжким страданьем,
И ты не была спасена.

- Как много я думал, бывало,
30 О счастье грядущем твоём...
Все светлую жизнь обещало,
Сияло приветливым днем.
Душа твоя, полная силы,
И в трудной житейской борьбе,
35 Казалось, до самой могилы, —
Всю жизнь — не уступит судьбе.
Удары ль ее беспощадно
Сгубили всю силу твою,
Иль только мечтою отрадной
40 Лелеяла душу мою
Надежда... не знаю, но встрече
С тобою теперь я не рад...
Так пусты короткие речи,
Так грустен мой сумрачный взгляд.
45 И ты избегаешь со мною
Свиданий тяжелых, и я...
Я встреч избегаю с тобою...
Душа изнывает моя!
Тебя не узнаешь... Ты стала
50 Бледна и худа и больна,
Ты рано и скоро увяла,

И только одним сожаленьем
Могу я тебя подарить,
55 Я беден и сам, я с терпеньем
Обязан мой путь проходить.
Но образ твой грустный и бледный
Все будет мечта представлять
И буду я — счастьем бедный
60 Молиться, терпеть, уповать!..

457. Смех

Она смеется — но когда б случайно
Взглянул кто в глубь души ее больной,
Увидев все, что там сокрыто тайно
От глупости людей, от их насмешки злой,

- 5 Как слышались тогда ему бы внятно
В веселом смехе слезы!.. Все, что есть
Страданий, горя в жизни, так понятно
В ее улыбке мог бы он прочесть.

458. Наяда

- Когда на западе горит заря пожаром
И грудь моя дрожит, пылая тайным жаром —
Иду на берег вод и, распростершись там,
Устами теплыми к холодным льну волнам.
- 5 И из зеленых вод наяда молодая,
Устами влажными мои уста лобзая,
В моей груди тогда желаний гасит жар,
Как гасит мрак ночной на западе пожар.

459. Жатва

- Помона щедрая так пышно убрала
Златою жатвою широкие поляны
И в частые ряды колосьев заплела
Лазурноглавые, прелестные цианы.
- 5 Оделась ризою богатою земля:
Как море злачное, волнуются поля,
И спеет наливной, под лаской солнца, колос.
Вечернею порой, под кровлей поселян
Звучнее песни: всяк, кто лишь имеет голос,
- 10 Поют богине гимн за пышный вид полян.

460. Встреча

- Здорово, служивый! Куда ты идешь?
Я вижу, ты с дальней дороги...
Взгляни-ка на небо: собирается дождь;
Не худо б тебе до погоды

- 5 Под крепкую кровлю зайти отдохнуть
И пищей ослабшие силы
Свои подкрепить, а потом уже в путь
И дальше итти от Вавилы.
Я здешний крестьянин: живу же сам-друг
- 10 С женою, Настасьей Петровой,
И близко отсюда; да чу! — вот мой слух
Лай слышит собаки домово́й...
Зайди же, служивый, — простой я мужик
И гостю такому рад буду...
- 15 Да, ну, не чинися! Ты добрый старик:
Согласьем окажешь услугу...
«Вавила, Вавила!»—меж тем бормотал
Солдат в забытье и слезами
Большие седые усы обливал,
- 20 Впиваясь в Вавилу глазами,
И вот он, опомнясь, спросил наконец
У доброго парня:
«Мой милый!
- Скажи ты мне: кто ты и кто твой отец
И жив ли, и как ему имя?..»
- 25 — Отца своего я не помню, старик.
Когда на француза лихого
Вся Русь поднялася, я был невелик, —
Не вынесло сердце родного!
Он бросил жену и меня, поспешил
- 30 Пожертвовать родине жизнью,
И в битве с врагом он живот положил
За веру, царя и отчизну...
Так слухи, родимый, носились у нас:
Так матушка мне, малолетку
- 35 (Ее уже нет), говорила не раз...
Взращен же и вскормлен я дедом
И память о нем сохраню навсегда:
Он редких, покойник, был правил,
Учил добру внука; и память отца
- 40 Любить, почитать он наставил.
И что я родного, хотя не видал

Отца своего с колыбели...

«А имя скажи мне!...»

— Едва ль ты слышал

Про имя Орлова в артели?..

45 «Ивана?..»

— Так точно...

«Мой бог!.. Ты мой сын!...»

На шее Вавилы, с слезами,
Служивый повис, повторяя, «мой сын».

— Родимый, ужели ты с нами?

Бог радость послал:—воротился отец,

50 Которого все мы считали

Убитым врагами, но дивен творец!

Он жив, и здоров, как не ждали...

Дальнейшую радость семьи той, друзья,

Представьте вы сами, как будет по силе;

55 Счастлива страна та, счастлива семья.

Где странников любят подобно Вавиле!

461. Маркел

Ясным соколом влетел
В избу хват лихой, Маркел:

— «Здравствуй, барыня-жена!

Чай, ты мужа не ждала.

5 Обойми-ка понежней

Да налей мне миску щей,

Хлебца мягкого отрежь,

Полной чарочкой потешь!

Мочи нет, как я устал,

10 И в дороге голодал.

И скажу так, подивись ты,

Посуди сама: верст триста

Я до дому шел пешком,

С тяжелой ношею притом!

- 15 Тяжело было нести
Узел пуда чуть не в три.
Хоть смеяться будут мне,
А красавице-жене
Принесу я за любовь
- 20 Разных редкостных обнов...
Ну да что же ты стоишь,
Ничего не говоришь?..
Аль не рада?.. Аль иное
Что случилось такое?..
- 25

- Дуня все-таки молчит,
30 Лишь губами шевелит...

- Светит ясная погода.
Близ чугунного завода,
Там, где ныне полотно
- 25 Полосой проведено,
От работ вокруг земли
Собирались мужички...
Кашевары за котлами
Зорко быстрыми глазами
- 40 Наблюдали, чтобы щи
Или прочие харчи
Поскорее докипели,
Вкусны б были для артели...
Вот собралась вся семья;
- 45 Раздались голоса:
«Эй вы, что вы там, бояры!
Шевелитесь, кашевары:
Дайте есть нам поскорей;
Не морите вы людей!..»
- 50 — Все готово!—Помолились
И к столам все потеснились...

Лишь один из мужичков
Не теснился у столов,
Не кричал, не веселился,
55 А как будто бы молился,
И так бледен, что едва ли
Краше в гроб другого клали...

«Эй ты, дурень-ротозеич, —
Закричал вдруг Архидеич,
60 Уж плясавший трепака: —
Полно корчить дурака!
Щи и кашу мы, брат, съели
Да и песенки запели;
А ты все стоишь один,
65 Как ученый господин.
В небе звезды что ль считаешь?
И чего ты ожидаешь?
Эй, приятель, не грехи,
Не губи своей души;
70 Лучше песенку нам спой-ка:
Голос твой так льется бойко!»

75

462. Горе

Песня

Ах, ты Ванька, ты Ванька-горюн,
Отчего ты, наш Ванька, не женишься?

Ах ты, горе мое, горе,
Скоро ль ты пройдешь?..
Бьется с непогодою
На море корабль:
5 Бьюсь и я с невзгодою
Так, что весь ослаб!..

- Ах ты, горе мое, горе,
Скоро ль ты минешь?
Мачта подломила,
10 Руль оторвало...
Счастье удалилося,
Радость унесло...
Ах ты, горе мое, горе,
Ты со мной живешь?
15 Взвыло, разрыдалося
Горе, отходя:
С кем ни повстречалось,
Клеплет на меня.
Ах ты, горе!—слез ведь море!
20 Бедняка убьешь!..
Лучше воротись назад,
Барься у меня!
Мне не привыкать ведь стать
К горю, полюбя...
25 Ах ты, горе мое, горе,
Ты ведь не уйдешь?
Свыкшись с непогодою,
Моряки живут,
Так и я с невзгодою
30 Сделался сам-друг;
Ах ты, горе мое, горе,
Ты со мной умрешь!

463. Песня русского ямщика на чужбине

- Эй вы, соколики,
Славные кони мои!
Что ваши ноженьки,
Сбруя, телега, шлей?
5 Все ли улажено,
Все ли готово к пути
В русскую сторону,
Добрые друзья мои?..

Много помаялся
10 В чуждой сторонushке я,
Да и спокаялся;
Где-то родная семья?

Буйная молодость
С ними меня развела.
15 Девка-неопытность
Молодца в чушь увлекла...

Эй вы, соколики,
Славные кони мои!
Все ли улажено,
20 Все ли готово к пути?..

464

Я спел бы вам песню веселую, други,
Да горе пришибло, лихие недуги,
И песни веселой охоты нет петь;
А с грустного сердца унылым мы строим
5 И грусти не снимем, лишь душу расстроим:
Так лучше уж молча нам горе терпеть...

До нас жили люди, до нас и печали
Сердца их несчастьем, бедой поражали;
А жили же люди, как ныне живут:
10 А жили же люди и бога хвалили,
И радости чистой мгновенья ловили:
И с миром те люди на небо взойдут.

Смирись же, кичливость ума, перед богом!
Смирися и с верой, в мышлении строгом,
15 На небо печальный свой взор обрати:
С какою любовью там ангелов круги
Стоят у престола и молят: недуги,
О боже, и гнев от людей отвори!..

И вот благодатная милость нисходит
20 От бога и радость на землю низводит:
Да будет покоен душой человек
И мысли в ту горную высь возвышает,
Где вечная радость любовь обещает,
Блаженства не годы, а вечности век!

465

Рассудка голосу не внемля,
Сомненье страшное объемлет
Мой отуманившийся ум.
Душа надежды, веры просит,
5 Но их волненье грез относит
В водоворот безумных дум.

Чего-то робко ожидая
И день прошедший провожая
Всегда горячею слезой,
10 Напрасно разумом пытливым
Стараюсь в свете прихотливом
Уразуметь я жребий свой:

Добро любил я с малолетства
И был доверчив к людям с детства;
15 Но лета юности прошли...
Другие дни, другие годы!..
Тяжелой жизни непогоды
Другой одеждой облекли
Мои доверчивые чувства:
20 В добре я вижу плод искусства,
А в ближних сердцу — стынет кровь —
Одни расчеты—не любовь...

Как оглашенный, у порога
Любви божественной чертога
25 Стою, поникнув головой,
Не смея горестного взора,

Без сожаленья, без укора,
Поднять ко благодати святой:
И тяжко на сердце и больно,
30 Взыдаешь, всплачешься невольно,
И страшен вновь грядущих лет
И новых опытов привет!..

466

В улице далекой,
Мрачной и пустой —
Небольшой есть домик,
Чистенький такой.

5 Опушен он густо
Зеленью кругом,
Расцвели сирени
Пышно под окном.

А в окне порою
10 Белая рука
Поливает стебли
Нежного цветка.

Ручка ничего бы...
Но иной порой
15 Там горят и глазки...
Что за блеск живой!

И за этот домик
С садиком кругом,
За сирень густую
20 Под его окном,

За его хозяйку,
За глаза ея, —
Улицу пустую
Не забуду я.

Н.-Новгород

Мне жаль тебя... Семья жестоко
Тебя замучила, и ты
Постыдно пала — и глубоко
Погрызла в тине пустоты.

- 5 Но мне не больно было б это,
Когда б не знал я, что в тебе
Была душа и ум поэта,
И силы — устоять в борьбе!

Н.-Новгород

- Бывало, в беседке
Зеленой и темной
Читал я соседке, —
Плаксивой и томной,
5 И плакал я с нею
Над песнями Гейне,
Звал милой своею
(Du Holde, du Meine).
Немецкие грезы
10 Давно мне забылись,
И глупые слезы
Давно истощились...
Она ж вспоминает
Меня на свободе
15 И Гейне читает
В моем переводе.

469. Весна

Вотдохнула весна молодая,
Разошлася кора ледяная,
По лазуревой глади реки
Пестрой стаей снуют челноки.

- 5 Наша легкая лодка готова,
Будем плавать до мрака ночного
Вдалеке от завистливых глаз...
Целый мир эта лодка для нас.
Свежий есть островок недалеко...
10 Дуб раскинул там ветви широко...
К островку и рыбак не плывет,
Только лебедь там белый живет.
Там, под говор струи золотистой,
На траве ароматной и чистой,
15 Неги дивной роскошно полны,
Нас обвеют прекрасные сны.

Н.-Новгород

1849

470

- В минуту ль светлого сознания,
Расчета с жизнью и собой,
Как на сторонние деянья,
Посмотришь на свои порой,
5 И хладнокровно, беспристрастно
Прочтешь прошедшего скрижаль,
Как станет грустно, станет жаль,
Что столько прожито напрасно,
Кой-как день за день, без труда,
10 Без всякой пользы и следа!

471

- Я говорил ей: «Нам надо расстаться,
Нас не связал неразрывно венец,
Вечно не может любовь продолжаться,
Рано ли, поздно ли — тот же конец!»
5 И на слова свои ждал возражений,
Думал: теперь разразится гроза.
Буря польется упреков, молений,
Гневом, слезами нальются глаза,

Но ни упреков ни слез я не встретил,
10 Молча сидела она у стола,
Только бледней, чем всегда, я заметил,
Бедная в эту минуту была,
Только прерывистой было дыханье,
Руки вдруг стали ее холодней,
15 И на лице отразилось страданье,
Камнем давившее душу у ней.
Мне стало жаль ее; вот разгадайте
Сердца капризы все!.. Но, как герой,
Выдержал роль я, сказал ей: «Прощайте!»,
20 Руку пожал и... скорее домой.

472

Случалось ли вам, когда вечером, книгу ль читая
Иль дав разгуляться свободно мечтам,
Вы так углубитесь, читавши иль просто мечтая,
Что все остальное не слышится вам;
5 Случалось ли вам, чтобы в эту минуту покою,
Хотя бы вы в комнате были одни,
Внезапно вдруг что-нибудь стукнет иль скрипнет порою,
И снова все полно опять тишины,
И станет вам страшно, вы даже вздрогнете невольно;
10 Не бойтесь! Покой ваш нарушил не дух
Какой-нибудь злобный; забвеньем тогда недовольный.
Напомнил себя вам умерший ваш друг!

473

Ярко солнце светило,
Да затмилось,
Крепко любил молодец,
Да покинул:
5 Заслонили солнышко
Черные тучи,

477. Надежде Васильевне Самойловой

От нижегородца

Полон свежих вдохновений,
Полон грации и сил,
Ваш прекрасный, светлый гений
Много радостных мгновений,
5 Много чистых наслаждений
Сердцу подарил!

Каждый выход ваш встречала
Тайным трепетом душа...
Переполненная зала
10 То, крича, рукоплескала,
То с любовью вам внимала,
Молча, чуть дыша.

Дан вам славой неизменной
Свеж и полон ваш венок,
15 Пусть же мой листок мгновенный,
Безыскусственный, смиренный,
Ляжет, вами вдохновенный,
Хоть у ваших ног!

1853

478

Когда пройдут искуса годы?
Когда из лона черных туч
Тебя, колосс, осветит луч —
Животворящий луч свободы?

5 Ты гордо голову вознес,
Дивя испуганное око;
Но безглаголен ты, колосс!..
Когда же тьма сойдет с востока?

Когда под заревым огнем
10 Твоих речей раздастся гром?
Ведь говорят: во время оно
И неподвижный столб Мемнона
Гудел под солнечным лучом?!
1833

479

Как храм без жертв и без богов,
Душа угрюмо сиротеет,
Над нею время тяготеет
С суровым опытом годов.

5 Кумиры старые во прахе,
Погас бесплодный фимиам...
Но близок миг — и, в вешем страхе,
Иного бога чует храм...

1856

480. Перепутье

Труден был путь мой. Холодная мгла
Не расступалась кругом.
С севера туча за тучею шла
С крупным и частым дождем...

5 Капал он с мокрых одежд и волос;
Жутко мне было итти:
Много суровых я вытерпел гроз,
Больше их ждал впереди.

Липкую грязь отряхнуть бы мне с ног
10 И от ходьбы отдохнуть!..
Вдруг мне в сторонке блеснул огонек...
Дрогнула радостно грудь...

Боже, каким перепутьем меня,
Странника, ты наградил!
15 Боже, какого дождался я дня!
Сколько прибавилось сил!

1856, 11 февраля, Спб.

1857

481. На пути

За туманами потух
Свет зари вечерней...
Раздражительнее слух,
Сердце суеверней.
5 Мне грозит мой путь глухой
Злою встречей, битвой...
Но душа полна тобой,
Как святой молитвой.

Лисино, 10 июня 1857 г.

482

Говорят — весна пришла,
Ярки дни, и ночь тепла,
Луг зеленый весь в цветах,
Соловьи поют в лесах.
5 Я хожу среди лугов,
Я ищу твоих следов,
В чаще слушаю лесной,
Не раздастся ль голос твой.
Где ж весна, и где цветы?
10 Их срывать не ходишь ты...
Где же песня соловья?
Не слышна мне речь твоя...
Не пришла еще весна!
День угрюм, ночь холодна,
15 Поле инеи куют,
Птицы плачут — не поют...

Зарею обновленья

В моей ночи взошла любовь твоя,
В ней стали ясны мне и мир и жизнь моя,
Их смысл, и сила, и значение.

- 5 В ней, как в сияньи дня,
Я увидал, что истинно, что ложно,
Что жизненно, что призрачно, ничтожно
Во мне и вне меня.

- Когда я сердцем ощутил биенье,
10 Которым сердце билось твое,
В нем мира целого вместилось бытие,
Все радости людей, тревоги и стремленья.

- О, свет всевоскрешающей любви!
Ты, дав на дело мне и на страданье силы,
15 Веди меня сквозь мрак моей живой могилы
И к делу жизни вновь могучим призови!

Долиной пыльной шли мы рядом,
Блаженных дум полны.
Кругом весь мир цветущим садом
Сиял в лучах весны.

- 5 Казалось, радостным полянам
Из века в век цвести,
И к ним ни бурям ни туманам
Не отыскать пути.

- Мы, как во сне, остановились
10 У быстрого ручья.
Как чудно в нем лучи дробились,
Как искрилась струя!

Ты пела мне: «К угрюмой дали,
Журча, бежит ручей;
15 Там все страдания да печали,
Темна там жизнь людей.

Пойдем — осушим горя слезы
Счастливою рукой,
Снесем им радость, песни, розы,
20 Свободу, свет, покой!»

Мы шли, соединясь руками,
Над синей быстриной;
Ручей играл, сверкал меж нами
Веселою волной.

25 Мы поцелуем обменяться
Через него могли:
Нам любо было петь, смеяться...
Мы в чудных грезах шли.

Но вдруг рассеял наши грезы
30 Зловещий шум ручья,
Вздыхалась в нем, полна угрозы,
Померкшая струя.

Он шире стал, — и наши руки
Невольно разлучил,
35 Темнела даль, — и громко звуки
К нам ветер доносил.

Чрез миг завывала непогода...
Ручей влился в поток.
Искать мы стали перехода...
40 Волна срывала с ног.

Мы оглянулись... И за нами
Разливы бурных вод
Клубились по полям волнами...
Поток шумел: «Вперед!»

45 И мы пошли... Катилась с ревом
Меж нас уже река;
Мы только обменяться словом
Могли издалека!

Нам не сомкнуть уста и руки,
50 Река все шире, злей...
И милых слов родные звуки
Доносятся слабей.

Их заглушают грозной силой
И гром и вой реки,
55 Лишь виден мне твой образ милый
И знак твоей руки.

Но волны выше, тьма густая
Чернеет, свет губя...
Мне не видать тебя, родная!
60 Мне не видать тебя!

Зову... Во мраке исчезает
Бесследно крик тоски.
Лишь ураган мне отвечает
Один из-за реки.

65 И вот передо мною море:
В него влилась река...
И я один... со мной лишь горе,
Тревога и тоска!

Напрасно вопли посылаю
70 Я с темных берегов.
Ни мой тебе, ни твой, я знаю,
Мне не услышать зов.

Вдали лишь молнии трепещут
Среди зловещей мглы,
75 Вблизи же злобно в берег хлещут
Студеные валы.

485. Я. П. Полонскому

- В стихах тебе послание шлю,
О друг Полонский, из далека.
Вот видишь — болен я жестоко,
Бульоны ем, микстуры пью,
5 И огорчен при том о:
Сгубил я молодость свою
Среди пиров и буйных оргий.
И за безумные восторги
Страданья чашу ныне пью.
10 Тебе хотел бы я поведать
О всем случившемся со мной:
Сегодня враг желудок мой
Не мог и супом пообедать.
Но нет! я нынче страшно глуп
15 И телом вял и мыслью туп
И потому в Женеве дальней
При шелесте женеvских струй
Прими от друга хоть печальный,
Но братски нежный поцелуй.

1859

486

- Где консьержа вечно плещет,
Моя грязные полы,
Где луна печально блещет
Сквозь туман кофейной мглы,
5 Где в подвале наслаждаясь,
Дни проводит Под-Прудон,
Там Максима, извиваясь,
Мне вручила эдредон.

603

487. Н. В. Шелгунову

Встала молодая из мрака с перстами пурпурными Эос,
Мирный покинула сон Николаева сила святая.
Встал он и видит, в ковчеге лежат драгоценном
(подносом

Этот ковчег в просторечье зовется) подарки от милых
5 Сердцу его домочадцев: два чудной работы чугуновых
Тяжких сосуда, чтоб пепел с сигар отряхать
в кабинете —

В виде корзины один, другой же дракону подобный;
Восемь пар превосходных носков и самой Пенелопой
Лучше б не связанных, и папиросница темная кожи
10 С внутренним малым карманом, к хранению денег
удобным.

Если они не поют петухами, просясь на волю.
О, Шелгунов, лесоводственный муж, Николай
благородный.

Сам на эти дары напросился ты хитростной речью.
Так же, как древле в гостях у святой Алкиноевой
силы

15 Выклянчил много подарков себе Одиссей хитроумный.

1860

488. Экспромпт арестованного лондонского мазурика

(Pocketboy)

С полисменом поневоле
Должен я хлеб-соль вести:
Иль они со мною в доле,
Или я у них в части.
1860

489. Дервиш и мышь

Аполог.

Д е р в и ш

Я внемлю!..

Куда ты, мышь?

М ы ш ь

Я в землю!

Д е р в и ш

И я туды ж!..

1860 — 1861

490. Апостол Андрей

Апостолы носят ученье Христа

По свету стопой неустанной;

Идет и в славянские наши места

Апостол Андрей Первозванной.

- 5 По северным дебрям, холмам и топям,
Забрел он к туманным ильменским водам.

Пустынное озеро в сизых волнах;

Ни паруса нет в отдаленье.

Но люди тут есть: на его берегах

- 10 Местами темнеют селенья.

«Каков-то», — подумал апостол, — «народ,
Что в этих убогих лачугах живет?»

И шаг ускорил он, идя к берегам.

Вот к первым избушкам подходит.

- 15 Навстречу народ к нему выбежал сам;

Кричит и руками разводит...

Ни слова пришельцу сказать не дает,

И за руки к озеру прямо влечет.

В их криках нельзя разобрать ничего:
20 Привет ли то, или угрозы?
Но вот притащили на берег его:
Горой тут навалены лозы.
«Не казнь ли какая?» — подумал Андрей.
Но мимо влекут его, с воплем: «скорей!»

25 Стоит деревянная дальше изба.
Обуглены срубы, — и паром
Все щели дымятся; а сбоку труба
Погибельным дышит угаром.
В избе все клокочет, шипит и бурлит, —
30 И дымная туча над кровлей висит.

Зияет, как пасть, почерневшая дверь,
Вся мокрою сажей одета.
Подумал апостол: «погибну теперь!»
Но верой душа в нем согрета.

35 «Спасся Даниил и от хищных зверей.
Изми меня, боже, из рук дикарей!»

Все ближе толпа подступает к нему,
С обоих боков нажимает,
Теснит его к двери, — и в грозную тьму,
40 Как жертву, с собой увлекает.

Зловонным и знойным туманом объят,
Апостол подумал, что ввергнулся в ад.

На миг у него помутилось в глазах,
И дух захватило от жара.

45 Хотел закричать он, — ни звука в устах!
И видит сквозь облако пара:
Стоит раскаленная печь, и при ней
Хлопочет толпа обнаженных людей.

Растрескались красные камни жерла,
50 И искры дождем с него прыщут;
В потемках угара два страшных котла
Шипят и клокочат и свищут.

Припомнил Андрей вавилонскую печь,
(В которой трех отроков думали сжечь).

55 Он хочет спросить о вине их своей.
Все разом кричат, не внимая.
Опять обступили. «Скорее, скорей!»
Толпятся, его раздевая...
По скользкому полу волочат к печи,—
60 В жерло ей плеснули водой палачи.

Пары над камнями шумно встают
Удушливой белою тучей.
Андрей содрогнулся: его обдают
Ушатами влаги кипучей.

65 Едва удержаться он мог на ногах...
И видит — у всех уже пруты в руках.

Запрыгали лозы по мокрым спинам:
Все сами себя они хлещут.
Смеясь, и апостола бьют по бокам;
70 Смеясь, в него щелоком плещут.
От скорби великой лишаяся сил,
Отчаянным голосом он возопил:

«Скажите, пред кем я из вас виноват?
За что мне такое мученье?»—
75 Те хлещут и плещут, хохочат, кричат:
«Какое мученье: мовенье»—
Тут замертво на пол апостол упал,—
И как его вынесли вон, не слышал.

Но вот окатили студеной водой:
80 Он ожил. Толпа суетится,
Его одевая, — и снова с собой
Зовет; но зовет подкрепиться.
Хотел из них каждый его угостить, —
И начал апостол по избам ходить.

85 Отведав их хлеба и соли, Андрей
На холм из села удалился;
Прилег там и нравам славянских людей
Смущенной душою дивился.

И думал о том он, что в будущем ждет
90 И сторону эту, и этот народ.

«Казалось бы», — молвил он, — «славно им жить;
У всех есть и хлеб и свобода.

Откуда ж привычка самих себя бить
Явилась здесь у народа.

95 Никто их не мучит, никто их не бьет,
Так сами придумали. Станный народ!

«Да, любит побои, пристрастен к битью!

Пожалуй, народу такому

Захочется спину подставить свою

100 Под розги и палки другому».

Но баней славянской вконец истомлен,

Андрей погрузился в дремоту — и в сон.

И снится ему, что его уж давно

В Патрасе распяли как надо, —

105 Что мир обновился, и всюду одно

Христово покорное стадо, —

Что там, где стояла в болотах вода,

У русских воздвиглись везде города;

Что вот миновал и семнадцатый век,

110 Как умер он крестной кончиной, —

Великий у русских царит человек,

И ходит повсюду с дубиной, —

И орден апостолу в честь создает

Для тех, кто народу с ним больше побьет.

115 От ужаса вмиг пробудился Андрей,

Немедля собрался в дорогу,

И дальше пошел от ильменских зыбей,

Смирняя молитвой тревогу.

«О господи! всякого в жизни земной

120 Избавь от невольных и вольных побой!»

491. Гиперборей

«За фракийскими горами, —
Говорил элидский грек, —
Над безвестными морями
Не прошел Астреин век.

- 5 Есть счастливое там племя:
Дольше жизнь его идет;
В сладкой неге мчится время;
Все невинностью цветет.

- Не несет крыло Борея
10 Вздоха к нам из той страны:
Не мрачат гиперборея
Ни вражда, ни зло войны.

- Выпив чашу наслажденья,
Чашу смерти он берет
15 Равнодушно, без волненья, —
И друзей на пир зовет.

- И когда сойдутся братья
К берегам в единый круг,
К морю синему в объятья
20 Сам кидается их друг.

Хоть никто еще на свете
Не видал тех чудных стран,
Но твердят: счастливы эти
Будут предки россиян».

- 25 Орхоменский гость почтенный
Так элидцу отвечал:
«В этот край благословенный
С кораблем я раз попал.

Да, — в блаженстве и в покое
30 Там для всех катятся дни!
Есть и племя там такое —
Под названьем: «тюлени».

492. Вадим

I

Темной ночью в двор Вадима
Вече тайное сходилосъ.
Тут голов не много было,
Да за то голов все вольных.

5 Да, голов не много было,
Но за каждой головою
Рать сомкнулась и пошла бы
Все равно в огонь и воду.

«Запирай, Вадим, ворота,
10 Запирай избу и сени!
Говори! мы за советом».
Говорили новгородцы.

И сказал, тряхнув кудрями,
Им Вадим: «Один лишь только
15 У меня совет. Другого
Я не знаю. Каждый слушай!

Завтра к ночи наточите
Вы ножи свои острее,
Завтра к ночи соберите
20 Каждый верную дружину.

Завтра ночью с вражьей силой
Нам сходиться на расправу.
Если головы мы сложим,
Так за волю и за славу.

25 Завтра к ночи в княжий терем
Все на пир они сберутся —
Вся родня сберется княжья,
Вся их чадь и вся дружина.

Все на пир они сберутся:
30 Станут пить и есть беспечно;
А напьются, наедятся —
Станут хвастаться наверно.

Многим хвастаться им можно,
Как из жалких проходимцев
35 Стали вдруг они князьями
Над народом смелым, вольным.

Кто то видел? Кто то слышал?
Чтоб в семье на ссору звали
Рассудить чужих, соседей!
40 Иль наскучила нам воля?

А заморские бродяги
Рады — тотчас прикатили,
Навели с собою рати,
Словно вороны на падаль.

45 Не было у нас наряду!
Заведут наряд тюремный.
Видите теперь и сами,
Есть ли где наряд без воли?

Пировать не даром будут:
50 Княжья сволочь разбирает
Наши волости родные
По рукам своим голодным.

По селеньям нашим рыщут,
Словно зверь какой, варяги;
55 Грабят, дани собирают,
Наших дочерей позорят.

Грабежу их и насилью
Нет суда и нет расправы.
Не от княжных рук дожидаться—
60 На расправу встанем сами!

Как расхвастаются очень
На пиру своем варяги,
Тут-то пир другой с врагами
Заварим мы, новгородцы!

65 Тут-то мы князьям покажем,
Что не все у нас холопы
И что вольные остались
В Новгороде граждане.

Их дубовые столы мы
70 Опрокинем; вместо меда,
Обольем их черной кровью
Все их скатерти цветные.

Завтра ночью пир нам будет!
А не сломим эту силу,
75 Сами ляжем головами,
Но на воле, — не рабами.

Пусть погибнет наше дело,
Не умрем... и рано ль поздно
Отзовется: восстановим
80 Новгородскую свободу!»

II

Но коварная измена
В терем княжеский прокралась,
И уже к двору Вадима
Собиралась вражья сила.

85 У ворот и у заборов,
У плетней и у калиток,
Утаясь во мраке ночи,
Соглядатаи засели.

И как вече расходилось,
90 Безоружно, потаенно,
В груди всех гостей Вадима
Нош варяжский очутился.

Что борьбы, сопротивленья
Было, скрыла ночь во мраке;
95 Под ее ж туманом Волхов
Нес волнами десять трупов.

И по утру двор Вадима
Пуст стоял и заперт. К ночи
В княжьем тереме варяги
100 Пировали и хвалились.

Но лилось не много меду,
Похвальба была скромнее,
И порою шопот страха
Пробежал по всей палате.

105 Старый княжеский приспешник
Говорил: «С таким народом
Справиться не скоро можно:
Нам не жить здесь безопасно.

Ночью тайной и изменой
110 Все они побиты нами;
Нынче пали, завтра станут
Помыкать, владеть князьями».

493. Пятёро

Над вашими телами наругавшись,
В безвестную могилу их зарыли,
И над могилой выравнивали землю,
Чтоб не было ни знака, ни отмены,
5 Где тлеют ваши кости без гробов,—
Чтоб самый след прекрасной жизни вашей
Изгладился, — чтоб ваши имена
На смену вам идущим поколениям
С могильного креста не говорили,
10 Как вы любили правду и свободу,
Как из-за них боролись и страдали,
Как шли на смерть с лицом спокойно-ясным
И с упованием, что пора придет —
И вами смело начатое дело
15 Великою победой завершится.

Пора та близко. Пусть могила ваша
Незнаема, пусть царственная зависть
Старается стереть повсюду память
О вашем деле, ваших именах, —
20 В глуби живых сердец она живет!
И с каждым днем таких сердец все больше,
Самоотверженных, могучих, смелых
И любящих.

Близ места вашей казни
Есть пышный храм. Там гордыми рядами
25 ----- гробницы,
Блестя резьбой и золотом. Над ними
Куруется ладан, теплятся лампы,
И каждый день священство в черных ризах
Поет заупокойные обедни.
30 Гробницы эти прочны; имена
Их мертвецов угодливой рукою
Глубоко в камень врезаны. Напрасно!
От одного дыхания свободы
Потухнет ладан и елей в лампадах,

Майко

Мать батюшки Тихоня направилась,
из безлюдных местам их зарыла,
и над могилкой выравнана земля,
чтоб не было ни знака, ни обиды,
чтоб никто не знал, кто был здесь похоронен, —
чтоб самый сладкий прекрасный сон
успаднул, — чтоб вам мила
на свете была идушим поколением
из могилного креста не зогнувши,
как вы ищете правду и свободу,
как пр-за них боронили и страдали,
как шли на смерть из людских окопных. Знаю
и в чужбине, что пора придет —
и вы имено парате в нас
Родком победой заверните

Пора же близко мить могла тайно
незнаема, мить царственная забыта
Мрачно, тихо повисла на нас
В валемах слез, валих и менах, —
что выжили живых издег от нас!
и из каждого дня валих издег все больше,
каждый день, каждый, каждый
и издег

Автограф стихотворения М. Л. Михайлова «Пятеро»

ИРЛИ

35 Наемный клир навеки онемееет,
И прахом распадется твердый мрамор,
Последняя их память на земле.

Пора близка. Уже на головах,
Обремененных ложью и коварством
40 И преступленьем, шевелится волос
Под первым дуновеньем близкой бури,-
И слышатся, как дальний рокот грома,
Врагам народа ваши имена,
Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол,
45 Бестужев и Каховский! Буря грянет.
Под этой бурей дело ваших внуков
Вам памятник создаст несокрушимый.
Не золото стирающихся букв
Предаст святыне ваши имена
50 Далекому потомству, — песнь народа
Свободного; а песнь не умирает!
Не хрупкие гробницы сохранят
Святую вашу память, а сердца
Грядущих просветленных поколений, —
55 И в тех сердцах народная любовь
Из рода в род вам будет неизменно
Гореть неугасимую лампадой.

494. Деспоту

Резец истории тебя, ханжа лукавый,
Глубоко начертит на гробовой плите:
«Он знаменье креста творил рукою правой.
А левой распинал народы на кресте».

495. Памяти Добролюбова

Вечный враг всего живого,
Тупоумен, дик и зол,
Нашу жизнь, за мысль и слово,
Топчет произвол.

5 И чем жизнь светлей и чище,
Тем нещаднее судьба...
Раздвигайся же, кладбище,
Принимай гроба!

Гроб вчера и гроб сегодня,
10 Завтра гроб... А мы стоим
И покорно: «власть господня!» —
Как рабы, твердим.

Вот и твой смолк голос честный,
И смежился светлый взгляд,
15 И уложен в гроб ты тесный,
Отстрадавший брат.

Ты умолк; но нам из гроба
Скорбный лик твой говорит:
«Что ж молчит в вас, братья, злоба,
20 Что ж любовь молчит?

Иль в любви одни лишь слезы
Есть у вас для кровных бед?
Или силы для угрозы
В вашей злобе нет?

25 Братья! Пусть любовь вас тесно
Сдвинет в дружный ратный строй,
Пусть ведет вас злоба в честный
И открытый бой!»

Мы стоим, не слыша зова...
30 И, как прежде, дик и зол,
Тризну мысли, тризну слова
Правит произвол.

1861

496

Крепко, дружно вас в объятья
Всех бы, братья, заключил
И надежды, и проклятья
С вами, братья, разделил.

5 Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.

Но и там, на зло гоненью,
10 Веру лучшую мою
В молодое поколение
Свято в сердце сохраняю.

В безотрадной мгле изгнания
Твердо буду света ждать
15 И в душе одно желанье,
Как молитву, повторять:

Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
20 Отравляющая нас.
1861

497

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою!

5 Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытаются огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть мы все казни пройдем!

Если погибнуть придется
10 В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколениях живых.

Стонет и тяжело вздыхает
Бедный, забитый народ;
15 Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.

Час обновления настанет —
Воли добьется народ,
Добрый нас словом помянет,
20 К нам на могилу придет.

Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколениях живых.

498

Если лет бесстрастный холод
Все в тебе оледянил,
И забыл ты, как любил,
Как боролся, как был молод;

5 Если юной жизни гул
Мирно спать тебе мешает,
Что же гроб тебя пугает?
В нем бы крепче ты заснул.

Под землей уж не наскучат
10 Дети шумом... шуму нет —
И бессонницы не мучат,
И проходит злобный бред.

Вечером душным, под черными тучами нас похоронят;
 Молния вспыхнет, заропщет река, и дубрава застонет.
 Ночь будет бурная; неодолимою властью могучи,
 Громом, огнем и дождем разразятся угрюмые тучи —
 5 И над могилами нашими, радостный день предвещая,
 Радугу утро раскинет по небу от края до края.

500

Как долгой ночью ждет утра
 Больной, томясь в бреду,
 Так в этой безрассветной тьме
 Я милой вести жду.

5 День бесконечен... грудь полна
 Невыплаканных слез.
 Наступит ночь — ко мне бегут
 Рои зловещих грез.

О, только б знать, что над тобой
 10 Без туч восходит день,
 Что, ясная, встречаешь ты
 Без слез ночную тень —

Как стало бы светло, тепло
 В холодной этой тьме!
 15 Пусть воли нет... пока придет,
 Есть счастье и в тюрьме!

Но дни и месяцы идут...
 Я жду, — напрасно жду...
 Так в ночь бессонную утра
 20 Не ждет больной в бреду...

501

- Те же все унылые картины,
Те же все унылые места:
Черный лес да белые равнины,
По селеньям голь и нищета.
- 5 А кругом все будто стоном стонет...
И вопрос тоскливый сердце жмет:
Лес ли то со стоном сосны клонит,
Или вьюга свой мне стон несет,
Изнемогший в вековом томлении,
- 15 Искушенный в вековом терпении,
Мой родной, несчастный мой народ?

502

- О, сердце скорбное народа!
Среди твоих крошечных мук
Не жди, чтоб счастье и свобода
К тебе сошли из царских рук.
- 5 Не эти ль руки заковали
Тебя в неволю и позор?
Они и плахи воздвигали
И двигали топор.
- Не царь ли век в твоей отчизне
- 10 Губил повсюду жизнь сплеча?
Иль ты забыл, что дара жизни
Не ждут от палача?
- Не верь коварным обещаньям!
Дар царский—подкуп и обман.
- 15 Он, равный нищенским даяньям,
Их не введет в изъян.
- Оставь напрасные надежды,
Само себе защитой будь!
На их привет закрой ты вежды,
- 20 Их злодеяний не забудь!

Ты сильно! дремлющие силы
В глуби болящей воскреси!
Тысячелетние могилы
О гнете вековым спроси!

25 И все, что прожито страданий,
Что в настоящем горя есть,
Весь трепет будущих желаний
Соедини в святую месть.

О помни! чистый дар свободы
30 Назначен смелым лишь сердцам.
Ее *берут* себе народы;
И царь не даст ее рабам.

О помни! и без боя злого
Твердыню зла шатнет твой клик.
35 Восстань из рабства векового,
Восстань, свободен и велик!

503. Взыскание

Каторгу даже и казнь именуют указы взысканьем:
Взыскан (так понимай!) царской милостью ты.

1862—1865

504. Бороды

Долго на бороды длилось гоненье; но сняли опалу.
Всем теперь ясно, куда либерализм этот вел.
Слышатся толки везде о земских соборах и думах.
Как же, «уставя брады», в них без бород заседать?

505. Христианское законодательство

Меньше пекись о земном—и в царствии будешь небесном!»
Новый земский устав прямо нас в рай приведет!

506. Полицейская гуманность

Дайте мне слово не думать о кознях надземных и вредных,
Хоть за вами следить будут шпионы везде.

507. Конституционист

Тошно из уст его слышать и самое слово *свобода*.
Точно как будто кастрат стал о любви рассуждать.

508. Недоразумение

Много у нас толковали в журналах о прессе свободной.
Публика так поняла: гни нас свободно под пресс!

509. Преданность

Преданность вечно была в характере русского люда.
Кто ли не предан теперь? Ни одного не найдешь.
Каждый, кто глуп или подл, наверное, предан престолу;
Каждый, кто честен, умен, предан, наверно, суду.

510. Беспокойство

После чтения «Сев. Пчелы» в июле 1862

Что за странным беспокойством
Обуяло вдруг всю Русь?
С этим новым нашим свойством
Я никак не примирюсь.

5 Сверху, снизу, слева, справа —

Беспокойны все и вся;
Как хотите, эдак, право,
Скоро будет жить нельзя.
Беспокойство и в столице,

10 Беспокойство и в глуши;
Беспокойны царь с царицей,
Беспокойны голыши.
Беспокоен губернатор,
Частный пристав, откупщик,

- 15 Поп, фотограф, регистратор,
Мещанин, купец, мужик,
Сыщик, доктор, сочинитель,
Типографщик, журналист,
Архирей, студент, учитель,
20 Академик, гимназист,
Старый воин, юный воин,
Новобранец, инвалид...
Разве тот один спокоен,
Кто уж в крепости сидит.

511. Dies irae

Настает нора уплат кровавых,
Настает день страшного суда,
Кара злым и торжество для правых —
Лейся, кровь, пылайте, города!

512

Зимние вьюги завыли
В наших пустынях глухих;
Саваном снега накрыли
Мертвых они и живых.

- 5 Гроб — моя темная келья,
Крыша тяжелая — свод;
Ветер полночный в ущелье
Мне панихиду поет.

513

Только помыслишь о воле, порой —
Словно повеет откуда весной!

Сердце охватит могучая дрожь,
Полною жизнью опять заживешь.

5 Мир пред тобою широкий открыт,
Солнце надежды над далью горит.

Ждет тебя дело великое вновь,
Счастье, тревога, борьба и любовь.

Снова идешь на родные поля,
10 Труд и надежды с народом дея.

Пусть будет снова боренье со злом,
Пусть и падешь ты, не сладив с врагом,

Пусть будут гибель, страдания, беда —
Только б не эта глухая череда.

514. Послание узника

На ваш приветливый и милый,
Хотя и незнакомый зов,
Что скажет вам мой стих унылый
Из-за решеток и замков?..

5 Под гнетом каменного свода
Твердишь и думаешь одно:
«Свобода... скоро ли свобода?..»
А впереди—темно, темно!..

Но верю я, что я вас встречу,
10 Как выйду вновь на вольный свет,
И вольной песнью вам отвечу
На добрый, ласковый привет.

А здесь — и стих мой не клеится,
И в сердце — жалобы одне...
15 Я не балованная птица,
А не поется в клетке мне.

1.

Праздник весны. ^{наше} Иже сохранило
климатический; в климатическом году
капитал экономический и многообразный,
политический и экономический на экономическом.

~~Экономический капитал~~ ^{на нашем} ~~капитал~~ ^{нашем} ~~капитал~~ ^{нашем}
~~капитал~~ ^{нашем} ~~капитал~~ ^{нашем} ~~капитал~~ ^{нашем}
экономический (экономический) экономический
экономический (экономический) экономический.

Тогда эконо-мический. ~~капитал~~ ^{нашем} ~~капитал~~ ^{нашем}
экономический (экономический) экономический;
экономический (экономический) экономический;
экономический (экономический) экономический.

Экономический (экономический) экономический;
~~капитал~~ ^{нашем} ~~капитал~~ ^{нашем} ~~капитал~~ ^{нашем}
~~капитал~~ ^{нашем} ~~капитал~~ ^{нашем} ~~капитал~~ ^{нашем}
экономический (экономический) экономический;
экономический (экономический) экономический.

Автограф стихотворения М. Л. Михайлова «Праздник весны»

ИРЛИ

515. Новые голоса

Еще обилен мир бедами,
Невежеством, корыстью, злом,
Печалью, горькими слезами,
И неоплаченным трудом.

5 Еще немало уцелело
Порядку старому опор.
Еще не кончен тьмы и света,
Добра и зла давнишний спор.

Но с каждым днем все крепнут боле
10 Добро и свет,
Им уступают поневоле
И тьма и зло.

Свой свет разносит в массах Знание,
Свое добро любовь несет
15 И всюду упование
В сердцах проснувшихся растет.

Счастливых более, чем было;
И счастье стало их прочней.
Но новую ему даст силу
20 Благополучье всех людей.

516

I

Праздник весны. Наше небо холодное
Хмурится меньше; с темнеющих гор
Катятся с шумом струи многоводные,
Рвется река из оков на простор.

5 Не напрасно ли ранней надеждою
Радостью жизни себя обольщать?
Может быть, зимней, холодной одеждою
Вьюга закутает все здесь опять?

Горы опять побелеют; под холодом
10 Снова застынут ручьи;
Либо грозить станет снова лишь голодом
Бедному жителю грустной земли.

Все здесь обманчиво — дни безненастные,
Небо, замерзшая почва, весна.
15 Вы же, надежды отрадные, ясные —
Изменчивость здесь вам больше всего суждена!

II

Праздник весны, воскресения,
Братства, сверженья цепей,
Всех воскресения, всех обновления,
20 Грустно мне встретить в глуши своей.

Пусть к тебе мыслью я полон неверия;
Знаю, что все в тебе ложь;
Знаю, что в маске одной лицемерия
Ты нам обман лишь несешь.

25 Знаю я, ложны все эти объятия
Слабого с сильным, с богачем бедняка;
Знаю, что ты не снимаешь проклятия
С жизни, и цепь ее также тяжка.

Знаю, но памятью детства далекого
30 Часто мне твой отраден обман.
День лишь забвенья средь горя глубокого
Ладно и то — и он в тебе дан.

Бедный поэт, забывая страдания,
Темного завтра как будто и нет.
35 Нет ожидания, воспоминания —
Только и виден, что праздничный свет.

Помню, мне в детстве казались так радостны
Эти веселые, ясные дни.
Звон раздавался, широкий и благостный,
40 Были мне видны улыбки одни.

В доме у нас будто все обновленное:
Тьма исчезала с лица.
Светлело у матери лицо огорченное,
Были похожи на ласки — ласки отца.
45 Бедные люди казались счастливыми,
Все улыбалось кругом;
Всюду веяло лишь жизни призывами,
Все было полно неведомым злом.

517

Вышел срок тюремный:
По горам броди!
Со штыком солдата
Нет уж позади,
5 Воли больше... что же
Стены этих гор
Пуще стен тюремных
Мне теснят простор?
Там, под темным сводом,
10 Тяжело дышать,
Сердце уставало
Биться и желать.
Здесь, над головою,
Под лазурный свод
15 Жаворонок вьется
И поет — зовет!

518

Всегда, везде ты, друг, со мной,
Пока гляжу на свет.
В моей душе любви к одной
Тебе утраты нет!

- 5 Все — чем живу, что есть в душе
Святых и чистых грез, —
Не ты ли, светлый гений мой,
Для жизни мне принес?

519

Ведь только строчка лишь одна:
Узнать, что ты жива,
Что ты здорова и ясна;
Всего лишь слова два, —

- 5 И все вокруг меня светло,
И счастлив я опять,
И все, что бременем легло,
Могу я презирать.

520

Вечерний ветер встал и по ущельям стонет;
По скалам голых гор ложится гуще тень;
Глухая ночь идет... придет и похоронит
Еще один пустой, бесплодный день.

- 5 Ты просишь радости, любви, борьбы, свободы?
Угомонись, засни и не гляди вперед!
Что день? так провожать тебе придется годы,
И говорить: еще бесплодный год!

- А там и смерть придет, как эта ночь, — и канет
10 Одним бесплодным днем вся жизнь во мрак немой...
И разве лишь одна душа вдали помянет
Бесплодный век бесплодною слезой.

Грусть ко мне в сердце назойливей просится...
 Будто я к доле своей не привык...
 Громкие песни в мой угол доносятся —
 Будто бы ожил рудник...

5 Пусты сегодня трущобы бездонные,
 Где при мерцаньи свечей,
 Видны лишь лица одни истомленные,
 Слышно бряцанье цепей.

Песни доносятся в мрачное здание,
 10 Где за решеткой за строем штыков
 Собрано нации целой страдание.
 Братья поляки! ваш праздник каков!

Над головою проносится каждого
 Воспоминание радостных дней.
 15 Воли опять ненасытной жаждою
 Сердце налилось полней.

522. К польке-матери

О полька-мать! Коль в детском взгляде сына
 Надеждами тебе заблещет гений,
 И ты прочтешь в нем гордость гражданина —
 Отвагу старых польских поколений;
 5 Коль отрок — сын твой, игры покидая,
 Бежит он к старцу, что поет былины,
 И целый день готов сидеть внимая,
 Все слушать, весь недетской полн кручины,
 Словам былин о том, как жили деды, —
 10 О полька-мать! сыновнею забавой
 Не тешься, — стань пред образом скорбящей;
 Взгляни на меч, в ее груди кровавой;
 Такой же меч тебе готовит враг грозящий.

- И если б целый мир расцвел в покое,
15 Все примирилось — люди, веры, мненья,
Твой сын живет, чтоб пасть в бесславном бое,
Всю горечь мук принять — без воскресенья.
Пусть с думами своими убегает
Во мрак пещер; улегшись на рогоже,
20 Сырой, холодный воздух там вдыхает
И с ненавистным гадом делит ложе;
Пусть учится таить и гнев и радость,
Мысль сделает бездонною пучиной,
И речи даст предательскую сладость,
25 А поступи — смиренный ход змеинный.
Христос ребенком в Назарете
Нашел уж крест, залог страданья:
О полька-мать! пускай свое призванье
Твой сын заране знает.
30 Заране руки скуй ему цепями,
Заране к тачке приучай рудничной,
Чтоб не бледнел пред пыткой темничной,
Пред петлей, топором и палачами.
Он не пойдет, как рыцарь в стары годы,
35 Бить варваров своим мечом заветным,
Иль, как солдат под знаменем трехцветным,
Полить своею кровью сев свободы.
Нет! зов ему пришлет шпион презренный,
Кривоприсяжный Суд задаст сражение,
40 Свершится бой, в трущобе потаенной
Могучий враг произнесет решение:
И памятник ему один могильный —
Столб виселицы с петлей роковой,
А славой — женский плач бессильный,
45 Да грустный шопот земляков порою.

523

Минуты горького сомненья,
Когда слабел средь битвы я,
Минуты скорби и паденья
Не помяните мне, друзья.

5 Все, в чем пред правдой я в ответе,
За что я сам себя корил,
Желайте, чтоб минуты эти
Годами горя искупил.

И если
10 Дождаться нам святого дня,
Пусть лучшим, скорбью обновленным,
Ваш круг приветствует меня.

524

И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье,
И за стеной тюрьмы — тюремный звон цепей;
Ни мысли движущей, ни смелого воззвания,
Ни дела бодрого в родной стране моей!

5 Идет за годом год. Порою весть приходит;
А что несет та весть в глухие норы к нам?
Все тот же произвол людей в оковах водит,
Все тот же молот бьет по рабским головам.

Иль все ты вымерло, о молодое племя?
10 Иль немочь старчества осилила тебя?
Иль на священный бой не призывает время?
Иль в жалком рабстве сгнить — ты бережешь себя?

А кажется давно ль, о юноши, я видел
В вас доблесть мужества и благородный пыл?
15 Не каждый ли из вас глубоко ненавидел?
Не каждый ли из вас боролся и любил?

Что ж изменило вас? Иль напугали казни?
Иль нет уж общего и давнего врага?
Иль стал вам другом он, внушив вам дрожь боязни?
20 Иль не скользит теперь в крови его нога?

Давно ли он дрожал, — уступками и лестью
И обещаньями вам отводил глаза?
Иль вы поверили? Иль, правосудной местью
Не разразясь над ним, рассеется гроза?

25 Иль жизненный поток улегся в мирном ложе
Иль стало зло добром, надев его наряд?
Иль позабыли вы: змея и в новой коже —
Все прежняя змея, и в ней все тот же яд?

Иль длинный ряд веков не прояснил вам зренья?
30 Иль можете, слепцы, надежду вы питать,
Чтоб то, что было век орудьем угнетения,
Могло орудием любви и блага стать?

Иль на одни слова у вас хватило силы?
Иль крик ваш криком был бессильного раба?
35 Не плюйте на отцов бесславные могилы!
Чем лучше сами вы? Где ж дело? где борьба?

Иль истощились вы в своем словесном пренъе, —
И вместо смелых дел вам сладок жалкий сон?
Иль рады, что на вас надели в утешенье
40 Каких-то мнимых прав заплатанный хитон?

О горе! о позор! Где ж, гордые любовью,
Свидетельства любви вы показали нам?
Опять у вас в глазах исходит Польша кровью...
А вы? Поете гимн державным палачам?

45 Иль в жертвах и крови геройского народа,
В его святой борьбе понять вы не могли,
Что из-за вечных прав ведет тот бой свобода,
А не минутный спор из-за клочка земли?

Иль ход истории достиг того предела,
50 Где пламя юное уж не несет с собой
Ни свежих доблестей, ни свежих сил на дело,
И вслед тупым отцам идет тупой толпой?

Иль тех, кто миру нес святое вдохновенье,
Ведет одна корысть и мелочный расчет?
55 Кто с песнью шел на смерть и возбуждал движенье,
В мишурное ярмо покорно сам идет?

И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье,
И за стеной тюрьмы — тюремный звон цепей;
Ни мысли движущей, ни смелого воззванья,
60 Ни дела бодрого в родной стране моей!

Так часто думаю, в своей глуши тоскуя,
И жду, настанет ли святой, великий миг,
Когда ты, молодость, восстанешь негодуя,
И бросишь мне в лицо название: клеветник!

525

Знаю, что ты память
Ко мне сбережешь;
Но с другим, быть может,
Счастье ты найдешь.

5 О, пришли ко другу
Весть о счастье том.
Эта весть мне будет
Светлым дня лучом.

От моих страданий,
10 От тоски моей,
На твоём я счастье
Отдохну скорей.

526

Горя, шуму и досады
Много день принес.
Как хотел бы я отрады
Сна без всяких грез!

5 Ночь; и немо все и глухо,
Скованное сном.
Как ни вслушивайся ухо,
Звука нет кругом.

Я лежу, закрывши вежды,
10 И в тиши немой
Мне как будто весть надежды
Шепчет голос твой.

527

Идут года, но все сильней любовь;
И думаешь — пора уgomониться.
Но сердце любит с прежней страстью,
И хочет воротить всю негу,
5 Которая одним воспоминаньем
Все сердце жжет.

528

Снова дней весенних
Дождалися мы:
Ласточки щебечут
Над окном тюрьмы.

5 Между гор зеленых
Темной полосой
Вьется вдаль дорога
К стороне родной.

529

Вам смешно, что часто
Так мечтаем мы:
Что наш мир не создан
Для беды и тьмы.

5 Что и нам засветит
Здесь из темных туч
Счастья и довольства
Для народа луч.

Что мы все, как братья,
10 Будем общий пир
Праздновать, вкушая
Беспредельный мир.

Вам бы, чтобы вечно
Был везде раздор;
15 Чтоб с тюремной двери
Не сходил запор.

Чтобы ворон жадный
Голубей клевал,
Чтобы над землею
20 Вечный мрак лежал.

Наши грезы светлы.
В них для бедняка
Светит будто счастье —
Хоть издалека.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ М. Л. МИХАЙЛОВУ

Михайлову

Сон был нарушен. Здесь и там
Молва бродила по устам,
Вспыхала мысль, шепталась речь —
Грядущих подвигов предтечь;
Но, робко зыбясь, подлый страх
Привычно жил еще в сердцах,
И надо было жертвы вновь —
Разжечь их немощную кровь.
Так, цепenea ратный строй
Стоит и не вступает в бой;
Но вражий выстрел просвистал —
В рядах один из наших пал!..
И гнета трепет боевой
Объемлет вдохновенный строй.
Вперед! Вперед! Разрушен страх!
Ты эта жертва. За тобой
Сомкнется грозно юный строй,
Не побоится палачей,
Ни тюрем, ни ссылок, ни смертей.
Твой подвиг даром не пропал —
Он чары страха разорвал;
Иди ж на каторгу бодрей,
Ты дело сделал — не жалеи!

Царь не посмел тебя казнить...
Ведь ты из фрачных... Может быть,
В среде господ себе отпор
Нашел бы смертный приговор...
Вот если бы тебя нашли
В поддевке, в трудовой пыли —
Тебя велел бы он схватить
И, как собаку, пристрелить.
Он слово: казнь—не произнес,
Но до пощады не дорос,
Мозг узок и душа мелка —
Мысль милосердья далека.

Но ты пройдешь чрез те места,
Где без могилы и креста
Недавно брошен свежий труп
Бойца, носившего тулуп.
Наш старший брат из мужиков,
Он первый встал против врагов
И волей царскою был он
За волю русскую казнен.
Ты тихо голову склони
И имя брата помяни.

Закован в железы с тяжелою цепью,
Идешь ты, изгнанник, в холодную даль,
Идешь бесконечною, снежную степью,
Идешь в рудокопы на труд и печаль.
Иди без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья!

И верь неослабно, мой мученик ссыльный,
Иной рудокоп не исчез, не потух —
Незримый, но слышный, повсюдный, всеильный
Народной свободы таинственный дух.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья!

Он роется мыслью, работает словом,
Он юношей будит в безмолвьи ночей,
Пророчит о племени сильном и новом,
Хоронит безжалостно ветхих людей.

Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

Он создал тебя и в плену не покинет,
Он стражу разгонит и цепь раскует,
Он камень от входа темницы отдвинет,
На праздник народный тебя позовет.

Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья!

Н. Огарев

Узнику

Из стен тюрьмы, из стен неволи,
Мы братский шлем тебе привет,
Пусть облегчит в час злобной доли
Тебя он, наш родной поэт!

Проклятым гнетом самовластья
Нам не дано тебя обнять,
И дань любви, и дань участия
Тебе, учитель наш, воздать.

Но день придет и на свободе
Мы про тебя расскажем все,
Расскажем в русском мы народе,
Как ты страдал из-за него.

Да, сеял доброе ты семя,
Вещал ты слово правды нам,
Ведь, плод взойдет — и наше племя
Отмстит сторицею врагам.

И разорвет позора цепи,
Сорвет с чела ярмо раба,
И призовет из снежной степи
Сынов народа и тебя.

И. А. Рождественский

Послание М. Л. Михайлову

С балтийского моря на дальний восток
Летит буйный ветер свободно,
Несет он на крыльях пустынный песок, —
Несет вздох тоски всенародной...
Несет он привет от печальных друзей
Далекому милому другу...
Несет он зародыши грозных идей
От Запада, Севера, Юга...
И шепчет: «Я слышал: в полях, в городах
Уж ходит тревожное слово;
Бледнеют безумцы в роскошных дворцах...
Грядущее дело готово.
Над русской землею краснеет заря.
Заблещет светило свободы
И скоро уж спросят отчет у царя
Покорные прежде народы...
На празднике том уж готовят тебе
Друзья твои славное дело,
Торопят друг друга к великой борьбе
И ждут, чтоб мгновенье пришло...
И шлют издалика сердечный привет,
Надежду, тоску ожидания
И твердую веру: Свобода придет
И скоро... Борец, до свиданья!»

П. Лавров

14 декабря 1861 г.

Памяти Михайлова

Еще одним их меньше стало,
Убыл еще из их кружка!..
На этот раз судьба избрала
Свободы лучшего бойца.
Закинутый в краю далеком,
И там окованный, в цепях,
Быть может, сгибнет одиноко
В сырых и мрачных рудниках!
За что?.. За то-ль, что он свободно
Восстал за угнетенных кровь,
Что отозвался благородно
На стоны страждущих рабов?
За то-ль, что был он «человеком»
Среди рабов и палачей,
Смеющихся над нашим веком
И пляшущих под звон цепей!
За то-ль, что вопль меньших братий
В нем сердце кровью обливал,
И что невольные проклятья
За них тиранам посылал!

Какая радость, ликование!
Закон продажный «подведен»,
На муки, на изгнание
Несчастный брат наш осужден!
У нас, как прежде у евреев,
Свели спасителя к кресту,
Что обличал он фарисеев,
Ведут к позорному столбу
Для площадного поруганья
Подкупленных продажных слуг
Того, что «сильных» за тиранья
Смел обличать свободно, вслух.

Лишь только слово искупленья
Коснется чутких их ушей,
Кричат тираны в исступленьи:
«В Сибирь его, оков, цепей!»
Но не умрет живое слово,
Его цепями не сковать!
Оно воскреснет снова
И будет снова волновать
Рабов желанием свободы.
Его услышат с рудников
И встанут мощные народы
И отомстят за эту кровь!

1861 г., 18 декабря

КОММЕНТАРИИ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ М. Л. МИХАЙЛОВА

С момента ареста и ссылки Михайлова в Сибирь имя его попало под цензурный запрет и мгновенно исчезло со страниц журналов и сборников; в хрестоматиях, где помещались стихи Михайлова, ранее напечатанные за его полной подписью, ставились три звездочки. Стихотворения, написанные им в Сибири, печатались под буквами и псевдонимами — Мих. Илецкий, М. М—ов, М. М., Л. М. М., — а иногда и совсем без подписи, многие стихотворения Л. П. Шелгунова помещала в журналах, после смерти Михайлова, за своей собственной подписью. Таким образом имя Михайлова еще при жизни его постепенно забывалось.

Осуществить свою давнишнюю мечту — издать собрание стихотворных переводов — самому Михайлову не пришлось. Находясь в заключении в Петропавловской крепости (в 1861 году), он в письмах к Шелгуновым писал о плане этой книги, право издания которой еще год назад предоставил Н. А. Серно-Соловьевичу. Осенью 1861 года Серно-Соловьевич представил рукопись книги Михайлова в Петербургский цензурный комитет. Цензор Бекетов, на рассмотрение которого поступила рукопись, представил председателю Цензурного комитета докладную записку следующего содержания.

«Купивший еще в прошлом году у г. Михайлова право издания всех его, при сем представляемых, сочинений, г. Серно-Соловьевич желает ныне оные все издать в свет с портретом автора.

«Все указанные сочинения г. Михайлова не имеют ничего противоцензурного и, будучи уже печатаны в разных

изданиях, никогда не подвергались никакому со стороны правительства пререкательству.

«Значит одобрить их в печати было бы очень возможно.

«Но имея в виду, что, Автор представляемого издания, г. Михайлов в настоящее время состоит под судом, я, не решаясь сам собою дать позволение на напечатание оного,— представляю вопрос о возможности сего на разрешение Вашего Превосходительства».¹

Цензурный комитет, рассмотрев докладную записку Бекетова, нашел, что издание сочинений Михайлова возможно, «но во всяком случае без приложения к ним авторского портрета». Свое заключение цензурный комитет представил вместе с рукописью книги Михайлова на благоусмотрение Главного управления цензуры 16 декабря 1861 года. Однако Главное управление в виду того, что автор книги находился под судом, не сочло возможным разрешить на общих основаниях книгу к печати и запросило на этот счет мнения Третьего Отделения (21 декабря). Ответ Третьего Отделения на имя председателя Главного управления цензуры последовал 8 января 1862 года:

«Возвращая препровожденные ко мне при отношении за № 1922-м сочинения М. Михайлова, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что издание оных ныне я признаю несвоевременным.

Генерал-Адъютант Князь *Долгоруков*».

Получив такое отношение Третьего отделения, Главное управление цензуры постановило: «не допускать издания сочинений М. Михайлова как государственного преступника».

Книга Михайлова, запрещенная цензурой, была напечатана в том же 1862 году в Берлине. Но как издание нелегальное оно не могло получить в России широкого распространения.

¹ Выдержки из дел С.-Петербургского цензурного комитета и Главного управления цензуры, ныне хранящихся в ленинградском отделении Центрального исторического архива; печатаются впервые.

В 1866 году петербургский книгопродавец-издатель С. В. Звонарев отпечатал без предварительной цензуры в количестве 2500 экземпляров стихотворения М. Л. Михайлова, под редакцией Н. В. Гербеля. Когда 30 сентября типография представила в Петербургский цензурный комитет отпечатанную книгу, чтобы получить разрешение на выпуск, Цензурный комитет, считаясь с запрещением сочинений Михайлова в 1862 году, распорядился, обратиться к петербургскому обер-полицеймейстеру, выпуск этой книги приостановить впредь до особых распоряжений. Тем временем Цензурный комитет поручил цензору Еленеву рассмотреть книгу Михайлова и, на основании цензорского доклада, представил 3 октября начальнику Главного управления по делам печати следующее донесение:

«30 истекшего сентября представлена в Ценз. Комитет, отпечатанная без цензуры в типографии К. Вульфа, в числе 2500 экз. книга «Стихотворения М. Михайлова» (редакция издания Н. В. Гербеля), изданная СПб-м 2-й гильдии купцом Семеном Васильевым Звонаревым.

«Просматривавший книгу цензор Еленев доложил Комитету, что из помещенных в ней статей обращают на себя внимание следующие: «Скованный Прометей» (из Эсхила). Прикованный Прометей предсказывает Зевесу падение и гибель, но отказывается открыть тайну о том, кто низвергнет Зевеса с престола. Стихотворение это останавливает на себе внимание единственно потому, что известное всем теперь участие Михайлова в политическом заговоре, имевшем целью ниспровержение существующего порядка, может в уме читателей вызвать сближение между словами Прометея и замыслами заговорщиков. Помещение этой статьи в начале этой книги еще более наводит на это сближение. Стихотворения, переведенные из Гейне, «Горная идиллия», «Брось свои иносказания», «Богомольцы в Кевларе», «Боги Греции», «Вопросы», обнаруживают черты того легкомысленного отношения к религиозным верованиям, которое так часто выражалось в сочинениях Гейне. Особенно в сем отношении обращает на себя внимание стихотворение «Вицли Пуцли», в котором есть хотя искусно замаски-

рованное, но тем не менее кощунственное сближение Моисея с Колумбом и Кортесом, христианского бога с мексиканским идолом и христианского таинства с человеческими жертвоприношениями язычников. — Стихотворение «Молодой пастух», в котором проглядывает легкая ирония над праздностью и беспечностью королей. — «Послание Шевченко к Основьяненко», в котором описывается потеря казачьей воли, говорится о чужой земле и о врагах Украины. Из указателя, приложенного в конце книги, видно, что все упомянутые выше стихотворения, кроме «Брось свои иносказания» и «К Основьяненко», были уже напечатаны в подцензурной прессе.

«К—т, по обсуждении указанных мест, согласно с мнением Цензора, находя, что в стихотворениях из Гейне настоящий смысл прикрыт двусмысленными намеками и умолчаниями, что воспоминание о казачьей воле, сетование на сиротство и на врагов Украины в послании Шевченко не имеют определенного смысла, что — как все сии места, так в особенности переводный отрывок из Эсхила (Скованный Прометей) получают особенное значение при сближении содержания их с именем переводчика, пришел к единогласному заключению, что самое важное неудобство книги состоит в том, что она носит имя государственного преступника и что появление ее в свет совпадает с обнаружением преступных замыслов, однородных с теми, в которых обвинен переводчик; — имея при том в виду, что издание сочинений Михайлова было воспрещено по распоряжению бывшего Гл. Управления Цензуры (предл. от 18 января 1862 г., № 91), К—т большинством голосов признал необходимым приостановить книгу впредь до распоряжения, что и исполнено мною сношением с г. Обер-Полицеймейстером от 2 текущего Октября, и донести о сем Вашему Пр—ву. Вместе с тем представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства по поводу частно заявленной в Заседании Комитета готовности издателя сделать в книге изменения, что по мнению К—та, разумея под изменением исключение из заглавия имени переводчика, исключение приложенного Указателя его сочинений и замеченных мест и наконец

отложение на некоторое время выпуска книги в свет, такое предложение издателя, по мнению Комитета, могло бы быть допущено».

Одновременно с этим донесением Цензурный комитет препроводил начальнику Главного управления по делам печати следующее прошение издателя книги С. В. Звонарева на имя председателя Цензурного комитета.

«Осведомись, что напечатанная мною книга «Стихотворения М. Л. Михайлова» утром сего числа задержана в типографии К. Вульф, имею честь почтительнейше просить Ваше Превосходительство дозволить мне сделать в книге изменения, какие будут указаны Цензурным Комитетом. С. Петербург, Октября 3 дня 1866 г. 10 1/2 час. утра.

Книгопродавец С. Петербургской 2 г[ильдии]

Купец Семен Васильев Звонарев».

В Главном управлении по делам печати к этому времени уже имелось заключение члена комитета В. М. Лазаревского, который по поручению председателя рассмотрел книгу стихотворений Михайлова. В своем заключении, представленном в Главное управление 1 октября, Лазаревский писал следующее:

«Рассматриваемое безотносительно, издание это, за исключением двух-трех стихотворений,¹ могло бы быть дозволено к выпуску в свет.

«Но принимая во внимание:

«1) что Главное Управление Цензуры, по сношению с III Отделением собственной его величества канцелярии, сообщило С.-Петербургскому Цензурному Комитету от 18 января 1862 г. «не допускать издания сочинений М. Михайлова как государственного преступника»,

«2) что вслед за сим, в том же 1862 г., сочинения Михайлова, как видно из настоящего издания, были напечатаны в Берлине,

¹ К числу их следует отнести: «Песнь о рубашке» (Томас Гуд) и «Молодой пастух» (Гейне), на которые было уже обращено внимание Совета главного управления по делам печати. [Сноска Лазаревского].

«3) что из этого Берлинского издания помещено в рассматриваемой книге, *в первый раз*, 30 пьес,

«4) что в настоящем издании перепечатано 12 пьес из наших журналов, 1862—1864 гг., где они были помещены под псевдонимом или без подписи и

«5) что мотив к запрещению изданий сочинений М. Михайлова, выраженный Главным Управлением Цензуры в 1862 г., представляется и ныне, по смыслу правительственных действий, после 4-го апреля, вполне обязательным, я не считал бы удобным в настоящее время дозволить выпуск в свет «Стихотворений М. Л. Михайлова».

«О сем имею честь представить Вашему Превосходительству, не ожидая, по краткости условного трехдневного срока, надлежащего к настоящему вопросу мнения С.-Петербургского Цензурного Комитета.

В. Лазаревский»

Главное управление по делам печати согласилось с мнением Лазаревского и постановило в ходатайстве Звонареву отказать и все отпечатанные экземпляры книги Михайлова уничтожить, о чем и уведомило Цензурный комитет 22 октября 1866 года. Цензурный комитет препроводил весь тираж еще не сброшюрованной книги Михайлова в управление пристава 2-го участка Литейной части, где книга и была предана сожжению.

Из всего тиража «Стихотворений» Михайлова, изданных Звонаревым в количестве 2500 экземпляров, как это видно из дел Цензурного комитета, не было уничтожено только одиннадцать экземпляров, розданных членам комитета. Уцелевшие экземпляры этого издания в настоящее время составляют большую библиографическую редкость.

Царская цензура не только не разрешала выпуск сочинений Михайлова, но зорко следила и за тем, чтобы вообще имя государственного преступника не проскользнуло в печать. В архиве Петербургского цензурного комитета сохранилось дело 1883 года о запрещении романа, текста к нотам А. Кириаковой, на слова стихотворения Михайлова «Щекою к щеке ты моей приложись» (Из Гейне).

Издание этого романа, уже неоднократно напечатанного, было разрешено Главным управлением по делам печати лишь при условии, что на нотах не будет обозначено фамилии переводчика стихотворения.

Только почти через тридцать лет после смерти Михайлова цензура сочла возможным разрешить в 1889 году издание сборника его повестей, рассказов и романа «Перелетные птицы» с полным обозначением фамилии автора.

В августе того же года в Цензурный комитет поступила рукопись собрания стихотворений Михайлова. Цензурный комитет в своем донесении Главному управлению по делам печати сообщил, что в виду того, «что со времени постигшей покойного автора кары закона прошло более 30 лет», что два издания его прозаических сочинений уже были разрешены комитетом, что «большинство стихотворений Михайлова удовлетворяют цензурным требованиям», возможно разрешить к печати и представленное собрание стихотворений, «как произведения чисто лирические, воспевающие любовь, красоты природы и т. п. безвредные вещи». Однако, относясь к настоящему изданию «с особенной строгостью», комитет полагал, что ряд стихотворений к печати разрешен быть не может. Главное управление по делам печати, снесясь предварительно с департаментом полиции, уведомило Цензурный комитет, что сборник стихотворений Михайлова «может быть дозволен к напечатанию, с исключением стихотворений, не отвечающих цензурным требованиям». Цензор Коссович, которому Цензурный комитет поручил просмотр собрания стихотворений Михайлова, обратил внимание на следующие стихотворения:

«1) Из Эллиота, «Надгробие поэта». В этом стихотворении превозносится певец людских скорбей, клеймящий врагов народа.

«2) Из Томаса Гуда, «Песня о рубашке». В этом стихотворении преподается ядовитый укор богатым за безучастное отношение к беднякам.

«3) Из Лонгфелло, «Предостережение». В этом стихотворении поработанный народ сравнивается с Самсоном. «Он

в скорби иступленной», восклицает поэт, «пошатнет столпы и основания наших стен». (Последняя строфа).

«4) Из Гейне, «Сумерки богов». В этом стихотворении, под видом описания гибели скандинавских богов, изображается падение христианского бога. (Конец стихотворения).

«5) Из Гейне, «Боги Греции». В двух местах этого стихотворения встречаются крайне кощунственные сопоставления: богов Греции с богородицей и святыми христианской церкви (Середина стихотворения).

«6) Из Гейне, «У пристани». В конце стихотворения мерещатся пьяному ангелы на крышах.

«7) Из Беранже, «Бедняки». В двух строфах стихотворения изображается ничтожество царского сана.

«8) Из Беранже, «Придворный кафтан». Все стихотворение проникнуто адским сарказмом над этикетом при дворе.

«9) Из Беранже, «Простолюдин». В этом стихотворении встречаются резкие нападки на дворянство.

«10) Из Беранже, «Паяц». В этом стихотворении вельможа приравнивается паяцу, готовому угождать всякому властелину.

«11) Из Беранже, «Старик бродяга». В этом стихотворении помещены горькие сетования бродяги на людскую индифферентность, воспитавшую его бродягой.

«12) Из Беранже, «Муравьи». В конце стихотворения попадает неприличное осмеяние всемирного потопа.

«13) Из Шевченко, «К Основьяненко». Стихотворение это есть обращение к патриотическому чувству малороссов.

«14) «Молодой монах». Новогреческая песня. В этом стихотворении, увлеченный прелестями молодой женщины, монах готов покинуть рясу».

«Все означенные стихотворения неудобны, по мнению цензора, к разрешению в подцензурном издании. Они могут послужить к возбуждению негодования к высшим сословиям, другие же оскорбляют религиозное чувство».

Таким образом, за исключением «неудобных» стихотворений, остальные были разрешены к печати и вышли в

свет в 1890 году. Это — первое издание собраний стихотворений Михайлова, вышедшее в России.

Однако, разрешая к изданию отдельные книги Михайлова, цензура не разрешала издания полного собрания его сочинений с приложением портрета, о чем ходатайствовала в том же 1889 году Шелгунова. Разрешенные же цензурой отдельные книги Михайлова значились до 1905 года в числе книг, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях.

Только в 1914 году могло появиться в свет «полное собрание» сочинений Михайлова, под редакцией П. В. Быкова. Но издание это осталось неоконченным. Полным назваться оно ни в какой мере не может. По цензурным условиям в него не вошел целый ряд стихотворений, которые только теперь, почти через семьдесят лет после смерти их автора, впервые появляются в печати.

Н. Ашукин

ПРИМЕЧАНИЯ

В нижеследующих примечаниях даны: 1) сведения о тексте (рукописном или печатном), по которому каждое стихотворение напечатано в данном издании; 2) библиографическая история каждого стихотворения, при чем указаны издания, в которых стихотворения были напечатаны впервые; перепечатки стихотворений в периодической печати и сборниках указаны только в тех случаях, когда были сделаны самим автором; перепечатки стихотворений в хрестоматиях, переводов в позднейших изданиях Гейне (1900 и 1904 гг.), Беранже (1893 г.) и др. не указаны; 3) сведения о том, какие стихотворения входили ранее в состав отдельных изданий собраний стихотворений Михайлова; из этих изданий приняты во внимание: «Песни Гейне», 1857 г., Берлинское издание 1862 г., приготовленное к печати самим Михайловым, Стихотворения Михайлова, изд. 1866 г., под редакцией Н. В. Гербеля, и первый том Полного собр. соч. Михайлова, под редакцией П. В. Быкова. (Издание Стихотворений Михайлова, Спб. 1890 г., являющееся простой перепечаткой издания Гербеля, стихотворения в третьем томе Соч. Михайлова, изданном в 1915 г. приложением к журналу «Пробуждение» и являющимся не полной перепечаткой стихотворных текстов, ранее собранных Быковым, здесь не указываются). При указаниях на первопечатные и рукописные тексты приводятся все варианты стихотворений. Опечатки первопечатных текстов, за некоторыми исключениями, не указываются. Приведены все примечания самого Михайлова, имеющиеся в печатных текстах или сохранившиеся в рукописях; в качестве примечаний к переводным стихотворениям точно так же даны извлечения из некоторых статей Михайлова об иностранных поэтах. В примечаниях к оригинальным стихотворениям даются сведения историко-литературного и биографического характера.

Для экономии места при ссылках на наиболее часто упоминаемые издания и архивы приняты следующие сокращения:

«Б ы к о в» — Полное собрание сочинений М. Л. Михайлова. Под редакцией П. В. Быкова. Том I Стихотворения оригинальные и переводные [Спб. 1914].

«Б е р л. и з д.» — Стихотворения М. Л. Михайлова. Подражания восточному. Из английских поэтов. Из немецких поэтов.

С венгерского. С малороссийского. С польского. Народные песни
Берлин 1862.

«ГПБ» — Рукописное отделение Государственной публичной
библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

«Г е р б е л ь» — Стихотворения М. Л. Михайлова. Редакция
издания Н. В. Гербеля. Спб. 1866.

«Г ё т е 1865» — Сочинения Гёте в русском переводе. Под ре-
дакцией П. Вейнберга. Том I. Спб. 1865.

«Г ё т е 1878» — Собрание сочинений Гёте в переводах рус-
ских писателей. Под редакцией Н. В. Гербеля. Том I. Спб. 1878.

«ИРЛИ» — Рукописное отделение Института русской лите-
ратуры Академии Наук СССР.

«Ш и л л е р» — Лирические стихотворения Шиллера в пере-
водах русских поэтов. Под редакцией Н. В. Гербеля. Том I.
Спб. 1857.

«Ш и л л е р II» — То же издание. Том II.

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНИЯ

Подражания восточному

Д ж е л а л ь - Э д д и н Руми

1. *Я — дикий виноград.* Печатается по «Русск. слову» 1859, № 1, стр. 175, где опубликовано впервые без указания, что это перевод.

В автографе ИРЛИ, являющемся первой редакцией, стих 10 читается:

Чтоб корни диких трав мне не сосали грудь.

Стих 12:

Ты солнцем пламенным — туманы отженуть

Гербель, 19. Быков, 12.

С а а д и

2. *Капля дождевая...* 3. *Крепко ударил я заступом...* Печатаются по тексту журнала «Подснежник» 1858, II, стр. 3—4, где опубликованы впервые, снабженные следующим примечанием: «Саади был персидский писатель XIII века христианского летоисчисления. Он родился в персидском городе Ширазе; первую треть жизни провел в занятиях науками, вторую в путешествиях и военной службе; третью в уединенном размышлении и воспоминании прошедшего; всего он прожил до ста лет. Его общительный характер и путешествия доставили ему возможность близко познакомиться с людьми разных сословий и званий, с их нравами и обычаями, добродетелями и пороками. Все виденное он описывал в своих произведениях с поучительной целью. Самое известное из его сочинений — *Гюлистан*, собрание нравоучительных заметок, басен, анекдотов и пр. До сих пор это — одна из настольных книг грамотного персиянина».

Гербель, 20. Быков, 12 — 13.

Б г а р т р и г а р и

4. *Слеза упоенья.* 5. *Пусть горит лампада.* 6. *Как не вижу — только б увидаться.* 7. *Лесом шла она...* 8. *Грудь волнуются; кудри трубчатые.* Печатаются по Берл. изд., 6—7, где появились впервые.

Гербель, 21—22. Быков, 13—14.

9. *Как тень поутру.* 10. *Пусть твои благие.* Печатаются по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 14.

Ш и - К и н г

11. *Мой хороший, мой пригожий.* Печатается по Берл. изд., 8, где появилось впервые.
Гербель, 23. Быков, 14.

Ф е р и д е д д и н А т т а р

12. *Что от врагов ты хочешь скрыть.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 15.

М е в л а н а Д ж а м и

13. *Кедр, твоей вершины стройной.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 15.

И з к о р а н а

14. *Из рода в род твой глас идет.* Печатается по «Библиотеке для чтения» 1855, т. 132, июль, стр. 46, где опубликовано впервые.

Берл. изд., 9. Гербель, 24. Быков, 15.

И з т а л м у д а

15. *Где сверкает меч.* 16. *Что мое — мое.* Печатается по Берл. изд., 10, где опубликовано впервые.
Гербель, 25. Быков, 16.

С п е р с и д с к о г о

16. *Что не могу в моих стихах.* Печатается по Берл. изд., 11, где опубликовано впервые.
Гербель, 25. Быков, 16.

Из древнегреческих поэтов

Э с х и л

18. *Скованный Прометей.* Печатается по «Современнику» 1863, кн. I — II, стр. 54 — 62.
Гербель, 3 — 13. Быков, 17 — 22.

А н а к р е о н

19. *Увидал Эрот, что время.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гербель, 14.
Быков, 23.

20. *Ты розою роскошной расцветаешь.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 33, стр. 518, где опубликовано впервые.
Быков, 23.

21. *На, пиру за полной чашей.* Печатается по «Лит. газете» 1849, № 1, стр. 7, где опубликовано впервые; сверено с копией Шелгуновой (ИРЛИ).

Гербель, 14. Быков, 23.

22. *Молодая кобылица.* Печатается по «Лит. газете» 1848, № 32, стр. 503, где опубликовано впервые. В отрывке черновика ИРЛИ стих 14 имеет вариант:

Как пойдешь ты терпеливо.

С а ф о

23. *Закатилася луна.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гербель, 15.

Быков, 24.

24. *Горесть и слезы жить не должны...* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 33, стр. 518, где опубликовано впервые.

Быков, 24.

25. *Надгробие рыбаку.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 33, стр. 518, где опубликовано впервые.

Быков, 24.

26. *Чем эта женщина могла тебя пленить.* Печатается по журналу «Иллюстрация» 1847, № 9, стр. 142, где опубликовано впервые, без подписи. Сверено с копией Шелгуновой (ИРЛИ).

Быков, 24.

27. *Принял под мирный свой кров Геродот...* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 33, стр. 518, где опубликовано впервые под заглавием «Геродот», но без обозначения, что это перевод из Сафо.

Быков, 24.

Творчеству Сафо посвящена одна из ранних статей Михайлова «Сафо и Лесбосские гетеры», в «Лит. газете» 1847, № 39. В ней Михайлов восторженно отзывается о творчестве поэтессы древней Греции:

«Эта женщина была вся любовь: но какая любовь — идеальная или чувственная? В то время не знали этого различия. Тогда была известна только одна психология — психология Гомера, который беспрестанно смешивает желудок и сердце, чувства и поэмы... Около 590 года до н. э. еще не умели анализировать тонкости чувств, и в поэзии, как в жизни, любовь не имела тонченности. Сафо любила, как гомерические боги; но не имела власти вернуться в случае нужды в золотое облако, как Юпитер на Иде.

«Страсть Сафо образовала ее гений. Этот феномен достоин внимания; даже впечатления сладострастия, собранные и очищенные воображением, имеют весьма много поэзии, становясь, так сказать, моральной матерьяльностью. Ум отрешает чистый элемент от элементов грубых и одухотворяет материю; чувственные впечатления дают краски идеалу: они уподобляются этой светлой материи, которая, по преданию древних, разлита в небе и из которой образуются звезды.

«Поэзия Сафо, как порожденная страстью, искренна и истинна; в ней нет ничего искусственного... Сафо имела счастье родиться, когда поэзии литературной еще не существовало; ее поэзия всегда естественна, в самом обширном смысле этого слова. Лира не была метафорой для Сафо; она брала в руки эту лиру, чтобы рассеять страсть, тревожившую ее в продолжение длинных одиноких ночей, как Ахиллес в Илиаде берет свою лиру, чтобы рассеять свою грусть. Она прелюдировала; душа и нервы ее трепетали; она возбуждала свою любовь и желания, вместо того, чтобы рассеять их; она горела, становилась бледнее увядшего цветка; тогда прерывистые песни слетали с уст ее, трепещущих, замирающих от неуголенных поцелуев. Это иступление желаний переходило в ее стихи; ритм не был ей препятствием; напротив, облегчал ее... Страсть ее, сначала слишком раздраженная, ослабевала, наконец, от самого излишества своего; у нее являлась усталость, если не покой, пока вторично не пробуждалось иступление, и тогда она звала опять, горестными и, может быть, полными восторга, криками неблагодарного, оставившего ее!

«Вот чем была поэзия Сафо, полная и сложная, как самая человеческая природа, составленная из души и тела. И эта поэзия восхищает нас потому, что поражает вместе и наше воображение, и наши чувства, потому что она представляет нам, в возвышенной и сильной форме, соединение действительности и идеала...

«Сафо сочиняла гимны, оды, элегии... Весь древний мир удивлялся дочери Лесбоса почти наравне с Гомером, более даже чем Пиндару. Один список имен тех, кто был в восторге от Сафо, занял бы целую страницу. Упомянем только Аристотеля, Платона и Плутарха. Слова Аристотеля подкрепляют наше мнение об этой необыкновенной женщине. «Жители Митилены уважают Сафо, хотя она была женщина». Платон в «Федре» ставит Сафо в число мудрецов (впрочем, по-гречески слово *мудрец* имело столько значений!). Плутарх становится поэтом, говоря об ней: «Поистине,—говорит он,—песни этой женщины полны огня».

М о с х

28. *Если зефиры легко пробегают...* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 26, стр. 405, где опубликовано впервые.

Быков, 248.

Из антологии

Лукиан

29. *Боги*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 45, стр. 709, под заглавием «Око богов», в следующей редакции:

Дерзкий! Дела ты свои от взоров лишь смертных сокроешь;
Боги Олимпа и мысль видят в душе у тебя.

Быков, 25.

30. *Удел человека*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 25.

31. *Время*. Печатается по «Лит. газете» 1847, № 45, стр. 709, где опубликовано впервые.

Быков, 25.

Алкей

32. *Гезиод*. Печатается по «Лит. газете» 1847, № 45, стр. 709, где опубликовано впервые.

Быков, 25.

Симонид

33. *Могила Сафо*. Печатается по Быкову, 25, где опубликовано впервые.

34. *Статуя Ниобеи*. Печатается по Быкову, 26. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 33, стр. 519, в следующей редакции:

В камень меня превратили всеильные боги. Из камня
Создал живую меня вновь Праксителя резец.

35. *Надгробие спартанцам в Фермопилах*. Печатается по Быкову, 26. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 45, стр. 709, под заглавием «Надгробие спартанцам», в следующей редакции:

Путник! Снеси эту весть от нас гражданам Лакедемона.
Верны законам его — здесь мы в могилу сошли.

Неизвестные

36. *Молитва*. Печатается по «Лит. газете» 1847, № 45, стр. 709, где опубликовано впервые.

Быков, 26.

37. *Могила Ахиллеса*. Печатается по «Лит. газете» 1847, № 45, стр. 709, где опубликовано впервые.

Быков, 26.

38. *Угроза Эроту*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 26.

Из английских поэтов

С п е н с е р

39. *Раздумье*. Печатается по Быкову, 27, повидимому, имевшему в руках не дошедшую до нас позднейшую редакцию, так как в «Иллюстрации» 1847, № 4, стр. 62, где опубликовано впервые, стихи 7 и 8 напечатаны в следующем искаженном виде:

Ко мне ни одна тень приблизиться не смеет,
И призраков не встретит взгляд.

В стихе 11 в журнальном тексте — опечатку: «перед собой», вместо — «пред собой».

М а р л о

40. *Из Фауста*. Печатается по автографу ГПБ. Впервые опубликовано — Берл. изд., 15 — 17.

Стих 13 в переводе значит: О, медленно, медленно бегите кони ночи!

Быков, 27—29.

Б о р н е

41. *Джону Андерсону*. 42. *К полевой мыши, разоренной моим плугом*. 43. *К срезанной плугом маргаритке*. 44. *Пахарь*.

45. *Джон-Ячменное зерно*. Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Современнике» 1856, VI, стр. 229—236.

Сборник «Для легкого чтения», т. IX, Спб. 1859, стр. 125 — 132. Берл. изд., 18—26. Гербель, 32—40. Быков, 29 — 34.

46. *Злая судьба*. Печатается по «Современнику» 1856, VI, стр. 236, где опубликовано впервые.

«Для легкого чтения», т. IX, Спб. 1859, стр. 132 — 133. Берл. изд., 26 — 27. Гербель, 41. Быков, 34.

Т о м а с М у р

47. *Мир вам!* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Деле» 1869, № 12, стр. 72, под заглавием «Ирландская мелодия».

Быков, 36.

Б а й р о н

48. *Прости*. Печатается по «Современнику», 1860, X, стр. 639 — 642, где опубликовано впервые; к переводу эпиграфом поставлены первые четыре стиха английского подлинника:

Adieu, adieu! my native shore
Fades o'er the waters blue:
The Night-winds sigh, the breakers roar,
And shrieks the wild sea-mew.

Стих 49 испорчен опечаткой:

Хоть и в родной стране.

Гербель, 42 — 45, без указанной опечатки, которая, однако, повторена Быковым, 35 — 37. Берл. изд., 28 — 31.

49. *Подражание португальскому*. Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 4, стр. 62, где опубликовано впервые, без подписи.

Быков, 37.

Ф е л и ц и я Г и м е н е

50. *Песня*. Печатается по «Библиотеке для чтения» 1855, т. 132, июль, стр. 46, где опубликовано впервые; эпитафией к стихотворению поставлена первая строка оригинала:

Mother! oh, sing me to rest!

Берл. изд., 32, без заглавия. Гербель, 46, без заглавия. Быков, 37, под заглавием «Убаюкай меня».

51. *Все, что вольно, снится мне*. Печатается по «Современнику» 1862, IV, стр. 707, где опубликовано впервые.

Берл. изд., 32 — 33. Гербель, 47. Быков, 38.

Б а р р и К о р н в а л ь

52. *Жена каторжного*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Деле» 1869, № 11, стр. 103, под заглавием «Жена каторжника».

Быков, 38.

53. *Лодовико Сфорца*. Печатается по Берл. изд., 40 — 54. Впервые опубликовано в «Русск. слове» 1860, № 3, стр. 211 — 230. Текст Берл. изд. отличается от журнального несколькими стилистическими поправками в ремарках, здесь не отмеченными. В журнале драматические сцены снабжены следующими эпитафиями:

I'll close mine eyes
And in a melancholy thought I'll frame
Her figure for me. Now I have it — how strong
Imagination works! how she can frame
Things which are not! me thinks she stands afore me

Webster. The White Devil, Act III.

E v a d. Stay, sir, stay:
You are too hot, and I have brought you physic
To temper your high veins.
K i n g . Thou dost not mean this; tis impossible:
Thou art too sweet and gentle.
E v a d. No, I am not.

Beaumont and Fletcher. The Maid's Tragedy. Act V.

В примечании Михайловым дан перевод эпитафий:

«Закрою глаза и в меланхолической думе воссоздам пред собою ее образ. Вот она! Как велика сила воображения! Как может оно творить вещи, которых нет! Мне кажется, она стоит предо мною.

Вебстер. Белый Дьявол, действие III.

«Э в а н д а. Постойте, государь, постойте! Вы слишком разгорячились; я принесла вам лекарство, чтоб уговорить вашу кипучую кровь.

«К о р о л ь. Ты этого не сделаешь; не может быть! Ты слишком мила и нежна.

«Э в а н д а. О! Нет, я не такова».

Бьюмонт и Флетчер. Трагедия Девы, действие V.

Кроме эпитафий, драматическим сценам предшествует следующая заметка:

«Эта сцена основана отчасти на действительном факте итальянской истории. Лодовико Сфорца, дядя молодого герцога Миланского, присутствовал при его бракосочетании с Изабеллой, внучкою неаполитанского короля. Сфорца был сильно поражен красотою Изабеллы; предполагали, что он и отравил племянника своего Галеаццо. Последняя сцена, происходящая год спустя, вымыслена».

В обширном предисловии к сценам Михайлов пишет:

«Имя Барри Корнваль — не чужое русским читателям. Кто не знает, что произведения этого поэта высоко ценились Пушкиным, что он непременно хотел познакомить нашу публику с его *Dramatic scenes* и поручил перевести некоторые из них для своего «Современника». Перевод (прозаический) г-жи Ишимовой явился в пушкинском журнале, когда самого Пушкина уже не было на свете».

Далее Михайлов говорит о том влиянии, которое оказал Барри Корнваль на Пушкина в эпоху создания им маленьких трагедий, попутно упоминает об источнике пушкинского стихотворения «Воротился ночью мельник» и, переходя к биографии Корнваль, пишет следующее:

«Настоящее имя Барри Корнваль — Бриан Валлер Проктер. Он родился в Лондоне в конце прошлого столетия и доныне жив, ¹ но литературное поприще, на которое он выступил так блистательно, обещая своими «Сценами» поэта первоклассного, почти совсем им оставлено. Он с юности готовился к юридической карьере, и теперь его главное титуло не поэт, а *barrister at law* и комиссар управления заведениями для умалишенных.

«Проктер принадлежит к уважаемой фамилии из Северной Англии. Раннее детство прожил он в Плите, местечке около

¹ Т. е. был жив в 1860 г. Умер в 1874 г. (Ред.)

Лондона, и тут получил первоначальное воспитание. Гарроуская школа, куда он поступил потом, находилась тогда под управлением доктора Друри, известного своим покровительством Кину, которого он поместил в Ston College. Как директор Гарроусского училища, Друри видел в числе своих воспитанников многих, кому суждено было стяжать впоследствии громкую славу. Так, в одно время с Проктером на школьных скамейках Гарроу сидели Байрон, Роберт Пиль. Проктер пробыл тут четыре года.

«Затем четыре года провел он в городе Кальне (Caln) в Вильтшире, где занимался изучением юриспруденции под руководством адвоката Атерстона, человека сведущего и достойного. Отсюда Проктер переехал в Лондон, и тут его юридическое образование завершилось в Lincoln's Inn.

«В 1815 г. выступил он на литературное поприще с небольшим томиком «Драматических сцен», взятых большей частью из домашнего быта, в которых ему хотелось, по собственному его признанию, применить к драме более естественный стиль, чем [тот], какой долгое время преобладал в английской драматической литературе.

«Попытка увенчалась блестящим успехом.

«За «Сценами» последовала в 1820 г. поэма «Марциан Колонна» (Marcian Colonna, an Italian tale), встреченная не меньшим успехом, затем «The Feod of Thessaly» и др. поэмы, уже не столь замечательные.

«Через год после издания первой поэмы, на Конвентгарденском театре поставлена была трагедия Проктера «Мирандола». Она возбудила в публике страшный энтузиазм, продолжавшийся впрочем не долго...

«...На языке и манере Барри Корнвалля заметно влияние глубокого изучения драматических поэтов елизаветинского времени. Но не одни опыты в драматическом роде поставили Проктера в ряд замечательных английских поэтов последнего времени. Он стоит внимания и как лирик...

«...По первому произведению, именно по «Драматическим сценам», Барри Корнваллю многие предрекали блистательную литературную будущность; но, при всех своих неоспоримых достоинствах, он не удовлетворил этих высоких надежд.

«На вопрос: отчего? пусть ответит он сам.

«В предисловии к последнему изданию своих «Сцен», к которым прибавлено более пятидесяти мелких лирических стихотворений, до тех пор не напечатанных, он говорит:

«Эта книга будет, вероятно, последним моим обращением ко вниманию публики:

«Во дни оны, и я, — как другие любители пленительного искусства поэзии, — надеялся видеть себя увенчанным музами, как одного из отважнейших бойцов; но мне выпала на долю дол-

гая трудовая жизнь с немногими и редкими досугами, и мысли мои поневоле обратились на иной путь.

«Если годы и не сделали меня холодным философом, все же они укротили мучительные порывы молодости, и я чувствую теперь, что могу сложить с себя доспехи и предоставить более деятельным и более героическим сердцам славу борьбы и венец, награду успеха».

«С этого-то издания¹ и сделан мой перевод. Оно во многом отличается от того издания, из которого перевела пять сцен г-жа Ишимова («Современник», 1837, т. VIII). Почти ни страницы текста не осталось без значительных изменений; множество стихов исправлено; кое-что сокращено, кое-что несколько развито; некоторые места, иногда целые монологи, совсем вычеркнуты. Сравнивая текст первого и последнего издания, нельзя не отдать предпочтения последнему. Во всех изданиях и поправках Корнвалем руководило верное чувство зрелого художника...

«...Я старался передать подлинник с возможной верностью; что же касается до выбора сцен (переводить их все мне казалось лишним) — его решил мой личный вкус».

Гербель, 53 — 67. Быков, 39 — 46.

54. *Хуан*. Печатается по тексту журнала «Время» 1863, IV, стр. 249 — 261, где опубликовано впервые за подписью Мих. Илецкий.

Гербель, 46 — 55. Быков, 46 — 55.

55. *Разбитое сердце*. Печатается по Гербелю, 85 — 100, где опубликовано впервые со следующим примечанием: «Этот очерк основан на одной из новелл Боккачио. Иеронимо был послан из Италии в Париж для окончательного своего образования. Его удержали там два года, так как мать его боялась, чтобы он не женился на бедной прекрасной девушке (Сильвестре), с которою он был воспитан с детства. Во время его отсутствия мать постаралась устроить замужество Сильвестры. Возвратясь, он все бродил вокруг ее дома. Ему удалось пробраться к ней в комнату, он с нею говорил (муж в это время спал) — и наконец умер перед нею, на ее постели».

Быков, 55 — 63.

Т о м а с Г у д

56. *Стансы*. Печатается по «Современнику» 1862, IV, стр. 708. Берл. изд., 38 — 39. Гербель, 52 — 53. Быков, 63 — 64.

57. *У смертного одра*. Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1858, т. XIV, № 7, апрель, кн. 1, 441.

¹ Dramatic Scenes. With other poems, now first printed. By Barri Cornwall. London, 1857. (*Примеч. Михайлова*)

В своей статье «Юмор и поэзия в Англии» («Современник» 1861, 1, стр. 305) Михайлов полностью привел свой перевод этого стихотворения.

Берл. изд., 34. Гербель, 48. Быков, 64.

58. *Изгнание*. Печатается по «Русск. слову» 1863, № 11, стр. 128, где опубликовано впервые. Вторично опубликовано Шелгуновой в «Деле» 1870, № 1, стр. 117.

Быков, 64 — 65.

59. *Песня о рубашке*. Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Современнике» 1806, IX, стр. 63 — 66, с пропуском стиха 37; в журнале к переводу дано следующее примечание Михайлова:

«В этом опыте перевода знаменитой песни английского поэта встречаются некоторые не совсем правильные стихи, как и в самом подлиннике. Переводчику ничего не стоило сгладить все неровности, перерифмовать всю пьесу и вообще сделать ее вполне согласною с правилами строгой версификации; но едва ли в таком виде она сохранила бы то беспорядочное и страстное движение, которое составляет ее существенный характер. Насколько можно при несхождении языков, переводчик старался сберечь не только внутренний строй, но и внешние оттенки выражения оригинала. «Песня о рубашке» пользуется такою громкою известностью, что допускать в ней переделки, смягчения и пр. (которые вдобавок обыкновенно кажутся желанием исправлять подлинник) было бы непростительно. Память о Томасе Гуде недавно возобновлена в Англии изданием записок о его жизни. Мы воспользуемся ими, как скоро они будут получены в Петербурге, а также и прежними биографиями, чтобы представить читателям «Современника» характеристику Гуда, как поэта и как человека».

Берл. изд., 35. Гербель, 49 — 52. Быков, 65 — 67.

Г е н р и Л о н г ф е л л о

60. *Вильяму Чаннингу*. 61. *Сон невольника*. 62. *Благая часть, яже не отыметя*. 63. *Невольник в Проклятом болоте*. 64. *Пение невольника в полночь*. 65. *Свидетели*. 66. *Кватронка*. 67. *Предостережение*. 68. *Excelsior!* Печатается по автографам ГПБ. Впервые напечатано в «Современнике» 1861, III, стр. 269 — 278; здесь «Пенье невольника в полночь» напечатано под заглавием «Пенье негра в полночь».

Берл. изд., 60 — 72. Гербель, 106—118, Быков, 67 — 73; здесь «Предостережение» напечатано без последней строфы (стихи 17 — 24).

О творчестве Лонгфелло Михайлов говорит в статье «Американские поэты и романисты» («Современник» 1860, XII, стр. 309

и сл.). По поводу цикла «Песни о невольничестве» Михайлов писал следующее: «Они проникнуты горячим чувством негодования и полны горьких укоризн свободной стране, которая до сих пор не может смыть с себя черного пятна невольничества. Картины богатой и щедрой природы, посреди которой совершаются оскорбляющие человечество несправедливости, сообщают еще более силы песням Лонгфелло» (стр. 315).

В этой же статье Михайлов по поводу «несколько мистического» стихотворения «Excelsior!» писал следующее: «Мнения об этой пьесе критики резко противоречат одно другому: так, американцы безусловно хвалят ее и считают лучшим произведением Лонгфелло; англичане, напротив, смеются над нею и находят ее нелепою аллегорией, придираясь и к тому, что слово «Excelsior» могло быть сочинено только человеком, плохо-знающим по-латыни. Немецкий автор... клонится на сторону англичанам, и тоже находит, что образ, представленный поэтом в этой пьесе, изыскан, натянут, холоден и неестествен. Что касается лично нас, мы считаем, вместе с северо-американской критикой, пьесу «Excelsior!» высоко - поэтическим произведением, полным глубокой мысли. Единожды признав, что это аллегория, хотя и непременно объяснить ее во всех подробностях, и оттого теряют из виду существенный и главный ее смысл...

«...В идеальном образе юноши, отказывающегося от мира и счастья и неудержимо идущего навстречу верной и неминуемой гибели, поэт хотел олицетворить энтузиазм, которым проникает все существо человека служение идее. Мы не видим в пьесе ничего смешно-неестественного (*ludicrously unreal*), как находят некоторые критики. Напротив, мы думаем, что чувство, которым проникнуто стихотворение Лонгфелло, одно из лучших, наиболее чистых и благородных человеческих чувств. Мы никак не можем придирается и к частностям, как это делают многие, и вовсе не понимаем, как можно видеть в пьесе будто бы пренебрежение низшими сферами жизни ради каких-то холодных и мертвых высот. Так буквально объяснять аллегорию автора можно только при крайней близорукости, потому что ничто в поэзии Лонгфелло не оправдывает такого объяснения: сочувствие, обращенное им во многих лучших его произведениях (как, напр., в помянутых «Песнях о невольничестве») именно к низшим сферам жизни, ясно для каждого» (стр. 315 — 316).

Excelsior! — вперед и выше!

Ч а р л ь з Л е м б

69. *Былые знакомые лица.* Печатается по тексту журнала «Шехерезада» 1859, № 19, стр. 585 — 586, где опубликовано впервые.

Быков, 74.

Эбензер Элиот

70. *Надгробие поэта*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Деле» 1869, № 11, стр. 152, где стих 8, вероятно по цензурным условиям, дан в следующей редакции:

Тюрьма — чертог — гроба

Быков, 75; здесь стих 8 дан в той же цензурной редакции.

Альфред Тениссон

71. *Годива*. Печатается по «Современнику» 1859, IX, стр. 5 — 8; здесь в стихе 24 пропущено (очевидно, по недосмотру корректора) слово: сзади.

Берл. изд., 55 — 59. Гербель, 101—105. Быков, 75 — 78.

В статье «Последняя книга Виктора Гюго» («Русск. слово» 1860, № 1) М. Михайлов, вспомнив Тениссона, в связи с «Легендой веков» В. Гюго, писал следующее: «По поводу того, как следует воссоздавать старые предания поэту нашего времени, нельзя не вспомнить прелестной легенды Тениссона о графине Годиве, легенды, которая считается классическим произведением в английской литературе. В ней такое полное отсутствие всяких искусственных приемов, такая естественная последовательность рассказа, что, и переведенная в прозе, она почти не утрачивает своей удивительной красоты и грации. Это большая похвала, потому что только произведения народной поэзии выдерживают такое испытание» (стр. 136).

Из немецких поэтов

Шубарт

72. *Вечный жид*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Деле» 1880, № 11, стр. 37 — 40, где стих 61 дан в следующей редакции:

И огненное чрево разрешилось.

Стих 97:

Меня не отравлял и яд змеиный.

Быков, 83 — 86, напечатано с пропуском стихов 33 — 36.

Гёте

73. *Новая любовь — новая жизнь*. Печатается по «Москвитянину» 1851, № 22, кн. 2, стр. 217—218, где опубликовано впервые.

Берл. изд., 80. Гёте 1865, стр. 372. Гербель, 125. Гёте 1878, стр. 372. Быков, 86.

74. *Первая потеря*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые опубликовано Гёте 1878, стр. 11, за подписью М. М. Быков, 86.

75. *Близость милого*. Печатается по «Сборнику литературных статей в память А. Смирдина». Спб. 1859, т. VI, стр. 126, где опубликовано впервые с опечаткой в заглавии: «Близость милой» (В оригинале: «Nahe des Geliebten»).

Берл. изд., 79. Гёте 1865, стр. 374. Гербель, 131. Гёте 1878, стр. 12. Быков, 86—87.

76. *Ночная песня странника*. Печатается по «Библиотеке для чтения» 1855, № 2, стр. 16, где опубликовано впервые.

Берл. изд., 83. Гёте 1865, стр. 370. Гербель, 127. Гёте 1878, стр. 12—13. Быков, 350.

77. *Обман*. Печатается по «Сборнику литературных статей в память А. Смирдина». Спб. 1859, т. VI, стр. 125, где опубликовано впервые.

Берл. изд., 76. Гёте 1865, стр. 369. Гербель, 133. Гёте 1878, стр. 14. Быков, 87.

78. *Вечерняя песня охотника*. Печатается по «Москвитянину» 1851, № 22, кн. 2, стр. 217, где опубликовано впервые.

Берл. изд., 80. Гёте 1865, стр. 370. Гербель, 124. Быков, 87—88.

79. *Близость*. Печатается по «Библиотеке для чтения» 1855, № 2, стр. 15, где опубликовано впервые.

Берл. изд., 78. Гёте 1865, стр. 374. Гербель, 16. Быков, 88.

80. *Блаженство грусти*. Печатается по Берл. изд., 82, где опубликовано впервые.

Гербель, 126. Гёте 1878, стр. 17. Быков, 88.

81. *Песня Клары*. Печатается по Берл. изд., 77, где опубликовано впервые.

Гербель, 128. Гёте 1878, стр. 383. Быков, 88.

82. *Миньона*. Печатается по «Русск. слову» 1859, № 12, стр. 243 — 244, где опубликовано впервые.

Берл. изд., 75 — 76. Гербель, 132. Быков, 89. Во всех этих трех изданиях стих 15 читается:

И старые гнезда драконов в ущелье гнездятся.

83. *Перед судом*. Печатается по тексту журнала «Дело» 1869, № 11, стр. 151, где опубликовано впервые, без обозначения, что это — перевод из Гёте.

Гёте 1878, стр. 386. Быков, 89.

84. *Пряха*. Печатается по тексту журнала «Дело» 1869, № 11, стр. 192, где опубликовано впервые за подписью М. М.

Гёте 1878, стр. 33. Быков, 90.

85. *Границы человечества*. Печатается по Гёте 1878, стр. 396 — 397. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1847, № 10, стр. 156 — 157, в следующей редакции:

Когда предвечный
Святой отец рукою всемогущей
На землю сыплет
Благословенные перуны
Из громоносных облаков —
Я с робостью детскою в груди
Последний край
Его одежды лобызаю.

Не должен смертный
Равняться с сильными богами...
Поднимет ли он гордое чело,
И вознесется им до звезд небесных —
Его стопам бессильным
Опоры нет, —
И им играют облака и бури.

Ногою ль твердой станет он
На твердую, вечно-живую землю —
Он не достигнет головою
Вершины дуба, —
Он ниже виноградных лоз.
Какой рубеж лежит
Меж смертным и богами?..
Перед престолом божества несутся
Бесчисленные волны
Потоком вечным:
Одна волна поднимет нас —
И тонем мы...
Едва приметное кольцо —
Граница нашей жизни;
Но много поколений
С ней тесно связаны...
И все они живые звенья
Бессмертной цепи естества.

В этой первоначальной редакции стихотворение напечатано —
Гербель, 122 — 123.

Быков, 90.

86. *Осеннее чувство*. Печатается по Гёте 1878, стр. 75. Сверено с копией Шелгуновой (ИРЛИ). Опубликовано впервые Гербель, 129 — 130, в следующей редакции, датированной 1855 г.:

Гуще плетитесь,
Гибкие лозы,
Вейтесь к окну моему!

Полней наливайтесь,
Сочные ягоды; спейте
Скорей и пышней...
Вас греет
Прощальный взор
Родного солнца;
Вас обвевает
Дух плодотворный
Благого неба;
Вас освежает
Луна дружелюбно
Волшебным приветом;
Вас орошают
Из этих глаз
Вечно живящей любви
Обильные слезы.

Быков, 91, стих 11:

Плодотворная ласка.

87. *Морская тишь*. Печатается по Гёте 1878, стр. 402, где опубликовано впервые. Сверено с копией Шелгуновой (ИРЛИ).
Быков, 91.

88. *Счастливое плавание*. Печатается по Гёте 1878, стр. 104, где опубликовано впервые за подписью М. М. Сверено с копией Шелгуновой (ИРЛИ).
Быков, 91.

89. *Свиданье и разлука*. Печатается по Гёте 1878, стр. 404 — 405. Впервые напечатано — Гербель, 130, без последних четырех строк (стихи 17 — 32).
Быков, 91—92.

90. *Порою мнится мне: на голове моей*. Печатается по Гёте 1878, стр. 114 — 115. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 18, стр. 278, без обозначения, что это — перевод из Гёте. Стихотворение снабжено следующим редакционным примечанием к имени автора: «Читатели наши, вероятно, обратили внимание на весьма замечательные стихотворения, под которыми встречается эта фамилия. Не зная лично поэта, мы считаем долгом благодарить его за нас и за наших читателей за доставление его прекрасных стихотворений».

Стих 11 в журнале читается:

И слезы вновь по прежнему я лью.

Быков, 92 — 93.

91. *Могила Анакреона*. Печатается по Берл. изд., 77. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1847, № 10, стр. 156, в следующей редакции:

Где роза южная в тиши благоухает,
Где горделивый лавр и гибкий виноград
Сплелися дружески, где горлица вздыхает,
Где слышится в траве приятный крик цикад —
Какого смертного сокрыла здесь могила?
Чей холм надгробный так рука богов покрыла
Богатый жизнью?... Здесь спит Анакреон,
Певец счастливый!.. Зрел весну он молодую,
И лето жаркое, и осень золотую;
Но от зимы седой в могиле скрылся он.

В этой редакции стихотворение сохранилось в копии Шелгуновой (ИРЛИ).

«Сборник литературных статей в память А. Смирдина». Спб. 1859, т. VI, стр. 124, стих 4:

...веселый крик цикад.

Гёте 1865, стр. 394. Гербель, 121. Гёте 1878, стр. 121. Быков, 93.

92. *Китаец в Риме*. Печатается по «Иллюстрации» 1848, №40, стр. 247, где опубликовано впервые, перевод помечен: Н.-Новгород.

Гербель, 124. Гёте 1878, стр. 121, за подписью М. М.; Быков, 93.

93. *Жизнью украсил язычник свои саркофаги и урны*. Печатается по Гербелю, 131, где опубликовано впервые.

Гёте 1878, стр. 121, за подписью М. М.; Быков, 93—94.

94. *Избранный утес*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гёте 1878, стр. 122, за подписью М. М.

Быков, 94.

95. *Мидас*. Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 10, стр. 156, где опубликовано впервые.

Гёте 1878, стр. 123, за подписью, М. М.; Быков, 94.

96. *Эта гондола мне кажется тихо-качаемой люлькой*. Печатается по Берл. изд., 82, где опубликовано впервые.

Гербель, 127. Гёте 1878, стр. 123, за подписью М. М.; Быков, 94.

97. *Сознанное счастье*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гёте 1878, стр. 123, за подписью М. М.

Быков, 95.

98. *Сон и Дремота*. Печатается по Берл. изд., 82. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1848, № 25, стр. 386, в следующей редакции:

Сон и дремоту, двух близнецов, служителей неба
Роду людей в утешение взял Прометей у бессмертных...
Но что богам легко, то людям пришлось не по силам:
Стала дремота их сном здесь, а сон их нам в смерть
обратился.

Гербель, 123. Гёте 1878, стр. 124, за подписью: М. М. Быков, 95.

99. *Напоминание*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гёте 1878, стр. 124.
Быков, 95.

100. *Земледельцу*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гёте 1878, стр. 124, за подписью М. М.
Быков, 95.

101. *Сладкие заботы*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гёте 1878, стр. 125, за подписью М. М.
Быков, 95.

102. *Филомела*. Печатается по Гёте 1878, стр. 412, где опубликовано впервые.
Быков, 96.

103. *Благодать*. Печатается по Быкову, 96, где опубликовано впервые.

104. *Неравный брак*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гёте 1878, стр. 126, за подписью М. М.
Быков, 96.

105. *Новый Амур*. Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 10, стр. 156, где опубликовано впервые.
Быков, 96.

106. *Афоризмы*.

I. Сядь на коня, на корабль... Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1847, № 10, стр. 156, в следующей редакции:

С нами садится в корабль, на коня, в колесницу забота;
Но неотвязчивей к нам лезет мальчишка Амур.

Гёте 1878, стр. 126. Быков, 97.

II. Вижу ли я богомольца... Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гёте 1878, стр. 126, за подписью М. М.
Быков, 97.

III. Тщ е т н о т ы в е е ш ь, М о р ф е й . . . Печатается по литографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гёте 1878, стр. 126, за подписью М. М.

Быков, 97.

IV. Т ы н е з н а е ш ь, к о м у т е б е в е р и т ь . . . Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гёте 1878, стр. 126, за подписью М. М.

Быков, 97.

V. П у с т ь с у м а с б р о д . . . Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гёте 1878, стр. 127, за подписью М. М.

Быков, 97.

VI. П ы ш н ы е к у д р и с в о и з а п л е л а . . . Печатается по Гёте 1878, стр. 127, где опубликовано впервые за подписью М. М.

Быков, 97.

VII. Ж и т ь м ы д о л ж н ы и л ю б и т ь . Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Гёте 1878, стр. 127, за подписью М. М.

Быков, 97.

VIII. Ф а к е л в о з ь м и П р о м е т е е в . . . Печатается по Гербелю, 128, где опубликовано впервые.

Гёте 1878, стр. 127. Быков, 97.

107. *Прометей*. Печатается по тексту «Недели» 1871, № 1, стр. 23—32, где опубликовано впервые; здесь стих 117 дан, вероятно, по условиям цензуры, в следующем виде:

Твои слова любезным светом были.

Стих 146 читается:

Не уступлю и вышнему из них.

Сохранился черновой автограф ИРЛИ — стихи 1 — 83, не имеющий отличий от журнального текста.

Гёте 1878, стр. 131—153, за подписью: М. М. Быков, 98 — 111.

108. *Фауст*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 20, стр. 306—307, где опубликовано впервые.

Быков, 111 — 112.

Стихи 22 — 23 в переводе: «День гнева исцеляет мир» — начальные слова покаянного католического гимна.

Стихи 37 — 39 в переводе: «Когда воссядет высший судия, все скрытое обнаружится, ничто не останется неотомщенным».

Стихи 49 — 51 в переводе: «Что я скажу тогда, несчастный? К какому защитнику припаду, когда даже праведник трепещет?»

Ш и л л е р

109. *Беспредельность*. Печатается по Берл. изд.. 84 — 85. Впервые напечатано в «Библиотеке для чтения» 1855, т. 129, февраль, стр. 145 — 146, где стих 1 читается:

Над бездною богом созданных миров.

Стих 14:

Смелее! В ничтожества область вперед!

Стих 20:

«О, странник! зачем и куда ты?» кричит

Гербель, 143 — 144. Шиллер, 5 — 6; здесь стих 14 напечатан в том же виде, как и в «Библиотеке для чтения».

Быков, 112 — 113.

110. *Миг*. Печатается по Берл. изд., 85 — 87. Впервые напечатано в «Драматических сочинениях Шиллера в переводах русских писателей», т. IV, Спб. 1859 (указание Быкова, стр. 363; найти это издание нам не удалось).

Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей, изданных под редакцией Н. В. Гербеля, т. 1, изд. 4-е. Лейпциг 1863, стр. 141 — 142. Гербель, 150 — 152. Быков, 113 — 114; здесь стих 2:

Вновь замкнулся наш кружок.

111. *Дифирамб*. Печатается по Шиллеру, 22. Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1855, т. 101, август, стр. 316. Здесь стих 21 читается:

Грудь отдыхает и око светлеет.

Берл. изд., 87 — 88. Гербель, 141 — 142. Быков, 114 — 115, с пропуском стиха 4.

112. *Прощание Гектора*. Печатается по Берл. изд., 88—89, за исключением стиха 8, который дается в первой редакции. Впервые напечатано в «Сыне отечества» 1847, № 3, стр. 2 — 3, в следующей редакции:

А н д р о м а х а .

О, милый мой Гектор, меня неужель ты покинешь?
Пойдешь ли туда, где Ахилл своей страшной рукою
Приносит кровавые жертвы Патроклу?.. кто будет
Малютку учить твоего — покоряться бессмертным
И диск свой метать?.. О мой Гектор, что станет с нами,
Когда ты потонешь в пучине туманного Орка?

Г е к т о р .

Не плачь, дорогая супруга!.. умерь свои слезы!
Пылает в груди моей мщенье врагам за отчизну...
И руки мои пусть защитой будут Пергама;

Пускай я в сраженьи паду за пенатов священных;
Пусть к Стиксу сойду защитителем стен илионских!..

А н д р о м а х а.

Не буду внимать я уж звуку доспехов супруга,
И праздный твой меч будет ржавчина грызть и с тобою
Погибнет навеки геройское племя Приама!..
Пойдешь ты туда, где и дня не бывало от века,
Где страшный Коцит катит волны, рыдая в пустыне,
О, Гектор, супруг мой, любовь твоя в Лете потонет!

Г е к т о р .

Все страсти, все думы мои в тихой Лете потонут,
Любовь же моя не погибнет в пучине забвенья.
Но, слышишь!.. уж варвар примчался к стенам Илиона!..
Меня обвяжи ты мечом, уйми свои слезы...
Любовь моя вечная в Лете погибнуть не может!

В этой же редакции напечатано — Шиллер, 94 — 95.
Гербель, 135—136, напечатано в редакции Берл. изд., за исключением стиха 8, данного в следующей редакции:

В груди моей мщенье клокочет врагам за отчизну.

Быков, 115.

113. *Надовесская похоронная песня*. Печатается по Берл. изд., 89 — 91. В автографе ГПБ, являющемся первой редакцией, стих 2:

На рогожный одр.

Стихи 10 — 11:

Разглядите ль вы
По долине след звериный?

Стих 19:

Посмотрите! Улетела

Стих 21:

Мир тебе в стране свободной —

Стих 29:

Отходя на пир с духами.

Стих 44:

С черепа срезал.

Заглавие в автографе: «Надовесский похоронный плач».

Впервые напечатано в «Библиотеке для чтения» 1855, т. 131, № 5, стр. 42 — 43, под тем же заглавием, как в автографе; Шиллер, 114 — 116, под таким же заглавием.

Гербель, 144 — 145. Быков, 115 — 117.

114. *Истукан Изиды*. Печатается по Берл. изд., 91 — 95. Впервые напечатано — Шиллер, 114 — 118, в следующей редакции:

ИСТУКАН В САИСЕ

Палимый жаждою познаний
Пришел в Египет юноша, и там
В Саисе начал изучать
Жрецов таинственную мудрость.
Он скоро быстрым
Умом перешагнул чрез многие ступени;
Все дальше, дальше увлекала
Его пытливость духа.
Гиерофант не успевал смягчать
Его нетерпеливое стремление.
«Чем обладаю я», твердил пришелец: «если
«Не всем я обладаю?»
«И что такое: *больше* знать иль *меньше*?
«Иль истина, как наслаждение чувств,
«Есть только сумма,
«Которою мы можем в большей
«Иль в меньшей степени владеть,
«И все-таки считать
«Ее своим владеньем?»
«Не есть ли истина одна и не раздельна?
«Один лишь звук убавь
«В гармонии, один лишь цвет убавь
«В небесной радуге — и все пропало
«Без чудной целостности цветов и звуков».
Так говоря, однажды ученик
И жрец пришли в далекую ротонду,
Где взор пришельца
На колоссальном изваянье,
Завешенном широким покрывалом,
Остановился. С изумленьем
Он посмотрел в лицо
Вожатого и спросил:
«Скажи,
«Что кроется под этим полотном?»
— То истина! — ему ответил жрец.
«Как? Истина?» воскликнул ученик:
«Ее одной, ее одной ищущу я,
«А от меня ее-то и скрывают!»
— То воля божества! — сказал
Гиерофант: — Из смертных ни один
Да не поднимет этого покрова
(Так говорит оно),
Пока его сама не подниму я.
Кто из среды непосвященных
Преступною рукой поднимет раньше
Священную запретную завесу, —

Тот (говорит оно) — тот истину *увидит*.

«Слова загадочны! Скажи, ты сам,
«Ты никогда не поднимал покрыва?»»

— Я? нет, и никогда желанье

Поднять его меня не искушало. —

«Мне непонятно это. Если,

«От истины я только этой тонкой

«Завесой отделен...» — О, сын мой! —

Прервал его Гиерофант:

— Ты позабыл завет... Поверь,

Важнее, чем ты думаешь, важнее

Завеса эта тонкая... Она

Легка руке,

Но совести безмерно тяжела.

Исполнен дум, шел юноша домой...

Желанье знания жгучее его

Лишало сна; в жару

Метался он на ложе, —

И в полночь встал. Нетвердые шаги

Его невольны

Вели ко храму. Без труда

Он на стену взобрался

И смелым

Прыжком посередине

Ротонды очутился.

И вот стоит он тут, и страшно

Его объяла пустота

И мертвое молчанье,

Которое лишь смутный отголосок

Его шагов

Из сокровенных склепов прерывает.

Вверх, сквозь арку свода

Бросает месяц серебристо-голубое

Мерцанье, и ужасен,

Как бог живой,

Из мрака выступает

Огромный истукан в своем широком

И длинном белом одеянии.

И юноша неверным шагом

Подходит. Дерзкая рука

Уже готова

К святыне прикоснуться...

Но вдруг и жар и холод пробежали

По телу юноши,

И будто тайная, незримая рука

Его отводит руку.

«Несчастный!
На что ты хочешь
Решиться!» — верный голос сердца
Ему твердит: «Ты хочешь
Испытывать высокую святыню?
Не говорит ли божество: Никто
Из смертных не поднимет покрывала,
Пока его само не подыму я».
«Но и не те же ли уста
«Прибавили:
«Кто приподнимет покрывало —
«Тот истину увидит!
«И будь за ним, что будет,
«Я подниму его».
И громко он воскликнул:
«Хочу ее увидеть!»
Увидеть! — зазвучали
Насмешливо глухие отголоски.

Сказал — и поднял покрывало!
Вы спросите, что там явилось
Его очам?... Не знаю.
На утро
Жрецы нашли его во храме: он лежал
Вез чувств и бледный у подножья
Изиды. Что он видел
И что узнал — из уст его
Никто и никогда не слышал.
Навек погиб свет жизни для него,
И в раннюю могилу
Свела его глубокая тоска.
«О, горе!
Так говорил он, предостерегая,
Когда к нему теснились
С вопросами. «О! горе
Тому, кто к истине идет
Стезю преступленья; никогда
Ему не радоваться ею!»

Черновая рукопись этой первоначальной редакции (ГПБ) датируется 1853 г.

Гербель, 147—150; Быков, 117—119.

115. *Колумб*. Печатается по рукописи ГПБ. Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1854, ХСII, № 2, стр. 333, где стих 2 читается:

Пусть у руля утомленные руки кормчий опустит.

Стих 4:

Разве мысленным взорам твоим не ясно он виден?

Стих 6:

Если б земли там и не было, выйдет она из пучины:

Стих 8:

Что обещает один, всегда исполняет другая.

Шиллер, 235, в следующей редакции:

Плаватель смелый, лети! Пускай насмехается злоба;

Пусть утомленной рукой кормчий поникнет на руль —

Дале и дале на запад! — там верно откроется берег!

Видишь же ясно его — ты, созерцая умом...

Веруй ведущему богу, и следуй безмолвному морю!

Если и нет там земли, встанет мгновенно из волн:

С гением матерь природа в вечном и верном союзе —

Если что он обещал, верно она совершит.

Берл. изд., 95. Гербель, 142. Быков, 119.

116. *Одиссей*. Печатается по Берл. изд., 95. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1848, № 42, стр. 275, где стихи 2 и 3 читаются:

Сцилла кипела под ним, зрел он Харибды грозу,

Моря враждебного злобу и горе на суше он видел.

Стихи 5 и 6:

Вот, наконец, принесен он судьбою к брегам итакийским

Сонный. — Проснувшись, в тоске родины он не узрел!

Шиллер, 230; здесь стихи 2 и 5 напечатаны в первоначальной редакции.

Гербель, 137. Быков, 119.

117. *Нения*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 22, стр. 335, где опубликовано впервые.

Шиллер, стр. 144. Берл. изд., 96. Гербель, 137 — 138. Быков, 119.

118. *Илиада*. Печатается по Берл. изд., 97. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1848, № 19, стр. 292, в следующей редакции:

Рвите венок Гомера, считайте отцов совершенной,

Вечной поэмы его! Мать у нее лишь одна,

И черты матери в ней отразились ясно и стройно,

Вечной природы черты, в их вечно-юной красе.

Шиллер, 248, напечатано в этой первоначальной редакции, но с изменением стихов 3 и 4:

Образ матери в ней отразился ясно и стройно:

Вечной природы черты с юною вечно красой.

Гербель, 138. Быков, 120.

119. *Сеятель*. Печатается по Шиллеру, 248, где опубликовано впервые.

Берл. изд., 97. Гербель, 146. Быков, 120.

120. *Согласие*. Печатается по Берл. изд., 97.

Впервые напечатано — Шиллер II, 97, в следующей редакции:

Истины ищем мы оба: ты в жизни, я — в сердце.

Оба найдем мы ее:

Здоровое око увидит создателя в мире,

Здоровое сердце в себе

Мир отразит.

Гербель, 153. Быков, 120.

121. *Архимед и ученик*. Печатается по Берл. изд., 97 — 98, где опубликовано впервые.

Гербель, 152. Быков, 121.

122. *Ожидание и исполнение*. Печатается по Берл. изд., 98. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1848, № 42, стр. 275, в следующей редакции:

Все паруса распустив, юноша в море несется;

Тихо, на ветхой ладье, в пристань въезжает старик.

Шиллер, 252; здесь стих 1 читается:

С тысячью гордых судов юноша в море несется.

Гербель, 139. Быков, 121.

123. *Данаиды*. Печатается по Берл. изд., 98. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1848, № 42, стр. 275, в следующей редакции:

Много мы лет решето наполняем водою и греем

Камень... Все камень — как лед; все решето не полно —

В первоначальной редакции — Шиллер, 252.

Гербель, 139. Быков, 121.

124. *Друг и враг*. Печатается по Берл. изд., 99. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1848, № 42, стр. 275, в следующей редакции:

Дорог мне друг, но и враг мне полезен; друг меня учит

Знать, что могу я; а враг мне указывает мой долг.

Гербель, 139. Быков, 121.

125. *Ребенок в колыбели*. Печатается по Берл. изд., 99. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1848, № 42, стр. 275, в следующей редакции:

Счастлив младенец! Теперь колыбель ему мир бесконечный...

Но возмужает, — и мир тесен уж будет ему!

Гербель, 140. Быков, 121.

126. *Triebfedern* [Двигательная сила]. Печатается по Берл. изд., 99. Впервые напечатано в «Драматических сочинениях Шиллера в переводе русских писателей», т. IV, 1858, стр. 323 (указание Быкова; найти это издание нам не удалось).

Гербель, 154. Быков, 122.

127. *Лжеученые*. Печатается по Берл. изд., 99. Впервые напечатано — Шиллер, 251, под заглавием «Ложное стремление к науке».

Гербель, 147. Быков, 122.

128. *Ученый работник*. Печатается по Берл. изд., 100. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1848, № 42, стр. 275, в следующей редакции:

Не усладит никогда его плод им взрощенных деревьев.

Вкус наслаждается тем, что насадила ученость.

В этой же редакции — Шиллер II, 208.

Гербель, 154. Быков, 122.

129. *Общая участь*. Печатается по Берл. изд., 100. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1848, № 42, стр. 275, в следующей редакции:

Мы ненавидим, мы спорим — мы сердцем, умом не согласны;

А белеют меж тем кудри твои и мои.

В этой же редакции — Шиллер, 252.

Гербель, 140. Быков, 122.

130. *К музе*. Печатается по «Иллюстрации» 1848, № 42, стр. 275, где опубликовано впервые.

Берл. изд., 100, Шиллер II, 203. Гербель, 140. Быков, 122.

131. *Ключ*. Печатается по Берл. изд., 100. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 33, стр. 518, в следующей редакции:

Хочешь узнать ты себя? — Посмотри на людей и дела их! —

Хочешь людей ты узнать? — В сердце к себе загляни!

Гербель, 136. Быков, 122.

132. *Наше поколение*. Печатается по Берл. изд., 100. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 33, стр. 518, под заглавием «Нынешнее поколение»; стих 1:

Было ль всегда, как теперь? — Непонятно мне племя людское.

Гербель, 136. Быков, 123.

133. *Благо и величие*. Печатается по Берл. изд., 101. Впервые напечатано в «Драматических сочинениях Шиллера в переводе русских писателей», т. IV, 1858, стр. 323 (указание Быкова; найти это издание не удалось).

Гербель, 154. Быков, 123.

134. *Великий миг*. Печатается по Берл. изд., 101. Впервые (по указанию Быкова) напечатано в «Драматических сочинениях Шиллера в переводе русских писателей», т. IV, 1858, стр. 323.

Гербель, 153. Быков, 123.

135. *Натуралисты и трансцендентальные философы*. Печатается по Берл. изд., 101. Впервые (по указанию Быкова) напечатано в «Драматических сочинениях Шиллера в переводе русских писателей», т. IV, 1858, стр. 324.

Гербель, 153. Быков, 123.

136. *Долг каждого*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Шиллер II, 203, в следующей редакции:

К целому вечно стремясь, ты не можешь быть целым;

Но в бесконечной цепи будь хоть малейшим звеном,

В этой же редакции — Берл. изд., 101. Гербель, 147.

Быков, 123, стих 1:

К целому вечно стремись и если не можешь быть целым.

137. *Милость муз*. Печатается по Берл. изд., 102. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1848, № 42, стр. 275, где стих 1 читается:

Вместе с филистром умрет его слава; небесная муза

В этой же редакции — Шиллер II, 210.

Гербель, 141. Быков, 123.

138. *Печать с изображением головы Гомера*. Печатается по Берл. изд., 102. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1847, № 33, стр. 518, в следующей редакции:

Верный старец Гомер! тебе я вверяю нежную тайну:

Пусть о счастливых любви знает певец лишь один!

В этой же редакции — Шиллер II, 210.

Гербель, 137. Быков, 124.

У л а н д

139. *Блаженная Смерть*. Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 33, стр. 159, в следующей редакции:

От блаженства умер

Я любви взаимной,

И объятья милой

Мне могилой были...

Поцелуем сладким

Снова разбужен я,

И в очах прелестных

Я увидел небо...

«Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти А. Ф. Смирдина», т. VI, Спб. 1859, стр. 122; здесь стих 2:

Любовного счастья.

Стих 6:

Ее поцелуй.

Стих 8:

В очах ненаглядной.

Берл. изд., 103. Гербель, 155. Быков, 124.

140. *Пастушья песня*. Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Сборнике литературных статей, посвященных русскими писателями памяти А. Ф. Смирдина», т. VI, Спб. 1859, стр. 123.

Берл. изд., 103 — 104. Гербель, 156. Быков, 124.

141. *Развалины*. Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано — Берл. изд., 105.

Гербель, 159. Быков, 124.

142. *Король на башне*. Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Сборнике литературных статей, посвященных русскими писателями памяти А. Ф. Смирдина», т. VI, Спб. 1859, стр. 121.

Берл. изд., 105 — 106. Гербель, 158. Быков, 125.

143. *Мать и дитя*. Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Подснежнике» 1858, III, стр. 1; здесь стихотворение напечатано в драматической форме: первая строфа — говорит мать; вторая — дитя.

Берл. изд., 106. Гербель, 156. Быков, 125.

144. *Серенада*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 22, стр. 335, где появилась впервые.

Быков, 125 — 126.

145. *Весенний покой*. Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в Берл. изд., 106.

Гербель, 159. Быков, 126.

146. *Прощанье*. Печатается по Берл. изд., 107, где появилось впервые.

Гербель, 160. Быков, 126.

147. *Ночью*. Печатается по Гербелю, 154 — 155. Сверено с копией Шелгуновой (ИРЛИ). Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1848, № 40, стр. 247, без заглавия; перевод помечен: Н.-Новгород.

Быков, 126.

148. *Горный пастух*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 126 — 127.

149. *Добрый товарищ.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1849, № 3, стр. 39, за подписью М. П., в следующей редакции:

Имел я товарища друга,
Такого уж мне не найти!
На битву, под гул барабана,
Нам рядом пришлось с ним итти.

Вот пуля летит роковая,
Кому она: мне иль ему?
Он пал, но мне легче бы было
Тогда умереть самому.

Он, падая, руку дает мне,
Смертельную боль затая,
Но пулей ружье заряжая,
Пожать не могу руки я;

Вот он, умирая, как будто
Про что-то мне хочет сказать,
Но бьет барабан; от колонны
Не мог и на миг я отстать.

Так умер мой друг смертью храбрых,
Я трупа его не нашел,
И в битву, под гул барабана,
Сам смерти навстречу пошел.

А в г у с т К о п и ш

150. *Серенада близ Везувия.* Печатается по Берл. изд., 108 — 109, где появилось впервые.

Гербель, 161. Быков, 127 — 128.

151. *История о Ное.* Печатается по Берл. изд., 109 — 110, где появилось впервые.

По условиям царской цензуры стихотворение не могло быть помещено в легальных изданиях.

Р ю к к е р т

152. *Похороны.* Печатается по «Русск. слову» 1859, № 1, стр. 174 — 175, где появилось впервые.

Берл. изд., 111—112. Гербель, 163. Быков, 128.

153. *У дверей.* Печатается по «Русск. вестнику» 1858, № 6, март, кн. 2, стр. 292, где в данной редакции появилось впервые. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 17, стр. 261, в следующей редакции:

У двери *Богатства* я долго стучал, —
И пфенниг мне кто-то в окошко послал.

У дома *Любви* не нашел я дверей;
 Ужасно там много толпилось людей.
 Я в замок просился, где *Слава* живет...
 Но пешему не отворили ворот.
 Уж к дому *Труда* я шаги направлял;
 Но вздохи и стоны внутри услышал...
 И стал дом *Довольства* я в мире искать...
 Никто мне не мог этот дом указать.
 Но знаю я домик один — и туда
 Пойду, наконец, постучать, господа!
 Хоть много уж было в *Могиле* гостей;
 Но верно местечко и мне будет в ней.

Берл. изд., 112. Гербель, 162. Быков, 128 — 129.

154. *Хидгер*. Печатается по «Отечеств. запискам» 1870, № 4, стр. 469—470, где появилось впервые.

Быков, 129 — 130.

Э й х е н д о р ф

155. *Тоска по родине*. Печатается по «Русск. вестнику» 1859, № 7, апрель, кн. 1, стр. 434, где появилось впервые.

Берл. изд., 113. Гербель, 164. Быков, 130.

К а р л Т а н н е р

156. *Говор волн*. Печатается по Берл. изд., 114, где появилось впервые.

Гербель, 165. Быков, 131.

Ш а м и с с о

157. *На мельнице*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в журнале «Век», № 4, стр. 134 — 135, с указанием, что это — перевод из Андерсена. С таким же указанием стихотворение напечатано в сборнике «Поэты всех времен и народов», изданном Костомаровым и Бергом. М. 1862, стр. 163.

Берл. изд., 115 — 119. Гербель, 167 — 171. Быков, 131 — 132.

158. *Зима*. Печатается по «Лит. газете» 1847, № 49, стр. 774, где появилось впервые.

Гербель, 166. Быков, 132.

Ф р е й л и г р а т

159. *У гробовщика*. Печатается по «Современнику» 1860, XII, стр. 466 — 467, где появилось впервые.

Берл. изд., 120 — 121. Гербель, 172 — 173. Быков, 135.

Г е й н е

Отдельное издание своих переводов «Песен Гейне» (СПб. 1858) Михайлов снабдил предисловием. Приводим из него общую

характеристику творчества Гейне, который был одним из любимейших поэтов Михайлова:

«Гейне родился вместе с веком, как говорит он где-то сам, и все волнения и тревоги времени отразились в его произведениях...

«... По праву ставят его во главе литературной школы, которую именуют обыкновенно «юною Германией». Школа эта, возникшая в исходе двадцатых годов, была как бы повторением в нашем столетии того периода немецкой литературы прошлого века, которому усвоено название «периода бурных стремлений» (Sturm - und Drangperiode). Чем были для тогдашнего времени идеи Руссо и первые признаки готовившегося во Франции политического переворота, тем явились для «юной Германии» гегелевская философия в своем дальнейшем развитии и июльская революция.

«Проводниками новых идей, выразителями новых стремлений явились Генрих Гейне и Людвиг Берне, сначала приятели, потом ожесточенные враги. Служа одному делу и под одним знаменем, они вовсе не походили друг на друга характером: Берне, натура политическая, шел решительно, неуклонно и последовательно своим путем; Гейне, прихотливый и ветреный поэт, кидался из крайности в крайность, не останавливаясь ни на одной.

«Влияние этих талантов, вместе с современным настроением умов, вызвало много молодых деятелей, которые встали вокруг Берне и Гейне, усваивая не только направление их, но и самую манеру выражения того или другого. Из числа этих литераторов стоит назвать Карла Гуцкова, Генриха Лаубе, Лудольфа Винбарга и Теодора Мундта.

«Гейне был барабанщиком этого воинственного легиона. Страх пасть перед силой господствующих предубеждений не смущал поэта.

«Но посмотрим на Гейне не как на человека известной партии, а как на лирического поэта, певца любви и природы. Едва ли не это титул дает ему главное право на долгую жизнь в потомстве. Произведения его, посвященные современным вопросам и интересам, особенно сильны тем поэтическим элементом, который повсюду чувствуется в них. Влияние его на литературу, как публициста, было далеко не так обширно, как влияние его поэзии. Отголоски песен Гейне слышатся везде в современной лирике — и у английских, и у американских, и у французских, и у русских поэтов. Что касается поэтов Германии, то едва ли можно назвать хоть одного, который волей-неволей не носил бы на себе его влияния.

«Первое издание «Книги Песен» Гейне вышло в 1827 году. Появление ее было встречено всеобщим одобрением. Самые ожесточенные критики тогдашней поры не могли не признать великих надежд, которые возлагались всеми на молодого поэта. Слава была завоевана сразу.

«Германская поэзия терялась тогда в туманах романтики. Как бы для того, чтобы тверже держаться на земле и совсем не умчаться за облака, поэты исчерпывали все тонкости формы для выражения своего мистицизма. Лудвиг Тик был самым характерным явлением в этом роде. Только в Уланде было заметно стремление к некоторой безыскусственности.

«Песня Гейне зазвучала свежестью и простотой народной песни.

«При этой внешней простоте, умение схватывать самые неуловимые движения сердца, подмечать самые тонкие черты и отношения к природе, составляет обаятельную силу поэзии Гейне.

«Вся окружающая природа живет какою-то особенною, сочувственною человеку жизнью в его песнях. В них слышны щебетанье птиц и гармония леса; от них веет ароматом весны и ее цветов. И может ли быть иначе? Из слез поэта родятся душистые розы; вздохи его превращаются в хор соловьев. Он погружает душу свою в чашу лилии, и лилия звучит, благоухая, песней о его милой. Цветы перешептываются между собой и сострадательно смотрят на небо, когда, грустен и бледен, бродит он по саду. Они говорят ему: «не сердись на нашу сестрицу!» Идет ли он в полночь, тоскуя, бродить по лесу, деревьям жаль его, бедного, и они покачивают головами. Видя печаль поэта, серый дрозд спрашивает его о горе, и поэт отсылает его к ласточкам: «Ласточки, сестры твои, все тебе расскажут. Они живут в умных гнездах над окошками моей милой». Много тайн знает он... Знает, что бабочка влюблена в розу, и потому-то порхает вокруг нее, что солнечный луч влюблен в бабочку, и потому-то тянется к ней. «А в кого же роза влюблена? Очень бы хотелось это проведать. В певучего ли соловья? в молчаливую ли звезду вечернюю? Не знаю, в кого влюблена роза; но я всех вас люблю: розу, и бабочку, и солнечный луч, и вечернюю звезду, и соловья». И без этого признания была нам известна любовь поэта; но как не выслушать этого признания, благовонного, как роза, легкого, как бабочка, светлого, как солнечный луч, кроткого, как вечерняя звезда, и звучного, как соловьиная песня?

«Но вот и осень... Небо, словно старческое лицо, смотрит на землю одиноким красным глазом; серые облака, как седые волосы, развеваются на нем. Смотрит оно на землю, и на земле вянут трава и цветы, и вянут любовь и песни в душе человека. Но душа нашего поэта слишком богата любовью и песнями. Вид дрожащих от осеннего ветра деревьев и опадающих желтых листьев леса, над которым скользит, как прощальный поцелуй, свет уходящего лета, напоминает ему разлуку с любимой женщиной, и грустная песня вырывается из его сердца — грустная, как эта осень, но, как весна, богатая любовью. «Пришлось нам расставаться, и знал я, что ты скоро умрешь... Я был прощающееся лето, ты была умирающий лес».

«Весна не оставляет души поэта и в холодную зиму. Долог зимний вечер, и он переносится мечтою в маленькую, уютную комнату девушки с алыми губками, с ясными глазками.

«Посидел бы с ней, поболтал бы, прижал бы к устам ее маленькую, белую ручку, оросил бы ее слезами — эту маленькую, белую ручку!» Но он один, снежная буря шумит за окном... А пусть ее шумит! Сердце его не боится ее...

В нем живут и расцветают
Образ милой и весна.

«Из темного царства сказок, из мира слов белая ручка манит поэта, и он следует этому зову — и несется душой к таинственной области. Там, в золотом свете вечера, млеют большие цветы, глядя друг на друга девственными лицами; там говорят и поют, словно хор, деревья; гремят, как плясовая музыка, звонкие водометы.

«Вот слышится древняя песня, полная силы и обаяния. Это поет рейнская нимфа Лорелея. Блестит ее золотой убор; золотым гребнем чешет она свои золотые косы. Загляделся на нее пловец, заслушался ее песни — не сдобровать ему около подводных камней.

«Гости из этого сказочного мира навешают поэта и наяву. Сидит он у моря, и из волн выходит к нему подводная фея. Она крепко жмет к нему белою грудью, стараясь согреться от холодного ветра, и дико, тревожно бьется ее сердце. «Оттого, — говорит она, — дико и тревожно, бьется мое сердце, оттого бьется оно тревожно и дико, что я люблю тебя несказанно!»

«И недаром любит она поэта. Сколько очаровательных песен посвятил он морю! как любил его! «Братья, — говорил он, — когда умру, схороните меня в море! Всегда было оно мне любо; часто своею нежной волной освежало мое сердце; дружны мы были». Про сердце это поэт был вправе сказать:

Это сердце — то же море:
Так же часты бури в нем,
Так же, бурное, богато
Многоценным жемчугом.

«Оно угомонилось; но памятью волнений его остались нам песни поэта — вечные жемчужины поэзии».

160. *Пролог.* Печатается по Гейне, 1—4, где стихотворение снабжено следующим примечанием:

«Пролог» составляет часть предисловия к третьему изданию «Книги Песен» (1839). Это стихотворное начало предисловия Гейне заключает следующими строками в прозе:

«Все это очень хорошо мог бы я сказать хорошою прозой... Но как примешься перечитывать свои старые стихотворения, чтобы сделать в них кой-какие поправки для нового издания, по-

неволе овладевает тобой звонкая привычка к рифме и мелодии, и вот — стихами открываю я это третье издание *Книги Песен*. О Феб-Аполлон! если стихи эти плохи, ты простишь меня... Ведь ты всезнающий бог, и знаешь очень хорошо, почему я уже столько лет не занимаюсь предпочтительно размером и созвучием слов... Ты знаешь, отчего пламя, когда-то забавлявшее мир потешными огнями, должен я был употребить на иное дело... Ты знаешь, почему оно жжет теперь потаенным огнем мое сердце... Ты понимаешь меня, великий, прекрасный бог, менявший некогда свою золотую лиру на крепкий лук и смертоносные стрелы... Помнишь ли, как ты содрал кожу с живого Марсиаса? Это было слишком давно, и подобная остратка была бы к стати и теперь... Ты улыбаешься, мой бессмертный отец!»

Впервые напечатано в «Библиотеке для чтения» 1858, № 1, стр. 147 — 148, со следующими отличиями от последней редакции:

Стих 9:

Страсти и горя та песня полна:

Стих 19:

Словно безмолвная смерть избрала

Стих 25:

Дивная женщина! В белых глазах

Стих 29:

Чудно запел, зарыдал соловей...

Стих 38:

Негою вся изнывая.

Стихи 41 — 43:

Сладкая мука! Блаженная скорбь!

Счастье и боль без предела!

Райским блаженством дарит поцелуй,

Берл. изд., 122 — 124. Гербель, 174 — 176. Быков, 136 — 137.

161. *Грезы*. Печатается по Гейне, 7. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1856, № 11, ноябрь, кн. 1, стр. 141.

Берл. изд., 125, Гербель, 177. Быков, 137.

162. *Зловещий грезился мне сон*. Печатается по Гейне, 12 — 16. Впервые напечатано в «Современнике» 1858, III, стр. 114 — 117.

Берл. изд., 128 — 131. Гербель, 180 — 183. Быков, 137 — 140.

163. *Ночь могилы тяготела*. Печатается по Гейне, 9 — 11. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 185.6, № 11, ноябрь, кн. 1, стр. 144 — 145; здесь стих 17 напечатан:

Генрих, нежным поцелуем

Стих 37:

Так был сладок и так нежен.

Берл. изд., 126—129. Гербель, 177—179. Быков, 140—141.

164. *Дай ручку мне! К сердцу прижми ее, друг!* Печатается по Гейне, 33. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 42, стр. 661, в следующей редакции:

На грудь ко мне ручку, дитя, положи!..

Как громко стучат там — ты слышишь, скажи?

Там злой гробовщик в уголке сидит:

Давно он мне гроб мастерит.

Стучит он без умолку день и всю ночь —

И сон от меня отогнал давно прочь...

Эй, мастер! Оканчивай гроб поскорей!

Мне надо покоя, ей-ей!

В исправленной редакции стихотворение перепечатано в «Русск. вестнике» 1856, № 5, кн. 2, стр. 382.

Берл. изд., 147. Гербель, 201. Быков, 141.

165. *С толпой безумною не стану.* Печатается по Гейне, 79 — 80, где появилось впервые. Сверено с автографом в альбоме Я. П. Полонского, где перевод датирован 1853 г. (Альбом — в частной коллекции; сообщено Н. Ф. Бельчиковым).

Берл. изд., 178. Гербель, 231. Быков, 141—142.

166. *Гренадеры.* Печатается по Гейне, 93 — 95. Первоначальная редакция перевода напечатана в «Иллюстрации» 1845, № 40. Это указывает В. Минковский в своей рецензии на Стихотворения Михайлова, под ред. Быкова («Голос минувшего» 1914, № 6). Проверить указание Минковского мне не удалось. В бумагах Михайлова в ИРЛИ находится копия Шелгуновой перевода «Гренадеры» в следующей редакции:

Во Францию два гренадера пошли:

В плену на Руси они были...

Когда же в немецкую землю пришли —

Повеся головки, тужили.

Услышали горькую весть они там,

Что край свой они потеряли,

Что храброе войско сдалось врагам,

Что в плен императора взяли...

И плачут они о родной стороне,

Царя своего поминают...

Один говорит: «О, как тягостно мне, —

И как мои раны пылают!»

Другой говорит: «Все прошло для меня!

И я здесь умру, брат, с тобою!

Но дома ведь дети мои и жена...
Что будет с детьми и женою?

«Что дети, жена — коль потеряна честь,
Потерян и край наш родимый...
Пусть по миру идут, коль нечего есть...
В плену государь мой любимый!

«Послушай! Исполни, брат, просьбу мою!..
Как вовсе прощусь я с тобою —
Возьми мое тело в родную страну,
Засыпь меня пылью родною;

«На сердце ко мне ты мой крест положи,
На ленточке красной пришитый;
Ружье мне в холодную руку вложи, —
И шпагой меня обвяжи ты...

«И буду я тихо во гробе лежать,
Творить все святую молитву...
И — вот — я услышу, как пушки гремят,
Как кони несутся на битву...

«Вот мой император со свитой своей...
Навстречу — воинские клики...
Тут встану из гроба со шпагой моей,
К тебе, император великий!»

Берл. изд., 185—187. Гербель, 255. Быков, 142 — 143; здесь стих 27:

И саблей меня опояшешь.

167. *Гонец*. Печатается по Гейне, 96 — 97. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1848, № 42, стр. 275, под заглавием «Весть», без указания, что это — перевод из Гейне, в следующей редакции:

Вставай, мой паж! Седлай коня.
Садись, гони скорей
К дворцу Дункана короля —
И плети не жалей.
Зайди в конюшню там и жди;
Как конюший придет —
Спроси: которую Дункан
Дочь замуж отдает?
«Брюнетку», скажет, принеси
Скорей мне эту весть...
«Блондинку», — скажет, не спеши:
Еще тут дело есть.
Ступай тогда на рынок ты,
Купи веревку мне —

И шагом, молча, приезжай
Домой на скакуне.

Берл. изд., 186—187. Гербель, 257. Быков, 143.

168. *Валтасар*. Печатается по Берл. изд., 214 — 216, где появилось впервые.

Гербель, 244 — 245, стих 25:

Егова, что мне твой алтарь!

Быков, 143 — 144, напечатано в следующей редакции (автограф в ИРЛИ):

Полночный час уж наступал;
Весь Вавилон во мраке спал.
Дворец один сиял в огнях,
И шум не молк в его стенах.
Чертог царя горел, как жар:
В нем пировал царь Валтасар.
И чаши обходили круг
Сиявших златом царских слуг,
Шел говор: смел в хмелю холоп,
Разглаживался царский лоб, —
И сам он жадно пил вино,
Огнем вливалось в кровь оно.
Хвастливый дух в нем рос. Он пил
И дерзко божество хулил.
И чем наглей была хула,
Тем громче рабская хвала.
Сверкнувши взором, царь зовет
Раба и в храм Иеговы шлет.
И раб несет к ногам царя
Златую утварь с алтаря.
И царь схватил святой сосуд.
«Вина!» Вино до края льют,
Его до дна он осушил
И с пеной у рта возгласил:
«Во прах, Иегова, твой алтарь!
Я в Вавилоне бог и царь!»
Лишь с уст сорвался дерзкий клик,
Вдруг трепет в грудь царя проник.
Кругом угас немолчный смех,
И мрак, и холод обнял всех.

В глуби чертога на стене
Рука явилась — вся в огне.
И пишет, пишет. Под перстом
Слова текут живым огнем.
Взор у царя и туп и дик,
Дрожат колени, бледен лик.
И нем, недвижим пышный круг
Блестящих златом царских слуг.
Призвали магов, но не мог
Никто прочесть горящих строк.
В ту ночь, как теплилась заря,
Рабы резали царя.

169. *Из слез моих много, малютка.* Печатается по Гейне, 34. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1847, № 9, стр. 142, без подписи, в следующей редакции:

Из слез моих чистых родятся
Цветущие розы, дитя;
А вздохи — становятся песнью;
Звучит в них напев соловья.
И если меня ты полюбишь —
Я дам тебе розы свои,
И песни тебе под окошком
Всегда будут петь соловьи!

В переработанной редакции стихотворение напечатано в «Русск. вестнике» 1856, № 11, ноябрь, кн. 1, стр. 141 — 142.
Берл. изд., 147. Гербель, 202. Быков, 144—145.

170. *Когда гляжу тебе в глаза.* Печатается по Гейне, 35. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1856, № 11, кн. 1, стр. 142.
Берл. изд., 148. Гербель, 202. Быков, 145.

171. *Щекою к щеке ты моей приложись.* Печатается по Гейне, 36. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1856, № 5, кн. 2, стр. 381; здесь стих 3 напечатан:

И сердцем к горячему сердцу прижмись —

В этой же редакции — Гербель, 202.
В автографе ИРЛИ — следующие варианты:
Стих 4:

Одним огнем пусть зажгутся.

Стихи 6 — 7:

Из глаз наших слезы, — я руки
Сомкну у тебя за спиной и умру,

Быков, 145.

172. *Стоят от века звезды.* Печатается по Гейне, 37. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1856, № 5, кн. 2, стр. 383.

Берл. изд., 148 — 149. Гербель, 213. Быков, 145.

173. *Тебя умчит далеко.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 145 — 146.

174. *Опустясь головкой сонной.* Печатается по Гейне, 38. Сверено с автографом в альбоме Гербеля (ГПБ); здесь перевод датирован 1853 г. и имеет заглавие «Лотос». Впервые напечатано в «Библиотеке для чтения» 1855, № 1, стр. 3.

Берл. изд., 149. Гербель, 201. Быков, 147.

175. *Я глазки у милой моей.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Живописном обозрении», № 11, стр. 162, за подписью: Мих. Илецкий..

Быков, 146.

176. *Дитя мое, свет глуп и слеп.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Живописном обозрении» 1888, № 10, стр. 159.

Быков, 146.

177. *Как из пены волн рожденная.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 146 — 147.

178. *Я не ропщу, хоть в сердце стынет кровь.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 147.

179. *Несчастлива ты, и ропот мой молчит.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 147.

180. *Свадебной радости полны.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 147.

181. *Когда бы цветы то узнали.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1874, № 5 — 6, стр. 370.

Быков, 147—148.

182. *Отчего это, милая, розы в цвету.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1874, № 7, стр. 199.

Быков, 148.

183. *Когда-то друг друга любили мы страстно.* Печатается по Гейне, 39. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1856, № 11, кн. 1, стр. 142.

Берл. изд., 150. Гербель, 203. Быков, 148.

184. *И розы на щечках у милой моей.* Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Русск. слове» 1859, № 10, стр. 180.
Берл. изд., 168. Гербель, 222. Быков, 149.

185. *На северном голом утесе.* Печатается по «Русск. вестнику» 1856, № 5, кн. 2, стр. 383, где в данной редакции появилось впервые. В первоначальной редакции напечатано в «Иллюстрации» 1845, № 11, стр. 175, под заглавием «Сосна и пальма»:

На севере дальнем растет одиноко
На холодном утесе сосна...
И дремлет — и снега покровом широким
Одета она.
И снится ей пальма, что в знойной пустыне,
Под солнцем горячим стоит...
И ветер свистит в одинокой равнине, —
И пальма грустит.

Гейне, 40. Берл. изд., 150. Гербель, 204. Быков, 149.

186. *Как пришлось с тобой расстаться.* Печатается по «Русск. вестнику» 1856, № 11, кн. 1, стр. 142, где появилось впервые.
Гейне, 41. Берл. изд., 151. Гербель, 204. Быков, 149.

187. *Порою картины былого.* Печатается по Гейне, 42, где появилось впервые.
Берл. изд., 172 — 173. Гербель, 225—226. Быков, 149 — 150.

188. *Только до слуха коснется.* Печатается по Берл. изд., 151, где появилось впервые.
Гербель, 215. Быков, 150.

189. *Сердце мое терзали.* Печатается по Берл. изд., 173 — 174, где появилось впервые.
Гербель, 226. Быков, 150.

190. *Лето жаркое алеет.* Печатается по «Русск. вестнику» 1856, № 5, кн. 2, стр. 381, где в данной редакции появилось впервые. В первоначальной редакции напечатано в «Иллюстрации» 1847, № 4, стр. 63:

Лето жаркое пылает
В щечках у тебя;
Зимний холод в твоём сердце,
Милая моя!
Скоро все изменит время,
Будет все не так.
В пылом сердце будет лето, —
А зима в щеках.

Гейне, 43. Берл. изд., 151—152. Гербель, 205. Быков, 150.

191. *Как расстаются двое.* Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Русск. слове» 1859, № 10, стр. 180. Берл. изд., 168. Гербель, 221. Быков, 151.

192. *Полны мои песни.* Печатается по «Русск. вестнику» 1856, № 5, кн. 2, стр. 381, где появилось впервые. Гейне, 44. Берл. изд., 152. Гербель, 205. Быков, 151.

193. *Во сне неутешно я плакал.* Печатается по «Русск. вестнику» 1856, № 11, кн. 1, стр. 143. В первоначальной редакции напечатано в «Лит. газете» 1847, № 42, стр. 661:

Во сне я лил слезы...
Мне снилось, что ты умерла. —
Проснулся — и чистой струею
Слеза по ланитам текла.

Во сне я лил слезы...
Мне снилось: ты мне неверна. —
Проснулся и долго я плакал
От страшного, тяжкого сна.

Во сне я лил слезы
Мне снилось: ты любишь меня.
Когда же проснулся, то долго
От радости плакал все я.

Гейне, 45. Берл. изд., 152 — 153. Гербель, 206. Быков, 151.

194. *Падает звездочка с неба.* Печатается по «Русск. вестнику», 1856, кн. 1, стр. 143, где появилось впервые. Гейне, 46. Берл. изд., 153. Гербель, 206. Быков, 151.

195. *Полночь немая была холодна.* Печатается по Гейне, 48. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1848, № 25, стр. 385, в следующей редакции:

Была молчаливая ночь холодна...
Бродил я по лесу, не ведая сна.
Стенанья мои у деревьев весь сон разогнали,
Они с сожаленьем главой покачали.

Берл. изд., 172. Гербель, 200. Быков, 151.

196. *Самоубийц хоронят.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Живописном обозрении» 1888, № 10, стр. 159, за подписью: Мих. Илецкий. Быков, 151.

197. *Как-то раз в потемках жизни.* Печатается по «Русск. слову» 1859, № 10, стр. 183, где появилось впервые. Гербель, 229. Быков, 152.

198. *Непонятной тоской*. Печатается по «Лит. газете» 1847, № 42, стр. 660 — 661, где появилось впервые.
Быков, 152.
199. *Не радует вешнее солнце*. Печатается по «Русск. вестнику» 1856, № 11, кн. 1, стр. 145, где появилось впервые.
Гейне, 49. Берл. изд., 154—155. Гербель, 207. Быков, 152 — 153.
200. *Печален по роще брожу*. Печатается по «Русск. вестнику» 1856, № 5, книга 2, стр. 384, где появилось впервые.
Гейне, 51. Берл. изд., 155. Гербель, 208. Быков, 153.
201. *Случайно со мной повстречалась*. Печатается по «Русск. слову» 1859, № 10, стр. 182, где появилось впервые.
Берл. изд., 175 — 176. Гербель, 222. Быков, 153 — 154.
202. *Привяжи, душа рыбака*. Печатается по «Русск. вестнику» 1856, № 11, книга 1, стр. 46. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 27, стр. 421, в следующей редакции:
- Ты причаль, моя рыбака,
Легкий к берегу челнок, —
Подойди и дай мне руку,
Сядь со мною на песок.
- Мне на грудь склони головку,
И не бойся так меня...
Ведь без страха ты вверяешь
Морю дикому себя.
- В моем сердце, словно в море,
Буря тож порой шумит, —
И не мало чудных перлов
В глубине его лежит.
- Автограф этой редакции в ИРЛИ.
Гейне, 52. Берл. изд., 155—156. Гербель, 208. Быков, 154.
203. *Вихорь смерчи водяные*. Печатается по Гейне, 53, где появилось впервые.
Берл. изд., 156. Гербель, 215. Быков, 154 — 155.
204. *Буря поет плясовую*. Печатается по «Русск. слову» 1859, № 10, стр. 181, где появилось впервые.
Берл. изд., 174. Гербель, 227. Быков, 155.
205. *Заря золотая погасла*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 22, стр. 335, где появилось впервые.
Быков, 155 — 156.
206. *Безбрежное море кругом*. Печатается по «Отечеств. запискам», № 12, стр. 732, где появилось впервые.
Гейне, 54. Берл. изд., 157. Гербель, 216. Быков, 156.

207. *На дальнем небосклоне.* Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Русск. слове» 1859, № 10, стр. 179.

Берл. изд., 169. Гербель, 222. Быков, 156.

208. *В роще я прилег под те березы.* Печатается по «Лит. газете» 1848, № 25, стр. 385, где появилось впервые.

Гербель, 200, стих 1:

Я прилег под те березы.

Быков, 157.

209. *Объятый туманными снами.* Печатается по «Отечеств. запискам» 1857, № 12, стр. 773, где появилось впервые.

Гейне, 56. Берл. изд., 157—158. Гербель, 216. Быков, 157.

210. *О, я несчастный Атлас!..* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Живописном обозрении», № 10, стр. 147, за подписью: Мих. Илецкий.

Быков, 157.

211. *Идет за племем племя.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 210.

212. *Сквозь облака месяц осенний.* Печатается по «Русск. слову» 1859, № 10, стр. 183. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1848, № 32, стр. 502, под заглавием «Мертвец», в следующей редакции:

Полумесяц осенний печально глядит

Из-за облака бледным серпом,

Одиноко у кладбища домик стоит:

То покойника бедного дом.

Вдова библию тихо читает в углу,

Сын забывшись кверху глядит,

Потянулась и дремлет старшая дочь,

А другая вот что говорит:

«Ах, как скучно и тихо здесь время идет!

За что вздумал нас рок наказать?..

Разве только покойника кто принесет,

Так изволь на него ты зевать».

Отвечает ей мать, не сводя с книги глаз:

«Полно по-пусту бога гневить!

С той поры, как старик-то скончался у нас,

Приносили лишь трех хоронить».

И зевая сказала тут старшая дочь:

«Завтра с вами расстанусь, друзья.

Пойду к графу, — а здесь голодать мне не в мочь...

Граф богач, — и он любит меня!»

«У меня под горой три знакомца живут,—
С грубым хохотом сн говорит, —
Они золото делают, денежки льют,
Можно им и меня научить!»

Тогда сыну сказала печальная мать

«Так ты хочешь разбой по дорогам держать,
Погубить, злодей, душу свою».

Чу!.. Стучатся в окно, и костлявой рукой
Кто-то (видят они) там грозит,
Под окном, в черном платье, качая седой
Головой, отец мертвый стоит.

Берл. изд., 206 — 208. Гербель, 265 — 266. Быков, 157 — 158.

213. *Снежная изморозь, ветер.* Печатается по Гейне, 57—58, где появилось впервые.

Берл. изд., 158. Гербель, 217 — 218. Быков 158 — 159.

214. *Я беса звал...* Печатается по Быкову, 159. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1848, № 25, стр. 385—386, где стих 1 читается:

Я духа звал, — и он явился...

Стих 3:

Он не урод, совсем не хром,

Стих 10:

И Гегеля читает.

«Bel homme» — в переводе: человек приятный, красивый.

215. *Как сквозь облачного дыма.* Печатается по Гейне, 59 — 60.

Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1857, № 12, стр. 733; здесь 1 стих:

Как из облачного дыма.

Берл. изд., 159 — 160. Гербель, 218. Быков, 159 — 160.

216. *Полно, сердце, что с тобою?* Печатается по рукописи

ГПБ. Впервые напечатано в «Русск. слове» 1859, № 10, стр. 180. Берл. изд., 170. Гербель, 223. Быков, 160.

217. *Ты, как цветок весенний.* Печатается по «Русск. вестнику»

1856, № 5, кн. 2, стр. 382. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1847, № 9, стр. 142, без подписи в следующей редакции:

Ты словно цветочек весенний:

Невинна, нежна, хороша.
Увижу тебя — и тревогой
Наполнится тотчас душа!

И мне бы хотелось руки
На милой головке сложить,
И вечной невинности, ангел,
У бога тебе испросить.

Гейне, 61. Берл. изд., 161. Гербель, 209. Быков, 160.

218. *Лежу ли бессонною ночью.* Печатается по рукописи ГПБ. Впервые напечатано в «Русск. слове» 1859, № 10, стр. 180.

Берл. изд., 169. Гербель, 223. Быков, 160—161.

219. *Пусть на землю снег валится.* Печатается по Гейне, 62, где появилось впервые.

Берл. изд., 160. Гербель, 209. Быков, 161.

220. *На бледном лице ты моем.* Печатается по «Лит. газете» 1848, № 20, стр. 308, где появилось впервые без обозначения, что это — перевод из Гейне.

Быков, 161.

221. *Я к белому плечу милой.* Печатается по Гейне, 63, где появилось впервые.

Берл. изд., 161. Гербель, 219. Быков, 161.

222. *Трубят голубые гусары.* Печатается по Гейне, 64, где появилось впервые.

Берл. изд., 161. Гербель, 219. Быков, 162.

223. *Я при первой нашей встрече.* Печатается по «Русск. вестнику» 1856, № 5, кн. 2, стр. 382, где появилось впервые.

Гейне, 65. Берл. изд., 162. Гербель, 210. Быков, 162.

224. *Ночной туман скрывает путь далекий.* Печатается по Гербелю, 200. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1847, № 9, стр. 142, где стихи 1—5 даны в следующей редакции:

Покрыт ночным туманом путь далекий,
Устал я телом, болен сердцем я...
Но вот — среди пустыни одинокой —
Как благодать свой луч ты шлешь, луна!
Твой кроткий свет разгнал туман полночи.

Быковым пропущено.

225. *Смерть — прохладной ночи тень.* Печатается по Гейне, 66. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 24, стр. 373, в следующей редакции:

Смерть — свежая ночная тень,
А жизнь — палящий летний день —
Темнеет... Клонит сон меня,
И утомлен днем жарким я...
Над тихим ложем дуб растет

И соловей в ветвях поет...
Все про любовь петь будет он,
Я буду слушать песнь сквозь сон.

Берл. изд., 162. Быков, 162.

226. *В лодке я легкой катался.* Печатается по «Лит. газете» 1848, № 25, стр. 385, где опубликовано впервые.

Быков, 162.

227. *Сумерки богов.* Печатается по Берл. изд., 132 — 136. Впервые напечатано в «Современнике» 1860, VIII стр. 471 — 473, под заглавием «Сумерки»; здесь в стихе 74 слова «твердыни неба» заменены точками. Стихи 77 — 82 пропущены; затем следуют стихи 83 и 84, стихи 85 — 95 пропущены.

В более полном виде стихотворение напечатано Гербелем, однако стихи 79 — 82 и 93 — 95 по условиям царской цензуры пропущены и здесь.

Быков, 163 — 165; здесь точно так же по условиям цензуры стихотворение оканчивается 76 стихом.

228. *Ратклиф.* Печатается по журналу «Дело» 1869, № 11, стр. 188 — 191, где опубликовано впервые с пропуском стиха 52.

Быков, 165 — 168.

229. *Альманзор.* Печатается по Берл. изд., 209 — 214, где опубликовано впервые. Сверено с черновой рукописью ГПБ. Быков, 168 — 169; стихи 19 и 20 по условиям цензуры заменены следующими:

Служат длинную обедню
Христианские монахи.

Стихи 21 — 24:

И кадят и распевают
Пред иконами своими.
Всюду пенье, дым кадила
И мерцанье многих свечек.

Стих 116:

В храме слышен вой и стоны.

Стихи 25 и 55 напечатаны у Быкова так же, как в Берл. изд. и у Гербеля. Стихи 239 и 243 напечатаны по черновой рукописи и являются неотделанными:

Альманзор, Бен-Абдулла
Без отца (он на войне)

230. *Богомольцы в Кевларе. I—III.* Печатается по Гейне, 120 — 125. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1858, № 12, стр. 192.

Берл. изд., 201 — 204. Гербель, 261 — 264. Быков, 170 — 171.

231. *На Гарце. Пролог.* Печатается по Гейне, 21 — 22. Впервые напечатано в «Современнике» 1858, III, стр. 117 — 118.

«Русск. вестник» 1859, № 6, кн. 2, стр. 245 — 246. Берл. изд., 137. Гербель, 188. Быков, 171.

232. *Горная идиллия. I—III.* Печатается по Берл. изд., 138 — 146. Впервые напечатано I и II в «Современнике» 1858, III, стр. 111 — 122; перепечатано в переводе статьи Гейне «Гарц» в «Русск. вестнике» 1859, № 6, март, кн. 2, с пропуском стихов — 101 — 112.

Гейне, 23 — 30. Гербель, 189 — 195. Быков, 171 — 174.

233. *Пастух.* Печатается по «Русск. вестнику» 1859, № 6, март, кн. 2, стр. 245, где появилось впервые...

Гербель, 197, под заглавием «Молодой пастух». Быков, 174 — 175.

234. *На Брокене.* Печатается по «Русск. вестнику» 1859, № 6, март, кн. 2, стр. 246, где появилось впервые.

Берл. изд., 171. Гербель, 225. Быков, 175.

235. *Ильза.* Печатается по «Русск. вестнику», 1859, № 6, март, кн. 2, стр. 246, где появилось впервые.

Берл. изд., 204 — 205. Гербель, 198 — 199. Быков, 175 — 176.

Северное море: 236. *Коронование.* 237. *Сумерки.* 238. *Закат солнца.* 239. *Ночь на берегу.* 240. *Посейдон.* 241. *Признание.* 242. *Ночью в каюте.* 243. *Буря.* 244. *Морская тишь.* 245. *Морской призрак.* 246. *Очищение.* 247. *Утренний привет.* 248. *Гроза.* 249. *Крушение.* 250. *На закате.* 251. *Песнь Океанид.* 252. *Боги Греции.* 253. *Вопросы.* 254. *Феникс.* 255. *У пристани.* 256. *Эпилог.* Печатается по Берл. изд., 224 — 271.

Впервые напечатано в «Русск. слове» 1859, № 11, стр. 107 — 172 со следующим предисловием переводчика:

«Отдел «Путевых картин», предлагаемый здесь в переводе, разделяется на три части. Первая и вторая написаны стихами, третья — прозой. Точно ли верно название — стихи, для этих кадансированных строк без определенного количества стоп, или ударений, даже без постоянного ритма, не стану разбирать. Дело не в названии. Эта форма, получившая еще со времени Гёте право гражданства в немецкой литературе, у нас очень нова. Были, правда, попытки писать такими стихами; но они как-то не принялись. Тем не менее я не считал себя в праве своевольничать, переводя такое популярное в германской литературе произведение, как «Северное море», и удержал в своем переводе размер — или, лучше сказать, форму — подлинника. Не знаю, в какой мере удалось мне сохранить характер стихов Гейне, но считаю не лишним сказать, что за ними в оригинале признается достоинство стройности, благозвучия и поэзии. Последнее ка-

чество не может совершенно сгладиться и в самом слабом переводе, как скоро он хоть немного верен. Что касается моего перевода, я могу, разумеется, ручаться только за возможную верность. Впрочем, в числе этих стихов, освобождающих себя от всяких законов метрики и подчиняющихся единственно музыкальному чувству, попадают две пьесы, из которых одна целиком, а другая частью написаны четырехстопным хореем без рифм, любимым размером испанских романсов; конечно, этим же размером я и перевел их, как конец пьесы «Ночью в каюте» пятистопным ямбом согласно подлиннику. Порядок размещения пьес в первых двух частях взят мною из позднейшей редакции их в «Книге Песен». «Северное Море» написано Гейне в 1825 — 1826 году».

В журнальном тексте в стихотворении «Боги Греции» стихи 48 и 49 по условиям цензуры заменены многоточием. Стихи 88 — 91 опущены. В стихотворении «У пристани» многоточием заменен стих 71.

Гербель, 296 и сл., с заменой многоточием тех же двух стихов в стихотворении «Боги Греции».

Быков, 176 — 204; здесь в стихотворении «Боги Греции» опущены стихи с 41 по 53 и с 88 по 91.

Стихотворение «Песнь Океанид» сверено с автографом ИРЛИ.

Стихотворение «Эпилог» в первоначальной редакции (без заглавия и без указания, что это перевод из Гейне) было напечатано в «Лит. газете» 1848, № 51, стр. 804;

Как в поле хлеб колосистый,
Растут и волнуются мысли
В человеческом духе;
А нежные мысли любви
Цветут между ними, как между колосьями
Цветы голубые и красные.

Цветы голубые и красные!
Жнец сердитый вас бросит и скажет:
«Вы бесполезны!»
Цеп деревянный, смеясь, вас раздавит...
Даже прохожий бездомный,
Вашим цветом любуясь,
Качнет головою,
Скажет: «Прекрасная куколь!»
Но молодая красавица,
Венки плетущая,
Любит вас, собирает —
И украшает вами
Чудные локоны.
Так нарядившись,
На пляску бежит она, —
В поле, где нежно звучат

Гудки и скрипки,
Или в зеленую, тихую чашу,
Где голос друга нежнее звучит
Гудков и скрипок.

257. *Липа вся под снежным пухом.* Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1859, № 8, апрель, стр. 654. Перепечатано в «Современнике» 1859, V, стр. 261.

Берл. изд., 170. Гербель, 224. Быков, 204.

258. *Снова роща зеленеет.* Печатается по «Русск. слову» 1859, № 10, стр. 182, где опубликовано впервые.

Берл. изд., 176. Гербель, 229. Быков, 205.

259. *Дождался я светлого мая.* Печатается по Гейне, 67. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1847, № 9, стр. 142, без подписи, в следующей редакции:

Весна наступила...
И лес и луга расцветают,
И в небе лазурном.
Игривые тучки гуляют.

Напев соловьиный
Из рощи зеленой несется,
И стадо барашков
На мягкой муравке пасется.

В траве я улежся...
Я болен, и мне не до пенья...
Дремлю я, — и снятся
Мне странно-пустые виденья.

«Русск. вестник» 1856, № 5, май, кн. 2, стр. 383. Берл. изд., 163. Гербель, 211. Быков, 205.

260. *Глазки весны голубые.* Печатается по Гейне, 68. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1857, № 11, июнь, кн. 1, стр. 437.

Берл. изд., 163. Быков, 205.

261. *Как трепещет, отражаясь.* Печатается по Гейне, 69. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 33, стр. 518, в следующей редакции:

Как лик луны дрожит
В волнах мятежных океана,
А сам спокойно, ясно
По своду катится небес, —
Так ты идешь дорогой жизни
Спокойно и ясно,
И только образ твой трепещет
В моем кипящем сердце.

«Русск. вестник» 1857, № 11, июнь, кн. 1, стр. 437. Берл. изд., 164. Гербель, 212. Быков, 205.

262. *Священный союз заключили.* Печатается по Гейне, 70. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1848, № 3, стр. 37, в следующей редакции:

Да! наши сердца меж собою
Священный союз заключили:
Мы —тесно прижавшись друг к другу —
О долгой любви говорили.

Лишь юная, пышная роза,
Что грудь у тебя украшала —
Союзница бедная наша —
Раздавлена, скоро увяла.

«Русск. вестник» 1857, № 11, июнь, кн. 1, стр. 438. Берл. изд., 164. Гербель, 212. Быков, 205 — 206.

263. *Скажи мне, кто вздумал часы изобрести.* Печатается по Гейне, 71. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1857, № 11, июнь, кн. 1, стр. 438.

Берл. изд., 165. Гербель, 213. Быков, 206.

264. *Тот же сон, что снился прежде.* Печатается по Гейне, 72 — 73. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1857, июнь, № 11, кн. 1, стр. 438 — 439.

Берл. изд., 165 — 166. Гербель, 213. Быков, 206.

265. *Тень — любовь твоя и ласки.* Печатается по Гейне, 74, где появилось впервые.

Берл. изд., 166. Гербель, 220. Быков, 207.

266. *Корабль мой на черных плывет парусах.* Печатается по Гейне, 75, где появилось впервые.

Берл. изд., 166 — 167. Гербель, 220. Быков, 207.

267. *Все море, братья, в час заката.* Печатается по Гейне, 76. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1857, № 11, июнь, кн. 1, стр. 439.

Берл. изд., 167. Быков, 207.

268. *На чужбине.* Печатается по «Русск. слову», 1859, № 10, стр. 179, где появилось впервые. Сверено с рукописью ГПБ.

Берл. изд., 167 — 168. Гербель, 220 — 221. Быков, 207 — 208.

269. *И я когда-то знал край родимый.* Печатается по Гейне, 17.

Гербель, 183 — 184. В Берл. изд. и Быковым стихотворение не включено.

270. *Трагедия. I—III*. Печатается по Гейне, 101 — 102. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1857, № 11, кн. 1, стр. 436 — 437.

Берл. изд., 188 — 189. Гербель, 254 — 255. Быков, 208.

271. *Женщина*. Печатается по Гейне, 103, где появилось впервые.

Берл. изд., 189 — 190. Гербель, 260 — 261. Быков, 209.

272. *Рыцарь Олаф. I—III*. Печатается по Гейне., 107 — 110. Впервые напечатано в «Русск. вестнике» 1857, № 12, июнь, кн. 2, стр. 602 — 604.

Берл. изд., 190 — 193. Гербель, 251 — 252. Быков, 209 — 211.

273. *Оставь меня!* Печатается по «Лит. газете» 1847, №32, стр. 502, где опубликовано впервые, без обозначения, что это перевод из Гейне.

Быков, 211, по недосмотру напечатал это стихотворение как четвертую строфу баллады «Рыцарь Олаф».

274. *Гаральд Гарфагар*. Печатается по Гейне, 111 — 112, где появилось впервые.

Берл. изд., 194 — 195. Гербель, 259 — 260. Быков, 212.

275. *Ночные мысли*. Печатается по Гейне, 87 — 89. Впервые напечатано в «Современнике» 1858, III, стр. 123 — 124.

Берл. изд., 182—184. Гербель, 235 — 237. Быков, 212 — 213.

276. *Гастингское поле*. Печатается по Гейне, 113 — 119, где снабжено следующим примечанием:

«Вот что говорит Августин Тьери в своей «Истории покорения Англии норманнами» о погребении короля Гарольда:

«Два саксонских монаха, Асгод и Эльрик, отправленные вальтамским аббатом, испросили позволение перенести к себе в церковь бранные останки своего благодетеля. Они пошли к куче тел, с которых были уже обобраны и доспехи и одежда, тщательно разобрали их, и не узнали того, кого искали, так раны его обезобразили. Горюя и отчаиваясь в успехе своих поисков, они обратились к женщине, которую Гарольд, еще до королевства своего, содержал как любовницу, и просили ее помочь им. Имя ее было Эдифь; звали ее также *Красавицей с лебединой шеей*. Эдифь согласилась пойти с монахами и была счастливее их: она узнала труп того, кого любила».

Впервые напечатано в «Библиотеке для чтения» 1857, т. CXLVI, ноябрь, стр. 125 — 126, с пропуском стихов 109 — 112.

Берл. изд., 195—200. Гербель, 246—250. Быков, 214—217.

277. *Король Ричард*. Печатается по Гейне, 98 — 99. Впервые напечатано в «Современнике» 1858, III, стр. 123.

Берл. изд., 187 — 188. Гербель, 258. Быков, 217.

278. *Асра*. Печатается по «Русск. слову» 1859, № 10, стр. 181, где появилось впервые.

Берл. изд., 206. Быков, 217.

279. *Радость и горе*. Печатается по Гейне, 120. Впервые напечатано в «Современнике» 1853, 1, стр. 160.

Берл. изд., 217. Гербель, 276. Быков, 218.

280. *Порядок вещей*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

281. *Оглядка на прошлое*. Печатается по Гейне, 130 — 132. Впервые напечатано в «Современнике» 1853, 1, стр. 158 — 159.

Берл. изд., 217—219. Гербель, 267 — 269. Быков, 218 — 219.

282. *Умирующие*. Печатается по Гейне, 133. Впервые напечатано в «Библиотеке для чтения», т. СХLII, март, стр. 4.

Берл. изд., 221. Гербель, 269 — 270. Быков, 219.

283. *Оборванцы*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

284. *Воспоминание*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

285. *Несовершенство*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

286. *Благочестивое предостережение*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

287. *Умные звезды*. Печатается по Гейне, 81. Сверено с автографом ИРЛИ. Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1874, № 7, стр. 200.

Быков, 220.

288. *Брось свои иносказания*. Печатается по автографу ИРЛИ (Архив Л. Ф. Пантелеева). Впервые напечатано в «Современнике» 1858, III, стр. 125; здесь стих 9 напечатан по условиям цензуры так:

Кто виной? Иль силе правды

Стих 11:

Иль она играет нами?

С этим цензурным искажением: Гербель, 232. Быков, 220. Берл. изд., 179; здесь, кроме того, стих 2 напечатан:

И гипотезы пусты!

В приводимой нами редакции стихотворение впервые напечатано в журнале «Былое» 1906, № 2, стр. 287.

289. *Остывший*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Труде» 1893, № 5, стр. 343.

Быков, 220 — 221.

290. *Заставь горячими клещами*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Живописном обозрении» 1888, № 10, стр. 159, за подписью: Мих. Илецкий. Перепечатано — «Труд» 1893, № 5, стр. 344.

Быков, 221.

291. *Морфины*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Живописном обозрении» 1887, № 7, стр. 98, под заглавием «Сон и Дремота», за подписью: Мих. Илецкий. Быковым не включено.

292. *Снилась мне девушка*. Печатается по Гейне, 8, где появилось впервые.

Берл. изд., 125. Гербель, 179. Быковым пропущено.

293. *В мае*. Печатается по Берл. изд., 219 — 220. Впервые напечатано в сборнике «Поэты всех времен и народов». Изд. Костомарова и Берга. М. 1862, стр. 122.

Гербель, 272. Быков, 221 — 222.

294. *Скорбь вавилонская*. Печатается по Гейне, 134 — 136. Впервые напечатано в «Библиотеке для чтения» 1857, т. CXLI, март, стр. 4 — 6; здесь стих 23:

В яростном море, во мраке лесном.

Гербель, 270 — 271. Быков, 222 — 223; здесь стих 7 напечатан:

Волк завывает, злой коршун гнездится.

Стих 32:

Дьяволам — рай, чистым ангелам — ад!

Берл. изд., 221 — 223.

295. *Афротенбург*. Печатается по Гейне, 83 — 86, где появилось впервые.

Берл. изд., 179 — 182. Гербель, 232 — 235. Быков, 223 — 225.

296. *Enfant perdu*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Современнике» 1864, XI — XII, стр. 386; здесь стих 1 напечатан:

Забытый часовой в войне известной.

Стих 3:

Победы я не знал, сражаясь честно

Гербель, 233 — 238. Быков, 225 — 226.

Enfant perdu — солдат, посылаемый по собственному желанию в крайне опасное предприятие.

297. *Юдоль плача*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

298. *Вицли-Пуцли*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Библиотеке для чтения» 1864, январь, стр. 1 — 18, за подписью М. ш. со следующими отличиями от автографа:

В стихе 76 слово «заднице» заменено точками.

Стих 192:

Чудной оллеа-потриды

Стихи 269 — 270:

Попадали даже в этот
Образ стрелы мексиканцев.

Стих 338:

Все жрецы стоят налево

Стихи 383 и 384 заменены многоточием.

Стихи 385 — 388 пропущены.

Стих 391:

Мясом будет — точно мясо.

Стих 415:

По ступеням — закрутили.

Стих 454:

И жрецы и прихожане.

Стихи 511 — 512 заменены многоточием.

В стихе 514 слово «богоедов» заменено многоточием.

Стихи 553 — 560 пропущены. В стихе 561 слова «Под ее щитом» заменены точками.

С этими же отличиями перепечатано — Гербель, 273 — 296, и Быков, 226 — 241, у которого, кроме указанных, следующие отличия:

Стих 7:

Был добыт из океана.

Стих 384:

Христианской обстановке.

Стих 561:

Осенясь щитом, испанцы.

Г о ф м а н и з Ф а л л е р с л е б е н а

299. *Из Овидиевых превращений.* Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

Л е н а у

300. *Трое цыган.* Печатается по «Современнику» 1860, XI, стр. 191.

Берл. изд., 272 — 273. Гербель, 342 — 343. Быков, 241.

301. *Совет и желание.* Печатается по журналу «Век» 1861, № 3, стр. 100, где в печатаемой нами редакции появилось впервые. В первоначальной редакции напечатано в «Лит. газете» 1847, № 33, стр. 519, под заглавием «Из Ленау».

О, не живи так быстро и мятежно!
Взгляни: весна роскошно пламенеет...
Внемли ее ты песне страстной, нежной!..
Ах! как твое лицо, друг мой, бледнеет!..

Увянув, роза расцветет весною, —
С прекрасными весенними цветами
И соловьи вновь явятся толпою...
Тебя они застанут ли меж нами?

— Нет!.. Я хочу жить искренно и скоро, —
Так бурно жить, так огненно...
Как молния, исчезающая от взора
За серую чалмой горы холодной!

Берл. изд., 273 — 274. Гербель, 343. Быков, 242.

302. *Тяжелый вечер*. Печатается по «Лит. газете» 1847, № 11, стр. 164, где появилось впервые без обозначения, что это — перевод из Ленау.

Быков, 242.

М о р и ц Г а р т м а н

303. *Белое покрывало. I—II*. Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Современнике» 1859, III, стр. 174 — 176.

Берл. изд., 275 — 278. Гербель, 345 — 348. Быков, 242 — 244.

304. *Два корабля*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1874, № 7, стр. 198, за подписью М.

Быков, 244 — 245.

Ю с т и н К е р н е р

305. *В долине мрачной я...* Печатается по «Лит. газете» 1848, № 20, стр. 307, где опубликовано впервые.

Быков, 245, под заглавием «Старая родина».

306. *Расставанье*. Печатается по «Москвитянину» 1850, ч. IV, № 13, июль, кн. 1, стр. 6, где появилось впервые.

Быков, 245 — 246.

В бумагах Михайлова в ИРЛИ сохранилась копия этого стихотворения, сделанная рукою Я. П. Полонского; текст переписан из «Москвитянина», но в него внесены неизвестным нам почерком следующие исправления:

Стих 4:

Да луна насмешливо глядит:

Стих 5:

Я стою у маленького дома,

Стих 9:

Грустно я стою, простерши руки,

Стихи 13—14:

«Ты прости, мой уголок заветный,
Ты, куда рвалась душа моя,

Стихи 16 — 20:

Любовался не однажды я».
 Вот иду я к городским воротам,
 И гляжу назад с немой тоской...
 Вот за мной их запер часовой,
 Но осталось сердце за стеной!

Оскар Редвиц

307. *Юноша*. Печатается по «Отечеств. запискам» 1854, т. ХСП, февраль, стр. 334, где появилось впервые без указания, что это — перевод из Редвица.

Берл. изд., 279. Гербель, 349. Быков, 246. Во всех трех изданиях напечатано без заглавия.

Боденштедт

308. *Мирза-Шаффи! пчелой прилежной*. Печатается по журналу «Развлечение» 1860, № 6, стр. 72, где появилось впервые.

Берл. изд., 280. Гербель, 350. Быков, 246.

309. *Распахни покрывало! не прячь ты себя!* Печатается по «Современнику» 1855, IV, стр. 396, где появилось впервые.

Берл. изд., 280 — 281. Гербель, 350 — 351. Быков, 246 — 247.

Арнольд Руге

310. *Свобода слова*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

311. *Свобода печати*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

Гервег

312. *Старики и молодые*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано — Быков, 247 — 248.

Из новогреческих поэтов

Адамантий Кораис

313. *Военный гимн*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Современнике» 1865, III, стр. 97 — 102; здесь стих 53:

Как рабство безнарядье

Гербель, 355 — 361. Быков, 249 — 251.

Автором «Военного гимна» Михайлов называет Адамантия Кораиса, или Кораи (1748 — 1833), известного греческого ученого, поэта и деятеля греческой революции 1821 г. Авторство Адамантия Кораиса считалось в половине XIX века бесспорным, но в настоящее время в истории новогреческой литературы

установлено, что Адамантий Кораис написал другой военный гимн. Автором же «Военного гимна», переведенного Михайловым, является Рига Фереос, или Рига Велестинли¹ (1757 — 1798), известный новогреческий поэт и революционер, казненный турецким правительством. «Военный гимн» Риги Фереоса имел громадное распространение в Греции, особенно в период революции 1821 — 1827 гг., когда он приобрел значение национального гимна. Он и теперь поется греками. Перевод Михайлова передает греческий оригинал не вполне точно. (Все эти сведения любезно сообщены нам проф. И. И. Соколовым).

А л е к с а н д р И п с и л а н т и

314. *Птичка-изгнанница*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Современнике» 1865, III, стр. 103. Гербель, 362 — 363. Быков, 251 — 252.

И з ф р а н ц у з с к и х п о э т о в

Л а м а р т и н

315. *Бабочки*. Печатается по «Иллюстрации» 1848, № 42, стр. 275, где появилось впервые. Быков, 253.

К а з и м и р Д е л а в и н ь

316. *Нанна*. Печатается по «Иллюстрации» 1846, № 9, стр. 142, где появилось впервые. Быков, 253 — 254.

М и л ь в у а

317. *Возвращение*. Печатается по «Лит. газете» 1847, № 33, стр. 518, где появилось впервые. Быков, стр. 254 — 255.

А н д р е Ш е н ь е

318. *Близ Верекинфа раз Сатир нашел, гуляя*. 319. *Мой стих умеет все так живо рисовать*. Печатается по «Лит. газете» 1847, № 18, стр. 277. Быков, 255.

Б е р а н ж е

Готовя для отдельного издания свои переводы песен Беранже, Михайлов составил перечень их, указав порядок, в котором они должны следовать; этот порядок и принят в нашем издании. Многие переводы, Михайлов намеревался снабдить примечаниями; черновые заметки к ним сохранились в его бумагах; примечания Михайлова, большей частью составленные на осно-

¹ По имени села Велестина в Фессалии, откуда он был родом.

вании примечаний самого Беранже, мы и печатаем здесь полностью.

320. *Король Ивето*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Написано в мае 1813 г. — Вот примечание к этой песне самого Беранже: «Когда эта песня ходила по рукам в рукописи в 1813 г., на нее смотрели как на акт большой смелости; до такой степени дух оппозиции был в то время подавлен во Франции. Имя автора было неизвестно, и ее приписывали сначала некоторым значительным лицам. Впрочем, полиция скоро узнала, кто написал ее. Это было и нетрудно, потому что Беранже никогда не имел намерения делать из этого тайну. Надо отдать справедливость императорскому правительству, что автору не было сделано никаких неприятностей по этому поводу. Его скромное местечко осталось за ним. Старинное предание рассказывает, что в виде удовлетворения за какое-то преступление, совершенное одним из королей Меровингской династии, владелец Ивето, города в Нормандии, получил право возвести свою маленькую область на степень королевства. Просвещенные критики, с полным вероятием, опровергали подлинность этого предания, но, несмотря на их авторитет, предание существовало очень долго и существует, может быть, доныне в некоторых провинциях. Есть и история этого мнимого королевства». Французский издатель дополняет это примечание своею заметкой, в которой говорит, что существует несколько историй королевства Ивето и что неизвестно, о какой именно говорит Беранже. Для нас это и не важно вовсе».

321. *Сенатор*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Написано в 1813 г. Вот примечание Беранже: «В то время все до такой степени жаждали оппозиции, не видя решимости на нее нигде, что на эту невинную песню, ради ее заглавия, смотрели как на сатирическую выходку против правительства. Эта странность кажется непостижимой теперь и уж поэтому стоит, чтобы упомянуть о ней». Для нас, русских, время подобных странностей еще не миновало».

322. *Веселая голова*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание. «Такой именно смысл, смысл беззаботного смельчака, имеет proverbialное французское название Roger bontemps. Примечание самого Беранже». «Эта песня написана в 1814 г., часть французской территории была занята и предчувствие всеобщего переворота занимало уже серьезные умы».

Впервые напечатано в «Живописном обозрении» 1886, № 48, стр. 346 — 347, за подписью: Мих. Илецкий.

Быков, 295 — 296.

323. *Бабушка*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

324. *Слепая мать*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

325. *Славный малый*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «В подлиннике эта песня называется «Le petit liomme gris». Вот примечание к ней самого Беранже: «Это одна из первых песен автора, имевших большой успех. Она написана в 1810 или в 1811 г. Успех этой песни и нескольких других не утвердил еще Беранже в мысли, что он должен предаться этому роду поэзии. Он работал тогда над идиллиями, которые впоследствии бросил».

326. *Бедняки*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Написано в 1812 г. Лапти в четвертом куплете (не считая припева) заменили у меня французские деревянные сабо».

Впервые напечатано в «Деле» 1867, № 12, стр. 223 — 224, за подписью Л. Шелгуновой, с пропуском стихов 13 — 28.

Стих 39 напечатан:

Что их пурпур и порфира!

Стих 45:

Что за роскошь в барском доме!

Быков, 256 — 257, восстановив пропущенные в журнальном тексте стихи 13 — 28, не включил стихи 37 — 52. Стих 56 у Быкова:

Гостья смелая любовь!

327. *Может быть последняя моя песня*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Написана в конце января 1814 г.— Примечание Беранже: «Неприятель приближался к Парижу, и автор еще не осмеливался повысить тон песни. Не будь этого, он, конечно, выразил бы в более серьезной форме чувства, которые волновали его тогда. К этому следует присовокупить, что никто не мог уверить себя, что Париж так легко достанется во власть чужеземцам и что до тех пор ничто еще не нарушало удовольствий в столице. В день первой сдачи Парижа, поутру (см. «Мою биографию»), были еще афишированы спектакли». Это не совсем так; по-моему, Беранже еще сильно колебался в своих политических убеждениях, когда написал эту песню. Подтверждением может служить песня «Le bon francais», петая им при адъютантах русского императора. Французский издатель замечает: «Il y a dans le recueil d'Olivier Basselin, donne par Jean le Noux, une chanson qui ressemble fort a celle-ci».¹

Впервые напечатано в «Деле» 1869, № 12, стр. 239 — 240. Быков, 257 — 258.

328. *День поминок*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание Михайлова: «В припевах (предпоследняя строка) подлинник пользуется старинным французским припевом mirliton,

¹ В сборнике Оливье Басселена, изданном Жаном Легу, есть песня, очень похожая на эту.

mirlitone, которые я выпустил в переводе. Праздник поминок Всех Душ (Jour de Moris) установлен, как известно, для скорейшего допущения в рай душ, блуждающих по мытарствам. Этим объясняются 5 и 6 стихи первого куплета».

Первые напечатано в «Русск. мысли» 1888, № 1, стр. 41 — 42.
Быков, 258 — 259.

329. *Цензура*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Эта песня ходила по рукам в рукописи в августе 1814 г. В выноске Беранже говорит: «В палате только что обсуждали закон для ограничения свободы печати, представленный аббатом Montesquiou, министром внутренних дел». — В примечаниях он говорит подробнее: «В скором времени после первой Реставрации министерство, в лице аббата Montesquiou, заведывавшего внутренними делами, требовало репрессивного закона для печати. По этому закону, к каждому журналу представлялся цензор, и палата не представила почти никакого сопротивления этому ограничению самого важного из общественных прав. Во время Ста Дней автору предлагали место цензора при «*Journal general*»; он отказался, несмотря на свою крайнюю бедность, говоря, что довольно старался унизить это ремесло и поэтому не видно заслуги в отказе от него, даже при жалованьи в 6.000 франков».

330. *Новый Диоген*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Написано в апреле 1815 г. — Примечание Беранже: «Эта песня принадлежит ко времени Ста Дней. Куплет о цветах свободы включает намек на некоторых людей, имена которых напоминали 1793 г. только его излишества[ми], и которые претендовали [на то], что они одни представляют республиканскую партию. Пятый куплет намекает на Венский конгресс, бывший тогда в сборе». Первый намек, о котором упоминает Беранже, очень слаб и в подлиннике; в переводе же он почти совсем исчез, и переводчик предпочел пожертвовать им, сохранив более общий смысл строфы. В последнем куплете мы находим черту из жизни самого Беранже: это то, как он ускользнул от конскрипции. Читатель найдет подробности в биографии Беранже».

331. *Школьный учитель*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Деле» 1870, 11, стр. 112 — 113.
Быков, 259 — 260.

332. *Кошка*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

333. *Наш священник*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание. «В издании 1821 г. к этому заглавию было прибавлено: «Песня не для тех, кто отличается нетерпимостью». Примечание Беранже: «Эта песня была написана после первой Реставрации, когда, по королевскому приказу, везде было

поставлено в обязанность запирасть по воскресеньям лавки; вскоре священники перешагивали и эту меру: во многих общинах они запретили танцы по праздникам. После этого можно было судить, до чего может духовенство довести свою нетерпимость, столь естественную в нем, видя помощь себе, как это было в то время, в ханжестве двора. К тому же времени относится, и в том же духе, как и песня Беранже, памфлет П. Л. Курье «Прощение за поселян, которым не позволяют танцевать».

334. *Трактат о политике для руководства Лизе*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Сто Дней, май 1815 г.» — Примечание самого Беранже: «Эта песня, написанная во время Ста Дней, вскоре по возвращении Наполеона, явилась в печати в нескольких журналах. Между авторами, которые оскорбляли этого великого человека после его двойного падения, вероятно, не многие захотели бы говорить ему так, как говорил Беранже в этих куплетах. Тем не менее, во время второго возврата Бурбонов, его обвиняли в лести императору. Он был слишком далек от такой мысли, и в первом сборнике своих песен, изданном в конце 1815 г., не поместил этой песни, потому что смотрел на нее как на слишком прямую критику императорского правления и находил ее не совсем уместной при новых обстоятельствах. Не надо забывать, что Беранже все еще не решался сообщить избранному им роду поэзии формы, более соответственной идеям, занимавшим тогда французский народ. Этим объясняются и тон и рамка «Трактата о политике». В то время именно, как была написана эта песня, Беранже предлагали место цензора при «*Journal general*», газете, известной своим роялизмом. Беранже, сторонник неограниченной свободы печати, отказался от этого места, с жалованьем в 6.000 франков, хотя ему приходилось содержать себя и нести довольно тяжелые обязанности на жалованье [в] 1.800 дукатов, которые он тогда получал».

335. *Мнение этих девиц*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Сто Дней, май 1815 г. — «Во время Ста Дней, — говорит в примечаниях сам Беранже, — роялизм и злонамеренность призывали всеми своими желаниями иностранные войска. Автор, думая поразить их насмешкой, вложил мнение дам Сен-Жерменского предместья в уста девиц, о которых идет дело в песне. Беранже хотелось заклеить в песне, которая могла сделаться популярной, партию, преступные и антипатриотические замыслы и интриги которой должны были бы сделать ее ненавистною всем честным сердцам». Песня эта в подлиннике написана на патуа или, проще сказать, на испорченном наречии необразованного и безграмотного класса. Сохранять эту тонкость в переводе казалось мне лишним; довольно, думал я, сохранить общий тон, о чем и старался. Вот что замечает Беранже о языке этой песни: «Беранже мало пользовался патуа

в своих песнях. В этой песне такой язык был кстати и мог даже дать ей особенную пикантность. Автор только и позволил себе употреблять патуа, что в подобных сюжетах, — и всякий раз жалел, что прибежал к нему». Эти слова могут служить лучшим извинением переводчику, что он не уснастил своего перевода словами вроде *знамши, ейный, выглядит* и т. п., что, конечно, было бы для него трудно».

336. *Придворный кафтан*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Придворный кафтан или представление его величеству». — Таково полное заглавие этой песни в подлиннике».

Впервые напечатано в «Русск. мысли» 1882, № 4, стр. 162 — 163.

Быков, 288 — 289.

337. *Конец политике*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Написана в июле 1815 г. — «До второй раз неприятель был под стенами Парижа, на долгое сопротивление которого нельзя было рассчитывать, когда автор написал эту песню. Она значительно отличается тоном от написанной им год тому назад, почти в таком же положении. Он начинал чувствовать, что ему можно принять более серьезный тон, говоря о великих событиях, которые распространяли некую печаль в народе. Успех, какой имела эта песня, утвердил Беранже в его мысли, что народ со времен революции получил значение в направлении своих собственных дел, и что род [жанр] считаемый выражением народных чувств, должен принять наконец все тоны для передачи этих чувств. Похвала любви и вину должна была большею частью служить только рамкою идей, которые следовало отныне выражать песне, по крайней мере, в эпоху, когда все сколько-нибудь значительные обстоятельства имели воздействие на многочисленные массы и на более просвещенные индивидуумы». (Прим. самого Беранже)».

Впервые напечатано в «Деле» 1870, № 1, стр. 105 — 106; стихи 19 и 20:

Ведь тебе о прошлой славе
Битв и воинов я пел.

Быков, 260 — 261.

338. *Мое призвание*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Деле» 1871, № 3, стр. 105; стих 1:

Больной и некрасивой.

Быков, 262 — 263.

339. *Простолудин*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «В издании 1821 г. эта песня обозначена 1815 годом. «Отец Б[еранже], обманутый несколькими смутными преданиями, Верил в дворянство своей фамилии, хотя был сыном простого харчевника в деревне Фламикур, около Перонна, и всегда при-

бавлял к своему имени дворянскую частичку. Автор получил ее так же в актах о своем рождении. Он никогда не украсился бы ею, если б не необходимость установить разницу между своим именем и именами нескольких Беранже, которые во время его дебюта имели некоторую литер[атурную] известность. Видя несколько раз, что его стихи были приписываемы некоему г. Berenger из Лиона, которому было неприятно это недоразумение, потому что стихи были крайне плохи, он принял *de* около 1812 г. и даже стал ставить перед ним заглавные буквы своего имени (Пьер-Жан). Во время Реставрации он продолжал так же подписываться под своими песнями, считая смешными эти изменения имен, род уступки, которая представляет очень слабую политическую гарантию. Он был вполне уверен, что может представить другие. Долго Сен-Жерменское предместье считало его действительно дворянином, даже после песни *Простолудин*, и это не мало способствовало увеличению ненависти, которую он внушал. Когда же он твердо доказал свое простолудинство, эти господа и дамы говорили, что Б[еранже] оттого сражается против привилегии, что сам низкого происхождения. Третий куплет намекает на всех этих господ старого дворянства, которые, соскучась своим невольным уединением в своих замках, выпрашивали место в передней нового Карла Великого». (Примечание Б[еранже]).

Впервые напечатано «в Русск. мысли» 1882, № 4, стр. 164 — 165.

Быков, 263, с пропуском стихов 19 — 27.

340. *Старый скрипач*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Эта песня была написана посреди проклятий и экзекуций, помрачивших вторую Реставрацию, и которые должны были надолго отвратить от нее истинно честные и патриотические сердца. Не песнями и не стихами можно внушить королям и факциям; но поэтам все же не следует унывать». (Примечание Беранже)».

Впервые напечатано в «Деле» 1871, № 2, стр. 172 — 173.

Быков, 264 - 265.

341. *Птицы*. Печатается по автографу ИРЛИ.

Быков, 265 — 266.

342. *Две сестры милосердия*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

«Примечание Беранже: «Это одна из тех песен, против которых с особенным ожесточением гремел Маршанжи, королевский адвокат, во время процесса Беранже. Она попала в число осужденных песен. Автор припоминает в конце второго куплета отказ в обряде погребения, так часто даваемый нашими священниками актерам и актрисам. «Известно — прибавляет к этому

французский издатель, — что, когда священник в церкви св. Рока отказал отворить церковные двери для тела девицы Рокур, в Париже было движение».

343. *Это не Лизета*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

344. *Зима*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Труде» 1893, № 4, стр. 143 — 145.

Быков, 289 — 291.

345. *Маркиз Караба*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Ноябрь 1816 г. Примечание Беранже: «Эта песня имела очень большой успех. Думают, что некоторые правительственные лица, пораженные нелепостью феодальных претензий наших старых дворян, способствовали распространению этой сатиры, или, по крайней мере, были довольны, что она облетела всю Францию. На нее был напечатан ответ на тот же голос». — «Маркиз Караба» — сатира на возвращение помещиков на свои земли после восстановления монархии во Франции в 1816 г.».

346. *Моя республика*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. «Примечание Беранже: «Какой парижанин, не выезжая из Франции, мог видеть столько королей, как тот, кто видел, во-первых, в детстве своем, Людовика XVI, потом Наполеона, его сына, его братьев, Жозефа, Луи, Жерома и Мюрата, и вслед за ними королей Этрурии, Виртемберга, Саксонии, Баварии, папу, двух королей испанских, Карла IV и Фердинанда, и наконец, во время двух вторжений во Францию, Александра, Франциска II, Фридриха Вильгельма Прусского. Вильгельма Нидерландского, Бернадотта и tutti quanti. Прибавьте к этому, и без того большому числу, Людовика XVIII и Карла X, не считая Матюрена Брюно; надеюсь, этого довольно для республиканца».

347. *Паяц*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Написано в декабре 1816 г. Примечание самого Беранже: «Многие думали и говорили, что эта песня написана на Дезожье. Следовало бы вспомнить, что Беранже никогда не выставлял в своей сатире личностей, кроме личностей сильных людей. При том он был еще в сношениях с Дезожье, когда написал Паяца. Некоторые черты, конечно, могли напомнить этого песенника; но Паяц был общим изображением стольких людей, которые возвратились и получили значение повыше Дезожье. Он сам шутя говорил по этому поводу: «Это не могу быть я. Я не скакал во время Ста Дней». Ложные друзья уговорили его однако ж отвечать на эту песню. Песня, которою отвечал он, называется *Чинovníк и национальный гвардеец*. Она неудачна. Беранже подсмеивался над нею с ним самим, и эта темная сплетня еще не послужила им поводом к разрыву».

«Подробнее о Дезожье и этой песне в «Моей биографии», стр. 135».

Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1870, № 5, стр. 1—2, за подписью М. — Л. — М.

Быков, 294 — 295.

348. *Моя душа*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Написана в 1816 г.».

349. *Варварийский священный союз*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «1816 г. Примечание Беранже: «Священный Союз — слишком известный исторический факт, — и нечего объяснять цель этой песни. Король Христоф (на Гаити), был тогда в апогее своей славы. То же можно сказать и о Бональде. Граф Ферран, столь известный своим показанием в деле Лаваллетта, решившим его осуждение, написал сочинение под заглавием «Дух истории», полное ложных взглядов и поверхностной критики».

350. *Мой уголок*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Написано в 1819 г.».

351. *Независимый*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

352. *Добрая старушка*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Живописном обозрении» 1882, № 18, стр. 278, за подписью: Мих. Илецкий.

Быков, 266 — 267.

353. *Маркитантка*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «1817 г. — Беранже говорит в примечании: «Вот одна из тех патриотических песен Беранже, которые имели наиболее успеха: она проникла в особенности в низшие классы, которым нравится, что автор всегда считал необходимым, в интересе самой поэзии, которая, по его мнению, слишком долго пренебрегала у нас публикой, могшей привести нас к большей естественности и правде. «Маркитантка» особенно не понравилась полиции, и ее запрещали петь в народных трактирах».

354. *Изгнанник*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Январь 1817. Вот примечание самого Б[еранже] к этой песне». Но примечание Михайловым выписано не было.

Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1870, № 5, стр. 2—4, за подписью М. — Л. — М. Стих 26:

Мать бедная его.

Быков, 267 — 269.

355. *Природа*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «В последней половине последнего куплета подлинник яснее говорит о погибшей империи».

Впервые напечатано в «Деле» 1871, № 1, стр. 339 — 340; стих 36:

Где проливалась кровь отцов.

Быков, 269 — 270.

356. *Гроза*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Деле» 1871, № 1, стр. 283 — 285.

Быков, 270 — 272.

357. *Навуходоносор*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Эта, песня, написанная в 1823 г., была исключена, вместе с еще четырьмя, которые показались нам нестоящими перевода, самим Беранже из сборников его песен. Издатель объясняет так это исключение: «Уже тогда привык Беранже давать своим политическим песням более серьезный характер и, без сомнения, смотрел на исключенные им произведения, как на мимолетную дань обстоятельствам». В песне нельзя не подметить намеков на Людовика XVIII, но параллель с Навуходоносором вовсе не выдержана, и, вероятно, эта невыдержанность заставила Беранже скорее всего выкинуть песню из собрания».

358. *Прощанье с полями*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Эта песня, написанная в ноябре 1821 г., была переписана и роздана в суде, в день первого осуждения Беранже, «Скудные средства» в третьем куплете — это место экспедитора, которое Беранже занимал в течение 12 лет. В 1821 г., когда появился сборник песен, подвергшийся преследованию, министерство принудило членов университетского совета отнять у Беранже его скромную должность. Впрочем, его уже предупредили, что если он напечатает новые песни, его лишат места. К 4-й строфе мы находим объяснение Беранже, что он воспевал время империи только после ее падения. Такое объяснение не раз встречается в его песнях, будто в ответ на обвинение в бонапартизме. В предпоследнем куплете (стих 2) я поставил слово *суд* вместо имени генерального прокурора в Парижском королевском суде, Беллара, обвинителя Беранже. Конечно, этот стих Беранже один сохранит надолго от забвения имя этого ничтожного, но вредного холопа Людовика XVIII».

Впервые напечатано в «Русск. мысли» 1888, № 1, стр. 109 — 110.

Быков, 272 — 273.

359. *Свобода*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Это—первая песня, написанная Беранже в тюрьме Sainte Pelagie в январе 1822 г. — Во втором куплете поименован Маршанжи, королевский адвокат. Я заменил его более общим понятием».

360. *Тень Анакреона*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Эта песня написана Беранже в тюрьме Sainte Pelagie, 1822. Греческое восстание, начатое в 1821 г., одержало уже много побед. В выноске к 4 стиху предпоследнего куплета Беранже говорит: «По свидетельству Пукевиля греки еще имеют религиозное уважение к звезде Венеры».

Впервые напечатано в «Русск. мысли» 1882, № 5, стр. 44 — 46; здесь стихи 29 и 43 заменены многоточием.

Быков, 273 — 275.

361. *Богиня*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Добавочное заглавие правильное переводится так: «К особе, которую автор видел в роли Свободы на одном из празднеств революции». Эта добавка достаточно объясняет стихотворение».

Впервые напечатано в «Деле» 1869, № 4, стр. 304, за подписью: М. М—ов, без указания, что это — перевод из Беранже, и без добавочного заглавия.

Быков, 275 — 276.

362. *Ласточки*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «В первом стихе Беранже определяет точнее место плена героя этого романа, он называет Мавританский берег. Желая сохранить пьесе ее средневековый характер, я назвал войну, о которой упоминается в предпоследней строфе, святой».

Впервые напечатано в «Деле» 1867, № 4, стр. 228 — 229, за подписью Л. Шелгуновой, без указания, что это — перевод из Беранже, и со многими опечатками.

Быков, 276 — 277.

363. *Узник*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Деле» 1883, № 2, стр. 318 — 320, за подписью: М. Илецкий.

Быков, 277 — 278.

364. *Смерть сатаны*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Игнатий, о котором рассказывает песня, есть Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов».

365. *Негры и куклы*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «В подлиннике эта песня названа песней».

366. *Камин в тюрьме*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание. «Эта песня написана в тюрьме La Force, в 1829 г. — Беранже замечает к четвертому куплету, что «некоторые особы писали ему из Швейцарии, предлагая убежище, в случае, если я захочу избежать угрожавшего мне заточения». К последнему куплету: «Пробовали намекать мне, что от меня самого зависит получить облегчение в моем положении».

Впервые напечатано в «Отечеств, записках» 1870, № 5, стр. 6—7, за подписью М. — Л. — М.

Быков, 279 — 280.

367. *Четырнадцатое июля*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «Эта песня написана Беранже в тюрьме La Force, 1829 г. — 14 июля — день взятия Бастилии. В примечании к припеву своей песни Беранже говорит: «14 июля 1789 г. была чудная погода; 14 июля 1829 г. был тоже прекрасный день,

хотя лето вообще было страшно холодно». В третьем стихе второго куплета у меня сказано просто: «солдата», у Беранже: «un soldat bleu» (голубой солдат). Он объясняет в примечании, что французские гвардейцы (les gardes francaises) имели голубой мундир. Большая часть этого войска (de cette milice) убежала из казарм, откуда ему было приказано не выходить, и оказала самую полезную помощь парижанам при взятии старой феодальной крепости».

368. *Рыжая Жанна*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «В подлиннике песня названа «Рыжая Жанна, или жена браконьера». Браконьер — человек, живущий охотой в чужих лесах».

Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1870, № 5, стр. 4—6, за подписью М.—Л.—М.

Быков, 280 — 281.

369. *Старик-бродяга*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «В предпоследней строфе намек на сдачу Парижа».

Впервые напечатано в «Деле» 1869, № 4, стр. 88 — 89, за подписью: М. М—ов, без указания, что это — перевод из Беранже; последний стих:

Старик-бродяга забывает вас!

Быков, 281 — 282.

370. *Оранг-утанги*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые, напечатано в «Русск. мысли» 1882, № 5, стр. 46 — 47.

Быков, 282 — 283.

371. *Безумцы*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Примечание: «В примечании к этой песне Беранже вкратце упоминает о деятельности двух глав нового социализма, Сен-Симона и Фурье. Вот это примечание целиком: «Граф Генрих де Сен-Симон родился в замке Берни, в нескольких лье от Парижа. Он принадлежал к числу молодых французов, поспешивших, по примеру Лафайетта, в Америку, чтобы принять участие в войне за независимость. Возвратясь во Францию, он вступил в службу, но она ему скоро опротивела. Революция возбудила его энтузиазм. Он получил некоторые выгоды от приобретения национальных имуществ и посвятил новое состояние свое наукам, которым предался со всею пылкостью юноши. Он делал еще более, — не жалея денег, помогал он развитию начинающих дарований. Кошелек его скоро истощился; ему пришлось, во время империи, принять из-за куска хлеба самую ничтожную должность в администрации. Реформа общества не переставала занимать его, и он издал несколько брошюр, полных оригинальных идей, которые все свидетельствуют о его любви к человечеству. Издание «Параболы», этого удивительного изложения новой системы общественного порядка, навлекло на него, во время реставрации, судебное преследование,

которое выказало только всю силу его убеждений. Он избег осуждения, которого мог желать. В постоянной борьбе с бедностью, обманутый в надеждах, которыми льстили ему люди, необходимые своим содействием торжеству его доктрины, Сен-Симон вдался в уныние и покушался на самоубийство. Он только разбил себе глаз пистолетным выстрелом и лишь прибавил новые страдания к тем, которыми уже был удручен. Мысль его приняла тогда религиозное направление, и он издал в 1825 г. свое «Новое христианство». Сен-Симон умер в следующем году на руках Родрига, заботы которого охранили последние его минуты от всех ужасов нищеты». У нас еще нет добросовестно составленной истории этого философа, имя которого после его смерти получило такую громкую известность, какой он, вероятно, не предвидел».

«Вот заметки Беранже о Фурье: «Шарль Фурье — автор «Нового промышленного мира», «Теорий движений» и «Процесса общественной промышленности». Система ассоциации никогда еще не была изложена в такой силе, как этим теоретическим философом, поставившим *личное влечение* в основу своего общественного кодекса. Жюль Шевалье объяснил и распространил своими публичными лекциями идеи Фурье. Без этого комментатора мы, может быть, и до сих пор не понимали бы вполне смысла, приданного знаменитым новатором таким терминам, как *фаланстера, группа, привлекательные функции* и т. п.».

372. *Конец стихам*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Этой песней открывается собрание песен, изданное уже по смерти Беранже. Она начинается отдел песен, помеченный 1834 — 1838 гг. Стало быть, ее можно с некоторою вероятностью отнести к 1834 г.».

Впервые напечатано — Быков, 283 — 284.

373. *Муравьи*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Из песен, написанных, по посмертному изданию, с 1834 по 1838».

Впервые напечатано в «Отечеств, записках» 1870, № 5, стр. 7 — 8, за подписью М. — Л. — М. Состоит из 48 стихов.

Стихи 44 и 45 читаются так:

Залила их всех... Ой! Ой!..

Лишь один чуть жив остался...

Быков, 284 — 285, пропущены стихи 41 — 48.

374. *Апостол*. Печатается по автографу ИРЛИ. Примечание: «Из песен, написанный, по посмертному изданию, с 1841 по 1843. Под заглавием в подлиннике стоит посвящение: К Ламеннэ. В самой песне Беранже характеризовал апостольскую фигуру и деятельность Ламеннэ, с которым был очень дружен в последние годы жизни знаменитого апостола-трибуна. В манере пьесы есть сходство с манерою «Слов верующего», именно, если не ошибаюсь, с главой, где Ламеннэ обращается к солдату с вопросом: «Куда ты, солдат?»

Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1870, № 5, стр. 8 — 10, за подписью М. — Л. — М. Быков, 285 — 287. И в журнальном тексте и у Быкова указание на повторность последнего стиха каждой строфы отсутствует.

375. *Прощание*. Печатается по журналу «Шехерезада» 1859, № 27, стр. 1, где появилось впервые.

Быков, 287 — 288.

376. *Залоги*. Печатается по Быкову, 291 — 295, в руках которого была, вероятно, позднейшая, не дошедшая до нас, редакция. В первоначальной редакции напечатано в журнале «Шехерезада» 1859, № 17, стр. 521 — 523, со следующими разночтениями.

Стихи 30 — 31:

Дам денег, — дай залогу!
Неси хоть ухо, глаз в залог.

Стих 41 — 42:

Садися! Крак! — и зубы вдруг
Все выпали без раны.

Стих 44:

Достал,—держи карманы!

Стихи 66 — 68:

Где б Бену не явиться:
Какой урод! Ну, просто, яд!
А как не поклониться?»

Стих 72:

Протянет нам же руку...»

Стих 74:

Кричит он и рыдает,

Стих 78:

Спасен микстурой тою,

Стихи 87—88:

Один-то глаз, с одной ногой,
Мне нужны хоть немного!

Стих 96:

По ошупи беднягу.

Стих 101:

Я — Али, друг твой с детских пор!

Стих 103:

По ремеслу же я актер,

Стихи 105 — 106:

Бен обнял друга... Чудо! Враз
Все члены целы стали:

Стихи 110 — 112:

Но всех калек, уродов:
Всяк был чего-нибудь лишен
Из четырех залогов.

Стих 124:

Но Бен шептал: «Дай Али

Стихи 127 — 128:

Ты можешь сделать и кремень
Рубином, длань Пророка!»

В и к т о р Г ю г о

377. *О, подойди ко мне! Поговори со мной!* Печатается по «Лит. газете» 1848, № 14, стр. 211, где опубликовано впервые.

Быков, 297 — 298.

378. *Могила розе говорит.* Печатается по «Лит. газете» 1848, № 14, стр. 211, где опубликовано впервые.

Быков, 298.

379. *Как в водах глубоких, уснувших под сенью деревьев.* Печатается по Быкову, 298, который, вероятно, имел не дошедшую до нас исправленную редакцию. В первоначальной редакции напечатано в «Иллюстрации» 1847, № 27, стр. 35, где стих 1:

Так, как в водах глубоких, усыпленных под сенью деревьев

380. *Вакханка.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 24, стр. 373, где появилось впервые без указания, что это — перевод из Гюго.

Быков, 298.

381. *Паж.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 42, стр. 660, где появилось впервые без указания, что это — перевод из Гюго.

Т е о ф и л ь Г о т ь е

382. *Бегство.* Печатается по «Лит. газете» 1849, № 1, стр. 7, где появилось в первые. В собрание стихотворений ранее не входило.

Из венгерских поэтов

П е т е ф и

383. *Проснувшись, плачет дитя больное.* Печатается по Берл. изд., 285, где опубликовано впервые.

Гербель, 367. Быков, 301.

384. *В кабаке.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Деле» 4881, № 1, стр. 127.
Быков, 301 — 302.

Славянские поэты

Шевченко

385. *Иван Подкова.* Печатается по автографу ГПБ. Впервые напечатано в «Русск. слове» 1860, № 4, стр. 41 — 42, в рецензии на книгу «Кобзарь Шевченко» Платона Семеренка, Спб. 1860, в которой Михайлов приводит без упоминания своего имени «ненапечатанный перевод одной из баллад». В этом журнальном тексте следующие разночтения:

Стих 6:

Себе славы, воли

Стихи 12 — 16:

Китайкой повито.
Те высокие могилы
Чернеют, как горы,
Да про волю с ветром в поле
Ведут разговоры.

Стихи 25 и 28:

Да, жилось когда-то славно
У нас на Украине!
Даже вспомнить то, так сердцу
Словно легче станет.

Стих 37:

Высыпали запорожцы.

Стихи 41 — 51:

Вкруг что горы, и не видно
Ни земли, ни неба.
Сердце ноет; казакам же
То-то и потеха.
Плывут себе, распеваят...
Чайка вкруг порхает...
Атаман в передней лодке —
Ведет, куда знает.
Ходит вдоль по лодке, трубка
В зубах догорела;
Сам туда-сюда все смотрит:
«Где-то будет дело?»
Черный ус свой закрутил он,
За ухо чуприну;

По автографу напечатано: «Кобзарь Тараса Шевченка в переводе русских поэтов», под ред. Н. В. Гербеля. Спб. 1860, стр. 57 — 60. Берл. изд., 293 — 296. Гербель, 375 — 377. «Поэзия славян», под ред. Н. В. Гербеля. Спб. 1871, стр. 179 — 181. Быков, 303 — 304.

386. *К Основьяненке*. Печатается по Берл. изд., стр. 289 — 293, где появилось впервые. Сверено с черновым автографом ГПБ; приводим из него наиболее значительные варианты:

Стихи 49 — 52:

Наша дума, наша песня
Не умрет святая!
Вот в чем, люди, наша слава,
Наша честь родная.

Стихи 57 — 60:

Так ли, мой родной, и правду ль
Говорю я свету?
Эх, когда б... да что и молвить?
Воли, воли нету.

Гербель, 371 — 374. Быков, 304 — 307.

387. *Завещание*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

К р а с и н с к и й

388. *Жизнь*. Печатается по «Современнику» 1860, VIII, стр. 474, где появилось впервые.

Берл. изд., 299. Гербель, 381. Быков, 307, — всюду без заглавия и эпиграфа.

Неизвестные авторы

389. *Анакреон*. Печатается по «Лит. газете» 1847, № 45, стр. 709, где появилось впервые. Быков, 311.

390. *Фатализм*. Печатается по Быкову, 311. Впервые напечатано в «Лит. газете» 1847, № 17, стр. 261, где стих 6 явно испорчен пропуском двух слов: «горя сомненьем».

391. *Троя*. Печатается по «Лит. газете» 1849, № 1 стр. 1, где появилось впервые. Быков, 312 — 313.

392. *Зов*. Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 7, стр. 111, где появилось впервые. Быков, 313.

393. *Зимний вечер*. Печатается по Быкову, 313 — 314, который, вероятно, располагал не дошедшей до нас окончательной редак-

цией. В первоначальной редакции, напечатанной в «Иллюстрации» 1847, № 9, стр. 141 — 142, стих 16 читается:

В чудных, пленительных снах...

Стих 36:

Она глядит на него.

Стих 43:

И с золотых кудрей

Стих 59:

Едва дымится камин...

394. *Художнику*. Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 9, стр. 142, где появилось впервые.

Быков, 314.

395. *Дриада*. Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 9, стр. 142, где появилось впервые.

Быков, 315.

396. *Змеенок матери сказал*. Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 9, стр. 142, где появилось впервые.

Быков, 315.

397. *Кудри*. Печатается по «Лит. газете» 1847, № 49, стр. 774, где появилось впервые за подписью М. М.

Быков, 315.

398. *В косы зачем заплетала ты кудри густые, Дорида?* Печатается по «Лит. газете» 1848, № 20, стр. 307, где появилось впервые.

Быков, 315.

399. *Мольба*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 20, стр. 307, где появилось впервые.

Быков, 315.

400. *Изгнанник*. Печатается по Быкову, 316. Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1846, № 4, стр. 63, где стихи 27 и 28 читаются:

Когда искали друг для друга
Мы цвет полей.

401. *Узник*. Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 7, стр. 111, где появилось впервые.

Быков, 317.

402. *Могила*. Печатается по «Иллюстрации» 1846, № 8, стр. 126, где появилось впервые.

Быков, 317 — 318.

403. *Вассал*. Печатается по «Лит. газете» 1847, № 49, стр. 774, где появилось впервые.

Быков, 318 — 319.

404. *Подражание английскому.* Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 38, стр. 222, где появилось впервые за подписью М. Быков, 78.

405. *Сон.* Печатается по «Лит. газете» 1848, № 3, стр. 37, где появилось впервые. Быков, 307 — 308.

406. *Аррия.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1870, № 1, стр. 264, за подписью: Мих. М—в.

В бумагах Михайлова (ИРЛИ) сохранился следующий вариант последних строк:

Бодрой рукою кинжал ты взяла,
Грудь обнажила и, с мужеской силой
В сердце ударив себя, подала
Мужу кинжал, и бодро могла
Молвить пред смертью: не больно, мой милый.

Быков, 319.

Народные песни

Шотландские баллады

407. *Два ворона.* Печатается по тексту Быкова, 78 — 79.

Впервые напечатано в «Иллюстрации» 1847, № 49, стр. 773. Здесь стих 5 напечатан в следующем виде:

У темного ль леса обед мне готов?..

Стих 31:

Постель молодца холодна и жестка.

408. *Вилли и Маргарита.* Печатается по Берл. изд.. 303 — 308. Впервые напечатано в «Современнике» 1858, VII, стр. 5 — 9, где стихи 3 и 4 даны в следующей редакции:

Он собрался к Маргарите своей;
Сердце горит у него.

Гербель, 385 — 390. Быков, 79 — 82.

Испанская песня

409. *Si dormis doncella.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 33, стр. 518, где появилось впервые. Быков, 312.

Новогреческие песни

410. *Молодой монах.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Современнике» 1863, 1, стр. 119. Гербель, 397. Быков, 252.

411. *Как в ночи мы целовались.* Печатается по Берл. изд., 315. В первоначальной редакции напечатано в «Иллюстрации» 1847, № 7, стр. 111, без подписи, под заглавием «Измена»:

Когда мы друг друга в ночи целовали,
Никто наших ласк не видал...
Лишь звезды тихонько на небе дрожали,
Но звездный нас хор не пугал.

Вот звездочка ясная с неба упала —
И морю на нас донесла;
А синее море веслу прошептало...
Рыбак то узнал от весла.

Про ласки и речи те наши ночные
Пропел своей милой рыбак...
Девицы теперь, молодцы удалые
Поют то в селах, в городах.

Гербель, 396. Быков, 133.

Л и т о в с к и е п е с н и

412. *Как в лес меня послали.* Печатается по «Народному чтению» 1859, кн. IV, стр. 206, где появилось впервые. Берл. изд., 316. Гербель, 398. Быков, 133.

413. *Ворон.* Печатается по «Делу» 1870, № 6, стр. 215, где появилось впервые. Сверено с автографом ИРЛИ. Быков, 133 — 134.

414. *Пирушка.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Деле» 1870, № 6, стр. 216. Быков, 134.

415. *У меня был коник.* Печатается по Гербелю, 349, где опубликовано впервые. У Быкова отсутствует.

С е р б с к и е п е с н и

416. *Девушка у моря сидела.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 45, стр. 710, где появилось впервые. Перепечатано без изменений в «Народном чтении» 1859, кн. IV, стр. 206.

Берл. изд., 309. Гербель, 391. Быков, 134 — 135. со следующими разночтениями:

Стих 5:

Что пространнее чистого поля?

Стих 7:

Что меду янтарного слаще?

Стих 12:

А пространнее чиста поле — море,

Стих 14:

Слаще меду янтарного—сахар.

417. *Будь у меня, Лазо.* Печатается по Берл. изд., 310, где появилось впервые.

Гербель, 329. Быков, 308.

418. *Арапская царица.* Печатается по «Русск. слову» 1860, № 1, стр. 305 — 307, где появилось впервые.

Берл. изд., 311 — 314. Гербель, 392 — 395. Быков, 308—310.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1 8 4 5

419. *Ее он безмолвно, но страстно любил...* Печатается по «Иллюстрации» 1845, № 11 стр. 175, где появилось впервые.

Быков, 321.

420. *Дорога.* Печатается по «Иллюстрации» 1845, № 30, стр. 278, где появилось впервые.

Быков, 321, напечатал только три первых строфы.

Стихи 13 — 36 ошибочно напечатаны им как продолжение стихотворения «В пути» (№ 453).

В тексте «Иллюстрации» в стихе 11 — повидимому опечатка: « в з д о р печальный». Сверено с копией, писанной неизвестным нам почерком, сохранившейся в бумагах Михайлова (ИРЛИ).

1 8 4 6

421. *Желание.* Печатается по Быкову, 323, опубликовавшему впервые.

1 8 4 7

422. *Муза.* Печатается по «Библиотеке для чтения» 1847, январь, стр. 11 — 12, где появилось впервые.

Быков, 322.

423. *Эллада.* Печатается по «Библиотеке для чтения» 1847, январь, стр. 11 — 12, где появилось впервые.

Быков, 322.

424. *Дума.* Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 4, стр. 62, где появилось впервые.

Быков, 324 — 325.

425. *Вдохновение.* Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 7, стр. 111, где появилось впервые без подписи.

Быков, 325 — 326.

426. *Бывают дни, — и дней таких не мало...* Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 7, стр. 111, где появилось впервые без подписи.

Быков, 326.

427. *Призыв.* Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 7, стр. 111, где появилось впервые без подписи.
Быков, 326.
428. *Был я младенцем невинным...* Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 9, стр. 142, где появилось впервые.
Быков, 326 — 327.
429. *К стихам А. Шенье.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 11, стр. 164, где появилось впервые.
Быков, 325.
430. *Помню я рошу зеленую.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 11, стр. 164, где появилось впервые. Сверено с автографом ИРЛИ.
Быков, 337.
431. *Часто вас видя и часто вас слушая.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 17, стр. 261, где появилось впервые.
Быков, 337 — 338.
432. *Есть слова.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 17, стр. 261, где появилось впервые.
Быков, 338.
433. *Художник выставил Венеру на показ.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 17, стр. 261, где появилось впервые.
Быков, 348.
434. *Надя.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 18, стр. 277, где опубликовано впервые.
Быков, 338 — 339.
435. *Весною пред пышною розой.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 18, стр. 277, где появилось впервые.
Быков, 320.
436. *Охотник.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 19, стр. 294, где опубликовано впервые; в стихе 5 слово «свободу» заменено точками.
Быков, 335 — 337.
437. *Если б я вас снова встретил.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 23, стр. 356, где появилось впервые.
Быков, 340.
438. *Еще в школе он был.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 23, стр. 356, где появилось впервые.
Быков, 339 — 340.
439. *Много звезд блестящих.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 24, стр. 372 — 373, где появилось впервые.
Быков, 335.

440. *Словно смеется гладь моря.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 26, стр. 405, где появилось впервые.
Быков, 325.

441. *Статуя.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 26, стр. 405, где появилось впервые.
Быков, 325.

442. *Груня.* Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 27, стр. 35, где появилось впервые.
Быков, 323.

443. *Няня.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 27, стр. 422, где появилось впервые.
Быков, 342.

444. *Хорошая партия.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 32, стр. 501, где появилось впервые.
Быков, 340 — 341; стих 7:

И с важностью в нем неизменной.

445. *Соседка.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 32, стр. 501 — 502, где появилось впервые.
Быков, 341 — 342.

446. *Малютка.* Печатается по «Иллюстрации» 1847, № 38, стр. 222, где появилось впервые за подписью М.
Быков, 324.

447. *Люблю я на тебе мои покоить взоры.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 42, стр. 661, где появилось впервые.
Быков, 329.

448. *Акация цветы душистые роняет.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 42, стр. 661, где появилось впервые.
Быков, 329 — 330.

449. *Путник.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 42, стр. 661, где появилось впервые.
Быков, 320.

450. *Эпиграмма.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 45, стр. 709, где появилось впервые.
Быков, 348.

451. *Кольцов.* Печатается по «Лит. газете» 1847, № 49, стр. 774, где появилось впервые.
Быков, 342 — 343.

1848

452. *Зима.* Печатается по «Лит. газете» 1848, № 1, стр. 6, где опубликовано впервые.
Быков, 330 — 331.

453. *В пути*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 14, стр. 211, где появилось впервые.

Быков, 331.

454. *У двери скрипучей*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 17, стр. 266, где появилось впервые с заменой стихов 17 — 20 точками.

Быков, 343.

455. *Современный гидальго*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 17, стр. 265 — 266, где появилось впервые с заменой последних четырех стихов точками.

Быков, 347 — 348.

456. *Встреча*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 19, стр. 291 — 292, где появилось впервые.

Быков, 343 — 344.

457. *Смех*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 19, стр. 292, где появилось впервые.

Быков, 344.

458. *Наяда*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 20, стр. 307, где появилось впервые.

Быков, 328—329.

459. *Жатва*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 20, стр. 307, где появилось впервые.

Быков, 329; стих 19:

Звучнее песнь: все, у кого есть голос,

460. *Встреча*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 24, стр. 336, где появилось впервые за подписью: М. Переведенцев.

Быков, 332 — 333; стих 38:

Покойник он редких был правил.

461. *Маркел*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 24, стр. 366 — 367, где появилось впервые за подписью: М. Переведенцев, с заменой стихов 25 — 28, 31 и 72 — 75 точками.

Быков, 333—334.

462. *Горе*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 24, стр. 367, где появилось впервые.

Быков, 334 — 335.

463. *Песня русского ямщика на чужбине*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 32, стр. 503, где появилось впервые.

Быков, 331 — 332.

464. *Я спел бы вам песню веселую, други*. Печатается по «Лит. газете» 1848, № 32, стр. 503, где появилось впервые за подписью: М. Переведенцев.

Быков, 344 — 345.

465. *Рассудка голосу не внемля.* Печатается по «Лит. газете» 1848, № 45, стр. 710, где появилось впервые.

Быков, 345 — 346.

466. *В улице далекой.* Печатается по «Иллюстрации» 1848, № 40, стр. 247, где появилось впервые.

Быков, 327.

467. *Мне жаль тебя.* Печатается по «Иллюстрации» 1848, № 40, стр. 247, где появилось впервые.

Быков, 327.

468. *Бывало, в беседе.* Печатается по «Иллюстрации» 1848, № 42, стр. 275, где появилось впервые.

Du Holde, du Meine — Ты милая, ты моя.

469. *Весна.* Печатается по «Иллюстрации» 1848, № 40, стр. 247, где появилось впервые.

Быков, 320.

1849

470. *В минуту ль светлого сознанья.* Печатается по «Лит. газете» 1849, № 3, стр. 39, за подписью М. П.

Быков, 346.

471. *Я говорил ей: «Нам надо расстаться».* Печатается по «Лит. газете» 1849, № 3, стр. 39, где появилось впервые за подписью М. П.

Быков, 346 — 347.

472. *Случалось ли вам, когда вечером...* Печатается по «Лит. газете» 1849, № 3, стр. 39, где появилось впервые за подписью М. П.

Быков, 347.

473. *Ярко солнце светило.* Печатается по «Лит. газете» 1849, № 3, стр. 39, где появилось впервые за подписью М. П.

Быков, 347.

474. *Облака.* Печатается по «Москвитянину» 1849, № 17, сентябрь, кн. 1, стр. 79, где появилось впервые.

Быков, 322 — 323.

475. *Опять в ночной тиши...* Печатается по «Москвитянину» 1849, № 22, ноябрь, кн. 2, стр. 148, где появилось впервые. В копии Я. П. Полонского, сохранившейся в бумагах Михайлова (ИРЛИ), стих 12 читается:

Лепечут лишь горячие уста

Быков, 328.

1851

476. *Простая история*. Печатается по «Москвитянину» 1851, № 22, кн. 2, стр. 218, где появилось впервые.
Быков, 328.

477. *Надежде Васильевне Самойловой*. Печатается по «Нижегородским губернским ведомостям» 1851, № 28, где появилось впервые, подписанное *** Стихотворение в газете напечатано после статьи «Н. В. Самойлова в Нижнем». Стихам предпослано следующее примечание: «Заключаем наши слова стихотворением одного молодого любителя изящного, г. М. Михайлова, вдохновленным (sic!) превосходною игрою нашей дорогой гостью».

Быков, 349.

1853

478. *Когда пройдут искуса годы*. Печатается по автографу из альбома Н. В. Гербеля (ГПБ). В автографе из архива Л. Ф. Пантелеева (ИРЛИ) стих 1 имеет следующую редакцию:

Когда минует испытанье?

Стих 4: Животворящего сознанья?

Стих 9: И под святым его огнем.

Впервые опубликовано П. В. Быковым в «Ниве» 1910, № 15, стр. 290.

Быков, 1.

479. *Как храм без жертв и без богов*. Печатается по автографу из альбома Н. В. Гербеля (ГПБ). Датируется 1853 г., каким датировано и другое стихотворение «Лотос», написанное на этой же странице.

Впервые опубликовано Н. В. Быковым в «Ниве» 1910, № 15, стр. 290.

Быков, 1.

1856

480. *Перепутье*. Печатается по тексту, впервые опубликованному Л. П. Шелгуновой в ее книге «Из далекого прошлого». Спб. 1901, стр. 58.

Это стихотворение было написано Михайловым в альбом Шелгуновой. См. «Литературный архив», изд. П. А. Картавым. Спб. 1902, стр. 86 (Альбом Л. П. Шелгуновой).

Быков, 2.

1857

481. *На пути*. Печатается по автографу из архива Я. П. Полонского (ИРЛИ). Впервые напечатано в «Русск. слове» 1859, № 12, стр. 243, перепечатано в «Деле» 1867, № 3, стр. 84, за подписью Л. Шелгуновой. См. «Литературный архив», стр. 89, где, помимо даты, в подзаголовке помечено: май 1856.

Быков, 2.

482. *Говорят — весна пришла.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Неделе» 1874, № 1, стр. 14. За подписью: М. Л. М—в.

Быков, 2.

483. *Зарею обновленья.* Печатается по журналу «Дело» 1866, № 2, стр. 64, где опубликовано впервые за подписью Л. Шелгуновой. В бумагах Михайлова (ИРЛИ) сохранился следующий черновой набросок, являющийся одной из первоначальных редакций:

В твоей любви, как в сияньи солнца,
Проснулось передо мною все:
И сам я, и весь мир.
Я понял все, что истинно и ложно,
Когда сердце мое билось биеньем твоего сердца, —
Я чуял биенье мировой жизни.
О свет! Воззавший меня из мрака, на служенье
Истине,

Дай мне и умереть в твоих лучах!
В моей ночи зарею обновленья
Взошла любовь твоя.
В ее лучах весь мир, его явленья,
И мир души моей уразумел я.
Мне ясно стало все, что истинно и ложно,
Все — что велико, что ничтожно —
Во мне самом и вне меня.
Когда во мне сердце забилося
Одним биением с тобой,
В моей груди тогда вместилося
Биенье жизни мировой.
О свет! из тьмы меня воззавший,
Мне силу на битву давший,
Не покидай меня, не покидай —
В своих лучах угаснуть мне дай!

484. *Долиной пыльной шли мы рядом.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые опубликовано в «Деле» 1866, № 2, стр. 33, за подписью Л. Шелгуновой, с пропуском стихов 57 — 60 и 73 — 76.

Быков, 3 — 5, с пропуском этих же стихов.

485. *Я. П. Полонскому.* Печатается по тексту, опубликованному впервые в книге Т. А. Богданович «Любовь людей шестидесятых годов». Л. 1929, стр. 326 — 327.

Это шуточное послание было написано Михайловым в августе 1857 г., в лесничестве Лисино, где он перенес тяжелую форму тифа. Стихи были сообщены Шелгуновой в ее письме к Полонскому; подлинник письма — в архиве Полонского (ИРЛИ).

486. *Где консьержа вечно плещет.* Печатается по тексту, впервые опубликованному Л. П. Шелгуновой в ее воспоминаниях «Из далекого прошлого». Спб. 1911, стр. 89.

Это шуточное стихотворение написано Михайловым в Париже осенью 1859 г., когда он жил вместе с Шелгуновыми в пансионе m-me Максим. «Михайлов, — рассказывает Шелгунова, — приветствовал всякое происшествие в нашем доме каким-нибудь стишком, из которых в памяти у меня сохранилось только одно, и то только потому, что оно было написано на мотив известного романа «Талисман» [А. С. Пушкина] и написано по случаю раздачи всем жильцам пуховиков, чтобы покрывать ноги при наступлении холодов».

Э д р е д о н — по-французски: пуховая перина.

487. *Н. В. Шелгунову.* Печатается по тексту, впервые опубликованному Н. В. Шелгуновым в его воспоминаниях «Из прошлого и настоящего» (Соч., т. II, Спб. 1891, стр. 661).

Быков, 6.

По поводу этого шуточного послания (датировать его можно 1859 г.) Шелгунов в указанных воспоминаниях пишет: «Утром в день моего рождения я нашел у себя на столе поднос с разными мелкими вещами и следующее стихотворение». Автограф стихотворения Михайлова долгое время бережно хранился Шелгуновым.

1860

488. *Экспромт арестованного лондонского мазурика.* Печатается по «Искре» 1860, № 30, стр. 324, где опубликовано впервые.

Быков, 350.

Р о с к е т б о у — мальчишка-карманный.

489. *Дервиш и мышь.* Печатается по «Искре» 1860, № 30, стр. 324, где опубликовано впервые.

Быков, 11.

1860 — 1861

490. *Апостол Андрей.* Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

491. *Гипербореи.* Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

492. *Вадим.* Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

493. *Пятеро.* Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Слова, замененные в стихе 25 тире, в подлиннике стерлись и не поддаются прочтению. По всей вероятности, стихотворение было написано Михайловым в 1861 г., во время заключения его в Петропавловской крепости, в соборе которой находятся гробницы русских царей, начиная с Петра I и кончая Александром III. На валу Петропавловской крепости 13 июля 1826 г. были, по приговору царского суда, повешены пять декабристов, упоминаемые в стихотворении.

494. *Деспоту*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ. Стихотворение имеет в виду Александра П. В 3 стихе намек на его манифест об освобождении крестьян 19 февраля 1861 г., оканчивающийся словами: «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с нами божие благословение на твой, свободный труд, залог твоего общественного благополучия и блага общественного».

495. *Памяти Добролюбова*. Печатается по «Колоколу» 1862, лист 119 — 120, где опубликовано впервые. Стихотворение было написано Михайловым в Петропавловской крепости в 1861 г.

Быков, 6.

1861

496. *Крепко, дружно вас в объятья*. Печатается по «Колоколу» 1862, прибавление к листу 119 — 120, где опубликовано впервые. Написано в 1861 г. в Петропавловской крепости в ответ на стихотворное приветствие от студенческой молодежи (см. ниже, примеч. к Приложению). В «Колоколе» после текста стихов следует еще приписка: «Спасибо вам за те слезы, которые вызвал у меня ваш братский привет. С кровью приходится мне отрывать от сердца все, что дорого, чем светла жизнь! Дай бог лучшего времени, хоть может мне уже и не суждено воротиться».

Быков, 7.

497. *Смело, друзья! Не теряйте*. Печатается по тексту, впервые опубликованному, за подписью: М. Михайлов, в сборнике «Русская муза» П. Ф. Якубовича. Переработанное и дополненное издание «Русск. богатства». Спб. 1907, стр. 274 — 275.

Следует отметить, что вторая строфа стихотворения Михайлова («Пусть нас по тюрьмам сажают») является перефразировкой первой строфы стихотворения неизвестного автора, написанного в более раннее время, может быть, в сороковых годах:

Славься свобода и честный наш труд!
Пусть нас за правду в темницу запрут,
Пусть нас пытаются и жгут нас огнем,
Песню свободе и в пытке споём.

Это стихотворение впервые напечатано в «Свободных русских песнях» (Кронштадт, 1863), изданных Герценом и Огаревым, в Лондоне. Пелось оно на мотив «Славься, славься, наш русский царь» из оперы «Жизнь за царя» Глинки.

Возможно, что, вспомнив именно эту революционную песню, которая пелась на мотив из патриотической оперы, Михайлов и написал, находясь в Петропавловской крепости, стихотворение «Смело, друзья, не теряйте». Напомнить об этой песне ему могла «патриотическая музыка» крепостных курантов, о которой он рассказывает в своих записках: «Куранты на соборе разыгрывали то и дело разные коленца, не считая уже «Коль славен наш».

господь в Сионе» и «Боже царя храни». Последний кант особенно здесь кстати. Так как его никто, конечно, не может повторить сознательно под этими сводами, то лучше всего было предоставить это занятие бессознательным медным языкам колокольной» (М. Михайлов. Записки. 1861 — 1862. П. 1922, стр. 66 — 67).

Автограф этого стихотворения Михайлова до нас не дошел.

До появления в «Русской музе» Якубовича стихотворение Михайлова в переделанном виде, без указания автора, печаталось в нелегальных изданиях. В народовольческом сборнике «Стихи и песни», напечатанном в 1866 г. в тайной московской типографии М. Гоца, помещена следующая переделка:

Братья, вперед! Не теряйте
Бодрость в неравном бою;
Родину дружно спасайте,
Честь и свободу свою.
Хоть и погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,
Дело ж всегда отзовется
На поколениях живых.
Вперед, друзья, на смерть, на муки!
Мы за народ свой страдаем,
Мы за свободу стоим
И от цепей избавляем
Грудью и сердцем своим.
Хоть и погибнуть придется и пр.
Час избавленья настанет,
Гимн вам народ пропоет,
Вас со слезами вспомнит,
К вам на могилу придет.
Хоть и погибнуть придется и пр.

Первая и последние строфы этой переделки почти совпадают с текстом Михайлова; вторая строфа («Пусть нас по тюрьмам сажают») в переделке выкинута; несколько сентиментальная строфа о стонущем народе заменена более энергичной, соответствующей семидесятым годам активного народничества, а в припев введен маршевой тон: «Вперед, друзья, на смерть, на муки».

В несколько измененном виде стихотворение «Братья, вперед» стало народовольческим гимном («Песни каторги и ссылки». М. 1930, стр. 20 — 22). В книге А. Кункля «Долгушинцы» (М. 1932, стр. 121 — 123) в письме Чикова (1873) приведена переделка стихотворения Михайлова, названная «Маршем наших демократов». 5 стих припева в этой переделке иной:

Смело вперед!
Мы на смерть и муку
Раз, два!

Автором этой переделки Чиков считал Берви-Флеровского. Но И. И. Попов в своей брошюре о Клеменце (*Д. Клеменец. Из воспоминаний прошлого*. Л. 1925, стр. 18) автором переделки называет Клеменца.

Кто является бесспорно автором переделки, в точности неизвестно. Возможно, что переделки на протяжении ряда лет есть результат коллективного творчества революционных кругов. (Указаниями на переделки стихотворения Михайлова мы обязаны А. А. Шилову).

У Быкова стихотворение упомянуто в алфавитном указателе, но в тексте отсутствует.

498. *Если лет бесстрастный холод*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1870, январь, стр. 168, за подписью: Мих. М.—в.

Быков, 8, с опечаткой в 1 стихе: «бесстрастных» вместо — «бесстрастный».

499. *Вечером душиным...* Печатается по «Делу» 1867, № 3, стр. 76, где опубликовано впервые за подписью Л. Шелгуновой.

Быков, 8.

500. *Как долгой ночью ждет утра*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1870, № 4, стр. 436, за подписью М. М.

Быков, 8 — 9.

501. *Те же все унылые картины*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

502. *О сердце скорбное народа!* Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

Стих 12-й явно не отделан; обращаясь к сердцу народа, поэт написал: «Иль ты забыл...»

503. *Взыскание*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

1 8 6 2 — 1 8 6 5

504. *Бороды*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

В стихотворении имеется в виду запрещение Николая I носить бороды военным, чиновникам и дворянам, служившим по выборам. Александром II это запрещение для дворян и чиновников было отменено. В течение 1862 г. среди русского дворянства и разночинной интеллигенции ходило по рукам много проектов адреса к царю с ходатайством о созыве земского собора или думы. Выражение «устава брады» взято из сочинения о России в царствовании Алексея Михайловича, написанного во второй половине XVII века Котошихиным: «Иные бояре, брады своя устава, ничего не обещают, потому что царь жалует иных в бояре, не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студерованные» (из главы о боярской думе).

505. *Христианское законодательство*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

506. *Полицейская гуманность*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

507. *Конституционист*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

508. *Недоразумение*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

509. *Преданность*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

510. *Беспокойство*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

В стихотворении имеются в виду тревожные статьи по поводу петербургских пожаров в мае 1862 г.; в статьях довольно прозрачно намекалось, что виновниками пожаров являются революционеры. Вероятно, номера «Северной пчелы» с этими статьями дошли до Михайлова с большим опозданием, и он читал их в июле 1862 г., уже находясь на Казаковском золотом прииске в Сибири.

511. *Dies irae*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

Dies irae — начальные слова церковного католического гимна о «страшном суде».

512. *Зимние вьюги завывли*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Деле» 1867, № 3, стр. 136, за подписью Л. Шелгуновой.

Быков, 9.

513. *Только помыслишь о воле, порой*. Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Неделе» 1874, № 1, стр. 14, за подписью: М. Л. М—в.

Быков, 9 — 10.

514. *Послание узника*. Печатается по «Неделе» 1876, № 1, стр. 26, где опубликовано впервые за подписью: М—в.

Быков, 10.

В бумагах Михайлова (ИРЛИ) сохранился следующий черновой набросок, близкий по теме к «Посланию узника»:

Ко мне, в тужубу ссылки,
Во мрак и холод изгнания,
Дошел братский твой привет —
Сердечный привет твой, брат!
Слова твоего благословенья,
Слова твоих надежд и веры
Согласно слилися с теми голосами,
Что слышатся в моей душе,
Что звучат и во мраке моей тюрьмы.
Это те голоса, что показали мне правду,
Что внушили мне ненависть ко лжи,

Что заставили забыть о себе —
Пожертвовать всем,
И все мои слабые силы направить
На дело будущего.
Порой мне горько, что в начале
Пресечено мое служенье делу...
Но не пресечена и не погасла мысль:
Она жива, она сильна,
Мне жизнь и силу даст она.
Я бодро цепь свою пронес
В страну страдания и слез,
Свободы верные друзья,
Верна вам жизнь моя!
Пусть зло грозит ей,
Оно меня не покорит.
Я гляжу на свою тюрьму,
Как на честь себе, позор ему, —
И полон веры.

Примыкает по теме к приведенному черновику и следующий, сохранившийся в бумагах Михайлова, набросок:

О если б хоть в одной груди
При вести о чреде моей
Забилось сердце горячей,
И свет горящий впереди
Показался ясней,
Я б счастлив был, и если бы мне
Пришлось здесь умереть,
В могилу б светлый я сошел
И знал, что все, чем я грешил
В бесплодной юности моей,
Мне прощено
И все искуплено.

515. *Новые голоса.* Печатается впервые по черновому автографу ИРЛИ. Несколько сохранившихся первоначальных черновиков этого стихотворения представляют интерес в том отношении, что дают возможность ознакомиться с процессом работы Михайлова над поэтическими произведениями. Начинал он обыкновенно с набросков, часто не соблюдая в них ни размера, ни рифмы; вот один из первоначальных набросков стихотворения «Новые голоса»:

Еще осталось на просторе
Земном много зла;
Еще обильны зло и горе,
И жизнь не всем еще светла.

Но с каждым днем все крепнут боле
Добро и свет, и с каждым днем
Им уступает поневоле
Мрак и зло в царстве своем.

И разум в массах стал светлее,
И цели жизни им ясней,
И силы
Для блага общего людей,

Счастливых боле, чем прежде,
Но счастье их не так прочно.
Лишь на все[мирном] сч[астье]
Окрепнет оно.

Прох[одит] время колебаний —
Сомненья приводят] людей
К сознанию
И праву жизни своей.

При дальнейшей обработке первая строфа первоначального наброска заменена была следующей:

Еще обилен мир бедами,
Делами зависти и зла,
И жизнь не всем
еще светла.

Третья строфа видоизменилась так:

Несет он всюду свое пламя,
И там, где сердце было камень,
Оно становится тепло.

Поля черновиков испещрены записями отдельных слов и выражений, которые должны были найти свое место при дальнейшей обработке стихотворения.

516. *Праздник весны. Наше небо холодное.* Печатается впервые по черновому автографу ИРЛИ. Сохранился еще черновой автограф, являющийся, вероятно, одной из первоначальных редакций этого же стихотворения:

Там на далекой отчизне подавленной —
Праздник весны там праздником слез.
Много на почве их там окровавленной;
Много на почве, спаленной от гроз.

Плачет там мать, и жена, и милая
Плачет сестра, не осушая глаз;
Плачет и вся отчизна унылая —
Плачет по вас.

Плачь, о страданица, плачь над могилами
Мертвых своих и живых сыновей!
Каждая слезка там новыми силами
Отродится на почве кровавой твоей.

Снова сошла ты во гроб искупления;
Но не смерть же тебе суждена.
Праздник воскресения, праздник обновления
Всем принесет иная весна.

517. *Вышел срок тюремный.* Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые напечатано в «Отечеств. записках» 1870, № 1, стр. 98, за подписью: Мих. М—в.

Быков, 10 — 11.

518. *Всегда, везде ты, друг, со мной.* Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

519. *Ведь только строчка лишь одна.* Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

520. *Вечерний ветер встал и по ущельям стонет.* Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

Голые горы, о которых говорится в стихотворении, — сопки, окружавшие селение Кадай, куда был переведен Михайлов вскоре после последнего свидания с Шелгуновыми в 1863 г. и где тоскливо и уныло тянулись его последние дни.

521. *Грусть ко мне в сердце...* Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

522. *К польке-матери.* Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

Стихотворение это могло быть навеяно Михайлову беседами с ссыльными поляками, с которыми он встретился в Сибири; несколько ссыльных поляков жили вместе с ним в селении Кадай.

523. *Минуты горького сомненья.* Печатается впервые по черновому автографу ИРЛИ.

Стих 9 остался не дописанным.

524. *И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье.* Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

Написано, по всей вероятности, в последние годы жизни Михайлова, в Кадае, под впечатлением тяжелых известий из России, об усиливающейся реакции и кровавой расправе с восставшей Польшей в 1863 г.

525. *Знаю, что ты память.* Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

Написано, вероятно, в последние годы жизни Михайлова, до которого могли дойти слухи об увлечении Л. П. Шелгуновой, уехавшей за границу, Александром Серно-Соловьевичем (см. *Т. А. Богданович. Любовь людей шестидесятых годов*. М. 1929, стр. 45).

526. *Горя, шуму и досады*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

527. *Идут года, но все сильнее любовь*. Печатается впервые по копии, написанной неизвестной рукой, сохранившейся в бумагах Михайлова (ИРЛИ).

528. *Снова дней весенних*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

529. *Вам смешно, что часто*. Печатается впервые по автографу ИРЛИ.

Не включено в настоящее собрание стихотворений Михайлова следующее стихотворение:

Дай руку мне, любовь моя,
Дай руку мне смелей!
Милей всех благ мне речь твоя
И блеск твоих очей.
Не слаб мой дух, и тверд мой шаг,
И верь, ребенок м о й —
Ни грозный рок ни сильный враг
Не сломят нас с тобой.
Смелей же в путь! Судьбе на зло,
Мы весело вдвоем,
Рука с рукой, подняв чело,
В широкий свет пойдем;
В широкий свет, в громадный свет,
В мир вечной суеты
И всяких благ и всяких бед,
И лжи, и красоты!
Не страшен мне безвестный путь,
Не верю я в злой час,
Сильна рука моя, и грудь
Крепка и зорок глаз.
Что нам, что свет и зол и груб?
Во мне не дрогнет бровь —
За око — око, зуб за зуб,
И кровь воздать за кровь.
Смелей же вдаль, и в шум, и в гам,
Навстречу суете,
Навстречу счастью и бедам,
И лжи, и красоте!

Впервые это стихотворение напечатано в «Отечеств. записках» 1870, № 3, стр. 228, за подписью М.; П. В. Быков безоговорочно включил его в Собрание сочинений Михайлова, стр. 5. В бумагах Михайлова (ИРЛИ) это стихотворение сохранилось в копии, писанной неизвестной рукой, с указанием на «Отечеств. записки» и, вероятно, было переписано при подготовке издания Собрания сочинений Михайлова Л. П. Шелгуновой. Отсутствие автографа и каких-либо авторитетных указаний не позволяет нам принадлежность этого стихотворения Михайлову считать бесспорной, тем более что автором его недавно назван И. И. Гольц-Миллер, в собрании стихотворений которого оно и напечатано с указанием, что неправильно приписывалось ранее Михайлову (Поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер. Составили Б. Козьмин и Г. Лелевич. М. 1930, стр. 5; 53).

Не включено нами на тех же основаниях и другое стихотворение, точно так же сохранившееся в бумагах Михайлова в копии неизвестного с ссылкой на «Отечеств. записки» 1869, № 11, где было напечатано за подписью М.

«Блажен, кто смолоду был молод»
И весь свой век настолько не созрел,
Чтобы, изведав жизни холод,
Попрать все то, пред чем благоговел.
Блажен, кто, возлюбя идею,
В служеньи ей всю душу положил,
Не лебезил шутом, пред нею,
За то и в трудный час не отступил.
Блажен и тот, кто чуть не с детства
Был уж вполне законченный мудрец,
Любил испытанные средства
И рано слыл, как практик и делец.
Легко вам жить, сыны рутины,
Оракулы и гении толпы,
Творцы блаженной середины,
Дешевой мудрости дешевые столпы!
Но жалок — кто не мог всецело
Уйти душой в борьбу за медный грош,
Кто рад бы жизнь отдать за дело,
Но видит только призраки и ложь —
И бродит праздно в край из края,
Всему и всем вокруг себя чужой
Скитальцем, изгнанным из рая
И не умевшим свыкнуться с землей.

Это стихотворение точно так же вошло в указанное издание стихотворений Гольц-Миллера (стр. 52).

Не включено нами и стихотворение: «Не смотри из окна на меня», напечатанное в «Лит. газете» 1848, № 19, стр. 292, за подписью: М. Карлин. Стихотворение это упомянуто Быковым,

в библиографическом списке работ Михайлова, но в тексте книги отсутствует. Сведений же о принадлежности Михайлову псевдонима М. Карлин у нас не имеется.

Во избежание недоразумений отметим еще, что не включено нами стихотворение «Портрет», опубликованное как принадлежащее Михайлову в журнале «Голос минувшего» 1915, IX, стр. 228. Стихотворение это принадлежит Я. П. Полонскому и напечатано в Полном собрании его стихотворений с посвящением кн. С. А. Г—ной (т. 1. Спб. 1896, стр. 162). В авторстве Полонского сомнений быть никаких не может, так как названное издание было просмотрено самим автором. Стихотворение Полонского было вписано Михайловым в альбом О. С. Чернышевской и им же подписано; подпись Михайлова под стихотворением, принадлежащим его другу Полонскому, была дружеской шуткой. Но это обстоятельство ввело в заблуждение В. Минковского, опубликовавшего стихотворение как принадлежащее Михайлову. В № 10 «Голоса минувшего» за тот же год (стр. 320) эта ошибка была Минковским исправлена.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихотворения, посвященные М. Л. Михайлову

Михайлову. Стихотворение Н. П. Огарева впервые напечатано в прибавлении к 119—120 листу «Колокола» 1862.

«Недавно брошен свежий труп бойца, носившего тулуп» — здесь говорится об Антоне Петрове, крестьянине с. Бездна Казанской губ., руководителе крестьянского восстания, расстрелянном по приговору военного суда близ Казани 17 апреля 1861 г.

Узнику. Стихотворение напечатано в прибавлении к 119—120 листу «Колокола» 1862, без подписи, но в дальнейшем (Лемке и др.) печатали его за подписью Н. И. Утин. Н. Николадзе в своих «Воспоминаниях о 60-х годах», напечатанных в журнале «Каторга и ссылка» 1927, кн. 33, стр. 44—45, автором этого стихотворения называет студента И. А. Рождественского, арестованного в 1861 г. за участие в петербургских студенческих волнениях; об авторстве Рождественского Николадзе слышал от него самого.

Послание М. Л. Михайлову. Впервые напечатано в журнале «Былое» 1906, № 5, стр. 185.

14 декабря 1861 г. Это стихотворение, ходившее по рукам, опубликовано Лемке (Политические процессы в России 1860-х годов. Л. 1923, стр. 136) по тексту тетради, взятой при обыске у П. Н. Ткачева в 1862 г.

СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И СЛОВ, ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ¹

«А в е» (лат. «радуйся») — католическая молитва к «деве Марии».

А г а с ф е р — «Вечный жид», в древнехристианской легенде — еврей, отказавшийся помочь Христу нести крест, с которым тот шел на распятие, и за это осужденный на вечные скитания.

А г р а ф а — Аграфские горы, принадлежащие к цепи горного хребта Пинда (в Фессалии и Эпире), где были сосредоточены отряды греческих борцов за свободу — клефтов.

А в а р и я — см. Анания.

А л к е й — греческий лирик VII—VI в.в. до н. э.

А л к и н о й (греч. миф.) — царь феакийцев, доставивший Одиссея в Итаку.

А л ь к о р а н — см. Коран.

А м а з о н к и (греч. миф.) — воинственные женщины, обитавшие в Скифии и не допускавшие в свою среду мужчин.

А м а н а т (араб.) — заложник.

А м р а м — по библейской легенде отец Моисея, законодателя еврейского народа.

А м ф и т р и т а (греч. миф.) — морская богиня, жена Посейдона.

А н а к р е о н — греческий поэт-лирик VI и начала V в. до н. э., воспевавший в своих утонченно-изящных стихах любовь, вино, мимолетные наслаждения и радости жизни.

А н а н и я , А з а р и я и М и с а и л — по библейским сказаниям три пленных еврейских юноши, брошенные в раскаленную печь в Вавилоне за отказ поклониться золотому истукану, воздвигнутому по приказу царя Навуходоносора, и чудесным образом спасенные от пламени.

А н д р е й , апостол (библ.) — один из двенадцати учеников Христа. По словам русских летописей, проповедывал христианство вблизи нынешнего Киева и доходил до Новгородской области. По преданию, апостол Андрей был распят в Патрасе,

¹ Ряд широко известных имен, например, Гёте, Данте, Байрон и т. п., в этот словарь не включены.

одном из городов Ахейской области (Греция). Петром 1 в честь апостола Андрея был учрежден в 1698 г. орден Андрея Первозванного, — высший орден во времена царизма.

А н д р о м а х а (греч. миф.) — жена Гектора, одно из действующих лиц в древнегреческой поэме «Илиада».

А н т о л о г и я (греч.) — собрание избранных мелких стихотворений.

А н ф а н т е н (1796—1864)—последователь учения Сен-Симона, много сделавший для постановки вопроса о гражданском равноправии женщин.

А п о к а л и п с и с — одна из книг, входящих в состав евангелия, трактующая о конце мира; апокалипсис приписывается Иоанну Богослову.

А п о л л о н (Греч. миф.) — бог света, поэзии, музыки, искусств.

А п о л о г (греч.) — басня, аллегория поучительного содержания.

А р в а н и т ы — так по-гречески называются албанцы.

А р е й (греч. миф.) — бог войны.

А р р и я — жена римлянина Цецины Пета, приговоренного к смертной казни за участие в восстании против императора Клавдия (42 г. н. э.); Пету оставался один исход — самоубийство, совершить которое он колебался; тогда Аррия вонзила кинжал себе в грудь и затем передала его мужу со словами: «Пет, это не больно».

А с т а р о т, или Астарта — сирийско-финикийская богиня луны и брака.

А с т р е я (греч. миф.)—богиня справедливости. Астреин век — век справедливости, который, по древнегреческим легендам, некогда царил на земле.

А т л а с (Атлант) — в греческой мифологии титан, осужденный за штурм неба поддерживать на плечах небосвод.

А ф и н а - П а л л а д а (греч. миф.) — богиня разума, труда, войны и победы.

А ф р о д и т а (греч. миф.) — богиня любви и красоты, рожденная из морской пены, покровительница семейной жизни.

А ф р о т е н б у р г — так называет Гейне загородный дом банкира Соломона Гейне.

А х и л л е с (или Ахилл) — древнегреческий мифологический герой быстроногий, храбрый, красивый; сын царя Пелея и морской нимфы Фетиды; тело его было неуязвимо, кроме пятки

Б а з е л ь с к а я с м е р т ь — «Пляска смерти», фреска в базельском соборе в память эпидемии чумы.

Б а р б а р о с с а (Рыжая Борода) — прозвище германского императора Фридриха 1 из династии Гогенштауфенов (род. около 1123—ум. 1190).

Барри Кориналь (1787—1874) — псевдоним английского поэта Брайана У. Проктера.

Бастилия — государственная тюрьма в Париже, разрушенная в начале Великой французской революции, 14 июля 1789 г. Беранже видел взятие Бастилии десятилетним мальчиком.

Бгарттригари — индусский поэт 1 века до н.э.

Бассор (или Басра) — древний арабский город в Малой Азии.

Бахус (лат. миф.) — бог вина и веселья.

Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1803—1826) — декабрист; один из главных деятелей Южного тайного общества; по приговору верховного суда был повешен.

Благая часть, **яже не отыметя** — евангельское выражение; под благой частью разумеются добрые дела, угодные богу.

Блюхер (1742—1819) — прусский генерал-фельдмаршал, участвовал в войнах с Францией.

«**Богородица**» — сокращенное название одной из православных молитв, начинающейся словами: «Богородице дево, радуйся...»

Боденштедт Фридрих (1819—1892) — немецкий поэт и переводчик; наибольшей известностью пользуется сборник его стихов «Песни Мирва-Шаффи», изданный в 1851 г. и с того времени выдержавший около трехсот изданий. Сборник этот состоит из переводов песен персидского поэта Мирза-Шаффи (см.).

Бональд (1753—1840) — французский политический деятель и писатель, идеолог контр-революции.

Борей (греч. миф.) — северо-восточный ветер.

Бёрнс Роберт (1759—1796) — английский (шотландский) поэт, в творчестве которого отражена идеология мелкопоместного землевладельца и фермера; земледельческий труд и быт шотландских крестьян — основные темы его поэзии.

Босния — область в сев. - зап. части Балканского полуострова вместе с Герцоговиной составляет одну из провинций Югославии.

Бремен — торговый город в Германии.

Брокен — самая высокая гора в Гарце (горной местности в Германии).

Бюлов Фридрих-Вильгельм (1775—1816) — прусский генерал, отличившийся в 1813—1815 гг. несколькими победами над французами.

Бюффон (1707—1788) — французский натуралист; блестящий стилист.

Вавилон — столица древнехалдейского царства; один из самых больших и богатых городов древнего Востока,

Вавилонская печь — по библейским сказаниям, огненная печь, в которую, по приказу царя Навуходоносора, были ввергнуты три пленных еврейских юноши за отказ поклониться золотому истукану и чудесным образом спасенные из пламени.

Вадим Храбрый — по летописному сказанию предводитель восставших в 836 г. новгородцев, недовольных самовластием Рюрика и произволом окружавших его варягов.

Вакх (греч. миф.) — бог вина и веселья.

Вакханки — жрицы Вакха.

Валтасар — последний царь древнего Вавилона, по библейской легенде.

Велиал — одно из библейских наименований дьявола.

Вельзевул — одно из наименований дьявола.

Венера — у древних римлян богиня любви и красоты; имела различные наименования; Венера Урания — небесная; в храме Венеры Либитины хранилась утварь, необходимая при погребении.

Венский конгресс (1814—1815) — съезд представителей европейских держав, созданный для установления политического равновесия в Европе после революций и наполеоновских войн.

Венусберг — Венерина гора; название, которое носят многие горы в Германии; по германским народным сказаниям, в этих горах живет богиня Венера.

Верекинф — горный проход в западной части Крита.

Вефильские пальмы. — Вефиль — местность в Палестине.

Вечный жид — см. Агасфер.

Визецкий Вильгельм — школьный товарищ Генриха Гейне, который в своих «Путевых картинах» вспоминает о его смерти; мальчиком Вильгельм утонул, спасая котенка.

Виргилий (70—19 г. до н. э.) — римский поэт, автор героической поэмы «Энеида», в основу которой положено сказание о скитаниях троянца Энея, бежавшего во время пожара Трои в латинскую землю.

Вицли-Пуцли — в мексиканской мифологии бог войны.

Галлы — жители древней Галлии (занимавшей территорию нынешней Франции, Бельгии и части Швейцарии).

Ганг — река в Индии, впадающая в Бенгальский залив, почитается индусами священной.

Ганс Эдуард (1797—1839) — немецкий юрист, профессор по кафедре права в Берлине; друг юности Г. Гейне.

Гаральд Гарфагар (863—933) — норвежский король.

Гаргар — самая высокая точка горного кряжа Иды в Троянской области, в Малой Азии.

Г а р о л ь д — английский король, погибший в битве с норманнами близ гор. Гастингса в 1066 г.

Г а р т м а н Мориц (1821—1872) — немецкий поэт и беллетрист, родом из Чехии; принимал деятельное участие в революции 1848 г., примыкая к левым группам буржуазной демократии; поэзия Гартмана насыщена политикой.

Г а р ц — горная местность в Германии.

Г а с т и н г с к о е п о л е — близ гор. Гастингса в Англии, где в 1066 г. произошло сражение англичан с норманнами.

Г а ф и з (1830—1389) — персидский поэт.

Г в а д а л к в и в и р — река на юге Испании.

Г е б а (греч. миф.) — богиня юности и красоты, разливавшая нектар (божественный напиток) обитающим на Олимпе богам.

Г е з и о д (VIII—VII в. до н. э.) — греческий поэт, автор дидактической поэмы «Труды и дни», в которой изображаются работы земледельца и мореплавателя, дается ряд хозяйственных наставлений и нравственных правил, приведены народные поговорки, басни и мифы.

Г е к а т а (греч. миф.) — богиня жутких привидений; в стихотворении Гейне «Я беса звал...» имеется в виду юмористический журнал «Геката», который издавался в 1823 г. немецким драматургом и критиком Мюльнером.

Г е к а т о м б а — у древних греков умиловительная жертва в сто быков.

Г е к т о р — сын троянского царя Приама, один из защитников Трои, герой «Илиады».

Г е л ь г о л а н д — скалистый остров в Северном море.

Г е н р и а д а — поэма Вольтера, вышедшая в свет в 1723 г.; долгое время считалась образцом эпической поэмы и вызвала множество подражаний.

Г е р а (греч. миф.) — супруга Зевса, царица богов, покровительница семейной жизни.

Г е р в е г Георг (1817—1875) — немецкий революционный поэт и политический деятель.

Г е р м е с (греч. миф.) — сын Зевса, вестник богов.

Г е р о д о т — древнегреческий историк (V в. до н. эры).

Г е р о л ь д — в средние века глашатай, возвещавший различные правительственные распоряжения.

Г е ф е с т (греч. миф.) — бог огня, сын Зевса и Геры; в греческих мифах изображался хромоногим.

Г и д а л ь г о — испанский дворянин.

Г и д р а — греческий остров в Арголиде (Пелопоннес), жители которого, отличные моряки, предоставили свои суда греческим повстанцам в их борьбе за освобождение Греции от турецкого владычества (1821—1825).

Г и е р о ф а н т (греч.) — верховный жрец.

Гизо (1787—1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель.

Гимене Фелиция (1794—1835) — английская поэтесса.

Гинекей — женская половина в древнегреческих домах.

Гипербореи — по древнегреческим сказаниям народ, живший на крайнем Севере, «по ту сторону Борея» (северного ветра), в стране плодородной и мягкой по климату.

Гомер — полулегендарный древнегреческий поэт, которому приписывается создание двух эпических поэм — «Илиады» и «Одиссеи».

Гнид (или Книд) — город в Малой Азии, где находилась прославленная статуя Афродиты.

Гораций (65—8 до н. э.) — римский поэт.

Готье Теофиль (1811—1872) — французский поэт, романист, критик; в начале литературной деятельности примыкает к романтикам, затем становится во главе парнасцев, являясь одним из воинствующих глашатаев «искусства для искусства», борющихся с «утилитарной поэзией».

Гофман фон Фаллерслебен Август-Генрих (1798—1874) — немецкий филолог и поэт; один из представителей революционной бюргерской лирики 40-х годов; автор известного национального гимна «Германия превыше всего».

Грации (лат. миф.) — три богини красоты.

Гуд Томас (1799—1845) — английский поэт; социальная лирика его, хотя и далекая от революционной борьбы, является протестом против тяжелого положения пролетариата.

Гурии — по верованию магометан райские девы.

Давид — царь иудейский, которому приписываются многие псалмы.

Данаиды (греч. миф.) — пятьдесят дочерей аргосского царя Даная, приговоренные богами за убийство своих мужей вечно наполнять водою бездонную бочку.

Даниил — один из древнееврейских пророков. По библейским сказаниям, находясь в вавилонском плену, за отказ воздать божеские почести царю был брошен в ров, где находились львы, но остался чудесным образом жив и невредим.

Дедикация (лат.) — торжественное посвящение книги автором своему покровителю.

Делавинь Казимир (1793—1843) — французский поэт либерального направления.

Дельфины — морские животные.

Дервиш — мусульманский монах, давший обет нищеты; занимается заклинаниями болезней, продажей амулетов и пр.

Джелаль-Эддин-Руми (1207—1273) — персидский поэт.

De profundis (лат.) — «Из глубины» — из заупокойного католического богослужения.

Диана — в мифологии древних римлян богиня девственности, лесов и охоты.

Диоген — древнегреческий философ.

Дриада (греч. миф.) — лесная нимфа.

Дротик — короткое копье для метания.

Дюма Александр, отец (1802—1870) — французский романист и драматург; его бабушка по отцу была негритянка.

Эзоп — греческий баснописец, живший в VI в. до н. э.

Емен — или Йемен — юго-западная часть Аравийского полуострова.

Жанна Д'Арк (1412—1431) — крестьянская девушка, принимавшая участие в Столетней войне французов с англичанами; находилась во главе отряда, освободившего город Орлеан (отсюда ее прозвание — Орлеанская дева).

Жорж-Занд — псевдоним французской романистки Авроры Дюпен Дюдеван (1804—1876); в ее романах затрагивались самые разнообразные социальные вопросы, велась проповедь социального освобождения угнетенных классов.

Зевс (греч. миф.) — верховное божество, владыка мира.

Зевс Стигийский — Плутон, владыка подземного мира, брат Зевса.

Зефир (греч. миф.) — бог западного ветра, изображавшийся в виде красивого юноши с крыльями бабочки.

Ивето — город в Нормандии. См. примеч. к стихотворению Беранже «Король Ивето». Харчевня, о которой идет речь в последнем куплете этой песни Беранже, — известный в Париже «Кабачок Короля Ивето».

Ида — гора, на склоне которой был расположен город Троя.

Иегова — одно из древнееврейских наименований бога.

Иерусалим — главный город древней Палестины.

Изида — в религии древнего Египта богиня сокровенной мудрости; олицетворение земного плодородия; изобретательница искусств. Тайны, хранимые Изидой, были недоступны смертным; символически это изображалось тем покрывалом, под которым в храмах был скрыт лик богини.

Илиада — эпическая поэма, приписываемая древнегреческому поэту Гомеру, воспевающая подвиги героев Троянской войны.

Илион (или Троя) — город в Малой Азии, за обладание которым велась легендарная десятилетняя Троянская война; эпизоды последнего года этой войны составляют содержание древнегреческой поэмы «Илиада», приписываемой Гомеру. «Наш Илион» — так Беранже в стихотворении «Моя душа» называет Париж, занятый в 1814 г. союзными войсками.

Ильза — горная речка в Гарце; Ильзенштейн — утес, на котором, по старинной легенде, стоял замок.

Й о м е н (англ.) — мелкий землевладелец; в отрывке из поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд» — слуга из этого среднего сословия.

И о х а б е т а — из библии — жена Амрама, мать Моисея.

И п с и л а н т и Александр Константинович (1783—1828) — один из вождей греческих повстанцев в борьбе с турками за независимость Греции в 20-х гг. XIX в.; его стихотворение «Птичка-изгнанница» является переделкой популярного в то время французского стихотворения «Листок» Арно.

И р и д а (греч. миф.) — богиня радуги.

И т а к а — один из Ионических островов, родина мифического героя древней Греции — Одиссея.

К а д и (араб.) — духовное лицо у мусульман, несущее обязанности судьи и решающее дела, основываясь на коране.

К а и н — по библии старший сын Адама, убивший своего брата Авеля; это было первое убийство, совершенное на земле.

К а й м а н (аллигатор) — пресмыкающееся животное из породы крокодилов.

К а м е р г е р — придворное звание.

К а р л В е л и к и й (742—814) — король франков.

К а р м и л — горный кряж в Палестине.

К а с т а л ь с к а я **с т р у я** (греч. миф.) — источник поэтического вдохновения на Парнасе.

К а с т е л я н (лат.) — смотритель замка.

К а с т о р и **П о л л у к с** (греч. миф.) — близнецы, сыновья Юпитера и Леды, прославившиеся своей дружкой.

К а ф р ы — название темнокожих племен Южной Африки.

К а х о в с к и й **П е т р** **Г р и г о р ь е в и ч** (1797—1826) — декабрист, по приговору верховного суда казнен через повешение.

К в а т е р о н к а — родившаяся от брака белого и метиски (метисы — дети белых и темнокожих).

К е в л а р — город в прусской рейнской провинции, где в 1642 г. было поставлено скульптурное изображение «девы Марии», прославившееся чудотворным.

К е н г а в а — река в Северной Америке.

К е р н е р **Ю с т и н** (1786—1862) — немецкий поэт-романтик, передававший в своей лирике, балладах и романсах формы немецкой народной поэзии.

К и м в а л ы — ударный музыкальный инструмент в виде двух металлических тарелок.

К и м м е р и я — у Гомера баснословная страна на Западе, куда не проникает солнце.

К и п р и д а (греч. миф.) — прозвание богини Венеры, происходящее от острова Кипра, главного места культа богини; звезда Киприды — планета Венера, известная у древних под названием утренней и вечерней звезды.

К и п р и д ы **с ы н** (миф.) — Эрот (он же Амур).

Кирсалиды (или кирциалиды, киртсалиды) — повстанцы в Сирии, в горных местах близ Алеппо, поднявшие (во второй половине XVIII в.) возмущение против турецкого султана, под предводительством паши Сирии, искавшего независимости от Константинополя.

Кифгейзер — горы в Тюрингии, покрытые лесом, в которых находятся развалины замка Кифгаузен, фигурирующего в древних германских легендах.

Клейд — река в Шотландии.

Ключи Петра. — По христианской легенде ключи от ворот рая находятся у одного из учеников Христа, апостола Петра.

Коварный бог любви (миф.) — Эрот, Амур.

Ковентри — старинный английский город, прославленный легендой о Годиве (см. поэму Тениссона), в честь которой ежегодно устраиваются празднества.

Кодр — легендарный царь древних Афин, пожертвовавший своей жизнью для спасения родного города при вторжении дорян.

Конклав (лат.) — собрание кардиналов для избрания нового папы.

Конскрипции (лат.) — во Франции списки лиц, призываемых на военную службу.

Копиш Август (1799—1853) — немецкий поэт и живописец.

Корайс Адамантий (1748—1833) — греческий ученый, поэт, деятель греческой революции 20-х годов XIX в.

Коран (араб.) — священная книга магометан.

Кордуанский собор — католический собор в испанском городе Кордова, в Андалузии, переделанный из мусульманской мечети, построенной арабами в VIII в.

Коринф — город древней Греции.

Кортес Фердинанд (1485 — 1547) — испанец, завоеватель Мексики.

Коцит (греч. миф.) — река, окружающая подземное царство.

Красинский Зигмунд (1812—1859) — польский поэт, мистик, творчество которого проникнуто глубоким пессимизмом.

Крез — царь Лидии, владевший несметными богатствами; имя его сделалось нарицательным именем богача.

Крон, или Сатурн (греч. миф.) — отец Зевса, бог времени.

Кронион — Крон (см.).

Куколь — сорная трава.

Купидон — Амур, Эрот.

Лавалетт (1769 — 1830) — французский политический деятель, сторонник Наполеона I. После реставрации Бурбонов

судился за «измену отечеству» и был приговорен к смертной казни, от которой спасся бегством за границу (см. примеч. Беранже к стихотворению «Варварийский священный союз»).

Л а з а р ь — по легенде, рассказанной в евангелии, Христос воскресил его из мертвых.

Л а к е д е м о н или Спарта — государство-город древней Греции.

Л а м а р т и н Альфонс (1790—1869) — французский романтический поэт и буржуазный политический деятель и историк.

Л а м е н н э (1782—1854) — французский публицист, и общественный деятель. Начав свою общественную деятельность как правоверный католик и монархист, он после Июльской революции выступил в книге «Речи верующего» с проповедью демократической программы и обновления католицизма.

Л а ф о р с — парижская тюрьма, в которой в 1828—1829 гг. находился в заключении Беранже по приговору суда после выпуска четвертого сборника своих песен за оскорбление религии, личности короля, королевского достоинства.

Л а у р а — имя возлюбленной итальянского поэта Петрарки, прославленной им в канцонах и сонетах.

Л а ф а й е т (1757 — 1834) — французский политический деятель, защитник интересов умеренно-либеральной буржуазии, начальник национальной гвардии в эпоху революции 1789 г. и в 1830 г.

Л е м б Чарльз (1775—1834) — английский поэт и критик.

Л е н а у Николай (1802—1850) — немецкий поэт-пессимист романтического направления; лирические стихи его и драматические поэмы проникнуты безысходною грустью.

Л е т а (греч. миф.) — река забвения в загробном мире.

Л и л и, **Л и л и т** — по древнееврейской легенде первая жена Адама; затем — демон.

Л о й о л а Игнатий (1491—1556) — испанец, основатель и первый генерал, ордена иезуитов.

Л о к о т ь — старинное название единицы линейной меры, равной расстоянию от локтя до конца большого пальца вытянутой руки.

Л о к р и й с к и е р о щ и — в Локриде (древняя Греция).

Л о н г ф е л л о Генри (1807—1882) — американский поэт, автор эпической поэмы «Песнь о Гайавате». Элегическая лирика Лонгфелло воспеваает примирение с судьбой и уют домашнего очага; даже «песни о рабстве», темы которых — тяжелое положение негров-невольников, носят у него элегический характер и не содержат значительного социального протеста против рабства.

Л о р е л е я — рейнская русалка, воспетая романтиками.

Л у в р — старинный королевский дворец в Париже; в нем со времен Великой французской революции помещается Национальный музей,

Лукиан (125 — 180) — греческий писатель — сатирик и философ.

Лукреция — римская аристократка, жена Тарквиния Коллатина. По преданию, обесчещенная сыном римского царя Тарквиния Гордого Секстом, Лукреция лишила себя жизни.

Людовик XVIII — предпоследний французский король из династии Бурбонов. Царствование его (1814 — 1824) — время почти непрерывного «белого террора», направленного против всего, что хоть в какой-либо мере было связано с Великой французской революцией.

Люцифер (лат.) — дьявол, злой дух.

Мавровуни — львы Черной горы, львы Черногории.

Майноты — греки, жители Тенарского полуострова, признающие себя прямыми потомками спартанцев.

Манкен-Писс (Mannken-Piss) — статуя над фонтаном в Брюсселе, изображающая мальчика, мочащегося в бассейн.

Марло Кристофер (1564—1593) — английский драматург, прдшественник Шекспира.

Мартин (1789—1854) — английский живописец, имя его — Джон, а не Генри, как ошибочно сказано у Гейне.

Массман (1797—1874) — немецкий филолог, профессор древнегерманского языка и литературы, зло осмеянной Гейне в книге «Путешествие по Италии».

Mater Dolorosa (лат.) — скорбная мать, выражение из католического гимна, эпитет матери Христа.

Мендр — река в Малой Азии.

Мевлана Джамии (1414—1492) — персидский поэт и ученый; значительная часть его лирических стихотворений переведена на немецкий язык Рюккертом.

Мексика — была завоевана испанцами под предводительством Кортеса в 1519 г.

Мемнон — один из легендарных царей древнего Египта, памятник которому близ Фив («Колосс Мемнона») обладал свойством издавать дрожащий звук при восходе солнца, вследствие проникания в трещины каменной статуи нагретого воздуха.

Менада — жрица Вакха.

Мессада — религиозная поэма немецкого поэта Клопштокa (1724—1803).

Мидас (греч. миф.) — фригийский царь, получивший от Вакха обещание исполнять все его желания и чуть не умерший с голоду от превращения всех предметов, в том числе и кушаний, в золото; за то, что Мидас в музыкальном состязании между Аполлоном, принявшим иной образ, и Паном отдал предпочтение последнему, разгневанный Аполлон наделил его ослиными ушами; отсюда, в переносном смысле, Мидас — критик, ничего не смыслящий в искусстве.

Мисереге (лат.) — «помилуй» — молитва из католического заупокойного богослужения.

Микрокосм (греч.) — малый земной мир; противоположен макрокосму — вселенной.

Мильвуа Шарль (1782—1816) — французский поэт, элегик.

Минерва (лат. миф.) — богиня мудрости, искусств и войны.

Минос (греч. миф.) — царь острова Крита, за свою справедливость сделанный после смерти одним из судей в Аиде (подземном царстве).

Мирабо (1749—1791) — виднейший вождь либеральной крупной буржуазии эпохи Великой французской революции; выдающийся оратор.

Мирза-Шаффи-Садык-Оглы (1792—1852) — азербайджанский поэт, писал на персидском языке; в 1840 г., встретясь в Тифлисе с немецким поэтом-переводчиком Фридрихом Боденштедтом, подарил ему рукописный сборник своих песен, которые Боденштедт и перевел на немецкий язык, выдав за свои оригинальные стихотворения, навеянные впечатлениями от путешествия по востоку.

Мисаил — см. Анания.

Мнемозина (греч. миф.) — богиня памяти, мать муз.

Моисей — законодатель израильского народа; ему приписываются пять первых книг Библии — Пятикнижие.

Монтесума (ум. 1520) — последний царь Мексики.

Морфей (греч. миф.) — бог сновидений, изображавшийся в виде крылатого старца в венке из мака.

Морфины (от греческого Морфей) — сны.

Мосх (II в. до н. э.) — греческий поэт-идиллик.

Мулей-Измаил (1646—1727) — император Марокко, жестокий деспот.

Мур Томас (1779—1852) — английский поэт, автор «Ирландских мелодий» и экзотической поэмы «Лалла-Рук».

Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826) — декабрист, глава Южного тайного общества; по приговору верховного суда казнен через повешение.

Навуходоносор — царь древнего Вавилона. По библейской легенде — за жестокость и высокомерие бог наказал его безумием: он вообразил себя животным, ходил на четвереньках, питался травой.

Надовесская песня — песня американских индейцев из племени дакота, называемых надовессиями.

Нектар (греч. миф.) — напиток, поддерживавший бессмертие богов; в переносном смысле — восхитительный напиток.

Нения — у римлян похоронная песнь, восхваляющая умершего.

Н е р е й (греч. миф.) — один из богов водяной стихии; его дочери — Нереиды.

Н е р о н — император (54—68 гг. н. э.) древнего Рима, отличающийся жестокостью.

Н и г е р — река в Средней Африке, впадает в Гвинейский залив Атлантического океана.

Н и м ф ы (греч. миф.) — женские божества, обитавшие в полях, лесах, водах.

Н и о б а (греч. миф.) — возгордившаяся своими семью сыновьями и семью дочерьми перед Латоной, матерью Аполлона и Артемиды, и наказанная за это смертью своих детей; окаменев от горя, она превратилась в статую, продолжавшую проливать слезы.

Н и о б е я — см. Ниоба.

О в и д и й Н а з о н (43 до н. э. — 17 н. э.) — римский поэт, автор «Метаморфоз» («Превращений»), заключающих в себе поэтическое изложение греческих мифов.

О д и с с е й — по Гомеру, царь острова Итаки, герой Троянской войны, прославившийся своими странствованиями и приключениями.

О д и с с е я — древнегреческая эпическая поэма, приписываемая Гомеру; в поэме рассказываются приключения, испытанные после разрушения Трои одним из героев Троянской войны — Одиссеем.

О к е а н и д ы (греч. миф.) — морские нимфы, дочери Океана и Тетис.

О л и м п — горная цепь в Греции; в греческой мифологии — местопребывание богов.

О л и м п и й с к и е с е с т р ы (греч. миф.) — музы, дочери Зевса и Мнемозины, обитающие на Олимпе; богини искусств и наук: Клио — муза истории, Эвтерпа — музыки, Талия — комедии, Мельпомена — трагедии, Терпсихора — танцев, Эрато — страстной поэзии, Полигимния — гимнов, Каллиопа — поэзии вообще, Урания — астрономии.

О л и м п и й ц ы (греч. миф.) — бессмертные боги и герои, обитающие на Олимпе.

О л л е а - п о т р и д а — испанское кушанье вроде винегрета из кусочков разного мяса с овощами, с большим количеством оливкового масла.

О р к (лат. миф.) — бог преисподней.

О р ы (греч. миф.) — богини правильно сменяющихся времен года.

О р х о м е н — город в древней Греции.

О с н о в ь я н е н к о (1778—1843) — псевдоним украинского писателя Григория Федоровича Квитка.

Паллад (367—430) — греческий поэт.

Пале-Рояль — дворец, выстроенный в 1629 г. для кардинала Ришелье; с конца XVIII в.—театр и средоточие парижских пивных и публичных домов.

Паликары — нерегулярная милиция в Греции, выступившая в 20-х годах XIX века против турок в борьбе за национальное освобождение своей страны; паликары по-гречески значит — смельчаки.

Пандора (греч. миф.) — имя первой смертной, созданной Гефестом из земли и одаренной всеми богами; в концепции греческого мифа у Гёте Пандора — создание Прометея.

Парки — в мифологии древних римлян богини человеческой судьбы, «пряжи человеческой жизни», три старухи, из которых одна изображалась с веретеном, другая с мотком пряжи, третья с ножницами.

Патмос — остров в Эгейском море; здесь, по преданию, апостол Иоанн Богослов написал апокалипсис.

Патрас — город в Ахейской области (см. Андрей апостол).

Патрокл — греческий герой, друг Ахиллеса.

Патуга — местный говор в некоторых провинциях Франции.

Пегас (греч. миф.) — крылатый конь, служивший музам.

Пелей (греч. миф.) — царь, отец героя Ахилла, рожденного Нереидой (нимфой) Фетидой.

Пелид — см. Пелей.

Пенаты — (лат. миф.) боги-покровители домашнего очага.

Пенелопа (греч. миф.) — жена Одиссея, во время двадцатилетних скитаний мужа остававшаяся верной ему, несмотря на настойчивые ухаживания поклонников; тип добродетельной женщины.

Пергам — крепость древнегреческого города Трои.

Перикл (490 — 429 гг. до н. э.) — греческий государственный деятель, с именем которого связана эпоха расцвета афинской демократии, наук и искусств.

Персефона (греч. миф.) — дочь Зевса и Деметры, похищенная Плутоном, богом преисподней, и ставшая его супругой: две трети года проводит на земле и треть под землей; символ расцвета и умирания растительности, природы.

Перун — в мифологии древних славян бог грома и молнии. Иносказательно перун—молния, громовая стрела.

Пестель Павел Иванович (1793—1826) — декабрист, один из главных деятелей Южного тайного общества, по приговору верховного суда был казнен.

Петефи Шандор (1823—1849) — венгерский поэт, участник революции 1848 г., погиб в битве с русскими войсками; содержание его стихов — жанровые картины из жизни венгерского крестьянства, пастухов, разбойников.

Петрарка (1304—1374) — итальянский поэт, прославившийся стихами, обращенными к любимой им женщине—Лауре.

Пиндар (VI—V вв. до н.э.) — древнегреческий лирический поэт.

Пипин Короткий (714—768) — французский король.

Пифагор (VI в. до н. э.) — знаменитый древнегреческий философ-математик.

Платов Матвей Иванович (1751 — 1818) — атаман войска Донского; приобрел популярность во время войн с Наполеоном 1812—1815 гг. (в стихотворении Беранже «Мнение этих девиц» фамилия его дана в транскрипции, передающей французское произношение — Плятов).

Плутон (греч. миф.) — бог Аида (преисподней).

Плутус (греч. миф.) — бог богатства.

Полидевк — то же, что Поллукс (см.).

Полифем (греч. миф.) — циклоп, одноглазый великан, державший в плену Одиссея.

Полишинель — комическое лицо итальянской кукольной комедии.

Поллукс (греч. миф.) и Кастор — близнецы, сыновья Зевса и Леды.

Помона (лат. миф.) — богиня плодородия.

Посейдон (греч. миф.) — бог моря.

Пракситель (середина IV века до н. э.) — древнегреческий скульптор.

Приам (греч. миф.) — последний троянский царь, имевший пятьдесят сыновей и пятьдесят дочерей.

Прозерпина — у римлян то же, что в греческой мифологии Персефона (см.).

Прометей (греч. миф.) — титан, создавший из глины людей и животных, одухотворенных похищенным им с неба огнем.

Псарюты — жители острова Псарон в Архипелаге, имевшие большой хорошо вооруженный торговый и военный флот и оказавшие большую помощь греческой революции 1821 года.

Психея (греч. миф.) — девушка необыкновенной красоты (изображалась с крыльями бабочки), внушившая любовь Амуру, за что мать последнего, Венера, наслала на нее различные испытания.

«**Пчела**» — сокращенное название газеты «Северная пчела», основанной в 1825 г. Ф. Булгариным; самое распространенное периодическое издание в Николаевскую эпоху; официальный орган правительства.

Пэры — в Англии, а также (до 1848 г.) во Франции члены высшего дворянства, пользующиеся особыми привилегиями.

Ратуша (польск.) — здание, где собирается городское правление.

Р е д в и ц Оскар (1823—1891) — немецкий романист, драматург и поэт; творчество его реакционно (один из романов направлен против революции 1848 г.).

Р е д ж е н т - С т р и т — название одной из улиц Лондона.

Р и ч а р д Л ь в и н о е С е р д ц е — английский король, царствовавший с 1189 до 1199 г., участвовал в крестовом походе 1190—1192 гг.

Р о к у р (1756—1815) — французская трагическая актриса (см. примеч. к стихотворению Беранже «Две сестры милосердия»).

Р о м а н ц е р о — испанское стихотворение исторического или любовного содержания; сборник романсов.

Р о м е й ц ы — одно из греческих племен, живущее в Европейской Турции.

Р о т о н д а (лат.) — круглое здание с куполом.

Р о т т е р д а м — город в Голландии.

Р у г е Арнольд (1802 — 1880) — немецкий буржуазно-радикальный публицист и политический деятель. Основатель и редактор органа левых гегельянцев. Руге в начале 40-х годов был близок к Марксу, но вскоре последний порвал с Руге. Участник германского демократического движения, Руге эмигрировал в Англию, где принял видное участие в делах буржуазной эмиграции. В 1866 г. объявил себя сторонником политики Бисмарка.

Р у н ы — древние германские письмена, высеченные на камне, которым приписывалось магическое значение.

Р ы л е е в Кондратий Федорович (1795—1826) — декабрист, поэт, один из вождей Северного тайного общества; по приговору верховного суда казнен через повешение.

Р ю к к е р т Фридрих (1788—1866) — немецкий поэт и ученый ориенталист, известен своими многочисленными переводами на немецкий язык произведений арабских и персидских поэтов.

С а а д и (1184—1291) — знаменитый персидский поэт, родом из Шираза.

С а в а — река в Австрии, приток Дуная.

С а к е н — О с т е н - Сакен Фабиан-Готлиб (1752—1837) — русский фельдмаршал, участник наполеоновских войн 1812—1815 гг., был военным губернатором Парижа.

С а м б у к а — у древних осадная машина, с помощью которой воины взбирались на стены осаждаемого города.

С а м о й л о в а Надежда Васильевна (1821—1899) — артистка петербургской драмы на первых ролях в легких комедиях и водевилях.

С а м с о н — библейский герой, обладавший необыкновенной силой. Выросший среди рабского унижения своего народа филистимлянами, он решил отомстить поработителям и совершил множество избиений филистимлян. Взятый в плен фили-

стимлянами, он был ослеплен и поставлен вертеть мельничный жернов. Жизнь Самсона закончилась под развалинами храма, потрясенного им и рухнувшего на него с массой ликовавших на его кровле филистимлян.

С а р а ц и н ы — народ, живший в Аравии; первоначально сарацинами называлось кочующее разбойничье племя; в начале средних веков христианские писатели называли сарацинами арабов, затем вообще мусульман.

С а р о н с к а я р о з а — выражение из «Песни песней» царя Соломона в библии, эпитет красивой девушки; Сарон или Шарон — местность в Палестине.

С а т и р (греч. миф.) — лесное и горное божество; сатиры изобразались с козлиными ногами и ушами.

С а ф о (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческая поэтесса.

С в я щ е н н ы й с о ю з — объединение, возникшее в силу договора, заключенного в 1815 г. между Россией, Пруссией и Австрией, следствием которого была жестокая реакция, тяготевшая над Европой в течение почти полувека.

С е н - Ж е р м е н с к о е п р е д м е с т ь е — квартал в Париже, населенный преимущественно аристократией.

S a i n t e - P e l a g i e — тюрьма в Париже; в ней отбывал трехлетнее заключение Беранже, осужденный после выпуска им второго тома песен «за оскорбление религии, нравственности, величества и призыв к поднятию старого трехцветного знамени».

С е н - С и м о н А н р и (1760—1825) — один из крупнейших социалистов-утопистов начала XIX века (см. примеч. Михайлова к стихотворению Беранже «Безумцы»).

С е р а л ь — султанский дворец в Константинополе, состоящий из многих зданий, окруженных стеною.

С е ч ь, Запорожская сечь — организация и область поселения казацкой вольницы за порогами Днепра. Запорожцы несли сторожевую службу; русское правительство относилось к ним с недоверием. В 1736 г. внутри Сечи была построена крепость, в которой находился постоянный русский гарнизон.

С и л а — один из семидесяти апостолов, последователей Христа, принимал деятельное участие в распространении христианства; вместе с апостолом Павлом был заключен в тюрьму в городе Филиппах.

С и л е н ы (греч. миф.) — божества рек, источников, мест, изобилующих водою; олицетворение вакхического восторга.

С и м о н и д К е о с с к и й (556 — 469) — греческий поэт-лирик, создатель поэтического жанра надгробных надписей, которые у греков назывались эпитафмами.

С и м о и с — река на Троянской равнине, приток древнего Скамандра (нынешнего Мендереза).

С и н о п — город в Малой Азии, на берегу Черного моря.

С и о н — один из четырех холмов, на которых был расположен Иерусалим; часто заменяет название самого Иерусалима. «Пел Сион освобожденный» — т. е. пел один из псалмов Давида.

С к а м а н д р — река на Троянской равнине (нынешний Мендерез).

С к е й с к и е в о р о т а — одни из ворот в стене, которую была обнесена древняя Троя.

С к о р б ь в а в и л о н с к а я — плач евреев в Вавилонском плену, тема одного из псалмов Давида: «На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом...»

С к о р б я щ а я — один из эпитетов матери Христа, есть иконы «Всех скорбящих божья матерь».

С о л о м о н (X в. до н. э.) — царь израильский, строитель прославившегося в древности своим великолепием храма Иегове в Иерусалиме; в древнееврейской талмудической литературе с личностью Соломона связывается множество легенд, в которых он изображается отмеченным необыкновенной мудростью, пониманием языка зверей и птиц.

С п а р т а — см. Лакедемон.

С п е н с е р Эдмунд (1552—1599) — английский поэт, отразивший в своем творчестве старинные английские предания и народную мифологию.

С т и к с (греч. миф.) — подземная река, через которую Харон перевозил души умерших.

С т и м ф а л и д ы (греч. миф.) — огромные хищные птицы с железными когтями и клювами.

«Сто дней» — так называется время вторичного царствования Наполеона I после возвращения его с острова Эльбы до второго падения (с 20 марта по 28 июня 1815 г.).

С у л и о т ы — греко-албанское горное племя.

С ф и н к с — легендарное чудовище с львиным телом и человеческой головой, предлагавшее загадки и убивавшее тех, кто не разрешал их.

С ц и л л а и Х а р и б д а (греч. миф.) — два чудовища в Сицилийском проливе, опасные для мореплавателей.

Сын Л а э р т а — Одиссей (см.).

Т а л м у д — религиозно-правовой кодекс раввинского еврейства.

Т а м а р и н д — вечно зеленое дерево (*Tamarindus indica*), произрастает в Азии, Африке и Ю. Америке.

Т а н н е р Карл (1794—1849) — немецкий поэт-лирик.

Т е Д е и т [laudamus] (лат.) — «Тебя, бога, хвалим» — из католического богослужения.

Т е н н и с о н Альфред (1809—1892) — один из самых популярных английских поэтов, красочная и оптимистическая

поэзия которого имела большой успех у английской буржуазии.

Т е р с и т — один из греческих воинов, сражавшийся под стенами Трои, оклеветавший героя Ахиллеса и убитый им за это; имя Терсита стало олицетворением злоречивого человека. Этим именем Беранже в стихотворении «Моя душа» называет Александра I.

Тибер — река в Средней Италии; на Тибре расположен Рим.

Т и м п а н (греч.) — музыкальный ударный инструмент.

Т и р с (греч.) — жезл, обвитый листьями винограда; принадлежность Вакха и его спутников.

Т и т - Ф л а в и й В е с п а с и а н (9 — 79) — древнеримский император, отличавшийся, по словам древних историков, справедливостью.

Т о м а г о к или томагавк — оружие индейцев Северной Америки, род топора.

Т р и о л е т (франц.) — строфа из восьми стихов, из которых повторяются: 1, 4 и 7-й; 2 и 8-й.

Т р о я (или Илион) — в древности главный город Малоазиатской области Троады.

Т у н и с — портовый город в северной Африке, с 1905 года соединенный коротким каналом со Средиземным морем.

У л а н д Людвиг (1787 — 1862) — немецкий поэт; стихи Уланда, в романтическом духе, идеализируют средневековье; они полны туманной и сентиментальной грусти о скоротечности всего земного.

У р а н (греч. миф.) — бог неба, первый повелитель мира.

Ф а в н ы (лат. миф.) — божества полей, лугов, стад; изображались в виде людей с козлиными ногами и рогами и острыми ушами.

Ф а к ц и я (лат.) — политическая партия, преследующая личные цели; клика.

Ф а л а т т а — по-гречески: море; этим возгласом, пишет древнегреческий историк Ксенофонт, десять тысяч греков, во время отступления в войне с персами, приветствовали море, к берегу которого долго пробивались.

Ф а н а р — квартал в Константинополе, населенный греческой аристократией, представители которой занимали общественные должности в Молдавии и Валахии. В борьбе греков с турками за национальную независимость фанариоты, несмотря на благосклонное отношение к ним султана, принимали деятельное участие.

Ф е б (греч. миф.) — лучезарный, один из эпитетов Аполлона, бога света, солнца, поэзии и музыки.

Феникс (греч. миф.) — бессмертная птица, каждые пятьсот лет сожигаящая себя на костре, но снова возрождающаяся из пепла; символ бессмертия, вечного обновления.

Феридеддин Аттар (род. около 1150 г.) — персидский поэт.

Фермопилы — узкий горный проход, единственный доступ из Фессалии в Локриду. В Фермопильском ущелье при нашествии персов на Элладу погиб Леонид со своими тремястами спартанцев.

Ферран (1751—1825) — французский политический деятель и публицист, реакционер.

Фетида (греч. миф.) — жена Пелея, мать Ахиллеса.

Фивы — главный город Беотии в древней Греции.

Филомела (греч. миф.) — афинская царевна, превращенная богами в соловья; в поэзии слово Филомела часто употребляется в значении певицы с необыкновенным голосом.

Фракция — древняя страна в сев.-вост. части нынешнего Балканского полуострова.

Фрезы (франц.) — полотняные отложные воротники.

Фрейлиграт Фердинанд (1810—1876) — немецкий поэт, крупнейший представитель революционной поэзии в Германии XIX века, один из друзей Карла Маркса.

Фуке (Ламот Фуке; 1777—1843) — немецкий писатель-романтик.

Харибда — см. Сцилла.

Харон (греч. миф.) — старик-перевозчик, переправлявший души умерших в лодке через реки в подземном (загробном) мире.

Хеврон — местность в Палестине.

Христиан VI (1699 — 1746), король Дании и Норвегии, ханжа, угнетатель крестьянства.

Христоф (1767—1820) — негритянский король на острове Гаити, отразивший попытки Франции завоевать остров. Был сначала президентом, а в 1811 г. короновался под именем Генриха I.

Цербер (греч. миф.) — трехглавый пес с хвостом и гривой из змей, охранявший вход в аид.

Церера (лат. миф.) — богиня, покровительница земледелия.

Циан — латинское название василька (Cyanus).

Чадь — челядь, слуги.

Чаннинг Вильям (1780 — 1842) — американский богослов и писатель по разнообразным вопросам морали и социальной жизни.

Челлини Бенvenuto (1500—1571) — итальянский скульптор, ювелир и медальер эпохи Возрождения.

Ч и ч а г о в Павел Васильевич (1767—1849) — видный участник войны с Наполеоном 1812 г.

Ш а м и с с о Адальберт (1781—1838) — немецкий поэт-романтик; его стихи проникнуты любовью к свободе и сочувствием к угнетенной бедноте.

Ш а р а ц или Шарин — богатырский конь Марка-кравеича (сербский эпос).

Ш а р о н с к а я роза — см. Саронская роза.

Ш е н ь е Андре (1762—1794) — французский поэт; поэзия его является выражением эллинизма; близкое к античному мирозерцанию творчество Шенье исполнено жизнерадостности; молодость, любовь и красота — темы его стихов, облеченных в пластичные образы; в эпоху Первой французской революции Шенье оказался в лагере контр-революционеров и был казнен по постановлению якобинского правительства.

Ш и - К и н г — книга стихов, собрание китайских народных песен.

Ш и л ь д а — город в Пруссии.

Ш и р а з — город в Персии, известный обилием и разнообразием сортов роз.

Ш у б а р т Христиан-Фридрих (1739—1791) — немецкий писатель, поэт.

Э д д а — сборник древнеисландских сказаний.

Э й х е н д о р ф Иосиф (1788—1857) — немецкий поэт-романтик.

Э л и д а — область в древней Греции.

Э л л и о т **Э б е н з е р** (1781—1849) — английский поэт; в стихах его — социальные мотивы.

Э о л (греч. миф.) — божество, повелитель ветров.

Э о с (греч. миф.) — богиня утренней зари.

Э п и м е т е й (греч. миф.) — брат Прометея.

Э р а з м **Р о т т е р д а м с к и й** (1466—1536) — гуманист, родом голландец, в своих сочинениях вел беспощадную борьбу с схоластикой ученых, с суеверием и невежеством.

Э р и х т о н (греч. миф.) — афинский герой, сын Афины и Гефеста, первый надевший сбрую на четверку лошадей.

Э р о т (греч. миф.) — бог любви, сын Афродиты.

Э с х и л (ок. 525 — 456 до н. э.) — древнегреческий трагик.

Э т н а — вулкан в Сицилии.

Ю л и й **Ц е з а р ь** (102—44 до н. э.) — римский император, знаменитый полководец.

Ю п и т е р — в религии древних римлян верховное божество, царь и отец богов, соответствует греческому Зевсу. Юпитер - Паррицида—отцеубийца (по греческим мифам Зевс свергнул владычество своего отца Крона и титанов, властвовавших над миром).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

М. Л. МИХАЙЛОВА

А я лежал на краю корабля и смотрел... (Морской при- зрак). <i>Гейне</i>	326
Акация цветы душистые роняет	575
Альманзор (Исполинские колонны...) <i>Гейне</i>	296
Амур — не дитя, а юноша... (Новый Амур). <i>Гете</i>	202
Анакреон (Он любил плющом ползучим...). <i>Перевод</i>	528
Апостол Андрей (Апостолы носят ученье Христа...)	605
Апостол (Куда ты, Павел...). <i>Беранже</i>	506
Апостолы носят ученье Христа... (Апостол Андрей)	605
Арапская царица (Мать пыталась крестовика Марка...). <i>Серб- ская песня</i>	551
Аррия (Перед ним лежал...). <i>Перевод</i>	540
Архимед и ученик (Юноша, жаждущий знаний...). <i>Шиллер</i>	235
Афоризмы I—VIII. <i>Гете</i>	202
Афронтебург (Проклятый замок! Образ твой...). <i>Гейне</i>	375
Ах, где вы, товарищи, спутники жизни... (Былые знакомые лица). <i>Лемб</i>	178
Ах, не кладите в могилу меня... (Весенний покой). <i>Уланд</i>	240
Ах, повеса, озорник... (Школьный учитель). <i>Беранже</i>	439
Ах ты, горе мое, горе... (Горе)	587
Ах, что за добрая душа... (Залог). <i>Беранже</i>	509
Бабочки (С весной родиться и с розой весны умереть...). <i>Ла- мартин</i>	416
Бабушка (С рюмки бабушка спьянилась...). <i>Беранже</i>	425
Бегство (В небе гаснет месяц ясный...). <i>Готье</i>	516
Бедный отец рыбака Пелагона... (Надгробие рыбаку). <i>Сафо</i>	105
Бедняки (Весело живет...). <i>Беранже</i>	430
Безбрежное море кругом... <i>Гейне</i>	280
Безумцы (Мы, как солдаты для парада...). <i>Беранже</i>	502
Белое покрывало (Позорней казни обреченный...). <i>Гарт- ман</i>	401
Беспокойство (Что за странным беспокойством...)	622
Беспредельность (Над бездной возникших из мрака ми- ров...) <i>Шиллер</i>	225

Библейские сюжеты в моде... (Навуходоносор). <i>Беранже</i>	482
Благая часть, яже но отыметя (Она живет у вод Кен- гавы...) <i>Лонгфелло</i>	171
Благо и величие (Две только есть добродетели...). <i>Шиллер</i>	236
Благодать (Небо разверзлось, и дождь зашумел...). <i>Гете</i>	201
Благоуханий кухни дольной... (Оглядка на прошлое). <i>Гейне</i>	365
Благочестивое предостережение (Осторожней, душа ты бес- смертная, будь...). <i>Гейне</i>	369
Блаженная Смерть (Я умер от неги...). <i>Уланд</i>	237
Блаженство грусти (Не высыхайте, не высыхайте...). <i>Гете</i>	191
Близ Верекинфа раз Сатир нашел, гуляя... <i>Шенье</i>	418
Близость (Часто мы друг другу чужды...). <i>Гете</i>	191
Близость милого (С тобою мысль моя...). <i>Гете</i>	189
Бог сна меня унес в далекий край... (Ратклиф). <i>Гейне</i>	292
Богата негой жизнь природы... (Природа). <i>Беранже</i>	478
Богатых можно приобрести... (Оборванцы). <i>Гейне</i>	367
Боги (Делая зло, от людей еще можешь укрыться...). <i>Лу- киан</i>	107
Боги Греции (Полный месяц! В твоём сиянии...). <i>Гейне</i>	339
Богиня (Тебя ль я видел в блеске красоты...). <i>Беранже</i>	488
Богомольцы в Кевларе (Старушка у окошка...). <i>Гейне</i>	300
Бороды (Долго на бороды длилось гоненье...)	621
Брось свои иносказания ... <i>Гейне</i>	370
Будь у меня, Лазо... <i>Сербская песня</i>	551
Будьте враждебны друг другу... (Натуралисты и трансцен- дентальные философы). <i>Шиллер</i>	237
Буря (Ярится буря...). <i>Гейне</i>	324
Буря поет плясовую... <i>Гейне</i>	279
Бывало, в беседке	592
Бывают дни, — и дней таких немало	561
Был у меня товарищ... (Добрый товарищ). <i>Уланд</i>	242
Был я младенцем невинным	562
Было в р е м я — по Украине... (Иван Подкова). <i>Шевченко</i>	521
Былые знакомые лица (Ах, где вы, товарищи...). <i>Лемб</i>	178
В долине мрачной я... <i>Кернер</i>	404
В кабаке (Наш кабак одной стеною...). <i>Петефи</i>	519
В камень живую меня... (Статуя Ниобеи). <i>Симонид</i>	108
В косы зачем заплетала ты кудри... <i>Перевод</i>	534
В кругу подруг веселых... (Изгнанник). <i>Беранже</i>	476
В лодке я легкой катался... <i>Гейне</i>	289
В мае (Кого я любил и кого целовал...). <i>Гейне</i>	373
В минуту ль светлого сознания	593
В моей частичке de знак чванства... (Простолюдин). <i>Беранже</i>	451
В молодые годы... (Зима). <i>Шамиссо</i>	251
В небе гаснет месяц ясный... (Бегство). <i>Готье</i>	516
В плену у племени чужого (Ласточки). <i>Беранже</i>	489

В продажу негров через море... (Негры и куклы). <i>Беранже</i>	494
В Проклятом болоте, в трущобе лесной... (Невольник в Проклятом болоте). <i>Лонгфелло</i>	172
В пути (Предо мной лежит...)	578
В пучинах глубокого моря... (Свидетели). <i>Лонгфелло</i>	174
В Риме китайца я видел... (Китаец в Риме). <i>Гете</i>	199
В роще я прилеж под те березы... <i>Гейне</i>	281
В стихах тебе посланье шлю... (Я. П. Полонскому)	603
В тихой горенке своей... (Пряха). <i>Гете</i>	193
В улице далекой	591
В час упоительный блаженства и любви... (Подражание португальскому). <i>Байрон</i>	121
В шелку и в кружевах... (Это не Лизета). <i>Беранже</i>	458
Вадим (Темной ночью в двор Вадима...)	610
Вакханка (Под свежим пологом...).. <i>Гюго</i>	515
Валтасар (Уж час полночный наступал...).. <i>Гейне</i>	262
Вам смешно, что часто	634
Варварийский священный союз (Провозглашен союз священный...).. <i>Беранже</i>	468
Вассал (Что не сокол я лихой...).. Перевод	538
Ваш общий брат схоронен здесь... (Надгробие поэта). <i>Эбензер Эллиот</i>	179
Вдохновение (Ко мне слетает чудный гений...)	560
Ведь только строчка лишь одна	628
Век породил нам эпоху великую... (Великий миг). <i>Шиллер</i>	237
Веки черпаем ситом... (Данаиды). <i>Шиллер</i>	235
Великий миг (Век породил нам эпоху великую...).. <i>Шиллер</i>	237
Веселая голова (Как образец удачный...).. <i>Беранже</i>	423
Весело живется... (Бедняки). <i>Беранже</i>	430
Весенний покой (Ах, не кладите в могилу меня...).. <i>Уланд</i>	240
Весна (Вот дохнула весна молодая...)	592
Весною пред пышною розой	566
Вечерний ветер встал и по ущельям стонет	628
Вечерняя песня охотника (Я крадусь полем...).. <i>Гете</i>	190
Вечером душным, под черными тучами	619
Вечный враг всего живого... (Памяти Добролюбова)	615
Вечный жид (Из темного ущелья Кармила)... <i>Шубарт</i>	184
Вешнее солнце возшло над землей... (Пахарь). <i>Борне</i>	115
Взыскание (Каторгу даже и казнь...)	621
Видно, Амуром вскормлена, всхолена, ты... (Филомела). <i>Гете</i>	201
Вижу ли я богомольца... (Афоризмы). <i>Гете</i>	202
Вилли и Маргарита (Вилли в конюшне у стойла стоит...) <i>Шотландская баллада</i>	542
Вильяму Чаннингу (Когда из книги мне звучал...).. <i>Лонгфелло</i>	169
Вихорь смерчи водяные... <i>Гейне</i>	278

Вицли-Пудли. <i>Гейне</i>	379
Вместе с невеждой умрет его слава... (Милость муз). <i>Шил-лер</i>	237
Вновь зима идет сюда... (Зима). <i>Беранже</i>	460
Во сне неутешно я плакал... <i>Гейне</i>	273
Во Францию два гренадера... (Гренадеры). <i>Гейне</i>	260
Военный гимн (Что ж, братья паликары...) <i>Кораис</i>	409
Возвращение (На кровлях сельских луч дневной...). <i>Миль-вуа</i>	418
Волнистой чертой отделились... (Облака)	595
«Волны плещут и воют...» (Нанна). <i>Делавинь</i>	416
Вопросы (У моря, пустынного моря...). <i>Гейне</i>	342
Ворон (Пролетает черный ворон...). <i>Литовская песня</i>	548
Воспоминание (Тем—жемчуг, тем—щебень в волнах океана...). <i>Гейне</i>	367
Вотдохнула весна молодая... (Весна)	592
Время (Утром раскрыла листки...). <i>Палад</i>	107
Всадник несется на борзом коне... (Король Ричард). <i>Гейне</i>	363
Все море, братья, в час заката... <i>Гейне</i>	351
Все моря переплыл Одиссей... (Одиссей). <i>Шиллер</i>	233
Все наши принципы — химера!.. (Придворный кафтан). <i>Бе-ранже</i>	447
Все, что вольно, снится мне... <i>Фелиция Гимене</i>	122
Всегда, везде ты, друг, со мной	628
Вставай, слуга! Коня седлай!.. (Гонец). <i>Гейне</i>	262
Встала младая из мрака... (Н. В. Шелгунову)	604
Встреча (Давно тебя знал я...)	581
Встреча (—Здорово, служивый! Куда ты идешь?).....	583
Всю ночь стерегли мы... (У смертного одра) <i>Томас Гуд</i>	165
Вырежь на кубке моем... (Художнику). <i>Перевод</i>	533
Вышел срок тюремный	627
Гаральд Гарфагар (Король Гаральд на дне морском...).	
<i>Гейне</i>	357
Гастингское поле (Глубоко вздыхает вальтамский аббат...).	
<i>Гейне</i>	359
Где б ни был я... (Дума)	560
Где вьется гибкий плющ... (Статуя)	570
Где консьержа вечно плещет	603
Где роза юная в тиши благоухает... (Могила Анакреона).	
<i>Гете</i>	198
Где сверкает меч... <i>Из талмуда</i>	94
Гезиод (Нимфы, найдя бездушный труп Гезиода...). <i>Алкей</i>	107
Гимн Давида вдохновенный... (Пение невольника в пол-ночь). <i>Лонгфелло</i>	173
Гипербореи (За Фракийскими горами...)	609
Глазки весны голубые... <i>Гейне</i>	348

Глубоко вздыхает вальтамский аббат... (Гастингское поле).	
Гейне	359
Гляжу я в окошко... (Узник). <i>Перевод</i>	536
Говор волн (Одна волна другой журчит...). <i>Таннер</i>	248
Говорят— весна пришла	599
Годива. <i>Альфред Теннисон</i>	180
Гонец (Вставай, слуга! Коня седлай!...). <i>Гейне</i>	262
Горе (Ах ты, горе мое, горе...)	587
Горесть и слезы жить не должны... <i>Сафо</i>	105
Горная идиллия. I—III. <i>Гейне</i>	303
Горный пастух (Я на горах пасу стада...). <i>Уланд</i>	241
Горя, шуму и досады	633
Границы человечества (Когда предвечный...). <i>Гете</i>	194
Грезы. <i>Гейне</i>	254
Греки воздвигли здесь холм... (Могила Ахиллеса). <i>С древне-греческого</i>	108
Гренадеры (Во Францию два гренадера...). <i>Гейне</i>	260
Гроза (Резвитесь, дети, и играйте!...). <i>Беранже</i>	479
Гроза (Тяжко нависла над морем гроза...). <i>Гейне</i>	331
Груды волнуются; кудри трубчатые... <i>Бгартригари</i>	91
Груня (Снег засыпает окошко...)	571
Грустная птичка, залетная странница... (Птичка-изгнанница). <i>А. Инсиланти</i>	414
Грусть ко мне в сердце	629
Да, сокровище прямое... (Сенатор). <i>Беранже</i>	421
Давно тебя знал я... (Встреча)	581
Дай ручку мне! К сердцу прижми ее, друг... <i>Гейне</i>	259
Дайте мне слово не думать... (Полицейская гуманность)	622
Далее, смелый пловец!.. (Колумб). <i>Шиллер</i>	233
Данаиды (Веки черпаем ситом...). <i>Шиллер</i>	235
Два ворона (На дубе два ворона страшных сидят...). <i>Шотландская баллада</i>	541
Два корабля (Два корабля, как два гроба глухих...). <i>Гартман</i>	404
Два корабля, как два гроба глухих... (Два корабля). <i>Гартман</i>	404
Две сестры милосердия (Любите! это воля бога...). <i>Беранже</i>	455
Две только есть добродетели... (Благо и величие). <i>Шиллер</i>	236
Двухлетний сын ей обвинил шею... (Рыжая Жанна). <i>Беранже</i>	498
Девушка у моря сидела... <i>Сербская песня</i>	550
День в темную ночь влюблен... (Оставь меня!). <i>Гейне</i>	356
День поминку (Звон церковный — грустный, томный...)	
<i>Беранже</i>	434
Дервиш и мышь (Я внемлю!)	605
Деспоту (Резец истории тебя, ханжа лукавый...)	615

Джон Андерсон, сердечный друг!.. (Джону Андерсону).	
<i>Борне</i>	111
Джон Ячменное зерно (Когда-то сильных три царя...).	
<i>Борне</i>	116
Джону Андерсону (Джон Андерсон, сердечный друг!..).	
<i>Борне</i>	111
Dies irae (Настает пора уплат кровавых...)	267
Дифирамб (Порознь бессмертные к смертным не сходят...).	
<i>Шиллер</i>	227
Добрая старушка (Увянешь ты, подруга дорогая...).	<i>Бе-</i>
<i>ранже</i>	472
Добрый товарищ (Был у меня товарищ...).	<i>Уланд</i>
Доволен... (Новый Диоген).	<i>Беранже</i>
Дождлся я светлого мая... <i>Гейне</i>	347
Долг каждого (К целому вечно стремись...).	<i>Шиллер</i>
Долго ль вдаль тебе стремиться?.. (Напоминание).	<i>Гете</i>
Долго на бороды длилось гоненье... (Бороды)	621
Долиной пыльной шли мы рядом	600
Дорог мне друг, но полезен и враг... (Друг и враг).	<i>Шиллер</i>
Дорога (Черными ветвями...)	557
Дриада (Под явором лежал я...).	<i>Перевод</i>
Друг и враг (Дорог мне друг...).	<i>Шиллер</i>
Дума (Где б ни был я ...)	560
Ее он безмолвно, но страстно любил	557
Excelsior (Уж Альпы крыла ночь...).	<i>Лонгфелло</i>
Enfant perdu (Забытый часовой в войне свободы...).	<i>Гейне</i>
Если б я вас снова встретил	568
Если зефиры легко пробегают... <i>Мосх</i>	106
Если лет бесстрастный холод	618
Есть славный малый здесь... (Славный малый).	<i>Беранже</i>
Есть слова (Есть слова! Они глубоко...)	563
Еще в школе он был	569
Еще обилен мир бедами... (Новые голоса)	625
Жатва (Помона щедрая так пышно убрала...)	583
Желание (Когда пройдет зима...)	558
Жена каторжного (У тебя клеймо на лбу...).	<i>Барри Корн-</i>
<i>валь</i>	123
Женщина (Любовь их была глубока и сильна...).	<i>Гейне</i>
Жизнь (От слез и крови мутны и черны...).	<i>Красинский</i>
Жизнь прощай! Мутится ум... (Стансы).	<i>Томас Гуд</i>
Жизнью украсил язычник свои саркофаги... <i>Гете</i>	199
Жил-был король... (Король Ивето).	<i>Беранже</i>
Жить мы должны и любить... (Афоризмы).	<i>Гете</i>
Жрецами Саиса, в Египте... (Истукан Изиды).	<i>Шиллер</i>

За ветвями темной ели... (Горная идиллия III). <i>Гейне</i>	307
За туманами потух... (На пути)	599
За фракийскими горами... (Гипербореи)	609
Забытый часовой в войне свободы... (Enfant perdu). <i>Гейне</i>	377
Завещание (Как умру, похороните...). <i>Шевченко</i>	526
Закат солнца (Огненно-красное Солнце уходит...). <i>Гейне</i>	315
Закатилась луна... <i>Сафо</i>	105
Залоги (Ах, что за добрая душа...)	600
Заря золотая погасла... <i>Гейне</i>	279
Заставь горячими клещами... <i>Гейне</i>	371
Засыпай же поскорее (Няня)	572
Затекшие пальцы болят... (Песня о рубашке). <i>Томас Гуд</i>	166
Заштопать для царя мундир (Из Овидиевых Превращений). <i>Гофман из Фаллерслебена</i>	398
Звон церковный—грустный, томный... (День поминок). <i>Беранже</i>	434
Здесь в одинокой тиши... (Избранный утес). <i>Гете</i>	199
«Здорово, служивый! Куда ты идешь?.. (Встреча).....	583
Зевс! Дай добра мне... (Молитва). <i>С древнегреческого</i>	108
Зевс Эроту грозил (Угроза Эроту). <i>С древнегреческого</i>	108
Земледельцу (Тонким слоем земля покрывает зерно...). <i>Гете</i>	201
Зима (В молодые годы...). <i>Шамиссо</i>	251
Зима (Вновь зима идет сюда...). <i>Беранже</i>	460
Зима (I. Что нам весна с соловьями. II. Сивка по полю бе- жит... III. Ярко и с треском огонь разгорелся...)	577
Зима, зима лихая!.. (Пастушья песня). <i>Уланд</i>	238
Зима несет опустошение (Птицы). <i>Беранже</i>	454
Зимние вьюги завывли	623
Зимний вечер (Полно беситься, Эол...). <i>Перевод</i>	531
Злая судьба. (Под знойным вихрем злой судьбы...). <i>Борнс</i>	118
Зловещий грезился мне сон ... <i>Гейне</i>	255
Змеенок матери сказал... <i>Перевод</i>	534
Знаю, что ты память	633
Зов (Мягко ложе трав душистых...) <i>Перевод</i>	531
Зовусь я принцессою Ильзой... (Ильза). <i>Гейне</i>	312
И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье	631
И розы на щечках у милой моей... <i>Гейне</i>	270
И я когда-то знал край родимый... <i>Гейне</i>	351
Иван Подкова (Было время— по Украине...). <i>Шевченко</i>	521
Идет за племенем племя... <i>Гейне</i>	282
Идут года, но все сильнее любовь	634
Из бездны далекого моря... (Могила). <i>Перевод</i>	536
Из-за моря ласточка... (Изгнание). <i>Томас Гуд</i>	165
Из края в край твой путь лежит... (На чужбине). <i>Гейне</i>	351

Из Овидиевых Превращений (Заштопать для царя мундир...)	
<i>Гофман из Фаллерслебена</i>	398
Из рода в род твой глас идет... <i>Из корана</i>	93
Из слез моих много, малютка... <i>Гейне</i>	264
Из темного ущелия Кармила... (Вечный жид). <i>Шубарт</i>	184
Из Фауста. <i>Марло</i>	109
Избранный утес (Здесь в одинокой тиши...). <i>Гете</i>	199
Изгнание (Из-за моря ласточка...); <i>Томас Гуд</i>	165
Изгнанник (В кругу подруг веселых...). <i>Беранже</i>	476
Изгнанник (Как сладко мне воспоминанье...). <i>Перевод</i>	534
Илиада (Рвите Гомеров венки...). <i>Шиллер</i>	234
Ильза (Зовусь я принцессою Ильзой...). <i>Гейне</i>	312
Имя и пепел певички... (Могила Сафо). <i>Симонид</i>	108
Исполинские колонны... (Альманзор). <i>Гейне</i>	296
Истины оба мы ищем... (Согласие). <i>Шиллер</i>	234
Истомленный, на рисовой ниве... (Сон невольника). <i>Лонг-фелло</i>	169
История о Ное (Как вылез Ной из сундука...). <i>Копиш</i>	243
Истукан Изиды (Жрецами Саиса, в Египте...). <i>Шиллер</i>	231
К музе (Что бы я был без тебя...). <i>Шиллер</i>	236
К нам в окно стучит тихонько... (Горная идиллия. II). <i>Гейне</i>	305
К Основьяненке (На Днепре шумят пороги...). <i>Шевченко</i>	523
К полевой мыши, разоренной моим плугом (Трусливый серенький зверек!...) <i>Борнс</i>	112
К польке-матери (О полька-мать. Коль в детском взгляде сына...)	629
К срезанной плугом маргаритке (Цветок смиренный, поле- вой!). <i>Борнс</i>	114
К стихам А. Шенье (Шенье! Твоих стихов...)	562
К целому вечно стремись... (Долг каждого). <i>Шиллер</i>	237
Как в водах глубоких... <i>Гюго</i>	514
Как в лес меня послали... <i>Литовская песня</i>	548
Как в ночи мы целовались... <i>Новогреческая песня</i>	547
Как вспомню к ночи край родной... (Ночные мысли). <i>Гейне</i>	358
Как вылез Ной из сундука... (История о Ное). <i>Копиш</i>	243
Как долгой ночью ждет утра	619
Как ее любили!.. (Похороны). <i>Рюккерт</i>	244
Как из пены волн рожденная... <i>Гейне</i>	267
Как кротко-ласково... (Прощанье с полями). <i>Беранже</i>	483
Как на ниве колосья... (Эпилог). <i>Гейне</i>	346
Как не вижу — только б увидаться... <i>Бгартригори</i>	91
Как образец удачный... (Веселая голова). <i>Беранже</i>	423
Как память детских дней... (Четырнадцатое июля). <i>Беранже</i>	496
Как пришлось с тобой расстаться... <i>Гейне</i>	270
Как расстаются двое... <i>Гейне</i>	272
Как свищет ветер в эту ночь... (Юдоль плача). <i>Гейне</i>	378

Как сквозь облачного дыма... <i>Гейне</i>	285
Как сладко мне воспоминанье... (Изгнанник). <i>Перевод</i>	534
Как тень поутру... <i>Бгартригари</i>	91
Как-то раз в потемках жизни... <i>Гейне</i>	275
Как трепещет, отражаясь... <i>Гейне</i>	348
Как умру, похороните... (Завещание). <i>Шевченко</i>	526
Как храм без жертв и без богов.....	598
Как часто я тоскующей душою... (Эллада).....	559
Какое сходство у сестры и брата... (Морфины). <i>Гейне</i>	372
Камин в тюрьме. (Мне взаперти так много утешений...). <i>Бе- ранже</i>	495
Капля дождевая пала с тучи в море. <i>Саади</i>	90
Каторгу даже и казнь... (Взыскание)	621
Кватронка (Повесив праздно паруса...). <i>Лонгфелло</i>	175
Кедр, твоей вершины стройной... <i>Мевлана Доками</i>	93
Китаец в Риме (В Риме китайца я видел...). <i>Гете</i>	199
Ключ (Хочешь себя изучить...). <i>Шиллер</i>	236
Книга Лазаря. <i>Гейне</i>	365
Ко мне слетает чудный гений (Вдохновение)	560
Когда бы цветы то узнали... <i>Гейне</i>	268
Когда гляжу тебе в глаза... <i>Гейне</i>	264
Когда из книги мне звучал... (Вильяму Чаннингу). <i>Лонг- фелло</i>	169
Когда на западе горит заряпожаром... (Наяда)	583
Когда по небесам, луной неосвещенным... (Раздумье). <i>Спен- сер</i>	109
Когда предвечный... (Границы человечества). <i>Гете</i>	194
Когда пройдет зима... (Желание)	558
Когда пройдут искуса годы?	597
Когда-то друг друга любили мы страстно... <i>Гейне</i>	269
Когда-то и я в Петербурге живал... (Охотник).....	566
Когда-то сильных три царя... (Джон Ячменное зерно) <i>Борнс</i>	116
Кого я любил, и кого целовал... (В мае). <i>Гейне</i>	373
Колумб (Далее, смелый пловец!...). <i>Шиллер</i>	233
Кольцов (Он с юных лет был угнетен судьбою...)	576
Конец политике (Не брани меня ты строго...). <i>Беранже</i>	449
Конец стихам (Конец стихам, как ни кипит желанье!...). <i>Бе- ранже</i>	504
Конституционист (Тошно из уст его слышать...)	622
Коня! Я долго дожидался... (Свиданье и разлука). <i>Гете</i>	197
Корабль мой на черных плывет парусах... <i>Гейне</i>	350
Король Гаральд на дне морском... (Гаральд Гарфагар). <i>Гейне</i>	357
Король Ивето (Жил-был король...). <i>Беранже</i>	419
Король на башне (Объяты дремучею мглой...). <i>Уланд</i>	239
Король Ричард (Всадник несется на борзом коне...). <i>Гейне</i>	363

Коронование (Песни, вы, добрые песни мои!...). <i>Гейне</i>	313
Кошка (Ну, кто же громко так мяучит!...). <i>Беранже</i>	441
Крепко, дружно вас в объятья	617
Крепко ударил я заступом... <i>Саади</i>	90
Крушение (Любовь и надежда! Все погибло...). <i>Гейне</i>	332
Кто возвратит мне прекрасные дни... (Первая потеря). <i>Гете</i>	188
Кто те двое у собора... (Рыцарь Олаф). <i>Гейне</i>	353
Куда ты, Павел?... (Апостол). <i>Беранже</i>	506
Кудри (Черные кудри на белой, как мрамор...). <i>Перевод</i>	534

Ласточки (В плену у племени чужого...). <i>Беранже</i>	489
Лежу ли бессонною ночью... <i>Гейне</i>	286
Лесом шла она; смотрел я... <i>Бгартригари</i>	91
Летит с запада птица... (Феникс)	342
Лето жаркое алеет!.. <i>Гейне</i>	272
Лжеученые (Сколько у истины новых врагов!...). <i>Шиллер</i>	236
Лиза, выслушай совет... (Слепая мать). <i>Беранже</i>	427
Липа вся под снежным пухом... <i>Гейне</i>	346
Лирическое интермеццо. <i>Гейне</i>	264
Лишь тронул цепь рукою... (Свобода). <i>Беранже</i>	485
Лодовико Сфорца. <i>Барри Корнваль</i>	124
Любите! это воля бога (Две сестры милосердия). <i>Беранже</i>	455
Люблю республику, — не скрою... (Моя республика). <i>Бе- ранже</i>	463
Люблю я на тебе мои покоить взоры	575
Любовь и надежда! Все погибло... (Крушение). <i>Гейне</i>	332
Любовь их была глубока и сильна... (Женщина). <i>Гейне</i>	353

Малютка (Перед образом спаса лампада...)	574
Маркел (Ясным соколом влетел...)	585
Маркиз Караба (О, с какой грозой...). <i>Беранже</i>	461
Маркитантка (Я маркитантка полковая...). <i>Беранже</i>	473
Мать и дитя (У тебя есть братец в небе!) <i>Уланд</i>	239
Мать пытала кралеви́ча Марка... (Арапская царевна). <i>Серб- ская песня</i>	551
Меньше пекись о земном... (Христианское законодатель- ство)	621
Меркнет вечернее море... (Песнь Океанид). <i>Гейне</i>	335
Миг (Шумен, радостен и тесен...). <i>Шиллер</i>	226
Мидас, горька твоя участь была... <i>Гете</i>	200
Милость муз (Вместе с невеждой умрет...). <i>Шиллер</i>	237
Минуты горького сомненья	630
Миньона (Ты знаешь ли край...) <i>Гете</i>	192
Мир вам, почившие братья!.. <i>Томас Мур</i>	118
Мирза-Шаффи! пчелой прилежной... (Песни Мирзы-Шаф- фи). <i>Бодеништедт</i>	406

Мириться с светом — труд напрасный... (Мой уголок). <i>Беранже</i>	469
Мне взаперти так много утешений... (Камин в тюрьме). <i>Беранже</i>	495
Мне жаль тебя... Семья жестоко	592
Мне снились страстные восторги... <i>Гейне</i>	254
Мне твой стих надоедает... (Эпиграмма).....	576
Мнение этих девиц (Опять враги к нам на постой!...). <i>Беранже</i>	445
Много звезд блестящих	570
Много у нас толковали... (Недоразумение)	622
Могила (Из бездны далекого моря...). <i>Перевод</i>	536
Могила Анакреона (Где роза юная...). <i>Гете</i>	198
Могила Ахиллеса (Греки воздвигли здесь холм...) <i>С древнегреческого</i>	108
Могила розе говорит... <i>Гюго</i>	514
Могила Сафо (Имя и пепел певицы...). <i>Симонид</i>	108
Мое призвание (Хилой и некрасивый...). <i>Беранже</i>	450
Может быть последняя моя песня (Я не могу быть равнодушным...). <i>Беранже</i>	432
Мой стих умеет все так живо рисовать... <i>Шенье</i>	419
Мой уголок (Мириться с светом—труд напрасный...). <i>Беранже</i>	469
Мой хороший, мой пригожий... <i>Из Ши-кинга</i>	92
Молитва (Зевс! Дай добра мне...). <i>С древнегреческого</i>	108
Молодая кобылица... <i>Анакреон</i>	105
Молодой монах (Молодой монах из кельи...). <i>Новогреческая песня</i>	547
Мольба (Что бы просил ты у Зевса...). <i>Перевод</i>	534
Морская тишь (Тишь глубокая над морем...). <i>Гете</i>	196
Морская тишь (Тишь и солнце! Свет горячий...). <i>Гейне</i>	325
Морской призрак (А я лежал на краю корабля и смотрел...). <i>Гейне</i>	326
Морфины (Какое сходство у сестры и брата...). <i>Гейне</i>	372
Моя душа (Порой бокал свой осушая...). <i>Беранже</i>	466
Моя республика (Люблю республику, — не скрою...). <i>Беранже</i>	463
Мудрецом слышу в селенье... (Старый скрипач). <i>Беранже</i>	453
Муза (Рано в тенистой дубраве...)	559
Муравейник весь в движении... (Муравьи). <i>Беранже</i>	504
Муравьи. (Муравейник весь в движении...) <i>Беранже</i>	—
Мы встречались часто! (Простая история)	596
Мы, как солдаты для парада... (Безумцы). <i>Беранже</i>	502
«Мы победили!» молвил юный грек... (Тень Анакреона). <i>Беранже</i>	486
Мы у издателей под игом... (Цензура). <i>Беранже</i>	435
Мягко ложе трав душистых... (Зов). <i>Перевод</i>	531

На бледном лице ты моем... <i>Гейне</i>	287
На бледном морском берегу... (Сумерки). <i>Гейне</i>	314
На Брокене (Солнце близко; на востоке...). <i>Гейне</i>	311
На ваш приветливый и милый... (Послание узника)	624
На горе, в избушке скромной... (Горная идиллия. I.) <i>Гейне</i>	303
На дальнем небосклоне... <i>Гейне</i>	281
На Днепре шумят пороги... (К Основьяненке). <i>Шевченко</i>	523
На дом умолкший я гляжу... (Ночью). <i>Уланд</i>	241
На дубе два ворона страшных сидят... (Два ворона). <i>Шотландская баллада</i>	541
На закате (Прекрасное солнце...). <i>Гейне</i>	334
На кровлях сельских луч дневной... (Возвращение). <i>Мильва</i>	418
На мельнице (Ребенком принял мельник...). <i>Шамиссо</i>	248
На наших дубах и березах... (Тоска по родине). <i>Эйхендорф</i>	247
На пиру, за полной чашей... <i>Анакреон</i>	104
На пути (За туманами потух...)	599
На северном голом утесе... <i>Гейне</i>	270
На смертном одре. <i>Гейне</i>	364
На чужбине (Из края в край твой путь лежит...). <i>Гейне</i>	351
Навуходоносор (Библейские сюжеты в моде...). <i>Беранже</i>	482
Наг на землю пришел я... (Удел человека). <i>Палад</i>	107
Над бездной возникших из мрака миров... (Беспредельность). <i>Шиллер</i>	225
Над вашими телами надругавшись (Пятеро)	614
Надгробие поэта (Ваш общий брат схоронен здесь...) <i>Эбензер Эллиот</i>	179
Надгробие рыбаку (Бедный отец рыбака Пелагона...) <i>Сафо</i>	105
Надгробие спартанцам в Фермопилах (О, прохожий!). <i>Симонид</i>	108
Надовесская похоронная песня (Посмотрите! Вот—посажен...). <i>Шиллер</i>	229
Надя (По улице шел я...)	564
Нанна (Волны плещут и воют...). <i>Делавинь</i>	416
Напоминание (Долго ль вдаль тебе стремиться?). <i>Гете</i>	201
Настает пора уплат кровавых... (Dies irae)	623
Натуралисты и трансцендентальные философы (Будьте враждебны...). <i>Шиллер</i>	237
Наш кабак одной стеною... (В кабаке). <i>Петефи</i>	519
Наш священник (Священник наш живет умно...). <i>Беранже</i>	442
Наше поколение (Ты непонятно мне, племя...). <i>Шиллер</i>	236
Наяда (Когда на западе горит заря пожаром...)	583
Не борись с судьбой напрасно... (Фатализм). <i>Перевод</i>	529
Не брани меня ты строго (Конец политике). <i>Беранже</i>	449
Не высыхайте, не высыхайте... (Блаженство грусти). <i>Гете</i>	191
Не живи так быстро, так мятежно!.. (Совет и желание). <i>Ле-нау</i>	400

Не радуется внешнее солнце... <i>Гейне</i>	276
Небо разверзлось и дождь зашумел... (Благодать). <i>Гете</i>	201
Невольник в Проклятом болоте (В Проклятом болоте, в тру- щобе лесной...). <i>Лонгфелло</i>	172
Негры и куклы (В продажу негров через море...). <i>Беранже</i>	494
Недоразумение (Много у нас толковали...)	622
Независимый (Рабы тщеславия и моды...). <i>Беранже</i>	471
Ненависть, распри меж нами... (Общая участь). <i>Шиллер</i>	236
Нения (Смерть суждена и прекрасному...). <i>Шиллер</i>	234
Непонятной тоской... <i>Гейне</i>	275
Неравный брак (Равенства нет и в небесных союзах...).	
<i>Гете</i>	202
Несовершенство (Ни в чем нет совершенства в этом мире...)	—
<i>Гейне</i>	368
Несчастлива ты, — и ропот мой молчит... <i>Гейне</i>	268
Неумирающий и вечно юный... (Хидгер). <i>Рюккерт</i>	245
Ни в чем нет совершенства в этом мире... (Несовершенство).	
<i>Гейне</i>	368
Нимфы, найдя бездушный труп Гезиода... (Гезиод). <i>Алкей</i>	107
Новая весна. <i>Гейне</i>	346
Новая любовь — новая жизнь (Сердце, сердце, что с то- бою!). <i>Гете</i>	188
Новые голоса (Еще обилен мир бедами...).	625
Новый Амур (Амур—не дитя...). <i>Гете</i>	202
Новый Диоген (Доволен...). <i>Беранже</i>	436
Ночная песня странника (Ты, небесный, ты, святой...).	
<i>Гете</i>	189
Ночной туман покрыл мой путь... (Путник)	576
Ночной туман скрывает путь далекий... <i>Гейне</i>	288
Ночные мысли (Как вспомню к ночи край родной...). <i>Гейне</i>	358
Ночь могилы тяготела... <i>Гейне</i>	258
Ночь на берегу (Ночь холодна и беззвездна...). <i>Гейне</i>	317
Ночь холодна и беззвездна... (Ночь на берегу). <i>Гейне</i>	—
Ночью (На дом умолкший я гляжу...). <i>Уланд</i>	241
Ночью в каюте (Свои у моря перлы...). <i>Гейне</i>	322
Ну, кто же громко так мяучит!... (Кошка). <i>Беранже</i>	441
Няня (Засыпай же поскорее...)	572
О беспокойная, ты шлешь меня к покою... (Серенада близ Везувия). <i>Копиш</i>	242
О, Гектор, супруг мой... (Прощание Гектора). <i>Шиллер</i>	228
О, ежели порой... (Подражание английскому)	539
О Лиза, милостию бога... (Трактат о политике для руковод- ства Лизе). <i>Беранже</i>	444
О, подойди ко мне... <i>Гюго</i>	513
О полька-мать. Коль в детском взгляде сына... (К польке- матери)	629

О, прохожий Скажи... (Надгробие спартамцам в Фермопилах). <i>Симонид</i>	108
О, с какой грозой... (Маркиз Караба). <i>Беранже</i>	461
О, сердце скорбное народа!	620
О, я несчастный Атлас!.. <i>Гейне</i>	282
Облака (Волнистой чертой отделились...)	595
Обман (Шелохнулась занавеска...). <i>Гете</i>	190
Оборванцы (Богатых можно приобрести...). <i>Гейне</i>	367
Общая участь (Ненависть, распри меж нами...). <i>Шиллер</i>	236
Объяты дремучею мглой... (Король на башне). <i>Уланд</i>	239
Объятый туманными снами... <i>Гейне</i>	282
Оглядка на прошлое (Благоуханий кухни дольной...) <i>Гейне</i>	365
Огненно-красное Солнце уходит... (Закат Солнца). <i>Гейне</i>	315
Одиссей (Все моря переплыл Одиссей...). <i>Шиллер</i>	233
Одна волна другой журчит... (Говор волн). <i>Таннер</i>	248
Ожидание и исполнение (С тысячью гордых судов...). <i>Шиллер</i>	235
Он любил плющом ползучим... (Анакреон). <i>Перевод</i>	528
Она живет у вод Кенгавы... (Благая часть, яже не отыметя). <i>Лонгфелло</i>	171
Она перед налоем стояла... (Хорошая партия)	572
Она смеется—но когда б случайно... (Смех)	582
Опустясь головкой сонной... <i>Гейне</i>	266
Опять в ночной тиши	596
Опять враги к нам на постой!.. (Мнение этих девиц). <i>Беранже</i>	445
Опять на родине. <i>Гейне</i>	275
Оранг-утанги (Оранг-утанги, так в Европе...). <i>Беранже</i>	501
Осеннее чувство (Тучней зеленейте...). <i>Гете</i>	195
Оставь меня! (День в темную ночь влюблен...). <i>Гейне</i>	356
Останься в морской глубине ты... (Очищение). <i>Гейне</i>	329
Осторожней, душа ты бессмертная, будь... (Благочестивое предостережение.) <i>Гейне</i>	369
Остывший (Когда умрешь, в земле лежать...). <i>Гейне</i>	370
От кого я беременна — вам не скажу... (Перед судом). <i>Гете</i>	192
От слез и крови мутны и черны... (Жизнь). <i>Красинский</i>	527
Отчего это, милая, розы в цвету... <i>Гейне</i>	269
Охотник (Когда-то и я в Петербурге живал...)	566
Очищение (Останься в морской глубине ты...). <i>Гейне</i>	329
Падает звездочка с неба... <i>Гейне</i>	273
Паж (Что ты бледен, паж-ребенок...). <i>Гюго</i>	515
Памяти Добролюбова (Вечный враг всего живого...)	615
Пастух (Ты — король, пастух-красавец...). <i>Гейне</i>	310
Пастушья песня (Зима, зима лихая!...). <i>Уланд</i>	238
Пахарь (Вешнее солнце взошло над землей...). <i>Борнс</i>	115

Паяц (Паяцом быть родился я...). <i>Беранже</i>	465
Паяцом быть родился я... (Паяц). <i>Беранже</i>	—
Пение невольника в полночь (Гимн Давида вдохновенный...).	
<i>Лонгфелло</i>	173
Первая потеря (Кто возвратит мне прекрасные дни...). <i>Гете</i>	188
Перед ним лежал... (Аррия). <i>Перевод</i>	540
Перед образом спасения лампада... (Малютка).....	574
Перед судом (От кого я беременна — вам не скажу...). <i>Гете</i>	192
Перепутье (Труден был путь мой...).....	598
Песни, вы, добрые песни мои!.. (Коронование). <i>Гейне</i>	313
Песни и думы. <i>Гейне</i>	259
Песни Мирзы-Шаффи (Мирза-Шаффи! пчелой прилежной...)	
<i>Бодеништедт</i>	406
Песни Мирзы-Шаффи (Распахни покрывало! не прячь ты	
себя...). <i>Бодеништедт</i>	407
Песнь Океанид (Меркнет вечернее море...). <i>Гейне</i>	335
Песня (Убаюкай, родная...). <i>Фелиция Гимене</i>	122
Песня Клары (Радостных и тягостных...). <i>Гете</i>	191
Песня о рубашке (Затекшие пальцы болят...). <i>Томас Гуд</i>	166
Песня русского ямщика на чужбине (Эй, вы, соколики...).....	588
Печален по роще брожу... <i>Гейне</i>	277
Печать с изображением головы Гомера (Старец Гомер!..).	
<i>Шиллер</i>	237
Пирушка (Собрался отец на охоту в лесок...). <i>Литовская</i>	
<i>песня</i>	549
По улице шел я... (Надя)	564
Повесив праздно паруса... (Кватронка) <i>Лонгфелло</i>	175
Под знойным вихрем злой судьбы... (Злая судьба). <i>Борнс</i>	118
Под свежим пологом... (Вакханка). <i>Гюго</i>	515
Под явором лежал я... (Дриада). <i>Перевод</i>	533
Подражание английскому (О! ежели порой...)	539
Подражание португальскому (В час упоительный блажен-	
ства и любви...). <i>Байрон</i>	121
Позорной казни обреченный... (Белое покрывало). <i>Гарт-</i>	
<i>ман</i>	401
Покрыт был облаками... (Тяжелый вечер). <i>Ленау</i>	—
Полицейская гуманность (Дайте мне слово не думать...)	622
Полно беситься, Эол... (Зимний вечер). <i>Перевод</i>	531
Полно, сердце, что с тобою!.. <i>Гейне</i>	286
Полночь немая была холодна... <i>Гейне</i>	274
Полны мои песни... <i>Гейне</i>	273
Полный месяц! В твоём сиянии... (Боги Греции). <i>Гейне</i>	339
Полон надежды, земле ты вверяешь... (Сеятель). <i>Шил-</i>	
<i>лер</i>	234
Полон свежих вдохновений... (Н. В. Самойловой)	597
Я. П. Полонскому (В стихах тебе посланье шлю...)	603
Помню я рощу зеленую	562

Помона щедрая так пышно убрала... (Жатва).....	583
Порознь бессмертные к смертным не сходят... (Дифирамб).	
<i>Шиллер</i>	227
Порой бокал свой осушая... (Моя душа). <i>Беранже</i>	466
Порою картины былого... <i>Гейне</i>	271
Порою мнится мне: на голове моей... <i>Гете</i>	198
Порядок вещей (У кого есть много, тот...).. <i>Гейне</i>	365
Поссейдон (Солнце играло лучами...).. <i>Гейне</i>	319
Послание узника (На ваш приветливый и милый...)	624
Последние стихотворения. <i>Гейне</i>	372
Посмотрите! Вот—посажен... (Надовесская похоронная песня). <i>Шиллер</i>	229
Похороны (Как ее любили!..) . <i>Рюккерт</i>	244
Праздник весны. Наше небо холодное.....	625
Преданность (Преданность вечно была...)	622
Предо мной лежит (В пути).....	578
Предостережение (Припомните еврейское сказанье...) <i>Лонг- фелло</i>	177
Прекрасное солнце... (На закате). <i>Гейне</i>	334
Привяжи, душа-рыбачка... <i>Гейне</i>	278
Придворный кафтан (Все наши принципы—химера!). <i>Бе- ранже</i>	447
Приди, красавица с небесными очами... <i>Гюго</i>	514
Признание (Тихо с сумраком вечер подкрался...).. <i>Гейне</i>	321
Призыв (Убран свежими цветами...)	561
Принял под мирный свой кров Геродот... <i>Сафо</i>	106
Припомните еврейское сказанье... (Предостережение). <i>Лонг- фелло</i>	177
Природа (Богата негой жизнь природы...).. <i>Беранже</i>	478
Провозглашен союз священный... (Варварийский священ- ный союз). <i>Беранже</i>	468
Проклятый замок! Образ твой... (Афронтенбург). <i>Гейне</i>	375
Пролетает черный ворон... (Ворон). <i>Литовская песня</i>	548
Пролог. На Гарце (Фраки, белые жилеты). <i>Гейне</i>	303
Пролог (Снова я в сказочном старом лесу...).. <i>Гейне</i>	253
Прометей. <i>Гете</i>	203
Проснувшись, плачет дитя больное... <i>Петефи</i>	519
Простая история (Мы встречались часто...)	596
Прости, прости, мой край родной!.. (Из поэмы «Чайльд- Гарольд»). <i>Байрон</i>	119
Прости, прости, о Франция родная!.. (Прощание). <i>Беранже</i>	508
Простолюдин (В моей частичке <i>de</i> знак чванства...).. <i>Бе- ранже</i>	451
Прочь от меня, вы, заботы!.. (Сладкие заботы). <i>Гете</i>	201
Прощание (Прости, прости, о Франция родная...).. <i>Беранже</i>	508
Прощание Гектора. (О, Гектор, супруг мой...).. <i>Шиллер</i>	228
Прощанье с полями (Как кротко-ласково...).. <i>Беранже</i>	483

Прощанье (Так прощай, моя радость...). <i>Уланд</i>	240
Пряха (В тихой горенке своей...). <i>Гете</i>	193
Птицы (Зима несет опустошение...). <i>Беранже</i>	454
Птичка-изгнанница (Грустная птичка, залетная стран- ница...). <i>А. Инсильанти</i>	414
Пурпуром Кодр вас одень... (Свобода печати). <i>Руге</i>	407
Пускай велит судьба... (Сон). <i>Перевод</i>	539
Пусть горит лампада... <i>Бгартригари</i>	90
Пусть на землю снег, валится... <i>Гейне</i>	287
Пусть сумасброд... (Афоризмы). <i>Гете</i>	203
Пусть твои благие... <i>Бгартригари</i>	92
Путник (Ночной туман покрыл мой путь...).	576
Пышные кудри свои заплела ты... (Афоризмы). <i>Гете</i>	203
Пятеро (Над вашими телами наругавшись)	614
Рабы тщеславия и моды... (Независимый). <i>Беранже</i>	471
Равенства нет и в небесных союзах... (Неравный брак). <i>Гете</i>	202
Радостных и тягостных... (Песня Клары)	191
Радость и горе (Радость—резвая гризетка...). <i>Гейне</i>	364
Радость — резвая гризетка... (Радость и горе). <i>Гейне</i>	—
Раз предложили Бюффону... (Свобода слова). <i>Руге</i>	407
Разбитое сердце. <i>Барри Корнваль</i>	150
Развалины (Странник! Не бойся...). <i>Уланд</i>	238
Раздумье (Когда по небесам, луной неосвещенным...).	109
<i>Спенсер</i>	350
Разные. <i>Гейне</i>	559
Рано в тенистой дубраве... (Муза)	407
Распахни покрывало! не прячь ты себя!.. (Песни Мирзы- Шаффи). <i>Бодеништедт</i>	405
Расставанье (Я иду по улицам уснувшим...). <i>Кернер</i>	590
Рассудка голосу не внимля	292
Ратклиф (Бог сна меня унес в далекий край...). <i>Гейне</i>	234
Рвите Гомеров венки... (Илиада). <i>Шиллер</i>	248
Ребенком принял мельник... (На мельнице). <i>Шамиссо</i>	235
Ребенок в колыбели (Счастлив младенец...). <i>Шиллер</i>	479
Резвитесь, дети, и играйте... (Гроза). <i>Беранже</i>	615
Резец истории тебя, ханжа лукавый... (Деспоту)	260
Романсы. <i>Гейне</i>	353
Романсы и баллады. <i>Гейне</i>	359
Романцero. <i>Гейне</i>	498
Рыжая Жанна (Двухлетний сын ей обвил шею...). <i>Беранже</i>	353
Рыцарь Олаф (Кто те двое у собора...). <i>Гейне</i>	
С весною родиться и с розой весны умереть... (Бабочки). <i>Ламартин</i>	416
С полисменом поневоле... (Экспромпт арестованного лондон- ского мазурика)	604

С рюмки бабушка спьянилась... (Бабушка). <i>Беранже</i>	425
С тобою мысль моя... (Близость милого). <i>Гете</i>	189
С толпой безумною не стану... <i>Гейне</i>	260
С тысячью гордых судов... (Ожидание и исполнение). <i>Шиллер</i> ...	235
Надежде Васильевне Самойловой (Полон свежих вдох- новений...)	597
Самоубийц хоронят... <i>Гейне</i>	274
Свадебной радости, полны... <i>Гейне</i>	268
Свиданье и разлука (Коня! Я долго дождался...) <i>Гете</i>	197
Свидетели (В пучинах глубокого моря...) <i>Лонгфелло</i>	174
Свобода (Лишь тронул цепь рукою...) <i>Беранже</i>	485
Свобода печати (Пурпуром Кодр вас одень...) <i>Руге</i>	407
Свобода слова... (Раз предложили Бюффону...) <i>Руге</i>	—
Свои у моря перлы... (Ночью в каюте). <i>Гейне</i>	322
Священник наш живет умно... (Наш священник). <i>Беранже</i>	442
Священный союз заключили... <i>Гейне</i>	349
Северное море. <i>Гейне</i>	313
Сенатор (Да, сокровище прямое...) <i>Беранже</i>	421
Серенада (Что за песня, о родная...) <i>Уланд</i>	240
Серенада близ Везувия... (О беспокойная, ты шлешь меня к покою!). <i>Копиш</i>	242
Сердце мне терзали... <i>Гейне</i>	272
Сердце, сердце, что с тобою?... (Новая любовь — новая жизнь). <i>Гете</i>	188
Сеятель (Полон надежды, земле ты вверяешь...) <i>Шиллер</i>	234
Si dormis donrella (Спишь ли ты, моя девица...) <i>Испан- ская песня</i>	546
Сивка по полю бежит... (Зима)	577
Скажи мне, кто вздумал часы изобрести... <i>Гейне</i>	349
Сквозь облака месяц осенний... <i>Гейне</i>	283
Скованный Прометей. <i>Эсхил</i>	95
Сколько у истины новых врагов!.. (Лжеученые). <i>Шиллер</i>	236
Скорбь вавилонская (Смерть меня кличет, моя дорогая!) <i>Гейне</i>	374
Славный малый (Есть славный малый здесь...) <i>Беранже</i>	429
Сладкие заботы (Прочь от меня, вы, заботы!) <i>Гете</i>	201
Слезь упоенья... <i>Бгартригари</i>	90
Слепая мать (Лиза, выслушай совет...) <i>Беранже</i>	427
Словно смеется гладь моря	570
Случайно со мной повстречалась... <i>Гейне</i>	277
Случайные стихотворения. <i>Гейне</i>	358
Случалось ли вам, когда вечером	594
Смело, друзья... Не теряйте	617
Смерть меня кличет, моя дорогая!.. (Скорбь вавилонская). <i>Гейне</i>	374
Смерть—прохладной ночи тень... <i>Гейне</i>	289
Смерть Сатаны (Чтоб просветить моих собратий...) <i>Беранже</i>	492

Смерть суждена и прекрасному... (Нения). <i>Шиллер</i>	234
Смех (Она смеется—но когда б случайно...)	582
Снег засыпает окошко... (Груня)	571
Снежная изморозь, ветер... <i>Гейне</i>	284
Снилась мне девушка: кудри как шелк... <i>Гейне</i>	372
Снится мне твой берег дальний... (Троя). <i>Перевод</i>	530
Снова дней весенних	634
Снова роща зеленеет... <i>Гейне</i>	347
Снова я в сказочном старом лесу... (Пролог). <i>Гейне</i>	253
Собрался отец на охоту в лесок... (Пирушка). <i>Литовская</i> <i>песня</i>	549
Совет и желание (Не живи так быстро, так мятежно!...).	
<i>Ленау</i>	400
Современный гидальго (Юноша поджарый...)	580
Согласие (Истины оба мы ищем...).. <i>Шиллер</i>	235
Сознанное счастье (Что между многих всегда...).. <i>Гете</i>	200
Солнца, счастья шел искать... (Умирающие). <i>Гейне</i>	366
Солнце близко; на востоке... (На Брокене). <i>Гейне</i>	311
Солнце играло лучами... (Поссейдон). <i>Гейне</i>	319
Сон (Пускай велит судьба...).. <i>Перевод</i>	539
Сон и Дремота (Сон и Дремоту, двух братьев...).. <i>Гете</i>	200
Сон невольника (Истомленный, на рисовой ниве...).. <i>Лонг-</i> <i>фелло</i>	169
Соседка (Тому давно... Я был почти ребенок...)	573
Спишь ли ты моя девица... (Si dormais doncella). <i>Испанская</i> <i>песня</i>	546
Стансы (Жизнь прощай! Мутится ум...).. <i>Томас Гуд</i>	164
Старец Гомер! Тебе доверяю... (Печать с изображением го- ловы Гомера). <i>Шиллер</i>	237
Старик-бродяга (Я стар и хил; здесь у дороги...).. <i>Беранже</i>	499
Старики и молодые (Ты молод, и твой долг— молчанье...).. <i>Гервег</i>	408
Старушка у окошка... (Богомольцы в Кевларе). <i>Гейне</i>	300
Старый скрипач (Мудрецом слышу в селеньи...).. <i>Беранже</i>	453
Статуя (Где вьется гибкий плющ...)	570
Статуя Ниобеи (В камень живую меня...).. <i>Симонид</i>	108
Степня песчаной наш грузный рыдван... (Трое цыган).	
<i>Ленау</i>	399
Стоят от века звезды... <i>Гейне</i>	265
Странник! Не бойся... (Развалины). <i>Уланд</i>	238
Страх пусть прутот железным... (Tribfedern). <i>Шиллер</i>	235
Сумерки (На бледном морском берегу...).. <i>Гейне</i>	314
Сумерки богов (Явился Май, принес и мягкий воздух...).. <i>Гейне</i>	290
Счастлив, кто мирно в пристань вступил... (У пристани).	
<i>Гейне</i>	343
Счастлиное плавание (Туманы редют...).. <i>Гете</i>	196

Счастлив младенец! Ему в колыбели... (Ребенок в колыбели). <i>Шиллер</i>	235
Сядь на коня, на корабль... (Афоризмы). <i>Гете</i>	202
Так прощай, моя радость, прощай... (Прощанье). <i>Уланд</i>	240
Те же все унылые картины	620
Тебя умчит далеко... <i>Гейне</i>	265
Тебя ль я видел в блеске красоты... (Богиня). <i>Беранже</i>	488
Тем—жемчуг, тем — щебень в волнах океана... (Воспоминание). <i>Гейне</i>	367
Темной ночью в двор Вадима... (Вадим)	610
Тень Анакреона. («Мы победили!» молвил юный грек...). <i>Беранже</i>	486
Тень—любовь твоя и ласки... <i>Гейне</i>	350
Тихо с сумраком вечер подкрался... (Признание). <i>Гейне</i>	321
Тишь глубокая над морем... (Морская тишь). <i>Гете</i>	196
Тишь и солнце! Свет горячий... (Морская тишь). <i>Гейне</i>	325
Только до слуха коснется... <i>Гейне</i>	271
Только помыслишь о воле, порой	623
Тому давно... Я был почти ребенок... (Соседка)	573
Тонким слоем земля покрывает зерно... (Земледельцу) <i>Гете</i>	201
Тоска по родине (На наших дубах и березах...). <i>Эйхендорф</i>	247
Тот же сон, что снился прежде!.. <i>Гейне</i>	349
Тошно из уст его слышать... (Конституционист)	622
Трагедия (Беги со мной! Будь мне женой!...) <i>Гейне</i>	352
Трактат о политике для руководства Лизе (О Лиза, милостию бога...). <i>Беранже</i>	444
Triebfedern. (Страх пусть прутom железным...). <i>Шиллер</i>	235
Трое цыган (Степью песчаной наш грузный рыдван...). <i>Ленау</i>	399
Троя (Снится мне твой берег дальний...). <i>Перевод</i>	530
Трубят голубые гусары... <i>Гейне</i>	288
Труден был путь мой... (Перепутье)	598
Трусливый серенький зверек!.. (К полевой мыши, разоренной моим плугом). <i>Борнс</i>	112
Тучней зеленейте... (Осеннее чувство). <i>Гете</i>	195
Тщетно ты веешь, Морфей... (Афоризмы). <i>Гете</i>	202
Ты дерево взростил... (Ученый работник). <i>Шиллер</i>	236
Ты знаешь ли край, где лимонные рощи цветут... (Миньона). <i>Гете</i>	192
Ты, как цветок весенний... <i>Гейне</i>	286
Ты — король, пастух-красавец... (Пастух). <i>Гейне</i>	310
Ты молод, и твой долг — молчанье... (Старики и молодые) <i>Гервег</i>	408
Ты не знаешь, кому тебе верить?.. (Афоризмы). <i>Гете</i>	202
Ты, небесный, ты, святой... (Ночная песня странника). <i>Гете</i>	189

Ты непонятно мне, племя!.. (Наше поколение). <i>Шиллер</i>	236
Ты розою роскошной расцветаешь... <i>Анакреон</i>	104
Тяжелый вечер (Покрыт был облаками...). <i>Ленау</i>	401
Тяжко нависла над морем гроза... (Гроза). <i>Гейне</i>	331
У гробовщика (Горькое дело! Ужасное дело!...). <i>Фрейли- грат</i>	252
У дверей (У двери Богатства я долго стучал...). <i>Рюккерт</i>	245
У двери Богатства я долго стучал... (У дверей). <i>Рюккерт</i>	—
У двери скрипучей	579
У кого есть много, тот... (Порядок вещей). <i>Гейне</i>	365
У меня был коник... <i>Литовская песня</i>	549
У моря, пустынного моря... (Вопросы), <i>Гейне</i>	342
У пристани (Счастлив, кто мирно в пристань вступил...). <i>Гейне</i>	343
У смертного одра (Всю ночь стерегли мы...) <i>Томас Гуд</i>	165
У тебя есть братец в небе!.. (Мать и дитя). <i>Уланд</i>	239
У тебя клеймо на лбу... (Жена каторжного). <i>Барри Корн- валь</i>	123
Убаюкай, родная... (Песня). <i>Фелиция Гименс</i>	122
Убран свежими цветами... (Призыв)	561
Увидал Эрот, что время... <i>Анакреон</i>	104
Увянешь ты, подруга дорогая... (Добрая старушка). <i>Бе- ранже</i>	472
Угроза Эроту (Зевес Эроту грозил...). <i>С древнегреческого</i>	108
Удел человека (Наг на землю пришел я...). <i>Палад</i>	107
Уж Альпы крыла ночь туманом... (Excelsior). <i>Лонгфелло</i>	178
Уж час полночный наступал... (Валтасар). <i>Гейне</i>	262
Узник (Гляжу я в окошко...). <i>Перевод</i>	536
Узник (Царица волн, ты будишь чудным пеньем...) <i>Беранже</i>	491
Умирающие (Солнца, счастья шел искать...). <i>Гейне</i>	366
Умные звезды (Не всякий цветок...). <i>Гейне</i>	369
Утренний привет (Фалатта! Фалатта!...). <i>Гейне</i>	329
Утром раскрыла листки... (Время). <i>Палад</i>	107
Ученый работник (Ты дерево взрастил...). <i>Шиллер</i>	236
Факел возьми Прометеев... (Афоризмы). <i>Гете</i>	203
Фалатта. Фалатта!.. (Утренний привет). <i>Гейне</i>	329
Фатализм (Не борись с судьбой напрасно...). <i>Перевод</i>	529
Фауст. Собор. <i>Гете</i>	223
Феникс (Летит с запада птица...). <i>Гейне</i>	342
Филомела (Видно, Амуром вскормлена...). <i>Гете</i>	201
Фраки, белые жилеты (Пролог. На Гарце). <i>Гейне</i>	303
Хидгер (Неумирающий и вечно юный...). <i>Рюккерт</i>	245
Хилой и некрасивый... (Мое призвание). <i>Беранже</i>	450
Хорошая партия (Она пред налоем стояла...)	572

Хочешь себя изучить... (Ключ). <i>Шиллер</i>	236
Христианское законодательство (Меньше пекись о земном...)	621
Хуан. <i>Барри Корнеаль</i>	136
Художник выставил Венеру на показ.....	564
Художнику (Вырежь на кубке моем...). <i>Перевод</i>	533
Царица волн ты будишь чудным пеньем... (Узник). <i>Беранже</i>	491
Цветок смиренный, полевой! (К срезанной плугом маргаритке). <i>Борнс</i>	114
Цензура (Мы у издателей под игом...). <i>Беранже</i>	435
Часто вас видя и часто вас слушая.....	563
Часто мы друг другу чужды... (Близость). <i>Гете</i>	191
Чем эта женщина могла тебя пленить... <i>Сафо</i>	106
Черные кудри на белой, как мрамор... (Кудри). <i>Перевод</i>	534
Черными ветвями... (Дорога)	557
Четырнадцатое июля (Как память детских дней...). <i>Беранже</i>	496
Что бы просил ты у Зевса... (Мольба). <i>Перевод</i>	534
Что ж, братья паликары... (Военный гимн). <i>Кораис</i>	409
Что за песня, о родная... (Серенада). <i>Уланд</i>	240
Что за странным беспокойством... (Беспокойство)	622
Что между многих всегда... (Сознанное счастье). <i>Гете</i>	200
Что мое—мое... <i>Из Талмуда</i>	94
Что нам весна с соловьями... (Зима)	577
Что не могу в моих стихах... <i>С персидского</i>	94
Что не сокол, я лихой... (Вассал). <i>Перевод</i>	538
Что от врагов ты хочешь скрыть... <i>Ферридеддин Аттар</i>	93
Что ты бледен, паж - ребенок... (Паж). <i>Гюго</i>	515
Чтоб просветить моих собратий... (Смерть Сатаны). <i>Беранже</i>	492
Что бы я был без тебя... (К музе). <i>Шиллер</i>	236
Шелгунову Н. В. (Встала младая из мрака...).....	604
Шелохнулась занавеска... (Обман). <i>Гете</i>	190
Шенье! Твоих стихов... (К стихам А. Шенье).....	562
Школьный учитель. (Ах, повеса, озорник!...). <i>Беранже</i>	439
Шумен, радостен и тесен... (Миг). <i>Шиллер</i>	226
Щекою к щеке ты моей приложись... <i>Гейне</i>	264
Эй вы, соколики... (Песня русского ямщика на чужбине)	588
Экспромпт арестованного лондонского мазурика (С полисменом поневоле...).....	604
Эллада (Как часто я тоскующей душою...)	559
Эпиграмма (Мне твое стихнадается...).....	576
Эпилог (Как на ниве колосья...) <i>Гейне</i>	346
Эта гондола моя кажется тихо-качаемой люлькой... <i>Гете</i>	200

Это не Лизета (В шелку и в кружевах...). Беранже	458
Юдоль плача (Как свишет ветер в эту ночь!...). Гейне	378
Юноша (Ясно надо мною...) Оскар Редвиц	406
Юноша, жаждущий знаний... (Архимед и ученик). Шиллер	235
Юноша поджарый... (Современный гидальго).....	580
Я беса звал, — и он ко мне сейчас явился... Гейне	284
Я внемлю!.. (Дервиш и мышь).....	605
Я глазки у милой моей... Гейне.....	266
Я говорил ей: «Нам надо расстаться...».....	593
Я—дикий виноград; мне автором ты будь... Джелаль-Эддин Руми	89
Я иду по улицам уснувшим... (Расставанье). Кернер	405
Я к белому плечу милой... Гейне.....	287
Я крадусь полем... (Вечерняя песня охотника). Гете	190
Я маркитантка полковая... (Маркитантка). Беранже	473
Я на горах пасу стада... (Горный пастух). Уланд	241
Я не могу быть равнодушен... (Может быть последняя моя песня). Беранже	432
Я не ропщу, хоть в сердце стынет кровь... Гейне	267
Я поджидал поезда в Ковентри... (Годива). Тениссон	180
Я при первой нашей встрече... Гейне	288
Я спел бы вам песню веселую, други	589
Я стар и хил, здесь у дороги... (Старик-бродяга). Беранже	499
Я умер от неги... (Блаженная Смерть). Уланд	237
Явился Май, принес и мягкий воздух...(Сумерки богов). Гейне	290
Ярится буря... (Буря). Гейне	324
Ярко и с треском огонь разгорелся... (Зима)	578
Яркое солнце светило	594
Ясно надо мною... (Юноша). Редвиц	406
Ясным соколом влетел... (Маркел)	585

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

М. Л. Михайлов. <i>Ксилография И. Павлова фронтиспис</i>	
М. Л. Михайлов. <i>С фотографии</i>	14—15
М. Л. Михайлов. <i>С фотографии</i>	22—23
М. Л. Михайлов. <i>С акварели худ. Кондратьева</i>	30—31
Л. П. Шелгунова в молодости. <i>С фотографии</i>	38—39
Н. В. Шелгунов	46—47
М. Л. Михайлова заковывают в кандалы. <i>С современной литографии</i>	70—71
М. Л. Михайлов в Сибирской тюрьме. <i>С современной литографии</i>	76—77
Дом в Кадае, в котором жил М. Л. Михайлов. <i>С фотографии 90-х годов</i>	80—81
Могила М. Л. Михайлова в Кадае. <i>С фотографии 90-х годов</i>	82—83
Страница из альбома Н. В. Гербеля с автографами стихотворений М. Л. Михайлова. <i>Публичная библиотека в Ленинграде им. Салтыкова-Щедрина</i>	96—97
Автограф стихотворения М. Л. Михайлова «Пятеро». <i>ИРЛИ</i>	614—615
Автограф стихотворения М. Л. Михайлова «Праздник весны» <i>ИРЛИ</i> ...	624—625

СОДЕРЖАНИЕ *

От редактора	7
Н. Ашукин. — М. Л. Михайлов. Биографический очерк.	15

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНИЯ

Подражания восточному

Д ж е л а л ь - Э д д и н Р у м и

1. Я — дикий виноград; мне явором ты будь 8 9

С а а д и

2. Капля дождевая пала с тучи в море 90
3. Крепко ударил я заступом в рыхлую землю —

Б г а р т р и г а р и

4. Слеза упоенья —
5. Пусть горит лампада —
6. Как не вижу — только б увидаться 91
7. Лесом шла она; смотрел я —
8. Грудь волнуются; кудри трубчатые —
9. Как тень поутру —
10. Пусть твои благие 92

И з Ш и - К и н г

11. Мой хороший, мой пригожий —

Ф е р и д е д д и н - А т т а р

12. Что от врагов ты хочешь скрыть 93

М е в л а н а - Д ж а м и

13. Кедр, твоей вершины стройной —

И з к о р а н а

14. Из рода в род твой глас идет —

* Звездочкой (*) отмечены стихотворения, печатаемые впервые.

Из талмуда

15. Где сверкает меч..... 94
16. Что мое — мое..... —

С персидского

17. Что не могу в моих стихах —

Из древнегреческих поэтов

Эсхил

18. Скованный Прометей 95

Анакреон

19. Увидал Эрот, что время 104
20. Ты розою роскошной расцветаешь..... —
21. На пиру, за полной чашей..... —
22. Молодая кобылица 105

Сафо

23. Закатилася луна —
24. Горесть и слезы жить не должны..... —
25. Надгробие рыбаку —
26. Чем эта женщина могла тебя пленить 106
27. Принял под мирный свой кров Геродот..... —

Мосх

28. Если зефиры легко пробегают —

Из антологии

Лукиан

29. Боги 107

Паллад

30. Удел человека —
31. Время..... —

Алкей

32. Гезиод —

Симонид

33. Могила Сафо 108
34. Статуя Ниобеи —
35. Надгробие спартанцам в Фермопилах —

Неизвестные

36. Молитва —
37. Могила Ахиллеса —
38. Угроза Эроту —

Из английских поэтов

С п е н с е р

39.	Раздумье	109
-----	----------------	-----

М а р л о

40.	Из Фауста.....	—
-----	----------------	---

Б о р н с

41.	Джону Андерсону	111
42.	К полевой мыши, разоренной моим плугом.....	112
43.	К срезанной плугом маргаритке.....	114
44.	Пахарь	115
45.	Джон Ячменное зерно	116
46.	Злая судьба.....	118

Т о м а с М у р

47.	Мир вам!.....	—
-----	---------------	---

Б а й р о н

48.	Из поэмы «Чайльд-Гарольд». Прости.....	119
49.	Подражание португальскому.....	121

Ф е л и ц и я Г и м е н с

50.	Песня.....	122
51.	Все, что вольно, снится мне.....	—

Б а р р и К о р н в а л ь

52.	Жена каторжного.....	123
53.	Лодовико Сфорца.....	124
54.	Хуан.....	136
55.	Разбитое сердце.....	150

Т о м а с Г у д

56.	Стансы	164
57.	У смертного одра.....	165
58.	Изгнание.....	—
59.	Песня о рубашке	166

Г е н р и Л о н г ф е л л о

П е с н и о н е в о л ь н и ч е с т в е :

60.	Вильяму Чаннингу.....	169
61.	Сон невольника	—
62.	Благая часть, яже не отыметя.....	171
63.	Невольник в Проклятом болоте.....	172
64.	Пение невольника в полночь.....	173

65. Свидетели	174
66. Кватронка	175
67. Предостережение.....	177
68. Excelsior.....	178

Чарльз Лемб

69. Былые знакомые лица	—
-------------------------------	---

Эбензер Эллиот

70. Надгробие поэта.....	179
--------------------------	-----

Альфред Теннисон

71. Годива	180
------------------	-----

Из немецких поэтов

Шубарт

72. Вечный жид.....	184
---------------------	-----

Гёте

73. Новая любовь — новая жизнь.....	188
74. Первая потеря.....	—
75. Близость милого	189
76. Ночная песня странника.....	—
77. Обман.....	190
78. Вечерняя песня охотника.....	—
79. Близость.....	191
80. Блаженство грусти	—
81. Песня Клары.....	—
82. Миньона.....	192
83. Перед судом.....	—
84. Пряжа.....	193
85. Границы человечества.....	194
86. Осеннее чувство.....	195
87. Морская тишь.....	196
88. Счастливое плавание.....	—
89. Свиданье и разлука.....	197
90. Порою мнится мне: на голове моей.....	198
91. Могила Анакреона.....	—
92. Китаец в Риме.....	199
93. Жизнь украсил язычниксвой саркофаги.....	—
94. Избранный утес.....	—
95. Мидас.....	200
96. Эта гондола моя кажется тихо-качаемой люлькой	—
97. Сознанное счастье.....	—
98. Сон и Дремота.....	—

99.	Напоминание.....	201
100.	Земледельцу.....	—
101.	Сладкие заботы	—
102.	Филомела.....	—
103.	Благодать	—
104.	Неравный брак.....	202
105.	Новый Амур.....	—
106.	Афоризмы.....	—
107.	Прометей.....	203
108.	Фауст.....	223

Ш и л л е р

109.	Беспредельность.....	225
110.	Миг.....	226
111.	Дифирамб.....	227
112.	Прощание Гектора.....	228
113.	Надовесская похоронная песня.....	229
114.	Истукан Изиды	231
115.	Колумб.....	233
116.	Одиссей.....	—
117.	Нения.....	234
118.	Илиада	—
119.	Сеятель.....	—
120.	Согласие.....	—
121.	Архимед и ученик.....	235
122.	Ожидание и исполнение.....	—
123.	Данаиды.....	—
124.	Друг и враг.....	—
125.	Ребенок в колыбели.....	—
126.	Triebfedern.....	—
127.	Лжеученые.....	236
128.	Ученый работник.....	—
129.	Общая участь.....	—
130.	К музе.....	—
131.	Ключ.....	—
132.	Наше поколение.....	—
133.	Благо и величие.....	—
134.	Великий миг.....	237
135.	Натуралисты и трансцендентальные философы	—
136.	Долг каждого	—
137.	Милость муз	—
138.	Печать с изображением головы Гомера.....	—

У л а н д

139.	Блаженная Смерть	—
140.	Пастушья песня	238
141.	Развалины.....	—

142. Король на башне	239
143. Мать и дитя.....	—
144. Серенада.....	240
145. Весенний покой	—
146. Прощанье.....	—
147. Ночью	241
148. Горный пастух.....	—
149. Добрый товарищ.....	242

А в г у с т К о п и ш

150. Серенада близ Везувия.....	—
151. История о Ное.....	243

Р ю к к е р т

152. Похороны.....	244
153. У дверей.....	245
154. Хидгер	—

Э й х е н д о р ф

155. Тоска по родине.....	247
---------------------------	-----

К а р л Т а н н е р

156. Говор волн.....	248
----------------------	-----

Ш а м и с с о

157. На мельнице	—
158. Зима	251

Ф р е й л и г р а т

159. У гробовщика.....	252
------------------------	-----

Г е й н е

И з « К н и г и п е с е н »

160. Пролог.....	253
------------------	-----

161—163. Грезы

161. Мне снились страстные восторги и страдания	254
162. Зловещий грезился мне сон	255
163. Ночь могилы тяготела	258

164—165. Песни и думы

164. Дай ручку мне	259
165. С толпой безумною не стану.....	260

166—168. Романсы

166. Гренадеры	260
167. Гонец.....	262
168. Вальтасар	—

169—226. Лирическое интермеццо

169. Из слез моих много, малютка.....	264
170. Когда гляжу тебе в глаза.....	—
171. Щекою к щеке ты моей приложись.....	—
172. Стоят от века звезды.....	265
173. Тебя умчит далеко	—
174. Опустясь головкой сонной.....	266
175. Я глазки у милой моей.....	—
176. Дитя мое, свет глуп и слеп.....	267
177. Как из пены волн рожденная.....	—
178. Я не ропщу, хоть в сердце стынет кровь.....	—
179. Несчастлива ты, —и ропот мой молчит.....	268
180. Свадебной радости полны.....	—
181. Когда бы цветы то узнали.....	—
182. Отчего это, милая, розы в цвету	269
183. Когда-то друг друга любили мы страстно	—
184. И розы на щечках у милой моей.....	270
185. На северном голом утесе.....	—
186. Как пришлось с тобой расстаться.....	—
187. Порою картины былого.....	271
188. Только до слуха коснется	—
189. Сердце мое терзали.....	272
190. Лето жаркое алеет	—
191. Как расстанутся двое	—
192. Полны мои песни.....	273
193. Во сне неутешно я плакал.....	—
194. Падает звездочка с неба	—
195. Полночь немая была холодна	274
196. Самоубийц хоронят	—

197—230. Опять на родине.

197. Как-то раз в потемках жизни.....	275
198. Непонятной тоской	—
199. Не радует вешнее солнце.....	276
200. Печален по роще брожу	277
201. Случайно со мной повстречалась.....	—
202. Привяжи, душа-рыбачка.....	278
203. Вихорь смерчи водяные	—
204. Буря поет плясовую	279
205. Заря золотая погасла	—

206.	Безбрежное море кругом.....	280
207.	На дальнем небосклоне.....	281
208.	В роще я прилег под те березы.....	—
209.	Объятый туманными снами.....	282
210.	О, я несчастный Атлас	—
211.	Идет за племенем племя.....	—
212.	Сквозь облака месяц осенний	283
213.	Снежная изморозь, ветер.....	284
214.	Я беса звал	—
215.	Как сквозь облачного дыма	285
216.	Полно, сердце, что с тобою	286
217.	Ты, как цветок весенний.....	—
218.	Лежу ли бессонною ночью.....	—
219.	Пусть на землю снег валится	287
220.	На бледном лице ты моем	—
221.	Я к белому плечу милой.....	—
222.	Трубят голубые гусары.....	288
223.	Я при первой нашей встрече	—
224.	Ночной туман скрывает путь далекий.....	—
225.	Смерть — прохладной ночи тень.....	289
226.	В лодке я легкой катался.....	—
227.	Сумерки богов.....	290
228.	Ратклиф	292
229.	Альманзор	296
230.	Богомольцы в Кевларе.....	300

231—235. На Гарце

231.	Пролог	303
232.	Горная идиллия	—
233.	Пастух.....	310
234.	На Брокене	311
235.	Ильза.....	312

236—256. Северное море

Часть первая

236.	Коронование	313
237.	Сумерки.....	314
238.	Закат солнца.....	315
239.	Ночь на берегу	317
240.	Поссейдон.....	319
241.	Признание.....	321
242.	Ночью в каюте	322
243.	Буря.....	324
244.	Морская тишь.....	325
245.	Морской призрак.....	326
246.	Очищение	329

Часть вторая

247. Утренний привет.....	329
248. Гроза.....	331
249. Крушение.....	332
250. На закате.....	334
251. Песнь Океанид.....	335
252. Боги Греции.....	339
253. Вопросы.....	342
254. Феникс.....	—
255. У пристани.....	343
256. Эпилог	346

Н о в ы е с т и х о т в о р е н и я

257—264. Новая весна

257. Липа вся под снежным пухом.....	—
258. Снова роща зеленеет	347
259. Дождялся я светлого мая.....	—
260. Глазки весны голубые.....	348
261. Как трепещет, отражаясь	—
262. Священный союз заключили.....	349
263. Скажи мне, кто вздумал часы изобрести.....	—
264. Тот же сон, что снился прежде.....	—

265—270. Разные

265. Тень — любовь твоя и ласки	350
266. Корабль мой на черных плывет парусах.....	—
267. Все море, братья, в час заката	351
268. На чужбине.....	—
269. И я когда-то знал край родимый.....	—
270. Трагедия.....	352

271—274. Романсы и баллады

271. Женщина.....	353
272. Рыцарь Олаф.....	—
273. Оставь меня.....	356
274. Гаральд Гарфагар.....	357

Современные стихотворения

275. Ночные мысли.....	358
------------------------	-----

Р о м а н ц е р о

276. Гастингское поле	359
277. Король Ричард.....	363
278. Асра	364

279—280. *На смертном одре*

279. Радость и горе.....	364
*280. Порядок вещей.....	365

281—291. *Книга Лазаря*

281. Оглядка на прошлое	—
282. Умиравшие.....	366
*283. Оборванцы.....	367
*284. Воспоминание.....	—
*285. Несовершенство	368
*286. Благочестивое предостережение	369
287. Умные звезды.....	—
288. Брось свои иносказанья.....	370
289. Остывший.....	—
290. Заставь горячими клещами.....	371
291. Морфины.....	372

292—298. *Последние стихотворения*

292. Снилось мне девушка.....	—
293. В мае.....	373
294. Скорбь вавилонская	374
295. Афронтенбург.....	375
296. <i>Enfant perdu</i>	377
*297. Юдоль плача.....	378
298. Вицли-Пуцли.....	379

Гофман из Фаллерслебена

*299. Из Овидиевых Превращений.....	398
-------------------------------------	-----

Ленау

300. Трое цыган.....	399
301. Совет и желание	400
302. Тяжелый вечер.....	401

Мориц Гартман

303. Белое покрывало	—
304. Два корабля.....	404

Юстин Кернер

305. В долине мрачной я.....	—
306. Расставанье.....	405

Оскар Редвиц

307. Юноша.....	406
-----------------	-----

Б о д е н ш т е д т	
П е с н и М и р з ы - Ш а ф ф и	
308. Мирза-Шаффи! пчелой прилежной.....	406
309. Распахни покрывало!.....	407
А р н о л ь д Р у г е	
*310. Свобода слова	—
*311. Свобода печати.....	—
Г е р в е г	
312. Старики и молодые.....	408
Из новогреческих поэтов	
А д а м а н т и й К о р а и с	
313. Военный гимн.....	409
А л е к с а н д р И п с и л а н т и	
314. Птичка-изгнанница.....	414
Из французских поэтов	
Л а м а р т и н	
315. Бабочки.....	416
К а з и м и р Д е л а в и н ь	
316. Нанна.....	—
М и л ь в у а	
317. Возвращение.....	418
А н д р е Ш е н ь е	
318. Близ Верекинфа раз Сатир нашел, гуляя.....	—
319. Мой стих умеет все так живо рисовать.....	419
Б е р а н ж е	
*320. Король Ивето.....	—
*321. Сенатор.....	421
322. Веселая голова.....	423
*323. Бабушка.....	425
*324. Слепая мать.....	427
*325. Славный малый	429
326. Бедняки.....	430
327. Может быть последняя моя песня.....	432

328.	День поминок	434
*329.	Цензура	435
*330.	Новый Диоген	436
331.	Школьный учитель	439
*332.	Кошка	441
*333.	Наш священник	442
*334.	Трактат о политике для руководства Лизе.....	444
*335.	Мнение этих девиц.....	445
336.	Придворный кафтан.....	447
337.	Конец политике	449
338.	Мое призвание	450
339.	Простолюдин.....	451
340.	Старый скрипач.....	453
341.	Птицы.....	454
*342.	Две сестры милосердия.....	455
*343.	Это не Лизета.....	458
344.	Зима.....	460
*345.	Маркиз Караба.....	461
*346.	Моя республика.....	463
347.	Паяц.....	465
*348.	Моя душа	466
*349.	Варварийский священный союз.....	468
*350.	Мой уголок.....	469
*351.	Независимый.....	471
352.	Добрая старушка	472
*353.	Маркизантка	473
354.	Изгнанник.....	476
355.	Природа.....	478
356.	Гроза.....	479
*357.	Навуходоносор.....	482
358.	Прощанье с полями.....	483
*359.	Свобода.....	485
360.	Тень Анакреона.....	486
361.	Богиня.....	488
362.	Ласточки.....	489
363.	Узник.....	491
*364.	Смерть Сатаны	492
*365.	Негры и куклы.....	494
366.	Камин в тюрьме.....	495
*367.	Четырнадцатое июля.....	496
368.	Рыжая Жанна.....	498
369.	Старик-бродяга.....	499
370.	Оранг-утанги.....	501
*371.	Безумцы.....	502
372.	Конец стихам	504
373.	Муравьи	504
374.	Апостол.....	506

375. Прощание	508
376. Залоги.....	509

В и к т о р Г ю г о

377. О, подойди ко мне!..	513
378. Могила розе говорит.....	514
379. Как в водах глубоких	—
380. Вакханка.....	515
381. Паж.....	—

Т е о ф и л ь Г о т ь е

382. Бегство.....	516
-------------------	-----

Из венгерских поэтов

П е т е ф и

383. Проснувшись, плачет дитя больное	519
384. В кабаке	—

Славянские поэты

Ш е в ч е н к о

385. Иван Подкова	521
386. К Основьяненке	523
*387. Завещание	526

К р а с и н с к и й

388. Жизнь	527
------------------	-----

Неизвестные авторы

389. Анакреон	528
390. Фатализм	529
391. Троя	530
392. Зов	531
393. Зимний вечер	—
394. Художнику	533
395. Дриада.....	—
396. Змеенок матери сказал	534
397. Кудри.....	—
398. В косы зачем заплетала ты кудри густые, Дорида	—
399. Мольба.....	—
400. Изгнанник.....	—
401. Узник	536
402. Могила.....	—
403. Вассал	538
404. Подражание английскому	539

405. Сон.....	539
406. Аррия.....	540

Народные песни

Шотландские баллады

407. Два ворона.....	541
408. Вилли и Маргарита.....	542

Испанская песня

409. Si dormis doncella.....	546
------------------------------	-----

Новогреческие песни

410. Молодой монах.....	547
411. Как в ночи мы целовались	—

Литовские песни

412. Как в лес меня послали	548
413. Ворон	—
414. Пирушка	549
415. У меня был коник	—

Сербские песни

416. Девушка у моря сидела	550
417. Будь у меня, Лазо	551
418. Арапская царевна	—

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1845

419. Ее он безмолвно, но страстно любил	557
420. Дорога	—

1846

421. Желание	558
--------------------	-----

1847

422. Муза	559
423. Эллада	—
424. Дума	560
425. Вдохновение	—
426. Бывают дни, — и дней таких немало	561
427. Призыв	—
428. Был я младенцем невинным	562
429. К стихам А. Шенье	—

430.	Помню я рощу зеленую.....	562
431.	Часто вас видя и часто вас слушая.....	563
432.	Есть слова.....	—
433.	Художник выставил Венеру на показ.....	564
434.	Надя.....	—
435.	Весною пред пышною розой.....	566
436.	Охотник.....	—
437.	Если б я вас снова встретил.....	568
438.	Еще в школе он был.....	569
439.	Много звезд блестящих.....	570
440.	Словно смеется гладь моря.....	—
441.	Статуя.....	—
442.	Груня.....	571
443.	Няня.....	572
444.	Хорошая партия.....	—
445.	Соседка.....	573
446.	Малютка.....	574
447.	Люблю я на тебе мои покоить взоры.....	575
448.	Акация цветы душистые роняет.....	—
449.	Путник.....	576
450.	Эпиграмма.....	—
451.	Кольцов.....	—

1848

452.	Зима.....	577
453.	В пути.....	578
454.	У двери скрипучей.....	579
455.	Современный гидальго.....	580
456.	Встреча.....	581
457.	Смех.....	582
458.	Наяда.....	583
459.	Жатва.....	—
460.	Встреча.....	—
461.	Маркел.....	585
462.	Горе.....	587
463.	Песня русского ямщика на чужбине.....	588
464.	Я спел бы вам песню веселую, други.....	589
465.	Рассудка голосу не внемля.....	590
466.	В улице далекой.....	591
467.	Мне жаль тебя.....	592
468.	Бывало, в беседке.....	—
469.	Весна.....	—

1849

470.	В минуту ль светлого сознания.....	593
471.	Я говорил ей: «Нам надо расстаться...».....	—
472.	Случалось ли вам когда вечером.....	594

473. Ярко солнце светило	594
474. Облака.....	595
475. Опять в ночной тиши напрасно сон зову я.....	596

1851

476. Простая история.....	—
477. Надежде Васильевне Самойловой	597

1853

478. Когда пройдут искуса годы	—
479. Как храм без жертв и без богов	598

1856

480. Перепутье	—
----------------------	---

1857

481. На пути	599
482. Говорят—весна пришла	—
483. Зарею обновления.....	600
484. Долиной пыльной шли мы рядом.....	—
485. Я. П. Полонскому.....	603

1859

486. Где консьержа вечно плещет	—
487. Н. В. Шелгунову	604

1860

488. Экспромт арестованного лондонского мазурика	—
489. Дервиш и мышь	605

1860—1861

*490. Апостол Андрей.....	—
*491. Гипербореи.....	609
*492. Вадим.....	610
*493. Пятеро.....	614
*494. Деспоту	615
495. Памяти Добролюбова	—

1861

496. Крепко, дружно вас в объятья	617
497. Смело, друзья! Не теряйте	—
498. Если лет бесстрастный холод.....	618
499. Вечером душным, под черными тучами нас похоронят....	619
500. Как долгой ночью ждет утра	—
*501. Те же все унылыекартины	620
*502. О, сердце скорбное народа!	—
*503. Взыскание	621

*504. Бороды.....	621
*505. Христианское законодательство.....	—
*506. Полицейская гуманность.....	622
*507. Конституционист.....	—
*508. Недоразумение.....	—
*509. Преданность.....	—
*510. Беспокойство	—
*511. Dies irae.....	623
512. Зимние вьюги завывали	—
513. Только помыслишь о воле, порой.....	—
514. Послание узника.....	624
*515. Новые голоса.....	625
*516. Праздник весны. Наше небо холодное	—
517. Вышел срок тюремный.....	627
*518. Всегда, везде ты, друг, со мной.....	628
*519. Ведь только строчка лишь одна.....	—
*520. Вечерний ветер встал и по ущельям стонет.....	—
*521. Грусть ко мне в сердце назойливей просится	629
*522. К польке-матери.....	—
*523. Минуты горького сомненья.....	630
*524. И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье.....	631
*525. Знаю, что ты память.....	633
*526. Горя, шуму и досады.....	—
*527. Идут года, но все сильнее любовь.....	634
*528. Снова дней весенних.....	—
*529. Вам смешно, что часто.....	—

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихотворения посвященные М. Л. Михайлову

<i>Н. Огарев</i> . Михайлову.....	639
<i>И. А. Рождественский</i> . Узнику.....	641
<i>Я. Лавров</i> . Послание М. Л. Михайлову.....	642
14 декабря 1861 г. Памяти Михайлова.....	643

КОММЕНТАРИИ

<i>Я. Ашукин</i> . Из истории издания сочинений М. Л. Михайлова	647
П р и м е ч а н и я	
Переводы и подражания.....	659
Оригинальные стихотворения.....	736
Приложение.....	753
Словарь собственных имен и слов, трудных для понимания	755
Алфавитный указатель стихотворений.....	776
Перечень иллюстраций	799

НЕОБХОДИМЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Стран.:</i>	<i>Стр.:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
27	14 сверху	сначался	сначала
95	11 »	Вочью	Воочью
132	16 снизу.	Садятся за стол	Тем лучше
132	15 »	Тем лучше	Садятся за стол
303	14сверху	И дышать	И дышат
358	1 »	Случайные стихо- творения	Современные сти- хотворения
513	14 »	I	377
513	15 »	377	I
578	17 »	Вчером	Вечером
739	20 снизу	стих 19:	стих 9:

На странице 346 над 6-й строкой снизу пропущен заголовок:
Н о в ы е с т и х о т в о р е н и я .

*Редактор А. Н. Тихонов.
Художественная редакция
М. П. Сокольников.
Технич. редактор Г. Л. Гилес.*

*Сдана в набор 15 - I - 34.
Подписана к печати 4 - IX - 34.
Вышла в свет XI - 34.
Индекс А - О. Издат. № 130.
Уполном. Главлита № Б-37894.
Тираж 5300. Бум. 82X111 в ¹/₃₂.
Авт. листов 47,75. Бумажных
литов 12,81 по 110000 тип. зн.
Заказ № 1542.*

*Отпечатано во 2-й типогра-
фии «Печатный Двор» треста
«Полиграфкнига», Ленинград,
Гатчинская, 26.*

Цена Р. 13. —

Переплет Р. 2.—